Сборник

Космическая чума

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Сборник
фантастических произведений

КОСМИЧЕСКАЯ ЧУМА

Перевод с английского

«ЭЯ»
КИШИНЕВ
1993

УДК 820 (082.21)
К 71

Составитель *В. П. КИРЧЕВ*

К 71 **Космическая чума:** Сб. фантаст. произведений: Пер. с англ. Сост. В. П. Кирчев. —К. «ЭЯ», 1993.—544 с. «Зарубеж. фантастика», вып. 28).

ISBN № 5—86892—156—9

Какие формы принимает жизнь на других планетах, в других звездных системах? Какой будет наша встреча с иными существами? Будут ли это инопланетяне? Или, может быть, мутанты, живущие рядом с нами, но совсем на нас не похожие?

В этом сборнике собраны лучшие рассказы зарубежных писателей-фантастов, в которых они пытаются, каждый по-своему, ответить на эти вопросы.

ISBN 5 86892—156—9

© Составитель В. П. Кирчев, 1993
© Художник О. Полищук, 1993

Рэй Брэдбери

КУКОЛКА

Рокуэллу не нравилось, как пахло в комнате. Его не столько раздражал запах пива, исходящий от Макгвайра, или запах усталого, немытого тела Хартли, сколько специфический запах насекомого, исходящий от лежащего на столе обнаженного одеревеневшего тела Смита, покрытого зеленой кожей. Еще пахло смазкой от непонятного механизма, мерцающего в углу небольшой комнаты.

Человек Смит был трупом. Рокуэлл раздраженно поднялся со своего стула и сложил стетоскоп.

— Мне надо вернуться в госпиталь. Срочные дела. Ты же понимаешь, Хартли. Смит мертв уже восемь часов. Если тебе нужна дальнейшая информация, назначь посмертную...— Он остановился, поскольку Хартли поднял дрожащую костлявую руку. Хартли указал на труп, каждый дюйм которого был покрыт хрупкой твердой коркой зеленого цвета.

— Послушай еще, Рокуэлл. Последний раз. Пожалуйста.

Рокуэлл хотел возразить, но вместо этого вздохнул, сел и приложил стетоскоп к телу. Приходится обращаться вежливо со своими коллегами — врачами. Садишься, прижимаешь стетоскоп к холодной зеленой плоти, притворяясь, что слушаешь...

Маленькая, плохо освещенная комната как будто взорвалась. Взорвалась в одном холодном зеленом движении. Оно ударило по ушам Рокуэлла, как тысяча кулаков. Оно потрясло его. Он увидел, как его пальцы дернулись над лежащим трупом.

Он услышал пульс.

Глубоко в потемневшем теле стукнуло сердце. Оно прозвучало, как эхо в морских глубинах.

Смит был мертв, неподвижен, мумифицирован. Но в самой середине этой безжизненности жило его сердце. Жило, ворочаясь, как маленький, не родившийся еще ребенок!

Сильные пальцы Рокуэлла, пальцы хирурга, снова вздрогнули. Он наклонил голову. Рокуэлл был темноволос с проблесками седины. Приятное, с правильными чертами лицо тридцатипятилетнего мужчины. Он слушал еще и еще. По его щекам струился холодный пот. Это было невероятно.

Одно сердцебиение каждые тридцать пять секунд. И дыхание. В это нельзя было поверить, но тем не менее один вздох каждые четыре минуты. Слабое движение грудной клетки. Температура тела? 60° F.

Хартли неприятно рассмеялся.

— Он жив. Да, он жив. Ему почти удалось меня одурачить несколько раз. Я сделал укол адреналина, чтобы ускорить этот пульс, но безуспешно. Он в таком состоянии уже двенадцать недель. И я не мог больше держать это в секрете. Вот почему я позвонил тебе, Рокуэлл. Это противоестественно.

Невозможность происходящего привела Рокуэлла в невероятное возбуждение. Он попробовал поднять веки Смита и не смог, они были оплетены кожистыми чешуйками так же, как и рот и ноздри. Смит не мог дышать.

— И все же он дышит.— Голос Рокуэлла был неживым. Он рассеянно уронил стетоскоп, поднял его и посмотрел на свои трясущиеся руки.

Хартли, высокий, изнуренный, нервный, склонился над столом.

— Смит не хотел, чтобы я тебя звал. Я все равно позвал. Смит предупреждал меня не делать этого. Всего час назад.

Глаза Рокуэлла расширились.

— Как он мог предупреждать тебя? Он же не может двигаться.

Лицо Хартли, с тяжелым подбородком, обострившееся, с прищуренными серыми глазами, нервно передернулось.

— Смит думает. Я знаю его мысли. Он боится, что ты расскажешь о нем всему миру. Он ненавидит меня. Почему? Я хочу убить его, вот почему. Вот.— Хартли, как слепой, нащупал блеснувший голубой сталью револьвер в своем измятом, запятнанном пальто.

— Мэрфи! Возьми его. Возьми, пока я не разрядил его в это дурацкое тело!

Мэрфи отшатнулся с выражением испуга на своем толстом красном лице.

— Не люблю оружие. Лучше ты возьми его, Рокуэлл!

Рокуэлл проговорил, как будто резанул скальпелем:

— Убери револьвер, Хартли. Три месяца лечения одного пациента довели тебя до психологического перенапряжения. Тебе просто следует выспаться.

Он облизал пересохшие губы.

— Чем был болен Смит?

Хартли покачнулся. Его губы медленно выговаривали слова. Рокуэлл расслышал, как Хартли, почти засыпая на ногах от усталости, с трудом проговорил:

— Он не был болен. Не знаю, в чем дело, но он меня раздражает, как ребенка раздражает рождение нового брата или сестры. С ним что-то не то. Помоги мне, прошу тебя.

— Конечно, — улыбнулся Рокуэлл.— Мой пустынный санаторий как раз подходящее место, чтобы как следует его обследовать. Еще бы, Смит — самый невероятный феномен в истории медицины. Тела просто не ведут себя таким образом.

Он не смог продолжить. Хартли направил револьвер точно в живот Рокуэлла.

— Подожди. Подожди. Ты не собираешься похоронить Смита? Я думал, ты поможешь мне. Смит болен. Я хочу убить его! Он опасен! Я знаю это!

Рокуэлл моргнул. Хартли явно дошел до психоневроза. Не соображал, что говорит. Рокуэлл расправил плечи, чувствуя внутри холодок и спокойствие.

— Застрели Смита, и я обвиню тебя в убийстве. Ты просто переутомился и душевно и физически. Убери револьвер.

Они молча смотрели друг на друга. Рокуэлл спокойно шагнул вперед и, похлопав Хартли понимающе по плечу, взял револьвер и отдал его Мэрфи, который смотрел на оружие, как будто оно его укусит.

— Позвони в госпиталь, Мэрфи. Я беру неделю отгула. Может быть, больше. Скажи им, что я провожу исследования в санатории.

Мэрфи нахмурился.

— Что мне делать с этим револьвером?

Хартли плотно сжал зубы.

— Держи его при себе. Тебе захочется им воспользоваться. Позже.

Рокуэллу хотелось закричать на весь мир, что он является единственным обладателем самого невероятного человеческого существа в истории. Комната в пустынном санатории, в которой на столе безмолвно лежал Смит, была наполнена солнечным светом; его красивое лицо застыло, превратившись в зеленую бесстрастную маску.

Рокуэлл тихо вошел в комнату. Он прикоснулся стетоскопом к зеленой груди. Инструмент заскрипел, производя звук металла, разрезающего жесткие надкрылья жука.

Макгвайр стоял рядом, глядя с подозрением на тело и источая запах нескольких недавно выпитых кружек пива.

Рокуэлл внимательно слушал.

— Перевозка в машине «Скорой помощи», должно быть, растрясла его. Нет смысла пробовать...

Рокуэлл вскрикнул. Тяжело и неуклюже Макгвайр придвинулся к нему.

— В чем дело?

— В чем? — глаза Рокуэлла отражали отчаяние. Он сжал руку в кулак.— Смит умирает!

— Откуда ты знаешь? Хартли говорил, что Смит притворяется. Он снова обманул тебя...

— Нет! — Рокуэлл неистово работал над телом, вводя лекарства и ругаясь во весь голос. Любые лекарства. Все лекарства. После всего, что произошло, невозможно было потерять Смита.

Нет, только не сейчас.

Трясясь, дребезжа, поворачиваясь глубоко внутри, тело Смита издавало звуки, напоминающие слышимые издалека взрывы начинающегося извержения вулкана.

Рокуэлл пытался сохранять спокойствие. Болезнь Смита

заключалась в нем самом. Обычное лечение на него не действовало. Что же теперь? Что?

Рокуэлл смотрел перед собой. Солнечный свет блестел на твердой чешуе Смита. Горячий солнечный свет. Солнце. Пока Рокуэлл наблюдал, набежали тучи и заслонили солнце. В комнате стемнело. Тело Смита вздрогнуло и погрузилось в тишину. Вулканический прилив прекратился.

— Макгвайр! Опусти шторы! Быстрее, пока солнце не вернулось!

Макгвайр повиновался. Сердцебиение Смита замедлилось и снова стало вялым и редким.

— Солнечный свет вреден Смиту. Он что-то нарушает. Я не знаю, что или почему, но он вреден.— Рокуэлл расслабился.— Господи, мне бы не хотелось терять Смита. Ни за что! Он не такой, как все, существующий по своим законам, делающий то, что люди никогда не делали. Знаешь что, Мэрфи?

— Что?

— Смит не в агонии. И он не умирает. Ему не было бы лучше быть мертвым, неважно, что говорит по этому поводу Хартли. Прошлой ночью, когда я устраивал Смита на носилках, готовя его к перевозке в санаторий, я неожиданно осознал, что Смит любит меня.

— Ха! Сначала Хартли, теперь ты. Смит, что... сам сказал тебе это?

— Он не говорил мне. Но он не без сознания под всей этой твердой кожей. Он сознает. Да, именно, он сознает.

— Просто и ясно — он окаменевает. Он умрет. Он не питался уже несколько недель. Так сказал Хартли. Хартли питал его внутривенными вливаниями, пока кожа не стала настолько жесткой, что игла не могла ее проколоть.

Дверь медленно, с жалобным скрипом отворилась. Рокуэлл вздрогнул. На пороге стоял Хартли. Его острое лицо было не таким напряженным после нескольких часов сна, но серые глаза по-прежнему смотрели враждебно и с горечью.

— Если вы уйдете из комнаты, — сказал он спокойным голосом, — я уничтожу Смита за несколько секунд. Ну?!

— Не двигайся с места, — чувствуя нарастающее раздражение, Рокуэлл подошел к Хартли.— В каждый твой приход тебя придется обыскивать. Честно говоря, я не доверяю тебе.— Оружия не оказалось.

— Почему ты мне ничего не сказал о солнечном свете?

— Что? — медленно произнес Хартли.— О да. Я забыл. Я пытался передвинуть Смита несколько недель назад. Солнечный свет упал на него, и он начал на самом деле умирать. Естественно, больше я его не трогал. Похоже, что Смит смутно сознавал, что его ожидает. Может быть, даже планировал, я не уверен. Когда он еще мог говорить и жадно все поедать, до того, как его тело полностью затвердело, он предупреждал меня не двигать его в течение двенадцати недель. Говорил, что не любит солнце. Говорил, что это все испортит. Я думал, что он шутит. Оказалось,

нет. Он ел, как животное, голодное, дикое животное, впал в коматозное состояние, и вот вам результат.— Хартли тихо выругался.— Я скорее рассчитывал, что вы продержите его на солнце достаточно долго, чтобы нечаянно его убить.

Макгвайр с трудом передвинул свои двести пятьдесят фунтов.

— Послушай, а что, если мы подцепим от Смита эту болезнь?

Хартли взглянул на тело, его зрачки сузились.

— Смит не болен. Неужели вы не замечаете вырождение? Это как рак. Вы не заражаетесь им, вы наследуете тенденцию. Я начал бояться и ненавидеть Смита только неделю назад, когда обнаружил, что он существует, дышит и процветает с запечатанным ртом и ноздрями. Этого не может быть. Этого не должно быть.

Макгвайр проговорил с дрожью в голосе:

— Что, если ты и я, и Рокуэлл — все станем зелеными и чума охватит всю страну, что тогда?

— Тогда, — ответил Рокуэлл,—если я не ошибаюсь, что вполне возможно, я умру. Но это ни в малейшей степени меня не волнует.

Он повернулся к Смиту и продолжил свою работу.

Колокол. Еще колокол. Два колокола, два колокола. Дюжина колоколов, сто колоколов. Десять тысяч и миллион лязгающих, стучащих, грохочущих металлом колоколов. Родившиеся мгновенно и одновременно в тишине, вопящие, визжащие, ранящие, бьющие по ушам отголоски! Звенящие, поющие громкими и тихими, низкими и высокими голосами.

Из-за всего этого колокольного звона Смит не мог сразу сообразить, где он находится. Он знал, что не может смотреть, потому что его веки были плотно прижаты; знал, что не может говорить, потому что его губы срослись. Его уши были тесно зажаты, но тем не менее колокола колотили вовсю.

Он не мог видеть, хотя нет, он мог, мог, и это было как будто внутри маленькой темной красной пещеры, как если бы его глаза были повернуты внутрь его головы.

Затем Смит попробовал пошевелить языком, и неожиданно, пытаясь вскрикнуть, он осознал, что у него пропал язык. Нет языка. Странно. Почему? Смит попытался остановить колокола. Они утихли, наградив его тишиной, окутавшей его холодным одеялом. Что-то происходило. Определенно происходило. Смит попытался шевельнуть пальцем, но он ему не повиновался. Руки, ноги, голова, туловище — ничто не двигалось. Секундой позже пришло ужасное открытие, что он больше не дышит, по крайней мере при помощи легких.

— Потому что у меня нет легких! — вскрикнул он, но вскрикнул внутренне, про себя, и крик этот обволокло темным, красным потоком, который поглотил, растворил в себе и унес этот крик, принеся Смиту облегчение и спокойствие.

«Я не боюсь, — думал он.— Я осознал это и не понимаю почему. Я понимаю, что мне не страшно, но не знаю причины этого.

Без языка, без носа, без легких. Но, наверное, позже они появятся. Да, конечно, появятся. Ведь что-то происходит».

Через поры его отвердевшего тела проникал воздух, пропитывая, как дождь, каждую часть его тела, вдыхая в него жизнь. Дыхание через миллионы жаберных пластинок, вдыхание кислорода, азота, водорода и двуокиси углерода и усвоение всего этого. Удивительно. Билось ли еще его сердце?

О да, оно билось. Медленно, медленно, медленно. Неясный красный шорох, поток, река, вздымающаяся вокруг него, медленно, медленнее, еще медленнее. Как хорошо! Как легко!

Дни слагались в недели, и картина становилась яснее. Помогал Макгвайр. Отставной хирург, он был секретарем Рокуэлла в течение нескольких лет. Не слишком много помощи, но хороший компаньон.

Рокуэлл заметил, что Макгвайр много, нервно и грубовато шутил по поводу Смита, стараясь сохранить спокойствие. Однако как-то он прекратил это, поразмыслил и медленно проговорил:

— Слушай, до меня только сейчас дошло! Смит жив. Но он должен быть мертв. А он жив. О господи!

Рокуэлл рассмеялся.

— Что, черт возьми, по-твоему, я собираюсь делать? Я на следующей неделе приволоку сюда рентгеновский аппарат, чтобы посмотреть, что же делается внутри этой скорлупы.

Рокуэлл ткнул иглой в тело, но она сломалась о жесткую оболочку. Он попробовал еще одну иглу, потом еще и еще, пока наконец не пробил ее, откачал немного крови и поместил пластинки под микроскоп. Несколькими часами позже он спокойно пихнул пробу сыворотки под красный нос Макгвайра и быстро заговорил:

— Боже! Я не могу в это поверить. Его кровь убивает бактерии. Я поместил в нее колонию стрептококков, которая была уничтожена за восемь секунд! Можно ввести Смиту любые известные болезнетворные микробы, и он уничтожит их всех!

Через несколько часов — новые открытия. Они держали Рокуэлла в напряжении ночи напролет, заставляя его думать, сопоставлять, удивляться и разрабатывать титанические теории и идеи.

Вот, например.

Хартли до последнего времени ежедневно питал Смита огромным количеством внутривенных вливаний. Ни один миллиграмм этой пищи не был уничтожен. Вся она была запасена и не в жировых складках, а в совершенно нормальном виде — в икс-жидкости, содержавшейся в высококонцентрированной форме в крови Смита. Унция ее могла обеспечить человека всем необходимым в течение трех суток... Эта икс-жидкость циркулировала по телу до тех пор, пока в ней не возникала надобность, тогда она усваивалась и использовалась. Удобнее, чем жир. Гораздо удобнее!

Рокуэлл сиял, довольный своим открытием. Смит запасся таким количеством икс-жидкости, что ее хватило бы на многие месяцы. Самопитание.

Макгвайр, когда узнал об этом, сказал, печально созерцая свое брюшко:

— Хотел бы я хранить свое питание таким образом.

Это было еще не все. Смиту не нужно было много воздуха. То, что он имел, он получал, видимо, посредством осмотического процесса через свою кожу. И он использовал каждую молекулу. Никаких потерь.

— И, — заключил Рокуэлл, — в конце концов сердце Смита даже может отдохнуть от своей работы, полностью прекратить биться!

— Тогда он будет мертв, — сказал Макгвайр.

— Для тебя и для меня — да. Для Смита — может быть. Только может быть. Подумай над этим, Макгвайр. В общем-то Смит — это самоочищающийся поток крови, в течение месяцев не требующий восстановления, почти не подверженный нарушениям. Он не уничтожает отходы своей жизнедеятельности, каждая молекула используется. Этот поток саморазвивается и смертелен для всех микробов. Все это, и Хартли еще говорит о вырождении!

Хартли был раздражен, когда услышал об открытиях, но продолжал утверждать, что Смит вырождался и был опасен.

Макгваир внес свою лепту.

— Откуда мы знаем, а может быть, это какая-нибудь сверхмикроскопическая зараза, которая уничтожает все другие бактерии, пока расправляется со своей жертвой. В конце концов и малярийный вирус иногда используют для лечения, почему бы не существовать новой бацилле, которая уничтожает всех остальных?

— Хорошая мысль, — сказал Рокуэлл, — но ведь мы не больны, не правда ли?

— Может быть, ей нужен инкубационный период?

— Типичный ответ старомодного врача. Неважно, что происходит с человеком, если есть отклонения от нормы. Это твоя мысль, Хартли, — заявил Рокуэлл, — а не моя. Доктора не удовлетворяются до тех пор, пока не поставят диагноз и не наклеят ярлык на каждый случай. Я же считаю, что Смит здоров, так здоров, что вы боитесь его.

— Ты ненормальный, — сказал Макгвайр.

— Может быть. Но я не считаю, что Смит нуждается в медицинском вмешательстве. Он сам работает над своим спасением. Ты считаешь, что он вырождается, а я говорю, что он растет.

— Посмотри на его кожу, — произнес Макгвайр.

— Овца в волчьей шкуре. Снаружи — жесткий, хрупкий эпидермис. Внутри — упорядоченное перерастание, изменение. Почему? Я на грани понимания. Эти перемены внутри Смита настолько интенсивны, что потребовалась оболочка для обеспечения их действия. А что касается тебя, Хартли, скажи мне честно, когда ты был молод, ты боялся насекомых, пауков и всего такого прочего?

— Да.

— Ну вот. Невроз страха, фобия, которая отразилась на

твоем отношении к Смиту. Это объясняет твое отвращение к происшедшим с ним переменам.

В течение последующих недель Рокуэлл тщательно исследовал прошлую жизнь Смита. Он посетил электронную лабораторию, где работал и заболел Смит, проверил комнату, в которой Смит провел первые недели своей «болезни», и осмотрел стоявшую там технику, выяснял что-то о радиации...

Пока его не было в санатории, Рокуэлл запер Смита и поставил Макгвайра охранять дверь на случай, если в голову Хартли полезут какие-нибудь странные идеи.

Детали двадцати трех лет жизни Смита были просты: он в течение пяти лет работал в электронной лаборатории, занимаясь экспериментами. Он ни разу серьезно не болел за свою жизнь.

Рокуэлл долгое время прогуливался в одиночестве около санатория, обдумывая и детализируя невероятную теорию, которая начала выкристаллизовываться в его мозгу. И однажды днем он остановился у куста жасмина, который рос около санатория, улыбаясь, протянул руку и снял с длинной ветки темный блестящий предмет. Он взглянул на него, положил в карман и направился к санаторию.

С веранды он позвал Макгвайра, за которым притащился Хартли, бормоча угрозы.

Вот что сказал им Рокуэлл:

— Смит не болен. Бактерии не могут в нем жить. В нем нет ни духов, ни монстров, которые «овладели» его телом. Я специально сказал об этом, чтобы показать, что не упустил ни одного момента. Я отвергаю все обычные диагнозы и предлагаю самую важную и самую легко допустимую возможность — замедленная наследственная мутация.

— Мутация? — Голос Макгвайра прозвучал странно.

Рокуэлл поднял к свету теплый блестящий предмет.

— Я нашел это в саду. Это превосходно проиллюстрирует мою теорию. После изучения симптомов, осмотра лаборатории и изучения нескольких подобных вариантов, — он повертел предмет пальцами, — я уверен. Это метаморфоза, превращение. Это регенерация, изменение, мутация после рождения. Вот, лови, это Смит.— Он бросил предмет Хартли, тот поймал его.

— Это куколка гусеницы, — сказал Хартли.

— Правильно, — кивнул Рокуэлл.

— Не хочешь же ты сказать, что Смит — куколка?

— Я уверен в этом, — ответил Рокуэлл.

Рокуэлл стоял у тела Смита в вечерней темноте. Хартли и Макгвайр тихо сидели напротив и слушали. Рокуэлл мягко прикоснулся к телу Смита.

— Предположим, что жизнь — это нечто большее, чем родиться, прожить семьдесят лет и умереть. Предположим, что в человеческом существовании есть еще один великий шаг вверх, и Смит — первый из нас, делающий этот шаг.

Глядя на гусеницу, мы видим то, что считаем статическим объектом. Но она превращается в бабочку. Почему? Не

существует законченных теорий, объясняющих это. В основном это прогресс, развитие. По существу, предположительно неизменный объект превращается в промежуточный, совершенно непохожий, куколку, и затем появляется бабочка. Внешне куколка выглядит мертвой. Это заблуждение. Смит ввел нас в заблуждение, понимаете? Внешне — мертв. Внутри — водоворот, перестройка, лихорадочная работа с невероятной целью. Из личинки — в москита, из гусеницы — в бабочку, из Смита — в...

— Смит — куколка? — Макгвайр неестественно засмеялся.

— Да.

— Люди не ведут себя таким образом.

— Перестань, Макгвайр. Эта ступень в эволюции слишком значительна для твоего понимания. Осмотри тело и скажи мне что-нибудь другое. Кожа, глаза, дыхание, течение крови. Недели усваивания пищи для этой хрупкой спячки. Почему он ел всю эту пищу, для чего ему понадобилась эта икс-жидкость в его теле, как не для метаморфозы? И причиной всего этого была радиация. Жесткое излучение от лабораторного оборудования Смита. Запланированное или случайное, я не знаю. Оно затронуло определенную часть его основной генной структуры, определенную часть эволюционной структуры человека, которая не была предназначена для работы, возможно, еще в течение тысячелетий.

— Ты думаешь, что когда-нибудь все люди...

— Личинка мухи не остается в стоячем пруду, личинка москита в почве, а гусеница на капустном листе. Они меняются, волнами расходясь в пространстве. Смит — это ответ на вопрос: «Что происходит с человеком, куда мы движемся?» Мы стоим перед неизвестностью вселенной и сложностью жизни в ней, и человек, такой, каким он сейчас является, не готов к борьбе с ней. Малейшее усилие утомляет его, излишняя работа убивает его сердце, а болезни — тело. Может быть, Смит будет готов ответить на извечную философскую проблему смысла жизни. Может быть, он даст ей новый смысл.

В самом деле, все мы всего лишь крошечные насекомые, копошащиеся на планете величиной с булавочную головку. Человеку не предопределено всегда оставаться здесь и быть болезненным, маленьким и слабым, но он еще не открыл секрета великого знания.

Но измените человека. Постройте вашего совершенного человека, вашего, если хотите, супермена. Устраните слабый интеллект, дайте ему полный физиологический, неврологический и психологический контроль над собой: дайте ему ясный проницательный ум, дайте ему неутомимую кровеносную систему, тело, которое может существовать месяцами, не получая питания извне, которое может приспосабливаться где угодно к любому климату и расправляться с любыми болезнями. Освободите человека от оков и слабостей плоти, и тогда он уже не будет более бедным, несчастным маленьким человеком, боящимся мечтать, потому что знает, что его хрупкое тело стоит на пути исполнения его желаний, тогда он будет готов вести войну, един-

ственную войну, которую стоит вести, — столкновение перерожденного Человека со всей потрясенной Вселенной!

В величайшем напряжении, с тяжело бьющимся сердцем Рокуэлл склонился над Смитом и закрыл глаза. Вера в Смита переполняла его. Он был прав. Он знал, что был прав.

После нескольких секунд молчания заговорил Хартли:

— Я не верю в эту теорию.

Затем Макгвайр:

— Откуда ты знаешь, что Смит внутри не просто желеобразная каша? Ты его просвечивал?

— Я не рискнул этого делать, это могло помешать его перерождению так же, как и солнце.

— Итак, он будет суперменом. А как он будет выглядеть?

— Подождем и увидим.

— Как ты думаешь, он может слышать, как мы сейчас о нем разговариваем?

— Может или нет, в одном можно быть уверенным — мы стали обладателями тайны, которая для нас не предназначалась. Смит не намеревался посвящать меня и Макгвайра в это дело. Ему пришлось с этим примириться. Но супермены не любят, когда люди узнают о них, потому что у людей есть противные привычки завидовать, ревновать и ненавидеть. Смит знал, что он не будет в безопасности, если о нем узнают. Может быть, это объясняет и твою ненависть, Хартли.

Все замолчали, прислушиваясь. Ни звука. Только кровь колотилась в висках у Рокуэлла, и все. Перед ними лежал Смит, вернее, теперь не Смит, а контейнер с ярлыком «Смит», содержимое которого было неизвестно.

— Если все, что ты сказал, правда, — произнес Хартли, — тогда мы тем более должны его уничтожить. Подумай о той власти над миром, которая будет в его руках. И если это повлияло на его мозг, а я думаю, что повлияло, он постарается убить нас, когда выберется, потому что только мы знаем о нем. Он будет ненавидеть нас за то, что мы были свидетелями его превращения.

Рокуэлл сказал беспечно:

— Я не боюсь этого.

Хартли промолчал. В комнате было слышно его хриплое и тяжелое дыхание. Рокуэлл обошел вокруг стола.

— Я думаю, теперь мы лучше распрощаемся, не так ли?

Машина Хартли скрылась за тонкой пеленой дождя. Рокуэлл закрыл дверь, приказал Макгвайру спать эту ночь внизу на походной кровати перед дверью комнаты, в которой лежал Смит, и затем пошел к себе. Раздеваясь, он мысленно вновь пережил все невероятные события последних недель. Сверхчеловек. Почему бы и нет? Ум, сила... Он лег в постель. Когда? Когда Смит появится из своего кокона? Дождь тихо моросил по крыше санатория.

Макгвайр лежал, тяжело дыша, на походной кровати, погруженный в дрему, окруженный звуками грозы. Где-то скрипнула дверь, но Макгвайр продолжал спать. В холле повеяло ветром, Макгвайр заворчал и повернулся на другой бок. Дверь

мягко закрылась, и ветер утих. Чьи-то мягкие шаги по толстому ковру. Медленные шаги, напряженные и настороженные. Шаги. Глаза Макгвайра дрогнули и открылись. В неясном свете перед ним стояла какая-то фигура. Единственная лампочка, горевшая в холле, узким желтым лучом освещала пол около кровати.

Запах раздавленного насекомого наполнил воздух. Шевельнулась рука. Послышался голос.

Макгвайр вскрикнул. Потому что рука, попавшая в луч света, была зеленой.

Зеленой!

— Смит!

Макгвайр тяжело рванулся к двери, вопя:

— Он двигается! Он не может ходить, но он ходит!

Дверь распахнулась под его нажимом. Ветер и дождь сомкнулись вокруг него, и он исчез, что-то бормоча.

Фигура в холле стояла неподвижно. Наверху быстро открылась дверь, и Рокуэлл сбежал по ступенькам. Зеленая рука двинулась из полосы света и спряталась за спиной фигуры.

— Кто здесь? — Рокуэлл остановился на полпути. Фигура ступила в полосу света.

— Хартли?! Что тебе опять здесь надо?

— Кое-что произошло, — сказал Хартли, — ты лучше найди Макгвайра. Он выбежал под дождь, бормоча, как дурак.

Рокуэлл промолчал. Он одним взглядом осмотрел Хартли, затем спустился в холл и выбежал наружу, под холодный ветер и дождь.

— Макгвайр! Макгвайр, вернись, ты, идиот!

Он нашел Макгвайра примерно в ста ярдах от санатория, рыдающего.

— Смит, Смит ходит...

— Чепуха. Хартли вернулся, вот и все.

— Я видел зеленую руку. Она двигалась.

— Тебе приснилось.

— Нет. Нет.

Мокрое лицо Макгвайра было бледным.

— Поверь мне, я видел зеленую руку. Зачем вернулся Хартли? Он...

Только при упоминании имени Хартли полное осознание происходящего ворвалось в мозг Рокуэлла. Страх пронесся через его мозг; его охватила непонятная тревога, резанула беззвучным криком о помощи.

— Хартли!

Оттолкнув Макгвайра в сторону, Рокуэлл повернулся и бросился с криком обратно в санаторий.

Дверь в комнату Смита была распахнута. Хартли стоял в центре комнаты с револьвером в руке.

Он повернулся на шум вбегавшего Рокуэлла. Их движения были одновременными. Хартли выстрелил, а Рокуэлл дернул шнурок выключателя.

Темнота. Пламя рванулось через комнату, осветив сбоку тело Смита как фотовспышка. Рокуэлл прыгнул в сторону пламени.

Даже во время прыжка, глубоко потрясенный, Рокуэлл начал понимать, почему Хартли вернулся. За это короткое мгновение, пока свет не исчез, он успел увидеть пальцы Хартли. Они были покрыты мелкими зелеными пятнышками.

Потом была схватка, и Хартли, переставший сопротивляться, когда вспыхнул свет, и Макгвайр, весь мокрый, стоящий в дверях и выдавливающий из себя слова:

— Смит, Смит убит?

Смит был невредим. Пуля прошла мимо.

— Этот дурак, этот дурак! — кричал Рокуэлл, стоя над оцепеневшим Хартли.— Величайший случай в истории, и он пытается его уничтожить!

Хартли медленно пришел в себя.

— Я должен был догадаться. Смит предупредил тебя.

— Чепуха, он...— Рокуэлл замолчал, пораженный. Да. Это неожиданное дурное предчувствие, ворвавшееся в его мозг. Да.

Затем он взглянул на Хартли.

— Отправляйся наверх. Ты будешь заперт на ночь. Ты тоже, Макгвайр. Чтобы мог наблюдать за ним.

Макгвайр прохрипел:

— Рука Хартли! Посмотри на нее. Она зеленая. Это Хартли был в холле, не Смит!

Хартли уставился на свои пальцы.

— Чудесно, не правда ли? — сказал он с горечью.— Когда Смит только заболел, я был в зоне действия этой радиации довольно долгое время. Похоже, и я стану существом вроде Смита. Это длится уже несколько дней. Я скрывал и старался ничего не говорить. Этой ночью мое терпение кончилось, и я вернулся, чтобы уничтожить Смита за то, что он сделал со мной...

В воздухе раздался сухой, резкий треск. Все трое замерли. Три крохотных кусочка отслоились от кокона Смита и упали на пол.

Через мгновение Рокуэлл был около стола, застыв в изумлении.

— Он начинает трескаться! От ключицы до пупка микроскопическая трещина! Скоро он выберется из своего кокона.

Толстые щеки Макгвайра дрожали.

— И что тогда?

Слова Хартли были пропитаны горечью.

— Тогда у нас будет супермен. Вопрос: как выглядит супермен? Ответ: никто не знает.

Еще несколько чешуек отслоилось.

Макгвайр дрожал:

— Ты попытаешься поговорить с ним?

— Конечно.

— С каких это пор бабочки говорят?

— О господи, Макгвайр!

Надежно заперев двух других наверху, Рокуэлл расположился на походной кровати в комнате Смита, приготовившись ждать всю дождливую ночь, наблюдая, слушая, думая.

Он смотрел, как крохотные хлопья отскакивали от сморщенной кожи куколки, в то время как Неизвестный внутри спокойно выбирался наружу.

Оставалось ждать всего несколько часов. Дождь тихо моросил по крыше дома. Как мог бы выглядеть Смит? Возможно, измененные ушные раковины для большей остроты слуха; может быть, добавочные глаза; изменения в строении головы, в костях скелета, в расположении органов, строении кожи, тысяча и одно изменение.

Рокуэлл начал уставать, но боялся заснуть. Веки становились все тяжелее и тяжелее. Что, если он был не прав? Что, если его теория совершенно неверна? Что, если Смит и в самом деле не более чем студень внутри? А если Смит ненормальный, сумасшедший — настолько другой, что будет угрожать всему миру? Нет. Нет! Рокуэлл затряс головой. Смит — это совершенство! Совершенство. В нем нет места для дурных мыслей. Он — совершенство.

В санатории была гробовая тишина. Единственным звуком было слабое потрескивание падающих на пол чешуек кокона...

Рокуэлл спал. Он погрузился в глубокий сон со странными сновидениями. Ему снился Смит, который поднялся со своего стола и угловато передвигался по комнате, и Хартли, кричащий, размахивающий сверкающим топором и погружающий его снова и снова в зеленую броню Смита, разрубая его и превращая в какую-то ужасную жидкую массу. Снился ему Макгвайр, бегающий, бормоча, под кровавым дождем. Снился ему...

Жаркое солнце. Жаркий солнечный свет во всей комнате. Было уже утро. Рокуэлл потер глаза, смутно обеспокоенный тем, что кто-то поднял жалюзи. Он рванулся вперед — кто-то поднял! Солнце! Жалюзи нельзя было поднимать. Они были опущены уже несколько недель! Он закричал. Дверь была открыта. В санатории было тихо. Едва осмеливаясь повернуть голову, Рокуэлл взглянул на стол, где должен был лежать Смит.

Его не было.

Ничего, кроме солнечного света и еще останков разрушенного кокона. Останки.

Хрупкие черепки, сброшенная оболочка, разломанная надвое, остаток скорлупы, который был бедром, след руки, осколок грудной клетки — это было все, что осталось от Смита.

Смит исчез. Рокуэлл, сломленный, пошатываясь, добрался до стола, карабкаясь, как ребенок, между шуршащими, как папирус, остатками кожи. Затем он повернулся, как пьяный, и, шатаясь, пошел из комнаты и затем начал карабкаться вверх по ступенькам, крича:

— Хартли! Что ты с ним сделал? Хартли! Ты что, думаешь, что можешь убить его, избавиться от тела и оставить несколько кусков скорлупы, чтобы сбить меня со следа?

Дверь в комнату, где спали Хартли и Макгвайр, была заперта. Дрожащими руками Рокуэлл с трудом открыл ее. Оба, Макгвайр и Хартли, были там.

— Ты здесь? — сказал Рокуэлл завороженно. — Значит, ты

не был внизу. Или ты открыл дверь, спустился, проник в комнату, убил Смита и...нет, нет!

— Что случилось?

— Смит исчез! Макгвайр, Хартли выходил из этой комнаты?

— Нет, ни разу.

— Тогда есть только одно объяснение: Смит восстал из своего кокона и ночью исчез! Я никогда не увижу его, я никогда не смогу увидеть его, проклятье! Какой же я дурак, что заснул!

— Теперь все ясно! — объявил Хартли.— Он опасен, иначе он остался бы и мы бы его увидели! Только бог знает, что это такое.

— В таком случае мы должны его искать. Он не может быть далеко. Мы должны его искать! Хартли, Макгвайр, быстро!

Макгвайр тяжело опустился на стул.

— Я с места не сдвинусь. Пусть сам себя ищет. С меня достаточно.

Рокуэлл не стал дальше слушать и бросился вниз по лестнице, Хартли не отставал ни на шаг. Через несколько мгновений за ними последовал,тяжело дыша, Макгвайр.

Рокуэлл выбежал в холл, задержавшись на секунду у широких окон, выходящих на горы и пустыню. Был ли хоть один шанс найти Смита? Первого сверхсущества. Первого, может быть, из множества других. Рокуэлл взмок от волнения. Смит не должен был уйти, не показавшись хотя бы Рокуэллу. Он не мог уйти. Или...

Кухонная дверь медленно отворилась. Нога переступила через порог, за ней другая. Рука коснулась стены. Сигаретный дым тянулся от губ.

— Кто-то ищет меня?

Ошеломленный Рокуэлл обернулся. Он увидел выражение лица Хартли, услышал, как Макгвайр задохнулся от удивления. Все трое одновременно произнесли одно слово, как будто им подсказали.

— Смит!

Смит выпустил облачко дыма. Его лицо было красновато-розовым, как будто он сгорел на солнце, его глаза были ярко-голубыми. Он был босой, и его обнаженное тело было прикрыто одной из старых рубашек Рокуэлла.

— Не скажете ли мне, где я нахожусь? Что я делал последние три-четыре месяца? Это что, госпиталь или нет?

Страх охватил Рокуэлла. Он судорожно глотнул.

— Привет Я... То есть. Вы что, ничего не помните?

Смит показал свои пальцы.

— Я вспоминаю, что начал зеленеть, если вы это имеете в виду. Кроме этого — ничего.

Рокуэлл тяжело прислонился к стене. Потрясенный, он поднял руки к глазам и покачал головой. Не веря в то, что он видит перед собой, он спросил:

— Когда вы выбрались из кокона?

— Когда я выбрался из... чего?

Рокуэлл отвел его в соседнюю комнату и указал на стол.

— Я не понимаю, что вы имеете в виду, — сказал Смит совершенно искренне, — полчаса назад я пришел в себя, стоя в этой комнате совершенно голый.

— И это все? — с надеждой спросил Макгвайр. Похоже, он почувствовал облегчение.

Рокуэлл объяснил происхождение лежавшего на столе кокона.

Смит нахмурился.

— Это нелепо. Кто вы такие?

Рокуэлл представил всех.

Смит сердито взглянул на Хартли.

— Когда я начал болеть, вы приходили, не так ли? Я помню, на радиационном заводе. Но это глупо. Что это была за болезнь?

Лицо Хартли напряглось.

— Это не болезнь. А вы не знаете чего-либо обо всем этом?

— Я прихожу в себя в компании незнакомых людей, в незнакомом санатории. Я обнаруживаю себя обнаженным в комнате, в которой на раскладушке спит человек. Я хожу голодный по санаторию. Я иду на кухню, нахожу еду, ем, слышу взволнованные голоса, и затем меня обвиняют в том, что я появился из кокона. Что я должен думать? Кстати, спасибо за рубашку, еду и сигарету, которые я взял. Я не хотел вас будить, господин Рокуэлл. Я не знал, кто вы такой, и вы выглядели смертельно уставшим.

— О, насчет этого не волнуйтесь.

Рокуэлл не мог поверить в происходящее. Все разваливалось. С каждым словом Смита его надежды рассыпались на части, как разломанный кокон.

— Как вы себя чувствуете?

— Отлично. Сильным. Просто замечательно, если учесть, сколько это длилось.

— Очень замечательно, — сказал Хартли.

— Можете представить, что я почувствовал, когда увидел календарь. Все эти месяцы — раз и нету. Я удивляюсь, что я делал все это время.

— Мы тоже.

Макгвайр рассмеялся:

— О, оставь его, Хартли. Из-за того, что ты его ненавидел...

— Ненавидел?

Смит удивленно поднял брови.

— Меня? Почему?

— Вот. Вот почему! — Хартли вытянул руки.— Ваша проклятая радиация. Ночь за ночью я сидел около вас в лаборатории. Что мне теперь с этим делать?

— Хартли, — перебил Рокуэлл, — сядь и успокойся.

— Я не сяду и не успокоюсь! Неужели вы оба одурачены этой имитацией человека, этим розовым парнем, который разыгрывает величайшую мистификацию в истории? Если у вас есть хоть сколько-нибудь разума, уничтожьте Смита, пока он не бежал!

Рокуэлл извинился за эту вспышку гнева Хартли.

Смит покачал головой.

— Нет, дайте ему говорить. О чем это он?

— Ты уже знаешь! — гневно прокричал Хартли.— Ты лежал здесь месяцами, слушая, планируя. Ты меня не одурачишь. Рокуэлла ты обманул, разочаровал. Он считал, что ты будешь сверхчеловеком. Может, ты и есть сверхчеловек. Но кто бы ты ни был, ты больше не Смит. Это еще один из твоих обманов. Мы не должны были все знать о тебе, и весь мир не должен знать о тебе. Ты можешь с легкостью убить нас, но ты предпочитаешь остаться и убедить нас в своей нормальности. Это наилучший вариант. Ты мог исчезнуть несколько минут назад, но это оставило бы семена подозрения. Поэтому ты остался, чтобы убедить нас в том, что ты нормален.

— Он и есть нормальный, — вставил Макгвайр.

— Нет. Его мозг изменился. Он умен.

— Тогда подвергни его словесно-ассоциативному тесту, — сказал Макгвайр.

— Он слишком умен и для этого.

— Тогда очень просто. Сделаем анализ крови, послушаем его сердце, введем ему сыворотку.

Смит колебался.

— Я согласен на эксперимент, если это действительно вам нужно. Но, по-моему, это глупо.

Шокированный этим, Хартли взглянул на Рокуэлла.

— Возьми шприц, — сказал он.

Рокуэлл, размышляя, взял шприц. Может быть, все-таки Смит был суперменом. Его кровь. Эта сверхкровь. Ее способность убивать бактерии. Его сердцебиение. Его дыхание. Может быть, Смит был сверхчеловеком и не знал этого. Да, да, может быть...

Рокуэлл взял кровь у Смита и поместил ее под микроскоп. Его плечи поникли. Это была обычная кровь. Бактерии жили в ней положенное время. Кровь больше не была для них смертельной. Икс-жидкости тоже больше не существовало. Рокуэлл подавленно вздохнул. Температура тела была нормальной, пульс тоже. Его нервная система реагировала в соответствии с нормой.

— Ну, вот и все, — мягко сказал Рокуэлл.

Хартли опустился в кресло с широко открытыми глазами, сжав пальцами голову.

Он выдохнул:

— Простите меня. Наверное, это все существовало только в моем воображении. Эти месяцы были такими долгими. Ночь за ночью. Я был напуган, у меня возникали навязчивые идеи. Я сам себя одурачил. Простите меня, я виноват.— Он уставился на свои зеленые пальцы.— Но что же будет со мной?

— Я поправился. Вы тоже поправитесь, я думаю. Я вам сочувствую, но в этом не было ничего плохого... в самом деле, я ничего не припоминаю.

Хартли расслабился.

— Пожалуй, вы правы. Мне не нравится мысль о том, что я должен одеревенеть, но ничего не поделаешь. Со мной все будет в порядке.

Рокуэлл чувствовал себя больным. Разочарование было слишком сильным. Эта спешка, желание, жажда открытия, любопытство, огонь, все умерло в нем.

Итак, каким был человек из кокона? Тот же человек, какой и был. И все это ожидание, и весь интерес были напрасны. Он глубоко вздохнул, пытаясь привести в порядок свои спутанные мысли. Этот розовощекий человек, с ровным голосом, который сидел перед ним и спокойно курил, только что перенес частичное окаменение кожи, его железы сошли с ума от радиации, и тем не менее это лишь человек, и ничего более. Мозг Рокуэлла, его фантазирующий и слишком впечатлительный мозг, подхватил каждую деталь этой болезни и построил великолепный организм, выдавая желаемое за действительное. Рокуэлл был глубоко потрясен, взволнован и разочарован.

Существование Смита без питания, его совершенная кровь, низкая температура и другие признаки совершенства теперь были только фрагментами неизвестной болезни. Болезни, и ничего более. Чего-то, что прошло, закончилось и не оставило никаких следов, кроме хрупких лоскутков на залитой солнцем поверхности стола. Теперь осталась только возможность понаблюдать Хартли, если его болезнь будет прогрессировать, и сообщить о новом заболевании медицинскому миру.

Рокуэлла, однако, не привлекала болезнь, его волновало совершенство, и это совершенство было разбито, расколото, разорвано на куски и исчезло. Его мечта исчезла. Его сверхсущество исчезло. Его теперь не волновало, даже если бы весь мир отвердел, позеленел и стал ненормально хрупким.

Смит уже начал прощаться.

— Я лучше вернусь в Лос-Анджелес. Меня ждет важная работа на заводе. Моя старая работа должна быть закончена. Сожалею, но не могу больше оставаться. Вы понимаете?

— Вам следовало бы остаться и отдохнуть хотя бы несколько дней, — сказал Рокуэлл. Он не мог видеть, как исчезает последний клочок его мечты.

— Нет, спасибо. Я загляну в ваш офис примерно через неделю для новой проверки, если хотите, доктор. Я буду приезжать каждые несколько недель в течение года или больше, так что вы сможете контролировать меня, ладно?

— Да, да, Смит, пожалуйста, сделайте это. Мне хотелось бы побеседовать с вами о вашей болезни. Вам повезло, что вы живы.

Макгвайр произнес счастливо:

— Я довезу вас до Лос-Анджелеса.

— Не беспокойтесь. Я дойду до Гуджунги и возьму там такси. Я хочу пройтись. Прошло столько времени, я хочу все снова прочувствовать.

Рокуэлл одолжил ему пару ботинок и старый костюм.

— Спасибо, доктор. Я заплачу вам все, что должен, как только смогу.

— Вы не должны мне ни пенни. Это было интересно.

— Ну, до свиданья, доктор, господин Макгвайр, Хартли.

— До свиданья, Смит.

Смит пошел по дорожке. Он шел легко и счастливо и насвистывал. «Хотелось бы мне сейчас быть в таком же настроении», — устало подумал Рокуэлл.

Смит обернулся один раз, помахал им и начал подниматься на холм и через него к городу, лежавшему в отдалении.

Рокуэлл смотрел ему вслед так, как ребенок смотрит на разрушение своего песочного замка под ударами морских волн.

— Я не могу в это поверить, — снова и снова говорил он, — я не могу в это поверить. Все закончилось так быстро, так неожиданно для меня. Я совершенно опустошен.

— Я все вижу в розовом свете! — довольно прохихикал Макгвайр.

Хартли стоял под солнцем. Его зеленые руки мягко висели вдоль тела, и, как заметил Рокуэлл, его белое лицо впервые за месяцы было расслабленным. Хартли тихо говорил:

— Со мной все будет в порядке. Со мной все будет в порядке. Я не буду монстром. Я останусь самим собой.— Он повернулся к Рокуэллу.

— Только не забудь, не забудь, не дай им похоронить меня по ошибке. Смотри, чтобы меня не похоронили по ошибке, думая, что я мертв. Помни об этом.

Смит поднимался по тропинке на холм. Уже вечерело, и солнце начало садиться за голубые горы. Видно было несколько звезд. Запах воды, пыли и цветущих в отдалении апельсиновых деревьев повис в теплом воздухе.

Поднялся ветерок. Смит шел и глубоко дышал. Отойдя от санатория так, что его не было видно, он остановился и замер. Он посмотрел вверх, в небо.

Он отбросил сигарету, которую курил, и раздавил ее каблуком. Затем выпрямил свое стройное тело, откинул назад свои темно-каштановые волосы, закрыл глаза, глотнул, расслабил пальцы рук.

Без малейшего усилия, только со слабым звуком, Смит мягко поднял свое тело от земли вверх, в теплый воздух.

Он устремился вверх быстро, спокойно и скоро затерялся среди звезд, уходя в космическое пространство...

Джеймс Блиш

ПОВЕРХНОСТНОЕ НАТЯЖЕНИЕ

Доктор Шавье надолго замер над микроскопом, оставив ла Вентуре одно занятие — созерцать безжизненные виды планеты Гидрот.

«Уж точнее было бы сказать, — подумал пилот, — не виды, а воды...» Еще из космоса они заметили, что новый мир — это, по существу, малюсенький треугольный материк посреди бесконечного океана, да и материк, как выяснилось, представляет собой почти сплошное болото.

Остов разбитого корабля лежал поперек единственного скального выступа, какой нашелся на всей планете; вершина выступа вознеслась над уровнем моря на умопомрачительную высоту — двадцать один фут. С такой высоты ла Вентура мог окинуть взглядом плоскую чашу грязи, простирающуюся до самого горизонта на добрые сорок миль. Красноватый свет звезды Тау Кита, дробясь в тысячах озер, запруд, луж и лужиц, заставлял мокрую равнину искриться, словно ее сложили из драгоценных камней.

— Будь я религиозен, — заметил вдруг пилот, — я бы решил, что это божественное возмездие.

— Гм? — отозвался Шавье.

— Так и чудится, что нас покарали за... кажется, это называлось «гордыня»? За нашу спесь, амбицию, самонадеянность...

— Гордыня? — переспросил Шавье, наконец подняв голову. — Да ну? Что-то меня в данный момент отнюдь не распирает от гордости. А вас?

— Н-да, хвастаться своим искусством посадки я, пожалуй, не стану, — признал ла Вентура. — Но я, собственно, не то имел в виду. Зачем мы вообще полезли сюда? Разве не самонадеянность воображать, что можно расселить людей или существа, похожие на людей, по всей Галактике? Еще больше спеси надо, чтобы и впрямь взяться за подобное предприятие — двигаться от планеты к планете и создавать людей, создавать применительно к любому окружению, какое встретится...

— Может, это и спесь, — произнес Шавье. — Но ведь наш корабль — один из многих сотен в одном только секторе Галактики, так что сомнительно, чтобы именно за нами боги записали особые грехи. — Он улыбнулся. — А уж если записали,

то могли хоть бы оставить нам ультрафон, чтобы Совет по освоению услышал о нашей судьбе. Кроме того, Пол, мы вовсе не создаем людей. Мы приспосабливаем их, притом исключительно к планетам земного типа. У нас хватает здравого смысла — смирения, если хотите, — понимать, что мы не в силах приспособить человека к планетам типа Юпитера или к жизни на поверхности звезд, например, на самой Тау Кита...

— И тем не менее мы здесь, — перебил ла Вентура мрачно.— И никуда отсюда не денемся. Фил сказал мне, что в термокамерах не уцелело ни одного эмбриона, значит, создать здесь жизнь по обычной схеме мы и то не можем. Нас закинуло в мертвый мир, а мы еще тщимся к нему приспособиться. Интересно, что́ намерены пантропологи сотворить с нашими непокорными телесами — приспособить к ним плавники?

— Нет, — спокойно ответил Шавье.— Вам, Пол, и мне, и всем остальным предстоит умереть. Пантропология не в состоянии воздействовать на взрослый организм, он определен вам таким, какой он есть от рождения. Попытка переустроить его лишь искалечила бы вас. Пантропология имеет дело с генами, с механизмом передачи наследственности. Мы не можем придать вам плавники, как не можем предоставить вам запасной мозг. Вероятно, мы сумеем заселить этот мир людьми, только сами не доживем до того, чтобы убедиться в этом.

Пилот задумался, чувствуя, как под ложечкой медленно заворочалось что-то скользкое и холодное.

— И сколько вы нам еще отмерили? — осведомился он в конце концов.

— Как знать? Быть может, месяц...

Переборка, что отделяла их от других отсеков корабля, разомкнулась, впустив сырой соленый воздух, густой от углекислого газа. Пятная пол грязью, вошел Филип Штрасфогель, офицер связи. Как и ла Вентура, он остался сейчас не у дел, и это тяготило его. Природа не наградила Штрасфогеля склонностью к самоанализу, и теперь, когда его драгоценный ультрафон вышел из строя и не отвечал более на прикосновения его чутких рук, он оказался во власти собственных мыслей, а они не отличались разнообразием. Только поручения Шавье не давали связисту растечься студнем и впасть в окончательное уныние.

Он расстегнул и снял с себя матерчатый пояс, в кармашках которого, как патроны, торчали пластмассовые бутылочки.

— Вот вам новые пробы, док, — сказал он.— Все то же самое, вода да слякоть. В ботинках у меня настоящий плывун. Выяснили что-нибудь?

— Многое, Фил. Спасибо. Остальные далеко?

Штрасфогель высунул голову наружу и крикнул. Над морями грязи зазвенели другие голоса. Через несколько минут в пантропологическом отсеке собрались все уцелевшие после крушения: Солтонстол, старший помощник Шавье, румяный и моложавый, заведомо согласный на любой эксперимент, пусть даже со смертельным исходом; Юнис Вагнер — за ее невыразительной внешностью скрывались знания и опыт единственного в экипаже

эколога; Элефтериос Венесуэлос, немногословный представитель Совета по освоению, и Джоан Хит, гардемарин — это звание было теперь таким же бессмысленным, как корабельные должности ла Вентуры и Штрасфогеля, но светлые волосы Джоан и ее стройная, обманчиво инфантильная фигурка в глазах пилота сверкали ярче, чем Тау Кита, а после катастрофы, пожалуй, ярче самого земного Солнца.

Пять мужчин и две женщины — на всю планету, где и шагу не сделать иначе, чем по колено, если не по пояс в воде.

Они тихо вошли друг за другом и застыли, кто прислонившись к стенке в углу, кто присев на краю стола. Джоан Хит подошла к ла Вентуре и встала с ним рядом. Они не взглянули друг на друга, но ее плечо коснулось его плеча, и все сразу сделалось не так скверно, как только что казалось.

Молчание нарушил Венесуэлос:

— Каков же ваш приговор, доктор Шавье?

— Планета отнюдь не мертва, — ответил тот.— Жизнь есть и в морской и в пресной воде. Что касается животного царства, эволюция здесь, видимо, остановилась на ракообразных. Самый развитый вид, обнаруженный в одном из ручейков, напоминает крошечных лангустов, но этот вид как будто не слишком распространен. Зато в озерцах и лужах полным-полно других многоклеточных низших отрядов, вплоть до коловраток, включая один панцирный вид наподобие земных Flosculariidae. Кроме того, здесь удивительное многообразие простейших — господствующий реснитчатый тип напоминает Paramoecium плюс различные корненожки, вполне естественные в такой обстановке жгутиковые и даже фосфоресцирующие виды, чего я никак не ожидал увидеть в несоленой воде. Что касается растений, то здесь распространены как простые сине-зеленые водоросли, так и намного более сложные таллофиты — но, конечно, ни один из местных видов не способен жить вне воды.

— В море почти то же самое, — добавила Юнис.— Я обнаружила там довольно крупных низших многоклеточных — медуз и так далее — и ракообразных величиной почти с омара. Вполне нормальное явление: виды, обитающие в соленой воде, достигают бо́льших размеров, чем те, что водятся в пресной. Ну, и еще обычные колонии планктона и микропланктона...

— Короче говоря, — подвел итог Шавье, — если не бояться трудностей, то выжить здесь можно...

— Позвольте, — вмешался ла Вентура.— Вы же сами только что заявили мне, что мы не выживем ни при каких обстоятельствах. И вы имели в виду именно нас семерых, а не генетических потомков человечества — ведь термокамер и банка зародышевых клеток более не существует. Как прика...

— Да, разумеется, банка больше нет. Но, Пол, мы можем использовать свои собственные клетки. Сейчас я перейду к этому.— Шавье обернулся к своему помощнику.— Мартин, как вы думаете, не избрать ли нам море? Когда-то, давным-давно, мы вышли из моря на сушу. Быть может, здесь, на планете Гидрот, мы со временем дерзнем на это опять?...

— Не выйдет, — тотчас откликнулся Солтонстол.— Идея мне нравится, но если посмотреть на проблему объективно, словно бы мы лично тут вовсе не замешаны, то на возрождение из пены я не поставил бы и гроша. В море борьба за существование будет слишком остра, конкуренция со стороны других видов — слишком упорна. Сеять жизнь в море — самое последнее, за что стоило бы здесь браться. Колонисты и оглянуться не успеют, как их попросту сожрут...

— Как же так? — не унимался ла Вентура. Предчувствие смерти вновь шевельнулось где-то внутри, и с ним стало еще труднее справиться.

— Юнис, среди морских кишечнополостных есть хищники, вроде португальских корабликов?

Эколог молча кивнула.

— Вот вам и ответ, Пол, — сказал Солтонстол.— Море отпадает. Придется довольствоваться пресной водой, где нет столь грозных врагов, зато много больше всевозможных убежищ.

— Мы что, не в силах справиться с медузами? — спросил ла Вентура, судорожно сглотнув.

— Не в силах, Пол, — ответил Шавье.— Во всяком случае, не с такими опасными. Пантропологи — еще не боги. Они берут зародышевые клетки — в данном случае наши собственные, коль скоро банк не пережил катастрофы, — и видоизменяют их генетически с тем расчетом, чтобы существа, которые разовьются из них, приспособились к данному окружению. Существа эти будут человекоподобными и разумными. Как правило, они сохраняют и некоторые черты личности донора: ведь изменения касаются в основном строения тела, а не мозга — мозг у дочернего индивидуума развивается почти по исходной программе.

Но мы не можем передать колонистам свою память. Человек, возрожденный в новой среде, поначалу беспомощнее ребенка. Он не знает своей истории, не ведает техники, у него нет ни опыта, ни даже языка. В нормальных условиях, например при освоении Теллуры, группа сеятелей, прежде чем покинуть планету, дает своим питомцам хотя бы начальные знания, — но мы, увы, не доживем до поры, когда у наших питомцев возникнет потребность в знаниях. Мы должны создать их максимально защищенными, поместить в наиболее благоприятное окружение и надеяться, что по крайней мере некоторые из них выживут, учась на собственных ошибках.

Пилот задумался, но так и не нашел ничего в противовес мысли, что смерть надвигается все ближе и неотвратимее с каждой пролетевшей секундой. Джоан Хит придвинулась к нему чуть теснее.

— Стало быть, одно из созданных нами существ сохранит определенное сходство со мной, но обо мне помнить не будет, так?

— Именно так. В данной ситуации мы, вероятно, сделаем колонистов гаплоидными, так что некоторые из них, а быть может и многие, получат наследственность, восходящую лично к вам. Может статься, сохранятся даже остатки индивидуальности —

пантропология дала нам кое-какие доводы в поддержку взглядов старика Юнга относительно наследственной памяти. Но как сознающие себя личности мы умрем, Пол. Этого не избежать. После нас останутся люди, которые будут вести себя, как мы, думать и чувствовать, как мы, но которые и понятия не будут иметь ни о ла Вентуре, ни о докторе Шавье, ни о Джоан Хит, ни о Земле...

Больше пилот ничего не сказал. Во рту у него словно бы застыл какой-то отвратительный привкус.

— Что вы порекомендуете нам, Мартин, в качестве модели?

Солтонстол в задумчивости потер переносицу.

— Конечности, я думаю, перепончатые. Большие пальцы на руках и ногах удлиненные, с когтями, чтобы успешнее обороняться от врагов на первых порах. Ушные раковины меньше, а барабанные перепонки толще, чем у нас, и ближе к отверстию наружного слухового прохода. Придется, видимо, изменить всю систему водно-солевого обмена: клубочковые почки смогут функционировать в пресной воде, однако жизнь в погруженном состоянии будет означать, что осмотическое давление внутри окажется выше, чем снаружи, и почкам придется постоянно выполнять роль насоса. При таких обстоятельствах антидиуретическую функцию гипофиза надо практически свести к нулю.

— А что с дыханием?

— Предлагаю легкие в виде книжки, как у пауков; можно снабдить их межреберными дыхальцами. Такие легкие способны перейти к атмосферному дыханию, если колонисты решат когда-нибудь выйти из воды. На этот случай, думаю, следует сохранить полость носа, отделив ее от гортани мембраной из клеток, которые снабжались бы кислородом преимущественно за счет прямого орошения, а не по сосудам. Достаточно будет нашим потомкам выйти из воды хотя бы на время — и мембрана начнет атрофироваться. Два-три поколения колонисты проживут как земноводные, а потом в один прекрасный день обнаружат, что могут дышать через гортань, как мы.

— Остроумно, — заметил Шавье.

— Вношу также предложение, доктор Шавье, наделить их способностью к спорообразованию. Как все водные животные, наши наследники смогут жить очень долго, а новые поколения должны появляться не реже чем через шесть недель, чтобы их не успевали истреблять неопытными и неумелыми. Возникает противоречие, и чтобы преодолеть его, нужны ежегодные и довольно продолжительные разрывы жизненного цикла. Иначе колонисты столкнутся с проблемой перенаселения задолго до того, как накопят знания, достаточные, чтобы с ней справиться.

— И вообще лучше, чтобы они зимовали внутри добротной крепкой оболочки, — поддержала пантрополога Юнис Вагнер.— Спорообразование — решение вполне очевидное. Недаром этим свойством наделены многие другие микроскопические существа.

— Микроскопические? — переспросил Штрасфогель, не веря своим ушам.

— Конечно, — усмехнувшись, ответил Шавье.— Уж не при-

кажете ли уместить человека шести футов ростом в луже двух футов в поперечнике? Но тут встает вопрос. Наши потомки неизбежно вступят в упорную борьбу с коловратками, а иные представители этого племени не так уж и микроскопичны. Коль на то пошло, даже отдельные типы простейших видны невооруженным глазом, пусть смутно и только на темном фоне, но видны. Думаю, что колонист должен в среднем иметь рост не менее 250 микрон. Не лишайте их, Мартин, шансов выкарабкаться...

— Я полагал сделать их вдвое бóльшими.

— Тогда они будут самыми крупными в окружающем животном мире, — указала Юнис Вагнер, — и никогда ничему не научатся. Кроме того, если они по росту окажутся близкими к коловраткам, у них появится стимул сразится с панцирными видами за домики-панцири и приспособить эти домики под жилье.

— Ну что ж, приступим, — кивнул Шавье.— Пока мы колдуем над генами, остальные могут коллективно поразмыслить над посланием, которое мы оставим будущим людям. Можно прибегнуть к микрозаписи на нержавеющих металлических листочках такого размера, чтобы колонисты поднимали их без труда. Мы расскажем им в самых простых выражениях, что́ случилось, и намекнем, что вселенная отнюдь не исчерпывается одной-двумя лужами. Придет день, и они разгадают наш намек.

— Еще вопрос, — вмешалась Юнис.— Надо ли сообщать им, что они по сравнению с нами микроскопичны? Я бы этого делать не стала. Это навяжет им, по крайней мере в ранней их истории, легенды о богах и демонах, легенды, без которых можно и обойтись...

— Нет, Юнис, мы ничего не скроем, — сказал Шавье, и по тону его голоса ла Вентура понял, что доктор взял на себя обязанности начальника экспедиции.— Созданные нами существа по крови останутся людьми и рано или поздно завоюют право вернуться в сообщество человеческих цивилизаций. Они не игрушечные созданьица, которых надо навеки оградить от правды в пресноводной колыбельке.

— К тому же, — заметил Солтонстол, — они просто не сумеют расшифровать наши записи на заре своей истории. Сначала они должны будут разработать собственную письменность, и мы при всем желании не в силах оставить им никакого розеттского камня, никакого ключа к расшифровке. К тому времени, когда они прочитают правду, они окажутся подготовлены к ней.

— Одобряю ваше решение официально, — неожиданно вставил Венесуэлос. И дискуссия окончилась.

Да, по существу, и говорить было больше не о чем. Все они с готовностью отдали клетки, нужные пантропологам. Конфиденциально ла Вентура и Джоан Хит просили Шавье разрешить им внести свой вклад сообща; но ученый ответил, что микроскопические люди непременно должны быть гаплоидными, иначе нельзя построить миниатюрную клеточную структуру с ядрами столь же мелкими, как у земных риккетсий, и потому каждый донор должен отдать свои клетки индивидуально — зиготам на планете Гидрот

места нет. Так что судьба лишила их даже последнего зыбкого утешения: детей у них не будет и после смерти.

Они помогли, как сумели, составить текст послания, которое предстояло перенести на металлические листки. Мало-помалу они начали ощущать голод — морские ракообразные, единственные на планете существа, достаточно крупные для того, чтобы служить людям пищей, водились в слишком глубоких и холодных водах и у берега попадались редко.

Ла Вентура навел порядок в рубке — занятие совершенно бессмысленное, однако многолетняя привычка требовала к себе уважения. В то же время уборка, неясно почему, слегка смягчала остроту раздумий о неизбежном. Но когда с уборкой было покончено, ему осталось лишь сидеть на краю скального выступа, наблюдая за красноватым диском Тау Кита, спускающимся к горизонту, и швыряя камушки в ближайшее озерцо.

Подошла Джоан Хит, молча села рядом. Он взял ее за руку. Блеск красного солнца уже почти угас, и они вместе следили за тем, как оно исчезает из виду. И ла Вентура все-таки задал себе скорбный вопрос: которая же из безымянных луж станет его Летой?

Он, конечно, так и не узнал ответа на свой вопрос. Никто из них не узнал.

В дальнем углу Галактики горит пурпурная звездочка Тау Кита и вокруг нее бесконечно вращается сырой мирок по имени Гидрот. Многие месяцы его единственный крошечный материк был укутан снегом, а усеявшие скудную сушу пруды и озера скованы ледовой броней. Но постепенно багровое солнце поднималось в небе планеты все выше и выше; снега сбежали потоками в океан, а лед на прудах и озерах отступил к берегам...

Этап первый

Первое, что проникло в сознание спящего Лавона, был тихий прерывистый скребущий звук. Затем по телу начало расползаться беспокойное ощущение, словно мир — и Лавон вместе с ним — закачался на качелях.

Он пошевелился, не раскрывая глаз. За время сна обмен веществ замедлился настолько, что и качели не могли победить апатию и оцепенение. Но стоило ему шевельнуться, как звук и покачивание стали еще настойчивее.

Прошли, казалось, многие дни, прежде чем туман, застилавший его мозг, рассеялся, но какая бы причина ни вызвала волнение, оно не прекращалось. Лавон со стоном приоткрыл веки и взмахнул перепончатой рукой. По фосфоресцирующему следу, который оставили пальцы при движении, он мог судить, что гладкая янтарного цвета сферическая оболочка его каморки пока не повреждена. Он попытался разглядеть хоть что-нибудь сквозь оболочку, но снаружи лежала тьма и только тьма. Так

и следовало ожидать. обыкновенная вода — не то что жидкость внутри споры, в воде не вызовешь свечения, как упорно ее ни тряси.

Что-то извне покачнуло спору опять с тем же, что и прежде, шелестящим скрежетом. «Наверное, какая-нибудь упрямая диатомея, — лениво подумал Лавон, — старается, глупая, пролезть сквозь препятствие вместо того, чтобы обойти его». Или ранний хищник, который жаждет отведать плоти, прячущейся внутри споры. Ну и пусть, — Лавон не испытывал никакого желания расставаться с укрытием в такую пору. Жидкость, в которой он спал долгие месяцы, поддерживала физические потребности тела, замедляя умственные процессы. Вскроешь спору — и придется сразу же возобновить дыхание и поиски пищи, а судя по непроглядной тьме снаружи, там еще такая ранняя весна, что об этом страшно и подумать.

Он рефлекторно сжал и разжал пальцы и залюбовался зеленоватыми полукольцами, побежавшими к изогнутым стенкам споры и обратно. До чего же уютно здесь, в янтарном шарике, где можно выждать, пока глубины не озарятся теплом и светом! Сейчас на небе еще, наверное, держится лед, и нигде не найдешь еды. Не то чтобы ее когда-нибудь бывало вдоволь — с первыми же струйками теплой воды прожорливые коловратки проснутся тоже...

Коловратки! Вон оно что! Был разработан план, как выселить их из жилищ. Память вернулась вдруг в полном объеме. Словно пытаясь помочь ей, спора качнулась снова. Вероятно, кто-то из союзников старается до него добудиться; хищники никогда не спускаются на дно в такую рань. Он сам поручил побудку семейству Пара, — и вот, видно, время пришло: вокруг именно так темно и так холодно, как и намечалось по плану...

Поборов себя, Лавон распрямился и изо всех сил уперся ногами и спиной в стенки своей янтарной тюрьмы. С негромким, но отчетливым треском по прозрачной оболочке побежала сетка узких трещин.

Затем спора распалась на множество хрупких осколков, и он содрогнулся, окунувшись в ледяную воду. Более теплая жидкость, наполнявшая его зимнюю келью, растворилась в этой воде легким переливчатым облачком. Облачко успело высветить мглу недолгим блеском, и он заметил невдалеке знакомый контур — прозрачный бесцветный цилиндр, напоминающий туфельку, с множеством пузырьков и спиральных канавок внутри, а в длину почти равный росту самого Лавона. Поверхность цилиндра была опушена изящными, мягко вибрирующими волосками, утолщенными у основания.

Свет померк. Цилиндр оставался безмолвным: он выжидал, чтобы Лавон прокашлялся, очистил легкие от остатков споровой жидкости и заполнил их игристой студеной водой.

— Пара? — спросил Лавон наконец.— Что, уже время?

— Уже, — задрожали в ответ невидимые реснички ровным, лишенным выражения тоном. Каждый отдельно взятый волосок вибрировал независимо, с переменной скоростью; возникающие

звуковые волны расходились в воде, накладываясь друг на друга и то усиливая звук, то гася его. Сложившиеся из колебаний слова к тому моменту, как достигали человеческого уха, звучали довольно странно — и все-таки их можно было распознать.— Время, Лавон...

— Время, давно уже время, — добавил из темноты другой голос.— Если мы в самом деле хотим выгнать флосков из их крепостей...

— Кто это? — произнес Лавон, оборачиваясь на голос.

— Я тоже Пара, Лавон. С минуты пробуждения нас стало уже шестнадцать. Если бы вы могли размножаться с такой же скоростью...

— Воюют не числом, а умением, — отрезал Лавон.— И всеедам придется вскоре убедиться в этом.

— Что мы должны делать, Лавон?

Человек подтянул колени к груди и опустился на холодное илистое дно — размышлять. Что-то шевельнулось под самой его рукой, и крошечная спирилла, крутясь в иле, заторопилась прочь, различимая только на ощупь. Лавон не тронул ее — он пока не ощущал голода, и думать сейчас следовало о другом: о всеедах, то бишь коловратках. Еще день, и они ринутся в верхние поднебесные слои, пожирая все на своем пути — даже людей, если те не сумеют вовремя увернуться, а подчас и своих естественных врагов, сородичей семейства Пара. Удастся ли поднять всех этих сородичей на организованную борьбу с хищниками — вопрос, что называется, остался открытым.

Воюют не числом, а умением; но даже это утверждение предстояло еще доказать. Сородичи Пара были разумными на свой манер, и они изучили окружающий мир так, как человеку и не снилось. Лавон не забыл, сколь тяжко дались ему знания обо всех разновидностях существ, населяющих этот мир, сколь мудрено оказалось вникнуть в смысл их запутанных имен; наставник Шар нещадно мучил его зубрежкой, пока знания накрепко не засели в памяти.

Когда вы произносите слово «люди», то подразумеваете существа, которые в общем и целом все похожи друг на друга. Бактерии распадаются на три вида — палочки, шарики и спиральки, — все они малы и съедобны, но различать их не составляет труда. А вот задача распознать сородичей Пара иной раз вырастает в серьезную проблему. Сам Пара и его потомки внешне резко отличаются от Стента с семейством, а семья Дидина ничем не напоминает ни тех, ни других. Буквально любое создание, если оно не зеленого цвета и у него есть видимое ядро, может на поверку состоять в родстве с Пара, какую бы странную форму оно ни приобрело. Всееды тоже встречаются самые разные, иные из них красивы, как плодоносящие кроны растений, но и красивые смертельно опасны: вращающиеся венчики ресничек мгновенно перетрут ваше тело в порошок. Ну а тех, кто зелен и обитает в прозрачных резных скорлупках, Шар учил называть диатомеями — диковинное это словечко наставник выудил откуда-то из потаенных глубин мозга, откуда черпал и все остальные слова;

только и сам он был порой не в состоянии объяснить, почему они звучат так, а не иначе.

Лавон стремительно поднялся.

— Нам нужен Шар, — сказал он.— Где его спора?

— На высоком кусте под самым небом.

Вот идиот! Старик никогда не подумает о собственной безопасности. Спать под самым небом, где человека, едва очнувшегося, вялого после долгого зимнего забытья, может сцапать и сожрать любой всеед, случайно проплывший мимо! Лишь мыслители способны на подобную глупость.

— Нам надо спешить. Покажи мне, где он.

— Сейчас покажу, подожди, — ответил один из Пара.— Ты сам его все равно не разглядишь. Где-то тут неподалеку рыскал Нок...

Темнота слегка шевельнулась — цилиндр унесся прочь.

— Зачем он нам нужен, этот Шар? — спросил другой Пара.

— Понимаешь, Пара, он очень умен. Он мудрец.

— Мысли у него пополам с водой. Научил нас языку человека, а о всеедах и думать забыл. Размышляет вечно об одном — откуда здесь взялись люди. Это действительно тайна — никто другой не похож на людей, даже всееды. Но разве разгадка поможет нам выжить?

Лавон повернулся к невидимому собеседнику.

— Пара, скажи мне, почему вы с нами? Почему вы приняли сторону людей? Зачем мы вам? Ведь всееды и так боятся вас...

Последовала пауза. Когда Пара заговорил снова, колебания, заменяющие ему голос, звучали еще невнятнее и глуше, чем прежде, были начисто лишены сколько-нибудь понятного чувства.

— Мы здесь живем, — отвечал Пара.— Мы часть этого мира. Мы повелеваем им. Мы заслужили это право задолго до прихода людей, после многих лет борьбы со всеедами. Но думаем мы почти так же, как всееды, — не планируем, а делимся тем, что мы знаем, и существуем. А люди планируют, люди руководят. Люди различаются друг от друга. Люди хотят переделать мир. И в то же время они ненавидят всеедов, как ненавидим их мы. Мы поможем людям.

— И передадите нам власть?

— И передадим, если человек докажет, что правит лучше. Разум диктует так. Но можно двигаться — Нок несет нам свет...

Лавон поднял глаза. И правда, высоко над головой мелькнула вспышка холодного света и следом еще одна. Мгновение спустя к ним присоединилось сферическое существо, по телу которого то и дело пробегали сине-зеленые сполохи. Рядом носился вихрем Пара-второй.

— У Нока новости, — сообщил этот второй Пара.— Теперь нас, носящих имя Пара, стало двадцать четыре.

— Спроси его, согласен ли он отвести нас к Шару, — нетерпеливо бросил Лавон.

Нок взмахнул своим единственным коротким и толстым щупальцем. Кто-то из Пара пояснил:

— Он для того сюда и явился.

— Тогда в путь!

— Нет, — отрезал Лавон.— Ни секунды дольше. Вставай, Шар!

— Ну, сейчас, сейчас, — раздраженно ответил старик, почесываясь и зевая.— Всегда тебе, Лавон, не терпится. Где Фил? Помнится, он закладывал спору рядом с моей...— Тут он заметил ненарушенную янтарную капсулу, приклеенную к листу той же водоросли, но на ярус ниже.— Столкните его, он будет в большей безопасности на дне.

— Он не достигнет дна, — вмешался Пара.— Помешает терморазде.

Шар прикинулся удивленным.

— Как, уже? Весна уже зашла так далеко? Тогда минутку, я только отыщу свои записи...

Он принялся разгребать осколки споры, усыпавшие поверхность листа. Лавон досадливо осмотрелся, нашел жесткую щепку — скол харовой водоросли и швырнул ее тупым концом вперед, угодив точно в центр споры Фила. Шарик раскололся, и из него выпал рослый молодой человек, посиневший от внезапного купания в холодной воде.

— Ух! — выдохнул он.— Ты что, Лавон, не можешь аккуратнее? — Он осмотрелся.— Старик уже проснулся. Это хорошо. А то настоял, что будет зимовать здесь, пришлось и мне оставаться тоже...

— Ага, — воскликнул Шар, приподнимая толстую металлическую пластину, в длину почти равную его предплечью.— Одна здесь. Куда же я дел вторую?

Фил отпихнул клубок бактерий.

— Да вот она. Лучше бы ты отдал их кому-то из Пара, чтобы не обременять себя такой ношей...

Внезапно, даже не приподняв головы, Лавон оттолкнулся от листа и кинулся вниз, обернувшись лишь тогда, когда уже плыл с максимальной скоростью, на какую только был способен. Шар и Фил, по-видимому, прыгнули одновременно с ним. Всего на ярус выше того листа, где Шар провел зиму, сидела, изготовясь к прыжку, панцирная конусообразная тварь, коловратка-дикран.

Невесть откуда в поле зрения возникли двое из племени Пара. В тот же миг склоненное, напружиненное тело дикрана согнулось в своей броне, распрямилось и бросилось вслед за ними. Раздался тихий всплеск, и Лавон ощутил, что со всех сторон опутан тончайшей сетью, бесчувственной и неумолимой, точно космы лишайника. Еще один всплеск, и Лавон расслышал сдавленные проклятья Фила. Сам он боролся что было сил, но гибкие прозрачные тенета сжимали грудь, не давая шевельнуться.

— Не двигайся, — послышалось за спиной, и Лавон узнал пульсирующий «голос» Пара. Он ухитрился повернуть голову — и тотчас мысленно упрекнул себя: как же он сразу не догадался! Пара разрядили свои трихоцисты, лежавшие у них на брюшке под пленкой, точно патроны; каждый патрон выстреливал жидкостью, которая при соприкосновении с водой застывала длинными тонкими прядями. Для Пара это был обычный метод самозащиты.

Немного ниже, следом за вторым Пара, дрейфовали Шар

с Филом; они плыли в середине белого облака, не то пены, не то плесени. Всееду удалось избегнуть сетей, но он был, наверное, просто не в силах отказаться от нападения и крутился вокруг, резко гудя венчиком. Сквозь прозрачную броню Лавон различал его исполинские челюсти, тупо перетирающие любые частички, какие заносило в ненасытную пасть.

В вышине нерешительно кружился Нок, освещая всю сцену быстрыми, беспокойными голубоватыми вспышками. Против коловраток живой факел был, в сущности, беззащитен, и Лавон сначала не мог взять в толк, зачем понадобилось Ноку привлекать к себе внимание. Но ответ не заставил себя ждать: из темноты выросло существо, смахивающее на бочонок, с двумя рядами ресничек и тараном спереди.

— Дидин! — позвал Лавон без особой надобности.— Сюда, сюда!

Пришелец грациозно подплыл ближе и замер, казалось, изучая происходящее; как это ему удавалось, понять никто не мог — глаз у Дидина не было. Всеед тоже заметил Дидина и попятился, гул венчика превратился в болезненное рычание. Лавону даже почудилось, что дикран вот-вот отступит, — но нет, судя по всему, для отступления тот был слишком глуп. Гибкое тело, припав к стеблю водоросли, вдруг снова устремилось в бой, на сей раз прямехонько на Дидина.

Лавон невнятно выкрикнул какое-то предостережение, но в этом не было нужды. Лениво движущийся бочонок чуть наклонился на бок и тут же бросился вперед — с ошеломляющей скоростью. Если Дидин сумеет нащупать своим ядовитым хватательным органом слабое место в броне всееда...

Нок поднялся еще выше, чтобы нечаянно не пострадать в драке, и свет настолько ослаб, что Лавон перестал видеть кого бы то ни было; но вода яростно бурлила и дикран жужжал по-прежнему.

Постепенно звуки смолкли. Лавон скорчился во тьме, покачиваясь в сети Пара и напряженно вслушиваясь в тишину.

— Что стряслось? Нок, куда они подевались?

Нок осторожно спустился и помахал щупальцем, обращаясь к Пара.

— Он говорит, — пояснил тот, — что тоже потерял их из виду. Подожди-ка, я слышу Дидина.— Лавон ничего не различал; то, что «слышал» Пара, были какие-то полутелепатические импульсы, составлявшие исконный язык аборигенов.— Дидин сообщает нам, что дикран мертв.

— Это хорошо! — произнес Лавон.— Теперь выпусти меня из сети, Пара.

Пара резко дернулся, поворачиваясь на несколько градусов вокруг продольной оси и обрывая пряди у самого основания; движение требовало величайшей точности, чтобы вместе с нитями не оборвалась и защитная пленка. Но все обошлось. Спутанную массу нитей приподняло течением и понесло над бездной.

Отряд численностью более двухсот бойцов, с Лавоном, Шаром и Пара во главе, быстро двигался в теплых, светлых водах поднебесья. Каждый сжимал в руке деревянную щепку или палицу — осколок известковой водоросли, и каждый то и дело внимательно осматривался по сторонам. Сверху их прикрывала эскадра из двадцати Дидинов, и встречные всееды лишь таращили на людей красные глазные пятна, не отваживаясь атаковать. Еще выше, у самого небесного свода, располагался пышный слой всевозможной живности, которая бесконечно боролась за существование, питалась и плодилась; ниже этого слоя все было окрашено в сочный зеленый цвет. Водоросли в этом насыщенном жизнью слое родились без счета, да и всееды беспрепятственно паслись здесь.

Весна уже полностью вступила в свои права. Лавон не пытался себя обмануть: двести человек — вот, видимо, и все, остальные не пережили зиму. По крайней мере обнаружить больше никого не удалось. То ли — этого теперь никогда не узнать — они проснулись слишком поздно, то ли укрепили свои споры на слишком приметных местах, и коловратки не заставили себя ждать. Не менее трети отряда составляли женщины. Значит, дней через сорок, если им ничто не помешает, армия удвоится.

Если им ничто не помешает... Лавон усмехнулся и оттолкнул с дороги клокочущую колонию эвдорин. Эта мысль поневоле напомнила ему о вычислениях, которые Шар проделал в прошлом году: если бы Пара и его сородичи не встречали помех, мир превратился бы в течение одного сезона в сплошную массу тел. Никто, разумеется, не застрахован от гибели в этом мире; и тем не менее Лавон твердо решил, что люди впредь должны гибнуть гораздо реже, чем до сих пор считалось неизбежным и естественным.

Он взмахнул рукой вверх-вниз. Стремительные ряды пловцов нырнули в глубину за ним следом. Свет, льющийся с неба, быстро угасал, и вскоре Лавон стал ощущать прохладу. Он подал новый сигнал. Двести человек, словно танцоры, выполняющие изящный прыжок, разом перевернулись и продолжали погружение ногами вперед. Преодолевать терморазде́л в таком положении было легче и выгоднее всего; каждый понимал настоятельную необходимость покинуть верхние слои, где опасность нарастала так бурно, что с ней не справился бы никакой конвой.

Подошвы Лавона коснулись упругой поверхности; всплеск — и он с головой окунулся в ледяную воду. Вновь подпрыгнул — ледяная разделительная черта шла теперь поперек груди. Всплески слышались со всех сторон — армия преодолевала терморазде́л, хотя, казалось бы, сталкиваться было просто не с чем: сверху вода, снизу тоже вода...

Теперь оставалось выждать, пока не замедлится ток крови. На этой разделительной линии, где кончалась теплая вода поднебесья и температура резко падала, жидкость внизу оказывалась много плотнее и без усилий поддерживала тела на плаву. Нижний, холодный слой простирался до самого дна — сюда коловратки, не отличающиеся особым умом, если и заглядывали, то редко.

Наконец, вода, окружающая нижнюю половину тела, стала для Лавона не ледяной, а, напротив, приятно прохладной в сравнении с той, удушливо теплой, которой приходилось дышать. Он еще подождал, пока не убедился, что армия пересекла терморазде́л без потерь и что долгие поиски переживших зиму в верхних слоях и вправду подошли к концу. Тогда он вновь перевернулся и устремился вглубь, в направлении дна, Фил и Пара рядом, задыхающийся от натуги Шар позади.

Внизу замаячил камень, и Лавон тщательно обследовал его в полумраке. И почти сразу же увидел то, на что втайне надеялся: прилипший к крутому скальному боку песчаный личиночий домик. Тогда он подозвал лучших своих бойцов и указал им цель.

Люди осторожно обложили камень вытянутым полукольцом с тем расчетом, чтобы разрыв полукольца был направлен в ту же сторону, что и выходное отверстие. Какой-то Нок повис сверху, словно осветительная ракета, а один из Пара приблизился к отверстию с вызывающим жужжанием. Сопровождаемые гулом, те, кто был в тыльной части полукольца, опустились на камень и поползли вперед. Дом вблизи оказался втрое выше самых высоких воинов, скользкие черные песчаные зерна, сложившие его стены, были каждое вполобхвата.

Внутри что-то шевельнулось, и спустя секунду из отверстия высунулась безобразная голова личинки. Высунулась, неуверенно качнулась в сторону нахального существа, осмелившегося ее потревожить. Пара отпрянул — личинка, повинуясь слепому охотничьему инстинкту, потянулась за ним, в одно движение вывалившись из домика почти наполовину.

Лавон издал боевой клич. И тут же личинку окружили улюлюкающие орды двуногих демонов, которые безжалостно колотили ее и тыкали кулаками и палицами. Она внезапно исторгла какой-то блеющий звук — столь же невероятный, как если бы рыба защебетала по-птичьи, — и принялась пятиться назад, но бойцы арьергарда уже проломили стену и ворвались в дом с тыла. Личинка рванулась вперед, словно ее подхлестнули кнутом. И вывалилась совсем, и стала опускаться на дно, тряся своей безмозглой головой и блея.

Лавон послал вдогонку пятерых потомков Дидина. Убить личинку они, конечно, не могли — та была слишком велика, чтобы погибнуть от яда, — но жалили ее достаточно больно и заставляли двигаться дальше. Не то она почти наверняка вернулась бы к тому же камню и принялась бы строить новый дом.

Лавон спустился на опорную площадку и с удовлетворением обследовал добычу. В доме с избытком хватало места для всего человеческого племени: большой сводчатый зал, который легко обращался в неприступный бастион — достаточно заделать пролом в задней стенке. Чуть почистить внутри, выставить охранение, прорубить отдушины, чтобы бедная кислородом вода глубин стала проточной, — и живи в свое удовольствие...

Он произвел смотр войскам. Они стояли вокруг в благоговейном молчании, еще не веря в успех своего выступления против

самого крупного зверя во всем известном им мире. Вряд ли они теперь когда-нибудь оробеют перед всеедами, как бывало. Лавон вскочил на ноги.

— Ну, что уставились? — крикнул он.— Все это теперь ваше. За работу!

Старый Шар удобно устроился на голыше, специально выщербленном под сиденье и устланном мягкими водорослями спирогиры. Лавон встал неподалеку в дверях, наблюдая за маневрами своих легионов. Их ряды, умножившиеся за месяц относительно спокойной жизни в большом зале, насчитывали сегодня более трех сотен бойцов, и они проводили день за днем в строевых учениях, программу которых разработал он сам. Они стремглав пикировали в глубину, поворачивались на полном ходу, выполняли перестроения, ведя воображаемую борьбу с противником, которого, впрочем, представляли себе достаточно хорошо.

— Пок утверждает, что всееды теперь непрерывно ссорятся друг с другом, — сказал Шар.— Никак не могут взять в толк, что мы действительно объединились с семейством Пара и его родней и совместными усилиями завоевали новый дом. Взаимопомощь — явление, неизвестное доселе в этом мире, Лавон. Ты, что называется, делаешь историю.

— Историю? — переспросил Лавон, провожая марширующих солдат придирчивым взглядом.— Что такое история?

— А вот она...

Старик перегнулся через спинку своего «кресла» и коснулся металлических пластин, с которыми никогда не расставался. Лавон следил за ним без особого любопытства. Он видел эти пластины не раз и не два — блестящие, не тронутые ржавчиной, покрытые с обеих сторон письменами, которые никто, даже Шар, не в силах прочесть. Пара как-то раз назвал таинственные пластины «ни то ни се» — ни живая материя, ни древесина, ни камень.

— Ну и что? Я же не могу их прочесть. И ты не можешь.

— Я пытаюсь, Лавон. Я уверен, что пластины написаны на понятном нам языке. Посмотри хотя бы на первое слово. По-моему, его надо читать — «история». Число букв в точности совпадает. А ниже строкой два слова подряд, мне кажется, читаются «нашим потомкам».

— Но что все это значит?

— Это начало, Лавон. Только начало. Дай срок, узнаем больше.

Лавон пожал плечами.

— Может быть. Когда добьемся большей безопасности, чем сейчас. Сегодня мы не вправе размениваться на такие вещи. У нас на них просто нет времени. И никогда не было — с самого Первого пробуждения...

Старик нахмурился. Водя палочкой по песку, он пытался срисовывать буквы с пластины.

— Первое пробуждение. Почему оно было первым, а до него

не было ничего? Я помню в подробностях все, что случилось со мной с той поры. Но что было со мной в детстве, Лавон? Словно ни у кого, кто пережил Первое пробуждение, вообще не было детства. Кто наши родители? Почему мы все очнулись взрослыми мужчинами и женщинами, но не ведали ничего об окружающем мире?

— И ответ, по-твоему, записан на этих пластинах?

— Надеюсь. Точнее, верю. Хотя ручаться не могу. Пластины лежали внутри споры рядом со мной при Первом пробуждении. Вот, собственно, и все, что мне известно о них, и еще одно — подобных пластин больше нет нигде в мире. Остальное — домыслы, и, по правде сказать, я пока продвинулся со своими домыслами не слишком далеко. Но придет день... придет день...

— Я тоже надеюсь, что придет, — перебил Лавон.— Я вовсе не хочу передразнивать тебя, Шар, или проявлять излишнее нетерпение. И у меня есть сомнения, да и у многих других. Но на время придется их отложить. Ты не допускаешь, что мы при нашей жизни не сумеем найти на них ответа?

— Если мы не найдем, найдут наши дети.

— В том-то и соль, Шар: мы должны выжить сами и вырастить детей. И оставить им мир, в котором у них будет время на отвлеченные размышления. В противном случае...

Лавон запнулся — между часовыми у входа мелькнула стремительная тень, приблизилась, затормозила.

— Какие новости, Фил?

— Все то же, — отозвался Фил, выгибаясь всем телом, чтобы коснуться подошвами пола.— Крепости флосков поднимаются по всей отмели. Еще немного — и строительство будет завершено, и мы тогда не посмеем и близко подойти к ним. Вы по-прежнему уверены, что мы сумеем вышвырнуть флосков вон?

Лавон кивнул.

— Но зачем?

— Во-первых, чтобы произвести впечатление. До сих пор мы только защищались, хотя в последнее время и не без успеха. Но если мы собираемся внушить всеедам страх, то должны теперь сами напасть на них. Во-вторых, замки флосков с множеством галерей, входов и выходов будут нам служить много надежнее, чем нынешний дом. Кровь стынет от одной мысли: что если бы всееды додумались взять нас в осаду? И кроме того, Фил, нам нужен аванпост на вражеской территории, откуда можно постоянно нападать на них.

— Мы и сейчас на вражеской территории, — возразил Фил.— Стефаносты, как известно, обитатели дна.

— Стефаносты — не настоящие охотники. Любого из них ты встретишь там же, где видел в последний раз, сколько бы воды ни утекло. Нет, сначала надо победить прыгунов, таких, как дикраны и нотолки, плывунов, таких, как ротары, и фортификаторов — флосков.

— Тогда лучше бы начать не откладывая, Лавон. Если крепости будут завершены...

— Ты прав, Фил. Поднимай свои войска. Шар, собирайся — мы покидаем этот дом.

— Чтобы завоевать крепость?

— Вот именно.

Шар подобрал свои пластины.

— А вот их как раз лучше оставить здесь — в сражении они будут только мешать...

— Ну уж нет, — заявил Шар решительно.— Ни за что не выпущу их из виду. Куда я, туда и они.

Смутные предчувствия, тем более тревожные, что ему никогда ранее не доводилось испытывать ничего похожего, поднимались в сознании, словно легкие облачка ила. Насколько Лавон мог судить, все шло по плану: армия отчалила от придонного зала и всплывала к терморазделу. По мере движения она разрасталась за счет союзников, которые вливались в ее ряды со всех сторон. Порядок был образцовый; каждый солдат был вооружен длинной заостренной щепой, и с каждого пояса свисал ручной топорик, иначе говоря, скол харовой водоросли с дыркой — Шар научил их, как ее высверлить. Многие из них сегодня наверняка погибнут еще до прихода ночи, но в подводном мире смерть была не в диковинку в любой день, а сегодня она, может статься, послужит посрамлению всеедов...

Однако из глубин уже тянуло холодком, что отнюдь не нравилось Лавону, и в воде ощущался какой-то намек на течение, совершенно неуместное ниже терморазде́ла. Слишком много дней ушло на формирование армии, пополнение ее за счет отставших одиночек и укрепление стен жилища. Затем начало появляться молодое поколение, его надо было учить, и это требовало новых и новых затрат времени — естественных, но необратимых. Если холодок и течение означают приближение осенних перемен...

Если да, то ничего не поделаешь. Перемены нельзя отсрочить, как нельзя отложить наступление дня или ночи. Лавон подал знак ближайшему из семьи Пара. Блестящая торпеда изменила курс и приблизилась. Он показал вверх.

— Впереди терморазде́л, Пара. Правильно ли мы идем?

— Да, Лавон. В этом месте дно поднимается к небу. За́мки флосков на той стороне, и они нас не видят.

— Песчаная отмель, что берет начало на севере. Все точно. Вода теплеет. Ну что ж, плывем дальше...

Лавон почувствовал, что все движения вдруг ускорились, будто тело выстрелили из незримой пращи. Он оглянулся через плечо — посмотреть, как преодолевают температурный барьер остальные, — и то что он увидел, взволновало его сильнее иного весеннего пробуждения. До сих пор у него как-то не складывалось цельного представления о масштабе собственных сил, объемной картины их решительного, прекрасного в своей неукротимости строя. Даже союзники и те вписались в этот строй, фаланга за фалангой всплывали вслед за Лавоном из глубин: сначала осветитель — Нок, словно факел, зовущий за собой других; затем передовой конус, составленный из Дидинов, в задачу которых входит устранять отдельных встречных всеедов, — иначе те, чего доброго, поднимут переполох; и, наконец, люди и потомки

Пара — ядро армии, в тесных шеренгах, безупречных, точно геометрические теоремы в изложении Шара.

Отмель высилась впереди, огромная, как гора. Лавон круто взмыл вверх, и потревоженные песчаные зерна потекли под ним в обратном направлении широким ручьем. За гребнем отмели, поднимаясь к самому небу, сквозь мерцающую зеленую полутьму проглядывали переплетенные стебли водорослевых джунглей. Это и была их цель — расстояние еще не позволяло различить прилепившиеся к стеблям крепости флосков, однако бóльшая часть пути осталась теперь позади. Свет в поднебесье казался слишком ярким; Лавон прищурился, но продолжал рассекать воду быстрыми сильными взмахами перепончатых рук и ног. Армия, не отставая, перевалила гребень все в том же четком строю.

Лавон описал рукой полукруг. Отряды бесшумно перестроились гигантским параболоидом, ось которого нацелилась в самое сердце джунглей. Стали видны и крепости — до создания армии Лавона они были, пожалуй, единственным примером сотрудничества, с каким когда-либо сталкивался этот мир. Крепости состояли из множества бурых трубок, суженных к основанию и примыкающих одна к другой под самыми причудливыми углами; получалась постройка, изящная, как ветвящийся коралл. И в устье каждой трубки сидела коловратка, флоск, отличающаяся от других всеедов четырехлепестковым, как у клевера, венчиком, а также гибким отростком, который поднимается над серединой туловища и служит для скатывания шариков из слюны и аккуратного прилаживания их, едва они затвердеют, на место.

Как обычно, при виде крепостных построек в душу Лавона стали закрадываться сомнения. Постройки были само совершенство; и этот каменный цветок распускался здесь каждое лето задолго до Первого пробуждения, задолго до человека. Но что-то неладное происходило сегодня с водой поднебесья — она была слишком теплой, навевала сон. Флоски беспрестанно гудели, высунувшись из своих трубок. Все выглядело как всегда, как повелось от века; их предприятие — бред, нашествие заведомо обречено на провал..

И тут их выследили.

Флоски мгновенно втянулись в устья трубок и исчезли. Ровное гудение, означавшее, что они без устали засасывают все проплывающее мимо, разом оборвалось; лишь пылинки танцевали над крепостью в лучах света.

Лавон против воли улыбнулся. Еще недавно флоски просто выждали бы, пока люди не подплывут достаточно близко, и засосали бы их, почти не встречая сопротивления и прерывая гул лишь затем, чтобы измельчить слишком крупную добычу. Теперь же они попрятались. Они испугались.

— На штурм! — крикнул он во весь голос.— Бейте их! Бейте, раз они затаились!

Армия позади Лавона развернулась в атаку, отдельные возгласы слились в единый оглушительный клич.

Миг — и все тактические замыслы спутались. Прямо перед

Лавоном внезапно раскрылся клеверный венчик, и гулкий водоворот потянул его в черную утробу флоска. Он яростно замахнулся и ударил отточенным деревянным копьем. Острое лезвие глубоко вонзилось меж отороченных ресничками долей. Коловратка взвизгнула и вжалась поглубже в трубку, прикрывая рану. Лавон с мрачной решимостью рванулся за ней.

Крепостной ход оказался внутри темным, как могила; раненый флоск бешено мутил воду, и Лавона швыряло от одной неровной стенки к другой. Он стиснул зубы и снова ткнул копьем. Оно сразу же впилось во что-то упругое, и новый вскрик отозвался в ушах звоном. Лавон бил копьем до тех пор, пока крики не смолкли, и бил еще, пока не заглушил собственный страх.

Наконец, дрожа, он вернулся к устью трубки и, не раздумывая, оттолкнулся и выбросился на свободу, чтобы тут же наскочить на проплывающего мимо всееда. Это оказался дикран; при виде Лавона он злобно сжался, готовясь к прыжку. Даже всееды выучились кое-чему за последнее время: дикраны, хорошо воюющие в открытой воде, были для флосков наилучшими естественными союзниками.

Броня дикрана легко отразила первый удар. Лавон лихорадочно тыкал копьем, пытаясь нащупать уязвимое место, но юркий враг не дал ему времени толком прицелиться. Всеед сам бросился в атаку, гудящий венчик обернулся вокруг головы, прижал руки к бокам...

И вдруг дикран содрогнулся и обессилел. Лавон кое-как выбрался наружу, не то разрубив лепестки, не то разорвав их, и увидел отплывающего Дидина. Мертвая коловратка тихо погружалась на дно.

— Благодарю, — выдохнул Лавон. Спаситель устремился прочь, не удостоив его ответом: у Дидина реснички были не такие длинные, как у Пара, и имитировать человеческую речь он не мог. Да, по всей вероятности, и не хотел: это семейство не отличалось общительностью.

Не успел Лавон опомниться, как его вновь закрутило в бешеном омуте, и он вновь пустил в ход оружие. Следующие пять минут растянулись, как дурной сон, но в конце концов он понял, как лучше всего расправляться с неповоротливыми, жадными флосками. Вместо того чтобы напрягать все силы, замахиваясь против течения, можно было отдаться на волю потока, зажав копье меж ступней острием вниз. Результаты достигались лучшие, чем он смел надеяться. Копье, которое сам же флоск засасывал во всю силу своей ловушки, пронзало прячущуюся в трубке червеобразную тварь, возжаждавшую человечьей плоти, почти навылет.

Наконец, выбравшись из очередной схватки, он обнаружил, что сражение переместилось куда-то в сторону. Он присел на край трубки и перевел дыхание, цепляясь за округлые, просвечивающие «кирпичики» стенок и наблюдая за полем боя. Разобраться в хаосе отдельных стычек было нелегко, но, насколько он мог судить, коловраткам приходилось туго. Они не умели противосто-

ять организованному нападению — ведь по существу они вообще не обладали разумом.

Дидин с собратьями рыскали от края до края битвы, захватывая и уничтожая свободно плавающих всеедов целыми стаями. На глазах Лавона полдесятка коловраток попалось в сети племени Пара, и их, запутавшихся в нитях трихоцист, безжалостно волокли на дно, где они неизбежно задохнутся. Не менее удивительно было видеть, что Нок — один из немногих сопровождавших армию — решил отхлестать извивающегося ротара своим в сущности безобидным щупальцем; всеед был настолько ошарашен, что и не подумал сопротивляться.

Какая-то фигура медленно и устало поднималась из глубин. Лавон узнал Шара, протянул руку и втащил запыхавшегося старика на край отвоеванной трубки. На лицо Шара было страшно взглянуть — такое на нем отражалось потрясение, такое горе.

— Погибло, Лавон. Все погибло. Все пропало.

— Что? Что погибло? В чем дело?

— Пластины. Ты был прав. Я зря тебя не послушал...

Шар судорожно всхлипнул.

Пластины? Да успокойся ты! Что стряслось? Ты потерял одну из исторических пластин или даже обе?

Мало-помалу наставник как будто восстанавливал контроль над своим дыханием.

— Одну, — ответил он с жалким видом.— Обронил в бою. Вторую я спрятал в опустевшей крепостной трубке. А первую обронил — ту самую, что едва начал расшифровывать. Она пошла на дно, а я не мог кинуться за ней вдогонку. Все, что я мог, — следить, как она, крутясь, падает во тьму. Цеди теперь ил хоть до скончания веков — все равно ее не найдешь...

Он спрятал лицо в ладонях. Балансируя на краю бурой трубки в зеленом отсвете вод, Шар выглядел одновременно трогательно и нелепо. Лавон не знал, что и сказать; даже он понимал, что потеря была большой, а может, и невосполнимой, что зияющий провал вместо воспоминаний о днях, предшествовавших Первому пробуждению, теперь, вероятно, никогда не будет заполнен. А уж какие чувства обуревали Шара — о том можно было только догадываться.

Снизу стремительно всплыла, направляясь к ним, еще одна фигура.

— Лавон! — раздался голос Фила.— Все идет как по маслу! Плывуны и прыгуны удирают — те, что остались в живых. Правда, в замке еще есть флоски, прячутся где-то во тьме. Вот если бы выманить их оттуда...

Возвращенный к действительности, Лавон прикинул шансы на выигрыш. Вся затея может еще провалиться, если флоски благополучно попрячутся в дальних норах. В конце концов, грандиозная бойня была сегодня отнюдь не главной задачей — люди задумали овладеть крепостью в целом.

— Шар, скажи, эти трубки сообщаются между собой?

— Да, — ответил старик без тени интереса.— Это единая система.

Лавон так и подпрыгнул, повиснув в чистой воде.

— Будем действовать, Фил. Нападем на них с тыла!

Резко повернувшись, он нырнул в устье трубки, Фил за ним. Давила темнота, в воде стоял зловонный запах флосков, но после секундного замешательства Лавон на ощупь отыскал проход в соседнюю трубку. Не составляло труда догадаться, куда двигаться дальше: стенки шли наклонно, все постройки флосков неизменно сходились на конус и отличались одна от другой только диаметром.

Лавон решительно держал путь к главному стволу — вниз и внутрь. Однако, заметив, что вода у очередного прохода бурлит, и услышав приглушенные возгласы и назойливый гул, он остановился и ударил в отверстие копьем. Коловратка издала пронзительный испуганный крик и дернулась всем телом, поневоле потеряв сцепление с трубкой — ведь захватный орган у флосков находится в нижней части тела. Лавон усмехнулся и поплыл дальше. Люди у устья трубки довершат остальное.

Достигнув наконец главного ствола, Фил с Лавоном методически обследовали ветвь за ветвью, нападая на пораженных всеедов сзади, принуждая их отпускать захват — чтобы воины наверху легко справились с ними, когда собственная тяга венчиков вытянет флосков наверх. Конусная форма трубок не давала всеедам развернуться для ответной атаки, тем более не позволяла им последовать за нападающими по лабиринтам крепости: каждый флоск от рождения до смерти занимал одну и ту же камору и никогда не покидал ее.

Завоевание всей крепости заняло каких-то пятнадцать минут. День едва начал клониться к закату, когда Лавон и Фил всплыли над самыми высокими башнями, чтобы окинуть гордым взглядом первый в истории Город Человека.

Он лежал во тьме, прижав лоб к коленям, недвижимый, как мертвец. Вода была затхлой и холодной, темнота абсолютной. По сторонам смыкались стены бывшей крепости флосков, над головой один из Пара клал песчаные зерна в заново наведенную сводчатую крышу. Каждый из солдат армии нашел себе приют в других трубах, под новенькими их перекрытиями, — но где же шорох движений, где голоса? Кругом стояла нерушимая тишина, точно на кладбище.

Мысли Лавона текли медленно и вяло. Он тогда оказался прав — наступала осень. У него едва хватило времени на то, чтобы поднять всех людей со дна в крепость до прихода осенних перемен. Осенью воды вселенной меняются местами — придонные поднимаются к небу, поднебесные уходят на дно — и перемешиваются. Терморазде́л разрушается до следующего года, пока весенние течения не образуют его снова.

И внезапно резкая смена температуры воды и кислородное голодание повлияли на деятельность спорообразующих желез. Вокруг Лавона уже смыкается янтарная сфера, и он не в силах

этому помешать. Это непроизвольный процесс, не зависящий от его воли, как биение сердца. Скоро, скоро стылую грязную воду вытеснит и заменит фосфоресцирующая жидкость, и тогда придет сон...

Тишина и холод. Темнота и покой.

В дальнем углу Галактики горит пурпурная звездочка Тау Кита, и вокруг нее бесконечно вращается сырой мирок по имени Гидрот. Многие месяцы его озера и пруды кишели жизнью, но вот солнце ушло из зенита, выпал снег, и лед наполз на материк со стороны океана. И жизнь опять погрузилась в дрему, сравнимую только со смертью; битвы и вожделения, победы и поражения миллиардов микроскопических существ сменились забвением, когда все это не имеет ровно никакого значения.

Воистину всем страстям приходит конец, когда на планете Гидрот правит зима; но зима — властитель не вечный.

Этап второй

Старый Шар отложил наконец толстую, иззубренную по краям металлическую пластину и выглянул из окна крепости, очевидно, ища успокоения в сияющей зелено-золотой полутьме летних вод. В мягких отсветах, упавших на лицо мыслителя сверху — там, под сводчатым потолком, безмятежно дремал Нок, — Лавон увидел, что перед ним, по существу, совсем еще молодой человек. Черты лица Шара поражали хрупкостью, не оставляя сомнений: с тех пор, как он впервые вышел из споры, минуло не слишком много лет.

В сущности, у Лавона и не было оснований думать, что Шар в самом деле окажется стариком. Любого Шара по традиции величали «старый Шар». Смысл такого обращения, как смысл многого вокруг, затерялся, привычка уцелела. По крайней мере она придавала вес и достоинство должности мыслителя — средоточия мудрости племени, — подобно тому, как должность каждого из Лавонов подразумевала средоточие власти.

Нынешний Шар принадлежал к поколению XVI и, следовательно, должен был быть по крайней мере на два года моложе, чем сам Лавон. Если он и мог считаться старым, то исключительно в смысле разума.

— Отвечу тебе честно, Лавон, — произнес Шар, по прежнему глядя куда-то вдаль сквозь высокое, неправильной формы окно.— Достигнув зрелости, ты пришел ко мне за секретами металлической пластины точно так же, как твои предшественники приходили к моим. Я могу сообщить тебе кое-что из этих секретов, но по большей части я и сам не ведаю, что они означают.

— После стольких-то поколений? — воскликнул изумленный Лавон.— Ведь еще Шар III сделал первый полный перевод, разве не так? Это случилось давным-давно...

Молодой человек обернулся и устремил взгляд на гостя. Его глаза, большие и темные, словно впитали в себя глубины, которые только что мерили.

— Я могу прочесть то, что написано на пластине, однако в большинстве своем фразы кажутся лишенными смысла. Хуже всего, что записи неполны. Ты этого не знал? Но это так. Одна из пластин была утеряна на поле боя во время первой войны со всеедами, когда замки еще находились в их руках.

— Тогда зачем же я здесь? — спросил Лавон.— А на той пластине, что сохранилась, есть там что-нибудь достойное внимания? Действительно ли она донесла до нас «мудрость создателей» или это просто-напросто миф?

— Нет, это правда,— медленно ответил Шар.— Пожалуй, правда...

Он осекся; собеседники разом повернулись и уставились на призрачное создание, внезапно возникшее за окном. Затем Шар многозначительно провозгласил:

— Входи, Пара.

Существо в форме туфельки, почти прозрачное, за исключением серебристых с чернью зернышек и искристых пузырьков, которые во множестве наполняли его нутро, проскользнуло в комнату и остановилось, тихо шевеля ресничками. Секунду-другую оно висело безмолвно, обмениваясь телепатическими приветствиями с Ноком, плавающим под сводом, в принятой между ними церемонной манере. Никто из людей никогда не слышал этих бесед, но сомневаться в их реальности не приходилось: для дальней связи человек использовал сородичей Пара уже на протяжении многих поколений. Потом реснички всколыхнулись сильнее:

— Мы явились к вам, Шар и Лавон, в согласии с обычаем...

— Добро пожаловать, — отозвался Шар.— Если не возражаешь, Лавон, давай отложим вопрос о пластинах и выслушаем, что нам скажет Пара. Это тоже часть знаний, которые каждый из Лавонов должен усвоить при вступлении в должность, и по своему характеру эти знания важнее, чем записи на пластинах. Я могу сообщить тебе, и то намеком, кто мы. Пара начнет с рассказа о том, как мы появились здесь.

Лавон с готовностью кивнул и стал заинтересованно следить за Пара, который плавно опустился на поверхность стола. Движения этого существа были столь грациозны и уверенны, столь экономны и точны, что поневоле заставляли Лавона усомниться в собственной едва-едва обретенной зрелости. В сравнении с Пара, как и с его разнообразными родственниками, Лавон ощущал себя не то чтобы убогим, но каким-то незавершенным.

— Нам известно, что по логике вещей человеку в этом мире места нет, — прожужжал поблескивающий цилиндр, замерший над столом.— В нашей общей памяти сохранилось представление о временах, когда здесь не было людей, не было никого, хоть отдаленно на них похожего. Помним мы и день, когда люди вдруг явились к нам, и сразу в довольно большом числе. Их споры

очутились на дне, и мы обнаружили эти споры вскоре после весеннего пробуждения, а внутри спор разглядели людей, погруженных в дремоту.

Потом люди разбили оболочки спор и вылупились. Поначалу они казались беспомощными, и всееды пожирали их десятками — в те времена всееды пожирали все, что движется. Но вскоре этому пришел конец. Люди были разумны и предприимчивы. А главное — наделены качествами, чертами, каких не было ни у кого в этом мире, в том числе и у свирепых всеедов. Люди подняли нас на истребление всеедов, они овладели инициативой. Теперь, когда вы дали нам это слово, мы помним и даже применяем его, но так и не поняли, что же это за штука...

— Вы сражались бок о бок с нами, — заметил Лавон.

— С радостью. Сами мы никогда не додумались бы начать такую войну, но все равно она была справедливой и закончилась справедливо. И тем не менее мы недоумевали. Мы видели, что люди плохо плавают, плохо ходят, плохо ползают, плохо лазают. Зато они способны изготовлять и использовать орудия — идея, которой мы так и не поняли, поскольку она совершенно чужда нашей жизни, а другой мы не знаем. Но нам сдается, что столь чудесная способность должна бы вести к гораздо более полному владычеству над миром, чем человек может осуществить здесь.

У Лавона голова пошла кругом.

— Слушай, Пара, я и в мыслях не держал, что вы такие завзятые философы.

— Пара — представитель древнего рода, — заявил Шар. Он опять отвернулся к окну, сцепив руки за спиной.— Однако они не философы, а беспощадные логики. Учти это, Лавон.

— Из наших рассуждений может быть только один вывод, — продолжал Пара.— Наши странные союзники, люди, не похожи ни на кого другого в этой вселенной. Они плохо приспособлены к ней. И все потому, что они не принадлежат к нашему миру, а лишь кое-как приноровились к нему. Из сказанного следует, что существуют иные вселенные помимо нашей, но где они расположены и какими свойствами обладают, невозможно даже вообразить. Мы ведь, как известно, лишены воображения...

Неужели цилиндр иронизирует? Лавон не знал, что и подумать. Он тихо переспросил:

— Иные вселенные? Как же это?

— Сами не представляем, — монотонно прожужжал Пара.

Лавон еще подождал, но, очевидно, гостю больше нечего было сказать.

Шар снова уселся на подоконнике, обхватив колени и наблюдая за смутными образами, наплывающими из бездны и уплывающими обратно.

— Все верно, — произнес он.— Записи на пластине не оставляют в том сомнений. Разреши, теперь я перескажу тебе их смысл. Нас изготовили, Лавон. Нас изготовили люди, не похожие на нас, хотя они и стали нашими предками. С ними приключилась какая-то беда, и они изготовили нас и поместили в эту вселенную, чтобы, хотя им и суждено было умереть, раса людей все-таки уцелела...

Лавон так и подскочил с витого водорослевого коврика, на котором сидел.

— Не считай меня глупее, чем я есть, — сказал он резко.

— Я и не считаю. Ты наш, Лавон, ты имеешь право знать истину. И поступай с ней как тебе заблагорассудится. Наша неприспособленность к этому миру самоочевидна. Вот лишь несколько примеров.

Четыре моих предшественника пришли к выводу, что наша наука не стронется с места, пока не научится контролировать теплоту. Нам известно, что с повышением — или понижением — температуры меняется все, даже окружающая нас вода. Но как повысить температуру? Если делать это в открытой воде, тепло тут же уносит течением. Однажды мы попробовали добиться этого в замкнутом пространстве — и взорвали целое крыло замка, убив всех, кто очутился поблизости. Взрыв был страшен, мы измерили возникшие давления и установили, что ни одно известное вещество не способно противостоять им. Теория допускает существование более прочных веществ, но, чтобы получить их, нужна высокая температура!

А как быть с химией? Мы живем в воде. Вода в большей или меньшей степени растворяет все остальное. Как ограничить химический опыт одним тиглем, одной пробиркой? Понятия не имею. Любой путь заводит в один и тот же тупик. Мы мыслящие существа, но мыслим мы решительно не так — не так, как того требует вселенная, куда мы попали. Наше мышление не дает здесь должных результатов...

Лавон попытался поправить сбитые течением волосы — тщетно.

— А, может, ты и стремишься не к тем результатам? Мы уже давно не испытываем затруднений с оружием, с продовольствием, да и в практических делах преуспеваем. Если мы не можем контролировать теплоту, то, право, большинство из нас от этого ничуть не страдает: нам довольно и того тепла, какое есть. А на что похожа та, иная вселенная, где жили наши предки? Она лучше нашей или хуже?

— Откуда мне знать? — вымолвил Шар.— Она настолько отлична от нашей, что их трудно сравнивать. Металлическая пластина повествует о людях, которые путешествуют с места на место в самодвижущемся сосуде. Единственная аналогия, какую я могу предложить, — это лодки из ракушек, те, что наши юнцы делают для катания с терморазделa. Однако сосуды предков были во много раз больше.

Я представляю себе огромную лодку, закрытую со всех сторон, такую огромную, что в ней помещается человек двадцать или даже тридцать. В течение многих поколений она движется в среде, где нет воды для дыхания, и потому люди вынуждены везти воду с собой и постоянно ее обновлять. Там нет времен года, и на небе не образуется лед, потому что в закрытой лодке не может быть неба, и там нет спорообразования.

Но однажды лодка потерпела крушение. Люди в лодке понимали, что должны погибнуть. И они изготовили нас

и поместили сюда, словно детей. И поскольку они должны были погибнуть, то записали свою историю на пластинах, чтобы мы узнали, что́ с ними произошло. Вероятно, мы разобрались бы во всем этом лучше, если бы сохранилась та пластина, которую Шар I потерял во время войны, но ее нет...

— Твой рассказ звучит как притча, — заявил Лавон, пожав плечами.— Или как баллада. Совершенно ясно, почему ты сам не понимаешь того, что рассказываешь. Неясно другое — зачем ты силишься понять?

— Из-за пластины, — ответил Шар.— Ты теперь сам держал ее в руках и видишь, что в нашем мире нет ничего подобного ей. Мы умеем ковать металлы — грубые, с примесями, подверженные быстрому износу. А пластина сохраняет свой блеск вот уже многие поколения. Она не меняется, наши молоты и резцы крошатся, едва коснувшись ее, и температурные перепады — те, какие мы в силах создать, — не причиняют ей вреда. Пластина изготовлена вне нашей вселенной — и уже один этот факт делает значимой каждую начертанную на ней букву. Кто-то приложил большие старания, чтобы пластины стали неразрушимыми и дошли до нас. Кто-то, кому слово «звезды» представлялось настолько важным, что он повторил его четырнадцать раз, а ведь это слово вроде бы ничего не значит. Совершенно уверен, что если наши создатели в записи, сделанной на века, повторили одно и то же слово хотя бы дважды, для нас жизненно важно понять, что оно означает...

Лавон снова встал.

— Запредельные миры, исполинские лодки, слова, лишенные смысла, — может, они и существуют, но нам-то что за печаль? Прошлые поколения Шаров посвящали свою жизнь тому, чтобы вывести культурные сорта водорослей и научить нас ухаживать за ними, избавив народ от превратностей охоты за бактериями. Еще раньше Шары строили военные машины, разрабатывали военные планы, и это тоже окупалось. Лавоны в те дни и думать не думали о металлических пластинах со всеми их загадками — и Шарам своим заказывали. Ты, конечно, можешь продолжать возиться с этой штукой, если это занятие прельщает тебя больше, чем выращивание водорослей, но мое личное мнение таково, что ее надо выбросить...

— Ну что ж, — Шар в свою очередь пожал плечами, — раз ты не хочешь вести беседу, тогда закончим ее. Пойдем каждый своей...

Со стола послышался нарастающий гул. Пара приподнялся, его реснички колыхались волнообразно, как колышутся созревающие грибки на придонных полях.

В течение всей беседы цилиндр хранил такое глубокое молчание, что Лавон начисто забыл о нем, и Шар, судя по его испугу, тоже.

— Это великое решение, — затрепетали реснички.— Мы издавна опасались таинственной пластины, опасались, что люди разберутся в ее письменах и переселятся в иные миры, а нас покинут. Теперь мы больше ее не боимся.

— Вам и раньше нечего было бояться, — снисходительно бросил Лавон.

— Ни один Лавон до тебя не говорил нам так, — промолвил Пара.— Мы счастливы. Мы выбросим пластину, как повелел Лавон...

С этими словами искрящееся существо устремилось к выходу, унося с собой последнюю пластину. До того она покоилась на столе, теперь была бережно стиснута в гибких брюшных волосках. Внутри прозрачного тела вакуоли раздулись, увеличивая плавучесть и позволяя цилиндру нести значительный вес.

Шар с криком кинулся вплавь к окну.

— Пара, остановись!

Но тот уже исчез — исчез так стремительно, что и не слышал зова. Шар вернулся и застыл, опершись плечом о стену. Он молчал. Ему и не нужно было ничего говорить: лицо его выражало столько чувств, что Лавон не выдержал и отвел глаза.

Тени обоих людей вдруг снялись с мест и медленно тронулись по неровному полу. Шевеля щупальцем, из-под свода спускался Нок; испускаемый им свет то вспыхивал, то гас. Он в свою очередь проплыл сквозь окно вслед за двоюродным братом и не спеша растворился в пучине.

В течение многих дней Лавон старался не вспоминать об утрате. Работы всегда хватало — одно только поддержание крепостных построек стоило бесконечных хлопот. Тысячи последовательно ветвящихся ходов со временем неизбежно осыпались, обламывались там, где примыкали друг к другу, и ни один Шар не придумал еще раствора, который заменил бы слюну коловраток, некогда связывавшую за́мки воедино. К тому же реконструкция помещений и разметка окон в прежние времена проводились наспех, а подчас и с грубыми ошибками. В конце концов стихийная архитектура всеедов ни в коей мере не была рассчитана на удовлетворение потребностей человека.

Затем начались заботы об урожае. Пропитание племени не зависело более от случайно пойманных бактерий; теперь к услугам людей были дрейфующие плантации грибков и водорослей и посевы мицелия на дне — пища вкусная и сытная, бережно взращенная Шарами пяти поколений. Однако за посевами надо было следить, поддерживая чистоту штаммов и отваживая непрошеных лакомок, глупых и жадных. Пара и его родичи по мере сил по́могали организовать охрану, но без надзора со стороны людей обойтись не могли.

И тем не менее, несмотря на всю свою занятость, Лавон не в силах был забыть момент, когда по собственной его опрометчивости последняя надежда разобраться в происхождении и предназначении человека оказалась утраченной навсегда.

Конечно, можно бы попросить Пара вернуть пластину, объяснить, что произошла ошибка. Неумолимая логика цилиндров не мешала им уважать людей и даже свыкнуться с человеческой непоследовательностью; под нажимом они могли бы пересмотреть свое решение...

«Очень сожалеем, но мы отнесли пластину на ту сторону отмели и сбросили в омут. Мы прикажем обыскать дно, однако...»

Лавон не мог совладать со щемящим чувством уверенности, что ответ будет именно таким или очень похожим. Если цилиндры пришли к выводу, что вещь больше не нужна, они не станут приберегать ее со старушечьей скаредностью где-нибудь в чулане. Они ее действительно выбросят — решительно и бесповоротно.

Да, наверное, это и к лучшему. Какую пользу принесла пластина человечеству — давала Шарам повод для размышлений на склоне лет? Все, что сделали Шары для людей здесь, в воде, в этой жизни, в этом мире, достигнуто путем прямого эксперимента. Пластины пока что не дали людям ни крупицы полезных знаний. По крайней мере вторая пластина толковала исключительно о проблемах, о которых резоннее вообще не задумываться. Пара абсолютно правы.

Лавон слегка передвинулся по поверхности листа, с которого надзирал за экспериментальным сбором сочных сине-зеленых водорослей, плавающих спутанной массой под самым небом, и осторожно почесался спиной о жесткий ствол. Пара, пожалуй, почти никогда не ошибались. Их неспособность к творчеству, к оригинальному мышлению на поверку оказывалась не только дефектом, но и ценным даром. Она позволяла им всегда видеть и воспринимать все именно таким, каким оно было на самом деле, а не таким, каким хотелось бы его воспринять, — в этом смысле они были словно лишены желаний.

— Лавон! Ла-а-во-он!..

Призывный клич поднялся из сонных глубин. Придерживаясь рукой за край листа, Лавон перегнулся и глянул вниз. Снизу вверх на него смотрел один из сборщиков — в пальцах у человека было тесло, с помощью которого клейкие пряди водорослей отделяли одну от другой.

— Я здесь. В чем дело?

— Мы обособили созревший сектор. Можно приступать к буксировке?

— Приступайте, — ответил Лавон, лениво поведя рукой, и вновь откинулся к стволу. В тот же миг у него над головой вспыхнуло ослепительное красноватое сияние, вспыхнуло и потекло в глубину, будто сеть из чистого золота.

Значит, там, высоко над небом, вновь ожил великий свет; он горит весь день, то усиливаясь, то тускнея, повинуясь законам, которых ни один Шар еще не сумел вывести. Немногие люди, кого обласкал этот теплый свет, сумели совладать с искушением и не взглянуть в его сторону — особенно когда, как сейчас, небо морщится и смеется в каких-нибудь двух-трех гребках. Но, как всегда, подняв глаза к небу, Лавон не разглядел ничего, кроме своего искаженного отражения да еще контуров водоросли, на которой сидел. Перед ним была верхняя грань, одна из трех основных поверхностей вселенной.

Первая поверхность — дно, где кончается вода.

Вторая поверхность — термораздел, легко различимый летом; с него хорошо кататься, но можно и пронзить его насквозь, если знаешь как.

Третья поверхность — небо. Попасть на ту сторону неба столь же немыслимо, как проникнуть сквозь дно, да в общем и нет нужды пытаться. Там конец вселенной. Свет, ежедневно вспыхивающий над небом, то прибывая, то убывая, — видимо, прямое тому доказательство.

К концу лета вода постепенно стынет, дышать становится все труднее — и одновременно тускнеет свет, короче становятся промежутки от темна до темна. Оживают неспешные течения. Вода в поднебесье охлаждается и опускается вниз. Донная грязь шевелится и дымками поднимается вверх, подхватывая споры с грибковых полей. Терморазде́л приходит в волнение, словно рябит, — и вдруг растворяется. На небе оседает туман из частичек ила, вынесенного со дна, со склонов, из дальних уголков вселенной. День, другой — и весь мир превращается в суровую, негостеприимную пустыню, устланную желтеющими, умирающими водорослями. Еще день — и он замирает до той поры, пока первые неуверенные теплые ручейки не прорвут тишину зимы...

Вот что происходит, когда исчезает вторая поверхность. Что же случится, если растает небо?..

— Лаво-он!..

Будто специально дождавшись этого протяжного зова, из глубины всплыл блестящий пузырь. Лавон протянул руку и стукнул по нему когтем большого пальца, но пузырь отскочил в сторону. Газовые пузыри, поднимающиеся со дна в конце лета, были почти неуязвимы, а если даже особенно ловкий удар или острый предмет протыкал их поверхность, они просто дробились на более мелкие пузыри, оставляя в воде поразительный смрад.

Газ. Внутри пузырей нет воды. Человеку, проникшему в такой пузырь, стало бы нечем дышать.

Но, разумеется, проникнуть внутрь пузыря невозможно. Не позволит сила поверхностного натяжения. Сила таинственная, как металлическая пластина Шара. Неодолимая, как пелена неба.

Как пелена неба?! А что если над этой пеленой — мир, наполненный газом, а не водой? Быть может, вселенная — лишь пузырь с водой, плавающий в океане газа?

Если так, то путешествие в иную вселенную попросту немыслимо, прежде всего потому, что не удастся пронзить небо. А уж про дно и говорить нечего. Но ведь есть существа, которые закапываются в донный ил, притом очень глубоко, и ищут там что-то недоступное человеку. В разгар лета тина кишмя кишит крошечными созданиями, для которых грязь — естественная среда обитания...

Однако если другие вселенные — не полный вздор и не выдумка Шара, искать их надо там, откуда исходит свет. В конце концов, кто сказал, что небо нельзя преодолеть? Раз удается иногда проткнуть пузыри, значит, поверхностная пленка все-таки проницаема. Пытался ли кто-нибудь одолеть небо?

Лавон был далек от мысли, что человеку по силам проломить небесный свод — с равным успехом можно пытаться прорыть себе нору сквозь дно, — но должны же обнаружиться какие-то

окольные пути к цели. У него за спиной, например, высится куст, который, по всей видимости, продолжается и по ту сторону неба: верхние его листья словно переламываются, отражение срезает их, точно ножом.

Всегда считалось, что растения, коснувшись неба, погибают. По большей части так оно и есть: удается, и нередко, различить полупогруженный в воду мертвый, изуродованный и пожухлый стебель. Однако встречаются и другие растения, будто перерубленные небом пополам, как то, которое приютило Лавона сейчас. Что если это только иллюзия, а в действительности ствол уходит в какой-то иной мир — в мир, где люди были некогда рождены, а кто-то, возможно, живет и поныне?..

Обе пластины утрачены. Остается единственный способ выяснить, так ли это.

Решившись, Лавон начал взбираться вверх, к волнистому зеркалу неба. Ворта, дальние тюльпаноподобные родственники Пара, испуганно отползали прочь с дороги.

— Лавон! Куда ты? Лавон!..

Он свесился со ствола и посмотрел вниз. Человек с теслом, совершенно кукольная фигурка, подавал ему знаки, оседлав пучок сине-зеленых водорослей далеко-далеко в фиолетовой бездне. У Лавона закружилась голова, он прижался к стволу: никогда еще он не взбирался так высоко. Бояться падения ему, конечно, не приходилось; вероятно, сказался какой-то наследственный страх. Пересилив себя, он продолжил подъем.

Еще немного — и он, дотронувшись до неба рукой, остановился передохнуть. Любопытные бактерии собрались у основания его большого пальца — там обнаружился порез, из которого слегка сочилась кровь; он взмахнул рукой — они рассыпались, но тут же снова стали подкрадываться к расплывающемуся красному пятнышку...

Он перевел дух и полез еще выше. Небо навалилось ему на затылок, шею, плечи. Казалось, оно чуть-чуть подается, хотя и с трудом. Вода здесь была ослепительно прозрачной и совершенно бесцветной. Он поднялся еще на шаг, подставив под исполинский вес всю спину.

Бесполезно. С тем же успехом он мог бы пытаться пробить головой утес.

Пришлось снова остановиться. И тут-то, борясь с одышкой, он совершил удивительное открытие. Непосредственно вокруг водоросли стальная поверхность неба выгибалась, образуя своего рода колокол. Лавон нашел, что места там почти хватало на то, чтобы всунуть голову. Приникнув к стволу вплотную, он заглянул внутрь колокола, ощупывая его пальцами. Блеск воды был здесь совершенно невыносимым.

Раздался внезапный беззвучный взрыв. Что-то сжало запястье резкой мучительной хваткой, будто его перепиливали пополам. Не владея собой от изумления, Лавон рванулся вверх. Кольцо боли плавно спустилось по руке к предплечью и вдруг охватило шею и грудь. Еще рывок — в круговых тисках очутились колени. Еще...

Случилось нечто чудовищное. Он прижался к стволу и отчаянно пытался вдохнуть, но — дышать было нечем.

Вода лилась потоками изо рта и ноздрей, била струями из дахальцев по бокам. Кожу жег огнем свирепый, безудержный зуд. Во внутренности впивались длинные ножи, и он словно издалека слышал, как хрипят легкие, отдавая последнюю воду безобразной пузыристой пеной. В глубине черепа, на дне носовой полости, словно пылал костер.

Лавон тонул — в безводье.

Последним судорожным усилием он оттолкнулся от колкого ствола и упал. Тело содрогнулось от удара; и тут вода, так не хотевшая отпускать его, когда он впервые попытался ее покинуть, с холодной жестокостью приняла беглеца в свои объятия.

То безвольно распрямляясь, то неуклюже кувыркаясь, Лавон опускался вниз, вниз, вниз, на дно.

Много-много дней Лавон провел, свернувшись в беспамятстве, будто впал в зимнюю спячку. Шок от холода, испытанный при возвращении в родную стихию, тело приняло за свидетельство прихода зимы, равно как и кислородный голод в секунды пребывания за пределами неба. И спорообразующие железы тут же включились в работу.

Не случись этого, Лавон наверняка бы умер. Опасность утонуть, разумеется, исчезла, как только воздух из легких вытеснила животворная вода. Но медицина подводного мира не знала, как лечить ожоги третьей степени и острое иссушение тканей. Целебная жидкость, образующаяся внутри прозрачного янтарного шарика споры, — вот единственное лекарство, которое даровала Лавону природа.

На третьи сутки спора, замершая среди вечной придонной зимы, была обнаружена забравшейся сюда в поисках пропитания дальней родней Пара. Температура на дне в любое время года держалась одинаковая — плюс четыре градуса, но слыханное ли дело встретить здесь спору, когда поднебесье еще богато кислородом и напоено теплом!

Не прошло и часа, как на место происшествия спустилась сверху, из крепости, группа обеспокоенных людей. Откликнувшись на их просьбу, четверка Пара собралась вокруг янтарного шарика и дружно выстрелила трихоцистами. Как только нити сомкнулись, четверка разом пошла вверх. Спора чуть покачнулась в иле и стала тихо приподниматься, укутанная тонкой паутиной. Подоспевший Нок осветил всю сцену холодным пульсирующим светом, к вящему изумлению сбитых с толку людей. Внутри споры теперь ясно виднелась фигура спящего Лавона — голова склонена, колени прижаты к груди; как только скорлупку сдвинули с места, фигура начала с нелепой торжественностью вращаться.

— Доставьте его к мыслителю, — прозвучал приказ.

Шар XVI, хоть и был молод, хорошо усвоил первое традиционное правило своего наследственного ремесла: если не знаешь, что делать, не делай ничего. Он сразу понял, что любое

вмешательство лишь повредит Лавону, замкнувшемуся в янтарной оболочке, и поместил спору в одну из самых верхних комнат замка, где света было достаточно и вода хорошо прогрета, что для оцепеневшего организма могло бы знаменовать приближение весны. Не считая этого, он просто сидел рядом и смотрел — и держал свои умозаключения при себе.

Тело Лавона, замкнутое в спору, быстро меняло кожу, сбрасывая ее крупными лоскутами и полосами. Вначале тело казалось сморщенным, но это вскоре прошло. Скрюченные ручки и ножки, впалый живот приобрели обычный здоровый вид.

Дни шли за днями. В конце концов Шар при всем желании не мог обнаружить больше никаких перемен и по наитию переместил спору еще выше, выставив ее под прямой свет с неба.

И Лавон шевельнулся в своей янтарной тюрьме. Он повернул невидящие глаза к свету, попытался распрямиться и потянуться. Выражение лица у него при этом было такое, словно он еще не вполне освободился от какого-то жуткого кошмара. Тело Лавона сияло странной розовой новизной.

Шар тихо стукнул по поверхности споры. Лавон повернулся к источнику звука, глаза его приобрели осмысленное выражение. Он неуверенно улыбнулся, потом уперся руками и ногами в стенки своего убежища. С гулким треском шар распался на осколки. Целительная жидкость растворилась в толще воды, унося с собой последние воспоминания об отчаянной борьбе со смертью.

Лавон поднялся среди осколков и смерил Шара долгим взглядом. Наконец он произнес:

— Шар, я был по ту сторону неба.

— Знаю, — ответил Шар негромко. Лавон еще помолчал. Шар продолжил:— Не скромничай, Лавон. Ты совершил эпохальный подвиг, который едва не стоил тебе жизни. Теперь расскажи мне остальное — все, что сможешь.

— Остальное?..

— Ты многое открыл мне, когда спал. Или ты по-прежнему настроен против отвлеченных знаний?

Лавон не нашел ответа. Он уже не мог провести границу между тем, что знал, и тем, что хотел знать. Невыясненным остался, правда, только один вопрос, но такой, что его было страшно выговорить. Вождь сумел лишь взглянуть опять — и снова молча — на тонкое лицо мыслителя.

— Ты ответил мне, — сказал Шар еще мягче, чем прежде.— Пойдем со мной, друг, приглашаю тебя участвовать в наших ученых беседах. Будем думать, как добраться до звезд.

За большим столом в комнате Шара их собралось пятеро: сам Шар, Лавон и три помощника, которых по обычаю присылали Шарам семьи Фан, Танол и Стравол. Обязанности этих помощников — мужчин, а подчас и женщин — при многих прошлых Шарах были не столько сложны, сколько обременительны: добиваться в жизни, на полях, тех же изменений в свойствах пищевых культур, какие Шар получал в малых масштабах, в лабораторных пробирках и чашках. Если Шар интересовался не

агротехникой, а металлургией или химией, они опять-таки выполняли всю грязную работу — были землекопами и каменотесами, литейщиками и мойщиками посуды.

Однако при Шаре XVI три помощника стали объектом всеобщей зависти: людям казалось, что они почти ничем не заняты. Ежедневно они проводили долгие часы, беседуя с Шаром в его покоях, колдуя над документами, царапая закорючки на грифельных досках, а то и разглядывая сосредоточенно самые обыкновенные вещи, не содержавшие в себе ровным счетом ничего таинственного. Иногда, правда, они работали вместе с Шаром в лаборатории, но по большей части просто бездельничали.

По существу, Шар XVI открыл некоторые зачаточные правила научного исследования, и эти правила, по собственным его словам, представлялись ему орудием исключительной силы. Поэтому главной его заботой стало точно сформулировать их и передать грядущим поколениям, и он избегал соблазна любых конкретных экспериментов — за единственным исключением путешествия к звездам.

Фан, Танол и Стравол неизбежно оказались первыми, перед кем Шар выдвинул задачу сконструировать корабль для движения в безводном пространстве. Плоды их раздумий лежали на столе: три модели, собранные из панцирных чешуек диатомей, водорослевых волокон, гибких кусочков клетчатки, осколков хары, древесных щепочек, — и все это на органических клеях, полученных из выделений десятка различных растений и животных.

Лавон взял в руки ближайшую модель — хрупкую сферическую конструкцию, внутри которой темно-коричневые бусинки из слюны коловраток, с великим трудом отколотые в заброшенной крепости, перекатывались вереницей, словно в своеобразном подшипнике.

— Это чья? — спросил Лавон, с любопытством поворачивая сферу то одной, то другой стороной.

— Моя, — ответил Танол.— Признаться, я и сам понимаю, что она не удовлетворяет всем требованиям. Просто это единственная конструкция из пришедших мне на ум, осуществимая из имеющихся у нас материалов при нашем уровне знаний.

— Но как она действует?

— Подержи-ка ее минутку, Лавон. Вот этот пузырь, который виден в центре, с полыми волоконцами спирогиры, выведенными из корпуса наружу, называется резервуаром плавучести. Идея в том, чтобы поймать большой газовый пузырь, поднимающийся со дна, и поместить в такой резервуар. Возможно, сделать это удастся не сразу, а по частям. Так или иначе, корабль всплывет к небу благодаря подъемной силе резервуара. Далее, вот эти лопасти, расположенные в два ряда, придут в движение, когда экипаж — видишь бусины, что перекатываются друг за другом, — начнет переступать по педалям, установленным внутри корпуса. Так можно будет добраться до края неба. Этот прием я позаимствовал из наблюдений за нашим приятелем Дидином. Затем мы укоротим лопасти — они втягиваются в прорези, вот

так, — и, по-прежнему нажимая на педали, выкатимся по склону в пространство. А когда мы достигнем другого мира и вновь попадем в воду, то постепенно выпустим газ из резервуара через трубы, роль которых здесь на модели исполняют эти волоконца, и опустимся к месту посадки, не утратив контроля за скоростью.

— Очень изобретательно, — задумчиво сказал Шар.— Однако я предвижу определенные трудности. Во-первых, конструкция лишена устойчивости...

— К сожалению, да, — согласился Танол.— И чтобы привести ее в движение, требуется масса мускульных усилий. Но если к центру тяжести корабля подвесить на шарнире какой-то значительный груз, судно можно будет стабилизировать хотя бы частично. А потом, самые серьезные затраты энергии за все путешествие связаны с первоначальным подъемом корабля к небу, в данном же случае проблема, считайте, решена, — более того, как только газ заполнит резервуар, корабль придется привязать к причалу и держать на привязи вплоть до старта.

— Меня смущает другое, — сказал Лавон.— Будет ли газ выходить через эти трубочки, когда возникнет необходимость? Не получится ли так, что пузырь просто прилипнет к стенкам? Пленку, разделяющую воду и газ, деформировать очень нелегко — могу засвидетельствовать по опыту...

Танол нахмурился.

— Чего не знаю, того не знаю. Но не надо забывать, что на настоящем корабле трубки будут куда толще, чем соломинки на модели.

— Сечением шире человеческих плеч? — осведомился Фан.

— Ну нет, едва ли. Голова, быть может, пройдет, но не больше.

— Ничего не выйдет, — сухо бросил Фан.— Я уже пробовал. Газовый пузырь сквозь такую трубку не пропихнешь. Лавон сказал точно: он прилипнет к стенкам и не шелохнется, пока на него не надавят изнутри — и сильно. Если мы построим подобный корабль, нам придется бросить его, едва мы дотащимся до границ нового мира...

— Что категорически исключается, — перебил его Лавон.— Не говоря уж о непозволительном расточительстве, а вдруг придется спешно поворачивать обратно? Кому из нас известно, на что похож этот новый мир? Нужно, чтобы мы сохранили способность выбраться оттуда, если окажется, что там жить нельзя.

— Какая из моделей твоя, Фан? — спросил Шар.

— Вот эта. Я предлагаю, правда, идти к цели тяжким путем — ползти по дну, пока оно не встретится с небом, потом ползти, пока мы не найдем иную вселенную, потом — пока не отыщем в ней то, что ищем. Никаких поблажек. Корабль приводится в движение мускульной силой, как и корабль Танола, но не обязательно силой мускулов человека. Я, признаться, подумывал, не использовать ли подвижные виды диатомей. Управлять кораблем можно, тормозя его движение то с одного борта, то с другого. Можно также прикрепить ремешки

к противоположным концам задней оси и натягивать тот ремешок, какой потребуется...

Шар пристально осмотрел веретенообразную модель вблизи и опыта ради слегка подтолкнул ее вдоль стола.

— Мне нравится, — наконец произнес он.— Держится на курсе надежно. В сферическом корабле Танола мы зависели бы от любого шального течения, как дома, так и в новой вселенной — да и в пространстве между ними. Насколько я понимаю, там тоже могут быть течения — газовые, например. Ну, а твое мнение, Лавон?

— Как построить такой корабль? — спросил тот.— Корпус имеет круглую форму. Для модели очень хорошо, но как добиться, чтобы кольца нужного нам диаметра тут же не развалились?

— Загляни внутрь через переднее окно, — ответил Фан.— Ты увидишь балки, установленные под прямым углом к продольной оси и пересекающиеся в центре. Балки служат подпорами для стен...

— ...и съедают уйму места, — возразил Стравол. Самый уравновешенный и вдумчивый из трех помощников, он с начала совещания не проронил ни слова.— Внутри корабля необходимо сохранить свободу передвижения. Как совладать с управлением, если придется то и дело протискиваться между балок?

— Предложи что-нибудь получше, — сказал Фан, пожимая плечами.

— Это несложно. Балки надо согнуть по дуге.

— По дуге? — воскликнул Танол.— При таких-то масштабах? Древесину надо год вымачивать, прежде чем она станет достаточно гибкой, но тогда она утратит прочность...

— Не утратит, — усмехнулся Стравол.— Я не успел подготовить модель корабля, просто нарисовал, и мой проект намного уступает проекту Танола. Однако, поскольку я тоже выбрал трубчатую конструкцию, я построил модель машины для выгибания балок. Она перед вами на столе. Надо зажать один конец балки в тисках, а к другому привязать крепкий канат, пропущенный через этот желоб. Затем канат наматывается на лебедку, которую вращают пять-шесть человек, вот так. И свободный конец балки опускается вниз по дуге, пока желоб не сблизится с зарубкой, заранее сделанной на другом конце. Остается набросить на эту зарубку петлю, разжать тиски, и готово — для верности можно закрепить петлю костылем, чтобы дуга не вздумала вдруг распрямиться...

— А разве балка, согнувшись до определенного предела, не переломится? — поинтересовался Лавон.

— Строевой лес, конечно, переломится. Чтобы хитрость удалась, нужна не выдержанная, а живая древесина. Иначе и вправду, как говорит Танол, балку пришлось бы предварительно размягчать и от нее уже не было бы никакого проку. А из живого дерева, не утратившего гибкости, получатся отличные, крепкие, цельные ребра для корабля — или те операции с числами, которым ты учил нас, Шар, не имеют истинной ценности...

Шар улыбнулся.

— Оперируя с числами, так легко ошибиться...

— Я все проверил.

— Не сомневаюсь. И в любом случае попытка не пытка. Есть еще какие-нибудь предложения?

— Кажется, — сказал Стравол, — нам пригодится также придуманная мной вентиляционная система. Во всех других отношениях корабль Фана сразу показался мне почти совершенным. Мой собственный по сравнению с ним безнадежно неуклюж.

— Я вынужден согласиться, — произнес опечаленный Танол.— Но все равно надеюсь когда-нибудь построить свой корабль легче воды, хотя бы для местных сообщений. Если новый мир окажется больше нашего, то добираться от места до места вплавь станет затруднительно...

— А ведь правда! — воскликнул Лавон.— Мне это, признаться, и в голову не приходило. Что если новый мир вдвое, втрое, вдесятеро больше нашего? Скажи, Шар, существуют ли какие-то причины, по которым это невозможно?

— Если и существуют, то мне они неизвестны. Металлическая пластина упоминает самые невероятные расстояния как само собой разумеющиеся. Ну что ж, давайте разрабатывать модель, объединяющую достоинства всех предложенных. Танол, ты среди нас лучший чертежник — прошу подготовить схему. А как с рабочей силой, Лавон?

— Думаю, справимся, — отозвался Лавон.— Как я себе представляю, тех, кто занят на постройке корабля, придется освободить от других работ. За один-два дня и даже за одно лето такую задачу не решить, так что на сезонников рассчитывать нельзя. Да и бессмысленно: кто же станет посылать человека, едва освоившего какую-то техническую операцию, обратно на грибковые плантации лишь потому, что где-то еще обнаружилась пара свободных рук?

Устанавливаю следующий порядок: у нас будет постоянная бригада, в которую войдут по два-три сметливых мастера от каждого ремесленного цеха. Они будут исполнять работу, требующую высокой квалификации, в течение всего строительства, а впоследствии, вероятно, войдут в состав экипажа. Для тяжелого, неквалифицированного труда мы сможем по временам привлекать отряды чернорабочих, не ущемляя наших повседневных запросов.

— Договорились, — сказал Шар, положив руки на край стола.— У кого есть еще предложения или вопросы?

— У меня, — спокойно ответил Стравол.

— Хорошо, слушаем.

— Куда мы намерены держать путь?

Воцарилась долгая тишина. Наконец Шар собрался с мыслями:

— Не могу дать тебе точного ответа, Стравол. Сказал бы, что мы направляемся к звездам, но ни ты, ни я понятия не имеем, что такое звезды, стало быть, такой ответ ничего тебе не даст. Мы выходим в путь потому, что выяснили: фантастические утвержде-

ния исторической пластины по меньшей мере частично правильны. Мы знаем теперь, что небо можно преодолеть, что по ту сторону неба лежат края, где нет воды и нечем дышать, края, которые наши предки называли «пространство». Оба эти утверждения, казалось бы, противоречат здравому смыслу, и тем не менее они полностью подтвердились.

Историческая пластина утверждает также, что помимо нашего существуют и другие миры, и, признаться, приняв предыдущие две гипотезы, в эту поверить гораздо легче. Ну, а звезды... Звезды — там, в пространстве, и когда мы попадем туда, то, надо думать, увидим их и поймем значение загадочного слова. Во всяком случае, можно рассчитывать на какой-то ключ к разгадке — вспомните, сколько ценной информации дали нам считанные секунды, проведенные Лавоном по ту сторону неба!

Нет резона гадать на кофейной гуще. Мы пришли к выводу, что существуют иные миры, мы разрабатываем средства для путешествия в пространстве. Другие вопросы можно на время и отложить. Настанет день — мы найдем ответ на все вопросы без исключения, в этом я не сомневаюсь. Хотя, быть может, настанет он еще не так скоро...

Стравол понимающе кивнул головой.

— Иного ответа я и не ожидал. Честно говоря, все наше предприятие — совершенный бред. Но я все равно останусь с вами до конца.

Прошло два года, две долгие зимние спячки с того дня, как Лавон осмелился выбраться за пределы неба, — а готов был одни только остов. Он лежал на платформе, на гребне отмели, что полого поднималась к границе вселенной. Исполинский корпус из тщательно пригнанных досок прорезали на равных расстояниях отверстия, сквозь которые виднелись необработанные балки каркаса.

Поначалу дело двигалось почти без задержек: представить себе машину, которая могла бы перемещаться в безводном пространстве, не теряя воды, оказалось не слишком сложно; Фан и его коллеги справились со своей задачей хорошо. Все понимали, что на создание машины таких размеров потребуется довольно много времени, пожалуй, несколько полных лет, — но ни Шар с помощниками, ни Лавон не предвидели серьезных препятствий.

В конце концов незавершенность корабля была отчасти просто кажущейся. Примерно треть общей схемы состояла из живых организмов, а их, естественно, можно было «установить» на место лишь непосредственно перед стартом.

И все же раз за разом работы на корабле стали замирать на долгий срок. Случалось, целые секции приходилось вырезать и переделывать заново, и мало-помалу выяснилось, что традиционные, удобопонятные решения к проблеме путешествия в пространстве, как правило, неприложимы.

Мешало и отсутствие исторической пластины, которую Пара упорно отказывались возвратить. Буквально в день утраты, по свежим следам, Шар вознамерился восстановить текст по памяти;

но не в пример своим более религиозным предшественникам он никогда не относился к нему как к священному писанию и не вызубривал слово в слово. Правда, он собирал варианты перевода тех отрывков, где говорилось об исследованиях и экспериментах, — эти варианты он вырезал на дереве и копил в личной библиотеке. Однако отрывки сплошь и рядом противоречили один другому и к тому же ни строкой не относились к конструированию звездных кораблей; на сей счет, как помнится , пластина вообще не сообщала ничего определенного.

Никто никогда не копировал и таинственные письмена пластины — по очень простой причине: в подводном мире никто не мог и представить себе, что существуют средства, способные уничтожить сверхпрочный оригинал, и что надо принимать меры к его увековечению. Шар сообразил — увы, слишком поздно, — что обыкновенной осторожности ради следовало делать копии, пусть недолговечные, на подручных материалах. Но многие, многие годы мирной жизни в зелени и золоте вод почти отучили людей от обыкновенной осторожности. А в результате несовершенство памяти Шара, не сохранившей дословного текста пластины, и постоянные его сомнения в точности перевода уцелевших отрывков стали худшей из помех на пути к успешному завершению проекта.

— Не научились грести, а вышли в плавание, — заметил запоздало Лавон, и Шар был вынужден с ним согласиться.

...Круглолицый молодой человек, ворвавшийся в апартаменты Шара, назвался Филом XX, — следовательно, он был на два поколения моложе Шара и на четыре моложе Лавона. Но в уголках глаз у него прятались «гусиные лапки», и это делало его похожим на сварливого старика и на капризного младенца одновременно.

— Мы призываем прикрыть этот нелепый проект, — резко бросил он.— Мы, как рабы, отдали ему свою юность, но теперь мы сами себе хозяева, и довольно. Слышите? Довольно!

— Никто вас не принуждал, — ответил Лавон сердито.

— Как никто? А общество? А наши собственные родители? — поддержал Фила явившийся следом за ним долговязый приятель.— Но отныне мы придерживаемся реальной действительности. Каждому в наши дни известно, что нет никакого другого мира, кроме того, в котором мы живем. Вы, старики, можете цепляться за свои суеверия, если хотите. Мы подражать вам не станем.

Лавон, озадаченный, бросил взгляд на Шара. Ученый улыбнулся:

— Отпусти их, Лавон. Малодушные нам ни к чему.

Круглолицый вспыхнул.

— Ваши оскорбления не заставят нас вновь выйти на работу. С нас довольно. Сами стройте свой корабль!

— Ладно, — сказал Лавон.— И можете убираться. Хватит разглагольствовать. Вы приняли решение, а выслушивать ваши грубости нам не интересно. Прощайте.

Круглолицый, очевидно, был не прочь еще и еще покрасоваться собственной решимостью, однако это «прощайте» пресекло его намерения в корне.

Твердокаменное лицо Лавона не сулило других возможностей, и пришлось Филу вместе с приятелем бесславно убираться восвояси.

— Ну, что теперь? — спросил Лавон, как только они удалились.— Должен признаться, Шар, что я попытался бы уговорить их. В конце концов нам очень нужны рабочие.

— А мы им нужны еще больше, — весело отозвался Шар.— Знаю я этих молодых задир. Ведь сами же удивятся, увидев, что́ за чахлая зелень вырастет у них на полях в первый же год, когда они попытаются обойтись без моих советов. А потом скажи мне — сколько добровольцев записалось кандидатами в состав экипажа?

— Несколько сотен. В том поколении, которое идет следом за этим Филом, желание отправиться с нами высказывает чуть не каждый. Обманывается наш оратор — по крайней мере в отношении части молодежи. Проект завладел воображением самых юных.

— Ты обещал им что-нибудь?

— Конечно. Я говорил каждому, что если мы остановимся на его кандидатуре, то ему сообщат. Но не принимай этого всерьез. Кто же станет менять признанных специалистов на юнцов, в багаже у которых голый энтузиазм и ничего больше?

— Я не то имел в виду, Лавон. Мне померещилось или я на самом деле видел здесь Нока? А, вот он где, дрыхнет себе под потолком. Нок!

Существо лениво повело щупальцем.

— У меня поручение, Нок, — продолжал Шар.— Передай своим братьям, а те пусть сообщат всем людям, что желающие идти с кораблем в новые миры должны немедленно явиться на строительную площадку. Передай, что мы не обещаем взять всех до единого, но тех, кто не помогал нам в постройке корабля, мы вообще не будем принимать в расчет.

Нок опять пошевелил щупальцем и, казалось, тут же заснул.

Лавон на мгновение оторвался от шеренги переговорных мегафонов, заменявшей ему пульт управления, и взглянул на Пара.

— Последний раз спрашиваю, — сказал он.— Отдадите вы нам историческую пластину или нет?

— Нет, Лавон. Мы никогда ни в чем тебе не отказывали. Но сейчас вынуждены.

— Ведь ты идешь с нами, Пара. Если ты не вернешь нам знания и мы погибнем, то погибнешь и ты...

— Много ли значит один Пара? Мы все одинаковы. Данная клетка погибнет — зато всем ее собратьям будет известно, преуспели ли вы в своем предприятии. Мы верим, что вы преуспеете и без пластины, и, собственно, у нас нет иного способа установить ее истинную ценность...

— Следовательно, ты признаешь, что она у вас. А что если твоя связь с сородичами прекратится, едва мы выйдем в пространство? Что если эта связь невозможна вне воды?

Пара промолчал. Лавон секунду-другую ел его глазами, потом подчеркнуто отвернулся к переговорным трубкам.

— Все по местам! — скомандовал он и ощутил озноб.— Мы отправляемся. Стравол, герметизирован ли корабль?

— Насколько могу судить, да, Лавон.

Лавон нагнулся к другому мегафону. Сделал глубокий вдох. Ему почудилось, что вода уже утратила свежесть, — а ведь корабль еще не трогался с места.

— Движение в четверть мощности. Раз, два, три, старт!..

Корабль качнулся вперед, затем назад. Диатомеи опустились в заготовленные для них под корпусом ниши и коснулись своими студенистыми телами широкой бесконечной ленты из грубой личиночьей кожи. Скрипнули деревянные шестерни, умножая крохотные силенки диатомей и передавая их на шестнадцать колесных осей.

Корабль дрогнул и медленно покатился по песку. Лавон напряженно всматривался в слюдяной иллюминатор. Мир проплывал мимо с мучительной неторопливостью. Корабль накренился и стал карабкаться вверх. Лавон спиной ощущал напряженное молчание Шара и двух сменных водителей, Фана и Стравола, — их взгляды жгли ему спину. Сейчас, когда они покидали привычный мир, все вокруг выглядело совсем по-иному. Как же они раньше не замечали такой красоты?

Похлопыванье бесконечных лент, скрип и стон шестеренок и осей стали громче — крутизна склона нарастала. Корабль продолжал подниматься, слегка рыская по курсу. А кругом ныряли и кружились отряды людей и их союзников, провожая экспедицию навстречу небу.

Небо постепенно снижалось и наваливалось на корабль.

— А ну, Танол, — распорядился Лавон, — пусть-ка твои диатомеи немного поднажмут. Впереди камень..— Корабль неуклюже качнуло вверх.— Так, теперь тише ход. Чуть порезвее с твоей стороны, Тиол. Да нет, это уже слишком. Вот так. Тише, говорю тебе, нас разворачивает... Танол, подтолкни чуть-чуть, чтобы выровнять. Хорошо. Средний ход на всех постах. Осталось уже недолго...

— Как ты ухитряешься думать такими обрывками? — удивился Пара позади Лавона.

— Думаю, как умею. Все люди думают так же. Наблюдатели, прибавьте тягу — подъем становится круче...

Шестерни взвыли. Корабль задрал нос. Небо заискрилось Лавону прямо в лицо. Вопреки собственной воле он ощутил испуг. Легкие будто вновь обожгло, и в глубине души он опять пережил долгий полет сквозь пустоту навстречу холодному прикосновению воды, пережил остро, словно впервые. Кожа зудела, пылала огнем. Сможет ли он опять подняться туда? В опаляющий вакуум, в царство великой боли, где нет места жизни?

Отмель начала выравниваться, двигаться стало легче. Небо

приблизилось настолько, что тяжеловесная громада корабля поневоле всколыхнула его. По песку побежали тени от мелких волн. Под длинной слюдяной панелью, протянувшейся по верху судна, в безмолвном танце извивались толстые жгуты сине-зеленых водорослей, поглощая свет и превращая его в кислород. А в каютах и коридорах, отделенные от людей вделанными в пол решетками, жужжали Ворта, пропуская через себя и перемешивая корабельную воду.

И вот фигуры, которые вились вокруг корабля, одна за другой отстали, помахав на прощанье руками или ресничками, соскользнули с отмели, уменьшились и исчезли. От неба осталась тоненькая, но поразительно прочная пленка воды, еле-еле покрывающая верхнюю палубу. Судно замедлило ход, а когда Лавон приказал увеличить мощность, начало зарываться в песок и гальку.

— Так ничего не выйдет, — проговорил Шар.— Думаю, лучше снизить передаточное число, Лавон, чтобы усилие поступало к осям замедленным.

— Попробуем, — согласился Лавон.— Все посты, стоп. Шар, прошу тебя лично проследить за заменой шестерен...

Безумный блеск пустоты пылал — рукой подать — прямо за большим командирским иллюминатором. Сводила с ума необходимость мешкать здесь, на самом пороге бесконечности; мешкать было просто опасно. Лавон физически ощущал, как в душе воскресают прежние страхи перед внешним миром. Сердце сжало тисками, и он понимал; еще две-три минуты бездействия — и он окажется неспособным справиться с собой.

Должен же, наверное, существовать какой-то иной способ смены шестерен, не требующий почти полной разборки коробки передач! Разве нельзя расположить несколько шестерен на одной оси, вводя их в действие не одновременно, а поочередно — путем продольного перемещения самой оси?

Допустим, такое решение — тоже не верх изящества, зато операцией можно будет управлять из рубки, не останавливая намертво всю машину и не подвергая пилота длительному тяжкому испугу.

Из люка вынырнул Шар и подплыл к командиру.

— Все в порядке, — доложил он.— Хотя большие понижающие шестерни переносят нагрузку не лучшим образом.

— Расщепляются?

— Увы, да. Попробуй их сначала на малом ходу...

Лавон молча кивнул. И, не дав себе опомниться и взвесить последствия своих слов, скомандовал:

— Вперед! Половина мощности...

Корабль опять клюнул носом и начал двигаться, действительно очень медленно, но гораздо ровнее, чем раньше. Небо над головой истончилось до полной прозрачности. В рубку ворвался резкий свет. За спиной у Лавона беспокойно зашевелились помощники. Носовые иллюминаторы залила ослепительная белизна.

Корабль еще замедлил ход, будто уперся в этот слепящий

барьер. Лавон распорядился прибавить мощности. Корабль застонал, как в предсмертной агонии. Он теперь почти не шевелился.

— Полный вперед! — прохрипел Лавон.

И опять, с бесконечной медлительностью, судно пришло в движение. Нос приподнялся. Потом оно вдруг рванулось вперед, взвизгнув каждой своей балкой, каждой планкой.

— Лавон! Лавон!..

Лавон резко повернулся на крик. Голос шел из мегафона, связывающего рубку с наблюдателем у кормового иллюминатора.

— Лавон!

— В чем дело? Да прекрати орать, черт возьми!

— Я вижу небо! С другой стороны, с верхней! Оно похоже на огромный плоский металлический лист. Мы отдаляемся от него. Мы прорвали небо, Лавон, мы прорвали небо!..

Но тут новое потрясение заставило Лавона самого броситься к иллюминатору. С внешней поверхности слюды испарялась вода, испарялась с чудовищной быстротой, унося с собой странные в радужных блестках размывы.

Лавон увидел пространство.

Сперва оно показалось ему пустынной и безжалостно сухой копией дна. Тут были огромные валуны, исполинские утесы, упавшие, растрескавшиеся, расколотые, иззубренные скалы, — и они уходили ввысь и вдаль во всех направлениях, словно некий великан расшвырял их здесь как попало.

А над ними высилось еще одно небо — темно-голубой купол, такой далекий, что расстояние до него представлялось невообразимым и тем более неизмеримым. И на этом куполе висел шар красновато-белого огня, испепеляющего зрение.

Скальная пустыня, впрочем, лежала тоже неблизко — между нею и кораблем простиралась гладкая, поблескивающая равнина. Под поверхностным глянцем равнина, казалось, была сложена из песка, самого обычного песка, такого же, как на отмели, по которой корабль взобрался сюда из знакомой вселенной. Но стеклянистая, многоцветная пленка поверх песка...

Закончить мысль ему помешали новые крики, грянувшие из мегафонов. Он сердито потряс головой и спросил:

— Ну, что еще?

— Говорит Тиол. Куды ты завел нас, Лавон? Ленты заклинило. Диатомеи не в силах стронуть нас с места. И они не притворяются — мы так стучали, будто решили прикончить их, но они все равно не могут тянуть сильнее...

— Оставьте их в покое, — разозлился Лавон.— Они не умеют притворяться — у них на это не хватит соображения. Раз они не могут тянуть сильнее, значит, не могут...

— Тогда выводи нас отсюда сам.

Подошел Шар и встал рядом с Лавоном.

— Мы сейчас на стыке пространства с водой, в области, где силы поверхностного натяжения очень велики, — тихо произнес

он.— Если ты прикажешь поднять колеса, то, думаю, нам будет легче двигаться прямо на лентах-гусеницах...

— Попробуем, — у Лавона отлегло от сердца.— Эй, внизу, приподнять колеса!

— Признаться, я долго не мог понять, — сказал Шар, — одной фразы на пластине, где упоминается о «выдвижном посадочном шасси», но в конечном счете догадался, что натяжение на границе пространства способно удержать почти любой крупный предмет. Вот почему я настаивал, чтобы колеса нашего корабля были подъемными.

— Что ни говори, а древние, видимо, свое дело знали.

Через несколько минут — поскольку для движения на гусеницах потребовалась новая смена шестерен — судно уже карабкалось от береговой черты к нагромождению скал. Лавон тревожно всматривался в нависшую впереди зубчатую стену: есть ли там хоть какой-нибудь проход? Слева, немного в стороне, виднелось что-то вроде ручейка, — возможно, там и лежит путь в иную вселенную. Не без колебаний Лавон отдал приказ повернуть налево.

— Может статься, эта штука на небе — «звезда»? — осведомился он у Шара.— Но предполагалось вроде бы, что «звезд» много. А тут только одна, хотя, на мой вкус, одной за глаза довольно...

— Чего не знаю, того не знаю, — отозвался мыслитель.— Однако, кажется, я начинаю постигать общую картину устройства вселенной. Совершенно ясно, что наш мир врезан наподобие чаши в дно этого, многократно большего. Над этим миром свое небо, и я не исключаю, что оно в свою очередь лишь чаша на дне следующего, еще большего мира, и так далее без конца. Не спорю, такую концепцию нелегко принять. Целесообразнее, видимо, предположить, что все миры — чаши в единой плоскости и что этот великий светильник — один для всех.

— Тогда какой же смысл ему гаснуть каждую ночь и тускнеть зимой? — спросил Лавон.

— А может, он ходит кругами, сперва над одним миром, потом над другими? Откуда мне сейчас знать?

— Если ты прав, нам только и надо, что ползти до тех пор, пока не наткнемся на небесный купол другого мира, и поднырнуть под него. Не слишком ли просто, после стольких-то приготовлений?..

Шар хмыкнул; впрочем, это отнюдь не означало, что он веселится.

— Просто? А ты не обратил внимания на температуру?

Подсознательно Лавон давно уже замечал что-то неладное, а с подсказки Шара понял, что задыхается. Содержание кислорода в воде, к счастью, не снизилось, но вокруг стало тепло, словно на отмелях поздней осенью: с равным успехом можно бы попробовать дышать супом.

— Фан, пусть Ворта пошевеливаются живее, — распорядился Лавон.— Или циркуляция воды улучшится, или положение станет невыносимым...

Фан что-то ответил, но до Лавона ответ дошел лишь невнятным бормотаньем. Командир вновь сосредоточился на управлении кораблем.

Проход сквозь лабиринт скал, зачастую острых, как бритва, немного приблизился, и все равно казалось, что до него еще мили и мили. Двигался корабль теперь равномерно, но медленно до боли; он не зарывался и не дергался, но и не спешил. А из-под днища доносился оглушительный наждачный скрежет, словно жернова перемалывали глыбы размером с голову.

В конце концов Шар объявил:

— Придется останавливаться опять. На той высоте, куда мы поднялись, песок совершенно сухой, и гусеницы только переводят энергию.

— А ты уверен, что мы выдержим? — проговорил Лавон, ловя воду ртом.— Так мы по крайней мере движемся. А остановимся опускать колеса и менять шестерни, того и гляди, сваримся заживо...

— Вот если не остановимся, то сваримся наверняка, — хладнокровно ответил Шар.— Часть водорослей на судне уже погибла, да и остальные вот-вот завянут. Верный признак, что и нас ненадолго хватит. Не думаю, что мы вообще доберемся до тени, если не повысим передачу и не прибавим скорости...

— Поворачивать надо, вот что, — шумно сглотнув, заявил один из корабельных механиков.— А еще бы правильнее и вовсе сюда не соваться. Мы созданы для жизни в воде, а не для такого ада...

— Хорошо, мы остановимся, — решил Лавон, — но назад не повернем. Это мое последнее слово.— Он постарался придать своему тону мужественную окраску, но слова механика смутили его сильнее, чем он смел признаться даже самому себе.— Шар, только прошу тебя, поторопись...

Ученый кивнул и поспешил в машинное отделение.

Минуты тянулись, как часы. Исполинский пурпурно-золотой диск пылал и пылал в небе. Впрочем, он успел спуститься к горизонту, и теперь лучи, проникающие в иллюминатор, узкими полосами падали Лавону прямо в лицо, высвечивая каждую плавающую в рубке пылинку. Вода внутри корабля почти обжигала щеки.

Как дерзнули они по доброй воле влезть в это пекло? А ведь местность прямо по курсу — точно под «звездой», — вероятно, накалена еще сильнее.

— Лавон! Погляди на Пара!

Лавон заставил себя повернуться к союзнику. Тот приник к палубе и лежал, едва подрагивая ресничками. В глубине его тела вакуоли заметно разбухли, превращаясь в крупные грушевидные пузыри, переполняя зернистую протоплазму и сдавливая темное ядро.

— Он что, умирает?

— Данная клетка гибнет, — вымолвил Пара безучастно, как всегда.— Но не смущайтесь, следуйте дальше. Многое еще предстоит узнать, и вы, возможно, выживете там, где мы выжить не в состоянии. Следуйте дальше.

— Вы... вы теперь за нас? — прошептал Лавон.

— Мы всегда были за вас. Доводите свое безрассудное предприятие до конца. В последнем счете мы выиграем, и человек тоже.

Шепот замер. Лавон вновь окликнул Пара, но тот не подавал признаков жизни.

Снизу донеслось постукивание дерева о дерево, потом в переговорной трубке прозвучал искаженный голос Шара:

— Можно трогаться. Но учти, Лавон, диатомеи тоже смертны, и вскоре мы останемся без мотора. Как можно скорее в тень, и самым коротким путем!

Лавон, помрачнев, нагнулся к мегафонам:

— Но ведь там, прямо над скалами, горит «звезда»...

— Ну и что? Она, быть может, спустится еще ниже, и тени удлинятся. Это, пожалуй, единственная наша надежда.

Такая мысль Лавону в голову не приходила. Трубки, задребезжав, подхватили его команду. Корабль снова пришел в движение; он громыхал на своих тридцати двух колесах чуть быстрее, чем раньше, и все-таки медленно, по-прежнему слишком медленно.

Жара нарастала.

«Звезда» неуклонно опускалась, заметно даже на глаз. Внезапно Лавоном овладели новые страхи. А если она опустится настолько, что скроется совсем? Сейчас она невыносимо горяча, и в то же время это единственный источник тепла. Предположим, он погаснет — не воцарится ли тогда в пространстве жестокий холод? И что станет с кораблем — неужели вода, превратившись в лед, расширится и взорвет его?

Тени угрожающе удлинялись, тянулись через пустыню к кораблю. Никто в рубке не произносил ни слова, тишину нарушало лишь хриплое дыхание людей да скрип механизмов.

И вдруг Лавону почудилось, что изломанный горизонт сам бросился им навстречу. Каменная пасть впилась в нижнюю кромку огненного диска и молниеносно поглотила его. Свет померк.

Они укрылись у подножья утесов. Лавон приказал развернуть судно параллельно скальной гряде; оно подчинилось тяжело и неохотно. Краски на небе постепенно сгущались, голубизна превращалась в темную синеву.

Шар выплыл из люка и встал рядом с Лавоном, наблюдая, как густеет небо, а тени бегут по песку в сторону покинутого ими мира. Ученый молчал, но Лавон и без слов догадывался, что Шара терзает та же леденящая мысль.

— Лавон!

Лавон так и подпрыгнул — в голосе мыслителя звучала сталь.

— Да?

— Надо продолжать движение. Нового мира, где бы он ни был, надо достичь не откладывая.

— Как же можно двигаться, когда в двух шагах ничего не видно? Почему бы не отдохнуть — если, конечно, позволит холод?

— Холод-то позволит, — отвечал Шар.— Холодов, опасных для нас, здесь сейчас быть не может. Иначе небо — то небо, которое мы привыкли называть так в нашем мире, — замерзало бы каждую ночь, даже летом. Меня беспокоит другое — вода. Растения вот-вот улягутся спать. В нашем мире это не играло бы роли; растворенного в воде кислорода там достаточно, чтобы пережить ночь. А в таком замкнутом пространстве да с таким большим экипажем мы без притока свежей воды тут же задохнемся.

Шар говорил бесстрастно, будто читал лекцию о неумолимых законах природы, которые лично его никак не касаются.

— Более того, — добавил он, неотрывно взирая на суровый пейзаж, — диатомеи, как известно, тоже растения. Другими словами, надо идти вперед, пока не иссякнут кислород и энергия, — и молиться, чтобы их хватило до цели.

— Слушай, Шар, мы ведь брали на борт нескольких сородичей Пара. Да и сам он еще не совсем умер. Если бы умер, мы просто не смогли бы здесь находиться. Правда, на судне почти нет бактерий — тот же Пара и ему подобные походя их сожрали, а новым взяться неоткуда. Но все равно мы почувствовали бы разложение.

Наклонившись, Шар осторожно потрогал неподвижное тело.

— Ты прав, он еще жив. Ну, и что из того?

— Ворта живы тоже — я ощущаю циркуляцию воды. И это доказывает, что Пара пострадал вовсе не от жары, а от света. Вспомни, каково пришлось моей собственной коже, едва я на мгновение выкарабкался в пространство. Прямой звездный свет смертелен. Можешь дописать эту истину к тем, что вычитал на пластине...

— Я по-прежнему не понимаю, к чему ты клонишь.

— А вот к чему. В составе трюмной команды у нас есть три или четыре Нока. Они были защищены от света, так что, по всей вероятности, живы и здоровы. Предлагаю переместить их поближе к диатомеям, тогда эти умницы вообразят, что еще день, и будут продолжать работать. Или можно собрать Ноков в верхней галерее, чтобы водоросли продолжали выделять кислород. Вопрос стоит, следовательно, так: что для нас важнее — кислород или энергия? Или мы поделим Ноков между двумя палубами поровну?

Шар усмехнулся.

— Превосходный образчик логического мышления. Дай срок, Лавон, и мы выдвинем тебя в Шары. Нет, поделить Ноков поровну, к сожалению, нельзя. Свет, который они дают, недостаточен для того, чтобы растения продолжали выделять кислород. Я это уже проверял когда-то — результат получился настолько мизерным, что и упоминать не стоит. Очевидно, для растений свет— источник энергии. Так что придется ограничиться подстегиванием диатомей.

— Хорошо. Отдай необходимые распоряжения...

Лавон отвел судно от ощерившихся скал на более гладкий песок. Последние отблески прямого света растворились в небе, оставив за собой мягкое, рассеянное сияние.

— Что же теперь? — произнес Шар задумчиво.— По-моему, вон там, в ущелье, есть вода, хотя до нее, конечно, надо еще добраться. Спущусь-ка я снова вниз и примусь...— Его прервал сдавленный вскрик.— Что с тобой, Лавон?

Лавон безмолвно ткнул пальцем вверх. Сердце его готово было выскочить из груди.

На густо-синем куполе над ними высыпали крошечные, невыразимо яркие огоньки. Их были многие сотни, и, по мере того, как сгущалась тьма, появлялись все новые и новые. А далеко-далеко над краем утеса всходил тускло-красный шар, окантованный призрачным серебром. И вблизи зенита повисло второе такое же тело, много меньшее, но посеребренное от края до края...

Под двумя лунами планеты Гидрот, под вечными звездами двухдюймовый деревянный кораблик с микроскопическим грузом тяжело катился под уклон к узенькому, почти пересохшему ручейку.

На дне ущелья корабль провел весь остаток ночи. Сквозь большие квадратные двери, разгерметизированные и распахнутые настежь, по каютам и переходам растекалась прохладная, лучистая, животворная забортная вода — и с нею непоседы-бактерии, свежая пища.

У дверей Лавон на всякий случай поставил часовых, но за всю ночь никакие враги не приблизились к ним — ни любопытства ради, ни в надежде поохотиться. Очевидно, и здесь, на пороге пространства, высокоорганизованные существа в темное время суток предпочитали покой.

Однако с первыми лучами утренней зари, пронизавшими воду, начались неприятности.

Откуда ни возьмись, явилось пучеглазое чудище. Зеленое, с двумя клешнями, каждая из которых без труда перекусила бы судно пополам, как волоконце спирогиры. Его черные сферические глаза сидели на коротких стебельках, а длинные щупальца были толще, чем стволы самых старых растений. Чудище пробежало мимо, свирепо брыкаясь, и вовсе не удостоило корабль вниманием.

— Это что, образец местной фауны? — боязливым шепотом осведомился Лавон.— Они здесь все такие огромные?

Никто не ответил ему по той простой причине, что никто не знал ответа.

Спустя какое-то время Лавон рискнул повести корабль против течения, небыстрого, но упорного. И тут им встретились исполинские извивающиеся черви. Один из них ненароком нанес по корпусу тяжелый удар, а сам поплыл дальше как ни в чем не бывало.

— Они даже не замечают нас, — посетовал Шар.— Мы для них слишком малы, Лавон. Древние предупреждали нас, что пространство необъятно, но, даже увидев его воочию, этого не постигнешь. И все эти звезды — могут ли они означать то, что, по-моему, означают? Немыслимо, невероятно!..

— Дно поднимается, — перебил Лавон, пристально глядя

вперед.— Склоны ущелья раздвигаются, вода становится солоноватой. Придется звездам подождать, Шар. Мы подходим к вратам нашего нового мира...

Шар недовольно умолк. Представления о структуре пространства беспокоили его, и, кажется, серьезно. Он почти перестал обращать внимание на великие события, свершающиеся у него на глазах, и мучительно увяз в каких-то потаенных раздумьях. Лавон почти физически ощутил, как ширится между ними былая пропасть.

Поток заметно мелел. Лавону не доводилось слышать о законах дельтообразования — его родную вселенную не покидал ни один ручеек, — и непонятное явление вызывало у него тревогу. Но все тревоги отступили перед чувством радостного изумления, как только корабль перевалил мель.

Впереди, насколько хватал глаз, дно понижалось и понижалось, скрываясь в блистающей глубине. Над головами вновь нависло настоящее небо, а сразу под ним Лавон различил мирно дрейфующие плотики планктона. Почти сразу же он опознал и некоторые мелкие виды простейших — иные из них уже набрались дерзости подплыть к кораблю вплотную...

И тут из полумрака глубин показалась женщина. Лицо ее было искажено расстоянием и страхом, и поначалу она словно и не замечала корабля. Она стремительно рассекала воду, то и дело оборачиваясь, и думала, видимо, только об одном: как можно скорее перебросить тело через наносы в дельте и отдаться на волю дикого потока.

Лавон был озадачен. Нет, не тем, что здесь жили люди — на это он искренне надеялся, даже, по правде сказать, был внутренне уверен в том, что люди живут повсюду во вселенной, — а тем, что женщина столь целеустремленно ищет гибели.

— Что за черт!..

Потом до его слуха донеслось смутное жужжание, и он все понял.

— Шар! Фан! Стравол! — закричал он.— Берите луки и копья! Вышибайте окна!

С силой занеся ногу, он пнул в иллюминатор перед собой. Кто-то сунул ему в руку самострел.

— Что такое? — опомнился Шар.— В чем дело? Что случилось?

— Всееды!

Боевой клич пронесся по всему кораблю, подобно раскату грома. В родном мире Лавона коловратки были практически истреблены, но каждый знал на память трудную историю долгой борьбы, которую вели с ними люди и их союзники.

Внезапно женщина увидела корабль и замерла, объятая отчаянием при виде нового чудовища. По инерции ее занесло и перевернуло, а она то не сводила глаз с корабля, то оборачивалась через плечо во тьму. Жужжание, доносившееся оттуда, становилось громче и громче.

— Не мешкай! — звал Лавон.— Сюда, сюда! Мы друзья! Мы поможем тебе!..

Три полупрозрачных раструба хищной плоти приподнялись над склоном, густая поросль ресничек на их венцах издавала жадный гул. Дикраны — забрались в свои гибкие кольчуги и уверены в собственной неуязвимости... Лавон старательно взвел самострел, поднял его к плечу и выстрелил. Стрела, пропев, вонзилась в воду, но быстро потеряла силу, и случайное течение отнесло ее гораздо ближе к женщине, чем к всееду, в которого целился Лавон.

Незадачливый стрелок прикусил губу, опустил оружие, снова взвел его. Он явно недооценил расстояние, придется повременить. Еще одна стрела рассекла воду, — по-видимому, из бортового иллюминатора; тогда Лавон отдал приказ прекратить пальбу — «пока, — добавил он, — не станут различимы их глазные пятна».

Появление коловраток вблизи заставило женщину решиться. Неподвижное деревянное чудовище, пусть невиданное, по крайней мере ничем ей не угрожало, а что такое три дикрана, следующие по пятам и некущиеся лишь о том, чтобы вырвать друг у друга самый крупный кусок добычи, она знала слишком хорошо. Мгновение — и она устремилась к иллюминатору. Три всееда взревели от бешенства и алчности и бросились вдогонку.

Вероятно, она все же не сумела бы оторваться от них, если бы в последний момент притупленное зрение плывущего впереди дикрана не уловило контуров деревянного судна. Дикран затормозил, жужжа, два остальных кинулись в стороны, чтобы избежать столкновения. И Лавон, воспользовавшись замешательством, проткнул ближайшего всееда стрелой навылет. Уцелевшие тут же схватились не на жизнь, а на смерть за право пожрать своего сородича.

— Фан, возьми отряд и заколи обоих, покуда они поглощены дракой, — распорядился Лавон.— Похоже, что этот мир нуждается в небольшом переустройстве...

Женщина проскользнула в иллюминатор и распласталась у дальней стены, трясясь от страха. Лавон попытался подойти к ней, но она молниеносно выхватила откуда-то осколок хары, заостренный как игла. Одежды на ней не было никакой, и оставалось неясным, где же она прятала оружие, — однако вид у нее был решительный и действовать кинжалом она, без сомнения, умела. Лавон отступил и сел на табурет возле пульта, дав ей время свыкнуться с рубкой, Шаром, другими пилотами, бесчувственным Пара — и с собой.

Наконец она выговорила:

— Вы... боги... пришедшие из-за неба?..

— Мы пришли из-за неба, это верно, — ответил Лавон.— Но мы не боги. Мы люди, такие же, как ты. Много ли вас здесь?

Женщина, хоть и дикарка, освоилась на удивление быстро. У Лавона возникло странное, немыслимое подозрение, что он уже когда-то встречался с ней — не то чтобы с ней именно, но с такой же высокой, обманчиво беспечной рыжеватой блондинкой; разумеется, то была женщина из другого мира, и все же...

Она засунула нож обратно в глубь своих светлых спутанных волос — ага, отметил Лавон не без смущения, вот трюк, про который не стоит забывать, — и покачала головой:

— Нас мало. Всееды повсюду. Скоро они прикончат последних из нас...

Ее фатализм был настолько неколебимым, что казалось — подобная судьба ее вовсе не заботит.

— И вы не пробовали объединиться против них? Не искали союзников?

— Союзников? — Она пожала плечами.— Все вокруг беззащитны против всеедов. У нас нет оружия, убивающего на расстоянии, как ваше. И даже оно уже не спасет нас. Нас слишком мало, всеедов слишком много.

Лавон выразительно покачал головой.

— У вас есть оружие. Единственно ценное оружие. И всегда было. Против этого оружия бессильны легионы всеедов. Мы покажем вам, как им пользоваться, и, может статься, у вас это получится еще лучше, чем у нас. Только попробуйте...

Женщина опять пожала плечами.

— Мы всегда мечтали о подобном оружии, но так и не нашли его. А вы не обманываете? Что это за оружие?

— Разум, конечно, — ответил Лавон.— Не один отдельно взятый ум, а коллективный разум. Много умов вместе. Умы во взаимодействии.

— Лавон говорит правду, — вдруг донесся голос с палубы.

Пара чуть-чуть шевельнулся. Женщина уставилась на него широко раскрытыми глазами. Тот факт, что Пара заговорил человеческим языком, произвел на нее впечатление куда большее, чем корабль со всем экипажем.

— Всеедов можно победить, — продолжал слабенький, слегка картавый голос.— Наши сородичи в этом мире помогут вам, как мы помогли людям там, откуда прибыл наш корабль. Мы выступали против путешествия в пространство, мы отобрали у людей важные записи, но люди совершили это путешествие и без записей. Больше мы никогда не станем возражать людям. Мы уже побеседовали со своими близкими в этом мире и сообщили им главное: что бы ни задумали люди, они добьются своего независимо от нашей воли.

Шар, твои металлические записи здесь. Они спрятаны в самом корабле. Мои братья покажут тебе где.

Данный организм умирает. Он умирает во всеоружии знаний, как и подобает разумному существу. Этому тоже научили нас люди. Нет ничего... неподвластного знаниям. С их помощью... люди пересекли... пересекли пространство...

Голос угас. Поблескивающая туфелька внешне не изменилась, однако что-то внутри нее потухло безвозвратно. Лавон посмотрел на женщину, их взгляды встретились. Он ощутил непривычную, необъяснимую теплоту.

— Мы пересекли пространство, — тихо повторил он.

Шар произнес шепотом, слова пришли к Лавону будто издалека:

— Неужели правда?..

Лавон все глядел на женщину. Шару он не ответил. Вопрос мудреца, казалось, утратил всякий смысл.

Дин Маклафлин

БРАТЬЯ ПО РАЗУМУ

Холодный ветер выл и загонял острые кристаллики все глубже в шерсть Чир-куалы.

Чир-куала упрямо карабкался на холм. Идти было трудно. Ходильные ласты не находили опоры в мягком белом порошке, который покрыл всю землю, а склон был крутым. Его короткие неуклюжие ноги ныли от усталости. Он проваливался в белый порошок, барахтался в нем. Порошок был холодным.

Другого такого холодного времени Чир-куала не помнил. Никогда еще ветер не дул так свирепо, так непрерывно. Чир-куала уже много раз засыпал и просыпался, а он все дул и дул. И никогда еще земля не пряталась под таким глубоким слоем странного белого порошка.

Чир-куала ничего не понимал.

Холодные твердые кристаллики прилипали к его шерсти. Он стряхивал их, а ветер обсыпал его все новыми и новыми. Ветер пробирался сквозь густую шерсть, и его сотрясала дрожь. Ходильные ласты болели, и Чир-куала тихонько поскуливал.

И все-таки он упрямо лез на холм. Он хотел есть. Его терзал голод. Только эти муки были способны выгнать его на холод и ветер.

Прежде, когда наступало холодное время, он лежал, уютно свернувшись в своем логове, пока небо снова не становилось синим, а воздух — теплым, и белый порошок на земле не растекался водой.

Но на этот раз холод никак не уходил, ветер выл, не стихая, а небо оставалось серым. Он ничего не ел уже... уже...

Ему вспомнилась его последняя добыча — маленький неповоротливый зверек, которого он изловил в глубине логова. Совсем крошечный. Он на него и не посмотрел бы, если бы голод не раздирал его внутренности.

А когда он его проглотил, то заснул и проспал все темное время, а потом пришло светлое время, и он ничего не ел, потому что есть было нечего, и в следующее темное время он спал беспокойно: ему мерещились всякие съедобные зверьки.

И вот теперь голод выгнал его из логова и заставляет лезть на холм.

Новые звери на вершине холма иногда давали ему еду — если он, разобравшись, чего они от него хотят, делал это. Иногда

бывало очень трудно и всегда непонятно, но когда у него получалось то, что им было нужно, новые звери давали ему вкусные вещи.

Склон был засыпан холодным белым порошком. Из него торчали сломанные стволы бывшего леса и длинные сухие стебли. Обломки, укрытые белым порошком, ранили ходильные ласты Чир-куалы, и позади него уже тянулась цепочка голубых пятен.

На обрыве Чир-куала ухватился цепкими веслообразными лапами за торчавшие стебли, чтобы легче было лезть. Стебли обломились. Он упал и покатился вниз по склону в вихрях белого порошка. Порошок забился ему в шерсть — мокрый и холодный порошок.

Потом он долго лежал, жалобно поскуливая. У него не было сил шевелиться. Но он все-таки заставил себя встать и снова начал карабкаться. За стебли он больше не хватался.

В конце концов он добрался до вершины. Ветер там дул еще более свирепо. Он ерошил шерсть Чир-куалы, отнимал тепло у его тела. Чир-куала заплакал тоненько и жалобно. Его ходильные ласты сначала жгла боль, а теперь они почти ничего не чувствовали. Голубых пятен в отпечатках становилось все больше. Спотыкаясь, он брел к логову новых зверей, поселившихся на вершине.

Он шлепнул лапой по плоской штуке, которая загораживала вход. Она не шелохнулась. Он шлепнул еще раз, и еще, и еще — все сильнее и настойчивее. У него вырвался надрывный вопль. Он не понимал, почему новые звери не убирают штуку, которая загораживает вход, и не дают ему еды.

Ему нужна еда. Он голоден.

Холодный ветер выл и выл.

Чир-куала бил по двери лапой и всхлипывал.

Напиток этот именовался кофе, хотя варили его из стеблей растения, родина которого находилась в сорока световых годах от Земли. Он был горьким, как хина с примесью цедры, но если пить его горячим и подслащенным, он вполне мог заменить кофе. Некоторые даже предпочитали его настоящему.

Время завтрака уже кончилось, обеденное еще не наступило, и в столовой, кроме Сигурда Мюллера и стажера Лорена Эстансио, не было никого. Мюллер поднес чашку к губам и снова поставил — пусть еще немножко остынет.

— Ну, и что вы об этом думаете? — спросил он молодого человека.

Эстансио пожал плечами — неловко и неубедительно.

— Мне что-то страшно становится, — признался он.

— Да неужто? — Мюллер всей грудью налег на столик.— Почему бы это?

Молодой стажер смутился.

— Ну... — начал он.— Помните, год назад, когда я только приехал сюда, вы дали мне решать задачи — те же, которые даете шаркунам?

Мюллер улыбнулся.

— Я даю их всем вам, желторотым зазнайкам. Вы же — патентованные умники, иначе вас сюда не прислали бы. Это обеспечивает мне хороший контрольный стандарт.

Эстансио кивнул.

— Мне явно не удалось блеснуть, — сказал он.

— Вы показали средний результат, — припомнил Мюллер так, словно это не имело большого значения. Он постучал ногтем по столику.— Вся соль проверок на интеллект заключается в том, чтобы задачи были не по зубам даже самому умному, иначе от них нет никакого толку.— Мюллер откинулся и сощурил глаза.— За семь лет, которые я провел здесь, средний интеллектуальный уровень наших стажеров не повысился ни на йоту. Видимо, вы, ребята, достигли эволюционного плато.

— Это-то меня и пугает, — пробормотал Эстансио.— Ведь мне ни лабиринты, ни другие задачи не в новинку, но на вашей серии я споткнулся. И когда я увидел, как шаркун справился с двойным системным лабиринтом, хотя он понятия не имел о самой идее лабиринта...— Он замялся и повторил растерянно:— Мне страшно.

— Да, смышленый был экземпляр, — заметил Мюллер.

С этим Эстансио согласиться все-таки не мог.

— Простая случайность, — возразил он.

Мюллер покачал головой.

— Нет, не случайность.— Он придвинулся ближе.— А что если сегодняшний был не первым?

Эстансио сдвинул брови.

— О других таких я не слышал, — произнес он с сомнением в голосе.— И уж, во всяком случае, за время, пока я тут, такие нам не попадались.

— Но вы приехали всего год назад, — напомнил Мюллер, — а я как раз перед этим обследовал двух таких. Оба экземпляра из одной местности — из той самой, где поймали сегодняшнего.

— С горы Зиккурат?

— Вот именно. Популяция, изолированная в горном районе, численностью около семи с половиной тысяч. А не так давно их там было шесть тысяч. За последние десять лет они заметно размножились.

Эстансио задумался, машинально поворачивая свою чашку то в одну, то в другую сторону.

— Местность, пожалуй, вполне подходящая, — сказал он наконец.

Мюллер с усмешкой кивнул, а затем попросил:

— Ну-ка, объясните мне почему.

— Небольшая популяция в изолированном районе, где естественный отбор особенно жесток. При таком положении вещей почти неизбежно должны проявиться эволюционные тенденции.

— У Хотермена вычитали? — спросил Мюллер.

Эстансио покраснел.

— Совершенно верно. Но ведь он прав?

Мюллер пожал плечами.

— В принципе — конечно, — согласился он.— Однако Хотермен рассматривал совсем иную ситуацию. Он имел в виду развитие определенных генетических тенденций, то есть такое положение, когда данные гены уже существуют. А тут происходит совсем другое.

— Вы уверены? — нерешительно спросил Эстансио.

— Абсолютно, — заявил Мюллер.— Наша станция была создана здесь, когда планета перешла от Альфы к Бете, то есть почти тысячу лет назад. Мы исследовали шаркунов на протяжении всего этого срока. Если бы интересующие нас гены существовали и тогда, они выявились бы в первые же двести лет. Но чего не было, того не было. Первый достаточно сметливый шаркун, хотя и вдвое уступавший нынешним по смышлености... Не морщитесь, не морщитесь, я проверял в архиве... Первый такой шаркун был обнаружен сорок лет назад. Ну-ка, угадайте, откуда он был родом?

— С горы Зикхурат?

Мюллер ударил кулаком по столу.

— Совершенно верно, — процедил он сквозь зубы.— Произошла мутация. Другого объяснения нет. И произошла она в изолированной популяции.

Эстансио долго молчал.

— Почему вы его забили? — спросил он наконец.

— Потому же, почему я забил первых двух, — ответил Мюллер.— Хочу взглянуть на его мозг. Первые два... я думал, это случайность. Теперь я изменил свое мнение и полагаю, что клетки мозга этого последнего экземпляра подтвердят закономерность.

— Но как же правила? — с недоумением спросил Эстансио.— Ведь шаркун, демонстрирующий исключительные качества...

Мюллер подергал свою мефистофельскую бородку.

— Правила, правила! — бросил он пренебрежительно.— Я должен знать точно, а другого способа нет.

Внезапно он резко переменил тему — во всяком случае, так могло показаться на первый взгляд:

— Вы ведь возвращаетесь с этим рейсом грузового космолета?

Вопрос был чисто риторический. Стажера приглашали остаться на станции еще на год лишь в исключительных случаях. Эстансио кивнул.

Мюллер удовлетворенно улыбнулся.

— Очень хорошо, — сказал он.— Когда уедете, можете говорить об этом сколько хотите. Но пока вы еще тут... Этого не было. Просто не было. Вы поняли?

— Кажется, да... — протянул Эстансио.— Но... почему?

— А потому, что они умнеют, — ответил Мюллер.— Если не принять мер, они все станут умными — куда умнее нас. И они свирепы — вы же видели, как ведут себя дикие. Значит, этого нельзя допустить. Вот зачем мы из века в век сохраняем тут станцию. Чтобы наблюдать за ними. Потому что кто-то уже тогда сообразил, к чему идет дело. Чтобы вовремя осадить их. Но тут

хватает идиотов, которые — представьте себе — хотят, чтобы шаркуны эволюционировали. Ну, так им незачем знать про мутацию. Да и остальным тоже.

— А-а... — сказал Эстансио, растерянно сдвинув брови.— Но что мы можем сделать? Как им помешать?

— Не спрашивайте, — хихикнул Мюллер.— Не то я объясню.

— Нет, все-таки... — не отступал Эстансио.

Мюллер налег грудью на столик и многозначительно забарабанил по нему пальцами.

— Вы слышали, кто прибудет с космолетом?

Эстансио задумался, припоминая.

— Ну, Блэкитт, еще Холмен и...

Мюллер жестом остановил его.

Я говорю не о сотрудниках, а о тех, кому приспичило знакомиться с условиями жизни на планете.

Хичкок? — Эстансио явно недоумевал.— Но ведь он... он же будет за них заступаться. Он всегда за кого-нибудь заступается.

— Оно так, — согласился Мюллер, — но только он редко бывает в курсе. И по большей части просто сует всем палки в колеса. То же будет и тут.

— Вы уверены?

— Да, уверен, — Мюллер улыбнулся.— Я ему поспособствую.

И он захохотал.

«Я содрогнулся, господа. Содрогнулся!»

Хичкок решил, что именно этой фразой он, когда вернется на Землю, начнет свою речь о том, что ему довелось увидеть на Одиннадцатой планете в системе Скорпиона. Так он начнет свою речь на заседании Общества защиты гуманности, учредителем которого был, и объявит очередную кампанию по помощи и спасению.

Институт Одиннадцатой Скорпиона, конечно, попробует протестовать. Эти ученые завизжат, будто он подтасовывает факты. Пусть их! Те, чьи гнусности он вытаскивал на свет в прошлом, всегда прибегали к подобным увертками, но тщетно. Широкая публика знала, на чьей стороне правда.

Хичкок составил свое мнение, едва прибыл на Одиннадцатую Скорпиона, а точнее говоря, в ту минуту, когда начал спускаться по трапу, притулившемуся под бортом «Странника». Он был далеко не в лучшем расположении духа — поездка оказалась сопряженной с массой неудобств. «Странник» был грузовым космолетом, а не комфортабельным пассажирским лайнером. Его сунули в одну каюту с молодым стажером, который был так увлечен мутационными возможностями, заложенными в генетических процессах, что только о них и говорил. Духовное убожество ученых просто поразительно.

Держа в руках по чемодану, Хичкок опасливо спускался со ступеньки на ступеньку. Трап был длинный и казался очень ненадежным. Он дрожал и поскрипывал под ударами ветра.

В любом цивилизованном месте к космолету подали бы лифт.

Ветер был ледяной. Он завывал вокруг Хичкока. Он морозил ему горло. Он пронизывал его легкое пальто — на любой цивилизованной планете этого пальто было бы более чем достаточно. Его пепельные посеребренные сединой волосы взлохматились, кончики ушей ныли, отвислые щеки онемели. У него ломило в висках, а на носу повисла капля. Ужасная, ужасная планета!

Хичкок остановился и, опустив чемоданы на ступеньку, попробовал стянуть воротник потуже. Это не помогло — ветер пробрался и сквозь воротник. Хичкок угрюмо посмотрел вниз. Перекинутая через плечо камера больно била его по боку.

Космодром, расстилавшийся у подножия трапа, не украсил бы и временный разведывательный лагерь. Выровненное поле посреди каменистой равнины — и даже без покрытия! Да какое там поле — жалкая площадка! На краю поля, в той стороне, где виднелся черный купол станции, приютилось несколько аэромашин. С другой стороны поле уходило к холодному морю, смыкавшемуся на горизонте с небом. Волны, лениво ворочая ледяное крошево, били в скалы, одевали их кружевом причудливых сосулек.

Хичкок возмущенно взглянул на яркое солнце. Оно пылало в чистом синем небе, но не грело! А уж второе солнце системы и вовсе было жалкой блесткой, еле мерцавшей почти у самых волн.

Совершенно ясно, что эта планета не подходит для обитания. Она не подходит не только людям, но и любым другим живым существам.

Спускаясь, он заметил, что космолет уже разгружается. Кран опускал контейнеры и ящики на сани, которые тут же отъезжали и поворачивали к куполу.В сани были впряжены мохнатые грязно-белые коротконогие создания величиной с хорошего дога. Пока сани грузились, они сидели на задних конечностях, а передние, словно вовсе лишенные костей, складывали почти вдвое, прижимая к телу широкие лапы, похожие на меховые рукавицы. Никто не отдавал им никаких команд. По-видимому, они сами знали, что им следует делать.

На полпути вниз Хичкок остановился еще раз и, обернувшись к человеку, который спускался за ним, указал на упряжки.

— Это что, туземцы? — спросил он. Ему пришлось крикнуть, чтобы перекрыть свист ветра.

Человек — еще один щенок-стажер, не признающий ничего, кроме своей науки, — словно бы не сразу понял его вопрос.

— Шаркуны? — спросил он с недоумением. Потом кивнул.

Хичкок снял с плеча камеру и запечатлел сцену погрузки на пленку. Возмутительно! Бедняги превращены в рабов!

У подножия трапа ждали сани, снабженные съемными скамьями. Возле саней стоял человек в длинном теплом одеянии с капюшоном, а восемь запряженных в них шаркунов сидели скорчившись и поеживались от ветра. Человек протянул руку к чемоданам Хичкока.

— Садитесь! — крикнул он.— Мы тронемся, как только спустятся остальные.

Хичкок не выпустил чемоданы. Он поглядел на шаркунов в упряжке.

— Благодарю вас, — сухо произнес он и лязгнул зубами от холода.— Я предпочту пойти пешком.

Человек пожал плечами, но все-таки начал его уговаривать.

— На таком ветру это непросто, — он махнул рукой в сторону черного купола, до которого было не меньше полумили.— Не успеете и двух шагов пройти, как нахватаетесь холодного воздуха и застудите легкие. Поезжайте-ка лучше с нами, простыми смертными.

— Если меня повезут они, я не поеду, — с гордым достоинством ответил Хичкок.

— Кто? Шаркуны? — Человек как будто не сразу его понял.— Но они же родились и выросли в здешнем климате. Они им нипочем.

— Но они родились и выросли не для того, чтобы быть рабами, — возразил Хичкок.

Сотрудник станции посмотрел на него со странным выражением.

— А, так вы, значит, тот самый Хичкок! Послушайте, уважаемый, вы напрасно воображаете, будто шаркуны — люди. Ничего подобного. Это просто очень смышленые животные.

— Никто во вселенной не рожден для того, чтобы быть рабом, — привычно продекламировал Хичкок.

Его невольный собеседник досадливо хмыкнул.

— Еще раз предупреждаю: пойдете пешком — пожалеете. А теперь садитесь. Мы сейчас трогаемся.

Он ткнул пальцем в сторону саней. Хичкок несколько секунд молча смотрел на него в упор.

Но холод и ветер были убедительнее всяких слов: Хичкок подошел к багажнику саней и поставил на него чемоданы, притопывая, чтобы хоть немного согреть коченеющие ноги. Его онемевшие руки посинели. Тщетно стараясь унять озноб, он сказал себе, что эти существа привычны к здешнему климату, а сани они все равно потащат, поедет он или не поедет. И лишний пассажир в конечном счете никакой разницы не составит.

Однако про свою миссию он не забыл: подняв камеру, он запечатлел и эту сцену — сначала сани и пассажиров, жмущихся друг к другу от холода, а потом спанорамировал на шаркунов, которые покорно ждали в постромках. Вид у них был жалкий и подавленный. Хичкок подольше задержал на них объектив.

К несчастью, они оказались на редкость безобразными.

Он потребовал, чтобы его поселили отдельно, холодно отверг попытку передать его чемоданы шаркуну и, неодобрительно хмурясь, величественно прошествовал по коридору к своей комнате.

Открыв дверь, он прямо перед собой увидел шаркуна, который подметал пол. Хичкок положил чемоданы на кровать,

а шаркун продолжал сосредоточенно орудовать щеткой, словно вообще не заметил, что в комнату кто-то вошел.

Он был бы одного роста с Хичкоком, если бы не короткие ноги. Его серая шерсть отливала серебром, но голова внушала омерзение — бесформенный обрубок, горизонтально посаженный на туловище, лишенное плеч и почти без шеи. Большие выпученные глаза были широко расставлены — настолько широко, что между ними умещался безгубый рот с огромными полукружиями костяных челюстей. На голове, точно нелепый колпачок, торчало единственное ухо.

Тело его казалось не менее омерзительным — руки, совершенно бескостные на вид, точно куски пожарного шланга, плоские широкие ступни, шаркающие при каждом шаге. Отвислая сумка на животе (они же сумчатые, вспомнил Хичкок) подергивалась, точно в ней пряталось что-то живое, однако существо это несомненно принадлежало к мужскому полу. От него исходил душный мускусный запах. Хичкок глядел на уборщика, испытывая чувство тошноты. А тот с тупым усердием уже водил щеткой по полу у самых его ног, словно Хичкок был столом или шкафом.

— Немедленно прекрати! — распорядился Хичкок, чувствуя себя оскорбленным.

Шаркун остановился и бессмысленно уставил на него выпученные шоколадного цвета глаза.

— Убирайся отсюда! — приказал Хичкок.

Но шаркун по-прежнему смотрел на него бессмысленно и робко. Потом нерешительно снова задвигал щеткой.

— Не смей! Вон! — завопил Хичкок.

Шаркун отчаянно замахал щеткой. Он попытался мести быстрее, но щетка вырвалась из его ластообразных лап и стукнула Хичкока по колену. Хичкок взвыл от боли и ярости.

Шаркун упал на четвереньки и кинулся наутек. Хичкок схватил щетку и выскочил вслед за ним в коридор, но шаркун уже скрылся за углом.

Хичкок захлопнул дверь и уселся на кровать. Он спустил чулок и осмотрел ушибленное колено. Оно побагровело, но кость как будто осталась цела.

Глупая тварь!

В дверь постучали. Хичкок натянул чулок, пристегнул его к трусам, расправил полы туники и сказал:

— Можете войти.

В комнату вошел небрежно одетый человек — короткие носки, плохо сшитая юбочка и свитер. Черная буйная борода явно никогда не подстригалась.

— Что тут за тарарам? — спросил он.

— Тарарам? — повторил Хичкок, ничего не понимая.— Вы имеете в виду мою комнату?

— Вот именно!— буркнул бородач.— Один из моих уборщиков вылетел из этого коридора как ошпаренный и нырнул в свою конуру, словно за ним гнался сам сатана. Все комнаты с того конца уже подметены, и значит, он был тут.— Он поглядел на пол.— Да вот же его щетка!

Бородач нагнулся и поднял щетку.

— Я распорядился, чтобы он ушел, — сказал Хичкок.— Я отказываюсь быть сопричастным к какому бы то ни было использованию рабов.

— А что вы, собственно, ему сказали? — спросил бородач так, словно это имело какое-то значение.

— Я попросил его сделать мне любезность и уйти, — сухо сообщил Хичкок.— Должен сказать, что существо это оказалось непростительно глупым. Мне пришлось дважды повторить свою просьбу.

Бородач поглядел на него с явным сомнением, но ничего не возразил, а, наоборот, счел нужным объяснить:

— Непривычных команд он не понимает. Конечно, вы приезжий, так откуда вам было знать. Но теперь, если захотите отослать шаркуна, скажите: «Это все», и он сразу уйдет. Вообще-то они очень послушные, если знать, как с ними обращаться. Только надо отдавать правильную команду.

— Я сам буду следить за чистотой в моей комнате, — объявил Хичкок ледяным тоном.— Последите, чтобы ваши рабы больше тут не появлялись.

— А вы запирайте дверь на задвижку, — посоветовал бородач.— Конечно, любое нарушение заведенного порядка действует на уборщика плохо, но уж лучше так, чем допустить, чтобы вся дрессировка пошла насмарку.

— Последите, чтобы они держались от меня подальше, — повторил Хичкок.

Бородач оглядел его с головы до ног критическим взглядом.

— Не думайте, будто они способны понять все, что вы им скажете, — заявил он наконец.— Слов они не понимают.

Он отступил за порог и притворил дверь.

Старательно оберегая ушибленное колено, Хичкок полез в чемодан за тюбиком с притиранием, который всегда возил с собой. Да, дверь он безусловно будет держать на запоре! При одной только мысли о том, что эта безмозглая тварь будет трогать его вещи, он пришел в бешенство.

Чего только не приходится переносить бескорыстному альтруисту — подумать страшно!

— Надеюсь, вас удобно устроили, — сказал Бен Рийз.

Он решил сам показать Хичкоку станцию. Бен Рийз был круглолицым толстячком, почти совершенно лысым, хотя ему еще не исполнилось и сорока. Хичкок вызывал у него самые тревожные опасения.

— Терпимо, — ответил Хичкок.— Комната обставлена несколько по-спартански, но терпимо.

У него была неприятная манера ходить, не глядя, куда он идет: он все время вертел головой то вправо, то влево.

— Да, — согласился Рийз, — особым комфортом мы похвастать не можем. Ведь мы располагаем только тем, что доставляют космолеты, а всегда есть гораздо более важные грузы.

— Гм-м-м... — протянул Хичкок.— А скажите, мистер Рийз, это очень приятно — ощущать себя самодержавным монархом целой солнечной системы?

Рийз онемел от неожиданности и, остановившись, недоуменно уставился на Хичкока.

— По-моему, вы не совсем понимаете... — пробормотал он в конце концов.

Хичкок гордо прошествовал дальше, и Рийз вынужден был догонять его бегом.

— Я же... я всего только координирую исследования, которые мы здесь ведем, — объяснил он, тяжело дыша.— И... и еще я составляю списки всего того, что станции нужно будет получить со следующим космолетом... ведь по расписанию они прибывают сюда раз в год... И... и кому-то надо же этим заниматься.

Но Хичкок как будто не обратил на его слова ни малейшего внимания. Или он глуховат? Можно было подумать, что он просто ничего не слышал.

Они шли по центральному коридору станции. Мягкие подошвы их теплых сапог скользили по плиткам пола с легким шорохом. Им встретились всего два-три человека. Тусклый свет, тишина... можно было вообразить, будто они очутились в глубоких подвалах какого-нибудь средневекового замка. Мимо, словно трудолюбивые гномы, пробегали шаркуны, занятые своим делом.

В конце коридора, там, где он разветвлялся на два полукружия, огибавшие купол станции по внешней стороне, Рийз остановился.

— С чего вы хотели бы начать? — спросил он.— С анатомической лаборатории или с биохимического отдела?

Хичкок продолжал хранить молчание. Неподалеку в боковом коридоре шаркун тер пол мокрой шваброй. Рядом в ведре плескалась грязная вода. С ликующим злорадством, от которого каменное выражение его лица почти не изменилось, Хичкок навел камеру на уборщика.

Шаркун продолжал водить шваброй, не обращая на них никакого внимания. Прошло чуть не полминуты, прежде чем Хичкок выключил камеру. Потом он бросил через плечо:

— Вы, кажется, что-то сказали?

— Я спросил, что вы хотели бы увидеть в первую очередь, — вежливо повторил Рийз.

Хичкок испепелил его презрительным взглядом, точно назойливое насекомое.

— Это не составит ни малейшей разницы. До отъезда я побываю везде, можете не сомневаться, — заверил он Рийза.

Они пошли дальше. Осмотр станции превратился для Рийза в настоящую пытку: Хичкок пропускал мимо ушей все его объяснения или истолковывал их по-своему и наводил камеру на каждого работающего шаркуна, мимо которого они проходили.

Рийз терпел, но с каждой минутой это становилось все труднее. Он прекрасно понимал, с какой целью Хичкок почтил своим присутствием Одиннадцатую Скорпиона: этот доморо-

щенный политик вбил себе в голову, что сотрудники станции бессовестно эксплуатируют беспомощных шаркунов, и задался целью разоблачить новоявленных рабовладельцев. Хичкок и его Общество защиты гуманности уже разделались таким образом по меньшей мере с двумя десятками планет, всякий раз последовательно и упрямо игнорируя реальное положение вещей. Рийз все-таки лелеял робкую надежду, что ему удастся как-то переубедить Хичкока и тот оставит Одиннадцатую Скорпиона в покое, но совершенно не представлял себе, как взяться за выполнение подобной задачи.

Наконец, когда Хичкок поднял камеру при виде шаркуна, который мыл посуду в подсобном помещении станции, Рийз решил приступить к делу.

— Зачем вы все это снимаете? — спросил он.

— Собираю обвинительный материал, — ответил Хичкок, не прерывая съемки, и даже не посмотрел на Рийза.— По возвращении домой я приму все необходимые меры, чтобы с этим возмутительным безобразием было покончено раз и навсегда.

Рийз растерялся. Хотя намерения Хичкока не явились для него новостью, он все-таки не мог понять, о чем, собственно, тот говорит.

— Я не собираюсь сквозь пальцы смотреть на то, как туземцев обращают в рабство, где бы это ни происходило, — торжественно объявил Хичкок.

Ах, вот оно что!

— Но... но ведь они — животные, — недоумевающе возразил Рийз.— Мы дрессируем их и обучаем выполнять некоторые несложные операции, потому что у нас не хватает людей для обслуживания станции. Они... они же просто одомашненные животные.

Хичкок опустил камеру и обернулся.

— Вы, кажется, хотите, чтобы я не верил собственным глазам? — оскорбленно спросил он.— Я вижу, что он моет посуду, а вы хотите, чтобы я поверил, будто передо мной — животное?

— Ну и что же? — Рийз все еще недоумевал.— Да, конечно, они очень сообразительны и по своему развитию стоят несколько выше земных шимпанзе. Но ведь это неизмеримо ниже того уровня, который принято считать начально человеческим. Или... или вы против того, чтобы животных использовали для облегчения человеческого труда?

— Продолжим осмотр, — отрезал Хичкок.

Он решительно пошел к двери, и Рийз со вздохом последовал за ним — ничего другого ему не оставалось. Уже в коридоре Хичкок сказал со жгучим пренебрежением:

— Меня поставили в известность, что интересами коренных жителей планеты здесь преступно пренебрегают, но чтобы...

— Кто вам это наговорил? — Рийз был совершенно ошеломлен.

Хичкок досадливо нахмурился.

— Об этом известно на всех цивилизованных планетах, — заявил он категорическим тоном.

— Но это же... это неправда! — возразил Рийз.— Хотя они и коренные обитатели планеты, нет никаких оснований считать их людьми. Они — всего лишь животные, и во многих отношениях довольно примитивные. Правда, мозг у них развит неплохо... то есть в том смысле, что нам удается обучать их довольно сложным действиям, и их поведение в довольно высокой степени определяется конкретными требованиями обстановки. Но они не обладают подлинным мышлением, способностью обобщать, рассуждать... осознавать себя как личность, у них нет даже зачатков общества — ну, словом, ничего того, что делает разумное существо разумным.

— Я приехал сюда, — провозгласил Хичкок, — чтобы вынести собственное суждение по этому вопросу. Мне уже приходилось слышать оправдания и увертки вроде ваших на других планетах, которые я обследовал, — на планетах, где творились возмутительнейшие вещи. Нет, вы только представьте себе — на Эпсилоне Эридана их употребляли в пищу! И о положении здесь я буду судить сам.

Он замедлил шаг и повернулся к Рийзу.

— Ну, а теперь куда мы направимся?

Рийз намеревался провести его в справочную микрофильмотеку, которая находилась дальше по коридору, но тут ему в голову пришла новая мысль, и он указал на винтовую лестницу в нише напротив.

— Вот сюда, вниз, — сказал он.

Они начали осторожно спускаться по узким ступенькам, и Рийз, который теперь опередил Хичкока, объяснял на ходу:

— До сих пор вы видели только шаркунов, которые родились здесь... то есть я имею в виду — здесь, на станции. Видите ли, пока все это строилось, — он обвел рукой вокруг, — сюда было доставлено несколько особей для предварительных исследований. Надо было установить стандарты для дальнейшей работы. Эти экземпляры так тут и остались. Они размножаются без какого-либо нашего вмешательства и в отличие от своих сородичей снаружи не подвергаются активному воздействию сил естественного отбора, а потому должны были во всех отношениях остаться практически такими же, как их предки. Поэтому они служат прекрасной контрольной группой для сравнения с дикими шаркунами.

Лестница вывела их в коридор, совершенно такой же, как верхний. Рийз свернул в узкий проход, который завершался тамбуром. Пройдя двойные двери, они оказались на галерее. Помещение внизу было разделено на небольшие загоны, и почти в каждом загоне находилось по шаркуну.

— Это дикие шаркуны, которых мы поймали для обследования, — объяснил Рийз.

Хичкок подошел к перилам и нацелил камеру вниз.

— Они ничем не отличаются от тех, которые живут на станции, — начал он воинственно.— Неужели их обязательно нужно держать в одиночном заключении? Это же бесчеловечно!

— Да ничего подобного! — попытался втолковать ему

Рийз.— Они поступают сюда из разных районов, и после того, как они пройдут проверки и анализы, мы отправляем их обратно. Нам приходится содержать их поодиночке, чтобы не допустить смешения популяций. А кроме того, они ведь могут убить друг друга.

При звуке человеческих голосов шаркуны задрали головы. Их безгубые костные челюсти жадно щелкали. Хичкок снял общую панораму этих запрокинутых кровожадных морд.

— Я хочу вам кое-что показать, — сказал Рийз. Он подошел к вделанному в стену холодильнику и вынул оттуда большой окорок. Из сине-зеленого мяса торчала хрящеватая полупрозрачная кость.

— Вот поглядите, — Рийз подошел к перилам.

— Неужто вы собираетесь кормить их этим мясом! — ужаснулся Хичкок.— Оно же давно испортилось!

— Нет-нет, — заверил его Рийз, для пущей убедительности помотав головой.— Это его естественный цвет.

Он благоразумно не стал объяснять, что в холодильнике хранилась разделанная туша домашнего шаркуна, павшего от старости. Уж, конечно, Хичкок обвинил бы его в том, что он прививает несчастным туземцам каннибальские привычки.

Рийз наклонился над перилами и бросил окорок в ближайший загон.

Запертый там шаркун схватил его еще на лету, зажал в гибких лапах, поднес к пасти и принялся перетирать мясо вместе с костью беззубыми полукружиями могучих челюстей. Окорок быстро превращался в сине-зеленое месиво, которое шаркун торопливо всасывал. Глотка его уродливо пульсировала.

Шаркуны в соседних загонах, увидев падающее мясо, рванулись к нему. Они прыгали, карабкались на перегородки, бросались на них всем телом, но перегородки были высокими, крепкими и совершенно гладкими, так что все усилия разъяренных зверей оказывались тщетными. Но они не оставляли своих попыток и в слепом бешенстве вновь и вновь бросались на перегородки, свирепо завывая. От грохота, визга и пронзительного рычания можно было оглохнуть.

А счастливчик, панически поглядывая по сторонам, продолжал разделываться с неожиданным подарком судьбы. Беззубые челюсти не останавливались ни на мгновение. По серебристой груди стекали струйки посиневшей слюны. Через несколько минут от окорока не осталось и следа.

Но остальные шаркуны продолжали рваться в тот загон, куда упало мясо. Да и сам счастливчик, все еще роняя капли слюны, уже пробовал выбраться наружу. Он прыгал и срывался, прыгал и срывался. Выпученные шоколадные глаза были устремлены на галерею. Казалось, окорок только раздразнил его аппетит. Хичкок невольно попятился, испуганный такой свирепостью, но тут же нагнулся над перилами и навел камеру на беснующегося шаркуна. Хриплые вопли обезумевшего зверя тонули в общем гуле.

Наконец Хичкок кончил снимать и обернулся. Он что-то кричал, но дикий концерт внизу заглушал его слова. Рийз кивнул в сторону тамбура и жестом пригласил Хичкока выйти.

Когда вторая дверь захлопнулась и вокруг сразу наступила блаженная тишина, Хичкок повернулся к Рийзу.

— Вы, по-видимому, вызываете у них ненависть, — заметил он.— Вы что, не кормите их?

— Их кормили час назад, — ответил Рийз, взглянув на часы.— Их поведение не свидетельствует об особом интеллекте, не правда ли?

— Гм-м-м-м, — пробурчал Хичкок.— Человек, которого систематически морили бы голодом, наверное, вел бы себя так же.

— Но этих... мы же голодом не морим, — возразил Рийз.— Конечно, на воле им нелегко добывать пищу, и, возможно, многие перед тем, как их поймали, ели очень давно. Однако у нас они получают корм регулярно, а большинство находится здесь уже несколько дней.

— Этому я поверить не могу, — отмахнулся Хичкок.— Они заморены голодом.

Рийз покачал головой.

— Привычная реакция на пищу, и больше ничего, — сказал он.— На воле они едят редко и далеко не всегда достаточно. С самых первых дней своего существования. Их... прожорливость для них естественна.

На лице Хичкока брезгливость сменилась злорадством, и он спросил многозначительно:

— Могу ли я осведомиться, почему вы позволяете, чтобы они голодали?

Рийз понял, что допустил оплошность: пытаясь переубедить Хичкока в вопросе, который не имел решающего значения, он дал ему в руки куда более серьезное и опасное оружие.

— Ну, видите ли... — он запнулся.— Мы — научные работники. Нас прислали сюда, чтобы... чтобы изучать шаркунов. В этом весь смысл нашего пребывания на этой планете. Дело в том... видите ли, мы полагаем, что шаркуны эволюционируют и что у них есть все шансы в конце концов достигнуть в своем развитии того уровня интеллекта, который соответствует человеческому. Мы наблюдаем ход этого процесса уже более тысячи лет. А если мы попытаемся облегчить им существование, не исключено, что их дальнейшее развитие прекратится.

— Ерунда! — презрительно фыркнул Хичкок.

— Нет, не ерунда, — Рийз все еще не терял надежды объяснить, растолковать, убедить.— Это логический вывод, он опирается на то, что нам известно о принципе действия естественного отбора. Если разрешите, я обрисую вам положение на этой планете...

— Мне это положение более чем ясно, — перебил его Хичкок.— И я нахожу его возмутительным.

Рийз скрипнул зубами.

— Это ведь особенная планета, — начал он снова (а вдруг Хичкок все-таки усомнится в своей правоте, попробует понять...)— То есть у нее особенная орбита.

— Само собой разумеется, — заявил Хичкок.— Орбита планеты в системе двойной звезды не может не быть прихотливой.

— Если бы так! — с кроткой настойчивостью сказал Рийз.— Когда проводились первые исследования этой системы, планета, на которой мы находимся, обращалась вокруг Альфы. В справочниках она все еще значится как Альфа II. Однако в настоящее время она обращается вокруг Беты.

— Что?! — глаза Хичкока полезли на лоб.— Какая нелепость!

— Но это же правда, — безнадежно вздохнул Рийз.— Более того, мы убеждены, что Альфа и Бета обмениваются ею с самого момента ее возникновения. Видите ли, они обращаются друг вокруг друга по очень неправильным орбитам, сближаясь каждые сорок пять лет. Если планета в период их максимального сближения окажется в соответствующей точке своей орбиты, ее захватывает другая звезда.

— И как часто происходит такой обмен? — саркастически осведомился Хичкок.

Рийз беспомощно пожал плечами.

— Эти периоды крайне неравномерны, — объяснил он.— Планета может оставаться с одной звездой сто тысяч лет или всего двести-триста. При каждом обмене она начинает обращаться по другой орбите, то есть другой по сравнению со всеми прежними. Следующий обмен должен произойти через три с половиной тысячи лет.

Хичкок презрительно фыркнул.

— Весьма любопытно, если только это соответствует действительности, — сказал он.— Но какое отношение все сказанное имеет к вашему возмутительному обращению с туземцами?

— Самое прямое, — ответил Рийз.— Видите ли, всякий раз, когда планета меняет орбиту, ее климат претерпевает колоссальные изменения. Геологические данные доказывают это неопровержимо. Хотя между Альфой и Бетой существует, пожалуй, большее сходство, чем обычно наблюдается у двойных звезд, тем не менее излучение их и количественно и качественно неодинаково. К тому же на каждой новой орбите планета оказывается то ближе к своему альтернативному солнцу, то дальше от него.

— Полагаю, это имеет какое-то отношение к делу? — с раздражением перебил Хичкок.

Рийз кивнул.

— Мы почти уверены, что живые существа, обитающие на планете, способны переносить очень резкие колебания климата — иначе они давно бы вымерли. Не исключено даже, что при некоторых изменениях жизнь на планете погибала... и это могло случаться сотни раз, прежде чем начался цикл, который мы наблюдаем сейчас. Думаю, что точно мы этого никогда не узнаем.

Хичкок смерил его взглядом, исполненным высокомерного недоумения.

— Ничего более нелепого я в жизни не слышал! — воскликнул он.— По-вашему, искру жизни можно то зажигать, то гасить, точно электрическую лампу!

Рийзу случалось слышать о людях, исповедующих подобные убеждения, но разговаривать с таким человеком ему до сих пор еще не доводилось. У него было такое ощущение, словно он ведет диспут со средневековым схоластом.

— Я только хотел подчеркнуть, насколько... насколько закаленными должны быть живые существа, обитающие на этой планете, — дипломатично начал он.— Насколько... насколько гибко вынуждены они приспосабливаться к различным условиям. Эволюция здесь, по всей вероятности, протекает в сотни раз быстрее обычного. Вы понимаете, какие это открывает возможности для наглядного изучения процесса эволюции. И...

— Вы еще не объяснили мне, — напомнил ему Хичкок, — почему вы игнорируете нужды здешних туземцев... Почему вы подвергаете их вивисекции и...

«Вот он и вернулся к тому, с чего начал, — уныло подумал Рийз.— Какой-то заколдованный круг».

— Мне казалось, что все это ясно и без объяснений, — все так же терпеливо начал он.— Шаркуны — пока еще животные, а не разумные существа. Но повторяю — пока. Они обладают большим интеллектуальным потенциалом и со временем могут стать разумными существами. Особенности планеты делают это почти неизбежным — другими словами, когда среда обитания резко и непредсказуемо меняется, рано или поздно должен развиться разум, так как разум — это единственное свойство, которое обеспечивает живому существу способность нормально существовать в самых разных условиях. Видите ли,мы не просто изучаем здесь процесс эволюции, но и... но и наблюдаем развитие разума. Рано или поздно где-то на этой планете шаркуны почти наверное обретут... обретут интеллект. Я хочу сказать — интеллект, соразмеримый с человеческим. И мы хотим присутствовать при этом. Мы хотим увидеть, как это произойдет. Нам еще ни разу не представлялась возможность наблюдать, как животное становится человеком.

Хичкок насупился.

— Вы говорите так, словно люди — это животные, — сказал он с упреком в голосе.— Так, словно животное может обладать разумом.

— Но ведь люди — это просто особый биологический вид в ряду остальных животных, — перебил Рийз.

— Я не желаю этого слушать, — рявкнул Хичкок и поправил ремень камеры.— Что же касается интеллекта, то у меня ведь нет никаких гарантий, будто они его пока еще лишены — никаких, кроме вашего слова. А мне нужны доказательства, мистер Рийз. Мне нужны весомые доказательства.

Бен Рийз сдался. Как можно доказать что-либо тому, кто отказывается верить самым очевидным истинам?

День был хорош для охоты. Ветер не дул и снежная пыль не засыпала следы визгуна, не заравнивала их. Туман не закрывал дали, и свет с неба падал на белую землю. Кве-орелли сдвигал веки, чтобы не слепнуть от белого блеска. След был свежий.

Значит, зверь где-то недалеко. Кве-орелли бежал вдоль следа, но не приближался к нему — он боялся, что снег вдруг раскроется под ним, точно пасть, и съест его.

Один раз он видел, как случилось такое. Он и другие люди нашли след пушистохвостого бегуна, и один из людей пошел прямо по следу. Под ним открылась яма, и он пропал. Кве-орелли и другие люди сразу убежали. С тех пор Кве-орелли ни к одному следу не подходил ближе, чем на три длины тела, — даже к своему собственному.

Следы визгуна вели за гребень. Кве-орелли свернул в сторону, чтобы подняться на гребень подальше от того места, где через него перешел визгун. Подниматься по склону только на задних лапах было трудно. Он согнулся и пошел дальше, опираясь на одну из передних лап. В другой веслообразной лапе он сжимал свой камень.

Камень был его сокровищем, единственным предметом, который он ощущал своим. Камень понадобится ему, когда он догонит визгуна и нужно будет его убить. Камни такой формы и размеров, чтобы ими удобно было убивать, попадались очень редко, но ведь камень намного лучше кусков льда. Такие куски легко ломаются, они не сохраняют формы, да и бить ими приходится гораздо сильнее.

Он всегда носил камень с собой, а если приходилось класть его на землю, то все время на него поглядывал. Он прижимал его к груди, когда спал, а спал он только в своем тайном логове. Другие люди сразу бы его убили, лишь бы взять камень себе, только они боятся.

Вот и гребень. След визгуна уходил вниз в ложбину и поворачивал в сторону. Кве-орелли испустил высокий кашляющий звук, чтобы другие люди, которые пошли на охоту вместе с ним, узнали, что визгун снова повернул. По сторонам раздались резкие хриплые крики — другие люди услышали и повторили сигнал. Вскоре из дальнего конца ложбины донесся новый крик — те, кто был там, увидели визгуна.

Кве-орелли крепче прижал камень к груди и побежал вниз. Широкие ступни-ласты и короткие ноги были плохо приспособлены для быстрого спуска, он споткнулся, упал и покатился на дно ложбины, поднимая облака снежной пыли. Но камень он не выпустил. Что бы ни случилось, камня он не выпустит.

Он встал и встряхнулся, чтобы избавиться от снега, прилипшего к шерсти. В дальнем конце ложбины двое других людей бежали вприпрыжку вниз по склону на всех четырех лапах — у них не было своих камней. Не останавливаясь, они пересекли ложбину и полезли на противоположный склон. Наверху они повернули туда, где был замечен визгун. Кве-орелли остался внизу и вновь пошел по следу визгуна. Здесь ложбина изгибалась. Кве-орелли обошел подножье крутого холма и далеко впереди увидел визгуна. Еще дальше на гребне виднелось трое других людей, которые успели опередить зверя. Один из них уже бежал вниз, чтобы погнать его назад. Те двое, которые поднялись на противоположный склон, теперь тоже повернули вниз. Они бежали очень быстро, потому что бежали на всех четырех лапах.

Кве-орелли оказался далеко позади. А потому он кинулся вперед со всей быстротой, на которую были способны его короткие ноги и широкие ступни.

Другие люди спускались в ложбину, двигаясь навстречу визгуну широким полукольцом. Теперь они держали в лапах куски льда и ледяные остроконечники. Они шли прямо на зверя.

Визгун остановился. Он присел, словно готовясь к прыжку. Другие люди шли на него, размахивая ледяным оружием. Визгун застыл на месте, потом зарычал, повернулся и побежал назад по ложбине прямо на Кве-орелли.

Кве-орелли бежал ему навстречу. Увидев его, визгун повернул и начал взбираться на склон, но один из других людей успел отрезать ему путь. Визгун снова повернул в ложбину. Он был уже совсем близко от Кве-орелли. Кве-орелли остановился, выпрямился и поднял камень высоко над головой, держа его обеими лапами.

Визгун перешел в нападение. Его мышцы ритмично напрягались и расслаблялись. Он свирепо и оглушительно визжал. Кве-орелли остался стоять на месте. Он только весь напрягся, готовясь опустить свой камень на голову зверя. Он смотрел, как зверь, визжа, мчится прямо на него.

И бесстрашно ждал.

Впереди в холодной дымке показалась земля — огромный сгусток тьмы, встающий из мглисто-серого моря. Хичкок съежился: так стремительно надвигалась на него грозная каменная стена. Но тут планелет взмыл вверх. Хичкок, борясь с тошнотой, поглядывал на обледенелый, изрезанный глубокими трещинами обрыв. Легкая машина содрогалась под резкими ударами ветра. Она вдруг запрыгала на воздушных ухабах, накренилась, и пилот выровнял ее с явным трудом. Мотор взревел.

И вот они летят уже над сушей. Ветер немного присмирел. Хичкок увидел внизу унылую, скованную льдом каменистую равнину. На горизонте уходили в небо белые горы.

И нигде ничего живого.

Пилот обернулся к Мюллеру, сидевшему позади него.

— Будем проверять ловушки? — спросил он.

Капюшон его меховой куртки был откинут, на шее, точно детский слюнявчик, болталась ветрозащитная маска.

— Угу, — буркнул Мюллер. Он не говорил, а огрызался.— Валяйте.— Он — подразумевался Хичкок — хочет посмотреть, как мы работаем. Но, конечно, в них ничего не будет.

Пилот кивнул, пожал плечами и повернулся к рычагам. Планелет прибавил скорости.

Хичкок поднял камеру. Безжизненность этих каменных россыпей производила самое гнетущее впечатление. Пусть широкая публика увидит их собственными глазами. Такое зрелище лучше любых слов способно убедить всякого порядочного человека, насколько ужасна Одиннадцатая планета системы Скорпиона. Мюллер обернулся, и Хичкок, с неудовольствием опустив камеру, приготовился его слушать.

— Сначала мы проверим ловушки. Если в них ничего не окажется, нам придется самим изловить необходимый экземпляр.

— Что?! Вы на них охотитесь? — воскликнул Хичкок.— Какой ужас!

— Нам надо как-то добывать материал для работы, — объяснил Мюллер.

Планелет снизился и, несся теперь через равнину почти у самой земли. Перед его носом то и дело возникали исхлестанные ветром скалы, грозя разбить его, и тотчас оказывались далеко позади. На горизонте вершины скованных ледниками гор вонзались в легкие перистые облака.

— Ну, что скажете? — спросил Мюллер.— Немножко голо, как по-вашему? — Он усмехнулся.— А вы погодите месяц-другой. Сейчас ведь, что ни говори, еще лето, хотя оно и подходит к концу.

— Как лето? — недоверчиво переспросил Хичкок.

Там и сям в расселинах неприхотливые растения вели упорную борьбу за жизнь. От постоянного воздействия холода сегментированные стебли и ветки были все в трещинках, их покрывал толстый слой липкого сока. Веера мясистых, серо-зеленых игл робко и жалобно тянулись к далекому солнцу.

Поколебавшись, Хичкок снова поднял камеру.

— Вот именно — лето, — повторил Мюллер.— У нас тут лето круглый год — один из четырех. В этот год мы все время остаемся ближе к солнцу, чем в остальные три. Здесь, в тропиках, температура порой поднимается до пятнадцати градусов и неделями не снижается.

— Всего только до пятнадцати? — Хичкок указал на голую каменистую равнину.— Так почему же тут нет снега? Ведь он начинает таять только при тридцати двух градусах.

— По шкале Фаренгейта, — нетерпеливо объяснил Мюллер, — а мы пользуемся стоградусной. Но, во всяком случае, полностью снег сходит только на морском берегу. По ту сторону гор его хватает. Ну, сами увидите.

Горы надвигались на них и, казалось, становились все выше. Покрытые снегами склоны и голые отвесные скалы уходили вверх, словно стена, воздвигнутая сказочными великанами. Несколько минут планелет летел вдоль стены, а затем повернул к ней — там, где по узкому ущелью на равнину сползал ледник.

Этот почти вертикальный поток льда, весь в темных пятнах камней, был похож на грозный крутой утес. Равнину внизу устилали отколовшиеся от него гигантские глыбы. Мотор взревел, и планелет устремился вверх.

Едва он поднялся над гребнем, как в него ударил ветер. Рев мотора перешел в пронзительный вой — маленькая машина с трудом пробивалась вперед сквозь массы холодного воздуха, стекающего с гор. Внизу зияли трещины, мелькали темные полосы камней, вмерзших в лед.

Хичкок опять поднял камеру — кадры этого мрачного ледника тоже сыграют свою роль.

— Куда мы летим? — спросил он.

— На плато по ту сторону гор, — ответил Мюллер.— Туда, где водятся шаркуны.

Хичкок задрал голову и посмотрел на зубчатый хребет. Ущелье тут поворачивало, равнина скрылась из вида, и повсюду вокруг в небо уходили могучие пики.

— Но разве шаркуны...(фу, до чего же неприятно произносить это дурацкое название!)... разве шаркуны не обитают по эту сторону гор?

— На побережье их почти нет, — ответил Мюллер.— Здесь оно полностью отрезано от внутренних областей и зимой им тут нечего есть. Нет, в основном они предпочитают снежный край.

— Снежный край? (До чего зловеще это звучит!) Но как же они поддерживают там свое существование?

— Ничего, живут, — сказал Мюллер.

Ледник вновь стал почти отвесным — тут он был зажат между двумя отрогами главного хребта. Планелет плавно взмыл над краем ущелья. Теперь они летели над самым сердцем гор.

— Но как живут? — Хичкок желал получить точный ответ.— Чем они поддерживают свое существование?

— Стирают друг другу белье, — заявил Мюллер, не моргнув и глазом.

— Не понимаю, — протянул Хичкок с недоумением.

— Обгладывают друг другу кости, если вам так больше нравится.

Далеко внизу под ними теперь распростерлось холмистое нагорье, утопающее в снегу. Небо было безоблачно синим, и безжизненная белая поверхность ослепительно сверкала. Хичкок поспешно изменил настройку камеры, снизив чувствительность, чтобы ввести поправку на этот блеск.

— Вот он, — сказал Мюллер.— Край шаркунов.

«Словно какой-нибудь средневековый барон, который показывает свои владения с главной башни замка», — решил Хичкок, а вслух спросил:

— Так где же они?

Мюллер досадливо хмыкнул.

— Тут где-нибудь. Но это довольно-таки большая территория, а численность шаркунов невелика. По нашей последней переписи один шаркун приходится на двадцать квадратных миль. К тому же в пяти случаях из десяти их удается обнаружить только с помощью прибора, фиксирующего излучение животного тепла.

Он замолчал, достал солнцезащитные очки и протянул их Хичкоку.

Хотя планелет летел уже над плато, они сохраняли прежнюю высоту.

— Ловушки не сигналят, — сообщил пилот.— Будем все-таки проверять?

— Ладно, обойдемся, — буркнул Мюллер.— Только зря время потеряем.— Он обернулся к Хичкоку.— Ловушки теперь почти всегда остаются пустыми. Шаркуны разобрались, что к чему, и обходят их стороной.

— Неужели? — Хичкок явно заинтересовался.

— Мы используем ямы-ловушки, — объяснил Мюллер.— От других в здешних местах толку нет никакого. Двести лет назад их только-только успевали проверять, а теперь попавший в ловушку шаркун — редкость.

— Понимаю, — протянул Хичкок.

Превосходно, нет, право же, превосходно! Во всяком случае, коренным обитателям планеты удается как-то защищаться от произвола этих людей!

— А знаете, что я думаю? — доверительно сказал Мюллер.— Я думаю, что мы с самого начала ловили только тех, кто плохо соображал. Умные быстро поняли, в чем тут штука, и уже больше не попадались. Ну, а теперь все те, кто не умел соображать, вымерли, и остались одни умники. Вот нам и не удается их поймать. Во всяком случае, с помощью ловушек.

— Ах, так, значит, вы их все равно ловите? — сделал вывод Хичкок.

— Да, ловим, только редко, — ответил Мюллер и наклонился к пилоту.— Поверните-ка туда, где мы на прошлой неделе видели много следов. Может, они все еще там шляются.

— Но как? — не отступал Хичкок.— Как вы их ловите?

— Погодите, сами увидите.

С этими словами Мюллер поднял крышку ящика у своих ног и вытащил свернутую и сложенную пополам сеть. Он аккуратно уложил длинный плотный рулон на узкую полку у нижнего края прозрачного колпака, тянувшуюся между ним и Хичкоком, и закрепил торчащие из уголков шнуры в специальных кольцах под полкой.

— Доктор Мюллер, — чуть ли не умоляющим тоном начал Хичкок, — неужели вы никак не пробовали помочь этим беднягам? Совсем ничего для них не делали? Равнодушно оставляли их на произвол судьбы в этих жутких краях? Чтобы они голодали? Мерзли? Умирали?

— Ну и что? — удивленно сказал Мюллер.— Это же самые обыкновенные животные.

— Но... но ваш долг, долг гуманного человека требует оказать им помощь, — возразил Хичкок, весь содрогаясь.

— Послушайте, — сказал Мюллер твердо, равнодушно и терпеливо.— Мы — ученые. Мы присланы сюда изучать этих зверюг — наблюдать за ними, смотреть не эволюционируют ли они. Если мы примемся их опекать, то все испортим. Тогда уже невозможно будет разобрать, что произошло само собой, а что мы вызвали своим вмешательством. Да и в любом случае им живется ничуть не хуже, чем жилось бы, если бы мы вообще не открыли этой планеты.

— Доктор Мюллер, в вас нет и следа гуманности! — провозгласил Хичкок голосом, исполненным беспощадного осуждения.

Мюллер расхохотался.

— И очень хорошо, что нет. А то мне тут нечего было бы делать, — сказал он.— Послушайте, уважаемый, этим зверюгам приходится нелегко, но если они не будут приноравливаться

к условиям жизни на своей планете, им останется одно — сдохнуть. Раз они живут, значит, сумели приспособиться. А раз сумели приспособиться, значит, они эволюционируют. Вы что же, хотите помешать эволюции? Вам это нужно?

— Возмутительно! — брызгал слюной Хичкок.— Более того, преступно! Вы смотрите, как эти бедные создания умирают и... и мучаются, а сами палец о палец не ударите, чтобы облегчить их страдания. Они имеют такое же право на жизнь, как и вы, и я позабочусь, чтобы это право было им даровано!

— Давайте-давайте! — насмешливо буркнул Мюллер.— Только не вмешивайтесь в наши дела. Программы важнее нет ни у одной научной станции во всей галактике.

— Вижу следы! — сообщил пилот.

Хичкок повернул голову. Далеко внизу по гребню невысокого холма тянулась узкая тропка и исчезала под обрывом. Планелет замер, а потом резко пошел на снижение. Тропка превратилась в неровную цепочку следов какого-то неуклюжего зверя — широкие плоские отпечатки почти накладывались друг на друга, края их были нечеткими, словно зверь почти не поднимал лап над снегом.

— Да, это шаркун, — без колебаний определил Мюллер.— Сделаем круг, посмотрим, нет ли еще следов.

Теперь пилот вел машину на малой высоте. Они летели вдоль гряды и пересекли еще несколько цепочек таких же следов — все следы вели в одном направлении.

— Я бы сказал, что это охотничья стая, — вынес свое заключение пилот.

— Вот именно, — согласился Мюллер и обернулся к Хичкоку.— Они начали охотиться таким манером всего лет сорок назад, и большинство все еще гоняется за добычей в одиночку, но время от времени мы обнаруживаем признаки того, что они объединяются для общей охоты — вот как сейчас.

Хичкок поспешно навел камеру на снег и снял общую панораму следов.

— А это имеет какое-нибудь значение? — спросил он.

— Если бы! — буркнул Мюллер.— Вообще-то они предпочитают держаться особняком и охотятся, как я вам уже говорил, в одиночку. Но это первое указание на то, что они научились хоть в чем-то сотрудничать, что у них начинает развиваться чувство общности.

— То есть цивилизация? — задумчиво и торжественно спросил Хичкок.

— Ее зародыш, — ответил Мюллер.— Вот тут, теперь.

Пилот повернул машину в том направлении, куда вели следы. Мюллер показал еще одну цепочку отпечатков в снегу.

— А вот и следы их добычи.

Следы эти почти не отличались от остальных, но были еще менее четкими и накладывались один на другой, образуя довольно сложный узор. Хичкок сосредоточенно водил своей камерой, а планелет скользнул над склоном и за гребнем устремился вниз, в глубокую лощину.

— Еще один признак того, какими смышлеными они становятся, — сказал Мюллер.— Вернее те, которые охотятся стаей. Это естественный ход эволюции. Чтобы выжить в таких условиях, требуются хорошие мозги.

— Правильно ли я понял, — с недоумением спросил Хичкок, — что вы отказываетесь облегчить их жребий только по этой причине? Потому что хотите наблюдать, какую дорогую цену они платят за право жить? Вы просто... стремитесь удовлетворить свое любопытство?

— Конечно, — отрезал Мюллер. Он как будто был очень доволен собой.— А вы можете назвать более достойную причину? И кроме того, не исключено, что нам когда-нибудь придется с ними столкнуться. Ну, а на этот случай полезно узнать о них как можно больше.

Хичкок поверил ему, и у него по спине побежали мурашки. Он вдруг понял, что сочувствует точке зрения Мюллера. И испугался. Он знал, что думать так недостойно. Конечно, конечно, недостойно!

Но он разделял страх Мюллера.

След добычи свернул на дно лощины. Пилот сделал крутой вираж и полетел прямо над ней.

— Отпечатки совсем свежие, — заметил он.

— Он прошел здесь часа два назад или даже меньше, — согласился Мюллер.

Планелет точно следовал всем изгибам лощины. Хичкок держал камеру наготове и внимательно вглядывался в белую снежную пелену, расстилавшуюся впереди.

— Они намного нас опережают? — поинтересовался он.

— Трудно сказать, — ответил Мюллер.— Когда им нужно, они способны передвигаться довольно-таки быстро.

Он указал на новые следы, протянувшиеся параллельно первым.

— Этот бежал на трех лапах — как шимпанзе или горилла. Шаркуны всегда опираются на переднюю лапу, когда торопятся, а то и вовсе становятся на четвереньки.

— Они что же, бегают наподобие животных? — властно спросил Хичкок. Перед его мысленным взором возникли нескладные существа, которые неуклюже бежали вперевалку на всех четырех конечностях. Он ужаснулся.

Планелет обогнул выступ крутого высокого холма.

Вот они! До них было еще далеко, слепящий свет мешал рассмотреть их как следует, и тем не менее ошибки быть не могло. Шаркуны! Восемь... а то и десять шаркунов.

— Ну, теперь смотрите, как мы их ловим, — сказал Мюллер, обернувшись к Хичкоку.— Да вы бы застегнулись. Снаружи порядочный мороз.

Он помог Хичкоку справиться с непривычными пряжками ветрозащитной маски и проверил, хорошо ли застегнута его меховая куртка.

Потом Мюллер отвернулся, и Хичкок вытянул шею и загля-

нул через спинку его сиденья, стараясь рассмотреть, чем он занят. Мюллер, в свою очередь надев маску и застегнув куртку, приоткрыл колпак как раз над рулоном сети. В кабину ворвался ледяной ветер. Хичкок съежился. Холод пробрался даже сквозь толстую куртку, просочился под маску, защипал лоб там, где к нему прилегла оправа очков, и обжег ноздри при первом же вдохе.

Мюллер указал на шнур сети, привязанный к кольцу возле колен Хичкока.

— Узел не ослаб? — глухо прозвучал из-под маски его голос. Хичкок равнодушно покосился на кольцо и кивнул.

Его совершенно не интересовало, ослаб узел или не ослаб. Возмутительно уже то, что для поимки шаркуна они пускают в ход сеть! Это противоречит самым элементарным представлениям о порядочности и честной игре!

Однако Мюллера его ответ удовлетворил.

— Валяйте! — скомандовал он.

Пилот передвинул ручку в крайнее положение. Машина клюнула носом, пение мотора стало пронзительным.

Они по крутой дуге обогнули холм и вышли на прямую. Морозный воздух хлестал Хичкока, жгучий холод пробирался под одежду. Вокруг гремел ветер. Хичкок поднял камеру и навел ее на то место, где собрались шаркуны. Планелет мчался к ним, точно лодка на гребне волны.

Мюллер прижал к очкам бинокль.

— Они окружили эту тварь, — сообщил он.—У одного из них в лапах... — Он вдруг осекся.— Этого!— торопливо скомандовал он.— Самого ближнего к нам. Его нельзя упустить!

Хичкок уже ясно различал все подробности сцены, развертывавшейся впереди. Шаркуны, выстроившись шеренгой, гнали гибкого коротконогого зверя еще на одного шаркуна, который стоял неподвижно спиной к планелету. Обеими веслообразными лапами он поднимал над головой какой-то предмет. Зверь бежал на него, извиваясь, словно змея.

— Этого! Этого! — кричал Мюллер, перекрывая рев ветра.

Он столкнул рулон с полки. Сеть развернулась, заколыхалась. Планелет затрясло.

Они были уже совсем близко от шаркунов, и расстояние продолжало стремительно сокращаться. Позади планелета вздымались вихри снега. Хичкок целился объективом в спину шаркуна. Они были уже почти над ним.

В последнюю секунду пилот развернул машину так, чтобы сеть накрыла шаркуна сбоку и подхватила его. Но тут Хичкок в мгновение ока сорвал шнур с кольца возле своего колена.

Для этого ему пришлось нагнуться, и его камера не запечатлела того, что произошло дальше. Сеть, повисшая на одном шнуре, свернулась жгутом, хлестнула по шаркуну сбоку и опрокинула его в снег. Из его лап вырвался большой зазубренный камень в форме сердца.

Планелет, увлекаемый инерцией, промчался дальше. Бешено работая рычагами, пилот сбросил скорость. Хичкок снова поднял камеру.

И он успел снять то, что случилось потом — кошачий прыжок зверя, отчаянное сопротивление шаркуна... и внезапный поток бирюзовой крови на белом снегу.

— Видите? — торжествующе вскричал Хичкок.— Видите? Вот на какую жизнь вы их обрекаете! Убийцы!

Через неделю Хичкок потребовал, чтобы Мюллер показал ему, как он измеряет степень умственного развития шаркунов.

Все эти дни, пока он вел свое расследование, его то и дело пытались убедить, что они еще далеко не достигли того уровня, когда вообще можно говорить об умственном развитии. Ложь, конечно. Все они тут стакнулись. Тем не менее ему мало-помалу пришлось смириться с мыслью, что вопрос о том, завершится его миссия успехом или провалом, в конечном счете зависит от того, сумеет ли он добыть доказательства этого самого «умственного развития» шаркунов. В ответ на его требование Мюллер улыбнулся и пригласил его к себе в лабораторию. Вначале Хичкок был разочарован и встревожен: задачи, предлагавшиеся испытуемым, были предельно простыми. Сам он увидел решение с первого же взгляда. Однако ему удалось вырвать у Мюллера признание, что шаркуны с этими задачами тоже справляются.

— Ну да, справляются, — насмешливо сказал Мюллер.— Они их решают почти с такой же легкостью,как и вы.

Потом Хичкок ознакомился с более сложными задачами. Например, «огненный ров». Тут шаркуну, чтобы завладеть соблазнительным куском мяса, нужно было каким-то образом перебраться через широкую полосу раскаленных углей.

Хичкок в недоумении расхаживал перед рвом. Жар, поднимавшийся от углей, обжигал его худые обвислые щеки, и они побагровели. Нет, способа перебраться на ту сторону явно не существует. Да; безусловно, мясо недостижимо. В конце концов он сдался.

— Это невозможно, — категорически заявил он.

— Да неужели? — Мюллер улыбнулся. Он направился к углям, поднял с пола коврик и бросил на них.

— Откуда я мог знать, что коврик сразу же не вспыхнет? — возмутился Хичкок. Он уже схватил камеру, чтобы снять задачу и ее решение.

— А откуда вы знали, что он обязательно должен вспыхнуть?— возразил Мюллер.— Надо было проверить на опыте.

— Но уж, во всяком случае, нельзя ожидать, чтобы невыдрес... необученный дикарь сообразил, как надо поступить, — обиженно настаивал Хичкок.

Мюллер пожал плечами.

— Да, задача не из легких, — признал он.— Однако кое-какие шаркуны ее решали.

— Не может быть! — злобно возразил Хичкок.

— Конечно, не эти, — пренебрежительно фыркнул Мюллер.— А по-настоящему смышленые.

— Что-что? — переспросил Хичкок. Ему показалось, что он ослышался.— Как так — смышленые?

Мюллер опять пожал плечами и улыбнулся.

— Нам раза два-три попадались очень смышленые, — признался он.

Хичкок промолчал. Душа его ликовала, но он сделал вид, будто слова Мюллера не произвели на него особого впечатления. Точно охотник, наконец-то завидевший добычу, по следу которой шел, он решил выждать. Не надо торопиться и опережать события — Мюллер, ничего не подозревая, наверное, снова проговорится. Мюллер располагает доказательствами, которые необходимы ему, Хичкоку. Этого достаточно.

Он ознакомился еще с несколькими задачами. В большинстве они были даже труднее «огненного рва». И Хичкок не сумел решить почти ни одной, хотя теперь, как ему казалось, он не упускал из виду ни одного из подручных средств. А Мюллер и не думал объяснять, как, по его мнению, их могли бы решить шаркуны, если даже человек оказывается бессильным! Мюллер только загадочно улыбался.

Хичкок отснял все задачи, поставившие его в тупик. Если шаркунов считают безмозглыми на основании подобных проверок, это само по себе уже может служить доказательством их высокого умственного развития.

Затем Хичкок начал знакомиться с лабиринтами. Первые, попроще, он кое-как одолел и выбрался наружу очень довольный собой, хотя и раздосадованный тем, что в качестве искомого доказательства они явно не годились.

— Ну, во всяком случае, эти ваши лабиринты несложны! — буркнул он сердито.

— Они служат только для того, чтобы зверюги могли ознакомиться с идеей лабиринта, — объяснил Мюллер и провел Хичкока в соседнее помещение, где целую стену занимала панель с множеством сигнальных лампочек. Мюллер открыл дверь сбоку от нее и жестом пригласил Хичкока войти. Хичкок ничтоже сумняшеся вошел.

Позади него раздался легкий щелчок. Он обернулся и увидел перед собой только глухую стену. Двери как не бывало.

Хичкока охватил панический страх. Он принялся колотить кулаками по стене и кричать. Никто не отозвался. Расходящиеся во все стороны коридоры гасили все звуки.

Хичкок побежал.

Через полминуты он совсем выбился из сил и, задыхаясь, остановился.

Этот лабиринт был не похож на прежние. Этот лабиринт был сложным.

Хичкок огляделся. Все вокруг казалось чужим и незнакомым. Он даже не мог сообразить, по какому коридору вышел сюда. Сомнений не оставалось: он заблудился.

В полном ужасе он попробовал начать систематические поиски выхода. Бесполезно! Коридоры то и дело разветвлялись, за каждым поворотом открывались все новые и новые проходы. Они петляли, соединялись в запутанные зигзаги, описывали замкнутые круги. Хичкок утратил всякое чувство направления и не мог бы сказать, долго ли он бродит по лабиринту и какое

расстояние успел пройти. Ему пришло в голову, что лучше будет вернуться назад, но он ошибся поворотом и очутился в глухом каменном мешке. Спиральный спуск привел его к провалу, в котором чернела неподвижная стылая вода. Изнемогая от усталости, Хичкок побрел обратно.

Наконец он выбрался на ровное место и прислонился к стене, с трудом переводя дух. Коридор впереди раздваивался, дальше виднелись узкие проемы поперечных проходов. Любой из них мог вести к выходу. А может быть, все до единого заканчивались тупиками. Хичкок машинально поднял камеру и медленно повернулся на месте, держа ее перед собой.

Пусть широкая публика посмотрит все это, думал он. Пусть увидит бесконечные перекрестки и повороты — бессистемность и бесформенность этого так называемого лабиринта. Пусть сама судит, насколько подобный критерий подходит для измерения человеческого интеллекта.

И с помощью таких вот ухищрений они добывают свидетельства животной тупости шаркунов! Нелепо и смешно! Даже человек с таким развитым интеллектом, как у него, неспособен отыскать выход. Это не по силам никакому гению.

— Ну как, хватит с вас, Хичкок? — голос Мюллера раздался совсем рядом.

Хичкок вздрогнул, стремительно обернулся и никого не увидел.

— Где вы? — крикнул он— Выходите!

— Ну как, хватит с вас? — повторил Мюллер с явной издевкой в голосе.

Хичкок представил себе сумасшедшую путаницу коридоров. Только дурак способен поверить, будто в них можно обнаружить какую-то систему. Не бродить же ему тут целые сутки! Он ведь с голоду умрет.

— Да! Хватит! — крикнул Хичкок.— Где вы?

— Стойте на месте, — распорядился Мюллер.— Я сейчас за вами приду.

У Хичкока от усталости подламывались ноги, и он бессильно привалился к гладкой стене. Просто возмутительно. В этих дурацких кротовых норах даже не позаботились хотя бы устроить сиденья!

Минуты через две из бокового коридора неторопливо вышел Сигурд Мюллер.

— Ну, что скажете? — осведомился он со злокозненной усмешкой.

Хичкок выпрямился.

— Неужели вы в самом деле верите, что с помощью этой... этой глупой игры можно выявить степень человеческого интеллекта? Какая чепуха!

Мюллер хихикнул.

— Ну, не знаю, — сказал он весело.— Во всяком случае, о вашем интеллекте она дала мне достаточное представление.

— Молодой человек! — вскипел Хичкок.— Найти отсюда выход не сумеет никто!

— Да неужто? — промурлыкал Мюллер.— Идите за мной! — Он указал большим пальцем через плечо, повернулся и зашагал по коридору.

— Но вы-то знаете, где выход, — заспорил Хичкок. Ему пришлось припустить легкой рысцой, чтобы не отстать от своего проводника.

Мюллер даже не обернулся.

— Да, лабиринт не из простых, — признал он.— Однако некоторые люди находят выход с первого раза. Даже несколько шаркунов сумели его решить.

— Случайность! — пропыхтел Хичкок.— Чистейшей воды случайность!

Мюллер покачал головой.

— Ну нет, — сказал он категорически.— Такой сложный лабиринт случайно решить нельзя. Тем более за короткое врёмя. Вы либо просто ищете, пока не наткнетесь на выход, либо придумываете какой-то метод. Те, кто просто ищет, выбираются отсюда очень нескоро. Но если у вас хватает сообразительности, вы нащупываете верный метод. У тех шаркунов, про которых я говорил, сообразительности хватило.

— А меня уверяли, — многозначительно произнес Хичкок, — что коренные жители планеты не обладают разумом в истинном смысле этого слова.

— Вот как! — буркнул Мюллер, пожимая плечами.— Верно, речь шла о здешних — о тех, которые делают за нас всю черную работу. Они и правда безмозглые твари. Как и очень многие среди диких. Но между дикими попадаются и сообразительные экземпляры. Двое-трое оказались настолько сообразительными, что не споткнулись ни на одной из наших задач. А для этого требуется настоящая сообразительность. При одной только мысли о них у меня по спине мурашки бегают.

Внезапно они вышли из лабиринта. Хичкок встал как вкопанный и поглядел по сторонам. Они находились в той же комнате, откуда он вошел в лабиринт. Дверь, через которую он вошел, была в стене напротив.

— Хотите попробовать еще раз? — спросил Мюллер.

— Благодарю вас, нет! — отрезал Хичкок.— С меня достаточно этих детских игр.

Мюллер улыбнулся — холодно и равнодушно.

— Может быть, вы хотите увидеть еще что-нибудь?

— Да, — решительно заявил Хичкок.— Я хочу, чтобы вы предъявили мне доказательства, что шаркуны действительно так разумны, как вы утверждаете.

Мюллер удовлетворенно кивнул.

— Я знал, что вам потребуется, — сказал он.— И все приготовил.

Они вышли из экспериментального отделения, и Мюллер повел Хичкока в свой кабинет — небольшую комнату внутри картотечного блока. До чего же примитивная система! Эти ученые, по-видимому, даже не слышали о запоминающих кристаллах!

Мюллер нагнулся над распределительной панелью и набрал комбинацию цифр. Из щели выдачи выскочила папка.

Мюллер вручил ее Хичкоку и махнул рукой в сторону стола. Хичкок сел и разложил перед собой содержимое папки. То, что он увидел, не произвело на него особого впечатления. Какие-то бессмысленные таблицы. Цветные фотографии, на которых нет ничего, кроме прихотливых узоров. Тем не менее Хичкок нацелился камерой и добросовестно снял их все — таблицу за таблицей, фотографию за фотографией.

Потом на стол упала тень Мюллера. Его палец уперся в пачку таблиц.

— Это результаты их проверки, — сказал он, развернул пачку веером, ловко извлек семь страниц и положил их сверху.

— А это результаты стажеров, — объяснил он.— Я даю им те же задачи для сравнения.

Хичкок взял четыре таблицы: одну — стажера и три — с очками, которые набрали шаркуны. Он попробовал их сравнивать, но все четыре, на его взгляд, были совершенно одинаковыми. Длинные колонки цифр, все эти плюсы и минусы ничего ему не говорили, а уж тем более ряды каких-то непонятных символов.

Мюллер грубовато отодвинул его руку и провел пальцем по столбцам очков, которые набрал стажер. Палец остановился в нижней трети колонки.

— До этого места, — объяснил он, — стажер шел вровень с ними. Они чего-то не решили, и он чего-то не решил, так что итог оставался равным. Но вот отсюда...

Его палец скользнул до конца колонки и перешел на соответствующий раздел в колонке одного из шаркунов. И тут Хичкок сразу заметил, насколько эти разделы не похожи друг на друга.

— Вот отсюда, — продолжал Мюллер, — они начали его обходить — решали быстрее и точнее. Почти ни одной неудачи. А задачи эти были по-настоящему трудными. Ну, чтобы вам было яснее, — его палец уперся в верхнюю половину колонки.— Вы срезались вот тут.

Хичкок в изумлении уставился на колонки. Этот стажер, по-видимому, настоящий гений, раз уж он сумел настолько его обойти! Ну, а шаркуны... непостижимо! Какой интеллект! Что за важность, если он не понимает ни самих символов, ни их значения. Теперь, когда Мюллер объяснил ему общий смысл таблиц, он прекрасно во всем разобрался.

Он поднял камеру и заново снял таблицы.

Мюллер бросил на них фотографии.

— Вот это, — объявил он, — это срезы головного мозга.— Он вытащил из пачки три листа с восемью фотографиями на каждом из них.— Тут срезы мозга шаркунов, сообразительных шаркунов. А тут, — он постучал пальцем еще по одному листу, — срезы человеческого мозга. Я подумал, что вам будет интересно их сравнить. Но только особенно не увлекайтесь: у шаркунов мозг устроен не совсем так, как наш. Ну, а это, — он пододвинул

к Хичкоку пятый лист, — это мозг обычного шаркуна, одного из тех, кого мы используем на станции для черной работы.

Хичкок уставился на фотографии, пытаясь обнаружить, в чем они похожи и в чем различаются. Но он не обладал тренированным взглядом специалиста и не знал, что, собственно, нужно сравнивать. Фотографии казались ему такими же бессмысленными, как раньше таблицы. И вновь его просветил Сигурд Мюллер.

— Мы пользуемся красителем с переменной интенсивностью, — объяснил он.— Там, где его слой тонок, он дает красный цвет, а где он плотен— темно-синий. На каждой фотографии окрашена одна клетка.

Он постучал пальцем по фотографии — фотографии человеческого мозга. На бледном зелено-желтом фоне четко вырисовывалось синее пятно. Во все стороны от него, словно корешки, расходились отростки, которые разветвлялись снова и снова, в конце концов превращаясь в бесчисленные красные нити, тонкие, как волос, и даже тоньше.

— Это одна клетка головного мозга, — пояснил Мюллер.— А это — он показал на отростки и нити — то, чем она связана с другими клетками. Как вы понимаете, система связей большого количества таких клеток по необходимости должна быть невероятно сложной. Другие клетки не окрашены, но у всех у них есть похожие связи. Это и есть интеллект — вот такие связи.

Хичкок сдвинул брови. Какая-то абракадабра!

— Повторите еще раз, — распорядился он.

— Ну, скажем так, — начал Мюллер.— Интеллект зависит от большого числа отдельных клеток, объединяющихся в сложную коммуникационную сеть — огромное число связей и огромное число контактов. Чем вы сообразительнее, тем, значит, больше число взаимоперекрещивающихся связей, которыми вы обладаете, и наоборот. Другими словами, есть два способа обрести сообразительность — при условии, конечно, что вы уже обзавелись достаточно вместительной черепной коробкой. Или вы можете обходиться клетками нормальной величины и развить максимальное количество таких вот связующих нитей, или же число ваших клеток начнет возрастать за счет того, что они будут становиться мельче нормальных. Ну, а теперь взгляните на то, что мы имеем здесь.

Он положил палец на фотографию среза головного мозга человека.

— Клетки нормальной величины и целая паутина связей.

Он сдвинул палец на срезы мозга обыкновенного шаркуна.

— Эта зверюга умом не отличалась. Клетки имеют почти ту же величину — фотографии выполнены в одном масштабе, — а вот связей между ними заметно меньше.

Камера Хичкока неотступно следовала за пальцем Мюллера: Хичкок добросовестно убеждался, что все обстоит именно так, как говорит Мюллер. А тот уже взял фотографии мозга трех сообразительных шаркунов.

— Теперь поглядите на эти клетки, — сказал Мюллер.

Они были гораздо мельче, более чем вдвое мельче клеток

мозга обычного шаркуна, но от них во все стороны тянулись связующие нити, бесконечно разветвляясь и истончаясь. Вот это действительно была паутина!

Хичкок даже ахнул. Ведь мозг, состоящий из подобных клеток, должен быть невиданно могучим.

Мюллер одобрительно улыбнулся.

— А вы быстро схватываете, что к чему, — заметил он.

— Так значит, они... Да это же великолепно! — ликующе воскликнул Хичкок.

Вот оно — искомое доказательство. Как он и предполагал, ему бессовестно лгали, уверяя, будто шаркуны — тупые животные, лишенные даже проблеска разума. И вот теперь у него есть неопровержимое доказательство, что шаркуны — разумные существа, а потому должны пользоваться всеми правами и привилегиями, какие положены разумным существам.

Внезапно ему в голову пришла тревожная мысль, пробудившая опасливые сомнения.

— Но каким образом... каким образом вы получили эти... эти замечательные образчики?

Мюллер хмыкнул.

— А вы как думаете? Или вы воображаете, что мы позволим им разгуливать на свободе, а?

Хичкок пришел в ужас.

— Вы их убили!

— Само собой, — ответил Мюллер.— Ну, и что тут такого? Они ведь животные, и ничего больше.

Кусок льда, обрушившийся на зверушку, совсем ее раздавил, однако едва Кош-коррозеск сдвинул его, упругие косточки почти вернулись в прежнее свое положение, и Кош-коррозеск увидел, как она выглядела, пока еще жила.

И Кош-коррозеск удивился. Ему еще никогда не попадались такие зверушки. Он оторвал заднюю ногу. Укрывшись от ветра в расселине под низко нависшим выступом скалы, он быстро съел ее вместе с костью. Потом оторвал и съел другую заднюю ногу.

Терзавший его голод немного утих, и вместо того, чтобы сунуть остальную тушку в рот, он принялся внимательно ее рассматривать. До сих пор он был уверен, что знает все живые существа, населяющие мир, — их вид, их повадки, их хитрости, их вкус. Но такую зверушку он видел впервые.

Кош-коррозеск начал думать.

В расселину ворвался ледяной ветер и взъерошил его шерсть. Но он ничего не заметил. Он думал, старался понять. Как случилось, что в мире жила зверушка, а он до сих пор ни разу ее не видел? Ему впервые попалось животное, которого он не знал, то есть впервые с того времени, когда он был детенышем и только-только покинул сумку своего родителя. Из расселины, которая узкой белой полоской уходила вверх, в горы, Кош-коррозеск оглядывал распростертый внизу мир. Белая одинаковая земля раскинулась на семь сторон, а горы, замыкавшие ее,

были могучими, крутыми и черными там, где кончалась белая земля. А впереди, на середине земли, где не полагалось быть горам, поднимался к небу одинокий пик со срезанной плоской вершиной. Может быть, одно из чудовищ, притаившихся под землей, замерзло в ту минуту, когда уже почти вырвалось на свободу.

Кош-коррозеск знал все уголки мира, прошел его холодную белую землю вдоль и поперек, обследовал все полоски земли, которые уводили в горы, и побывал у самого их конца, где путь ему загородили обрывы. И он добрался почти до самой вершины одинокого пика на середине мира. Он соскребал чешуйки еды со скал на том склоне, на котором почти не бывало ветра.

Он узнал, где в мире есть пища и где ее нет. Он научился находить пищу, ловить ее ловушками, выслеживать, убивать. Он знал все, что нужно было знать о мире и о живущих в нем существах.

...Кроме вот этой зверушки — ее убил кусок льда, который он поставил на другой кусок. Кош-коррозеск оторвал заднюю половину тушки и медленно съел ее. Было приятно ощущать во рту пищу. Он чувствовал, что ему хорошо — что он ест. Лучше этого чувства — очень редкого чувства — не было ничего. Кош-коррозеск за всю жизнь ни разу полностью не утолил свой вечный голод.

Но и наслаждаясь пищей, он все-таки продолжал думать о том, что никогда прежде такие зверушки ему не попадались. Добыча была уже почти съедена, и только тут пришла догадка.

Догадка странная... странная и пугающая. Но Кош-коррозеск весь встрепенулся, и пока он доедал добычу, лапы его подрагивали от волнения. Он доедал не торопясь, смакуя удовольствие от еды, радуясь своей догадке, дивясь ей.

Может быть, за краем мира есть что-то еще? Может быть, неизвестная зверушка пришла оттуда?

Здесь, в этом мире, жизнь была трудной. Все живые существа голодали и умирали от голода. Жизнь заключалась в том, чтобы разыскивать пищу, ставить ловушки, а голод грызет нутро и подгоняет, подгоняет, не зная утоления.

Кончив есть, Кош-коррозеск снова установил кусок льда так, чтобы он сразу упал, если кто-то схватит приманку — смешанную со снегом бирюзовую кровь, которая накапала из его пасти, пока он ел. Он не думал, что вернется на это место. Но если все-таки вернется, а кусок льда убьет какое-нибудь животное, быть может, эта добыча продлит ему жизнь.

Соорудив ловушку, он ушел. Но не вниз, а вверх, туда, куда вела белая полоска земли — в горы, к самому краю мира. Если зверушка пришла оттуда, то, может быть, ему удастся уйти за край мира.

Жизнь — это поиски пищи. Кош-коррозеск медленно карабкался все выше, туда, где вставал край мира.

Через тридцать два часа грузовой космолет покинет эту омерзительную планету и возьмет курс на Лямбду Змееносца —

одной этой мысли было достаточно, чтобы Адам Хичкок пришел в самое приятное расположение духа.

Он думал об отъезде с радостью. Станция казалась ему тюрьмой. Снаружи завывает ледяной ветер, холодные волны с ревом накатываются на скалистые берега острова, а внутри некуда деваться от ручных шаркунов — безмозглые тупые твари! И сколько еще можно терпеть отсутствие даже элементарного комфорта? А кормят тут! Нет, эти примитивные первые и вторые блюда не для цивилизованного человека, постигшего все тонкости современной кухни.

Он мужественно выносил эти тяжкие испытания, но теперь настало время возвратиться к благам цивилизации.

Тем более что жертвовал он своими удобствами не зря: его миссия увенчалась успехом. Он ознакомился с фактами, он узнал правду. Теперь остается только вернуться домой и довести эту правду до сведения широкой публики. А уж тогда коренные жители планеты наконец-то получат необходимую помощь, в которой им так долго и бессердечно отказывали.

И его Общество защиты гуманности, история которого не знает ни единого поражения, пожнет очередные заслуженные лавры. Да, он имеет полное право гордиться собой.

Но до отъезда остается выполнить еще один долг. Пустяк, в сущности. Простая формальность. Тем не менее он нравственно обязан предоставить этим ученым возможность устранить те вопиющие нарушения законов гуманности, которые он разоблачил. Они, конечно, откажутся — ничего другого он от них и не ждет, — но этот отказ лишит их права протестовать, когда он возбудит против них общественное негодование.

И Хичкок отправился в кабинет Бена Рийза. Рийз, копавшийся в бумагах, не сразу заметил его присутствие.

— Я справедливый человек, — провозгласил Хичкок.

Бен Рийз вздрогнул от неожиданности и поднял голову. Документы, требовавшие резолюции, подписи или просто проверки, окружали его, точно крепостной вал.

— А разве я когда-нибудь это отрицал? — спросил он с простодушным недоумением.

Однако Хичкок неумолимо продолжал заранее заготовленную речь.

— У меня есть доказательства, — заявил он,— неопровержимые доказательства, что коренных обитателей этой планеты подвергают поистине преступному обращению, что их ввергли в рабство, что они не получают никакой помощи для удовлетворения самых насущных своих нужд и потребностей и что ваши подчиненные доводят их до смерти в буквальном смысле слова. Тем не менее я обязан открыто предупредить вас, что считаю своим нравственным долгом предать все эти прискорбные факты гласности, если только вы не примете немедленных мер для исправления существующего положения. В случае вашего отказа я снимаю с себя всякую ответственность за последствия, которыми чреваты публичные разоблачения, на которые вы меня вынуждаете.

Рийз покорно выслушал его до конца.

— Мы ведь ведем тут научные исследования, — виновато объяснил он.— Вопросы материального обеспечения в нашу компетенцию не входят. Выполнение ваших требований означает... полный конец всего, ради чего мы работали, на что надеялись.

Уловки, уловки! Хичкок ничего другого и не ожидал. Он знал, что никакому ученому не удастся его провести.

— Все, ради чего вы работали! — повторил он со жгучей насмешкой в голосе.— Преднамеренное низведение до уровня рабов коренного населения планеты, которое заслуживает всех человеческих прав и привилегий не менее, чем вы или я! Моя совесть требует, чтобы я положил конец такому неслыханному произволу! И я...

Рийз умоляюще поднял руку.

— Но это же неправда, — возразил он, словно испытывая большую внутреннюю неловкость.— Вы забываете, мистер Хичкок... Они — животные, а не люди. Они не обладают сознанием. Способностью мыслить.

— Это ложь! — произнес Хичкок тоном прокурора.— У меня есть неопровержимые доказательства того, что их сознание развито даже более, чем у людей. У всех людей. Я утверждаю, что вы преднамеренно чините им всяческие помехи, потому что опасаетесь вершин, которых они могут достичь в своем развитии.

Рийз беспомощно пожал плечами.

— Я не понимаю, о каких доказательствах вы говорите.

— Новая ложь! — крикнул Хичкок, потрясая кулаками.— Неужели вы думаете, что я поверю, будто вы не осведомлены о доказательствах, которые собрал один из ваших же собственных подчиненных? Какая нелепость!

— Тем не менее я ничего об этом не знаю, — настаивал Рийз, и Хичкоку почудилось, что он говорит искренне.— Какие доказательства? Где вы их обнаружили?

— Ваш подчиненный — тот, который проводит проверки на интеллект, — продемонстрировал мне кое-какие свои результаты, — снизошел до объяснения Хичкок.— И фотографии клеток мозга. Все это неопровержимо доказывает, что шаркуны... что коренные обитатели планеты обладают сознанием, которое ничуть не уступает вашему или моему.

Бен Рийз был оглушен.

— Я впервые об этом слышу, — пробормотал он.— Вы... вы уверены, что ваши доказательства действительно что-то доказывают? То есть, я хочу сказать, может быть, вы не поняли...

— Да, я, безусловно, не понял бы, — ответил Хичкок, — если бы доктор Мюллер не объяснил мне, как следует истолковывать его таблицы и фотографии.

Рийз помотал головой.

— Просто не верится, — признался он.— А доктор Мюллер не сказал вам, почему он счел нужным ознакомить вас со своими выводами?

— Он ознакомил меня с ними потому, что я его об этом

попросил, — объяснил Хичкок.— Он был очень предупредителен, несмотря на полное свое презрение к ним... которого даже не пытался скрывать. Он сказал, то есть совершенно недвусмысленно дал понять, что вы прилагаете все усилия, чтобы подавить их и уничтожить. Он говорил об этом с гордостью!

Рийз тревожно хмурился. Его пальцы нервно рвали на мелкие клочки плотный лист бумаги, и на столе перед ним, хотя он этого не замечал, уже выросла порядочная кучка крохотных обрывков.

Хичкок упивался своим торжеством. Он-таки загнал этого субъекта в угол!

Оставалось только встать, повторить ультиматум и выйти из кабинета победителем, но тут Рийз повернулся к телефону на столе со словами:

— Будьте добры, подождите минутку.

Не дожидаясь ответа, он набрал номер. Лампочка на аппарате замигала, и раздался резкий голос:

— Отделение мозга. Мюллер у телефона.

— Сигурд? — спросил Рийз.— Это Бен. Зайдите ко мне, пожалуйста. Случилось нечто непредвиденное.

— Вот как? Что именно?

— Мне не хотелось бы объяснять по телефону, — мягко сказал Рийз.— Вопрос довольно сложный.

Мюллер раздраженно хмыкнул, но сказал:

— Сейчас приду.

Лампочка погасла.

Рийз снова повернулся к Хичкоку.

— Подождем его, — попросил он.— Хорошо?

Хичкок неохотно опустился в кресло и скрестил руки на груди. Он ждал, сердито насупив брови. К этому он не был готов.

А впрочем, какая разница? Рийз попал в безвыходное положение. Ему остается только одно — подыскивать себе оправдания и извинения.

Хичкок небрежно откинулся на спинку кресла. Он был тверд и спокоен. Пусть-ка попробует найти хоть одно смягчающее обстоятельство. Пусть попробует!

Нет у него никаких оправданий и быть не может.

Бен Рийз был очень встревожен. Адам Хичкок — донкихотствующий дурак и неспособен разобраться в самых простых вещах. Но одно ясно — Сигурд что-то ему показал. Как бы это ни произошло, какими бы объяснениями ни сопровождалось, Хичкок действительно что-то видел. Но что же, что? Бен Рийз тщетно искал ответа на свой вопрос. Делать нечего, надо ждать, пока не придет Сигурд Мюллер.

Он нагнулся над бумагами, делая вид, будто просматривает их. Ему не хотелось разговаривать с Хичкоком до прихода Мюллера. Но он был не в состоянии сосредоточиться. До того, как «Скиталец» отправится к Лямбде Змееносца, оставалось сделать еще очень много, но мысли его были заняты только Мюллером — пока недоразумение не разъяснится, он не мог думать ни о чем другом.

Наконец в кабинет, воинственно выставив вперед мефистофельскую бородку, вошел Мюллер. Он стрельнул взглядом по сторонам, увидел Хичкока, но и бровью не повел.

— Ну, так что же? — спросил он небрежно, схватил стул, повернул его спинкой вперед и уселся на него верхом.

Рийз отложил бумаги.

— Мистер Хичкок сообщил мне, что шаркуны обладают разумом, — сказал он.— И сослался на вас.

Мюллер посмотрел на Хичкока, затем снова перевел взгляд на Рийза.

— А, вон оно что! — протянул он неопределенно.

— Я впервые слышу об этом, — жестко сказал Рийз.

Мюллер пожал плечами.

— Ну, а я тут при чем? — огрызнулся он.— Если бы вы заглядывали в мои отчеты... — он указал на бумаги, загромождавшие стол.

— Я читал ваши отчеты, — сказал Рийз.— Внимательно и не один раз. Ни о чем подобном вы в них не сообщали.

— Да? — вызывающе бросил Мюллер.— Вы кому это говорите — мне или ему? — он ткнул пальцем в сторону Хичкока.

Рийз не позволил себе отклониться от темы.

— Так вы подтверждаете это? — спросил он.

Мюллер снова взглянул на Хичкока.

— Ну, подтверждаю, — буркнул он.— За последние два года попалось несколько смышленых.

Значит, это правда! Рийз готов был кричать от волнения.

— Сколько? — спросил он, с трудом сдерживаясь.

— Три экземпляра, — Мюллер поднял три пальца.— Три таких смышленых экземплярчика, что жутко становится. И все из одного места. Их там еще много таких бегает на свободе.

— Вы уверены? — Рийз боялся поверить собственным ушам.

— Уверен! — угрюмо сказал Мюллер.— Численность тамошней популяции резко возросла, хотя условия жизни остались прежними. Как еще вы это объясните?

Рийз наклонил голову и глубоко вздохнул. Да, безусловно, вывод напрашивается сам собой. Он поглядел на Хичкока.

— Это он вам и сказал?

— В общих чертах — да, — подтвердил Хичкок.

Рийз снова повернулся к Мюллеру. В нем вдруг проснулось подозрение — мерзкое, страшное. Надо спросить, и оно рассеется... Или подтвердится.

— Он сказал, что вы показывали ему таблицы испытаний, — начал он осторожно.— И фотографии срезов мозга. Подлинные?

— Конечно, подлинные, а какие же еще? — окрысился Мюллер.— Или я, по-вашему, способен пойти на такую подделку? Ну, послушайте! Я ведь просто водил его по лабораториям, объяснял, как мы работаем, отвечал на вопросы и показывал все, что ему хотелось увидеть. У вас есть какие-нибудь возражения?

Рийз покачал головой.

— Против того, что вы перечислили? Никаких. Но эти срезы... Полагаю, вы брали их из разных отделов мозга?

— Меня не нужно учить, как полагается делать срезы! — вызывающе ответил Мюллер.

Рийз вдруг почувствовал себя старым и больным. Он уже больше не сомневался.

— Вы их убили, — сказал он.— Всех трех.

— Да, — отрезал Мюллер. Он улыбнулся, не разжимая губ, полный высокомерной гордости.

— Сигурд, — тоскливо сказал Рийз.— Вы поступили чудовищно.— Он вновь повернулся к Хичкоку.— Не скоро, мне очень жаль, что это выяснилось во время вашего визита, — признался он.— Но могу лишь повторить, что я услышал про этих трех только теперь и что Сигурд убил их без моего ведома. Если бы я знал про них, то помешал бы ему. Он не посчитался ни с нашими правилами, ни с нашей основной целью. Я благодарен вам за то, что вы его разоблачили.

Мюллер вскочил, как ужаленный, сжимая кулаки.

Разоблачили! — крикнул он.— Ах ты, сморчок...

Рийз сказал, не повышая голоса (это стоило ему огромного усилия):

— Идите, Сигурд. Я... я рекомендую вам заняться приготовлениями к отъезду. В вашем распоряжении... — он поглядел на часы, — сутки с четвертью. Если кто-нибудь спросит, скажите, что вы подали заявление об уходе и что я его принял.

Мюллер побагровел от ярости. Он отшвырнул стул и угрожающе шагнул вперед. Его колено ударилось о письменный стол, но он словно не заметил этого и злобно процедил сквозь зубы:

— Хотите сделать из меня козла отпущения? Не выйдет! Есть еще вон этот, — он ткнул пальцем в сторону Хичкока.— Ему вы рта не зажмете. Или вы думаете, что достаточно будет погладить его по головке и попросить быть умницей?

Рийз посмотрел на Хичкока. Лицо с худыми обвислыми щеками выражало только твердую решимость, глаза горели фанатическим огнем. Заметив взгляд Рийза, Хичкок неторопливо поднялся на ноги — костлявая, облаченная в черное фигура, воплощение самодовольной важности.

— Вы очень хитры, мистер Рийз, — сказал он со злорадным торжеством.— Но никакая хитрость вам не поможет. Не будете же вы отрицать того, что я видел собственными глазами. И переложить ответственность на ваших подчиненных вам тоже не удастся. То, что сделал этот человек, — он указал на Мюллера, — не имеет никакого отношения к самому главному, к тому, что нужды коренных жителей этой планеты сознательно и преступно игнорировались, а вы не пожелали принять необходимые меры, чтобы исправить положение. Если эти меры не будут приняты немедленно, я обличу вас перед всем цивилизованным обществом галактики!

— Но вы же не понимаете... — попытался возразить Рийз.

— Я еще не кончил, — грозно оборвал его Хичкок.— Далее: если вы тем не менее откажетесь, мы — я и мое Общество защиты гуманности — займемся этим сами. Мы проведем благотворительную подписку. Мы пришлем сюда продовольствие, теплую

одежду — ну, словом, все, в чем нуждаются эти бедняги. Столько тонн, сколько потребуется. И мы позаботимся, чтобы вас и этих ваших ученых убрали с планеты. Широкая публика не потерпит, чтобы вы оставались тут.

— А вы отдаете себе отчет, в какие суммы это обойдется? — растерянно спросил Рийз.

— Это не имеет ни малейшего значения, — отмахнулся Хичкок.— Кто же станет скупиться, когда речь идет о бескорыстной защите гуманности!

Рийз не нашел, что возразить. В нем крепло безнадежное сознание, что перед этим человеком он бессилен. Он чувствовал, как оно парализует его волю, и вдруг пожалел, что не может, точно слабонервная женщина или ребенок, найти облегчение в слезах.

— Вы ведь уже проводили такие кампании, — сказал он с горечью, припомнив все, что ему было известно о деятельности Хичкока на других планетах.

— Да, проводил! — провозгласил Хичкок.— И с неизменным успехом, — он сделал паузу, ожидая возражений, но Рийз молчал.— Ну, если вам нечего больше сказать...

С этими словами Хичкок направился к двери.

Рийз в полном отчаянии сказал ему вслед:

— Только одно! — В голосе его была твердость, которой он вовсе не чувствовал. Хичкок обернулся к нему, и он продолжал, постукивая пальцем по столу.— Из слов Сигурда следует, что у некоторых шаркунов началось развитие сознания, — он говорил медленно и внятно.— Но лишь у некоторых, а не у всех. Собственно говоря, если взять всю популяцию планеты в целом, таких наберется сейчас лишь доля процента, остальные же по-прежнему остаются животными.

На Хичкока это не произвело ни малейшего впечатления.

— В нашей помощи они нуждаются все, — заявил он.— Мы не можем и не станем оказывать ее одним и отказывать в ней остальным, какие бы критерии вы нам ни предлагали. Это немыслимо, немыслимо!

— Я имел в виду совсем другое, — с неистощимым терпением втолковывал Рийз.— Дело в том, что... что шаркуны сейчас достигли стадии перехода. Пока скачок в развитии сознания произошел лишь у некоторых, у ничтожной горсточки. Но со временем все они должны стать разумными существами, потому что... потому что они живут в тяжелейших условиях, а разум обеспечивает больше возможностей для выживания... об этом как раз и свидетельствует рост популяции, про который говорил Сигурд. В результате среди особей, достигших зрелости, доля обладающих разумом всегда будет относительно больше. И жить они будут дольше, чем... чем обычные особи, а значит, и давать больше потомства. Таков механизм естественного отбора, и тут он предстает перед нами почти в чистом виде. Но если мы примемся их опекать, ничего этого не произойдет.

— Что? — возмутился Хичкок.— Какая глупость!

— Нет, это... это правда, — заверил его Рийз.— Видите ли,

если мы обеспечим их всем необходимым, у особей с развивающимся сознанием не будет никаких преимуществ перед обычными. Их шансы во всех отношениях уравняются. А обычных настолько больше, что через несколько поколений разумные растворятся в них, даже если комбинация генов, которая определяет развитие интеллекта, является доминантной. Дальнейшей их эволюции будет положен конец.

Хичкок, казалось, задумался, но его лицо по-прежнему выражало только самодовольное упрямство. Рийз уныло пришел к выводу, что этот человек так ничего и не понял.

Наконец Хичкок прервал молчание.

— Неужели я не ошибаюсь и вы действительно хотите, чтобы коренные обитатели этой планеты страдали? Постоянно голодали? Погибали? Дрались друг с другом из-за жалких объедков? Вам это нужно? Так или не так?

Нет, кое-что он все-таки понял, тоскливо подумал Рийз. Темную сторону, присущую эволюционному процессу. Темную, но неизбежную.

— Да, я считаю, что все это необходимо, — вынужден был он признать.— Я убежден, что иначе шаркуны остановятся в своем развитии. Ведь и нашим собственным предкам пришлось пройти через нечто подобное, в противном случае мы до сих пор оставались бы лишенными разума животными.

— Чепуха! — крикнул Хичкок.— Тот факт, что нашим предкам никто не помогал, не имеет никакого отношения к сути дела. Они в любом случае стали бы людьми. Таково было их предназначение — стать людьми. Таково же предназначение и здешних несчастных обитателей. И помешать им невозможно. У человека нет власти изменить предначертание судеб. Эти существа страдают и гибнут, потому что вы сознательно игнорируете их нужды. В вашем распоряжении есть все средства, чтобы оградить их от страданий, и этого требует ваш нравственный долг. Презреть его,— значит растоптать идею гуманности.

Рийз сидел неподвижно. Его давило безнадежное ощущение собственной беспомощности.

— Мне кажется... — сказал он глухо.— Мне кажется, я понимаю, почему Сигурд с такой охотой сообщил вам результаты своих исследований. Он хочет положить конец их развитию. Я не ошибся, Сигурд?

— Да, хочу! — буркнул Мюллер.— Нам бы не миндальничать нужно, а принять меры, пока еще не поздно. Вы же наблюдали, как ведут себя дикие — кровожадное зверье. Только и ждут случая разорвать человека в клочки и сожрать.

— С другой стороны, — задумчиво перебил его Рийз, — ручные, которые живут на станции, смирны и послушны.

Мюллер только презрительно махнул рукой.

— Эти не в счет, — заявил он.— Эволюционный тупик, и больше ничего. Опасны те, которые живут на материке. Если мы допустим, чтобы они поумнели, то их уже не остановить. Они нас истребят. Это мы окажемся на положении животных. Если мы не остановим их теперь, они вышвырнут нас из галактики. Пока еще

у нас есть возможность их остановить, но потом будет поздно. Значит, надо браться за дело, не откладывая. Сейчас.

Он же действительно верит в то, что говорит, с изумлением подумал Рийз.

— Нет, Сигурд, я не согласен с вами, — сказал он, отчетливо произнося каждое слово и стараясь, чтобы голос его звучал спокойно и убедительно.— Вспомните хотя бы эксперимент, который мы провели лет двадцать назад, когда несколько детенышей диких шаркунов были помещены на станции к ручным и выросли среди них. Ни у одного в поведении не проявилось то... та черта их родителей, которую вы называете кровожадностью. Вот почему я убежден, что эта... эта свирепость — вовсе не наследственное свойство, а порождается только воздействием внешних условий жизни.

— Да неужели? — насмешливо бросил Мюллер.— Но ведь те, кто уже научился думать, растут не на станции. Они растут там — на материке.

Рийз кивнул.

— Совершенно справедливо, — сказал он.— Но прежде, чем они смогут стать опасными для нас, им еще надо будет создать цивилизацию, техническую культуру. А высокоразвитая цивилизация по самой своей сути подразумевает способность ее создателей воздействовать на среду обитания. Устранив же причины, порождающие свирепость, они устранят и биологическую потребность в свирепости. Заметьте, кроме того, что прежде их свирепость была обращена и на себе подобных — вплоть до каннибализма. Но в последнее время, насколько мне известно, некоторые из них начали охотиться группами. Они обнаружили преимущества, заложенные в сотрудничестве. Не кажется ли вам, Сигурд, что это путь развития, который... который в конечном счете исключает врожденную свирепость? Неужели вы будете спорить?

— И вы считаете, что такой риск оправдан?— вызывающе спросил Мюллер в свою очередь.

— Иного выхода, совместимого с требованиями элементарной этики, у нас нет, — твердо сказал Рийз.

— Пф! — фыркнул Мюллер.— А как, по-вашему, они будут относиться к нам, когда поумнеют и сообразят, что мы посиживаем тут сложа руки и не желаем палец о палец ударить, чтобы им помочь? Да они нас возненавидят. И как еще возненавидят!

Рийз покачал головой, но ответил не сразу.

— Нет, Сигурд, — сказал он наконец.— Переход будет очень медленным и постепенным. С какого-то момента им уже можно будет оказывать помощь... причем задолго до того, как их развитие достигнет той ступени, на которой они могли бы представлять опасность для нас. Да и вообще, если их интеллект действительно станет таким могучим, как вы предсказываете, они, несомненно, поймут, что так и остались бы животными, если бы мы поторопились со своей помощью.

Мюллер злобно крякнул.

— Это все умствования, — сказал он.— Ну, а предположим, что вы ошибаетесь? Ведь вы же говорите сейчас о будущем всего человечества. Поймите, речь идет о нас с вами!

Рийз кивнул.

— Я знаю, — сказал он невозмутимо.— И отдаю себе отчет в том, что последствия наших нынешних действий и решений станут явными лишь через несколько тысячелетий. А тогда, полагаю, мы с вами будем основательно забыты. Вот почему так тяжела лежащая на нас ответственность. Мы обязаны выбрать правильный путь.

— И на таком-то основании вы отказываете им в помощи? — саркастически осведомился Хичкок.— Мистер Рийз, ни разу в жизни мне не доводилось слышать ничего более...

Итак, все его доводы, все попытки объяснить, убедить оказались тщетными. Рийз съежился в кресле, крепко вцепившись в подлокотники. Что делать? Что делать? Точно рассчитанная мюллеровская полуправда, тупое упрямство Хичкока — против такого сочетания он бессилен. Он исчерпал все средства, которые были в его распоряжении. И потерпел неудачу. Его душила горечь поражения. Ему было невыносимо жаль всех тех разумных шаркунов, которые теперь уже никогда не появятся на свет.

Это несправедливо. Несправедливо!

Однако вслух он ничего не сказал. Что толку говорить о справедливости с этой парой? И более того: абстрактная справедливость — это идеал, и он не имеет права требовать ее от реального мира.

Да, конечно, это несправедливо. Но ведь в реальном мире справедливости в чистом виде и не может быть, ибо реальный мир подчиняется физическим законам, а не понятиям о порядочности и честной игре. Смириться с этой мыслью было нелегко, но Бен Рийз смирился. Как ученый он не мог не признать очевидности, хотя все его чувства восставали против нее.

А признав, вдруг понял, что нашел выход — нашел средство оградить шаркунов и от Хичкока и от Мюллера.

Он повернулся к телефону.

— Вы мне позволите? — спросил он вежливо и начал набирать номер прежде, чем Хичкок и Мюллер успели утвердительно кивнуть. Его пальцы дрожали.

— Клиника слушает, — произнес голос в трубке.

— Ник? — вопросительно сказал Рийз.— Говорит Бен. Вы не пришлете ко мне парочку ваших ребят?

— Пожалуйста, — ответил невидимый Ник.— Но для...

— Неважно, — быстро перебил Рийз.— Только поскорее! — и он отключил телефон.

— В чем дело? — спросил Мюллер.— Вам нехорошо?

Рийз пропустил его вопрос мимо ушей.

— Я передумал, Сигурд, — сказал он.— Можете остаться на станции.

Мюллер даже поднялся.

— Не знаю, стоит ли, — сказал он, настороженно теребя бородку.— Я ведь пробыл тут много дольше обычного срока...

— Но, Сигурд, вы нужны нам, — настаивал Рийз.— Останьтесь хотя бы еще на год. Те сведения, которые вы скрывали...

— Все материалы у меня в полном порядке, — перебил Мюллер.— Если вам так нужна эта информация, вы найдете ее там, а мне уже пора укладываться, — и мгновение спустя он исчез за дверью.

Рийз улыбнулся безмятежной улыбкой.

— На космолете для него не найдется места, — сообщил он в пространство, затем переменил тон и добавил:— Что же касается вас, мистер Хичкок... Можете быть, вы сядете? Мне надо сказать вам еще кое-что.

Хичкок, поколебавшись, опустился в кресло.

— Пусть ни у кого не будет права утверждать, что я отказался выслушать хотя бы один довод, — торжественно объявил он.

Рийз удовлетворенно кивнул. Все еще можно поправить, только бы задержать Хичкока здесь, пока не явятся помощники Ника.

— Мистер Хичкок, — начал он, — в определенном смысле я очень рад, что вы нас посетили.

Хичкок сдвинул брови.

— Ну, хотя бы то, что без вас... мы бы, возможно, еще долго не знали о появлении разумных шаркунов. Если бы вы не приехали, Сигурд мог бы держать свои результаты в тайне еще многие годы. Ну, конечно, Сигурд рассчитывал, что вы поможете ему... покончить с разумными особями, но дело не в этом.

— Мистер Рийз, — строго сказал Хичкок, — вам никогда не удастся убедить меня, что черное — это белое.

— Ну, разумеется, — охотно согласился Рийз. — Но ведь существуют сотни серых оттенков. Однако я рад вашему приезду и по другой причине... — он говорил искренне.— Вы принудили меня критически оценить нашу деятельность тут... усомниться, правильно ли мы поступаем, ничем не облегчая условий, в которых живут шаркуны. Ведь очень нелегко определить, что оправданно, а что нет.

— А, так вы признаете это! — торжествующе вскричал Хичкок.— Вы признаете...

Рийз жестом прервал его.

— Нет, — сказал он твердо.— Я этого не признаю. Я сохраняю свою прежнюю точку зрения. Но теперь... благодаря вам... я понял, почему мы поступаем правильно.

— Чепуха! — возразил Хичкок.— То, что негуманно, не может быть правильным.

Бен Рийз вновь приступил к терпеливым объяснениям. У него были все основания сохранять терпение — это помогало тянуть время.

— Ваши нравственные принципы выше всяких похвал, мистер Хичкок, — сказал он.— Я первый готов признать это. Но к несчастью... одних нравственных принципов тут мало. Видите

ли, природа не признает нравственных категорий, она не подчиняется нашим понятиям о правильном и неправильном, справедливом и несправедливом и не исчерпывается ситуациями, когда можно мгновенно решить, что хорошо, а что дурно. Бывают ситуации, когда поступок, казалось бы, продиктованный самыми нравственными соображениями, может привести к... к самым ужасным последствиям. Нельзя судить о том, что с нравственной точки зрения хорошо, а что дурно, если при этом не учитывать всей совокупности факторов и обстоятельств. И вот тут-то, мистер Хичкок, ваше нравственное чувство вас подводит.

— Мне не требуется помощь ученого, чтобы определить, что хорошо, а что дурно, — отрезал Хичкок.

Рийз вежливо кивнул.

— Я ждал, что вы это скажете, — признался он.— Но вы ошибаетесь; до тех пор, пока вам не известно, к чему в конечном счете приведет данный поступок, вы не можете решать, хорош он или дурен. В определенных же ситуациях, например в такой, какая сложилась здесь, человек без специальной подготовки вроде вас попросту не способен понять суть происходящего. А раз так, то вы неспособны и предсказать последствия тех или иных действий, и значит, у вас нет возможности определить, правильны они или неправильны.

— Вы ошибаетесь, — упрямо сказал Хичкок.— Цель никогда не оправдывает средства. Ни-ког-да!

Рийз не стал возражать. Он продолжал, словно рассуждая вслух:

— С другой стороны, порой это остается единственным критерием — когда любая система действий кажется равно неправильной. Но даже в тех случаях, когда то, что вы намерены сделать, выглядит безупречным с нравственной точки зрения, все же необходимо взвесить все последствия. Если результат поступка будет плох, значит, и сам поступок нельзя считать хорошим. Или, предположим... имеется конечная цель — безусловно нравственная, но осуществить ее можно только с помощью средств, которые как будто идут вразрез с требованиями этики.

Хичкок смотрел на него в полном недоумении.

— Подобная ситуация вообще невозможна, — возразил он.

— Я говорю о совершенно конкретной ситуации, — твердо сказал Рийз.— О той, которая существует здесь. С самого начала работы станции мы стояли перед дилеммой: помочь ли шаркунам... обеспечить ли им сытую и спокойную жизнь и тем самым навсегда уничтожить надежду, что когда-нибудь они перестанут быть животными... или же предоставить природе делать свое дело, не препятствовать тому, чтобы многие погибали и все страдали, но не препятствовать в расчете на то, что со временем их потомки станут разумными существами, как мы.

Он выразительно пожал плечами.

— У нас есть только один выход: мы должны сопоставить то зло, которое причиняем своим бездействием, с целью, к которой нравственно обязаны стремиться. Мы должны делать свое дело... и не позволять, чтобы угрызения совести мешали нам.

— Действие, которое требует оправданий, — заявил Хичкок, — уже неверно. Добро не может порождаться злом.

Рийз развел руками.

— Мы должны делать то, что считаем правильным, — сказал он убежденно.— И если наши обдуманные оценки расходятся с чьими-то другими, нам остается только полагаться на собственное суждение. Ведь...

Он умолк, потому что дверь вдруг распахнулась. В нее вошли два шаркуна с каталкой. У обоих на мохнатой груди был нарисован большой красный крест.

Рийз указал на Хичкока.

— Этот человек болен, — произнес он отчетливо.

Шаркуны двинулись к Хичкоку, шурша по полу широкими упругими ластами. Хичкок, ошеломленный неожиданным заявлением Рийза, ударил себя кулаком в грудь и крикнул:

— Я болен? Да ничего подо...

Шаркуны подошли к нему с двух сторон и ухватили за локти. Хичкок ойкнул, повернул голову и увидел прямо перед собой страшную морду с выпученными глазами, которые, казалось, смотрели на него с деловитой заботливостью.

Испустив придушенный вопль, он рванулся из кресла головой вперед, однако шаркуны не дали ему упасть. Хичкок отчаянно отбивался, но они продолжали держать его бережно, но крепко. Тогда он начал пинать их, а они приподняли его и повлекли к каталке спиной вперед. Он беспомощно взбрыкивал ногами.

— Прикажите им отпустить меня! — кричал он.— Прикажите этим мерзким тварям отпустить меня!

Рийз облегченно откинулся на спинку кресла. Ему было неприятно, что его вынудили прибегнуть к таким мерам, и тем не менее он испытывал что-то вроде злорадного удовольствия.

Конечно, будь Хичкок и правда хорошим человеком...

— Боюсь, от меня ничто не зависит, — извинился он.— Они выдрессированы доставлять больных в клинику. Я не мог бы остановить их теперь, даже если бы хотел, — он беспомощно развел руками.— Как я уже вам говорил, они не слишком сообразительны.

Один из шаркунов обхватил Хичкока сзади обеими лапами, прижав его руки к бокам. Второй достал ампулу из кармашка, пришитого к его сбруе. Хичкок вне себя от ужаса уставился на сверкающий шприц.

— Не позволяйте ему! — просипел он.— Не позволяйте! Это убийство..

Шаркун закатал его рукав и ловко вонзил иглу в мясистое предплечье. Хичкок затрясся всем телом и повис на лапах державшего его шаркуна.

— Это всего лишь легонький транквилизатор, — весело успокоил его Рийз.— Разумеется, ничего опасного мы бы им не дали. Но вы слишком уж бурно сопротивлялись.

Хичкок все так же висел в объятиях шаркуна. Глаза у него остекленели. Шаркуны принялись завертывать его в одеяло. Хичкок шевелил губами, словно пытаясь что-то сказать, но у него ничего не получалось.

— Космолет отправится без вас, — сказал Бен Рийз.— Я очень сожалею об этом, так как вам придется провести на станции еще целый год, а это не такая уж приятная перспектива для нас всех. Им мы скажем... да, пожалуй, мы скажем, что вы прихворнули. Заразились.. э... местной болезнью, распространение которой на другие планеты было бы нежелательно. Таких болезней, конечно, не существует, но какое это имеет значение?

Тон у него был виноватый.

Хичкок испускал нечленораздельные вопли, однако отдельные слова можно было разобрать: «Неслыханно!.. Беззаконие!.. Я обращусь в полицию, в суд!», а также выражения, весьма неожиданные в устах такого поборника нравственности.

Бен Рийз пожал плечами с извиняющимся видом.

— Боюсь, у нас тут нет ни суда, ни полиции. До вашего появления нужды в них как-то не возникало. Я... Мне очень неприятно, что пришлось прибегнуть к подобным мерам, но... Видите ли, совершенно необходимо, чтобы вы пока остались здесь. Если вы вернетесь на Землю сейчас, вы поднимете шум, потребуете, чтобы нашу станцию закрыли, а главное... главное, вы организуете эту вашу межзвездную кампанию помощи шаркунам, и они навсегда останутся только животными. Мы... мы не можем этого допустить.

К этому времени Хичкок был запеленут в одеяло, как мумия. Шаркуны осторожно уложили его на каталку.

— Вы еще поплатитесь! — свирепо пригрозил он.

Шаркуны быстро и умело затянули ремни каталки — их бессуставные пальцы были очень ловкими. Хичкок мог теперь шевелить только головой и губами.

— Ну, конечно, больше чем на год мы вас задержать не сможем, — сказал Рийз, но в голосе его не было ни малейшего огорчения.— Однако за год много воды утечет. У нас будет достаточно времени, чтобы подготовить общественное мнение. Если мы сейчас же опубликуем всю правду, думаю, ваша версия ни на кого впечатления не произведет. Я отошлю со «Скитальцем» все необходимые материалы и инструкции в наш центр на Лямбде. Для начала достаточно сообщить, что шаркуны вступили в переходный период, а потом...

Он улыбнулся. На душе у него было удивительно легко. Да, конечно, с Хичкоком он обошелся не слишком этично — удар в спину, что ни говори. И все же даже сам Хичкок не мог бы отрицать, что поступок этот, принимая во внимание все обстоятельства, весьма и весьма нравствен.

Шаркуны покатили Хичкока к дверям. Хичкок вопил, как безумный:

— Вы не можете так со мной обойтись! Не можете!

— Неужели? — простодушно спросил Бен Рийз. Он не устоял перед искушением, хотя и понимал, что это не великодушно.— Неужели, мистер Хичкок? — сказал он.— Так докажите это.

Процессия медленно двигалась мимо носилок с Усопшим, который стал безымянным в смерти, а прежде был их старейши-

ной. Поравнявшись с носилками, каждый припадал к земле в прощальном поклоне и щел дальше. Позади носилок стоял шаман. Его шерсть была выкрашена зеленой краской в знак того, что сейчас он — воплощение Усопшего. В ответ на каждый поклон он воздевал руки к небу.

Шокк-элорриск стоял в ногах носилок и тоже отвечал на каждый поклон, потому что теперь он был старейшиной вместо Усопшего. Он уже держал в руке камень, творящий орудия, и повторял нараспев вновь и вновь:

— Мои глаза найдут путь для твоих ног. Моя рука будет питать тебя и моя шерсть будет греть тебя. Я— это ты. Я отдаю себя тебе.

Так он говорил каждому, кто отдавал ему поклон, и каждый отвечал:

— Покажи мне путь.

Те, кто уже склонился перед Усопшим, выстраивались позади носилок. Наконец был отдан последний поклон, и три первых отпрыска Усопшего вышли вперед. Они подняли сплетенное из стеблей ложе, на котором покоился Усопший. Шаман и Шокк-элорриск встали по его бокам, и все запели:

— Ты — это мы. Твои глаза видели путь. Твоя рука питала нас, и твоя шерсть грела наши тела. Мы благодарим тебя. Мы чтим тебя. Мы храним память о тебе. Мы возвращаем тебя тебе!

Шагая в такт песнопению, они приблизились к краю берегового обрыва. Там они остановились, и размеренный речитатив завершился криком:

— Мы изгоняем тебя!

Ложе с телом Усопшего скрылось в кипящих волнах. Сыновья Усопшего и шаман повернулись к Шокк-элорриску. Они склонились перед ним и сказали:

— Покажи нам путь.

Но Шокк-элорриск словно бы не слышал их и ничего не ответил. Он стоял на краю обрыва, ветер теребил его шерсть, а далеко внизу о скалы разбивались волны. Повернувшись лицом к морю, Шокк-элорриск поклонился богам, которые обитают на круглой горе, венчающей остров вот там, на горизонте, — богам, которые никогда не кочуют с места на место в поисках дичи, которые смотрят на людей со скалы, плывущей по воздуху, точно облако. Смотрят, но никогда не вмешиваются в то, что видят.

И склоняясь перед ними, Шокк-элорриск размышлял о том, почему они никогда не спускаются на землю и в чем источник их силы, и спрашивал себя, не могут ли они и его люди обрести такую силу, стать равными этим чужим и непонятным существам.

И тут он подумал: а может быть, они научат его? Он доберется до их горы там, в море, и, может быть, они научат его своему колдовству, откроют ему источник своей силы.

И он начал думать о том, как одолеть косматые волны, как вскарабкаться на отвесные обрывы острова, как подняться на вершину горы.

И размышляя об этом, Шокк-элорриск понял, каким будет его путь. И путь его людей.

Путь к величию. Путь к покорению природы.

Путь к ослепительному будущему.

Роджер Желязны
КЛЮЧИ К ДЕКАБРЮ

Рожденный от мужчины и женщины, видоизмененный в соответствии с требованиями к форме кошачьих Y7, по классу холодных миров (модификация для Алайонэла, выбор РН), Джарри Дарк не мог жить ни в одном уголке Вселенной, что гарантировало ему Убежище. Это либо благословение, либо проклятье — в зависимости от того, как смотреть.

Но как бы вы ни смотрели, история такова.

Вероятно, родители могли снабдить его автоматической термоустановкой, но вряд ли они могли дать ему больше. (Для того, чтобы Джарри чувствовал себя хорошо, требовалась температура по крайней мере — 50°С.)

Наверняка они были не в состоянии предоставить оборудование для составления дыхательной смеси и контроля давления, необходимое для поддержания его жизни.

И уж ничем нельзя было заменить гравитацию типа 3,2 земной, в связи с чем обязательны ежедневное лечение и физиотерапия. Чего, безусловно, не могли обеспечить его родители.

Однако именно благодаря пагубному выбору Джарри ни в чем не знал недостатка. Он был здоров, находился в хорошей физической форме, был материально обеспечен и получил образование.

Можно, конечно, сказать, что именно из-за компании «Разработка недр, Инк.», которой принадлежало право выбора, Джарри Дарк был видоизменен по классу холодных миров (модификация для Алайонэла) и стал бездомным. Но не надо забывать, что предвидеть гибель Алайонэла в пламени «новой» было невозможно.

Когда его родители появились в Общественном Центре Планируемого Рождения за советом и рекомендациями относительно лечения будущего ребенка, их информировали о наличных мирах и требуемых телоформах. Они мудро выбрали Алайонэл, недавно приобретенный РН для разработки полезных ископаемых, и от имени ожидаемого отпрыска подписали договор, обязывающий его работать в качестве служащего РН до достижения совершеннолетия, с какового момента он считается свободным и вправе искать любую работу в любом месте (выбор,

согласитесь, весьма ограниченный). Со своей стороны, «Разработка недр» обязалась заботиться о его здоровье, образовании и благополучии, пока и поскольку он остается ее работником.

Когда Алайонэл погиб, все Измененные кошачьей формы по классу холодных миров, которые были раскиданы по перенаселенной галактике, благодаря договору оказались под опекой РН.

Вот почему Джарри вырос в герметической камере, оборудованной аппаратурой для контроля состава воздуха и температуры, получил (по телесети) первоклассное образование, а также необходимые лечение и физиотерапию. И именно поэтому он напоминал большого серого оцелота без хвоста, имел перепончатые руки и не мог выходить наружу без морозильного костюма, не приняв предварительно целой кучи медикаментов.

По всей необъятной галактике люди следовали советам Общественного Центра Планируемого Рождения, и не только родители Джарри сделали подобный выбор. Всего набралось двадцать восемь тысяч пятьсот шестьдесят человек. В любой такой большой группе должны быть одаренные индивиды; Джарри оказался одним из них. Он обладал талантом делать деньги. Почти все пособие, получаемое от РН, он вкладывал в быстрооборачиваемый капитал (достаточно сказать, что со временем он получил солидный пакет акций РН).

Когда к родителям Джарри обратился представитель галактического Союза гражданских прав, он указал им на возможность подачи иска и подчеркнул, что Измененные кошачьей формы для Алайонэла почти наверняка выиграют процесс. Но хотя родители Джарри подпадали под юрисдикцию 877 судебного округа, они отказались подать иск из боязни лишиться пособия от «Разработки недр». Позже Джарри и сам отказался от этого предложения. Даже благоприятное решение суда не могло вернуть ему нормаформу, а больше ничего не имело значения. Он не был мстителен. Помимо всего, к тому времени он обладал солидным пакетом акций РН.

Джарри плескался в цистерне с метаном и мурлыкал, а это означало, что он думает. Плескаться и мурлыкать ему помогал криокомпьютер. Джарри подсчитывал общий финансовый баланс Декабрьского Клуба, недавно образованного Измененными для Алайонэла.

Закончив вычисления, он продиктовал в звуковую трубу послание Санзе Барати, Президенту клуба и своей нареченной:

«Дражайшая Санза! Наш актив, как я и подозревал, оставляет желать лучшего. Тем важнее, полагаю, начать немедленно. Убедительно прошу представить мое предложение на рассмотрение комитета и требовать безотлагательного утверждения. Я подготовил текст обращения ко всем членам Клуба (копия прилагается). Из приведенных цифр видно, что мне потребуется пять — десять лет, если я получу поддержку хотя бы 80% членов. Постарайся, возлюбленная. Мечтаю когда-нибудь встретить тебя под багряным небом.

Твой навек. Джарри Дарк, казначей.

P. S. Я рад, что кольцо тебе понравилось».

Через два года Джарри удвоил капитал Декабрьского Клуба. Через полтора года после этого он снова удвоил его.

Когда Джарри получил от Санзы нижеследующее письмо, он вскочил на ленту тренажера для бега, подпрыгнул в воздух, приземлился на ноги в противоположном углу своего жилища и вставил письмо в проектор.

«Дорогой Джарри! Высылаю спецификации и цены еще на пять планет. Исследовательская группа рекомендует последнюю. Я тоже. Как ты думаешь? Алайонэл II? Если так, когда мы сможем набрать достаточно денег? При одновременной работе сотни Планетоизменителей мы добьемся желаемых результатов за пять-шесть столетий. Стоимость оборудования сообщу в ближайшее время.

Приди ко мне, люби меня, будь со мной под бескрайним небом...

Санза».

«Всего один год,— отвечал он,— и я куплю тебе мир! Поторопись с отправкой тарифов...»

Ознакомившись с цифрами, Джарри заплакал ледяными слезами. Сотня установок, способных изменить природу на планете, плюс двадцать восемь тысяч бункеров для «холодного» сна, плюс плата за перевозку людей и оборудования, плюс... Слишком много!

Он быстро подсчитал и заговорил в трубу:

«...Еще пятнадцать лет — слишком долгое ожидание, киска. Пусть определят время для двадцати установок.

Люблю, целую, Джарри».

День за днем он мерил шагами камеру, сперва на ногах, затем опустившись на все четыре конечности, приходя во все более мрачное расположение духа.

«Приблизительно три тысячи лет,— наконец последовал ответ.— Да лоснится твой мех вечно. Санза».

«Ставь на голосование, Зеленоглазка».

Быстро! Весь мир не больше чем в триста слов. Представьте...

Один континент с тремя черными, солеными морями; серые равнины и желтые равнины, и небо цвета сухого песка; редкие леса с деревьями, как грибы, окаченные йодом; холмы — бурые, желтые, белые, бледно-лиловые; зеленые птицы с крыльями, как парашют, серповидными клювами, перьями, словно дубовые листья, словно зонтик, вывернутый наизнанку; шесть далеких лун — днем как пятнышки, ночью как снежные хлопья, капли крови в сумерках и на рассвете; трава, как горчица во влажных ложбинах; туманы, как белый огонь безветренным утром, как

змея-альбинос, когда дуют ветры; глубокие ущелья, будто трещины в матовом стекле; скрытые пещеры, как цепи темных пузырей; неожиданный град лавиной с чистого неба; семнадцать видов опасных хищников, от метра до шести в длину; ледяные шапки, как голубые береты на сплюснутых полюсах; двуногие стопоходящие полутораметрового роста, с недоразвитым мозгом, бродящие по лесам и охотящиеся на личинок гигантской гусеницы, а также на саму гигантскую гусеницу, зеленых птиц, слепых норолазов и питающихся падалью сумрачников; семнадцать могучих рек; грузные багряные облака, быстро скользящие над землей на лежбище за западным горизонтом; обветренные скалы, как застывшая музыка; ночи, как сажа, замазывающая менее яркие звезды; долины, как плавная мелодия или тело женщины; вечный мороз в тени; звуки по утрам, похожие на треск льда, дребезжанье жести, шорох стальной стружки...

Они превратят это в рай.

Прибыл авангард, закованный в морозильные скафандры, установил по десяти Планетоизменителей в каждом полушарии, занялся бункерами для «холодного» сна в нескольких больших пещерах.

А следом спустились с песочного неба члены Декабрьского Клуба.

Спустились, и увидели, и решили, что это почти рай. Затем вошли в свои пещеры и заснули. Двадцать восемь тысяч Измененных по классу холодных миров (модификация для Алайонэла) уснули сном льда и камня, чтобы, проснувшись, унаследовать новый Алайонэл. И будь в этих снах сновидения, они могли бы оказаться подобными разговорам бодрствующих.

— Так тяжело, Санза...

— Да, но только временно...

— ...Обладать друг другом и целым миром и все же задыхаться, как водолаз на дне моря. Быть вынужденным ползать, когда хочется летать...

— Нам века покажутся мгновениями, Джарри.

— Но ведь на самом деле это три тысячи лет! Ледниковый период пройдет, пока мы спим! Наши родные миры изменятся до неузнаваемости; вернись мы туда — и никто нас не вспомнит!

— Куда возвращаться? В наши камеры? Пусть все уходит, пусть изменяется! Пусть нас забудут там, где мы родились! Мы нашли свой дом — разве что-нибудь еще имеет значение?

— Правда... А наши вахты бодрствования и наблюдения мы будем нести вместе.

— Когда первая?

— Через два с половиной столетия — на три месяца.

— Что же там будет?

— Не знаю... Чуть холодней.

— Так вернемся и будем спать. Завтрашний день лучше сегодняшнего.

— Ты права.

— О смотри, зеленая птица! Как мечта...

Когда они проснулись в тот первый раз, то остались внутри здания Планетоизменителя. Бесплодные Пески — так назывался край, где они несли вахту. Было уже немного холоднее, и небо приобрело по краям розовый оттенок. Металлические стены Планетоизменителя почернели и покрылись инеем, но температура была еще слишком высокой, а атмосфера ядовитой. Почти все время они проводили в специальных помещениях Станции, лишь изредка выходя для забора проб и проверки состояния механизмов.

Бесплодные Пески... Пустыня и скалы... Ни деревьев, ни птиц, ни признака жизни.

Свирепые бури гуляли по поверхности планеты, которая упорно сопротивлялась действию машин. Ночами песчаные шквалы вылизывали каменные стены, а на заре, когда ветер стихал, пустыня мерцала, точно свежевыкрашенная, поблескивая огненными языками скал. После восхода солнца снова поднимался ветер и песчаная завеса закрывала солнечный свет.

Когда утренние ветры успокаивались, Джарри и Санза часто смотрели из окна на третьем этаже Станции — с их любимого места — на камень, напоминающий угловатую фигуру нормаформного человека, машущего им рукой. Они перенесли снизу зеленую кушетку и лежали, слушая шум поднимающегося ветра. Иногда Санза пела, а Джарри делал записи в дневнике или читал записи других, знакомых и незнакомых. И часто они мурлыкали, но никогда не смеялись, потому что не умели этого делать.

Как-то утром они увидели вышедшее из окрашенного йодом леса двуногое существо. Оно несколько раз падало, поднималось, шло дальше; наконец упало и застыло.

— Что оно делает здесь, так далеко от своего дома? — спросила Санза.

— Умирает,— сказал Джарри.— Выйдем наружу.

Они спустились на первый этаж, надели защитные костюмы и вышли из здания.

Существо снова поднялось на ноги и, шатаясь, побрело дальше. Темные глаза, длинный широкий нос, узкий лоб, по четыре пальца на руках и ногах, рыжий пушок...

Когда существо увидело их, оно остановилось и замерло. Потом упало. Оно лежало, подергиваясь, и широко раскрытыми глазами следило за их приближением.

— Оно умрет, если его оставить здесь,— сказала Санза.

— И умрет, если внести его внутрь,— сказал Джарри.

Существо протянуло к ним руку... затем рука бессильно упала. Его глаза сузились, закрылись...

Джарри тронул его ногой. Существо не шевельнулось.

— Конец.

— Что будем делать? — спросила Санза.

— Оставим здесь. Скоро его занесет песком.

Они вернулись на Станцию, и Джарри описал происшествие в дневнике.

Как-то, уже на последнем месяце дежурства, Санза спросила:

— Значит, все здесь, кроме нас, погибнет? Зеленые птицы и поедатели падали? Забавные маленькие деревья и волосатые гусеницы?

— Надеюсь, что нет,— ответил Джарри.— Я тут перелистывал заметки биологов. Думаю, что жизнь может устоять. Ведь если она где-нибудь зародится, то сделает все, что в ее силах, чтобы не исчезнуть. Созданиям этой планеты повезло, что мы смогли поставить лишь двадцать установок. В их распоряжении три тысячи лет — за это время они сумеют отрастить шерсть, научатся дышать нашим воздухом и пить нашу воду. Будь у нас сотня установок, мы могли бы стереть их с лица земли. А потом пришлось бы завозить обитателей холодных миров с других планет. Или выводить их. А так есть вероятность, что выживут местные.

— Послушай,— сказала она,— тебе не кажется, что мы делаем с жизнью на этой планете то же, что сделали с нами? Нас создали для Алайонэла, и наш мир уничтожила катастрофа. Эти существа появились здесь; их мир забираем мы. Всех творений этой планеты мы превращаем в то, чем были сами,— в лишних.

— С той лишь разницей,— возразил Джарри,— что мы даем им время привыкнуть к новым условиям.

— И все же я чувствую, как все снаружи превращается вот в это.— Санза махнула рукой в сторону окна.— В Бесплодные Пески.

— Бесплодные Пески здесь были прежде. Мы не создаем новых пустынь.

— Деревья умирают. Животные уходят на юг. Но когда дальше идти будет некуда, а температура будет продолжать падать и воздух будет гореть в легких, тогда для них все будет кончено.

— Но они могут и приспособиться. У деревьев появляются новые корни, наращивается кора. Жизнь устоит.

— Сомневаюсь...

— Быть может, тебе лучше спать, пока все не окажется позади?

— Нет. Я хочу быть рядом с тобой, всегда.

— Тогда ты должна свыкнуться с фактом, что от любых перемен всегда что-нибудь страдает. Если ты это поймешь, не будешь страдать сама.

И они стали слушать поднимающийся ветер.

Тремя днями позднее, на закате, между ветрами дня и ветрами ночи, Санза подозвала Джарри к окну. Он поднялся на третий этаж и встал рядом с ней. На ее грудь падали розовые блики, тени отливали серебром; ее лицо было бесстрастно, большие зеленые глаза неотрывно смотрели в окно.

Шел крупный снег, синий на фоне розового неба. Снежинки падали на скалу, напоминающую угловатую фигуру человека, и на толстое кварцевое стекло. Они покрывали голую пустыню лепестками цианида, закручивались в вихре с первыми порывами злого ветра. Небо затянули тяжелые тучи, ткущие синие сети.

Теперь снежинки неслись мимо окна, словно голубые бабочки, и затуманивали очертания земли. Розовое исчезло; осталось только голубое; оно сгущалось и темнело. Донесся первый вздох вечера, и снежные волны вдруг покатили вбок, а не вниз, становясь густо-синими...

«Машина никогда не молчит,— писал Джарри в дневнике.— Порой мне чудится, будто в ее неустанном рокоте я различаю голоса. Пять столетий прошло с нашего прибытия, я сейчас один на Станции — решил не будить Санзу на это дежурство, если только не станет совсем невмоготу (а здесь очень тягостно). Она, несомненно, будет сердиться. Сегодня утром в полудреме мне показалось, будто я слышу голоса родителей; не слова — просто звуки, к которым я привык по телефону. Их наверняка уже нет в живых, несмотря на все чудеса геронтологии. Интересно, часто ли они думали обо мне? Я ведь никогда не мог пожать руку отцу или поцеловать мать. Странное это чувство — находиться один на один с гигантским механизмом, перекраивающим молекулы атмосферы, охлаждающим планету, здесь, посреди синей пустыни... Бесплодных Песков. А ведь, казалось бы, мне не следовало удивляться — я вырос в стальной пещере... Каждый день выхожу на связь с остальными Станциями. Боюсь, что порядком им надоел. Завтра надо воздержаться. Или послезавтра...

Утром выскочил на миг наружу без скафандра. Все еще смертельно жарко. Я набрал в грудь воздуха и задохнулся. Наш день еще далеко, хотя по сравнению с последним разом — двести пятьдесят лет назад — уже заметна разница. Любопытно, на что все это будет похоже, когда кончится? И что буду делать в новом Алайонэле я, экономист? Впрочем, пока Санза счастлива...

Машина стонет. Все вокруг, насколько видно, голубое. Камни все такие же безжизненные, но поддались ветрам и приняли другие очертания. Небо розовое, на восходе и по вечерам — почти багряное. Так и тянет сказать, что оно цвета вина, но я никогда не видел вина, только читал, и не могу быть уверен. Деревья выстояли. Их корни и стволы укрепились, кора стала толще, листья больше и темнее. Так говорят. В Бесплодных Песках нет деревьев...

Гусеницы тоже живы. На глаз они кажутся даже крупнее, но это оттого, что они стали более мохнатыми. У большинства животных шкура теперь толще, некоторые впадают в спячку. Странно: Станция 7 сообщает, что, по их мнению, мех у двуногих стал гуще! Двуногих, похоже, там довольно много, их частенько видят вдалеке. С виду они косматые, однако при ближайшем рассмотрении выяснилось, что некоторые одеты в шкуры мертвых зверей! Неужели они разумнее, чем мы считали? Это едва ли возможно — их предварительно долго и тщательно изучали биологи. И все же странно.

Ветры ужасные. Порой они застилают небо черным

пеплом. К юго-востоку наблюдается сильная вулканическая деятельность. Из-за этого пришлось перевести Станцию 4 в другое место. Теперь в шуме машин мне чудится пение Санзы. В следующий раз непременно ее разбужу. Думаю, к тому времени кое-что образуется. Нет, неправда. Это эгоизм. Просто я хочу чувствовать ее возле себя. Иногда мне приходит в голову мысль, что я — единственное живое существо в целом мире. Голоса по радио призрачны. Громко тикают часы, а паузы заполнены машинным гулом, то есть тоже своего рода тишиной, потому что он постоянен. Временами у меня возникает чувство, что его нет, он пропал. Я напрягаю слух. Я проверяю индикаторы, и они говорят, что машины работают. Но, возможно, что-то не в порядке с индикаторами... Нет. Со мной...

А голубизна Песков — это зрительная тишина. По утрам даже скалы покрыты голубой изморозью. Что это: красота или уродство? Не могу сказать. По мне — это лишь часть великого безмолвия, вот и все. Кто знает, может, я стану мистиком, овладею оккультными силами, достигну Яркого и Освобождающего, сидя здесь, в окружении тишины. Возможно, у меня появятся виде́ния. Голоса я уже слышу. Есть ли в Бесплодных Песках призраки? Кого? Разве что того двуногого... Интересно, зачем оно пересекало пустыню? Почему направлялось к очагу разрушения, а не прочь, подобно другим своим сородичам? Мне никогда этого не узнать. Если, конечно, не будет виде́ния...

Пожалуй, пора надеть костюм и выйти на прогулку. Полярные шапки стали массивнее; началось оледенение. Скоро, скоро все образуется. Скоро, надеюсь, молчание кончится. Однако я порой задумываюсь; что, если тишина — нормальное состояние Вселенной, а наши жалкие звуки лишь подчеркивают ее, словно черные крапинки на голубом фоне? Все когда-то было тишиной и в тишину обратится — или, быть может, уже обратилось. Услышу ли я когда-нибудь настоящие звуки?.. Снова чудится, что поет Санза. Как бы я хотел сейчас разбудить ее, чтобы она была со мной и мы походили бы вместе там, снаружи... Пошел снег».

Джарри проснулся накануне первого тысячелетия.

Санза улыбалась и гладила его руки, пока он, извиняясь, объяснял, почему не разбудил ее.

— Конечно, я не сержусь,— сказала она.— Ведь в прошлый раз я поступила так же.

Он смотрел на нее и радовался тому, что они понимают друг друга.

— Никогда больше так не сделаю,— продолжала Санза.— И ты тоже не сможешь. Одиночество невыносимо.

— Да,— отозвался он.

— В прошлый раз они разбудили нас обоих. Я очнулась первая и не велела тебя будить. Разумеется, я разозлилась, когда узнала, что ты сделал. Но злость быстро прошла, и я часто желала, чтобы мы были вместе.

— Мы будем вместе.

— Всегда.

Они взяли флайер и из пещеры сна перелетели к Планетоизменителю в Бесплодных Песках, где сменили прежнюю пару и придвинули к окну на третьем этаже новую кушетку.

Воздух был по-прежнему душный, но уже годился для дыхания на короткое время, хотя после подобных экспериментов долго болела голова. Жара все еще была невыносимой. Очертания скалы, некогда напоминавшей человека, расплылись. Ветры потеряли былую свирепость.

На четвертый день они нашли следы, принадлежавшие, вероятно, какому-то крупному хищнику. Это порадовало Санзу. Зато другой эпизод вызвал только изумление. Менее чем в сотне шагов от Станции они наткнулись на трех высохших гигантских гусениц. Снег вокруг был испещрен знаками. К гусеницам вели неясные следы.

— Что бы это значило? — спросила Санза.

— Не знаю. Но, думаю, лучше это сфотографировать,— отозвался Джарри.

Так они и сделали. Поговорив со Станцией 11, Джарри узнал, что подобная картина периодически отмечалась наблюдателями и на других станциях, правда редко.

— Не понимаю,— сказала Санза.

— А я не хочу понимать,— сказал Джарри.

За время их дежурства такого больше не случалось. Джарри сделал подробную запись в дневнике, после чего они продолжили наблюдения, иногда прерывая их, чтобы попробовать возбуждающие напитки. Два столетия назад один биохимик посвятил свое дежурство поискам веществ, которые вызывали бы у Измененных такие же реакции, как в свое время алкогольные напитки у нормальных людей. Опыты завершились успехом. Четыре недели счастливый биохимик беспробудно пил и, естественно, забросил свои обязанности, за что был снят с поста и отправлен спать до конца Срока. Однако его в общем-то немудреный рецепт разошелся по другим Станциям. Джарри и Санза обнаружили в кладовой настоящий бар и рукописную инструкцию по составлению напитков. Автор выражал надежду, что каждое дежурство будет завершаться открытием нового рецепта. Джарри и Санза работали на совесть и обогатили список пуншем «Снежный цветок», который согревал желудок и превращал мурлыканье в хихиканье,— так был открыт смех. Наступление тысячелетия они отпраздновали целым кубком пунша. По настоянию Санзы рецептом поделились с остальными Станциями, чтобы каждый мог разделить их радость. Вполне вероятно, что так оно и произошло, потому что рецепт приняли благосклонно. И уже навсегда, даже после того, как от кубка остались лишь воспоминания, сохранился смех. Так порой создаются традиции.

— Зеленые птицы умирают,— сказала Санза, отложив в сторону прочитанный рапорт.

— А? — отозвался Джарри.

— Адаптация не может происходить бесконечно. Вероятно, они исчерпали все резервы.

— Жаль,— сказал Джарри.

— Кажется, прошел всего год, как мы здесь. На самом же деле позади тысячелетие.

— Время летит.

— Я боюсь,— прошептала она.

— Чего?

— Не знаю. Просто боюсь.

— Но почему?

— Мы живем странной жизнью; в каждом столетии оставляем по кусочку самих себя. Еще совсем недавно, как подсказывает мне память, здесь была пустыня. Сейчас это ледник. Появляются и исчезают ущелья и каньоны. Пересыхают реки, и на их месте возникают новые. Все кажется таким временным, таким преходящим... Вещи с виду солидные, надежные, но я боюсь коснуться их: вдруг они превратятся в дым и моя рука сквозь дым коснется чего-то?.. Или еще хуже — ничего не коснется. Никто не знает наверное, что здесь будет, когда мы достигнем цели. Мы стремимся к неведомой земле, и отступать слишком поздно. Мы движемся сквозь сон, направляемся к фантазии... Порой я скучаю по своей камере, по машинам, что заботились обо мне. Возможно, я не умею приспосабливаться. Возможно, я — как зеленая птица...

— Нет, Санза, нет! Мы настоящие. Неважно, что происходит снаружи,— мы существуем и будем существовать. Все меняется, потому что таково наше желание. Мы сильнее этого мира, и будем переделывать его до тех пор, пока не создадим на свой лад. И тогда мы оживим его городами и детьми. Хочешь увидеть бога? Посмотри в зеркало. У бога заостренные уши и зеленые глаза. Он покрыт мягким серым мехом. Между пальцами у него перепонки.

— Джарри, как хорошо, что ты такой сильный!

— Давай возьмем флайер и поедем кататься.

— Поедем!

Вверх и вниз ехали они в тот день по Бесплодным Пескам, где черные скалы стояли, подобно тучам в чужом небе.

Минуло двенадцать с половиной столетий.

Теперь некоторое время они могли обходиться без респираторов.

Теперь некоторое время могли выносить жару.

Теперь зеленых птиц уже не было.

Теперь началось что-то странное и тревожное.

По ночам приходили двуногие, чертили знаки на снегу, оставляли среди них мертвых животных. И происходило это гораздо чаще, чем в прошлом. Двуногие шли ради этого издалека; плечи многих покрывали звериные шкуры.

Джарри просмотрел все записи в поисках упоминаний об этих существах.

— Станция 7 сообщает об огнях в лесу,— сказал он.

— Что?..

— Огонь,— повторил он.— Неужели они открыли огонь?

— Значит, это не просто звери!

— Но они *были* зверями!

— Теперь они носят одежду. Оставляют дары нашим машинам. Это уже больше не звери.

— Как такое могло произойти?

— Это наших рук дело. Вероятно, они так и остались бы тупыми животными, если бы мы не заставили их поумнеть, чтобы выжить. Мы ускорили их развитие. Они должны были приспособиться или погибнуть. Они приспособились.

— Ты полагаешь, без нас этого бы не случилось?

— Возможно, случилось бы — когда-нибудь. А возможно, и нет.

Джарри подошел к окну, окинул взглядом Бесплодные Пески.

— Я должен выяснить,— сказал он.— Если они разумны, если они.. люди, как и мы,— он рассмеялся,— тогда мы обязаны с ними считаться.

— Что ты предлагаешь?

— Разыскать их. Посмотреть, нельзя ли наладить общение.

— Разве этим не занимались?

— Занимались.

— И каковы результаты?

— Разные. Некоторые наблюдатели считали, что они проявляют значительную понятливость. Другие ставили их гораздо ниже того порога, с которого начинается Человек.

— Может быть, мы совершаем чудовищную ошибку,— задумчиво произнесла Санза.— Создаем людей с тем, чтобы позднее их уничтожить. Помнишь, ты как-то сказал, что мы — боги этого мира, что в нашей власти строить и разрушать. Да, вероятно, это в нашей власти, но я не ощущаю в себе особой святости. Что же нам делать? Они прошли этот путь, но уверен ли ты, что они выдержат перемену, которая произойдет к концу? Что, если они подобны зеленым птицам? Если они исчерпали все возможности адаптации и этого недостаточно? Как поступит бог?

— Как ему вздумается,— ответил Джарри.

В тот день они облетели Бесплодные Пески на флайере, но не встретили никаких признаков жизни. И в последующие дни их поиски не увенчались успехом.

Однако одним багряным утром, две недели спустя, это произошло.

— Они были здесь,— сказала Санза.

Джарри посмотрел в окно.

На вытоптанной площадке лежал мертвый зверек, а снег вокруг был исчерчен уже знакомыми знаками.

— Они не могли уйти далеко.

— Ты права.

— Нагоним их на санях!

Они мчались по снегу, который покрывал землю, именуемую Бесплодными Песками. Санза сидела за рулем, а Джарри высматривал следы на синем поле.

Все утро они неслись, подобные темно-лиловому огню, и ветер

обтекал их, будто вода, а вокруг раздавались звуки, похожие на треск льда, дребезжанье жести, шорох стальной стружки... Голубые заиндевевшие глыбы стояли, словно замерзшая музыка, и длинная черная, как смоль, тень бежала впереди саней. Порой вдруг налетал град, по крыше саней барабанило, будто наверху отплясывали неистовые танцоры, и так же внезапно все утихало. Земля то уходила вниз, то вставала на дыбы.

Вдруг Джарри опустил руку на плечо Санзы.

— Впереди!

Санза кивнула и стала тормозить. Они загнали его к бухте. Они пользовались палками и длинными шестами с обугленным острием. Они швыряли в него камни и куски льда. Затем они стали пятиться, а оно шло вперед и убивало.

Видоизмененные называли это животное медведем, потому что оно было большим и косматым и могло вставать на задние лапы... Тело длиной в три с половиной метра было покрыто голубым мехом; узкое безволосое рыло напоминало рабочую часть плоскогубцев.

На снегу неподвижно лежали пять маленьких созданий. С каждым ударом огромной лапы падало еще одно.

Джарри достал пистолет и проверил заряд.

— Поезжай медленно,— бросил он Санзе.— Я постараюсь попасть в голову.

Первый раз он промахнулся, угодив в валун позади медведя. Второй выстрел опалил мех на шее зверя. Джарри соскочил с саней, поставил заряд на максимум и выстрелил прямо в нависшую грудь. Медведь замер, потом пошатнулся и упал. В груди зияла сквозная рана. Джарри повернулся к созданиям, которые не спускали с него глаз.

— Меня зовут Джарри,— сказал он.— Нарекаю вас красноформами...

Удар сзади свалил его с ног. Джарри покатился по снегу. Глаза застилал туман, левая рука и плечо горели огнем.

Из-за нагромождения камней показался второй медведь.

Джарри вытащил правой рукой длинный охотничий нож и встал на ноги. Когда зверь кинулся вперед, он с кошачьей ловкостью, присущей его роду, увернулся, занес руку и по рукоятку вонзил нож в горло медведя.

По телу зверя пробежала дрожь, но он швырнул Джарри на землю, как пушинку; нож вылетел у Джарри из руки.

Красноформы принялись кидать камни, бросились на медведя с заостренными пиками.

Затем раздался громкий удар, послышался скрежещущий звук; зверь взвился в воздух и упал на Джарри.

Когда Джарри пришел в себя, он увидел, что лежит на спине. Тело свело от боли, и все вокруг него пульсировало и мерцало, словно готовое взорваться.

Сколько прошло времени, он не знал. Медведя, надо полагать, с него сняли.

Чуть поодаль боязливо жались в кучку маленькие двуногие существа. Одни смотрели на него, другие не сводили глаз со зверя.

Кое-кто смотрел на разбитые сани.

Разбитые сани...

Джарри поднялся на ноги. Существа попятились.

Он с трудом добрел до саней и заглянул внутрь.

Санза была мертва. Это было видно сразу по неестественному наклону головы, но он все равно сделал все, что полагается делать, прежде чем поверил в случившееся.

Она нанесла медведю смертельный удар, направив на него сани. Удар сломал ему хребет. Сломал сани. Убил ее.

Джарри склонился над обломками саней, сочинил первую заупокойную песнь и высвободил тело.

Красноформы не сводили с него глаз.

Он поднял мертвую Санзу на руки и зашагал к Станции через Бесплодные Пески. Красноформы молча провожали его взглядом. Все, кроме одного, который внимательно изучал нож, торчащий из залитого кровью косматого горла зверя.

Джарри спросил разбуженных руководителей Декабрьского Клуба:

— Что следует делать?

— Она — первая из нас, кто погиб на этой планете,— сказал Ян Турл, вице-президент Клуба.

— Традиций не существует,— сказала Зельда Кейн, секретарь.— Вероятно, нам следует их придумать.

— Не знаю,— сказал Джарри.— Я не знаю, что нужно делать.

— Надо выбрать — погребение или кремация. Что ты предпочитаешь?

— Я не... Нет, не хочу в землю. Верните мне ее тело, дайте большой флайер... Я сожгу ее.

— Тогда позволь нам помочь тебе.

— Нет. Предоставьте все мне. Мне одному.

— Как хочешь. Можешь пользоваться любым оборудованием. Приступай.

— Пожалуйста, пошлите кого-нибудь на Станцию в Бесплодных Песках. Я хочу уснуть, после того как закончу с этим,— до следующей смены.

— Хорошо, Джарри. Нам искренне жаль...

Джарри кивнул, повернулся и ушел.

Таковы порой мрачные стороны жизни.

На северо-востоке Бесплодных Песков на три тысячи метров ввысь вознеслась синяя гора. Если смотреть на нее с юго-запада, она казалась гигантской замерзшей волной. Багряные тучи скрывали ее вершину. На крутых склонах не водилось ничего живого. У горы не было имени, кроме того, что дал ей Джарри Дарк. Он посадил флайер на вершину, вынес Санзу, одетую в самые красивые одежды, и опустил. Широкий шарф скрывал сломанную шею, густая темная вуаль закрывала холодное лицо.

И тут начался град. Камнями на него, на мертвую Санзу падали с неба куски голубого льда.

— Будьте вы прокляты! — закричал Джарри и бросился к флайеру.

Он взмыл в воздух, описал круг над горой.

Одежда Санзы билась на ветру. Град завесой из синих бусинок отгородил их от остального мира, оставив лишь прощальную ласку: огонь, текущий от льдинки к льдинке.

Джарри нажал на гашетку, и в боку безымянной горы открылась дверь в солнце. Дверь становилась все шире, и вот уже гора исчезла в ней целиком. Тогда он взвился в тучи, атакуя бурю, пока не иссякла энергия, питающая орудия...

Он облетел расплавленную гору на северо-востоке Бесплодных Песков — первый погребальный костер, который видела эта планета. Потом он вернулся — чтобы забыться в тиши долгой ночи льда и камня, унаследовать новый Алайонэл. В такие ночи сновидений не бывает.

Пятнадцать столетий. Почти половина Срока. Картина не более чем в двести слов. Представьте...

Текут девятнадцать рек, но черные моря покрываются фиолетовой рябью. Исчезли редкие йодистые леса. Вместо них вверх поднялись могучие деревья с толстой корой, известковые, оранжевые и черные...

Великие горные хребты на месте холмов — бурых, желтых, белых, бледно-лиловых. Замысловатые клубы дыма над курящимися вершинами...

Цветы, корни которых зарываются в почву на двадцать метров, а коричневые бутоны не распускаются среди синей стужи и камней...

Слепые норолазы, забирающиеся глубже; питающиеся падалью сумрачники, отрастившие грозные резцы и мощные коренные зубы; гигантские гусеницы хоть и уменьшились в размерах, но выглядят настоящими великанами, потому что стали еще более мохнатыми...

Очертания долин — как тело женщины, изгибающиеся и плавные, или, возможно,— как музыка...

Меньше обветренных скал, но свирепый мороз...

Звуки по утрам по-прежнему резкие, металлические...

Из дневника Станции Джарри почерпнул все, что ему требовалось знать. Но он прочитал и старые сообщения.

Затем плеснул в стакан пьянящий напиток и выглянул из окна третьего этажа.

— ...Умрут,— произнес он, и допил, и собрался, и покинул свой пост.

Через три дня он нашел лагерь. Он посадил флайер в стороне и пошел пешком. Джарри залетел далеко на юг Бесплодных Песков, и теплый воздух спирал дыхание.

Теперь они носили звериные шкуры — обрезанные и сшитые,— обвязав их вокруг тел. Джарри насчитал шестнадцать построек и три костра. Он вздрогнул при виде огня, но не свернул с пути. Кто-то вскрикнул, заметив его, и наступила тишина.

Он вошел в лагерь.

Повсюду неподвижно стояли двуногие. Из большой постройки на краю поляны раздавались звуки какой-то возни.

Джарри обошел лагерь.

На деревянном треножнике сушилось мясо. У каждого жилища стояло несколько длинных копий. Джарри осмотрел одно. Узкий наконечник был вытесан из камня.

На деревянной доске были вырезаны очертания кошки...

Он услышал шаги и обернулся.

К нему медленно приближался красноформый, казавшийся старше других. Его худые плечи поникли, приоткрытый рот зиял дырой, редкие волосы засалились. Существо что-то несло, но Джарри не видел, что именно, потому что не сводил глаз с рук старика. На каждой руке был противостоящий большой палец.

Джарри повернулся и уставился на руки других красноформых. У всех были большие пальцы. Он внимательнее присмотрелся к внешности этих существ.

Теперь у них появились лбы. Он перевел взгляд на старика. Тот опустил свою ношу на землю и отошел.

Джарри взглянул вниз. На широком листе лежали кусок сухого мяса и дольки какого-то фрукта. Джарри взял мясо, закрыл глаза, откусил кусочек, пожевал и проглотил. Остальное завернул в лист и положил в боковой карман сумки.

Он протянул руку, и красноформый попятился.

Джарри достал одеяло, которое принес с собой, и расстелил его на земле. Затем сел и указал старику на место рядом.

Старик поколебался, но все же подошел и сел.

— Будем учиться говорить друг с другом,— медленно произнес Джарри. Он приложил руку к груди: — Джарри.

Джарри стоял перед разбуженными руководителями Декабрьского Клуба.

— Они разумны,— сказал он.— Вот мой доклад.

— Каков же вывод? — спросил Ян Турл.

— По-моему, они не смогут приспособиться. Они развивались очень быстро, но вряд ли способны на большее. На весь путь их не хватит.

— Ты кто — биолог, химик, эколог?

— Нет.

— Так на чем же ты основываешь свое мнение?

— Я жил с ними шесть недель.

— Значит, всего лишь догадка?..

— Ты знаешь, что в этой области нет специалистов. Такого никогда раньше не было.

— Допуская их разумность — допуская даже, что они действительно не смогут приспособиться,— что ты предлагаешь?

— Замедлить изменение планеты. Дать им шанс. А если их постигнет неудача, вообще отказаться от нашей цели. Здесь уже можно жить. Дальше *мы* можем адаптироваться.

— Замедлить? На сколько?

— Еще на семь-восемь тысяч лет...

— Исключено! Абсолютно исключено! Слишком долгий срок!

— Но почему?

— Потому что каждый из нас несет трехмесячную вахту раз в два с половиной столетия. Таким образом, на тысячу лет уходит год личного времени. Слишком большую жертву ты требуешь от нас.

— Но от этого зависит судьба целой расы!

— Кто знает...

— Разве одной возможности не достаточно?

— Джарри Дарк, ты хочешь ставить на административное голосование?

— Нет, тут мое поражение очевидно... Я настаиваю на всеобщем голосовании.

— Невозможно! Все спят.

— Так разбудите их!

— Повторяю, это невозможно.

— А вам не кажется, что судьба целой расы стоит усилия? Тем более что это мы заставляем этих существ развиваться, мы прокляли их разумом!

— Довольно! Они и без нас стояли на пороге. Они вполне могли стать разумными даже без нашего появления...

— Но мы не можем сказать наверняка! Мы не знаем! Да и не все ли равно, *как* это произошло,— вот они, и вот мы, и они принимают нас за божество — быть может, потому, что мы ничего им не даем, кроме страданий. Но должны же мы нести ответственность за судьбу разума — уж по крайней мере не убивать его!

— Возможно, длительное и тщательное расследование...

— К тому времени они погибнут! Пользуясь своим правом казначея, я требую всеобщего голосования.

— Не слышу обязательного второго голоса.

— Зельда? — спросил Джарри.

Она отвела глаза.

— Тарабел? Клонд? Бондичи?

В широкой, просторной пещере царила тишина.

— Что ж, выходит, я проиграл. Мы сами окажемся змеями, когда войдем в наш Эдем... Я возвращаюсь назад, в Бесплодные Пески, заканчивать вахту.

— Это вовсе не обязательно. Пожалуй, тебе сейчас лучше отправиться спать...

— Нет. Во всем, что произошло, есть и моя вина. Я останусь наблюдать и разделю ее полностью.

— Да будет так,— сказал Турл.

Две недели спустя, когда Станция 19 пыталась вызвать Бесплодные Пески по радио, ответа не последовало.

Через некоторое время туда был выслан флайер.

Станция в Бесплодных Песках превратилась в бесформенную глыбу расплавленного металла. Джарри Дарка нигде не было.

В тот же день замолчала Станция 9.

Немедленно и туда вылетел флайер.

Станции 9 более не существовало. Ее обитателей удалось обнаружить в нескольких километрах: они шли пешком. По их

словам, Джарри Дарк, угрожая оружием, заставил всех покинуть Станцию и сжег ее дотла орудиями своего флайера.

Тем временем замолчала Станция 6.

Руководители Клуба издали приказ: ПОДДЕРЖИВАТЬ ПОСТОЯННУЮ РАДИОСВЯЗЬ С ДВУМЯ СОСЕДНИМИ СТАНЦИЯМИ.

За ним последовал еще один приказ: ПОСТОЯННО НОСИТЬ ПРИ СЕБЕ ОРУЖИЕ. ВСЕХ ПОСТОРОННИХ БРАТЬ В ПЛЕН.

На дне ущелья, укрытый за скалой, ждал Джарри. Рядом с приборной доской флайера лежала маленькая коробочка из серебристого металла. Радио было включено. Джарри ждал передачу. Выслушав первые слова, он растянулся на сиденье и заснул.

Когда он проснулся, вставала заря нового дня.

Передача все еще продолжалась:

«...Джарри. Все будут разбужены. Возвращайся в главную пещеру. Говорит Ян Турл. В уничтожении станций нет необходимости. Мы согласны с требованием всеобщего голосования. Пожалуйста, немедленно свяжись с нами. Мы ждем твоего ответа, Джарри...»

Он поднял флайер из багряной тени в воздух.

Конечно, его ждали. Десяток винтовок нацелился на него, едва он появился.

— Бросай оружие, Джарри,— раздался голос Ян Турла.

— Я не ношу оружия,— сказал Джарри.— И в моем флайере его нет,— добавил он.

Это было правдой, так как орудия больше не венчали турели. Ян Турл приблизился, посмотрел ему в глаза:

— Что ж, тогда выходи.

— Благодарю, предпочитаю остаться здесь.

— Ты арестован.

— Как вы намерены поступить со мной?

— Ты будешь спать до истечения Срока Ожидания. Иди!

— Нет. И не пытайтесь стрелять или пустить в ход парализатор и газы. Если вы это сделаете, мы погибнем в ту же секунду.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Ян Турл, делая знак стрелкам.

— Мой флайер превращен в бомбу, и я держу запал в правой руке.— Джарри поднял белую металлическую коробку.— Пока я не отпускаю кнопку, мы в безопасности. Но если мой палец хоть на секунду ослабнет, последует взрыв, который уничтожит всю эту пещеру!

— Полагаю, ты берешь нас на испуг.

— Что ж, проверь.

— Но ведь ты тоже умрешь, Джарри!

— Теперь мне все равно. Кстати, не пытайтесь уничтожить запал,— предупредил он.— Бессмысленно. Даже в случае успеха вам это обойдется по крайней мере в две станции.

— Почему?

— Как по-вашему: что я сделал с орудиями? Я обучил красноформых пользоваться ими. В настоящий момент орудия нацелены на две станции, и, если я не вернусь до рассвета, они откроют огонь. Потом они двинутся дальше и попытаются уничтожить другие две станции.

— Ты доверил лазер зверям?

— Совершенно верно. Ну, так вы станете будить остальных для голосования?

Турл сжался, словно для прыжка, затем, видимо, передумал и обмяк.

— Почему ты так поступил, Джарри? — жалобно спросил он.— Кто они тебе? Ради них ты заставляешь страдать свой народ!

— Раз ты не ощущаешь того, что я,— ответил Джарри,— мои мотивы покажутся тебе бессмысленными. В конце концов они основаны лишь на моих чувствах, а мои чувства отличаются от твоих, ибо продиктованы скорбью и одиночеством. Попробуй, однако, понять вот что: я для них божество. Мои изображения можно найти в любом лагере. Я — Победитель Медведей с Пустыни Мертвых. Обо мне слагают легенды на протяжении двух с половиной веков, и в этих легендах я сильный, мудрый и добрый. И в таком качестве кое-чем им обязан. Если я не дарую им жизнь, кто будет славить меня? Кто будет воздавать мне хвалу у костров и отрезать для меня лучшие куски мохнатой гусеницы? Никто, Турл. А это все, чего стоит сейчас моя жизнь. Буди остальных. У тебя нет выбора.

— Хорошо,— проговорил Турл.— А если тебя не поддержат?

— Тогда я удалюсь от дел, и ты сможешь стать божеством,— сказал Джарри.

Каждый вечер, когда солнце спускается с багряного неба, Джарри Дарк смотрит на закат, ибо он не будет больше спать сном льда и камня, сном без сновидений. Он решил прожить остаток своих дней в неуловимо малом моменте Срока Ожидания и никогда не увидеть Алайонэл своего народа. Каждое утро на новой Станции в Бесплодных Песках его будят звуки, похожие на треск льда, дребезжанье жести, шорох стальной стружки. Потом приходят двуногие со своими дарами. Они поют и чертят знаки на снегу. Они славят его, а он улыбается им. Иногда тело его сотрясает кашель.

...Рожденный от мужчины и женщины, видоизмененный в соответствии с требованиями к форме кошачьих Y7, по классу холодных миров (модификация для Алайонэла), Джарри Дарк не мог жить ни в одном уголке Вселенной, что гарантировало ему Убежище. Это либо благословение, либо проклятье — в зависимости от того, как смотреть. Но как бы вы ни смотрели, ничего не изменится...

Так платит жизнь тем, кто служит ей самозабвенно.

Джон Кэмпбелл
«КТО ТЫ?»*

Вонь стояла страшная. В ней смешались затхлый мужской пот и тяжелый, отдающий рыбьим жиром дух полусгнившего тюленьего мяса. Чем-то заплесневелым несло от пропитанных потом и растаявшим снегом меховых курток. В воздухе висел едкий дым горелого жира. Только во врытых в лед палатках антарктической экспедиции и могла стоять такая вонь.

Через все эти привычные запахи машинного масла, людей, собак, кож и мехов слабо пробивался странный чужой аромат, от которого невольно ерошились волосы на шее. В нем угадывалось что-то живое, но исходил он от тюка, упакованного в брезент и перевязанного веревками. Тюк, сырой и чем-то пугающий, лежал на столе под светом электрической лампочки. С него медленно капала вода.

Блэр, маленький лысеющий биолог экспедиции, нервно сдернул брезент, обнажив спрятанную под ним глыбу льда, а потом так же нервно набросил брезент обратно. Начальник экспедиции Гэрри раздвинул белье, висящее на веревке над столом, и подошел ближе. Он медленно обвел глазами людей, набившихся в штабную палатку, как сельди в бочку. Наконец он выпрямился и кивнул:

— Тридцать семь. Все присутствуют.— В его низком голосе чувствовался характер прирожденного руководителя, а не только начальника по должности.

— Вам в общих чертах известна история этой находки. Я советовался со своим заместителем Макреди, а также с Норрисом, Блэром и доктором Коппером. Мы не пришли к единому мнению, и, поскольку дело касается всех членов экспедиции, мы решили вынести его на общее обсуждение. Я попрошу Макреди все подробно рассказать вам — до сих пор вы все были заняты исполнением своих непосредственных обязанностей и у вас не было времени интересоваться делами других. Пожалуйста, Макреди.

Метеоролог Макреди, вышедший к столу из клубов табачного дыма, производил впечатление персонажа из забытых мифов— высокая ожившая бронзовая статуя.

— Норрис и Блэр согласны в одном: найденное нами животное неземного происхождения. Норрис предполагает опас-

* Рассказ публикуется с сокращениями.

ность, Блэр считает, что никакой опасности нет. Но я вернусь к тому, как и почему мы его нашли. Насколько было известно до нашего прибытия на это место, оно находилось прямо над Южным магнитным полюсом Земли. Как вы знаете, стрелка компаса указывает именно сюда. Более точные физические приборы, разработанные специально для изучения нашей экспедицией магнитного полюса, обнаружили какой-то побочный эффект — мощное магнитное поле в восьмидесяти милях от нашей базы. Мы отправили туда исследовательскую группу. Нет нужды останавливаться на деталях. То, что мы нашли, не было ни метеоритом, ни залежью руды. Это был космический корабль. Корабль, управляемый силами, неведомыми человеку, и прилетевший из космоса 20 миллионов лет назад, когда Антарктида начала замерзать. С кораблем что-то случилось, он потерял управление и совершил вынужденную посадку. При посадке он врезался в гранитную скалу. Один из членов экипажа вышел наружу, но это существо заблудилось в пурге в десяти шагах от корабля.

Киннер, повар экспедиции, моргнул от напряжения. Пять дней назад он вышел из закопанного в лед лагеря на поверхность, чтобы достать из ледника замороженное мясо. Когда он шел обратно, началась пурга; белая смерть, летящая по снежной равнине, ослепила его в несколько секунд. Он сбился с дороги. Только полчаса спустя люди, вышедшие из лагеря по веревке, нашли его. Да, человеку или существу ничего не стоило заблудиться здесь в десяти шагах.

— Пассажир корабля,— перебил мысли Киннера голос Макреди,— по всей вероятности, не представлял, что может случиться. Он сразу замерз. Мы пытались откопать корабль и наткнулись на это существо. Барклай зацепил его череп ледорубом. Когда Барклай понял, на что он наткнулся, он вернулся к трактору, развел костер и вызвал Блэра и доктора Коппера. Самому Барклаю стало плохо. Он три дня не мог прийти в себя. Когда прибыли Блэр и Коппер, мы вырубили блок льда вместе с этим животным и погрузили на трактор. Мы хотели все же прокопать туннель к кораблю. Добравшись до борта корабля, мы обнаружили, что он сделан из неизвестных нам металлов, которые не могли взять наши инструменты. Мы нашли входной люк, забитый льдом, и решили растопить лед термитной бомбой. Бомба вспыхнула, потом пламя начало гаснуть и вдруг забушевало вовсю. Похоже, что корпус корабля был сделан из магнезиевого сплава, но мы не могли этого предвидеть. Магнезий, конечно, загорелся сразу. Вырвалась наружу вся мощь, впитанная неизвестными нам двигателями корабля от магнитного поля Земли. На наших глазах в огненном аду гибли тайны, которые могли бы подарить человечеству звезды. Ледоруб в моей руке раскалился, металлические пуговицы вплавились в тело. В радиусе мили от места взрыва сгорели все электрические приборы и рации. Если бы не наш трактор с паровым двигателем, мы не вернулись бы обратно на базу. Вот вам и вся история.

Макреди повернулся к тюку, лежащему на столе.

— Сейчас перед нами стоит проблема,— продолжал гигант.— Блэр хочет исследовать это существо. Разморозить и взять пробы тканей. Норрис считает это опасным. Доктор Коппер в основном согласен с Блэром. Конечно, Норрис физик, а не биолог. Но я считаю, что мы все обязаны выслушать его аргументы. Блэр дал описание микроорганизмов, которые, как установлено биологами, способны существовать даже в этой холодной и необитаемой стране. Норрис боится, что эти микроорганизмы окажутся губительными для человека и от них не будет никакой защиты. Блэр придерживается противоположной точки зрения.

Норрис взорвался:

— Плевать я хотел на химию и обмен веществ! Мертвая эта штука или живая — черт ее знает, но не нравится она мне. Блэр, да объясните же вы им всю чудовищность того, что вы предлагаете. Дайте им посмотреть на этот ужас и решить самим, хотят ли они разморозить его у себя в лагере. Разверните его, Блэр.

Блэр распутал веревки и резким движением сбросил брезент. Все застыли, как будто загипнотизированные лицом в глыбе льда. В черепе странной формы все еще торчал обломок ледоруба. Три безумных, наполненных ненавистью глаза горели живым огнем. Вместо волос голову обрамляли отвратительные извивающиеся голубые черви. Все отшатнулись от стола. Блэр взял ледоруб. Лед заскрипел, освобождая добычу, которую цепко держал 20 миллионов лет.

«Клак,— щелкнул счетчик космического излучения.— Клак, клак». Конант вздрогнул и выронил карандаш. Выругавшись, он полез за ним под стол. Щелчки счетчика мешали ему ровно писать. Щелчки и мерные капли с оттаивающего тела, прикрытого брезентом в углу. Конант вытянул из пачки сигарету. Зажигалка не сработала, и он сердито пошарил среди бумаг, ища спички. Спичек не было. Конант решил вытащить щипцами уголек из печки и прикурить от него. Ему не работалось. Все время отвлекало чувство любопытства и нервозности. Он взял со стола лампу и подошел к существу. Оно оттаивало уже 18 часов. Конант ткнул его щипцами с какой-то инстинктивной осторожностью. Тело уже не было твердым, как бронированная плита. Наоборот, оно приобрело упругость резины. Конант вдруг почувствовал желание вылить на него содержимое лампы и бросить горящую сигарету. Три красных пылающих глаза бездумно смотрели на него.

Смутно он понял, что смотрит в эти глаза уже очень долго и что они утратили свое бессмысленное выражение. Но почему-то это не казалось важным, так же как не казались важными медленные движения щупалец, растущих от основания слабо пульсирующей шеи. Конант вернулся к своему столу и сел, глядя на листки бумаги, покрытые вычислениями. Почему-то его больше не отвлекали ни щелканье счетчика, ни шипение угольков в печке. Не отвлек его внимания и скрип половиц за спиной.

Блэр мгновенно проснулся, когда над ним нависло лицо Конанта. Сначала оно показалось ему продолжением кошмарного сна, но Конант закричал: «Блэр, Блэр, вставай, ты, бревно проклятое!» Разбуженные соседи поднимались со своих коек. Конант выпрямился: «Вставайте, быстро! Твое проклятое животное сбежало».

— Что? Сбежало? Куда сбежало?

— Что за чертовщина? — спросил Барклай.

— Сбежала тварь проклятая. Я заснул минут двадцать назад, а когда проснулся, ее уже не было. Ну, доктор, что вы скажете теперь? Могут эти существа ожить или нет? Оно еще как ожило и смылось!

Коппер виновато посмотрел на него.

— Оно же неземное,— вздохнул он неожиданно.— Здесь, видимо, земные представления не годятся. Надо немедленно его найти!

Конант выругался.

— Чудо еще, что эта чертова скотина не сожрала меня спящего.

Бледные глаза Блэра наполнились ужасом:

— А что, если она действительно съе... гхм, надо немедленно начать поиски.

— Вот и начинай. Это ведь твой любимчик. С меня хватит — семь часов рядом просидел, пока счетчик щелкал, а вы все выводили рулады носами. Удивляюсь только, как я заснул. Пошли в штабную палатку, разбудим Гэрри.

Вдруг из коридора донесся дикий, совершенно необычный вопль. Все замерли на месте.

— Можно считать, нашли,— сказал Конант, сорвав со стены кольт и ледоруб.— Оно, видно, забрело в палатку к собакам.

Лай, отчаянный вой и шум схватки смешались вместе. Конант рванулся к двери. Остальные бросились за ним.

У поворота коридора Конант застыл.

— Великий боже! — только и выдохнул он.

Три выстрела раздались один за другим. Потом еще два. Револьвер упал на утоптанный снег. Массивное тело Конанта загораживало Барклаю обзор, но он понял, что Конант принял оборонительную позу с ледорубом в руках. Вой собак стих. В их урчании было что-то смертельно серьезное. Неожиданно Конант ступил в сторону, и Барклай замер на месте. Существо ринулось на Конанта. Человек отчаянно рубанул по извивающимся щупальцам. Красные глаза его противника горели неземной, незнакомой людям ненавистью. Барклай направил струю огнетушителя прямо в них, ослепляя чудовище ядовитой химической струей. Макреди, растолкав остальных, подбежал к ним ближе, держа в руках гигантскую горелку, которой обычно прогревали моторы самолета, и открыл клапан. Собаки отпрянули от почти трехметрового языка пламени.

— Быстро кабель сюда! Стукнем его током, если огонь не поможет! — кричал Макреди. Норрис и Вэн Волл уже тянули кабель.

Пасти собак, окруживших чудовище, были такими же красными, как и его глаза. Макреди продолжал держать горелку наготове. Барклай ткнул существо раздвоенным концом кабеля, наспех прикрепленного к длинной палке. Существо дернулось от удара тока. Вдруг огромный черный пес прыгнул на затравленного пришельца и начал рвать его клыками. Красные глаза на ужасном лице затуманились. Щупальца задрожали, и вся стая собак бросилась на них. Клыки продолжали рвать уже неподвижное тело.

Гэрри обвел взглядом переполненную комнату. Тридцать два человека да еще пятеро зашивают раны собакам. Весь персонал на месте.

— Итак,— начал Гэрри,— все вы знаете, что произошло. Блэр хочет исследовать останки существа, чтобы убедиться в том, что оно окончательно и бесповоротно мертво.

—Я не знаю даже, видели ли мы его настоящего.— Блэр посмотрел на прикрытый брезентом труп.— Может быть, оно имитировало образ создателей корабля, но мне кажется, что это не так. Судя по всему, оно родом с более жаркой планеты, чем Земля, и в своем истинном обличье нашей температуры не выдерживает. На Земле нет ни одной формы жизни, приспособленной к антарктической зиме, но лучший компромисс из всех — собака. Оно нашло собак и принялось за вожака — Чернака. Остальные собаки всполошились, порвали цепи и напали на существо прежде, чем оно успело закончить свое дело. То, что мы обнаружили, было частично Чернаком, а частично тем существом, которое мы нашли у корабля. Когда собаки напали на него, оно стало принимать обличье, самое, по его мнению, подходящее для боя, превращаться в какое-то чудовище своей планеты.

— Превращаться? — резко спросил Гэрри.— Как?

— Все живое состоит из протоплазмы и микроскопических ядер, которые ею управляют. Это существо всего лишь вариация природы: клетки из протоплазмы, управляемые ядрами. Вы, физики, можете сравнить клетку любого животного существа с атомом — основная масса атома состоит из орбит электронов, но сущность его определяется ядром.

То, с чем мы столкнулись, не выходит за пределы нашего понимания. Все это так же естественно, так же логично, как и любое другое проявление жизни, и повинуется обычным законам. Дело лишь в том, что в протоплазме встреченного нами существа ядра управляют клетками произвольно. Существо переварило Чернака и, переваривая, изучило все клетки его тканей, чтобы перестроить свои клетки по их образцу.

Блэр отдернул брезент, из-под которого показалась собачья нога.

— Вот. Это не собака. Имитация. Но со временем даже с микроскопом нельзя будет отличить перестроенную клетку от настоящей.

— А если бы у него хватило времени? — спросил Норрис.

— Тогда оно превратилось бы в собаку. А другие собаки приняли бы ее. И мы тоже. И не смогли бы ее отличить от других ни рентгеном, ни микроскопом, ни другими способами. Мы столкнулись с представителем в высшей степени разумной расы, познавшей тайны биологии и умеющей использовать их.

— Что же оно собиралось делать дальше? — спросил Барклай, глядя на тело под брезентом.

— Захватить наш мир, по всей вероятности,— ответил Блэр.

— Захватить мир? В одиночку? — выдохнул Конант.

— Нет,— мотнул головой Блэр.— Оно бы стало населением нашего мира.

— Как? Бесполовым размножением?

Блэр проглотил слюну.

— Гораздо проще. Оно весило 85 фунтов. Чернак весил около 90. Оно превратилось бы в Чернака и оставило бы 85 фунтов на Джека или, скажем, Чунука. Оно ведь способно воспроизвести все, что угодно, кем угодно стать. Попади оно в океан, то стало бы тюленем, а то и двумя тюленями. Эти два тюленя напали бы на касатку и стали бы либо касаткой, либо стадом тюленей. А может быть, оно превратилось бы в альбатроса и полетело бы в Южную Америку. Оно непобедимо. Нападет на него орел, оно превратится в орла. Или в орлицу. Чего доброго, совьет еще гнездо и будет нести яйца.

— Вы уверены, что это исчадие ада мертво? — тихо спросил доктор Коппер.

— Да, слава богу.

— Тогда нам остается только благодарить судьбу за то, что мы в Антарктике, где ему некого имитировать, кроме наших животных.

— И нас,— хихикнул Блэр.— Нас! Собаке не пройти 400 миль до побережья, ей не хватит еды. Пингвины так далеко не заходят. Мы единственные существа, способные достичь океана. И мы мыслим. Неужели вы не понимаете — оно вынуждено имитировать нас, чтобы добираться дальше нашим самолетом и стать хозяином Земли. Сначала оно само этого не поняло. Не успело. Ему пришлось торопиться. А теперь слушайте. Я — Пандора! Я открыл этот ящик, и моя единственная надежда на то, что ничего еще не успело выйти из него. Я это сделал, но я и исправил содеянное. Я уничтожил все магнето. Самолет не сможет теперь летать! — Блэр снова хихикнул и рухнул в истерике на пол.

— Черт бы побрал Макреди,— буркнул Норрис.

— Макреди? — удивленно переспросил Гэрри.

— У него была теория относительно кошмаров, когда мы нашли эту тварь.

— То есть?

— Он тогда еще предполагал, что существо вовсе не умерло, что у него просто во много раз замедлился темп жизни, что такая форма существования позволяла ему осознавать течение времени, заметить наше появление. А мне тогда еще снилось, что оно способно имитировать другие формы жизни.

— Так оно и есть,— сказал Коппер.

— Мне еще кое-что снилось. Например, снилось, что оно умеет читать мысли.

Макреди мрачно кивнул.

— Мы знаем, что Конант — это Конант, потому что он не только выглядит как Конант, но и говорит как Конант, ведет себя как Конант. Но чтобы имитировать мысли и поведение, нужен действительно сверхчеловеческий мозг.

Конант, одиноко стоявший в другом конце комнаты, оглядел их неверящим взглядом. Лицо его побелело.

— Да заткнитесь вы, пророки Иеремии! — Голос его дрожал.— Что я вам? Образчик, который вы под микроскопом исследуете? Червячок, о котором в его присутствии можно разговаривать в третьем лице?

Макреди встретил его взгляд.

— Конант, если тебе так тяжко нас слушать, отойди подальше, пожалуйста. У тебя перед нами преимущество: ты один знаешь ответ. Вот что я тебе скажу: теперь из всех здесь присутствующих тебя и боятся больше всего, и уважают больше всего.

— Черт побери, видел бы ты сейчас свои глаза,— выдохнул Конант.— Да не смотри ты на меня так! Что ты намерен делать?

— Что вы можете предложить, доктор Коппер? — спокойным голосом спросил Гэрри.— Ситуация складывается невыносимая.

— Да? — резко выкрикнул Конант.— Вы посмотрите только на эту толпу. Прямо как стая собак там, в коридоре. Бенинг, ты кончишь хвататься за ледоруб?

От неожиданности механик уронил топор, но тут же поднял его, обводя комнату взглядом своих карих глаз. Коппер присел на лежанку Блэра.

— Как уже говорил Блэр, микроскоп не поможет. Прошло слишком много времени. Но пробы сыворотки будут решающими.

— Пробы сыворотки? А точнее? — спросил Гэрри.

— Если взять кролика и вводить ему регулярно человеческую кровь, которая для него яд, то кролик станет иммунным к человеку. Если потом взять немного его крови, влить в чистую сыворотку и добавить туда человеческой крови, то начнется реакция. Вполне достаточное доказательство, чтобы убедиться, кто человек, а кто нет.

— А где мы вам достанем кролика, док? — спросил Норрис.— Ближе, чем в Австралии, их нет, а ехать туда нам некогда.

— Я знаю, что в Антарктике кролики не водятся,— согласился доктор.— Но для проб любое животное сойдет. Собака, например. Только времени это займет больше — несколько дней. И потребуется кровь двух людей.

— Моя подойдет? — спросил Гэрри.

— Вот нас и двое,— ответил доктор Коппер.— Я немедленно приступлю к работе.

— А с Конантом как же, пока суд да дело? — спросил повар Киннер.— Я скорее выйду за дверь и потопаю прямиком к морю Росса, чем буду ему готовить.

— Он, может быть, человек...— начал Коппер.

— Может быть! — взорвался Конант.— Может быть, будь ты проклят! Да кто же я, по-твоему, черт тебя подери?

— Монстр,— отрезал доктор Коппер.— Заткнись и слушай.

Кровь отхлынула от лица Конанта, и он тяжело сел, слушая свой приговор.

— Пока мы точно не выясним, что к чему, а ты знаешь, что у нас есть серьезные основания сомневаться, с нашей стороны было бы вполне разумным посадить тебя под замок. Если ты не человек, то ты гораздо опаснее несчастного свихнувшегося Блэра, его я наверняка запру. Потому что следующей стадией его помешательства будет желание убить тебя, всех собак и всех нас. Он проснется убежденным в том, что мы все — монстры, и ничто в мире его не переубедит. Было бы более милосердным дать ему умереть, но мы не имеем на это права. Мы его изолируем, а ты останешься в своей лаборатории. Я думаю, что ты и сам решил бы так же. А сейчас я пойду взгляну на собак.

Конант горько покачал головой.

— Я человек. Сделай свою проверку побыстрее. Ну и глаза у тебя. Жаль, что ты не видишь сейчас своих глаз.

— Если,— сказал Гэрри задумчиво,— они способны произвольно перестраивать протоплазму, почему бы им просто не превратиться в птиц и не улететь? Они ведь могут получить информацию о птицах, даже никогда не видав их. Или имитировать птиц своей родной планеты.

Коппер отрицательно мотнул головой и помог Кларку освободить собаку.

— Человек веками изучал птицу, пытаясь построить аппарат, способный летать, подобно ей. Но ничего пока не вышло. В конце концов пришлось ведь махнуть на все рукой и использовать принципиально новые способы. Что же касается их планеты, то атмосфера там могла быть сильно разреженной и непригодной к полетам птиц.

Вошел Барклай.

— Все в порядке, док. Теперь из лаборатории Конанта не выйдешь без помощи извне. А куда мы поместим Блэра?

Коппер посмотрел на Гэрри.

— Биологической лаборатории у нас нет. Не знаю даже, куда поместить его.

— Как насчет восточного сектора?— спросил Гэрри. Восточным сектором называлась хижина, расположенная от основного лагеря примерно в минутах сорока ходьбы.— И за Блэром нужен уход?

— Нет, скорее уход нужен за нами,— мрачно ответил Коппер.— Отнесите в хижину печь, пару мешков угля, еду и инструменты. Надо бы протопить как следует, там с осени никто не жил.

Барклай собрал свои инструменты и посмотрел на Гэрри.

— Судя по тому, как Блэр бормочет сейчас, у него это песня на всю ночь. И нам она вряд ли придется по душе.

— Что он говорит? — спросил Коппер.

Барклай кивнул головой.

— Я не особенно прислушивался. Послушайте сами, если вам охота. Но похоже, что этого идиота посетили те же видения, что и Макреди, плюс еще кое-что. Он ведь спал с тварью рядом, когда мы везли ее в льдине на базу. Ему снилось, что она жива. Ему много чего снилось. И, черт бы его побрал, он уже тогда знал, что это не сон. По крайней мере, имел все основания знать. Он знал, что наша находка обладает телепатическими способностями, что эти способности и начали пробуждаться, что проклятая тварь не только могла читать чужие мысли, но и проецировать свои. Он же не сны видел, он телепатически воспринимал мысли пришельца, так же как мы сейчас слушаем его бормотание сквозь сон. Вот почему он так много о нем знал. А вы и я, видимо, оказались менее восприимчивыми, если вы, конечно, верите в телепатию.

Блэр беспокойно заерзал на кушетке. Барклай, Макреди, Коппер и Бенинг расплывались перед его взором.

— Не приходите сюда, я сам буду себе готовить,— выпалил он.— Может, Киннер и человек, но я не верю. Я буду есть только консервы.

— Хорошо, Блэр, мы принесем консервы,— пообещал Барклай.— Уголь у тебя здесь есть, огонь в печке мы развели. Я только...— Барклай шагнул вперед.

Блэр вжался в угол.

— Убирайся! Не подходи, ты, тварь! — Визжа от страха, маленький биолог впился ногтями в стенку.— Не подходи ко мне, я не дамся, не...

Барклай сделал шаг назад.

— Оставь его, Бар,— сказал доктор Коппер.— Ему будет легче, если он останется один. Но дверь придется усилить и закрыть снаружи.

Они вышли из комнаты и принялись за работу. В Антарктике замков не было — в них раньше не испытывали нужды. По обеим сторонам дверной рамы восточной хижины ввернули прочные болты и накрепко натянули между ними кабель из толстой проволоки. Барклай прорезал в двери окошко, чтобы в комнату можно было передавать еду. Открыть окошко изнутри Блэр не мог. За дверью слышалась возня. Барклай открыл окошко и посмотрел. Блэр забаррикадировал дверь своим топчаном. Войти в комнату без его позволения было невозможно.

Конант наблюдал за опытом пристальней всех. Маленькая пробирка, наполовину наполненная жидкостью соломенного цвета. Одна-две-три-четыре-пять капель чистого раствора, изготовленного доктором Коппером из крови, взятой у Конанта. Доктор осторожно встряхнул пробирку и поставил ее в кювету с чистой теплой водой. Щелкнул термостат.

В пробирке начали отчетливо выделяться белые пятнышки осадка.

— Боже мой! — Конант рухнул на лежанку, обливаясь слезами.— Боже мой! Шесть дней! Шесть дней я там просидел и все думал, что же будет, если этот чертов тест наврет...

— Этот тест не врет,— сказал доктор Коппер.— Реакция правильная.

— С ним все в порядке? — выдохнул Норрис.

— Он человек,— уверенно сказал доктор,— а та тварь мертва.

В штабной палатке началось ликование. Все смеялись, шутили. Конанта хлопали по плечам и разговаривали с ним неестественно громкими голосами с подчеркнуто дружелюбными интонациями. Кто-то крикнул, что надо пойти к Блэру, сказать, успокоить, он, может быть, придет тогда в себя. Человек десять одновременно побежали за лыжами. Доктор Коппер все еще возился у штатива с пробирками, нервно пробуя различные растворы. Люди, собравшиеся идти в восточную хижину к Блэру, уже пристегивали лыжи. На псарне дружно залаяли собаки — атмосфера общего радостного возбуждения передалась и им.

Макреди первым заметил, что доктор Коппер все еще возится с пробирками и что лицо его стало совсем белым — белее сыворотки, на которую он смотрел. Из-под прикрытых век Коппера текли слезы. Сердце Макреди стиснул холод. Коппер поднял голову.

— Гэрри,— хрипло выговорил он.— Гэрри, бога ради, подойдите ко мне.

Гэрри шагнул к доктору. В комнате стало совсем тихо. Конант поднялся и замер.

— Гэрри, я взял пробу ткани монстра. Она тоже выпадает в осадок. Тест ничего не доказывает. Ничего, кроме того, что собака иммунна не только к человеку, но и к найденному нами существу. И что один из доноров — то есть вы или я — один из нас монстр!

— Бар, позови всех обратно и скажи, чтобы к Блэру никто не ходил,— сказал Макреди. Барклай подошел к двери. Люди в комнате, напряженно наблюдающие друг за другом, слышали, как он кричал. Потом Барклай вернулся к ним обратно.

— Они возвращаются. Я не объяснил почему. Сказал просто, что доктор Коппер велел к нему не ходить.

— Макреди,— вздохнул Гэрри,— теперь начальник ты. Пусть бог тебе поможет, а я уже ничем помочь не смогу.

Гигант-метеоролог молча кивнул, не сводя глаз с Гэрри.

— Может быть, монстр я,— продолжал Гэрри.— Я-то знаю, что не я, но доказать это вам ничем не могу. Тест доктора Коппера оказался безрезультатным. То, что доктор доказал его безрезультатность, говорит в его пользу: монстру было бы выгоднее это скрыть. Так что, видимо, он человек.

Коппер раскачивался вперед и назад на лежанке.

— Я знаю, что я человек, но доказательств у меня тоже нет. Один из нас двоих лжет, потому что тест лгать не может. Я доказал безрезультатность теста, что вроде бы свидетельствует

в мою пользу, что я человек. Но если Гэрри монстр, то он не стал бы говорить об этом, ведь он тогда действовал бы против себя. Голова кругом идет!

Макреди посмотрел на оставшуюся сыворотку.

— По крайней мере, эта штука хоть для одного сгодится. Кларк и Вэн, помогите мне. Остальные оставайтесь здесь и следите друг за другом.

Макреди, Кларк и Вэн Волл шли туннелем к псарне.

— Тебе нужна еще сыворотка? — спросил Кларк.

Макреди покачал головой: думал о тестах. «Мы здесь держим четырех коров, быка и почти семьдесят собак. А эта штука реагирует только с человеческой кровью и кровью монстров».

Макреди вернулся в штабную палатку и подошел к штативу с пробирками. Минуту спустя к нему присоединились Кларк и Вэн Волл. Губы Кларка дергались в нервном тике.

— Чем вы там занимались? — неожиданно спросил Конант.

— Этот монстр,— ровным голосом ответил Вэн Волл,— мыслит логично. Он очень логичен. Наша иммунная собака была в полном порядке, и мы взяли еще немного сыворотки для тестов. Но тесты мы делать больше не будем.

— А нельзя попробовать человеческую кровь на другой собаке? — начал Норрис.

— Собак больше нет,— ответил Макреди,— и скота больше нет.

— Нет? — У Бенинга подкосились ноги, и он сел.

— Они очень противные, когда начинают меняться,— сказал Вэн Волл.— Противные, но медлительные. Эта штука с кабелем, которую ты придумал, Барклай, действует очень быстро. Осталась только одна собака, которой мы привили иммунитет. Монстр оставил ее нам, чтобы мы могли позабавиться тестами. Остальные...— он пожал плечами.

— А скот? — спросил Киннер.

— То же самое. Коровы очень странно выглядели, когда начали менять свой облик. Твари никуда не деться, если она на цепи или привязана в стойле.

— Так, с ходу,— сказал Макреди,— я могу придумать только один достаточно достоверный тест. Если человеку выстрелить в сердце и он не умрет, значит, он монстр.

— Ни собак, ни коров не осталось,— сказал Гэрри.— Остались только мы, люди. А изолировать всех бессмысленно. Пожалуй, твой способ кажется разумным, Мак, но применить его на деле будет нелегко.

Кларк оторвал взгляд от печки, когда вошли Вэн Волл, Барклай, Макреди и Бенинг, отряхивая снег с одежды. Люди набивались в штабную палатку и старались вести себя как обычно: играли в шахматы, в покер, разговаривали. Ральсен чинил стол, Вэн и Норрис занялись обработкой данных по магнитному полю.

Доктор Коппер мягко посапывал на лежанке. Гэрри и Даттон просматривали пачку радиограмм. Конант занял почти весь письменный стол своими таблицами. Несмотря на две закрытые

двери, из кухни через коридор доносились вопли Киннера. Кларк молча подозвал Макреди жестом руки. Метеоролог подошел к нему.

— Я не против готовить вместо него,— сказал Кларк нервно,— но нельзя ли заставить его замолчать? Мы подумали и решили, что лучше бы запереть его в физическую лабораторию.

— Киннера? — Макреди посмотрел на дверь.— Боюсь, что нельзя. Я мог бы, конечно, его усыпить, но у нас довольно ограниченный запас морфия. Да и вообще у него просто истерика. Он не свихнулся.

— Зато мы скоро свихнемся. Ты уходил на полтора часа, а он все это время орал. И до этого еще два часа. Всему, знаешь ли, есть предел.

Медленно и робко к ним подошел Гэрри. На какое-то мгновение Макреди уловил страх в глазах Кларка и понял, что Кларк прочел то же самое на его лице. Гэрри или Коппер — наверняка один из них был монстром.

— Бога ради,— сказал Гэрри,— найди ты какой-нибудь тест. Все друг за другом следят.

— Ладно, готовь еду. А я постараюсь что-нибудь придумать.

Макреди незаметно подошел к Вэн Воллу.

— Ты знаешь, Вэн,— сказал он,— мне кое-что пришло на ум. Я сначала не хотел говорить, но потом вспомнил, что эта тварь умеет читать мысли. Слушай, ты займись пока кино, а я постараюсь представить себе его логику. Я займу эту лежанку, отсюда хорошо видно всю комнату.

Вэн Волл кивнул.

— Может быть, тебе стоило бы поделиться с нами. Пока что только монстры знают, что у тебя на уме. Ты и сам можешь превратиться в монстра прежде, чем начнешь осуществлять свой план.

— Если я прав, то на его осуществление много времени не потребуется.

Макреди откинулся на лежанке и глубоко задумался. Все расселись по своим местам. Зажглось изображение на экране. Лампы погасли, но экран достаточно хорошо освещал комнату. Молитвы Киннера были еще слышны, и Даттон усилил звук. Голос повара был слышен так долго, что Макреди без него чего-то недоставало. Вдруг он понял, что Киннер замолчал.

— Даттон, выключи звук,— Макреди вскочил. Наступила тишина.— Киннер перестал молиться,— сказал Макреди.

— Да включите вы звук, бога ради, он, может, и замолчал, чтобы послушать! — крикнул Норрис.

Макреди вышел в коридор. Барклай и Вэн Волл последовали за ним. Даттон выключил проектор, и изображение исчезло с экрана. Норрис стоял у двери. Гэрри присел на лежанку, потеснив Кларка. Остальные оставались на своих местах. Только Конант ходил по комнате из угла в угол.

— Если ты не перестанешь ходить, Конант, мы без тебя обойдемся, будь ты хоть человек, хоть кто угодно,— выплюнул Кларк.— Сядешь ты или нет, черт бы тебя побрал?

— Извини.

Физик сел и задумчиво уставился на носки своих ботинок. Прошло еще минут пять, прежде чем Макреди появился на пороге.

— Мало у нас до сих пор было неприятностей,— сказал он,— так кто-то решил нам еще помочь. У Киннера нож торчал из глотки, поэтому, наверное, он и прекратил молиться. Итак, у нас теперь есть монстры, сумасшедшие и убийцы.

— Блэр вырвался на свободу? — спросил кто-то.

— Нет. Сомнения насчет того, откуда взялся наш доброхот, разрешить нетрудно.— Вэн Волл держал в руках завернутый в тряпку длинный тонкий нож. Его деревянная ручка наполовину обгорела. Кларк посмотрел на нее: «Это же я ее утром спалил. Забыл чертову штуку на печке, когда готовил».

— Интересно,— сказал Бенинг, оглядывая всех присутствующих,— сколько еще среди нас монстров? Если кто-то смог отсюда выскользнуть, пойти незамеченным на кухню и незамеченным вернуться обратно... Он ведь вернулся, да? Конечно, все же на месте. Ну если это сделал один из нас...

— Может быть, его убил монстр,— тихо сказал Гэрри.— Вполне может быть, что монстр.

— Как вы сами сегодня отметили, монстру теперь, кроме людей, имитировать некого. И ему нет смысла сокращать свои, так сказать, резервы,— ответил Вэн Волл.— Нет, это не монстр. Это самый обыкновенный грязный убийца. В обычных условиях мы бы даже сказали «бесчеловечный убийца», но теперь следует быть точным в определениях. Теперь среди нас есть и бесчеловечные убийцы, и убийцы-люди. Или один такой по меньшей мере.

— Итак, одним человеком стало меньше,— тихо сказал Норрис.— Как знать, может быть, теперь монстров больше, чем людей, и перевес на их стороне?

— Это пусть тебя не тревожит,— сказал Макреди и повернулся к Барклаю.— Бар, принеси свою палку с кабелем. Хочу кое-что проверить...

Макреди и Вэн Волл вышли в коридор. Секунд через тридцать за ними последовал Барклай со своим электрическим оружием. Норрис продолжал стоять у двери. Вдруг раздался крик. Это кричал Макреди: «Бар, Бар, скорее!»

Норрис, а за ним и остальные ринулись вперед. Киннер — или то, что было Киннером,— лежал на полу, разрубленный надвое гигантским тесаком Макреди. Вэн Волл корчился от боли на полу, потирая челюсть. Барклай, сверкая глазами, продолжал водить кабелем по останкам Киннера. На руках «трупа» появился странный чешуйчатый мех. Пальцы стали короче, ногти превратились в трехдюймовые, острые, как бритвы, клыки. Макреди сделал шаг вперед, посмотрел на свой тесак и швырнул его на пол.

— Так вот, тот, кто пырнул ножом Киннера, может смело сознаваться. Он был бесчеловечным убийцей на самом деле, потому что убил нечеловека. Клянусь всеми святыми, что, когда мы пришли сюда, Киннер был безжизненным трупом. Но когда

«труп» понял,что мы хотим ударить его током, он сразу ожил и начал менять свое обличие на наших глазах.

Норрис озирался по сторонам.

— Бог ты мой, ну и умеют же они притворяться! Надо же, сколько времени молиться Христу, о котором и понятия никогда не имел! С ума нас чуть не свел своими завываниями. Ну признайтесь, кто его зарезал? Сам того не зная, сделавший это оказал нам всем большую услугу. И хотелось бы мне знать, черт побери, как ему удалось выскользнуть из комнаты незамеченным. Это помогло бы нам быть более бдительными в будущем.

Кларк вздрогнул:

— Он так вопил, что перекрывал даже звук кинопроектора. Кто еще, кроме монстра, мог так орать?

— Вот оно что,— сказал Вэн Волл, осененный внезапной догадкой.— Ты ведь сидел у самой двери и почти за экраном.

Кларк кивнул.

— Теперь он затих. Он... Оно мертво. Мак, твой тест ни к черту не годится. Монстр это был или человек — Киннер ведь был мертв.

Макреди хмыкнул:

— Ребята, позвольте представить вам Кларка, единственного из присутствующих, про которого с уверенностью можно сказать, что он человек. Позвольте вам представить Кларка, который доказал свою человеческую сущность, пытаясь совершить убийство, из которого ничего не вышло. Но прошу вас всех воздержаться от подобных попыток доказательства своего «я» хотя бы на некоторое время. Я, кажется, придумал более подходящий тест.

— Тест,— радостно воскликнул Конант, но лицо его тут же омрачилось.— Опять, наверное, ничего не выйдет.

— На этот раз выйдет,— ответил Макреди.— Все смотрите в оба и слушайте. Пошли обратно в штабную палатку. Барклай, не выпускай свое электрическое оружие из рук. А ты, Даттон, следи за Барклаем. Клянусь адом, откуда выползли эти твари, я кое-что придумал, и они это знают. Они могут сейчас разбушеваться.

Все сразу напряглись, каждый почувствовал угрозу. Они настороженно и внимательно оглядывали друг друга, настороженно и внимательно, как никогда. Кто стоит рядом? Человек или монстр?

— Что ты придумал? — спросил Гэрри, когда они вернулись в комнату.— И сколько времени тебе на это понадобится?

— Я и сам не знаю наверняка,— ответил Макреди хриплым от решимости голосом.— Но я знаю наверняка, что нашел безотказный способ. Он основывается на природе этих монстров, а не на привычных для нас понятиях. «Киннер» меня в этом убедил окончательно.— Макреди стоял, как застывшее бронзовое изваяние. Он наконец обрел уверенность.

— Похоже,— сказал Барклай,— что без этой штуки нам не обойтись,— и он поднял вверх палку с прикрепленным к ней раздвоенным кабелем.— Как у нас с электричеством?

Даттон ответил:

— Динамо в порядке и дизель наготове. Тот, кто прикоснется к этим проводам, умрет.

Заворочавшись во сне, доктор Коппер приподнялся и протер рукой глаза.

— Гэрри,— пробормотал он,— слушайте, Гэрри. Они, эти исчадья ада, эгоистичны до мозга костей. Чертовски эгоистичны. А, о чем это я? — Он рухнул обратно на лежанку и захрапел.

Макреди задумчиво посмотрел на него:

— Скоро мы все выясним. Но относительно эгоизма доктор абсолютно прав. Он, наверное, все время думает об этом во сне. Именно в нем и дело, в эгоизме. Они не могут иначе, понимаете,— повернулся он к людям, замершим в напряжении, пожирающим друг друга волчьими глазами.— Вы помните, что сказал доктор Коппер раньше? «Каждая часть этой твари сама по себе. Каждая часть — это целый самостоятельный организм». Так вот, здесь и зарыта собака. Что такое кровь? В крови нет ничего таинственного. Кровь такая же ткань тела, как мышца или печень. Разве что жидкая.

Бронзовая борода Макреди раздвинулась в мрачной усмешке.

— Ситуация складывается благоприятная. Я уверен, что нас, людей, все же еще больше, чем вас, монстров. И у нас, у земляи, есть свойство, которого явно лишены вы. Его не подделаешь, с ним нужно родиться, нужно быть человеком до мозга костей, чтобы тебя все жег этот неугасимый огонь, всегда толкал вперед. Мы будем драться, драться с яростью, которую вы попытаетесь подделать, но подделка эта будет не чета нашей ярости, а настоящая вам не по зубам. Ну что ж. Мы вступаем в открытую схватку. Вы знаете это. Вы давно знаете. Вы же умеете читать мысли. Вы же без своей телепатии шагу не ступите. Но сделать вам уже ничего не удастся. Слушайте все! У них должна идти кровь — если при порезе у них кровь не пойдет — значит, они не люди. Подделки чертовы! А если кровь пойдет, то, как только она отделится от тела, она осознает себя отдельной особью, такой же, как и все другие, они ведь тоже каждый по очереди отделились друг от друга. Ты понял, Вэн? Ты понял, Бар?

Вэн Волл рассмеялся:

— Кровь! Кровь откажется им повиноваться. Каждая капля крови будет новой, самостоятельной тварью, с тем же инстинктом самосохранения, которым наделен ее источник. Кровь захочет жить и постарается увернуться от горячей плиты, к примеру сказать!

Макреди взял со стола скальпель. Из шкафчика он вынул штатив с пробирками, маленькую спиртовку и длинную платиновую проволоку, вделанную в стеклянную ручку. На его губах застыла хмурая улыбка.

— Даттон,— сказал Макреди.— Следи-ка, чтобы никто не выдернул провод.

Даттон шагнул в сторону.

— Ну что, Вэн, начнем с тебя?

Побледнев, Вэн Волл подошел к нему. Аккуратно Макреди

надрезал ему вену у основания большого пальца. Вэн Волл моргнул и застыл неподвижно, наблюдая за тем, как Макреди берет его кровь в пробирку. Потом Макреди нагрел платиновую проволочку на спиртовке и ввел ее в пробирку. Раздалось шипение. Макреди повторил тест еще пять раз.

— Как будто человек,— сказал он и выпрямился.— Пока что моя теория еще не доказана, но есть надежда, есть надежда. Однако не очень-то увлекайтесь этим зрелищем. Среди нас есть ведь некоторые, которым оно не по вкусу. Вэн, смени-ка Барклая у рубильника. Спасибо. Иди сюда, Барклай. От души надеюсь, что ты останешься с нами, больно уж ты хороший парень.

Барклай неуверенно усмехнулся и поморщился, когда скальпель врезался ему в ладонь. Через несколько минут, улыбаясь уже от души, он снова взял в руки свое оружие.

— А теперь прошу мистера Самюэля Дат... Бар!

Все смешалось в одну секунду. Какие бы дьявольские силы ни были в этих чудовищах, люди оказались им вполне под стать. Барклай не успел даже поднять кабель, как десяток людей вцепились в то, что минутой назад казалось им Даттоном. Оно плевалось, кусалось, пыталось вырастить клыки, но было разорвано на части и растоптано. Барклай методично выжигал останки монстра электричеством. Каждую каплю крови Вэн Волл быстро залил каустической кислотой.

Макреди усмехнулся:

— Я, должно быть, недооценил людей, когда сказал, что ничто человеческое не сравнится с дьявольским огнем в глазах найденной нами твари. Жаль, что мы не можем приветить ее чем-нибудь более подобающим — кипящим маслом или расплавленным свинцом, например. Как подумаешь, каким отличным парнем был наш Даттон... Ну ладно. Моя теория подтвердилась. Пожалуй, пора мне доказать вам кое-что еще, в чем я сам все время был уверен. Что я — человек.

Макреди окунул скальпель в спирт, прокалил его на огне спиртовки и полоснул себя по вене. Двадцать секунд спустя он перевел взгляд на людей, наблюдавших за ним. Улыбающихся лиц стало больше, и улыбки были добрыми. Но что-то все-таки сверкало в глазах улыбающихся людей.

Макреди расхохотался:

— Прав был Конант. Прав. Те собаки тогда, в коридоре, и в подметки вам не годятся. И почему это мы думаем, что злоба свойственна только волкам? Может быть, в некоторых случаях волки и дадут сто очков вперед, но после этой недели — оставь надежду всяк волк, сюда входящий! Ну не будем терять времени. Конант, иди сюда.

И опять Барклай замешкался. Когда наконец он и Вэн Волл кончили свою работу, улыбки у всех стали шире и не такими напряженными, как раньше.

Гэрри говорил, стиснув голову руками: «Конант был одним из лучших наших парней — и пять минут назад я готов был поклясться, что он человек. Эти чертовы твари нечто большее, чем просто имитация».

А еще тридцать секунд спустя кровь, взятая у Гэрри, сжималась в пробирке, пытаясь увернуться от раскаленной платиновой проволочки, вырваться наружу, в то время как красноглазое чудовище, сбросившее облик Гэрри, пыталось увернуться от кабеля Барклая. Существо в пробирке выло страшным голосом, когда Макреди швырнул пробирку в печь.

— Это последний? — доктор Коппер смотрел на Макреди печальными, налитыми глазами.— Сколько их всего было? Четырнадцать?

Макреди утвердительно кивнул.

— Знаете, если бы можно было предотвратить их распространение, я бы не отказался даже от этих имитаций. Подумать только, Гэрри, Конант, Даттон, Кларк.

— Куда это они? — спросил Коппер, провожая взглядом носилки, которые вытаскивали за порог Барклай и Норрис.

— Свалим на лед вместе с обломками ящиков, подбавим с полтонны угля, выльем галлонов десять керосина и подожжем. А здесь, в комнате, весь пол облили кислотой на всякий случай.

— Правильно сделали,— сказал Коппер.— А кстати, что с Блэром?

Макреди вскочил:

— Черт возьми, я совсем забыл о нем. Еще бы, такие события... Как вы думаете, сможем мы его теперь вылечить?

— Если только...— начал доктор Коппер и вдруг оборвал фразу на полуслове. Макреди сорвался с места:

— Даже безумец... Это существо имитировало даже Киннера с его религиозной истерикой... Вэн, живо пошли в хижину Блэра!

— Давай возьмем с собой Барклая,— сказал на ходу Вэн.— Он пристраивал запоры на двери и сумеет быстро их снять, не напугав Блэра.

— Блэр! — кричал Барклай.— Блэр!

Ответа не было.

— Можешь не кричать,— сказал Макреди,— надо спешить. Если он сбежал, дело плохо — у нас теперь ни самолета, ни тракторов.

— Хватит ли у монстра сил уйти далеко? — спросил Барклай.

— Даже сломанная нога не задержит его и на полминуты,— ответил Макреди.

Неожиданно Барклай дернул Вэна за рукав и показал на небо. В сумеречных облаках над их головами с неповторимой грацией и легкостью описывала круги гигантская белокрылая птица.

— Альбатрос,— сказал Барклай,— первый за все время. Если монстр вырвался на свободу...

Норрис выхватил из кармана револьвер. Белую тишину льдов взорвали выстрелы. Птица вскрикнула в воздухе и забила крыльями. Норрис выстрелил еще раз. Альбатрос исчез за ледовым гребнем.

— Больше не прилетит,— сказал Норрис.

Странный ярко-голубой луч бил из щелей двери хижины Блэра. Изнутри доносился ровный низкий гул.

Макреди побледнел.

— Боже, спаси нас, если это...— Он бросился вперед, рывками расплетая кабель на двери. Барклай с кусачками в руках последовал за ним. Щелканье кусачек тонуло в усиливающемся гуле, доносящемся из-за двери. Макреди приник к щели.

— Это не Блэр! Это он, монстр! Он склонился над чем-то! Он поднимается вверх! Поднимается!

— Все вместе разом взяли! — сказал Барклай.— Норрис, достань свою пушку. Наш приятель, кажется, вооружен.

Под ударом мощных тел дверь соскочила с шарниров, придерживающая ее изнутри лежанка отлетела в угол. Монстр прыгнул им навстречу. Одно из его четырех щупалец извивалось, как готовая к броску змея. В другом блестел длинный кусок металла, похожий на карандаш, нацеленный прямо в лицо Макреди. Норрис выстрелил. Раздробленное щупальце дернулось назад, выронив металлический карандаш. Раздались еще три выстрела. На месте трех горящих глаз появились пустые дыры, и Норрис швырнул разряженный револьвер прямо в них. Чудовище взвыло. Барклай ринулся вперед с ледорубом в руках. Но щупальца монстра обвили его ноги прочными живыми веревками. Барклай отчаянно срывал их с себя рукавицами. Ослепленное чудовище на ощупь пыталось пробраться сквозь меховую одежду к телу — к телу, которое оно могло бы поглотить. Заревела горелка, которую притащил с собой Макреди. Монстр забился в трехметровом языке пламени, испуская дикие вопли, а Макреди жег его со всех сторон, выгоняя на лед...

Макреди молча шел обратно к хижине. Барклай встретил его в дверях.

— Все? — спросил метеоролог.

Барклай ответил:

— Здесь больше ничего не нашли. А оно не раздвоилось?

— Не успело,— ответил Макреди.— От него одни головешки остались. А чем оно тут занималось?

Норрис усмехнулся:

— Ну и умники же мы все. Разбили магнето, чтобы самолет не летал, вывели из строя тракторы. И оставили эту тварь без присмотра на целую неделю — ни разу даже не пришли проведать.

Макреди вошел в хижину и огляделся. Несмотря на выбитую дверь, в ней было жарко. На столе в дальнем углу комнаты стояло что-то, сделанное из проволочных катушек, маленьких магнитов, стеклянных трубок и радиоламп. А рядом, на большом плоском камне, был собран еще один прибор, испускающий пронзительно яркий луч голубого света.

— Что это? — спросил Макреди.

— Надо, конечно, тщательно все изучить,— ответил Норрис,— но, по-моему, это источник ядерной энергии. Прибор слева, кажется, позволяет добиться результатов, ради которых мы, люди,

строим стотонные циклотроны. Он выделяет нейтроны из тяжелой воды, которую наш дружок получил изо льда.

— Где же он взял... Ну да, конечно, его же не запрешь. Он, значит, совершал экспедиции в аппаратную. Ну и мозги же у них были! Да это не что иное, как атомный генератор.

Норрис кивнул:

— Весь мир был бы его. Ты обратил внимание на цвет луча?

— Да,— сказал Макреди.— И на жару в хижине тоже. Их планета, видимо, вращалась вокруг голубого солнца и на ней было очень жарко. Думаю, что их посадка здесь была простой случайностью. Поскольку они сюда прилетели двадцать миллионов лет назад, вряд ли можно ожидать повторного визита. Интересно, зачем ему все это понадобилось? — Он показал на генератор.

— А ты заметил, чем он был занят, когда мы ворвались? — спросил Барклай.— Посмотри-ка под потолок.

Прямо под потолком висел предмет, похожий на рюкзак, сделанный из расплющенных кофейных банок.

Барклай потянул его вниз за свисающие лямки и надел на плечи. Слабый толчок — и он полетел вдоль комнаты.

— Антигравитация,— сказал Макреди.

— Совершенно верно,— ответил Норрис.— А мы-то думали их остановить. Самолет привели в негодность, по птицам стреляли. А им всего-навсего нужны были консервные банки и радиодетали. Да еще оставили эту тварь в покое на целую неделю. Она бы одним прыжком махнула отсюда в Америку. С атомным генератором в руках. И все-таки мы их остановили. А ведь еще полчаса — и мы так и остались бы в Антарктике, стреляя всех птиц.

— Тот альбатрос,— сказал Макреди.— Ты не думаешь...

— С этим-то аппаратом? Нет. Мы спасли наш мир, хотя и оставалось нам всего полчаса.

Дж. Вильямс

ХИЩНИК

Существует два типа неизвестных опасностей: неизвестная опасность, заключенная в известном явлении, и известная опасность, источник которой неизвестен. Последняя, несомненно, во много раз страшнее...

Небольшая группа людей прошла через тамбур, неся на импровизированных носилках неподвижное тело.

—Кто на этот раз? — спросил Феннер.

Горслайн сбросил прозрачный капюшон, закрывавший лицо и голову, расстегнул молнию комбинезона и устало потер глаза.

— Бодкин. Все то же самое.

Обернувшись к товарищам, он велел:

— Несите прямо в госпиталь. Впрочем, все равно без толку,— вполголоса сказал он Феннеру.

Феннер взглянул на Бодкина и тяжело вздохнул. Сквозь щиток было видно, что лицо человека, лежавшего на носилках, побагровело, грудь судорожно вздымалась, на губах выступила пена.

Горслайн снял комбинезон, перебросил его через руку и вслед за Феннером направился в «профессорскую».

— Я бы чего-нибудь выпил и закурил,— сказал он.— Паршиво, что там нельзя курить.

— Вам надо стремиться к аристотелевой умеренности,— сказал Феннер с усмешкой.— На станции биологической разведки она весьма уместна.

— Бедняге Бодкину умеренность не принесла пользы.

Горслайн бросил комбинезон в угол, нажал рычажок автомата, и на лоток выпала зажженная сигарета.

— Налейте мне, а, Люк? — сказал он, откидываясь в качалке.

Начальник станции Хейген вошел в комнату, подпрыгивая, как обычно,— казалось, что пятки у него на пружинах. Это был маленький пухлый человечек с козлиной бородкой, которую он постоянно пощипывал, как будто злясь или досадуя на кого-то.

— Хелло! — крикнул он.— Эй, Феннер, Горслайн, послушайте, я только что был у Бодкина. Это ужасно. Трое за неделю!

— Еще бы,— сказал Горслайн, беря у Феннера стакан с виски.— Может быть, соберем вещи да и домой, а?

Феннер полулежал в глубоком кресле, сложив на груди руки и вглядываясь в своего шефа, который поспешно сел, тут же

вскочил и снова сел. Никогда не поверишь, что этот человек — талантливый организатор, подумал он. Поразительно, как обманчива может быть внешность. Редко человек оказывается таким, каким кажется. Вслух он сказал:

— Извините меня, Хейген. Я хочу спросить Горслайна — были поблизости какие-нибудь животные в тот момент, когда это произошло?

Горслайн покачал головой.

— Никаких животных я там не заметил. Все было так же, как и в первые два раза, ну, почти так же.

Он допил виски и выпрямился в кресле.

— Мы находились в зоне Б, как вам известно. Бодкин фотографировал лепторринусов, которые опыляли красные цветы, а мы с Хакимом выкапывали луковицы и собирали личинок, тех, что живут на корнях. Вы знаете, о чем я говорю?

Хейген кивнул.

— Ну, ну, дальше.

— Стейнс с Петруччи брали образцы почвы, а Бондье гонялся за этими созданиями, которые он называет бабочками. Все было спокойно, и растения были совершенно неподвижны. Хаким, помню, даже сказал: «Если бы мы были на Земле, я бы решил, что надвигается буря». Я ему ответил что-то в таком духе: «Хорошо бы для разнообразия снова увидеть траву, пусть даже во время бури». Приблизительно в то время Бодкин поднялся и отошел от своих камер. Я окликнул его: «Ты куда?». Он ничего не ответил. Зажал голову руками и замер на месте. Я сразу сообразил, что случилось, но не успел подбежать к нему, как он свалился.

— Может быть, насекомые? — спросил Феннер.

— Конечно. Мы сразу подумали об этом. Решили,что его ужалил лепторринус или какой-нибудь другой жук, но ничего не нашли. Никакого следа от укуса, никакой отметины. Ничего.

Он замолчал, глубоко вздохнул.

— Потом я подумал о животных. Спросил Бондье — он ведь бегал вокруг нас. Говорит, будто видел, как шевелились кусты, но не уверен. Тогда я послал Стейнса и Петруччи, чтобы они ударили палкой по кустам разок-другой, но это тоже ничего не дало. Оставалось только нести Бодкина сюда: может быть, здесь удастся ему помочь.

Хейген медленно кивнул:

— Все верно.

Пока Горслайн рассказывал, в комнату один за другим вошли остальные члены группы.

— Как Бодкин? — обратился Хейген к вошедшим.

Энтомолог Бондье, высокий, худой, мрачного вида человек, проговорил:

— Боюсь, мало надежды. Доктор считает, что он погиб, как и те.

Он постучал себя по голове:

— Жив, но здесь пусто.

Феннер резко выпрямился, хлопнул рука об руку.

— Я уверен, что прав. Тут не обошлось без какого-то

животного. То, что вы никого не заметили, еще ничего не значит. Любое враждебно настроенное существо должно быть на редкость осторожным и, вероятно, маскируется самым тщательным образом. Вы заметили, что все было уж очень спокойно — по-моему, это явный признак того, что рядом с вами кто-то притаился.

— Пожалуй, так,— сказал Горслайн.— Птиц и гадов не слышно: ни писка, ни шороха. Помните, Хаким?

Темнолицый Хаким молча кивнул.

Феннер продолжал:

— Я уже говорил и снова повторяю: очень возможно — всего лишь возможно, подчеркиваю,— что этот паралич мозга вызван излучением, испускаемым каким-то хищником. То есть это способ парализовать жертву перед тем, как на нее напасть. Бодкин был как бы сам по себе, несколько в стороне от остальных, так ведь?

— Ну да,— сказал Горслайн.

— И точно так же с Лермонтом и Парсоном. Оба работали в одиночку или по крайней мере вдали от других.

Феннер поднялся.

— И еще одно. Это я заметил, пока ходил не только в зоны А и Б, но и к кустарнику. Вам, Горслайн, это известно — все четыре раза мы ходили вместе. Но вам, Хейген, я еще не говорил. Большие скопления красных цветов всегда располагаются вблизи болот. Болота заросли какими-то пушистыми, гигантскими, похожими на тростник растениями с раскрытыми семенными коробками. Там я обнаружил, во-первых, кости и даже целые скелеты, которые валяются среди цветов и в тростниках, во-вторых, в одном месте совершенно четкий отпечаток на глине, как будто оставленный тяжелым телом. К тому же там остался специфический запах — искатель это подтвердил.

Хейген помусолил свою бороденку двумя пальцами.

— Вряд ли это что-нибудь доказывает,— заметил он.— Одну минуту. Я согласен, все это интересно и бередит воображение. След был свежим? Да? Тут есть над чем подумать. У нас нет точных данных, однако...

— Нет, конечно, нет,— произнес Феннер нетерпеливо.— Но не можем же мы продолжать в том же духе, теряя по человеку почти после каждого выхода. В конце концов мы будем бояться высунуть нос за пределы станции. И как, черт побери, мы станем изучать экологию в таких условиях? Нам необходимо узнать, кто наш противник.

Хейген тоже поднялся, и неожиданно его маленькое крепкое тело приобрело начальственную осанку.

— Мне надо поразмыслить над этим,— сказал он.— Вечером мы соберемся все вместе, всей станцией, и как следует все обсудим. А пока я хочу подумать, поглядеть на дело с разных сторон. Пойду еще раз взгляну на Бодкина,— бросил Хейген на ходу.— Без паники, джентльмены.

Через некоторое время после его ухода молчание нарушил Горслайн. Задумчиво глядя на Феннера, он сказал:

— Люк, если все так, как вы говорите, то почему же за тот

месяц, что мы здесь торчим, мы не встретили ни одного крупного животного, никого крупнее кролика?

— Это ничего не значит,— ответил Хаким,— представьте, что станция основана где-нибудь, скажем, в Сассексе. За месяц — ну, конечно, я не беру домашних животных — вы вряд ли встретите там зверя больше лисы. Да теперь, пожалуй, и лисы уже не найти.

— Не совсем так, Хаким,— возразил Феннер.— Дело в том, что в Сассексе самый крупный хищник — человек,— уничтожил своих менее сильных соперников. Неужели кто-то опустошил этот край и теперь в округе бродит только несколько уцелевших существ? Может, они мечтают, чтобы мы их увидели? а?

Он хрустнул суставами костлявых пальцев и беспокойно зашагал к выходу.

— Мне тоже надо подумать.

Как будто предвидя что-то, Горслайн сказал:

— Не спешите одеваться, Люк.

— Нет, что вы, конечно, нет.

Феннер вышел в коридор. От кондиционера доносился слабый запах хвои; он казался странным и неуместным в этих почти по-больничному голых стенах. Придя к себе в комнату, Феннер остановился у широкого окна и задумчиво стал разглядывать пейзаж Орфея.

Его положение главного эколога станции требовало внимания ко многим аспектам обследования и даже к тем, которые могли ускользнуть из поля зрения шефа. Предположим, что в округе будет обнаружен какой-то хищник. К чему, например, могут привести попытки его уничтожить? Или в каких отношениях он находится с флорой и фауной района, в котором водится так много крылатых созданий — «птиц», как они называют их для простоты, хотя на самом деле это летающие сумчатые и очень большие насекомые,— и совсем мало наземных животных, пригодных для пищи? Есть ли у него самого крылья или же он сбивает с деревьев птиц, используя для этого свою способность парализовать их мозг?

Вдруг он застыл. Даже когда его ум был занят размышлениями, глаза сами собой вглядывались в окружающую местность и точно фиксировали увиденное. От станции шла расчищенная просека и упиралась в заросли древовидных папоротников, которые прикрывали мшистую зелень длинными, поникшими ветвями, похожими на непомерно огромные листья финиковой пальмы. Среди ветвей быстро двигалось нечто длинное и лоснящееся.

Все его внимание сосредоточилось на этом пятне. От тотчас же выхватил из бокового кармана маленький бинокль, который всегда носил с собой, и поднес его к глазам.

Сомнений быть не могло — в тени папоротников кто-то крался, припадая к земле. Феннер не мог разобрать как следует, кто это, поскольку существо было бледно-зеленого цвета, но ему показалось, что у того большая голова, широкая грудь и нечто нелепое, похожее на пучок перьев.

«Убор из перьев? — подумал он и усмехнулся.— Индейцы?»

Неизвестное существо двинулось дальше. Изгибаясь всем телом, оно выскользнуло из-под ветвей и поползло по мхам. Его туловище стало темно-зеленым с коричневыми пятнами. Теперь Феннер разглядел его в бинокль: то, что казалось пучком перьев, было парой антенн, похожих на усики огромного мотылька, которые возвышались над узкой головой. У этого животного были короткие лапы и гибкое тело с красивой шерстью. Чем-то оно напоминало небольшого горного льва.

Наконец, существо резко повернулось, изогнувшись, подобно змее, и, блеснув шерстью, исчезло из виду, скрывшись за гребнем холма.

Феннер больше не колебался. Не раздумывая ни секунды, он натянул пластиковый комбинезон и застегнул молнию. Воздух на Орфее был вполне пригоден для человека, но тем не менее следовало носить защитные комбинезоны, которые предохраняли от соприкосновения с ядовитыми спорами, растениями и насекомыми.

Он снял со стены ремингтон, из которого можно было за тридцать ярдов остановить медведя (Феннер не собирался убивать зверя, его нужно было взять живьем), к поясу пристегнул легкую, прочную, мелкоячеистую сеть в капсуле размером с ручную гранату старого образца, вышел через боковой тамбур и побежал по мху к тому месту, где исчезло животное.

Там, где лежал зверь, мох был примят. Феннер дотронулся до ручки настройки своего искателя и некоторое время подержал его над местом лежки зверя. Сектор запахов засветился, маленькая стрелка дрогнула и указала направление. Поглядывая на прибор, Феннер добрался до вершины холма и стал спускаться вниз по его обратному склону.

Лес начинался сразу же у подножия, а дальше, над верхушками деревьев, в зеленоватой дымке проступали очертания горных пиков. Он подумал, что где-то за горами работает археологическая экспедиция, и от этой мысли стало легче на душе.

Над планетой всегда держались сумерки, а из-за цвета здешнего солнца небо было зеленоватого оттенка, как зацветший летом пруд. Этот зеленый фон, на котором мерцали темно-коричневый мох и более светлая листва деревьев, был на редкость успокаивающим и в то же время настолько чужим, что за четыре недели Феннер так и не смог к нему привыкнуть. Ему постоянно казалось, будто он ходит и действует во сне, будто все его члены стали тяжелыми и вялыми, хотя на самом деле чистый воздух вливал в него бодрость, какую он не ощущал в себе ни разу за все сорок пять лет жизни.

Он вошел в лес, состоящий из почти одинаковых деревьев с твердыми, прямыми стволами темно-серого цвета и глянцевитыми красно-коричневыми листьями. Высокие стволы поднимались прямо из мха — подлеска почти не было, отчего лес походил на ухоженный парк. Стрелка искателя вела его путаным путем, но он не боялся заблудиться: даже в худшем случае, если его компас,

постоянно ориентированный на станцию, откажет, он и тогда найдет дорогу по своим следам с помощью искателя.

Полмили, или около того, он шел по лесу. То там, то здесь вспархивали и пролетали над открытыми пространствами длиннохвостые «птицы», сверкая в желто-зеленых лучах солнца, как драгоценные камни. Время от времени огромное членистое существо, похожее на сороконожку, лениво махая чешуйчатыми крыльями, проплывало над его головой. С верхушек деревьев неслись хриплые крики, посвистывание. Наконец он оказался на берегу стремительной реки, и стрелка остановилась. Здесь зверь вошел в воду.

Феннер решил походить по берегу взад и вперед, надеясь, что животное снова появится на той же стороне. Не успел он сделать нескольких шагов, как совершенно явственно ощутил, что кто-то за ним наблюдает. Бросил взгляд на искатель — стрелка отклонилась вправо.

Осторожно поднимая пистолет, Феннер стал медленно поворачиваться в указанном направлении. Уголком глаза он заметил движение. Поборов волнение, нажал на спусковой крючок — вокруг дула возник белый светящийся круг, раздался негромкий выстрел. Кусты, росшие среди деревьев, затрепетали, листья и мелкие ветви посыпались на землю. Пятнистый серо-коричневый зверь молнией метнулся между деревьев.

Феннер кинулся в погоню, но вскоре начал задыхаться, пот заливал глаза. Следы вели низ по течению. Постепенно река стала шире и спокойнее, лес поредел. В этих местах росли влаголюбивые изогнутые растения, некоторые по восемь-десять футов в высоту; тут же были заросли тростника, под которыми блестела коричневая вода и маслянистая грязь. При его приближении чириканье и кваканье в тростнике прекратились, но, как только он прошел мимо, возобновились вновь.

Неожиданно стрелка искателя описала круг, и Феннер остановился. В тот же момент из зарослей на него бросилось гибкое тело. Он увернулся и упал на землю. Зверь пронесся мимо и остановился невдалеке, повернувшись к нему мордой. Феннер поспешно сел и стал шарить во мху, ища свой пистолет. Какое-то мгновение они изучали друг друга, при этом Феннер старался привести свое оружие в боевую готовность. У этого животного была клинообразная морда, сужающаяся к макушке, где торчали похожие на перья антенны. В широко раскрытой пасти хорошо были видны два ряда мелких, но, видимо, острых зубов. Большие круглые глаза навыкате напоминали лягушачьи; они были багровые, без малейшего намека на белок. Зверь свел глаза к переносице и уставился на Феннера. Как только пистолет был заряжен, животное издало кашляющий звук и исчезло в камышах.

И снова воцарилась тишина. Держа пистолет наготове, Феннер медленно поднялся, взглянул на искатель. Циферблат треснул, стрелка не двигалась. Видимо, при падении прибор ударился о камень.

Он пристально всматривался в тростник, но в душе понимал,

что ничего там не увидит. Должно быть, животное уже изменило цвет и очертания туловища, и без искателя его теперь не найти. Он пошел по берегу в обратную сторону, все же надеясь, что ему удастся натолкнуться на зверя, поэтому на всякий случай отстегнул капсулу и приготовил ее к метанию.

Вдруг ему показалось, будто в болоте что-то шевельнулось. Он остановился. Ни писка, ни шороха, все звуки замерли — казалось, в воздухе повисла зловещая напряженность, как будто само болото поджидало его.

Ему стало немного не по себе, он оглянулся. Где же это странное существо? Раньше он до конца не понимал, насколько зависит от наручного искателя. Он заметил, что дрожит; пот заливал глаза, смотреть стало труднее. Очень осторожно подсунул руку в перчатке под прозрачный капюшон и протер глаза.

Перед ним были низкие кусты с ветвями неприятного розового цвета, покрытые колючими листьями, на которых каждый день собиралось несколько капель едко пахнущей маслянистой жидкости. По всей видимости, масло привлекало мелких насекомых, которых листья сразу же улавливали. Эти кусты были похожи на растение-мухоловку, встречающееся на Земле.

Феннер медленно направился к кустарнику, держа наготове пистолет и капсулу с сетью.

Там никого не было, однако мох, как ему показалось, был примят, будто на нем кто-то лежал в засаде. Может, было два зверя? Может, один все еще в болоте, в тростнике, другой охотится за ним? По спине побежали мурашки. Он быстро обернулся.

Медленно и осторожно Феннер шел вперед. За кустарником начинался высокий берег, возвышающийся над болотом; вдоль берега на волосатых цветоножках толщиной с мужскую руку стояли красные глянцевитые цветы, над ними гудели маленькие жуки с хоботками, которых в экспедиции называли «лепторринусами».

Около цветов Феннер в задумчивости остановился. Широкие листья росли низко, почти у самой земли. Под одним из них он заметил что-то белое. Это был скелет какого-то небольшого зверька. Подойдя ближе, Феннер наклонился. По земле были раскиданы хрупкие кости с приставшими кусочками шкуры. Тут же валялись пятнистые желто-черные надкрылья больших летающих насекомых величиной с ворону.

Судя по всему, это было логовище зверя, сам он, ставший теперь ярко-красным, мог лежать где-нибудь поблизости.

Феннер выпрямился, готовый в любую секунду к внезапному нападению, и неожиданно почувствовал в голове странную легкость, как если бы перебрал кислорода. В ушах зазвенело, началось головокружение. Он шагнул и почувствовал, будто земля, как живая, вспучилась у него под ногами. Цветы, казалось, выросли на глазах и качнулись в его сторону.

Он потряс головой, стараясь прогнать странное видение, шатаясь, шагнул в сторону, и в этот момент ему показалось, что

цветы потянулись за ним, неправдоподобно вытянулись, как красные черви, ощетинившись по всему стеблю жесткими волосами.

И в этот момент выскочил зверь.

Феннер видел его как бы сквозь дымку, и ему казалось, что движется он слишком медленно. Автоматически, не задумываясь, Феннер сдавил капсулу, сеть вылетела и раскрылась в воздухе. Он промахнулся всего лишь на какой-нибудь дюйм — сеть упала в цветы. Зверь с разгона ударил его в грудь, сбил с ног и перевернул. Всей тяжестью он навалился на Феннера, антенны нависли над его лицом, пасть зверя широко раскрылась. Феннер зажмурился.

Горслайн и Хаким нашли их меньше чем через полчаса. Хаким — он шел за Горслайном — вскинул пистолет, но Феннер крикнул:

Не стрелять!

— Вы целы? — недоверчиво спросил Горслайн.

Феннер сидел на земле, обхватив одной рукой зверя за шею.

— У меня все в порядке,— сказал Феннер,— говорите тише.

Это... Это кто такой? — спросил Хаким.

Феннер взглянул на животное. Теперь оно было коричневым с голубоватым оттенком, который передался ему от пластикового комбинезона ученого. Феннер похлопал зверя по голове, тот высунул узкий язык и лизнул его капюшон.

— Я могу сказать лишь, к какому семейству он не относится,— усмехнулся Феннер.— Он не очень опасен. Судя по зубам и общему виду, можно предположить, что он охотится на земноводных в болотах и на водяных зверьков типа выдры.

— Значит, он живет в болоте,— сказал Горслайн.

— Да.

— Почему же мы не видели его раньше?

— Он очень робок,— ответил Феннер. -¸Нас всегда так много и мы всегда так шумим... Одного меня он меньше боялся, хотя я, должно быть, здорово напугал его выстрелом. Я думал, он подкрадывается ко мне. Как бы там ни было, он крался ко мне, но вовсе не за тем, что я предполагал.

— Что вы хотите сказать? — спросил Хаким.

— Знаете ли, внешность обманчива. Если человек, никогда не видавший собаки, увидит, как она прыгает на грудь своему хозяину, он может подумать, что она нападает на него. Сопоставив факты, я решил, что это существо живет в красных цветах и выслеживает меня, чтобы сделать своей добычей. Оказалось, что он ходил за мной по пятам и кинулся только для того, чтобы спасти меня.

— Спасти вас? От кого?

— Короче, я был прав. В этих краях водится хищник, который парализует мозг жертвы, прежде чем наброситься на нее.

Феннер мотнул головой в сторону.

— Вот настоящие хищники... красные цветы.

Он взглянул на ярко-красный берег, и его передернуло.

— Насколько я могу судить, они автоматически оказывают парализующее воздействие, но мы слишком велики для них, к тому же нас слишком много, так что они не в состоянии справиться с нами. Поэтому, хотя бедняга Бодкин и другие были убиты, цветы не пытались добраться до них. Вон взгляните, там остатки моей сети. Она упала на них, и они сожрали большую часть, прежде чем разобрались, что это не живое существо.

Феннер поднялся. Зверь ткнулся носом в его ногу, и он погладил его по шее за усиками-антеннами, похожими на перья.

— Я не знаю, как он устроен,— продолжал Феннер.— Все это слишком неожиданно и ново для меня. Мы будем его изучать. Но, по всей видимости, это животное при помощи своих антенн может нейтрализовать разрушающие мозг волны, которые исходят от цветов.

— Бог мой! — воскликнул Горслайн.— Значит, всякий раз, когда мы подходили к цветам, он, или такой же, как он, прятался где-то поблизости!

— Да. Он бы спас Бодкина,— сказал Феннер,— но он боялся остальных. Вас было много, да и шумели...

— С какой стати он стал бы нас спасать,— спросил Хаким,— если это дикий зверь?

Феннер пожал плечами.

— Почему первая собака стала домашним животным и как это случилось? Возможно,—тихо проговорил он,—когда-то до нас здесь жили разумные существа, которые были его хозяевами. Однако мне абсолютно ясно: это очень умное создание. И как всякому умному животному, ему очень нужно иметь...

— Пищу, вы хотите сказать? Или убежище?

— Несомненно, пищу, убежище, возможность размножаться и тому подобное. Нет,— Феннер улыбнулся,— есть необходимость более существенная.

— Какая?

— Привязанность,— сказал Феннер, направляясь в сторону дома. Животное бежало рядом.

Пол Эш

ДЛИННЫЙ МЕЧ

Он был выше самых высоких почти на дюйм — ведь его стручок провисел на Дереве на двадцать с лишним дней дольше остальных, потому что Собратья пустили в ход все известные им средства, которые замедляют созревание. Плоский шип, заложенный в его левом бедре, был, как и он весь, неестественно велик, но свое имя Длинный Меч он получил оттого, что в нем воплощалась их последняя надежда на спасение.

Он занял положение старейшины с момента рождения, так как у Собратьев сила ума была прямо пропорциональна росту. Они обладали знанием двух видов: древесным, полученным при рождении, и обретенным, слагавшимся из фактов, которые, постепенно накапливаясь, передавались от поколения к поколению с абсолютной точностью, ибо это была прямая передача с помощью мысли. Вот почему каждый был равно осведомлен обо всем. Обретенное знание охватывало прошлый опыт Собратьев, но теперь им грозила совершенно новая, неведомая опасность и они нуждались в Собрате, который мог бы обрести новые знания для ее предотвращения. А потому они прибегли к издавна известным средствам, замедлявшим созревание стручков на Дереве. Эти средства использовались очень редко, так как развитие сверхстручка вредило его соседям, но нужда в старейшине была слишком велика и неотложна. Большое Племя, два года казавшееся безобидным, внезапно превратилось в смертельную угрозу для самого существования Собратьев.

Древесным знанием Длинный Меч, разумеется, обладал с той минуты, когда вышел из стручка. Обретенные же знания Собратья передавали ему, по очереди сидя рядом с ним на вершине все время, пока его тело расправлялось, твердело и поглощало свет. Больше он уже не рос: Собратья использовали запасы солнечной энергии для жизненных процессов, но плоть им давало только Дерево. В течение трех обращений планеты Длинный Меч лежал неподвижно, впитывая солнечный свет и знания. На четвертые сутки он уже знал все, что знали они, и был готов приступить к делу.

Неделю спустя он сидел на краю вырубки, окруженный густым лесом, и следил за тем, как Большое Племя по обыкновению занимается чем-то непонятным и непостижимым. Собратья изучали этих существ с тех пор, как они появились в лесу, и пробовали установить с ними связь, но безрезультатно. Правда, Большое Племя тоже пользовалось мыслями, но мысли эти были

хаотичны. Вместо упорядоченной смены символов внезапно возникало несколько обрывочных систем, смешивавшихся между собой, переходивших одна в другую и столь же внезапно исчезавших. Первые исследователи Большого племени два поколения назад пришли к выводу, что исчезновение мысли находилось в какой-то зависимости от вибрирующих воздушных волн, которые Большое Племя внезапно выбрасывало из поперечных трещин в своих головах. Длинный Меч пришел к выводу, что первые исследователи не ошиблись, но это мало чем ему помогло. После того как их попытки вступить в общение с Большим Племенем окончились неудачей, Собратья перестали интересоваться пришельцами — праздное любопытство было им чуждо. Но теперь обнаружилась непредвиденная опасность: один из членов Большого Племени, продираясь через лес, срезал ветку Дерева!

Едва появившись в лесу, Большое Племя принялось рубить деревья (обыкновенные деревья) и построило из них непонятные сооружения посреди возникшей таким образом поляны. Но это было давно, и Собратья давно перестали тревожиться. Ведь с тех пор сменилось два поколения! Внезапное нападение на Дерево привело их в ужас. Они не могли понять, чем оно было вызвано, и боялись, что это еще далеко не конец. Вокруг Дерева были выставлены двенадцать хранителей, готовых любой ценой — с помощью мысли или физических средств — отразить новое покушение, но Большое Племя было слишком серьезным противником, и Собратья понимали, что справиться с ним они не в силах. Оставался только один путь к спасению: вступить в контакт с Большим Племенем и объяснить ему, что Дерева Собратьев трогать нельзя.

Длинный Меч наблюдал за пришельцами уже два дня, и у него родился план действий. Главная трудность, несомненно, заключалась в том, что члены Большого Племени почти никогда не оставались в одиночестве. Они всегда ходили группами по двое и по трое, и мысли метались между ними, оставаясь совершенно невнятными. Или же мысли каждого резко отличались от мыслей всех остальных, и наблюдателя буквально оглушали непрерывные интерференции. Необходимо, решил Длинный Меч, каким-то способом отделить одного из них от остальных. И, конечно, самого умного из них, старейшину, тем более что определить его было просто: он выделялся среди прочих так же, как Длинный Меч среди Собратьев. Правда, предстояло учесть еще два-три фактора, но Длинный Меч не сомневался, что уже вечером сможет приступить к выполнению своего плана.

У второй разведывательной экспедиции, исследовавшей Лямбду, были свои трудности. К обычным бедам научных экспедиций — порче оборудования, возникновению любопытнейших проблем, для разрешения которых нет ни нужных приборов, ни людей, и слишком коротким суткам — добавлялись неприятные ощущения из-за того, что сила тяжести здесь на двадцать процентов превышала земную, а также из-за одноцветности

пейзажа. Бесконечное чередование черных и серых оттенков действовало на людей крайне угнетающе. Правда, рыжая земля и рыжие скалы несколько нарушали однообразие, однако в таком сочетании для земного восприятия крылось что-то зловещее. Впрочем, неприятностей было гораздо меньше, чем ожидалось. Лямбда, судя по всему, оказалась на редкость безопасной планетой. Каким бы неприветливым ни был вид этих черно-серых зарослей, в них как будто не таилось ничего опасного.

Личные же неприятности большинство членов экспедиции оставило на Земле — на внушительном расстоянии в тридцать световых лет. Однако ее руководитель Джон Джеймс Джордан привез их с собой. Но главная трудность заключалась в мальчике, который лежал в соседней хижине и, как Джордан надеялся, крепко спал.

Человеку, который связал свою жизнь с космическими исследованиями, жениться, бесспорно, не следует. Конечно, кто-то может взять жену с собой: в экспедиции имелись три супружеские пары, которые работали на главной базе у моря. Но жениться для того, чтобы оставить жену дома, было нелепо.

Теперь он уже не мог вспомнить, что побудило его совершить эту глупость. Женился он в бурный период между своей первой и второй экспедициями, когда, вернувшись на Землю, они обнаружили, что исследование космоса стало сенсацией дня и все наперебой ищут знакомства с ними. Во время первой разлуки с Землей его мучила ностальгия, и мысль о том, что кто-то будет теперь ждать его возвращения, казалась заманчивой.

Но когда три года спустя он вернулся, это отнюдь не принесло ему радости. У него было достаточно времени, чтобы понять, что он, в сущности, совсем не знает Коры. Их совместная жизнь промелькнула мгновенно в вихре бесконечных вечеринок. Он приезжал поздно, по обыкновению задержавшись в институте, и заставал Кору в самом разгаре веселья. А ведь теперь, думал он, во время подготовки к третьей экспедиции, работать ему придется еще больше и, значит, дома он бывать почти совсем не будет. Как отнесется к этому Кора? Правда, она не жаловалась на его отсутствие в то короткое время, которое они провели вместе. Но все-таки на душе у него было неспокойно.

Тем не менее он был ошеломлен, узнав, что она развелась с ним уже через год после отлета — это был один из первых так называемых «космических разводов». Но еще большим потрясением явилось известие, что он — отец двухлетнего сына.

Закон о космических разводах оставлял за мужем право на воспитание детей при условии, что он может обеспечить им нормальные условия во время своего отсутствия. Это означало, что Рикки придется отдать в интернат. Но зачем же? Новый муж Коры был как будто привязан к мальчику, и Джордан согласился оставить его у матери. Он даже согласился не видеться с ним, когда три года спустя проводил свой отпуск на Земле: как объяснила Кора, кто-то сказал малышу, что ее муж — ему не отец, и встреча с Джорданом могла иметь для мальчика вредные последствия.

Во время отпусков (обычно настолько заполненных делами, что время, проведенное в экспедиции, казалось по сравнению с ними тихим праздником) Джордан иногда случайно что-то узнавал о Коре. По-видимому, она была восходящей звездой светского общества. Он постепенно понял, что она выбрала его в мужья только потому, что он был сенсацией и их брак открывал перед ней все двери. Он почувствовал смутное облегчение: хорошо, что хоть ей их совместная жизнь что-то дала. Это было приятно. Он готов был относиться к ее поведению с тем уважением, которое воздается непостижимому. Однако он встревожился, узнав, что она снова развелась и снова вышла замуж — на этот раз за богатого промышленника. Его беспокоило, как это может сказаться на Рикки.

С самой же Корой он встретился только еще семь лет спустя, когда ее поверенный обратился к нему с просьбой подписать заявление о приеме Рикки в школу. О, всего лишь пустая формальность! Это показалось ему подозрительным, и он навел справки о школе, в которую Кора решила отдать их сына.

Через полчаса после того, как справки были наведены, он узнал адрес Коры, отменил все свои дела на ближайшие сутки и взял билет на трансэкваториальную ракету.

Он еле успел на нее. У него было три часа, чтобы заняться в полете неотложными бумагами, которые он захватил с собой, но папка так и осталась закрытой.

Ради всего святого на Земле, в Космосе и во Вселенной, почему, почему он ни разу не попытался даже увидеть своего сына?

В Антарктик-сити он попал впервые, и город произвел на него гнетущее впечатление. Кто-то с большой изобретательностью расчистил в вечных льдах строительную площадку и возвел на ней город, ничем не отличающийся от всех прочих городов. Джордан подивился такой бессмысленной трате времени и усилий.

Дом Коры больше всего походил на декорацию стереофильма из серии «Жизнь миллиардеров». Он был отделан в самом последнем стиле — Джордан узнал два-три мотива, подсказанных открытиями первой лямбдианской экспедиции, которые никак не сочетались с обычной прозрачной мебелью и электрическими драпировками. Он рассматривал своеобразный узор — бесконечное варьирование одного и того же полукруга, в котором он смутно распознал какую-то древнюю утварь,— когда в комнату вошла Кора.

Она поздоровалась с ним поистине мастерски, умудрившись соединить самую теплую радость с легким намеком на то, что механический слуга еще может получить распоряжение вышвырнуть его вон, если она сочтет это нужным. И Джордан решил не тратить времени на светскую беседу.

— В чем дело, Кора? Почему ты хочешь избавиться от Рикки?

Сверкающие алмазной пылью брови Коры изящно поднялись.

— Ах, Триджи! Ну, что ты говоришь!

Дурацкое ласкательное прозвище, которое он уже успел

забыть, на мгновение сбило его с толку, но он все-таки сказал то, что намеревался сказать:

— Школа, в которую ты собираешься послать его,— это закрытое учебное заведение для трудных детей. Учеников там полностью изолируют от прежней среды, и ты не увидишь Рикки раньше, чем через три года.

— Это прекрасная школа, Триджи. Камильо категорически заявил, что мы пошлем его только в самую лучшую школу.

Камильо? А, новый муж!

— Почему? — повторил Джордан.

Кора мгновенно сняла теплую радость.

— Могу ли я узнать, чем объясняется этот внезапный взрыв родительских чувств? Ты никогда не интересовался Рикки. Ты оставил его мне. Я не прошу, чтобы ты брал на себя даже малую ответственность. Я прошу только, чтобы ты подписал эту бумагу.

— Почему?

— Потому что он невыносим! Потому что я не желаю больше терпеть его у себя дома! Он шпионит... это нестерпимо! Высматривает, выведывает и использует свои сведения, чтобы делать всякие гадости. Он рассорил нас с половиной знакомых. Камильо не хочет, чтобы он жил с нами, и я не хочу! Если ты не желаешь отдавать его в эту школу, так, может быть, ты предложишь какой-нибудь другой выход?

Джордан растерялся, но ничем этого не выдал.

— Мне бы хотелось поговорить с ним, Кора.

Ярость Коры угасла так же мгновенно, как и вспыхнула.

— Ну конечно, Триджи! — она повернулась к переговорному аппарату на стене и, быстро сказав что-то в микрофон, продолжала: — Как знать! Возможно, ему только и нужно увидеть настоящего отца! Ты как раз успеешь отечески побеседовать с ним до отправления твоей ракеты, и он сразу исправится и станет образцовым гражданином своей страны!

Дверь бесшумно раздвинулась, и в комнату вошел очень аккуратный и чистенький мальчик с серьезным, почти печальным лицом. Он сказал кротко:

— Доброе утро, Кора.

Кора, повернув голову, бросила через плечо:

— Рикки, милый, как ты думаешь, кто это?

Рикки посмотрел на гостя, и его глаза широко раскрылись.

— Вы... вы ведь доктор Джордан, правда? Вы написали книгу про Кранил — она называется «Планета-окаменелость». И вы выступали по стереовидению два дня назад. Я смотрел передачу. Вы рассказывали про этот мир, где все леса черно-серые. И...— Рикки вдруг умолк с полуоткрытым ртом.

— Да, это я,— спокойно ответил Джордан.

— Я знаю...— Рикки сглотнул.— Но раз вы приехали... Значит... конечно, это глупо, но... Я хочу сказать... Вы ведь мой отец? Да?

— Не ломайся, Рикки,— резко сказала Кора.— Ты прекрасно знаешь, что он твой отец.

Рикки побледнел и помотал головой.

— Нет, я не знал. То есть я знал, что фамилия моего отца Джордан, но я не связал... Я бы хотел...— внезапно он замолчал.

— Что, Рикки?

— У вас, наверное, нет времени поговорить со мной... Про Лямбду... Потому что я очень интересуюсь... и по-настоящему. Я хочу быть ксенобиологом.

Кора засмеялась музыкальным металлическим смехом.

— Стоит ли так стесняться, Рикки? Это же все-таки твой отец! По-видимому, он решил, что настало время поинтересоваться тем, как ты живешь. Через неделю-другую он должен будет вернуться на планету, которая так тебя заворожила, а потому, право, не понимаю, как он сможет поговорить с тобой, разве только возьмет тебя с собой. Ну, так попроси его!

Рикки стал пунцовым и сразу же побелел, как полотно. Он быстро отвернулся, но Джордан успел заметить, как мгновенная надежда в его глазах сменилась тупым покорным отчаянием.

— Почему бы тебе и не взять его, Триджи? — продолжала Кора.— Ведь ваши космолеты «масса — время» очень просторны. Ты же, кажется, решил, что тебе пора взять на себя ответственность за него. А он зачитывается книжками, где мальчики совершают в космосе всяческие подвиги. Так почему бы тебе...

— В самом деле, почему бы и нет? — вдруг перебил ее Джордан.

— Не надо! — вскрикнул Рикки.— Ну, пожалуйста! Я ведь понимаю, что это шутка... То есть я больше не читаю этой детской чепухи, но...

— Вовсе не шутка,— ответил Джордан.— Кора совершенно права: в космолете места много. Ты хочешь полететь на Лямбду?

«А ведь я всего неделю назад проходил психологическую проверку,— подумал Джордан.— И никаких отклонений от нормы у меня не нашли!»

Тут он внезапно заметил, что микрочтец на его письменном столе продолжает прокручивать пленку с последним сообщением Вудмена о цикле развития некоторых лямбдианских пресноводных организмов. Именно этим он собирался заняться перед сном, а не пережевывать в сотый раз вопрос о Рикки.

Джордан перемотал пленку, но это не помогло: он продолжал вспоминать, что он почувствовал, когда Кора начала язвить его и Рикки. Он вспомнил, какое лицо было у Рикки, когда мальчик понял, что он говорит серьезно. После этого уже нельзя было отступать, да у него и не возникло такого желания. В космолетах типа «масса — время» действительно было много свободного места, так как в определенных пределах скорость такого корабля возрастала пропорционально его размерам. И подбор участников второй экспедиции, которая должна была присоединиться к первооткрывателям Лямбды, был целиком предоставлен на его усмотрение. Как ни странно, появление Рикки на корабле было воспринято всеми совершенно спокойно, и долгое время казалось, что его сумасшедший поступок ни к чему плохому не приведет

До последних двух дней Рикки вел себя образцово. Он не

только не был назойлив, но прилагал отчаянные старания, чтобы никому случайно не помешать, и при этом казалось, что мальчик совершенно счастлив. Джордану не удалось осуществить свое намерение и узнать сына поближе — он был слишком занят. Но его взялся опекать Вудмен, которому Рикки, видимо, сразу понравился, и последние недели перед отлетом Рикки провел с молодым зоологом в Межзвездном институте. Джордан порой спохватывался, что совсем не видит мальчика, но тут же убеждал себя, что в полете все будет иначе.

А во время полета, проверяя запасы и оборудование, разрабатывая планы ближайших работ, он говорил себе, что вот они устроятся на Лямбде — и все пойдет по-другому. Уж тогда он сумеет выкроить время и для сына.

Но он опоздал. Ему следовало бы обратить внимание на слова Коры. Она не вскипела бы так без всякого повода. Она кричала, что Рикки делает всякие гадости, и была права. А он, Джордан, узнал про все, только когда разразился настоящий скандал.

В экспедициях соперничество между их членами обычно сводится к дружескому соревнованию, но, к несчастью, на этот раз геологи, Картрайт и Пенн, не сошлись характерами. Они принадлежали к разным школам, и каждый не доверял методам другого. Однако без Рикки до открытой ссоры дело бы не дошло.

Совершенно случайно виновницей их стычки оказалась Эллен Скотт. Как почвовед, она, естественно, интересовалась геологическими вопросами. И вот в разговоре с Картрайтом она упомянула про датировку Большого Разлома. Картрайт буквально подскочил.

— Эллен, откуда вы это взяли? Кто вам сказал?

Эллен посмотрела на него с удивлением.

— Вы же сами и сказали, Питер. Ведь Большой Разлом — ваш любимый конек. А если не вы, то, вероятно, Пенн.

— Я никому ничего про это не говорил! Я кончил расчеты всего два дня назад. Они лежат у меня на письменном столе. Значит, Пенн рылся в моих бумагах! Где он?

— Успокойтесь, Питер! Возможно, он пришел к такому же выводу самостоятельно. Или вы сказали что-то, что натолкнуло его на ту же мысль. Мне он сказал об этом вчера или позавчера... Если только это был он...— Она недоуменно нахмурилась.— Но я не помню, чтобы мы с ним говорили о Большом Разломе. Да, конечно..— внезапно она умолкла, и Картрайт больше ничего не мог от нее добиться.

Пылая гневом, Картрайт кинулся искать Пенна, а Эллен Скотт пошла искать Рикки.

— Рикки, ты помнишь, как мы с тобой дня два назад говорили о Большом Разломе?

Рикки оторвался от микроскопа.

— Конечно,— сказал он.— А что?— его улыбка угасла, сменившись тревогой.— Что-нибудь случилось?

Ты помнишь, ты сказал что-то о его датировке? Что

провал образовался около пятнадцати тысяч лет назад? Ты ведь это сказал?

Лицо Рикки стало настороженным и непроницаемым, но он кивнул.

— Но кто сказал это тебе? От кого ты это узнал?

— Кто-то сказал,—глухо ответил Рикки. По-видимому, он не ждал, что ему поверят.

Эллен сдвинула брови.

— Послушай, Рикки! Доктор Картрайт решил, что кто-то рылся в бумагах на его столе и прочел об этой датировке. Он утверждает, что никому ни слова не говорил о своих выводах. Это может привести к неприятностям. Если тебе стало интересно и ты заглянул в его записки, скажи об этом прямо. Конечно, так делать не следовало, но, если все выяснится, про это скоро забудут.

— Я не трогал его записок,— печально сказал Рикки.— Я не помню, откуда я это знаю, но я даже не подходил к его столу. Честное слово!

К несчастью, Картрайт и Пенн уже успели приступить к объяснениям, которые закончились тем, что они оба вылетели из столовой сквозь стену, которая отнюдь не была рассчитана на подобный натиск, отчего у повара Барни началась настоящая истерика. И тут на сцене появился Джордан.

Рикки рассказал ему обо всем. Он сказал, что откуда-то узнал о датировке Большого Разлома и упомянул о ней в разговоре с доктором Скотт, когда речь зашла о геологии планеты. Он не помнит, откуда он узнал эту цифру, но бумаг Картрайта он не трогал.

Во всяком случае, мальчик сам пришел и рассказал! С другой стороны, он, возможно, подумал, что иначе об их разговоре расскажет Эллен Скотт...

Мысли Джордана на мгновение обратились к Эллен. Вот она тоже считает, что люди, выбравшие своей профессией освоение далеких планет, не должны заводить семью. Как она права!

На этом все и кончилось. Картрайт и Пенн, дав выход взаимной антипатии, как будто даже наладили отношения. Но на лице Рикки застыло испуганное, безнадежное выражение, и Джордан приходил в отчаяние, потому что никак не мог найти линию поведения, которая не вызвала бы еще большего отчуждения между ним и мальчиком. Однако если Рикки действительно имеет обыкновение рыться в чужих вещах — а ведь в конце концов Кора обвиняла его именно в этом,— то необходимо принять какие-то меры.

Но какие?

Джордан вздохнул, вновь перемотал пленку и заставил себя сосредоточиться на сообщении Вудмена. Он успел прочесть три кадрика, когда тишину нарушил панический вопль, донесшийся со стороны леса.

— Оомощь! Ааул! Яолы! Ааул!

Джордан метнулся к двери, схватив на бегу фонарик. Впрочем, все три луны уже взошли, даже их света было бы вполне достаточно, чтобы разглядеть дородную фигуру, неуклюже мечущуюся среди хижин.

— Барни! — закричал Джордан.— Остановитесь! Что с вами?

Барни (сто двадцать килограммов на Земле и под сто пятьдесят на Лямбде) замер на месте и замигал, ослепленный лучом фонарика. Потом провел огромной ладонью по лицу. Джордану показалось, что рот повара замотан шарфом. На Барни была фланелевая пижама ослепительной расцветки, и он был бос. Повар сорвал с лица шарф — если это был шарф — и отшвырнул его в сторону. Теперь его слова стали чуть более внятными.

— Дьяволы в лысу! Хватили меня! Запили мне рот кой-то дянью...

Повар задыхался, по его лицу струился пот, и Джордан не на шутку испугался. Барни был прекрасным коком, но он легко приходил в сильнейшее возбуждение, а добавочная сила притяжения на Лямбде увеличивала нагрузку на его не слишком здоровое сердце. В этот момент рядом с отцом безмолвной тенью возник Рикки.

— Что с ним такое?

Джордан указал на свою хижину.

— Отведи туда Барни и посмотри, что у него с губами.

К этому времени вокруг них уже собралось несколько человек, в том числе Эллен Скотт в пестром халате и Вудмен в измятой пижаме. Джордан попросил Эллен зажечь лагерные прожекторы и собрать поисковую группу.

Полчаса спустя рот Барни удалось отмыть от липкого вещества, которое склеивало его губы, и он уже настолько пришел в себя, что мог приступить к объяснениям.

— Я вдруг проснулся и обнаружил, что лежу в лесу. Сырость там была страшная.— Он застонал.— Ох, у меня уже начинает разыгрываться радикулит. Я лежал на спине, и руки у меня были связаны не то веревкой, не то еще чем-то. Рот у меня был залеплен, а на груди сидело что-то. Я едва заметил его краешком глаза, как оно куда-то девалось. Только вокруг их было много, и они все кричали.

— Кричали? — переспросил Джордан.— То есть испускали какие-то звуки?

— Нет, они кричали по-человечески. Я не мог разобрать что, но это были какие-то слова. Они все повторяли «собратья». Я только одно это слово и разобрал, но уж его расслышал ясно: «собратья». Тут я высвободил руки и схватил одного из них, только он меня ужалил, и я его выпустил.

Он показал круглую ранку у основания большого пальца. Джордан тщательно смазал ее антисептической мазью.

— Тут я вскочил и побежал к лагерю,— продолжал Барни.— Я был недалеко от опушки и видел наши огни. Я бежал во всю мочь, но то и дело спотыкался.— В его глазах снова мелькнул панический ужас.— Они мне налепили что-то на рот, и я чуть совсем не задохнулся. Уж не знаю, что. Я его не меньше часа срывал...

— Вот этот лист,— перебил Вудмен и показал всем большой

лист дюймов двадцати в длину. Темно-серую поверхность листа покрывало еще более темное вещество.— Он намазан каким-то клейким соком.

— Но как вы попали в лес, Барни? — спросила Эллен Скотт.

Барни недоуменно помотал головой.

— Он отправился туда погулять,— сказал кто-то.— Отпечатки его следов ведут прямо к лесу. А вы не лунатик, Барни?

— Но в таком случае откуда взялся бы лист? — осведомился Вудмен.— Ведь он намазан соком растения, которое попадается в лесу крайне редко, а возле вырубки нет ни единого экземпляра. Кроме того, мы нашли место, где он лежал. Два молодых побега согнуты и верхушки их вбиты в землю — наверное, с их-то помощью и были прижаты к земле его руки. Нет, на Барни действительно напали, но кто?

— Но, может быть, кому-то вздумалось пошутить? — медленно произнесла Эллен Скотт.

Все на мгновение замолчали. Внезапно Рикки поднял голову и перехватил взгляд отца. Его лицо утратило всякое выражение, но он ничего не сказал.

— Все равно мы должны принять меры предосторожности,— сказал Джордан.— Лямбда всегда считалась безопасной планетой. По-видимому, мы ошибались. Пока не выяснится, что произошло, я запрещаю выходить из лагеря поодиночке. Те, кто ведет наблюдения в лесу, будут работать парами, не выключая радиотелефонов. Мы установим слежение по всем личным частотам. Прожектора оставим включенными и выставим часовых. Достаточно троих, но им придется непрерывно поддерживать связь друг с другом. Сменяться будем через каждые два часа. Доктор, вы не займетесь Барни?

Врач кивнул и увел Барни к себе в хижину, служившую и больницей. Джордан задумчиво посмотрел на сына.

— А ты иди ложись, Рикки... Если только не хочешь что-нибудь сказать.

— Нет,— ответил Рикки. Он стоял совершенно прямо и неподвижно.

— Ну, так иди к себе. Первыми дежурить будут...

Джордан решил дежурить в первую смену — все равно ему не удастся уснуть. Ну зачем, зачем он взял Рикки в экспедицию? Либо он подвергает мальчика опасности, либо — и это, пожалуй, хуже — Рикки каким-то образом подстроил то, что произошло. Барни постоянно давал ему поручения. Казалось, Рикки выполнял их с удовольствием, но кто может угадать, о чем на самом деле думает подросток? Может быть, он решил, что будет смешно посмотреть, как толстяк Барни станет в панике метаться по лесу? Но каким образом ему удалось это устроить?

И тут Джордан вдруг вспомнил, что как-то застал Рикки за чтением земной энциклопедии. Он штудировал статью о гипнотизме.

А если Рикки тут все-таки ни при чем, то как объяснить это нелепое нападение на повара?

На вершине самого высокого из ближайших к вырубке деревьев сидел Длинный Меч и в ожидании рассвета печально размышлял о неудаче своего плана.

Привести в лес Самого Большого из Большого Племени оказалось очень легко. Он уже давно обнаружил, что какую-то часть суток они лежат горизонтально в своих укрытиях, плотно закрыв глаза, и именно в эти часы они более чувствительны к мысленному воздействию, чем когда двигаются.

Глаза Длинного Меча закрывались изнутри, а потому его очень заинтересовали глазные веки. Он лишь с трудом удержался от того, чтобы поставить два-три эксперимента с веками повара. И теперь с горечью подумал, что отказался от них совершенно напрасно.

В начале ночи он созвал двенадцать Собратьев, и все они, думая вместе, заставили Самого Большого встать и пойти в лес. Длинный Меч решил, что восприимчивость Самого Большого должна возрасти, если они заставят его снова лечь. Кроме того, вспомнив, как угасали мысли, едва эти существа начинали дуть сквозь лицевую щель, он подумал, что это отверстие следует хорошенько залепить.

Теперь он понимал, что поступил опрометчиво. Едва смазанный клейким соком лист был опущен на лицо Самого Большого, как глаза его раскрылись и настолько выпучились, что едва не вылезли из орбит. Собратья успели вовремя перехватить зловещие мысли огромного существа и спаслись на дереве — все, кроме него. А ему впервые в жизни пришлось пустить в ход свой шип, чтобы освободиться. Затем, свирепо размахивая огромными руками, существо неуклюже вскочило на ноги. И тут уж пришлось распроститься с надеждой установить с ним контакт. В его мыслях была такая сумятица, что Собратья поспешили отступить подальше, туда, где взаимодействие деревьев и других лесных созданий снизило интенсивность мыслей Самого Большого до терпимого уровня.

Длинный Меч был поражен невысокой степенью интеллекта, проявленного Самым Большим. Существо даже не попыталось его понять. Мысли Самого Большого были даже еще более нечеткими, чем у тех его соплеменников, кого он успел исследовать. Не ошибся ли он? Может быть, рост и объем у этих чудовищ не находятся в прямой связи с интеллектом? А может быть, зависимость тут обратная?

Длинный Меч внезапно почувствовал страшную усталость. Ему захотелось пить. Он соскользнул в полную дождевой воды выемку гигантского листа, чтобы впитать воду через миллионы устьиц своей кожи и обдумать новый план.

На следующее утро в лагере царило довольно унылое настроение. Все без исключения не выспались, а теперь им еще предстояло изменить полностью разработанную программу исследований, так чтобы никому не пришлось ходить в лес одному. Неведомая опасность, которая накануне ночью казалась интригующей, утром превратилась в источник неприятностей и неясной

тягостной тревоги. К тому же возможно, что ночное происшествие все-таки было делом рук изобретательного мальчишки, склонного к глупым шуткам.

Те, кто работал в лесу, ушли из лагеря, те, кто вел лабораторные исследования, занялись своим делом, стараясь не думать о посторонних вещах. Рикки, которому в это утро совсем не хотелось сидеть над уроками, забежал к Барни узнать, не надо ли ему помочь, и был послан в оранжерею нарвать гороховых стручков.

Механическая работа помогала мальчику спокойно обдумать положение. Один раз ему удалось спастись от этого ужаса, а теперь он вновь его настиг. Но было и что-то другое...

Должно же существовать какое-то объяснение!

Когда он уехал из дома в Антарктике, ему казалось, что все неприятности остались позади. Больше ему не нужно будет постоянно следить за собой из опасения проговориться. И не надо будет бороться с искушением — ведь иногда почти против воли он, не сдержавшись, бросал им в глаза правду ради удовольствия посмотреть, как они из этого выпутаются. Он освободился! Совсем освободился!

И вот все началось сначала. Кругом только и говорили, что о разных научных проблемах и открытиях — откуда же он мог знать, что он слышал по-настоящему, а что нет? И как поступить, раз уж эта неведомая беда настигла его и здесь?

Однако у него есть одна надежда. Во всяком случае, к тому, что произошло с Барни, он никакого отношения не имеет. Если бы только ему удалось узнать, как это произошло на самом деле, найти убедительное объяснение, которому поверили бы все,— вот тогда он рискнул бы довериться кому-нибудь, рассказать, каким образом он, сам того не замечая, узнает вещи, которые не должен был бы узнавать...

Но даже если из этого ничего не выйдет, все-таки лучше что-то делать, а не сидеть сложа руки и ждать очередного скандала.

Рикки отнес горох на кухню и пошел бродить по вырубке. Влажная рыжая земля блестела под лучами солнца как масляная краска. Там и сям он видел отпечатки больших ступней Барни. Они вели от лагеря и к лагерю, они манили в лес. Там, среди черных листьев и еще более черных теней, притаилась какая-то настоящая, осязаемая опасность, от которой можно было избавиться при помощи палки. Возле хижины его отца лежала груда палок, заготовленных для исследовательских партий. Рикки выбрал палку потяжелей и потолще.

Длинный Меч кончил пить — или, если хотите, купаться — и, выбравшись из обмелевшей лужицы в чаше листа, развернул перепонки, подставляя их солнцу. В эту минуту он больше всего походил на летучую мышь. Черные пленки, которые протянулись от его рук и ног, в свернутом виде были почти незаметны. Но, раскрытые во всю ширину, подставленные солнечным лучам, они занимали более двух квадратных футов. Эти перепонки поглощали световые волны всего видимого спектра, а также значительную

часть ультрафиолетовых и инфракрасных. Подобно большинству живых организмов на Лямбде, Длинный Меч поддерживал свое существование интенсивным фотосинтезом.

Он только-только начал оправляться от утомительных происшествий прошлой ночи (всякая деятельность в темноте приводила к быстрому истощению), когда из леса донесся зов:

— Большеног уходит, Длинный Меч! Большеног отправляется в Путешествие. Ты хотел посмотреть, как это происходит. Иди быстрее!

Перепонки тотчас же скрутились в тугие валики, плотно прилегающие к рукам и ногам, и Длинный Меч стремительными прыжками понесся по лесу. Долгое Путешествие было для него полнейшей тайной — как и для всех Собратьев, пока ими не овладевало непреодолимое стремление уйти. Но если остальных эта тайна не интересовала, то Длинный Меч очень хотел в нее проникнуть.

Вскоре он добрался до опушки леса у края Большого Разлома. Около двадцати Собратьев сидели на площадке над отвесным обрывом. Среди них был и Большеног: его ступни подергивались от нетерпения. Когда Длинный Меч опустился на площадку, Большеног вскочил, торопясь поскорей отправиться в путь.

— Куда ты идешь? — спросил Длинный Меч.— Чего ты там ищешь, Большеног? Зачем тебе идти через пустыню, где нет ни воды, ни тени? Ты и полпути не пройдешь, как превратишься в сухой сучок.

Но мысли Большенога были отключены: его больше не интересовали ни Длинный Меч, ни Собратья, ни опасность, грозившая Дереву. Он не знал, зачем ему нужно спускаться туда, где простерлась пустыня из сухих скал и камней. Он не сознавал ничего, кроме желания скорее уйти. Спрыгнув с площадки, Большеног перелетал с уступа на уступ, пока не достиг подножия. И ни разу не оглянувшись, он направился через широкую, усеянную камнями равнину, туда, куда указывали длинные тени, отбрасываемые восходящим солнцем.

Длинный Меч грустно смотрел ему вслед. К нему самому тот зов, которому подчинился Большеног, придет еще почти через год, а потому мысль о собственном Путешествии пока его не тревожила. Он знал, какие опасности подстерегают Собратьев на сухих равнинах, а так как привычка логически мыслить была развита у него особенно сильно, дальнейшая судьба Большенога не могла не внушать ему тревоги. Равнина простиралась до самого горизонта — по крайней мере на двенадцать миль. А на горизонте тянулась темная полоса, которая, возможно, была продолжением их леса. И Длинный Меч никак не мог понять, зачем Большеногу понадобилось идти туда — и не только ему, но и многим тысячам Собратьев, из поколения в поколение покидавших родной лес.

Он вернулся к вырубке и примостился на высокой ветке. Большого Племени почти не было видно. Длинный Меч заметил, что от тех, кто находился поблизости, исходит смутная тревога —

это чувство было ему незнакомо и показалось неприятным. Необходимо было найти какой-то способ отделить одну особь от остальных, раз уж прямолинейный метод оказался неэффективным. Внезапно он отчетливо осознал, что одна особь уже отделилась от остальных и медленно движется в его направлении.

Рикки заметил, как из лесных теней выпорхнула черная фигурка и опустилась на черный лист. Едва она перестала двигаться, он сразу же потерял ее из виду, но затем, отчаянно напрягая зрение, сумел-таки различить ее на еще более черном фоне. Неторопливо, словно бесцельно прогуливаясь, Рикки направился туда. Исподтишка он разглядывал неизвестное существо: бесформенное туловище около четырех дюймов в длину, голова — примерно в два раза меньше — соединена с туловищем короткой шеей. Существо опиралось на согнутые передние конечности, а задние торчали вверх углом, как ноги кузнечика; конечности были примерно вдвое длиннее туловища и головы, вместе взятых. Подойдя поближе, Рикки различил большие выпуклые глаза. Они были серыми, с черной вертикальной полоской зрачков, и занимали больше половины всей головы. Всю описанную фауну Лямбды Рикки знал наизусть, но это существо ни в одном списке не значилось. Он уже не сомневался, что перед ним один из «дьяволов» Барни.

Существо продолжало сидеть на большом листе и как будто не замечало его приближения. Еще один шаг — и можно будет дотянуться... а-а-ах!

Рикки уже почти сомкнул пальцы, но Длинный Меч перепрыгнул через его голову, опустился на землю за его спиной и вскочил на соседнее дерево. Рикки тихо повернулся и снова начал медленно подкрадываться к черной фигурке. Он бормотал про себя ласковые слова, заимствованные у приятелей, которые разводили кроликов и морских свинок:

— Ну иди же, иди к дяде. Он тебе больно не сделает. Ну чего ты боишься? Иди, зверик, иди...

Длинный Меч, выпорхнув из-под его опускающейся ладони, сел на ветку еще на десять шагов дальше от вырубки.

И Рикки углубился в чащу, совершенно забыв, что ему запрещено уходить с вырубки. Он забыл обо всем на свете — так ему не терпелось схватить это существо, рассмотреть его как следует, подержать в руке, приручить. Палка, которую он столь тщательно выбирал, забытая, валялась на опушке.

Длинный Меч начал сердиться. Он не боялся, что его поймают, но ему некогда было играть с этим существом в салочки. Он хотел приручить его, добиться, чтобы оно его поняло, однако мысли существа, казалось, были отключены. А главное, оно то и дело прибегало к бессмысленному выдыханию воздуха через лицевую щель, из-за которого добраться до его сознания было невозможно. И приходилось все время быть настороже, чтобы точно предугадать момент, когда оно сделает хватательное движение. В конце концов Длинный Меч забрался на ветку высоко над головой существа и принялся обдумывать положение.

А у подножия Дерева Рикки испытывал все эмоции

охотничьего пса, который облаивает белку, уютно устроившуюся на недоступной высоте. Он чувствовал, что все потеряно. Вот если бы эта подлая тварь спустилась на ту ветку, где торчит что-то вроде яблока, начала бы это яблоко грызть и забыла бы о его присутствии...

Внезапно «эта подлая тварь» так и сделала. Во всяком случае, черная фигурка спрыгнула на нижнюю ветку и положила ладошку с длинными пальцами на круглый нарост. Рикки даже рот открыл от удивления.

У него чесались руки поскорее схватить черное существо, но он заставил себя стоять неподвижно. Может быть, оно уже успело забыть про него и считает его частью окружающего пейзажа? А что если поднять руки, только медленно-медленно — может быть, оно примет их за ветки? И тогда...

Вдруг у него в голове словно что-то взорвалось. Он ойкнул, замигал и совсем забыл о своем решении сохранять неподвижность. Потом снова замер, полагая, что существо сейчас же исчезнет, но оно продолжало сидеть на ветке.

Длинный Меч наблюдал за реакцией на свое энергичное «нет» с пробуждающейся надеждой. Правда, он сделал то, чего это существо от него хотело, не очень-то рассчитывая, что удастся таким образом установить с ним контакт. Однако Большое Существо, несомненно, что-то почувствовало.

Длинный Меч решил, что пора и ему предложить что-то в свою очередь, сосредоточился и предложил Большому Существу повернуться и поглядеть в другую сторону.

Большое Существо наклонило голову и снова замигало. Длинному Мечу показалось, что эта реакция вызвана излишней силой его мысли. Он попробовал еще раз, не с таким напряжением. Да, что-то достигло цели! Он воспринял слабый, неуверенный, но несомненный ответ. Это был отказ. Большое Существо не хотело отворачиваться. Тогда Длинный Меч попросил его отодвинуться на один шаг в сторону.

Большое Существо нерешительно подчинилось. Длинный Меч радостно прыгнул в том же направлении и опустился на ветку напротив головы Большого Существа. И воспринял мысль, не слишком ясную, но все-таки понятную:

«Если ты меня понимаешь, положи ладони себе на голову».

Длинный Меч неохотно послушался. Долго сохранять эту позу, не теряя равновесия, он не мог, но внезапное возбуждение, которое он вщутил в Большом Существе, очень его ободрило.

«Теперь смотри! Я сяду на землю. Ты понимаешь, что это значит? Я сейчас сяду».

Большое Существо неуклюже перегнулось. Его колени были противоестественно вывернуты, но Длинный Меч понял смысл этого действия. Он ответил собственной мыслью:

«Я разверну мои перепонки».

Удивление Большого Существа совсем его оглушило, и он запротестовал. В ответ донеслось что-то вроде извинения. Он постарался сделать свою мысль предельно ясной.

«Мы установили, что между нами возможен контакт. Теперь нам следует поупражняться в обмене мыслями, пока мы не научимся как следует понимать друг друга».

Он только-только ощутил нечленораздельное согласие, когда все пошло насмарку: из-за деревьев, грузно ковыляя, появилось еще одно Большое Существо.

— Рикки! Что ты тут делаешь? Чтобы мне остаться без единого образчика, если тебе не влетит по первое число! Ты хочешь, чтоби тебя, как Барни, уволокли черные дьяволята?

Рикки испуганно вскочил с земли.

— Простите, доктор Вудмен, я забыл. Я... я засмотрелся на разных насекомых и сам не знаю, как забрел сюда. Мне очень неприятно.

— Ну, ничего страшного ведь не случилось. Однако пойдемка, пока кто-нибудь не поднял тревоги.

Длинный Меч воспринял импульс отчаяния от Большого Существа, которое ему с таким трудом удалось приручить; по-видимому, оно жалело, что им помешали, даже больше, чем сам Длинный Меч. Оно опасалось, как бы другое Большое Существо не увидело его, Длинного Меча, а потому он замер — черное пятно, не отличимое от сотен таких же пятен,— и послал сигнал вслед прирученному Большому Существу:

«Приходи опять! Я буду на краю вырубки. Приходи опять».

Согласие было выражено с такой силой, что он чуть не свалился с ветки.

Вудмен решительно увел Рикки из леса.

— Ну, раз уж ты мне попался, то попробуем извлечь из этого пользу. Мне нужно пойти к моему любимому озерцу, но я никак не мог подыскать себе дуэнью. Если я не ошибся в расчетах, мы увидим там кое-что любопытное.

Рикки с трудом проявил вежливый интерес. При обычных обстоятельствах приглашение Вудмена привело бы его в восторг.

— Опять псевдогидры?

— Вот именно. Помнишь, мы наблюдали за тем, как они хватали существа, похожие на двухвостые торпеды?

— Да. Но вы же сказали, что их уже всех съели.

— Это-то верно. Ну, мы пришли. Только не наклоняйся так, твоя тень им не понравится. Ложись на живот. Отлично!

Рикки лег и устремил взгляд сквозь прозрачную воду на дно. Там, где на воду не падали тени, она отражала яркую синеву небес — единственное, что на Лямбде обладало привычным цветом. Внезапно Рикки ощутил легкий приступ тоски по Земле, но она тотчас рассеялась. Тосковать, когда только что случилось настоящее чудо? Ерунда!

Он заставил себя сосредоточиться на псевдогидрах. Они обитали там, где из озерца брал начало бурый ручеек. Над крохотными, прикрепленными к камням шарообразными туловищами колыхались белые нити ветвистых щупалец длиной до шести дюймов. Колония состояла из пятидесяти с лишним особей, чьи щупальца сплелись поперек истока, образуя плотную сеть,

сквозь которую не мог бы проскочить ни один предмет крупнее пшеничного зерна. Неторопливое течение увлекало в этот живой невод неосторожных обитателей озерца, решивших его покинуть; цепкие щупальца, способные удержать жертву втрое больше самой псевдогидры, обволакивали ее тело, образуя капсулу, в которой она постепенно переваривалась.

— Вон посмотри! — прошептал Вудмен.

Он указал взглядом на прозрачные твердые шарики, которыми завершались некоторые щупальца. Внутри них подергивались темные крохотные сигары, примерно по десятку в каждом шарике.

— Она опять поймала торпеды,— прошептал Рикки.— Только на этот раз маленькие.

— А по-моему, не поймала! — ответил Вудмен.— Я так и думал, что все произойдет сегодня! Смотри вон на тот — сейчас лопнет.

И действительно, несколько минут спустя шарик, на который он указывал, раскрылся по всей ширине. Малюсенькие торпеды, длиной не более трех-четырех миллиметров, выскользнули в воду и начали бестолково метаться взад и вперед. Двигались они толчками, выбрасывая воду через раздвоенные хвостики. Рикки ахнул:

— Гидра их выпустила! И поглядите — вон одна задела за щупальце, а оно ее не схватило! В чем дело?

Две крохотные торпеды сблизились, неуверенно покрутились друг возле друга, а затем изогнулись, повисли в воде параллельно и поплыли дальше уже рядом.

Тем временем и все остальные разбились на пары. Потом Рикки увидел, что одна из пар разделилась, и обе торпеды стремительно метнулись в разные стороны. Одна оказалась прямо у него перед глазами, и он успел разглядеть, что она выбрасывает крохотную молочную струйку.

Перед его носом мелькнула рука Вудмена с пипеткой. Торпеда унеслась прочь. Вобрав в пипетку несколько капель, Вудмен извлек ее из ручейка и внимательно рассмотрел содержимое.

— Так и есть,—пробормотал он.

В пробирке плавали точечки, еле различимые простым глазом.

— Яйца...— сказал Вудмен.

— Яйца? Но... но это же молодь! Те торпеды были гораздо больше.

— Верно, Рикки! А знаешь, во что разовьются эти яйца? В новые торпеды? Как бы не так! Если только их жизненный цикл не составляет дичайшего исключения, из них выведутся маленькие псевдогидры.

Рикки перекатился на спину и посмотрел на зоолога.

— Но что же тогда большие торпеды?

— Видишь ли, дело, на мой взгляд, обстоит так... Ты что-нибудь знаешь о чередовании поколений у земных кишечнополостных? Особенно у гидроидных вроде обелии? Сидячее поколение некоторое время размножается вегетативно, почкованием. Затем

они начинают продуцировать почки, которые развиваются уже не как родители. Они отделяются и начинают плавать самостоятельно. Они питаются, растут и в конце концов вырабатывают яйца или сперму, а из оплодотворенных яиц развивается новое сидячее поколение. Ну, а здесь формы, ведущие свободное существование,— торпеды — начинают откладывать яйца, едва отделившись от родителя. Они спариваются через несколько минут после выхода в воду, а кладка начинается сразу же после оплодотворения. Но жизнь торпед с этого только начинается. Они плавают по озерцу, едят и растут, а достигнув взрослой стадии, приплывают к старым псевдогидрам, которые их поедают и используют полученные питательные вещества, чтобы продуцировать новую серию крохотных торпед. Понимаешь?

— Какое мерзкое животное! — нахмурился Рикки.

— Чепуха! Прекрасный образчик экономии в природе! Не будь снобом, Рикки! Если ни одно земное животное не развило подобного механизма, отсюда еще не следует, что он не этичен. Кое-какие земные твари по своей мерзости дадут этой псевдогидре сто очков вперед. Например, морские желуди, у которых редуцированные самцы паразитируют на самках. Эволюция вообще не признает никакой этики, кроме закона выживания вида, а его вряд ли можно признать этической категорией.

Рикки поглядел на Вудмена с некоторым сомнением.

— Но ведь и мы — результат эволюции. А мы заботимся о других видах.

Вудмен кивнул.

— Пытаемся — во всяком случае, некоторые из нас. Но в свое время выживание нашего вида было куплено ценой гибели многих других.

Рикки пришла в голову неожиданная мысль:

— А этот... этот механизм чередующихся поколений на Земле развился не только у одного вида, ведь так?

— Конечно. Только на Земле такое приспособление независимо друг от друга выработали десятки разных видов, не говоря уж о лямбдианских организмах, которые им обладают, о пяти-шести на Арктуре-III и о простейших на Роше. По-видимому, это один из основных защитных механизмов. Первая стадия максимально использует существующее положение, а вторая служит страховкой от возможных перемен. Сложившаяся система хорошо сбалансированных наследственных характеристик может повторять себя быстрее с помощью вегетативного размножения, без изменения хромосомного набора. С другой стороны, при изменении условий половое размножение обеспечивает появление популяции, которая скорее может дать несколько адаптирующихся форм. Некоторые виды отказались от стадии полового размножения, как другие — от стадии вегетативного, однако в конечном счете это, вероятно, не оправдывается.

— Но каким образом так получается?

Вудмен задумался.

— Возможно, происходит что-нибудь вроде следующего: предположим, единственный организм — одна из этих псевдо-

гидр, например,— на вегетативной стадии оказывается изолированным. Скажем, все остальные псевдогидры в озерце отчего-то погибли. Оставшаяся псевдогидра будет по-прежнему производить свои маленькие торпеды, но им не с кем спариваться. Она продолжает размножаться вегетативным путем. Ты ведь видел, как они расщепляются по вертикальной оси? В конце концов происходит мутация: кто-то из потомков перестает понапрасну расходовать свое вещество на бесполезные торпеды, а потому начинает делиться быстрее остальных и постепенно вытесняет их. В одном из африканских озер ежегодно появлялось множество медуз, причем это всегда бывали самцы. В незапамятные времена в это озеро каким-то образом попал полип в вегетативной стадии, и из столетия в столетие его потомки продолжали производить бесполезных медуз-самцов, существование же самого вида поддерживалось вегетативным размножением.

— И чем же это кончилось?

Вудмен сердито нахмурился.

— Какие-то идиоты спустили в озеро промышленные отходы, и в нем погибло все живое. Ну, пойдем, пора обедать.

Эллен Скотт убрала последний образчик почвы и задумчиво уставилась на свой прибор. Напряжение в лагере возрастало, то и дело вспыхивали мелкие ссоры. Половина членов экспедиции пришла к выводу, что ночное приключение Барни было каким-то образом подстроено Рикки, а потому следует отказаться от стеснительных мер предосторожности, которые только мешают работе. Остальные считали, что Рикки тут ни при чем и соблюдать осторожность необходимо. А кто с этим не согласен, пусть-ка прямо скажет шефу, что, кроме его сына, на Лямбде нет ни единого опасного существа!

Эллен, по ее собственному мнению, занимала нейтральную позицию. Она не бралась решать, имеет ли Рикки отношение к случившемуся, да это ее и не трогало бы, если бы только мальчишка больше считался с отцом и не терзал бы его так. На Земле, когда стало известно, что Джордан берет сына в экспедицию, ей про него кое-что рассказали. Тогда она сочла это пустыми сплетнями, но после истории с расчетами Картрайта вынуждена была согласиться, что дыма без огня не бывает.

Людям, работающим в космосе, нельзя вступать в брак и заводить детей! Так она решила для себя много лет назад. Можно отдать себя освоению новых планет, можно отдать себя семье. Но плодотворно сочетать то и другое нельзя. Дети были частью земной жизни, и упорядоченное безопасное существование, которое ей было тягостно, для них абсолютно необходимо. Ну, а подростки? Пожалуй... Рикки вначале был как будто совершенно счастлив.

Но что все-таки происходит с ним теперь? После того случая с Барни мальчик не выходит из какого-то странного состояния. То начинает разговаривать сам с собой, то умолкает столь же внезапно и словно с досадой. И теперь его как будто совсем не трогает, что многие в лагере относятся к нему с подозрением, хотя

он всегда казался ей чутким и впечатлительным. История с Картрайтом его, несомненно, очень расстроила, а то, что происходит теперь, ведь много хуже!

Джордан, во всяком случае, долго этого выдержать не сможет...

Рикки, который лежал у себя в хижине — считалось, что он спит (ему полагался дневной отдых, так как лямбдианские сутки были много длиннее земных),— по зрелому размышлению решил, что уже пора рассказать отцу о своих научных исследованиях. Как ни был он поглощен открывшимися ему чудесами, он все-таки замечал, что взрослые вроде бы начинают беспокоиться. Кроме того, он уже научился бегло «разговаривать» с Длинным Мечом и более или менее сносно объяснялся с остальными Собратьями. Он знал, чего они хотят, и дальнейшее промедление было бы непростительно. А главное, результаты научных исследований — это достояние всего человечества, и он не имеет права их скрывать!

На минуту Рикки задумался о том, как можно будет применять его новое умение. Да, конечно, люди уже несколько столетий ставят опыты по телепатии, но без всякого толку. Наверное, только истинный телепат, происходящий из расы, которая не знает иных способов общения, кроме телепатии, мог научить человека, как развить скрытые в нем зачатки смутной силы и как этой силой управлять. А может быть, думал Рикки, люди с телепатическими способностями так уставали, прежде чем успевали их развить, что попросту их отключали; те же, кто ставил опыты, такими способностями не обладали. Он сам только теперь научился экранировать свое сознание от всех остальных. При таких помехах ясный прием передаваемых мыслей был вообще невозможен. Ему пришло в голову, что с этого следует начать: он не будет подслушивать ничьих мыслей. Больше никогда не будет!

Но для научных исследований такая способность окажется на редкость полезной, даже помимо сложнейшей проблемы взаимоотношения материи и сознания или общения с инозвездными расами! Ведь он, возможно, сумеет понять, что происходит в сознании земных животных, то есть тех из них, кто обладает какой-то степенью сознания! И он установит, как воздействует на людей поле масса-время — ведь никто еще не сумел вспомнить своих ощущений в момент включения поля. И еще... всего и не перечислишь!

Рикки вскочил с постели. Отец сейчас должен быть у себя. Эти часы он отвел для собственных занятий, если, конечно, не случалось ничего непредвиденного. Рикки машинально настроился на прием мыслей, приходящих с той стороны. Он хотел только узнать, не помешает ли он отцу.

И ощутил болезненный шок. Что могло так взволновать старину Джо? Он с кем-то разговаривает? А, как неудачно! Кажется, с Вудменом? В отличие от Длинного Меча Рикки

продолжал воспринимать мысли и во время устной речи, однако очень нечетко. Он отчаянно напрягся, пытаясь уловить причину этой сумятицы. Вудмен столкнулся с чем-то... с чем-то неприятным... с чем-то, что...

Рикки выбежал из хижины и в два прыжка покрыл расстояние, отделявшее его от хижны отца. До него донеслись голоса — Вудмен говорил взволнованно и громко:

— ...нечто дьявольское. Да, конечно, причина была физической — какие-нибудь испарения, и я чуть было не потерял сознания. Но ощущение возникло такое, словно совсем рядом кто-то испытывает ко мне бешеную ненависть. Ну, знаете, как во время космического гриппа; кажется, будто ты всем противен,— только в миллион раз сильнее. Депрессант невероятной силы. И ведь не в помещении, а на открытом воздухе....

— Где это произошло?

— В восьмом секторе. Примерно вот тут.

Очевидно, он указывал место на карте. Вне себя от страшного подозрения, Рикки, забыв свое решение, попробовал проникнуть в сознание отца, чтобы увидеть, на что они глядят. Картина была смутной и неустойчивой, но он различил скользящую по карте палочку из слоновой кости, которую Джордан всегда носил с собой, и... да, она указывает на поляну, где растет Дерево! Хранители слишком уж успешно отогнали незваного гостя!

Джордан сухо рассмеялся:

— А мы объявили эту планету абсолютно безопасной! — он встал со стула.— Сначала Барни встречает дьяволят, теперь вы наткнулись на анчар! Вы уверены, что это исходило от растений?

— Именно от этого Дерева. Оно стоит посреди широкой поляны. Ощущение возникло, когда я был от него в трех шагах. На ветках висят длинные стручки. Возможно, они выделяют летучие яды. Несколько недель назад я срезал с него одну ветку для коллекции и ничего не почувствовал. Возможно, это сезонное явление.

— Ну, так его придется уничтожить!

Рикки с ужасом ощутил яростную радость отца — наконец-то перед ним был понятный враг, с которым можно легко разделаться.

— Эллен намерена заняться исследованием почв в том секторе,— продолжал Джордан.— Это ведь последний сектор, где еще никто не работал, и многие намерены вскоре перейти туда.

Рикки, потеряв голову от страха, выпрямился и возник в окне, как чертик из коробочки.

— Джо, этого нельзя делать. Честное слово, нельзя! Это Дерево страшно важное. Все очень просто...

— Рикки! — Джордан перегнулся через письменный стол, опрокинув микрочтец.— Ты подслушивал?

Рикки побледнел.

— Да, но только...

— Иди в свою хижину!

Вудмен попытался что-то сказать, но Джордан отмахнулся от него.

— Я поговорю с тобой позже. А до тех пор не выходи из своей хижины!

Вудмену показалось, что Рикки хотел что-то возразить, но после недолгой внутренней борьбы мальчик повернулся и ушел.

Джордан сжал дрожащими пальцами палочку из слоновой кости.

— Идемте, Вудмен! Я хочу сам осмотреть это Дерево. Нам нужны маски и аппарат для проб воздуха... да, и портативный детектор. Будьте добры, возьмите все это со склада. Жду вас через десять минут. И захватите бластер.

Вудмен хотел было возразить, но передумал. Старик Джордан уже неделю весь кипит, и, пожалуй, ему только полезно дать выход своим чувствам. Но он настоящий ученый и в решающую минуту не станет ничего губить бессмысленно. Непонятно, почему Рикки так перепугался! Он ведь и сам позаботится, чтобы это, возможно уникальное, растение осталось цело и невредимо. И, успокоив себя этой мыслью, зоолог отправился на склад.

Проходя мимо хижины Рикки, Джордан было замедлил шаг, но уловил легкое движение внутри и отвернулся. Им все еще владела ярость, которой он сам не понимал; в подобном состоянии ему было бы трудно не только вести щекотливый разговор, но даже думать логично. Надо прежде самому во всем разобраться, а уж потом заняться мальчиком.

Распростершийся на кровати Рикки «слушал», напрягая все силы. Вудмен в душе не одобряет эту поспешную экспедицию. Отлично. Старина Джо, по-видимому, отдает себе отчет в том, что сейчас он не в состоянии мыслить разумно. Тоже хорошо. На секунду Рикки испытал сожаление, что последнюю неделю сторонился отца. Даже если Джордан не сожжет Дерево бластером тут же на месте, Собратьям по-прежнему будет грозить смертельная опасность. Впервые с той минуты, когда он понял, чего от него хочет Длинный Меч, Рикки усомнился в своих возможностях. Согласятся ли взрослые спокойно его выслушать? Так ли уж на самом деле отличаются старина Джо, Вудмен, мисс Эллен и все остальные от Коры, Камильо и их знакомых, которые даже не пытались понять?

Нет, есть только один способ спасти Собратьев от гибели, и еще не известно, окажется ли он действенным. Но другого выхода нет. И он сам виноват, что не рассказал Джо обо всем раньше. Он вел себя как маленький: хотел подольше насладиться своей тайной. Ну, ничего, теперь он все поправит, если только его предположение верно... Но уж тогда все пойдет прекрасно, гораздо лучше, чем прежде! Если повезет, его хватятся не раньше, чем через несколько часов. К тому времени он, наверно, успеет все сделать, а тогда можно будет связаться с лагерем по радиотелефону и объяснить, где он и что произошло.

Рикки уже углубился в лес, когда Джордан попросил Вудмена подождать и заглянул в лабораторию почвоведения.

— Эллен, я велел Рикки не выходить из хижины. Я... у нас вышло небольшое недоразумение. Сейчас ему лучше побыть одному, но, может быть, через час вы заглянули бы к нему посмотреть, как он там?

— Конечно, Джон. Но что...

— Сейчас у меня нет времени объяснять. Спасибо, Эллен. До свидания.

Хотя в лесу не было кустарника, ветки деревьев сплетались так густо, что внизу царила почти полная темнота, и идти приходилось медленно. Джордан, шагая за Вудменом, почувствовал, что его гнев угасает, сменяясь глубокой угнетенностью. В каком свете он показал себя — и как отец, и как руководитель экспедиции? Особенно нелепым было его поведение сейчас. Рассказ Вудмена не давал никакого повода для такой спешки. И, во всяком случае, ему следовало бы задержаться и узнать, что хотел сказать Рикки,— теперь, когда раздражение прошло, он уже не сомневался, что за испугом мальчика крылось что-то непонятное. Если бы можно было повернуть назад, не поставив себя в еще более дурацкое положение, он предпочел бы возвратиться в лагерь и спокойно расспросить Рикки.

Вудмен, шедший впереди, остановился и оглянулся.

— Вот оно, сэр. Вон то дерево. Но... но я ничего не ощущаю.

Джордан догнал его.

— Останьтесь здесь. Противогаз держите наготове.

Сам он медленно пошел через поляну, пока не оказался под ветками Дерева.

Хранители на вершинах по краю поляны тревожно совещались:

— Контакт сказал, что мы не должны их отгонять. Будем следовать его совету.

Джордан внимательно осмотрел ветки.

— Я ничего не чувствую,— сказал он наконец.— Вудмен, вы уверены, что дерево — то самое?

— Так мне казалось, сэр,— с некоторым сомнением ответил зоолог, подходя к нему.— Но все эти полянки похожи одна на другую и, возможно... Нет, это оно! Прежде чем убежать, я все-таки успел привязать платок к сучку, как метку. Вот он!

Хранители испустили телепатический эквивалент вздоха и отступили на вторую линию обороны.

— Знаете что, сэр...— Вудмен говорил с обдуманной почтительностью.— Других таких деревьев я здесь не видел. По-видимому, это единственный экземпляр. Ведь этот лес практически изолирован от остальной планеты: Большой Разлом с одной стороны, горные обрывы — с другой и река с юга. Но эти типы почвы даже не доходят до реки. Не исключено, что здесь сохранились реликтовые формы или, наоборот, особые виды, развившиеся после того, как возник Разлом. Мне кажется, без всяких причин уничтожать его не стоило бы.

Джордан хмуро уставился на ближайший стручок.

Я вовсе не собирался тут же его уничтожать! Но если это дерево чем-то опасно, следует сразу установить, в чем заключается эта опасность — только и всего. И мне не... Что такое?

Из леса донесся треск ломающихся веток. Вудмен и Джордан бросились на звук и в темноте чуть было не столкнулись с Эллен Скотт.

— Джон! Как хорошо, что я вас нашла! Немедленно возвращайтесь. Рикки... Он исчез. Я пошла к нему в хижину, как вы просили, но его там не было. И в лагере его нигде нет. Он убежал!

В лагере царила суета, но это была организованная суета. Джордан, бледный, встревоженный, тем не менее полностью владел собой. Очень быстро удалось установить несколько важных фактов. Три группы, работавшие к востоку от вырубки, решительно утверждали, что Рикки мимо них не проходил.

К северу от лагеря были установлены чувствительные приборы, резко реагировавшие на появление вблизи них человека, отчего вся зона была объявлена запретной. Никакого нарушения в работе этих приборов не обнаружили.

Оставалось южное и западное направления. К югу, на восемь миль до самой реки, тянулась густая чаща. На запад простирались полторы мили уже изученного леса, который кончался у Большого Разлома.

— Искать в этой стороне нет смысла,— Джордан приложил палочку к карте на месте Разлома и машинально отметил про себя, что его пальцы совсем не дрожат.— Эта дорога никуда не ведет. Если считать, что он действовал с заранее обдуманным намерением, он мог направиться только к Первой базе на побережье. А путь туда один: вниз по реке на одном из тех плавучих островов, которых мы так много видели в низовьях.

— Но ведь там водопады...— пробормотал кто-то.

— Есть ли у нас основания полагать, что Рикки слышал про водопады? — На лбу Джордана выступили капли пота. Все молчали.— Мы должны перехватить его прежде, чем он достигнет первого водопада. Но, может быть, у кого-нибудь есть другие предположения?

Ни у кого не хватило духу сказать вслух, что Рикки мог в панике убежать из лагеря и теперь блуждает наугад среди черных деревьев. На юге все тропы обрывались примерно в полутора милях от лагеря, а если он бежал напрямик, то мог заблудиться и гораздо ближе. Его радиотелефон не подавал автоматических сигналов. Возможно, мальчик его выключил или разбил и бросил. Внезапно Пенн, геолог, сказал:

— Ну, а Разлом? Он всегда им интересовался. Что, если ему захотелось посмотреть, что находится на другой стороне?

— Это не исключено,— ответил Джордан.— Однако обнаружить его там будет довольно просто, потому я думаю отложить обследование Разлома на вторую очередь. У нас ведь только один автолет. Если он направился через лес к реке, его необходимо догнать как можно скорее. Он ушел два с половиной часа назад. Если он не сбился с прямого пути, то уже мог добраться до берега. Обнаружить его там можно только с помощью автолета. Я буду патрулировать над всем протяжением берега и замечу его, как только он выйдет из леса. Если к рассвету он не появится, я обследую Разлом. Там с ним за такое время ничего серьезного случиться не может.

— Но второй автолет...— начал кто-то.

— Нет! — резко сказал Джордан.— Он неисправен.

Принять участие в поисках Джордан разрешил далеко не всем.

— Нам требуется ограниченное число людей. И не будет никакого смысла, если мы все выбьемся из сил в первые же сутки. Ведь поиски могут занять не один день. А некоторым из нас нельзя прерывать своих наблюдений...— Он поднял руку, заставляя умолкнуть протестующие голоса.— Если бы включение всех вас в поиски увеличило шансы найти Рикки хотя бы на один процент или даже полпроцента, я бы взял вас всех. Но нельзя допустить, чтобы работа нескольких месяцев пошла насмарку. И было бы из-за чего!

В конце концов несколько поисковых групп отправились в лес на юг, а одна — на запад. Джордан уже улетел на единственном исправном автолете. На вырубке был установлен автоматический звуковой маяк на случай, если Рикки бродит неподалеку, а вечером предполагалось включить сигнальные прожектора и периодически пускать ракеты.

Эллен Скотт была оставлена в резерве. Но перед тем как Вудмен ушел со своей группой, она успела его спросить:

— Ведь в последний раз второй автолет брали вы? Что с ним такое?

Вудмен скорчил гримасу.

— Не пожелал приземлиться. Я сел буквально чудом и добрался до лагеря пешком. А автолет мы привезли сюда на грузовике. В одном из механизмов я нашел заусеницу и зачистил ее. Но, возможно, дело было вовсе не в этом. Необходимого контрольного оборудования у нас тут нет, а проверять на горьком опыте, исправен ли он, никто не пожелал. И вы не вздумайте брать его, Эллен! Эти штуки очень хороши, пока работают, но стоит им закапризничать... К тому же полет над лесом ничего не даст, а уж на реке старина Джо и так все осмотрит как следует.

— Ну, а Разлом?

— С какой стати Рикки полез бы туда? Он был расстроен, но он еще не сошел с ума. Нет, он, конечно, отправился в базовый лагерь. Воображает, наверное, что его там встретят, как героя, если он сумеет добраться туда самостоятельно. Я покажу ему героя, дайте мне только его отыскать!

Еще с час Эллен заканчивала лабораторные работы, начатые членами поисковых групп. Через каждые несколько минут поступали сообщения, но ничего утешительного они не содержали. Сухая земля была тверда, как камень. Если Рикки ушел по одной из троп, он не оставил никаких следов. Но даже углубившись в лес, он свободно прошел бы под деревьями там, где взрослым мужчинам пришлось бы обламывать ветки. Оставалось три возможности: увидеть его с воздуха, поймать сигнал его радиотелефона и наткнуться на него в лесу, а все понимали, что, как бы тщательно ни были организованы поиски, последнее могло произойти лишь случайно.

Эллен не находила себе места. Что же сделал Рикки? Из

своей хижины он не взял ничего. Неужели он ушел без всякого снаряжения? Она пошла на кухню. Барни в очень скверном настроении рылся в своих шкафах. Он хотел отправиться вместе с одной из поисковых групп, но его кандидатуру забраковали.

— Барни,— торопливо спросила Эллен,— Рикки не брал с собой еды?

— Это я и проверяю, мисс. По-моему, пропала пачка сухарей. Но ведь ее мог взять не только он. И еще не хватает большой канистры, но ее, наверное, забрали те, кто ушел на розыски.

— Нет! — резко сказала Эллен.— Зачем она им? В лесу повсюду ручьи, не говоря уж о водоносных листьях. Они взяли только карманные фляжки.

— Не хватает большой канистры,— упрямо повторил Барни.— А вовсе не фляжки. То есть я хочу сказать, что фляжек Рикки не брал, я знаю, у кого они. А вот канистра пропала. Но Рикки не стал бы ее брать,— угрюмо добавил он.— Если она полна, ему ее даже не поднять, а про ручьи он знает не хуже всех прочих. Нет, уж поверьте: кто-то ее присвоил для своей коллекции или еще для чего-то. Так уж тут заведено, и теперь мы видим, что из этого получается. Ничего нельзя толком проверить...

Но Эллен Скотт уже вышла из кухни. Она еле дождалась возвращения группы, обследовавшей западное направление.

— Да, мы осмотрели Разлом,— сухо ответил ее руководитель.— Черт побери, Эллен, это же настоящая духовка! Марево там такое, что в двадцати шагах ничего не видно. Все пляшет. Даже с воздуха, пожалуй, что-то можно увидеть, только когда удлинятся тени. И притом — когда они не очень удлинятся. Джордан сейчас там ничего не разобрал бы. Да и зачем было Рикки лезть в эту печку?

Эллен отошла. Зачем? Но зачем было бы Рикки брать большую канистру, если бы он не собирался идти туда, где нет воды? Если только это он взял канистру. С другой стороны, на складах полно всяких емкостей, и кому бы вдруг понадобилось присваивать канистру?

А Рикки интересовался Большим Разломом. Он еще вчера расспрашивал о нем, хотя в последнее время перестал проявлять любопытство к чему бы то ни было.

Но сейчас там плохая видимость. Вот когда тени удлинятся...

Джордан связался с лагерем по радио — он уже полтора часа летает над рекой и прилегающим к ней лесом. С момента исчезновения Рикки прошло четыре часа.

До сумерек оставалось три часа.

Два часа спустя положение оставалось прежним. Для тех, кто искал в лесу, наступление ночи почти ничего не меняло: они все равно шли с фонарями.

Джордан сообщил, что намерен патрулировать и дальше, так как всю ночь на небе будет светить хотя бы одна из лун. До сумерек оставался час.

Эллен Скотт выслушала сообщения Джордана и поисковых групп и решительно пошла туда, где стоял неисправленный автолет. На него угрюмо взирал еще один член экспедиции.

— Уходите-ка отсюда, Фил! — строго приказала она.

— Эллен, но ведь семьдесят пять шансов из ста за то, что машина в полном порядке! Вудмен сказал, что он что-то там зачистил...— Тем не менее он покорно зашагал прочь, бормоча: — И зачем это Джордану понадобилось брать в экспедицию ребенка?!

Десять минут спустя он выскочил из своей хижины, где уныло набирал ингредиенты для импровизированного напитка,— как раз вовремя, чтобы увидеть автолет, который мягко взмыл в воздух и исчез за деревьями в западном направлении.

Хотя тени и начали удлиняться, Большой Разлом напоминал раскаленный котел. Вода в канистре почти кипела. Рикки и Длинный Меч пристроились на чуть более прохладных камнях у северной стороны высокой скалы и глядели на лес слева — не на знакомый лес, а на неизвестные деревья на дальней стороне Разлома.

Выпуклые глаза Длинного Меча не были приспособлены для выражения эмоций, но Рикки ощущал любопытство и нетерпение своего спутника. Мысленно Длинный Меч исследовал новые ручьи, новые древесные вершины, новые поляны, дышащие солнечным теплом. Но Рикки был способен думать только о том, что им предстоит плестись туда еще целых две мили.

А он-то считал, что пройдет эти восемь миль за самое короткое время! Но он не учел, что ему придется пробираться между валунами, от которых несет обжигающим жаром, что он будет по щиколотку вязнуть в мелких каменных осколках. Как он ни старался, больше дух миль в час ему пройти не удавалось. Но все равно нужно вставать и идти дальше. Он устало поднялся на ноги, помог Длинному Мечу взобраться к себе на плечо, а на другое повесил канистру, ставшую намного легче, но тем не менее еще очень тяжелую.

Не успел он сделать и двадцати шагов, как сзади на них надвинулась тень автолета и повисла над их головами.

Рикки побежал. Он знал, что бежать бессмысленно, что Длинному Мечу очень не по вкусу такая тряска, и все-таки бежал, слушая, как плещется вода в канистре за спиной. Тень автолета скользнула вперед ярдов на сто, и машина начала снижаться над относительно ровной площадкой. Рикки свернул в сторону. Он услышал крик, эхом раскатившийся между скалами, но отзвук облегчения, смешанного с досадой, раздавался в его сознании гораздо громче.

— Рикки! Остановись и поговорим. Я тебе помогу, что бы это ни было. Ведь убежать ты не можешь. Если я вызову по радио твоего отца, через двадцать минут тут появится второй автолет и десяток людей... Остановись! Да выслушай же меня...

Эхо еще звучало между скалами, но мысль оборвалась.

Эллен Скотт, вырвавшись из алой мути, обнаружила, что лежит возле огня. Очень жаркого огня в каменном очаге. Какая

бессмыслица! В лицо ей плескала теплая вода, и где-то рядом слышался голос... нет, два голоса.

— Она ударилась головой. Вот и все. И потеряла сознание. Она скоро придет в себя. Тогда ты ее услышишь. Нет, это не сон... не совсем сон. Что случилось? Почему ты не...

Второй голос что-то еле слышно и невнятно бормотал. К любопытству в нем начинало примешиваться раздражение.

Эллен вспомнила, что она бежала куда-то по камням и у нее подвернулась нога. Очевидно, падая, она ударилась затылком. Во всяком случае, затылок у нее сильно ныл. Но зачем она бежала?

Эллен открыла глаза.

Над ней склонилось встревоженное лицо Рикки. Из сложенных ладоней он лил ей на голову воду. А рядом с ним...

Эллен вздрогнула и зажмурилась.

— Мисс Скотт! — с беспокойством окликнул ее Рикки.— Вам очень больно?

— По-моему, у меня бред,— слабым голосом отозвалась Эллен. Она снова открыла глаза.— Куда оно девалось?

На лице Рикки сомнение боролось с другими эмоциями. Эллен прижала ладонь к шишке на затылке, осторожно приподнялась и села.

— Ну-ка, Рикки,— сказала она твердо,— отвечай: с кем ты разговаривал?

— Вслух? — удивленно произнес мальчик.— Так вот почему он ничего не слышал!

Эллен снова зажмурилась.

— Сотрясение мозга у меня, а не у тебя,— заявила она с возмущением.— Кто ничего не слышал?

— Ну, его зовут Длинный Меч,— с некоторым колебанием ответил Рикки.— То есть примерно так. И он говорит, что сейчас вернется.

Эллен в третий раз открыла глаза. Ее взгляд сфокусировался на правом ухе мальчика. Его прикрывала тощая черная лапка с четырьмя длинными суставчатыми пальцами. Эллен разглядела тоненькую руку, прикрепленную к чему-то вроде черной картофелины. Картофелину увенчивала голова размером с крупное куриное яйцо. Почти вся она состояла из двух светло-серых глаз с узкими зрачками. Глаза тускло поблескивали и были внимательно устремлены на нее.

И вновь Эллен уловила полное любопытства бормотание, которое не распадалось на слова.

Она перевела дух.

— Рикки, этот... этот твой друг... Зачем ты привел его сюда?

Рикки пытливо взглянул на нее.

— Это была моя идея, мисс Скотт. А не его. Мне хотелось добраться до леса по ту сторону Разлома.

— Зачем?

Рикки покачал головой.

— И совсем не то. Я же говорю вам, что это была моя идея, а вовсе не Длинного Меча. Он не... не гипнотизировал меня. И Барни он не стал бы гипнотизировать, но только ему не удалось

придумать ничего другого. И мне совершенно необходимо туда попасть.

Эллен выпрямилась, не спуская глаз с мальчика:

— Ну хорошо, Рикки. Объясни мне, в чем дело. И если все это действительно настолько важно... Конечно, я должна сообщить твоему отцу, что ты цел и невредим. Но я не скажу ему, где ты. И отвезу тебя в тот лес на автолете, а потом в лагерь. Согласен?

Рикки с облегчением вздохнул.

— Да,— ответил он.— А Джо очень тревожится?

— Очень ли? Вот что: начинай свои объяснения. Через десять минут я свяжусь с ним, успеешь ты договорить или нет. Так что же ты тут делаешь?

Рикки вздохнул и на секунду закрыл глаза.

— В сущности, все началось с медузы,— сказал он.— С самцов медузы в озере...

Автолет сделал пятый заход: вниз по реке до моря и назад до водопадов, где в клокочущей пене дробились плавучие острова и возникали новые — каждый раз, когда Джордан повисал над ними, его сердце на мгновение переставало биться. А потом еще дальше на восток, до мыска, который он выбрал как исходный пункт. Летать над лесом не имело смысла: он не видел поисковых групп, даже когда точно знал, что находится прямо над ними.

Пора было снова выходить на связь. Он уже положил палец на кнопку, когда из репродуктора внезапно донеслось:

— Вызываю все поисковые группы. Джон Джордан, пожалуйста, ответьте. Вы меня слышите?

Джордан сказал хрипло:

— Да, слышу. Он...

— С Рикки все в порядке. Он сейчас со мной. Пусть все возвращаются в лагерь. Но... Дослушайте. У него была веская причина поступить так, как он поступил. Ему надо было кое-что сделать и он еще не кончил своего дела. А потому я не скажу вам, где мы находимся.

Джордан выкрикнул что-то бессвязное, но она твердо продолжала:

— Это очень важно, Джон. Не знаю, выйдет ли у него что-нибудь, но мешать ему нельзя. Вероятно, вы можете нас отыскать... но не делайте этого. Понимаете?

— Эллен, с ним действительно ничего не случилось? И с вами?

— Конечно, со мной ничего не случилось! И ничего не случится. Мы вернемся завтра утром. Да, Рикки просит передать вам...— Она на мгновение умолкла.— Рикки просит передать вам, что он не хотел вас волновать. Честное слово, не хотел. И очень жалеет, что так вышло, но откладывать было никак нельзя. И еще — пожалуйста— не причиняйте никакого вреда этому Дереву.

Наступило молчание, а потом Эллен с беспокойством спросила:

— Джон, вы ведь его еще не уничтожили?

— Нет. Разумеется, нет.

— Не подпускайте к нему никого. Спокойной ночи, Джон. Счастливых снов.

— Эллен...

Репродуктор щелкнул и смолк.

Автолет был рассчитан на то, чтобы в случае необходимости в нем можно было переночевать, но машины этого типа не снабжались кондиционерами, и Эллен, ощущая на голове холодный компресс, который теперь был скорее горячим, горько завидовала способности Рикки спать даже в таких условиях. Два сероватых блика напоминали о том, что Длинный Меч все еще смотрит на нее, как начал смотреть с той самой минуты, когда они легли. Эллен с сожалением подумала, что напрасно не легла возле холодильника — тогда она могла бы достать холодную воду, не поднимая ноющей головы.

Блики переместились. Эллен почувствовала, что маленькие сильные пальцы дергают за повязку. Она приподняла голову — и повязка соскользнула. Эллен услышала шорох, звякнула дверца холодильника, и на мгновение ее обдало чудесным прохладным воздухом. Минуту спустя ей под затылок был аккуратно подсунут отличный ледяной компресс. Она почувствовала на щеке легкое прикосновение сухих пальцев.

— Спасибо,— пробормотала она и, спохватившись, подумала: «Спасибо, Длинный Меч».

На рассвете они отправились дальше, и через минуту автолет опустился среди огромных камней у подножья западного обрыва. Эллен и Рикки, слегка ежась от утреннего холодка, сидели рядом с машиной и ждали.

Эллен смотрела на сосредоточенное лицо мальчика. Рикки объяснил, что плохо улавливает мысли незнакомых Собратьев, однако ему почти всегда удается заметить их присутствие.

— На что это похоже? — внезапно спросила она.

— Когда я слушаю мысли? — Рикки помедлил, взвешивая ответ.— Словно я думаю. Собственно говоря, отличить чужие мысли от своих почти невозможно, если только они не адресованы прямо вам. В этом и заключается главная трудность.

— Да пожалуй,— сказала Эллен со вздохом.

Какое будущее ждет мальчика? Жизнь на Земле меньше всего приспособлена для настоящих телепатов!

— Раньше я все время перехватывал чьи-то мысли,— продолжал Рикки.— Но понял я, в чем дело, только когда научился отключать свое сознание. А до тех пор у моих мыслей словно все время был какой-то фон, который их заглушал. Знаете, все настоящие мыслители, по-моему, или вовсе были лишены телепатических способностей, или умели их отключать. Теперь я думаю гораздо более четко.

— И ты больше не будешь нечаянно подслушивать чужие мысли? — спросила Эллен с некоторым облегчением.

— Нет. Я воспринимаю только прямо направленные мысли. И никого подслушивать не собираюсь. От этого только голова болит.

— И правильно. Мне кажется, неконтролируемая телепатическая способность должна приносить человеку один вред.

— Конечно. Видите ли, по-моему, возможны два пути общения — телепатический и с помощью органов чувств, причем одно почти исключает другое. Я, например, никогда не научусь передавать и принимать мысли с такой точностью, как Собратья. Мое сознание устроено по-другому. Но все же телепатические способности развиты у меня настолько, что их можно будет использовать для научных исследований. Я собираюсь...

Внезапно Рикки умолк и, сжав локоть Элден, показал ей глазами на вершину обрыва.

Она посмотрела вверх. Почти отвесный обрыв поднимался на высоту в тридцать футов. Над ним нависала черная листва.

— Вот там! — шепнул Рикки, и Эллен различила черную голову величиной с куриное яйцо — голову, большую часть которой занимали глаза, отливавшие серым блеском.

— Он возвращается? — шепотом спросила Эллен. — Значит, он ничего не нашел?

Среди листьев послышался легкий шорох. Пальцы Рикки впились в ее локоть.

Рядом с черной головкой появилась еще одна.

— Видите ли,— смущенно объяснял Рикки,— я не думал, что вы сразу же уничтожите Дерево, но полной уверенности у меня все-таки не было. И все на меня сердились — не за то, так за другое, и я боялся, что меня никто не станет слушать.

— Признаться,— заметил Вудмен,— была минута, когда, очутись у меня в руке бластер, я бы испепелил Дерево на месте.

— А потому ты решил перестраховаться? — сказал Джордан.

— Да. Ведь если бы мы нашли еще одно Дерево, вид не погиб бы. Мы с Длинным Мечом собирались попросить вас о помощи позже... то есть помочь им с этим их Путешествием. Но я подумал, что проверить нужно сразу, а то вдруг меня больше не будут выпускать из лагеря. Я решил, что надо показать, и это будет убедительнее всяких рассказов.

— А разве Длинный Меч сам сюда не придет? — спросил кто-то.

Все члены экспедиции, включая Барни, сидели вокруг большого деревянного стола, сооруженного посреди вырубки. Рикки кивнул.

— Сразу же, как только мы будем готовы его принять. Прямо сейчас, если хотите. Но он боится, что ему может стать плохо, если много людей будут думать одновременно. А потому он просит, чтобы вы все начали говорить, когда я подам сигнал.

— А о чем говорить? — спросил Картрайт.

— О чем угодно. Обо всем, что придет в голову. Позвать его?

Полминуты все молчали, выжидая. Затем с легкостью кузнечика Длинный Меч пронесся над головой Эллен и, слегка спружинив, замер на середине стола.

Люди дружно наклонились вперед, а Длинный Меч поднялся, его выпуклые глаза стали еще более выпуклыми и...

Почти все почувствовали, что ему нехорошо, еще до того, как Рикки взмахнул рукой. Никто сразу не нашелся, и наступила неловкая пауза, но потом двое хором заговорили о погоде, статистик начал декламировать таблицу умножения, Джордан обнаружил, что бормочет «Вот дом, который построил Джек», и через несколько секунд молчал уже один только Рикки.

Затем Рикки объявил:

— Он говорит, что обойдет всех по очереди, но только чтобы все прочие продолжали разговаривать. Его можно попросить что-нибудь сделать.

Длинный Меч торжественно обошел стол; он присаживался на несколько секунд перед каждым из присутствующих, разверты-вал перепонки, поворачивался так, чтобы показать спину, и переходил к следующему.

— Это он самый! — воскликнул Барни, когда Длинный Меч остановился перед ним.— А чем он меня ужалил?

Тоненькая рука скользнула по плоскому бедру и молниеносно извлекла плоский серый шип в два с половиной дюйма длиной. Длинный Меч потянул шип Барни, и тот осторожно потрогал острие.

— Это и есть его меч,— пробормотал Вудмен.— Они секретируют свои мечи, Рикки?

— Кажется, но я его не спрашивал.

Вудмен испустил глубокий вздох.

— Мечта биолога! — объявил он.

Внезапно Длинный Меч отпрыгнул на середину стола.

— Он устал,— объяснил Рикки.— Он говорит, что на днях пришлет кого-нибудь еще.

Через несколько секунд Длинный Меч скрылся в лесу, а Рикки принялся неудержимо зевать. Не говоря уж о пережитых накануне волнениях, он очень устал, да и проснулся он еще до рассвета.

— Мне все-таки очень хотелось бы в этом разобраться,— внезапно сказал статистик.— Я имею в виду биологический аспект. Вы, специалисты, возможно, и так все поняли, но меня эти бесконечные отступления совсем сбили с толку. Я уловил только, что Рикки обнаружил, где находится их прекрасный пол. Но как они потерялись?

— Давайте я расскажу,— предложил Джордан и посмотрел на Рикки, который сонно кивнул.— А Рикки, если понадобится, внесет свои исправления. Собратья Длинного Меча представляют собой активное, обладающее интеллектом потомство единого организма, который всего лишь большое дерево. Они появляются на свет почкованием. Этот вегетативный процесс протекает внутри стручков. Примерно через год ими овладевает необоримое стремление пересечь Разлом. Чем оно объясняется, они до сих пор не знали, и вряд ли хотя бы одному из них удалось перебраться на ту сторону. Рикки пришло в голову, что чередование поколений подразумевает стадию полового размножения. Собратья Длинного Меча сами не давали потомства, они просто отпочковывались от Дерева. И Рикки подумал, что по ту сторону Разлома,

возможно, есть еще одно дерево, от которого отпочковываются женские особи. Когда Дерево напугало Вудмена и я высказал намерение сразу же его уничтожить, что, разумеется, было бы непростительной глупостью, Рикки решил тут же отправиться на поиски второго Дерева, чтобы вид в любом случае не погиб. И мне очень приятно сказать, что он не ошибся: на той стороне Разлома действительно обитают женские особи.

— Неужели это Дерево пятнадцать тысяч лет отпочковывало Собратьев без единого случая полового размножения? — недоверчиво спросил Картрайт.

— Почему же? — вступил в разговор Вудмен.— На этой стороне Разлома могло сохраниться несколько Деревьев, и это Дерево — последний представитель небольшой популяции. А если так, значит, оно находилось на дальней ее окраине, так как миграционный путь ведет точно на запад.

— А на той стороне сохранилось Дерево, приносящее женские особи?

— Таких деревьев там два, и еще три — мужских, но из этих последних два чрезвычайно стары и приносят очень скудное потомство. По-видимому, даже при благоприятных обстоятельствах полной зрелости достигают лишь немногие, но это скрещивание действительно может оказаться спасительным для вида.

— Но что, собственно, вы предлагаете сделать? — спросил кто-то.— Перевозить их через Разлом? Но в каком положении они окажутся, когда мы улетим?

— Нет,— ответил Джордан.— Мы вообще считаем, что вмешиваться нам следует как можно меньше. Трагедия заключалась в том, что мигрирующие Собратья были обречены на верную гибель в дороге. Они не могли пройти двенадцать миль под палящим солнцем без воды. Мы намерены создать зеленую, вернее, черную полосу вдоль миграционного пути. Тайвен взвешивает возможность...

Тайвен оторвался от расчетов.

— Проще, чем «пи» в квадрате,— сказал он весело.— Как только с базы пришлют экскаватор и бетоноукладчик, мы проложим канал — на это потребуется меньше недели. Воду возьмем из ручья — их тут десятка два теряется под землей в трещинах у обрыва. Задача заключается только в том, чтобы предохранить канал от пересыхания в первые два года, пока растительность не станет достаточно густой.

Обсуждение продолжалось, но Рикки уже крепко спал, положив голову на руки.

Джордан стоял над Разломом и осматривал зарождающуюся речную долину, которую создал Тайвен. Вдоль канала в специально привезенной почве уже укоренились саженцы. Над ними, придавая пейзажу индустриальный вид, вращались светоуловители, которые должны были предохранять посадки от высыхания. Но через два года им предстояло обветшать и рассыпаться прахом, так что, если бы экспедиции пришлось спешно покинуть Лямбду, светоуловители все равно исчезли бы бесследно. Иной раз имеет смысл шить на живую нитку!

Двое Собратьев соскользнули с обрыва чуть в стороне и скрылись в тени посадки у канала.

— Они мигрируют? — спросила Эллен Скотт.

— Вряд ли. Ведь в Путешествие они, как правило, уходят поодиночке. Нет, скорее... поглядите вон туда!

У ближнего конца посадок находилось теперь четверо Собратьев: скорее всего, те двое, кого они только что видели, и еще пара. Эти держались за руки и несли на плечах нечто вроде коромысла, на котором болтался длинный стручок. Двое из ближнего леса взяли пришельцев за руки и помогли им взобраться на обрыв.

— Это уж заслуга вашей карты почв! — заметил Джордан.— По словам Вудмена, одной из причин стерильности семян в дальнем лесу было истощение подходящей почвы, которая располагалась там отдельными карманами. Я даже думаю, что разум у них развился отчасти и потому, что им нужно было отыскивать подходящую почву, а не только присматривать за ростком.

Двое пришельцев уже поднялись на обрыв. Они, казалось, даже не заметили, что им кто-то помог, а местные жители, по-видимому, ничего другого и не ждали. Таща свою ношу, пара неторопливо шла вдоль обрыва и внимательно разглядывала землю. Они остановились почти рядом с левой ногой Эллен и принялись ковырять дерн.

— Не тут, дурачки,— проговорила она вполголоса.— Ищите подальше. Вон там!

Джордан улыбнулся.

— Им некуда торопиться. Одна парочка посадила свой стручок прямо под треножником Брэндинга. Он чуть с ума не сошел, стараясь не наступить на них ненароком. В конце концов ему пришлось перетащить всю аппаратуру в другое место. Иногда они тратят на поиски неделю или две.

— Сохранение вида...— задумчиво произнесла Эллен.— Мне это всегда казалось чем-то отвлеченным.

Джордан кивнул.

— Чем-то лежащим вне нас,— согласился он.— Раньше я думал, что человек не может и исследовать космос, и... и содействовать сохранению вида — прекрасная формула, между прочим! Я считал, что это несовместимо.

— Прежде и я так считала.

— Раньше так оно и было. Но за последние годы многое переменилось. Все больше людей строит свою жизнь так, чтобы значительную ее часть проводить вдали от Земли. И скоро появится новое поколение, родиной которого будет уже не Земля. Дети, не учившиеся в земных школах, не игравшие в земных парках, не смотревшие земные стерео, не...

— ...страдавшие от благ слишком уж развитой цивилизации?

— Вот именно. Так как же вы считаете, Эллен... Нет, это трусливая постановка вопроса. Эллен Скотт, согласны вы выйти за меня замуж?

— Для поддержания вида?

— К черту вид! Выйдете вы за меня?

— А как же Рикки?

— Рикки,— сказал Джордан,— деликатно дал мне понять, что считает этот брак подходящим во всех отношениях.

— Ах, вот что! А я думала...

— Нет, телепатия тут ни при чем. Но если весь лагерь знает, что я вас люблю, то почему Рикки должен быть слепым? Эллен... я, кажется, забыл сказать «пожалуйста»? Эллен, пожалуйста, согласитесь быть моей женой.

Наступило молчание. У Джордана упало сердце. С какой стати он был так уверен в ее согласии? Эллен на десять лет моложе его и мечтает о научной карьере. А он уже успел один раз оказаться никуда не годным мужем, у него на руках сын-подросток. Самоуверенно он принял простую дружбу за... И поставил себя в дурацкое положение... судя по всему.

— Так как же? — сказал он наконец.

Эллен посмотрела на него и весело улыбнулась.

— Я просто проверяла. Боюсь, я не рискнула бы выйти замуж за телепата, но, милый, вы-то явно не телепат. Теперь я это твердо знаю. Конечно, я согласна.

Рикки с Длинным Мечом на плече прогуливался по солнечной дорожке. Увидев, что его отец и Эллен Скотт возвращаются в лагерь рука об руку, он удовлетворенно кивнул. Давно пора! Может быть, теперь старина Джо перестанет грезить наяву и займется для разнообразия делом! Последнее сообщение Рикки и Вудмена о биологии Собратьев вторую неделю лежит у него на столе нечитанным, а сколько там интереснейших наблюдений и выводов!

На мгновение Рикки попытался представить себе, что ты чувствуешь, когда один человек заслоняет от тебя все остальное. Ну, когда-нибудь он это узнает! И уж, во всяком случае, ее будут интересовать стóящие вещи, а не глупые побрякушки, как бедняжку Кору.

Но пока ему еще только четырнадцать лет и перед ним открыта вся Вселенная. Сколько интересного его ждет!

Длинный Меч, восседая на плече своего друга, заметил пару со стручком. Он сразу определил, что стручок не стерилен, что внутри его уже формируется росток. Он узнал старого приятеля с этой стороны Разлома, но даже не попытался заговорить с ним, не сомневаясь, что его мысли отключены. Путешествие, обретение подруги и заботы о ростке — все это по-прежнему оставалось для Длинного Меча тайной в том смысле, что он совершенно не мог представить в подобном положении себя. Впрочем, это его и не слишком интересовало. У него впереди был почти целый год — достаточно, чтобы набрать много новых знаний, и особенно о Большом Племени, которое после приручения оказалось таким полезным. Вот этим он и займется, а не пустыми догадками о том, что ты чувствуешь, уходя в Путешествие.

Ведь в свое время он тоже услышит зов и отправится вдоль нового ручья к дальнему лесу за Разломом, где растут чужие Деревья. Вот тогда он все и узнает.

Ф. Л. Уоллес

ЗВЕРУШКА БОУЛДЕНА

Доставая дары, он заметил, что у него дрожат руки. На Земле это было бы симптомом обыкновенного гриппа, в системе Центавра — началом конца. Но Ли Боулден находился на Ван-Даамасе, а потому не знал, что означает такая дрожь. На эту планету земляне попали совсем недавно и еще не успели изучить ее болезни. А освоение новых планет всегда связано с риском.

Впрочем, Боулден не слишком встревожился и продолжал спокойно пересчитывать дары. Он почувствовал, что нездоров, около часа назад. Еще будет время принять меры, когда он вернется в поселок — всего каких-нибудь двенадцать часов полета. На базе есть все новейшие лечебные средства.

Он сложил дары аккуратной пирамидой, стараясь, чтобы они выглядели повнушительнее: пять пар локаторных очков, семь скорострельных карабинов и к ним семь коробок патронов. Земляне свято соблюдали местный обычай, требовавший, чтобы число даров обязательно было нечетным.

Вандаамасец бесстрастно смотрел на дары. В руке он держал лук непривычной формы, а с бедра у него свисал колчан. Все стрелы, кроме одной, были выкрашены яркой краской — алой или оранжевой. Наверное, чтобы легче находить их после промаха, решил Боулден. Среди этой пестроты взгляд останавливала стрела глубокого синего цвета. Боулдену еще не приходилось видеть аборигена без синей стрелы в колчане.

Вандаамасец продолжал стоять неподвижно, и ледяной ветер с гор трепал легкую тунику, которая нисколько не защищала от холода.

— Я иду говорить с другими,— сказал он наконец на языке землян.

— Иди поговори,— ответил Боулден, стараясь подавить дрожь. Эта фраза исчерпала его познания в туземном диалекте, и он продолжал уже на родном языке:— Дары возьми с собой. Они принадлежат вам, что бы вы ни решили.

Абориген кивнул и взял очки. Примерив их, он поглядел на окутанные густым туманом склоны гор. Казалось бы, вандаамасцев локаторные очки не должны были особенно интересовать. Жизнь в горах развила у них такую остроту зрения, что густая мгла смущала их не больше, чем землян — утренняя дымка. Но как ни странно, именно очки они ценили больше всего. Возможность видеть гораздо дальше обычного была для них заманчивее даже карабинов.

Абориген сдвинул очки на лоб и радостно улыбнулся. Заметив, что Боулден дрожит, он взял его руки в свои и внимательно осмотрел их.

— Руки больны? — спросил он.

— Немножко,— сказал Боулден.— К утру все пройдет.

— Я иду говорить,— повторил абориген и, собрав дары, удалился.

Ли Боулден сидел у вертолета и ждал, стараясь угадать, пользуется ли этот абориген каким-нибудь влиянием среди своих соплеменников. Правда, они прислали для переговоров именно его, но, возможно, только потому, что он объясняется на языке пришельцев лучше остальных.

А придут ли аборигены работать в поселок, они решат на общем совете. Если дары им понравятся, они, возможно, и согласятся. Пока же ему оставалось только ждать — и стараться унять дрожь. Руки у него онемели, да и ноги совсем отнимались.

Вскоре из тумана вынырнул абориген, держа продолговатую корзину. Боулден расстроился: всего один дар в ответ на очки, карабины и патроны! Такая пропорция не сулила ничего хорошего. Нет, они не согласились.

Абориген поставил корзинку и молча посмотрел на Боулдена.

— Люди говорили? — спросил Боулден.

— Мы говорили прийти,— ответил абориген, загибая пальцы.— Через пять и семь дней мы прийти.

Это была приятная неожиданность. Неужели одна сплетенная из прутьев корзинка равна такому количеству великолепных достижений высочайшей цивилизации? По-видимому, аборигены придерживались подобного мнения. У них была своя шкала ценностей. Одну пару очков они предпочитали трем карабинам, а пачка иголок более чем соответствовала коробке патронов.

— Это хорошо, что вы придете. Я сразу же отправлюсь в поселок, чтобы передать ваши слова,— сказал Боулден.

В корзине что-то копошилось, но прутья плотно прилегали друг к другу, и сквозь них он не мог ничего рассмотреть.

— Оставайся,— посоветовал абориген.— С гор идет буря.

— Я пролечу стороной,— ответил Боулден.

Если бы он был здоров, то, пожалуй, принял бы приглашение. Но надо скорее вернуться в поселок, поближе к врачам. На малоизвестной планете самое легкое нездоровье может обернуться бог знает чем. К тому же он потратил лишние двое суток на розыски племени в этом дьявольском тумане, и на базе, наверное, уже беспокоятся.

— Лети далеко стороной,— сказал абориген.— Идет большая буря.

Он взял корзину, поднес ее к дверце и открыл крышку. Оттуда выскочило какое-то животное и юркнуло в кабину.

Боулден скосил глаза вниз и увидел в полумраке два светящихся кружка. Он не рассмотрел, что это была за тварь,

и его вовсе не устраивало, что она сможет хозяйничать в кабине, как ей вздумается. Тем более, что лететь придется в бурю. Он предпочел бы получить такой презент в корзине. Но животное плюс корзина составляли бы два дара, а четные числа были для жителей планеты неприемлемы.

— Он ничего плохого не делать,— сказал абориген.— Он добрый друг.

Насколько было известно Боулдену, у аборигенов почти не было домашних животных, а о «животных-друзьях» ему и вовсе не приходилось слышать. Боулден включил освещение кабины. А! Один из таинственных зверьков, которых каждое племя держит в клетках на самой окраине лагеря. Зачем они были им нужны, никто не знал — аборигены либо не могли, либо не считали нужным это объяснять.

По-видимому, их не ели, и уж, во всяком случае, не использовали как рабочий скот. И вопреки тому, что сказал абориген, они не были «друзьями» наподобие собак или кошек: никто не видел, чтобы местный житель приласкал такое животное, да они и не бродили по лагерю на свободе. А главное, до сих пор землянам не позволяли подходить близко к этим животным — ученые в поселке придут в восторг от такого подарка.

— Трогай его,— сказал абориген.

Боулден протянул дрожащую руку, и животное подбежало к дверце. Его желтые глаза смотрели умно и дружелюбно. Ростом оно было с небольшую собаку, но походило на изящного миниатюрного медведя с глянцевитым оранжевым мехом. Боулден погладил мохнатую спину, и по его пальцам разлилась теплота. Зверек изогнулся и облизал его руку.

— Теперь он знает твой вкус,— сказал абориген.— Теперь хорошо. Он твой.

И, повернувшись, он исчез в тумане.

Боулден забрался в кабину и запустил моторы, а зверек вскарабкался на сиденье рядом с ним. Непонятно, почему аборигены держат такие ласковые существа в клетках!

Он начал резко набирать высоту, прикидывая, где лучше пересечь горы, чтобы уйти от надвигающегося урагана. В тумане вершины были неразличимы, и ему пришлось снизиться и следовать извивам долины. Он летел со скоростью, максимально допустимой при плохой видимости, но тем не менее через несколько минут ураган его настиг. Боулден попытался подняться выше верхней границы воздушных потоков, но у этого урагана как будто не было верхней границы. Под вертолетом простиралась местность, нанесенная на карту лишь условно, а буйство электрической энергии вокруг почти парализовало радиолокатор.

Сжимая рычаги управления, Боулден внезапно почувствовал ноющую боль в плечах. Руки у него совсем онемели, ноги налились свинцом. Зверек прижался к его боку, и ему пришлось оттолкнуть пушистый комок локтем. На мгновение он обрел ясность мысли. Нельзя терять времени. Надо приземлиться и переждать бурю — если удастся найти место для приземления.

Несколько раз согнув пальцы, Боулден заставил их

слушаться и пошел на снижение. Впереди возник каменный обрыв. Он сделал крутой вираж и продолжал поиски.

Наконец он нашел подходящее место — узкую долину, в какой-то мере укрытую от ветра,— и выбросил якорь. Если ничего непредвиденного не произойдет, якорь выдержит.

Боулден опустил спинку, так что сиденье превратилось в постель, и, не найдя в себе сил заняться ужином, сразу уснул. Когда он проснулся, ураган бушевал по-прежнему, а зверек мирно посапывал, прикорнув у него под мышкой.

Боулден почувствовал себя настолько сносно, что решил перекусить. Абориген не объяснил, чем следует кормить зверька, но тот с удовольствием съедал все, что протягивал ему Боулден. По-видимому, он был всеяден, точно человек. Прежде чем снова лечь, Боулден опустил спинку другого сиденья, но зверек предпочел опять прижаться к нему, и он не стал его отгонять: исходившее от зверька тепло было очень приятным.

Так, засыпая и просыпаясь, Боулден пережидал бурю. Она продолжалась полтора дня. Наконец тучи рассеялись. С тех пор как он заболел, прошло два дня и четыре — с тех пор, как он покинул поселок.

Боулден решил, что поправился. Онемение в руках почти прошло, в глазах не двоилось. Он посмотрел на зверька, который свернулся у него на коленях и поглядывал снизу вверх большими желтыми глазами, словно приглашая человека затеять веселую возню. Но не позволять же ему резвиться во время полета!

— Пойдем-ка, зверушка,— сказал Боулден, не зная, как его иначе назвать.— Нам пора отправляться в путь.

Он оттащил своего нового приятеля в дальний угол кабины, соорудил там подобие клетки и, убедившись в ее прочности, посадил в нее зверька. Следовало бы сделать это сразу же, но он слишком скверно себя чувствовал, да и времени не было, а к тому же абориген мог обидеться на такое обращение с его подарком. Пожалуй, все вышло к лучшему.

Зверьку явно не нравилось сидеть взаперти. Некоторое время он тихонько повизгивал, но смолк, когда взревели моторы. Боулден поднялся прямо вверх до высоты, откуда уже можно было наладить связь. Кратко сообщив про согласие аборигенов и про собственную болезнь, он взял курс на базу.

Десять часов Боулден летел на предельной скорости; обедать он не стал и только время от времени грыз плитки концентратов. Зверек иногда повизгивал, но Боулден уже научился его понимать и знал, что он не голоден и не просит пить, а просто хочет быть поближе к нему. Он же хотел только одного: скорее вернуться на базу. Когда он пошел на посадку, разбросанный по равнине поселок показался ему удивительно красивым. От ангаров к вертолету бежали механики. Они открыли дверцу, он шагнул на дорожку и упал ничком. Руки и ноги у него отнялись совсем. Он не выздоровел.

Доктор Кесслер, щурясь, смотрел на Боулдена сквозь микроэкран, из-за которого его лицо казалось вытянутым

и туманным. Микроэкран представлял собой сферическое силовое поле, окружавшее голову врача. Поле это генерировалось кольцом, надетым на шею поверх воротника защитного комбинезона. Оно уничтожало любые микроорганизмы, приходившие в соприкосновение с ним. Комбинезон был абсолютно непроницаем и не имел других отверстий, кроме ворота. Материал у кистей был тонкий, а на подошвах утолщен.

Все это Боулден заметил с первого взгляда.

— Настолько серьезно? — с усилием выговорил он.

— Простая предосторожность, — голос врача казался глухим, так как микроэкран искажал и звуки.— Не более. Мы знаем, что с вами, но пока еще не выбрали эффективного лечения.

Боулден скривил губы. Микроэкран и защитный комбинезон говорили сами за себя.

Врач подкатил к нему небольшой аппарат и осторожно зажал его руку в узком желобе. Окуляр скользнул за микроэкран, и Кесслер принялся исследовать руку своего пациента от кончиков пальцев к локтю и дальше к плечу. Наконец он остановил линзу.

— Тут граница чувствительности?

— Кажется... Потрогайте. Да, ниже все словно онемело.

— Отлично. В таком случае все ясно. Это «пузырчатая смерть».

Боулден переменился в лице, и врач засмеялся.

— Не тревожьтесь. Название подсказала картина, наблюдаемая в рентгеномикроскопе. Правда, эта штука убила всех членов разведывательной экспедиции, которая открыла Ван-Даамас, но вам ничего страшного не грозит.

— Но у них же были и антибиотики, и необиотики!

— Конечно. Но малого спектра действия. К тому же они имели дело с неизвестным фактором, не говоря уж об отсутствии оборудования, которым располагаем мы.

Все это звучало утешительно. Но тревога Боулдена не прошла.

— Приподнимитесь и посмотрите сами,— сказал Кесслер, наклоняя окуляр так, что Боулден мог в него заглянуть.— Темные нити — это нервы. Видите, чем они окружены?

Доктор поправил наводку на фокус — и Боулден увидел, что каждая ниточка покрыта бесчисленными шариками, которые полностью изолировали ее от окружающей ткани. Так вот почему он ничего не чувствует! Сферические микроорганизмы действительно были похожи на пузырьки. Ему показалось, что самый нерв нисколько не поврежден.

Пока он смотрел, врач ввинтил еще один окуляр для себя и нажал кнопку сбоку. Из линзы, прижатой к руке, выскользнула почти невидимая игла и вонзилась в мышцу. Боулден увидел ее, когда она вошла в поле зрения микроскопа, но никакого укола он не ощутил. Игла медленно приблизилась к темной нити, однако не прикоснулась к ней.

Игла была полой внутри, и, когда Кесслер нажал еще на одну кнопку, она начала всасывать крохотные шарики через гибкий щупик, который двигался вдоль нерва. Когда небольшой участок

очистился от микроорганизмов, щупик исчез в игле, а Боулден почувствовал легкую боль.

Кончив, Кесслер осторожно освободил руку Боулдена, откатил аппарат к стене, извлек из него небольшую капсулу и опустил ее в приемник на дверной панели. Затем он вернулся к постели и сел.

— Вы это и сделаете? — спросил Боулден.— Отсосете их?

— Нет. К сожалению, в человеческом теле слишком много нервов. Если бы у нас было десять аппаратов и достаточное число специалистов, мы смогли бы кое-как задержать их распространение в одной руке, но не больше,— он откинулся к стене вместе со стулом.— Я просто взял еще одну пробу. Мы проверяем, на что и как реагируют эти микроорганизмы.

— Еще одну пробу? Значит, вы их уже брали?

— Конечно. Мы на некоторое время усыпили вас, чтобы вы хорошенько отдохнули.— Стул опустился на все четыре ножки.— Не то у вас очень легкая форма, не то вы обладаете сильнейшим врожденным иммунитетом. С появления первых симптомов прошло уже трое суток, а болезнь все еще находится в начальной стадии. С первой экспедицией она покончила за два дня.

Боулден уставился в потолок. Рано или поздно они научатся ее лечить, только доживет ли он до этого?

— Я догадываюсь, о чем вы думаете,— сказал врач.— Но не забывайте, что мы пользуемся новейшим оборудованием. Мы поместили культуру в ультразвуковой акселератор и убыстряем жизненный цикл этих организмов в десять раз. К вечеру мы уже будем знать, какие наши анти- и необиотики им меньше всего по вкусу. Эти крошки — крепкий орешек, невероятно крепкий, но будьте спокойны: мы отыщем их уязвимое место.

Доктор продолжал свои объяснения, а Боулден лежал, словно оцепенев, но мозг его лихорадочно работал.

Микроорганизмы в первую очередь поражали нервные окончания пальцев на руках и ногах. Врачебная бригада добралась до Ван-Даамаса, когда участники первой экспедиции не только умерли, но трупы их уже успели разложиться и микроорганизмы утратили активность. Тем не менее можно было с достаточной уверенностью сказать, что смерть наступила только после того, как роковые шарики достигли головного мозга. А раньше, пока микроорганизмы продвигались по нервным стволам, они не вызывали никаких необратимых изменений.

Это, во всяком случае, было приятно слышать: либо он выздоровеет, либо умрет, но участь беспомощного калеки ему не грозит. Еще одним козырем был ультразвуковой акселератор. Установив естественный резонанс этой одноклеточной твари, медики успеют вырастить и изучить в лаборатории десять поколений за то время, пока в его организме завершится жизненный цикл всего лишь одного. Если не считать участников разведывательной экспедиции, Боулден оказался первым землянином, заразившимся этой болезнью, так что врачи впервые наблюдали ее течение, но времени у него было больше, чем он думал.

— Вот так,— закончил Кесслер.— Ну, а теперь нам необходимо узнать, где вы побывали.

— Вертолет снабжен автоматическим бортовым журналом,— ответил Боулден.— Он фиксирует все приземления.

— Я знаю. Но координатная сетка еще недостаточно точна, и пройдет несколько лет, прежде чем мы сможем установить места ваших посадок с ошибкой, не превышающей несколько футов.— Врач развернул большую фотокарту с несколькими пометками, надел на Боулдена стереоскопические очки и дал ему карандаш.— Вы сумеете?

— Наверное.

Его пальцы почти не гнулись, и он ничего не ощущал, но прижать карандаш к карте он еще мог. Кесслер пододвинул карту поближе, и перед глазами Боулдена возникла знакомая местность. Некоторые подробности он различал даже лучше, чем в натуре, потому что на карте не было тумана. Когда он внес несколько поправок, Кесслер снял с него очки и убрал карту.

— Полеты туда нужно будет прекратить, пока мы не найдем надежного лечения. А вы не заметили там каких-нибудь особенностей?

— Это все горы.

— Следовательно, на равнине нам, пожалуй, опасаться нечего. А какие-нибудь животные там были?

— Близко ко мне ни одно не подходило. Разве что птицы...

— Переносчик, вероятнее всего, какое-нибудь насекомое. Ну, искать хозяина и переносчиков — это наше дело. А вам нужно беречь силы. Здесь вы в такой же безопасности, как и на Земле.

— Вот именно,— ответил Боулден.— А где моя зверушка?

Доктор засмеялся.

— Тут вы пожали лавры. Биологи точили зубы на это животное с тех самых пор, как увидели их в туземном лагере.

— Пусть глядят на него, сколько им хочется,— заявил Боулден.— Но и только. Это личный подарок.

— А вы уверены?

— Так сказал абориген, который мне его дал.

Доктор вздохнул.

— Я им передам. Их это не обрадует, но мы должны считаться с обычаями аборигенов, если хотим наладить с ними сотрудничество.

Боулден улыбнулся. По крайней мере полгода его зверушке ничего не будет угрожать. Любопытство биологов можно понять, но на новой планете у них найдется много других способов его удовлетворить. А зверушка принадлежит ему. Странно, что за каких-то два дня он успел так привязаться к мохнатому зверьку. И ведь это редкость — человек сталкивался с подобными приятными сюрпризами не чаще, чем на одной планете из пяти. Это бесполезное, абсолютно бесполезное существо обладало тем не менее одним неоспоримым достоинством: между ним и человеком сразу же возникала взаимная теплая симпатия. Да, в нем человек обретал друга.

— Отлично,— сказал Боулден вслух.— А все-таки — где моя зверушка?

Врач пожал плечами, но это движение было почти незаметным в бесформенном защитном комбинезоне.

— Не могли же мы ей позволить бегать по улицам! Она в соседней палате, где за ней ведется наблюдение.

Боулден понял, что медик озабочен гораздо больше, чем старается показать. В маленькой больничке не было помещения для лабораторных животных.

— Этот зверек — не носитель,— сказал он твердо.— Я заболел до того, как мне его подарили.

— Да, мы знаем. Но чем? И даже если вы правы, животное соприкасалось с вами и могло превратиться в источник инфекции.

— По-моему, обитателей планеты эта болезнь не поражает. Аборигены бывали во всех местах, где я приземлялся, и они, по-видимому, ею не болеют.

— Разве? — сказал врач, вставая.— Может быть. Но делать окончательные выводы пока еще рано.

Подойдя к двери, он извлек из стены шнур и подключил его к своему комбинезону, а затем расставил ноги и раскинул руки. На мгновение комбинезон раскалился добела — лишь на мгновение, и все же, несмотря на теплоизоляционную прокладку, это, вероятно, была малоприятная процедура. А ведь ту же операцию предстояло повторить снаружи. Нет, медики явно предпочитали не рисковать.

— Попробуйте уснуть,— сказал Кесслер.— Если в вашем состоянии произойдут какие-нибудь изменения, позвоните. Даже если они покажутся вам совсем незначительными.

— Хорошо,— ответил Боулден.

И почти сразу же заснул. Сон приходил к нему удивительно легко.

Сестра вошла настолько бесшумно, насколько позволял защитный комбинезон. Но Боулден проснулся. Был уже вечер. Он проспал почти весь день.

— Вы — которая из них? — спросил Боулден.— Хорошенькая?

— Сестры тогда хорошенькие, когда больной их слушается. Ну-ка, проглотите вот это.

Он узнал Пегги, но с сомнением посмотрел на то, что она ему протягивала.

— Как? Целиком?

— Конечно. Вы только проглотите, а уж вытащу его я сама. Зонд вам вреда не причинит.

Пегги начала водить по его телу маленьким прибором, поглядывая на циферблат, который держала в другой руке. Он знал, что показания фиксируются прямо на диаграмме где-то в другом помещении. По-видимому, это был прибор для измерения биотоков, который позволял косвенным образом следить за развитием болезни. Значит, они уже разработали новые диагностические методы! Эх, если бы они настолько же продвинулись и с лечением!

Сестра умело извлекла зонд, посмотрела на шкалу и положила его в приемник на стене. Затем она поставила на тумбочку

поднос и велела Боулдену поужинать. Он хотел расспросить ее, но она так настаивала, что он должен был подчиниться. Врачи учли, что он частично парализован, и еда была жидкой. Возможно, она отличалась особой питательностью, но показалась ему удивительно невкусной.

Сестра убрала поднос и села возле его постели.

— Ну, теперь мы можем и поболтать,— сказала она.

— Что происходит? — резко спросил Боулден.— Когда меня начнут лечить? Ведь пока мне еще не сделали ни единого укола.

— Я не знаю, что подыскивают для вас врачи. Я же просто сестра.

— Не морочьте мне голову,— рассердился он.— Вы тоже доктор и в случае необходимости могли бы заменить Кесслера.

— Ну, хорошо, будь по-вашему,— ответила она весело.— Но мой врачебный диплом действителен только на Земле, а право практиковать тут я получу не раньше, чем закончу инопланетную практику.

— Про Ван-Даамас вы знаете не меньше других!

— Не спорю,— ответила она.— Только не нужно волноваться. Я думаю, вы и сами догадываетесь: ни антибиотики, ни необиотики не дали положительного результата ни порознь, ни в сочетании друг с другом. Мы ищем чего-то совсем нового.

Да, он должен был догадаться — и все же он продолжал надеяться. Поглядев на бесформенную фигуру у кровати, Боулден представил себе Пегги в обычном костюме. А может быть, он как личность их уже не интересует? И они работают над тем, как предотвратить эпидемию?

— Как же оцениваются мои шансы?

— Выше, чем вы полагаете. Мы ищем дополнительный фактор, который обеспечит антибиотикам действенность.

Про это он не подумал, хотя к такому средству прибегали нередко, особенно на необжитых планетах. Он слышал, что распространенная в системе Центавра вирусная инфекция была побеждена, когда один из антибиотиков начали сочетать с аспирином, хотя в отдельности они не оказывали абсолютно никакого действия. Однако установить, что именно следовало добавлять к тому, другому или третьему антибиотику, можно было только путем бесчисленных проб. Это требовало времени, а времени у него не было.

— Еще что-нибудь? — спросил он.

— Достаточно и этого. Мы вовсе не хотим внушать вам, будто положение несерьезно. Но не забывайте, что мы работаем в десять раз быстрее, чем успевают размножиться возбудители болезни. И с минуты на минуту уже можно ждать результатов.— Она встала.— Дать вам снотворное?

— У меня достаточно снотворного в руках и ногах. И похоже, что скоро я усну очень крепко.

— Что мне особенно нравится, так это ваша бодрость,— сказала она, наклоняясь и застегивая что-то вокруг его шеи.— Может быть, вам интересно будет узнать, что сегодня ночью нам предстоит большая работа. Конечно, мы могли бы оставить кого-

нибудь подежурить тут, но нам казалось, что вы предпочтете, чтобы мы все были заняты в лаборатории.

— Конечно,— ответил он.

— Сейчас я включу датчик, и он будет следить за всеми процессами, протекающими в вашем организме. Если вам что-нибудь понадобится, позвоните, и кто-нибудь сразу придет.

— Спасибо,— сказал он.— Постараюсь сегодня не паниковать.

Она подключила свой комбинезон к шнуру и после вспышки исчезла за дверью. После ее ухода датчик сразу же утратил успокаивающую силу. Боулден предпочел бы что-то более эффективное.

Они намерены работать всю ночь напролет, но есть ли у них реальная надежда на успех? Что сказала Пегги? Ни один из антибиотиков не дал положительных результатов. Она не заметила, что проговорилась. Реакция была негативной — другими словами, пузырчатые микроорганизмы, попадая в среду, которая должна была бы их уничтожить, начинали, наоборот, развиваться более бурно. Подобные явления наблюдались на отдельных планетах. Такое уж его везенье, что это произошло именно с ним!

Боулден отогнал эти мысли и попытался уснуть. На некоторое время это ему удалось. Он проснулся оттого, что его руки затлели — так, во всяком случае, ему почудилось в первую секунду. Казалось,что где-то глубоко внутри них пылает огонь. В незначительной степени они его еще слушались. Он мог шевелить ими, хотя кожа ничего не ощущала. До этого момента основные нервы оставались почти не затронутыми. Но теперь инфекция от поверхности распространялась в глубину. Она достигла локтей и продолжала двигаться дальше. На три-четыре пальца ниже плеча он уже ничего не чувствовал. Развитие болезни ускорилось. Если они взвешивали возможность ампутации, то теперь прибегать к ней все равно было поздно.

Боулдену хотелось закричать, но он сдержался. Придет сестра и останется с ним, но он оторвет ее от работы, которая еще может спасти ему жизнь. Инфекция достигнет плеч и поползет по груди и спине. Она доберется до гортани — и он утратит возможность говорить. Она парализует веки — и он перестанет даже мигать. А может быть, и ослепнет. И тут она отыщет лазейку, ведущую в его мозг.

И тогда произойдет взрыв. Все функции его организма либо прекратятся, либо хаотически усилятся по мере того, как регулирующие центры начнут отключаться один за другим. Температура его тела поднимется до смертоносного предела или же, наоборот, упадет. Смерть окажется на редкость мучительной или легкой и незаметной...

Вот почему он не позвал сестру.

И еще потому, что услышал странный звук.

Это было что-то среднее между мурлыканьем и молящим визгом. Он узнал голос животного, которое ему подарил абориген. Его же посадили в клетку в соседней палате! Впоследствии

Боулден сам не мог объяснить, почему он сделал то, что сделал. Он не знал, руководил ли им разум или инстинкт. Но ведь эти понятия противоположны, а потому, в сущности, не применимы к человеческому сознанию, поскольку оно едино и неделимо.

Боулден соскользнул с кровати. Стоять он не мог и кое-как пополз, опираясь на локти и колени. Боли он не испытывал. Только кости пылали по-прежнему. Он добрался до двери, выпрямился, не поднимаясь с колен, и поднес руку к дверной ручке, но ухватиться за нее не сумел. После нескольких неудачных попыток он уперся в ручку подбородком и опустил ее. Дверь отворилась, и он оказался в соседней палате. Почувствовав его приближение, зверек завизжал громче. Боулден увидел в углу два желтых горящих кружка и пополз к клетке.

Она была заперта на защелку. Зверек дрожал от нетерпения и всем телом налегал на сетку, стараясь прикоснуться к его рукам. Боулден дотянулся до задвижки, но его парализованные пальцы не могли повернуть ее. Зверек нежно их облизал.

Потом все пошло легче. Боулден не чувствовал, что делают его пальцы, но задвижка вдруг повернулась и зверек выскочил из клетки прямо ему на грудь.

Боулден упал на пол, но только обрадовался: он уже не сомневался, что его догадка верна. Аборигены подарили ему зверька не просто так. Они жили в условиях тяжелой борьбы за существование и не могли бы содержать бесполезных любимцев. Нет, этот зверек был чрезвычайно полезен. Он терся в темноте о его бесчувственные руки, и из густого меха брызгали голубые искры. Теперь он не визжал, а громко и раскатисто мурлыкал, облизывая пальцы Боулдена, катаясь по его ногам.

Через несколько минут Боулден решил, что, пожалуй, сможет добраться до своей палаты и кровати, опираясь на зверька. Он кое-как упал поперек одеяла, совсем обессилев. Кровь плохо циркулировала в его полупарализованном теле. Зверек вскочил на кровать и ласково прижался к нему. Боулден был слишком слаб, чтобы оттолкнуть его, да ему вовсе и не хотелось этого делать. Подергавшись, он принял более удобную позу. Ну нет, теперь он не умрет!

Утром Боулден проснулся задолго до прихода врача. Лицо Кесслера казалось измученным, и улыбался он механически. Если бы он знал, во что превращает его улыбку микроэкран, то немедленно отказался бы от этой попытки ободрить своего пациента.

— Как я вижу, вы держитесь молодцом,— заметил он с наигранной веселостью.— Ну, и у нас дела идут неплохо.

— Поздравляю,— сказал Боулден.— Неужели вы добились того, что хоть какой-нибудь антибиотик перестал стимулировать размножение этих шариков?

— Я очень боялся, что вы догадаетесь,— со вздохом пробормотал врач.— От вас ничего не скроешь!

— Вы могли бы закатить мне физиологический раствор и сказать, что это совершенно новое и очень действенное средство!

— Медицина отказалась от такого метода уже века два

назад. Заметив, что улучшения не наступает, вы сразу почувствовали бы себя хуже. Освоение новых планет гладко не проходит, и мы имеем дело с вполне реальными, а не воображаемыми опасностями. Приходится принимать факты такими, какие они есть.

Он прищурился и посмотрел на Боулдена с некоторой растерянностью. Микроэкран был помехой и для его глаз.

— Мы кое-чего достигли, хотя вы можете мне и не поверить. В необиотике, к которому добавлены соль кальция и два антигистаминных препарата, микроорганизмы перестают развиваться быстрее обычного. Несколько изменить состав... может быть, на калиевую соль... и баста! Тут они и протянут ножки.

— Эффективность этого средства представляется мне сомнительной,— заметил Боулден.— Вообще мне кажется, что вы пошли неверным путем. Попробуйте посмотреть, что даст индукция биотоков.

— О чем вы говорите? — с недоумением спросил врач, подходя поближе и подозрительно вглядываясь в бугорок у коленей Боулдена.— У вас бред? Вы заметили что-то необычное?

— Не кричите на больного! — Боулден укоризненно покачал пальцем, испытывая невероятную гордость. Правда, пальца он не ощущал, но все же палец его слушался! — Вам, Кесслер, придется принять тот факт, что доктору иной раз следует поучиться у больного тому, чему больной научился у аборигенов.

Но Кесслер не слышал его слов. Он, как завороженный, уставился на поднятую руку Боулдена.

— Ваши движения выглядят почти нормальными,— сказал он.— Ваш иммунитет превозмог болезнь!

— Конечно, у меня есть иммунитет,— ответил Боулден.— Такой же, как и у аборигенов. Но только не внутренний, а внешний.

Он положил ладонь на зверька под одеялом. Зверек не захотел расставаться с ним — ну что же, теперь они всегда будут вместе.

— Доктор, некоторые ваши сомнения я все-таки могу рассеять. Аборигенов эта болезнь тоже поражает. Вот почему они заметили ее симптомы у меня. И дали мне вернейшее лечебное средство, и показали, как им пользоваться. Но понял я, в чем суть, только когда уже было почти поздно. Вот мой иммунитет,— и, откинув одеяло, он показал на зверька, который уютно свернулся у него в ногах. Зверек поднял голову и лизнул ему пальцы. И Боулден почувствовал прикосновение розового язычка!

Выслушав объяснения, врач несколько умерил свое негодование. Хотя это и было неслыханным нарушением антисептики и гигиены, он не мог не признать, что больному стало много лучше. С помощью рентгеномикроскопа Кесслер тщательно исследовал руки и ноги Боулдена. Откатив аппарат к стене и зачехлив его, он сказал:

— Инфекция, несомненно, пошла на убыль. На многих прежде пораженных участках мне не удалось обнаружить ни одного микроорганизма. Но я не понимаю, чем это объясняется.

Вы утверждаете, что животное только лижет вас, а не покусывает, и, следовательно, в кровь к вам от него ничего не попадает. Достаточно как будто и того, что оно находится возле вас...— Он покачал головой.— Аналогия, которую вы провели с электросетью, не показалась мне убедительной.

— Я сказал первое, что пришло в голову. Я не утверждаю, что это обязательно так, но, во всяком случае, отрицать подобную возможность тоже нельзя.

— С другой стороны, микроорганизмы действительно скапливаются на нервах,— задумчиво произнес врач,— а мы знаем, что нервная энергия в какой-то мере является электрической. Если повысить ее уровень, микроорганизмы могут погибнуть в результате ионной диссоциации,— он испытующе посмотрел на зверька.— Может быть, вы и правда заимствуете нервную энергию у этого животного. В таком случае появляется возможность лечить эту болезнь электричеством.

— Только на мне своего метода, пожалуйста, не проверяйте! — запротестовал Боулден.— Я побыл в роли подопытного кролика, и хватит! Возьмите человека здорового, а я останусь верен туземному способу.

— Мне и в голову не пришло бы ставить на вас эксперименты, пока вы в таком состоянии. Ведь еще нельзя считать, что вам уже не угрожает опасность.

Однако Кесслер выдал себя, покидая палату: он не включил комбинезон в сеть и не вспыхнул.

Боулден улыбнулся этому его упущению и погладил мягкий мех. Скоро он будет совсем здоров!

Однако его выздоровление шло медленнее, чем он рассчитывал, хотя Кесслер, продолжавший свои опыты, был, по-видимому, доволен. Роковые пузырьки оказалось возможным уничтожать с помощью электричества, однако для этого требовалась сила тока, опасная для пациента. Единственным надежным средством оставалась зверушка Боулдена.

Кесслер обнаружил, что микроорганизм нуждается в промежуточном хозяине. Скорее всего, таким хозяином был комар или клещ. Чтобы установить это точно, потребовалось бы провести длительные изыскания в горах. Но, во всяком случае, сложные предосторожности против инфекции оказались излишними. Микроэкраны и защитные комбинезоны были отправлены на склад. Заразить Боулден никого не мог.

Как и его зверек, у которого самая тщательная проверка не обнаружила никаких паразитов. Он был чистоплотным и ласковым, и гладить его было одно удовольствие. Боулдену повезло, что самая страшная болезнь Ван-Даамаса излечивалась таким простым способом.

Однако прошло еще несколько дней, прежде чем он достаточно окреп и мог покинуть маленькую больницу на окраине поселка. Сначала ему позволяли только сидеть в постели, потом разрешили ходить по палате. По мере того как Боулден набирался сил, зверек все больше времени проводил на кровати,

довольствуясь тем, что не спускал с него глаз. Он уже не прыгал и не резвился, как прежде. Потому что стал совсем домашним, объяснил Боулден сестре.

Наконец, настало утро, когда Кесслер не сумел обнаружить в организме Боулдена ни одного шарика. Силы, вернувшиеся к нему, и вновь обретенная чувствительность кожи на руках и ногах также свидетельствовали о полном выздоровлении. И его выписали. Пегги поручили проводить его домой. Возможность побыть в ее обществе была ему только приятна.

— Я вижу, вы совсем собрались! — сказала она, посмеиваясь над его оживлением.

— Конечно! — воскликнул он и, повернувшись к кровати, скомандовал: — Пошли, Зверушка!

Зверек поднял голову, а Пегги снова засмеялась.

— Вы его еще никак не назвали? А пора бы!

— Но его зовут Зверушка! — возразил Боулден.— Как мне его еще именовать — Доктор? Герой?

Пегги наморщила нос.

— Да, пожалуй, это не очень звучит, хотя он и спас вам жизнь.

— Да, но это от него не зависело. Зато у него есть все свойства очаровательной домашней зверушки. Ласковый, послушный, иногда шаловливый и очень чистоплотный. А главное, он хочет только одного: быть поближе к хозяину и тереться о его ноги.

— Ну, так зовите его Зверушкой, и дело с концом,— ответила Пегги.— Идем, Зверушка!

Однако зверек не обратил на нее никакого внимания и медленно слез с кровати, только когда его позвал Боулден. Он старался не отставать от него ни на шаг, и сначала это ему удавалось, потому что Боулден был еще слаб и они шли медленно.

Был полдень. Ослепительно сияло солнце и казалось, что места лучше, чем Ван-Даамас, во всей Вселенной найти невозможно. Да, теперь, когда смерть отступила, Боулден находил планету прекрасной. Он весело болтал с Пегги. Она оказалась чудесной собеседницей.

И тут Боулден увидел аборигена, который подарил ему зверька. Прошло пять и семь дней — он точно сдержал слово. Остальное племя, конечно, тоже здесь, в поселке. Еще издали Боулден приветливо улыбнулся. В ответ абориген поднял лук и посмотрел не на них, а дальше, в сторону больницы.

Поднятый лук выглядел угрожающе, но Боулден не обратил на него внимания. Он вдруг почувствовал, что ему чего-то не хватает, и поглядел вниз. Зверька рядом не было. Он оглянулся.

Зверек судорожно бился в пыли. Потом с трудом поднялся на подгибающиеся лапки и побрел к Боулдену, попробовал прыгнуть, снова упал, повернулся, посмотрел, где Боулден, и опять побрел к нему. Один раз он взвизгнул, и из его пасти вывалился розовый язычок. И тут абориген пустил ему в сердце стрелу, пригвоздив его к земле. Короткий хвост дернулся, и зверек замер.

Боулден был не в силах пошевелиться. Пегги вцепилась ему в руку. Абориген подошел к зверьку и несколько секунд молча смотрел на него.

— Все равно скоро умирай,— сказал он Боулдену.— Сгорел изнутри.

Он наклонился. Ясные желтые глаза погасли и выцвели в солнечных лучах.

— Дал тебе свое здоровье,— благоговейно сказал вандаамасец и сломал торчащую стрелу.

Это была стрела глубокого синего цвета.

Теперь во всех поселках на Ван-Даамасе живут зверушки Боулдена. Им дали более научное название, но какое — никто не помнит. Их держат в загонах на окраине, вдали от жилых домов — точно так же, как держат их аборигены.

Одно время шли разговоры о том, что использовать животных для лечения ненаучно и надо бы сконструировать электроаппарат, который их заменил бы. Возможно, это и так. Но освоение планеты — сложная задача, и трудно выбрать время на дополнительные исследования, когда уже существует надежное лекарство. А оно очень надежно, и болезнь даже не считается опасной.

Да и в любом случае друзьями человека эти зверьки стать не могут, хотя, пожалуй, ничего другого эти ласковые, умные желтоглазые создания для себя и не хотели бы. Однако свойство, которое делает их такими ценными, оказывается тут неодолимым препятствием. Сила нередко оборачивается слабостью. Нервная энергия этих зверьков слишком велика и воздействует на здорового человека самым вредным образом, всячески нарушая хрупкое равновесие его организма. Каким образом происходит передача энергии, еще не выяснено, но самый факт сомнений не вызывает.

Только тем, кто заболевает «пузырчатой смертью» и нуждается в дополнительной энергии, чтобы уничтожить микроорганизмы, скопляющиеся в тканях вокруг нервов, разрешено ласкать зверушек Боулдена.

И в конце концов умирает не человек, а животное. Аборигены правы: помочь такому зверьку можно только одним способом — убить его быстро и безболезненно.

О зверьках очень заботятся и говорят о них с большим уважением. Дети стараются играть поближе к ним, но высокие крепкие заборы служат достаточной преградой. Взрослые, проходя мимо, ласково им кивают.

Но Боулден никогда не приближается к загону и никогда не говорит о его обитателях. По мнению друзей, ему тяжело вспоминать, что он оказался первым землянином, убедившимся в полезности пушистых зверьков. Они правы. Он с радостью отказался бы от этой чести. И он бережно хранит синюю стрелу. Среди аборигенов есть мастера, которые легко могли бы ее починить. Но он отказался от их услуг. Он хочет, чтобы она осталась такой, какая она есть.

Дж. Шмиц

СБАЛАНСИРОВАННАЯ ЭКОЛОГИЯ

Ферма алмазных деревьев с утра была охвачена беспокойством. Ильф улавливал его, но ничего не сказал Орис, решил, что начинается летняя лихорадка или у него живот подвело и мерещится всякая всячина, а Орис сразу потащит его домой, к бабушке. Но беспокойство не проходило, росло, и, наконец, Ильф уверился в том, что источник беспокойства — сама ферма.

Казалось бы, лес живет обычной жизнью. С утра был дождь, перекати-поле вытащили из земли корни и катались по кустам, стряхивая с себя воду. Ильф заметил, как одно из растений, совсем маленькое, подобралось прямо к хищной росянке. Росянка была взрослой, могла выбросить щупальце на двенадцать — четырнадцать футов, и Ильф остановился, чтобы посмотреть, как перекати-поле попадется в ловушку.

Внезапно щупальце метнулось, словно желтая молния, обвило концом перекати-поле, оторвало от земли и поднесло к отверстию в пне, под которым и скрывалась росянка. Перекати-поле удивленно сказало: «Ах!»— они всегда так говорят, если их поймать,— и исчезло в черной дыре. Через мгновение в отверстии вновь показался кончик щупальца, мерно покачиваясь, поджидая, пока в пределах досягаемости не появится что-нибудь подходящего размера.

Ильф, которому только что исполнилось одиннадцать, для своего возраста был невелик и являлся как раз подходящим объектом для росянки, но она ему не угрожала. Росянки в рощах алмазных деревьев на планете Урак никогда не нападали на людей. Ильфу вдруг захотелось подразнить росянку. Если взять палку и потыкать ею в пень, росянка рассердится, высунет щупальце и постарается выбить палку из руки. Но сегодня неподходящий день для таких забав. Ильф не мог отделаться от странного, тревожного чувства. Он заметил, что Орис с Сэмом поднялись на двести футов по склону холма, направляясь к Королевской роще, к дому. Ильф помчался вслед за ними и догнал их на прогалине, разделявшей рощи алмазных деревьев.

Орис, которая была на два года, два месяца и два дня старше Ильфа, стояла на выпуклом панцире Сэма, глядя направо, в сторону долины и фабрики. Климат на Ураке жаркий, но в одних местах сухой, в других — влажный. Лишь здесь, в горах, прохладно. Далеко к югу, за долиной и холмами, начиналась континентальная равнина, издали похожая на буро-зеленое спокойное море. К северу и востоку поднимались плато, ниже которых и растут

алмазные деревья. Ильф обогнал медленно ползущего Сэма и забежал вперед, где край панциря распластался над землей.

Когда Ильф вспрыгнул на панцирь, Сэм зажмурился, но даже головы не повернул в его сторону. Сэм походил на черепаху и был больше всех на ферме, если не считать взрослых деревьев и, может быть, самых крупных чистильщиков. Его бугристый панцирь порос лишайником, похожим на длинный зеленый мех. Порой, во время еды, Сэм помогал себе тяжелыми трехпалыми лапами, которые обычно лежали сложенными на нижней части панциря.

Орис не обратила внимания на Ильфа. Она все еще смотрела в сторону фабрики. Ильф — ее двоюродный брат, но они совсем не похожи. Ильф маленький, гибкий, и рыжие волосы у него на голове вьются тугими кольцами. Орис выше его на целую голову, беленькая и стройная. По мнению Ильфа, у нее такой вид, словно ей принадлежит все, что она может углядеть со спины Сэма. Правда, ей и на самом деле многое принадлежит: девять десятых фабрики, на которой обрабатывают алмазную древесину, и девять десятых фермы алмазных деревьев. А все остальное досталось Ильфу.

Ильф вскарабкался на самый верх панциря, цепляясь за зеленый лишайник, и встал рядом с Орис. Неуклюжий с виду, Сэм полз со скоростью добрых десять миль в час, держа путь к Королевской роще. Ильф не знал, кто из них — Орис или Сэм — решил вернутся домой.

— Там что-то неладно,— сказал Ильф, взглянув на ферму.— Может, ураган идет?

— Не похоже на ураган,— ответила Орис.

Ильф поглядел на небо и молча согласился.

— Может быть, землетрясение?

Орис покачала головой:

— Не похоже на землетрясение.

Она не отрывала глаз от фабрики.

— Там что-нибудь произошло? — спросил Ильф.

— У них сегодня много работы. Получили срочный заказ.

Пока Сэм пересекал еще один перелесок, Ильф раздумывал, что бы это могло значить. Срочные заказы редки, но вряд ли этим можно объяснить всеобщее волнение. Ильф вздохнул и уселся на панцирь, скрестив ноги. Вокруг тянулась молодая роща — деревьям было лет по пятнадцать, не больше. Росли они довольно редко. Впереди умирал громадный перекати-поле и счастливо смеялся, разбрасывая алые семена. Коснувшись земли, семена спешили откатиться как можно дальше от родителя. Земля вокруг перекати-поля трепетала и вздымалась. Это прибыли чистильщики, чтобы похоронить растение. На глазах у Ильфа перекати-поле погрузилось на несколько дюймов в разрыхленную землю. Семена торопились убраться подальше, чтобы чистильщики не похоронили заодно и их. Со всех концов рощи сюда собрались молодые, желтые в зеленых пятнах, готовые укорениться перекати-поле. Они дождутся, пока чистильщики кончат свою работу, затем займут освободившееся пространство и пустят корни. Место, где поработали чистильщики, — самое плодородное в лесу.

Ильфу всегда хотелось узнать, как выглядят чистильщики. Никто никогда их не видел. Его дед Рикуэл Чолм рассказывал, что ученые пытались поймать чистильщика с помощью землеройной машины. Но даже самые маленькие чистильщики закапывались в землю быстрее, чем машина их откапывала, так что ученым пришлось уехать ни с чем.

— Ильф, иди завтракать! — раздался голос бабушки.

Ильф закричал в ответ:

— Иду, ба...

Но тут же осекся и взглянул на Орис. Та хихикнула.

— Опять меня надули,— признался Ильф.— Противные обманщики!

И он крикнул:

— Выходи, врунишка Лу! Я тебя узнал.

Бабушка Мелди Чолм засмеялась мягким добрым смехом, будто зазвенели серебряные колокольчики, и гигантская Зеленая паутина Королевской рощи подхватила смех. Врунишка Лу и Габби выскочили из кустов и легко взобрались на панцирь. Это были рыжие, короткохвостые зверьки с коричневой шерстью, тонкие, как паучки, и очень шустрые. У них были круглые черепа и острые зубы, как у всех животных, которые ловят и едят других животных. Габби уселся рядом с Ильфом, раздувая воздушный мешок, а Лу разразилась серией щелкающих, резких звуков.

— Они были на фабрике? — спросил Ильф.

— Да,— ответила Орис.— Помолчи, я слушаю.

Лу верещала с той же скоростью, с какой передразники обычно разговаривают между собой. Она и человеческую речь передавала с такой же быстротой. Когда Орис хотелось узнать, о чем говорят другие люди, она посылала к ним передразников. Они все до слова запоминали и, возвратившись, повторяли все с привычной для себя скоростью. Если очень прислушиваться, Ильф мог разобрать отдельные слова. Орис понимала все. Теперь она слушала, о чем разговаривали утром люди на фабрике.

Габби раздул воздушный мешок и произнес густым, глубоким голосом дедушки Рикуэла:

— Ай-ай-ай, Ильф! Мы сегодня вели себя не лучшим образом.

— Заткнись сейчас же,— сказал Ильф.

— Помолчи,— ответил Габби голосом Орис.— Я слушаю.— И добавил голосом Ильфа:— Опять меня надули.— Потом захихикал.

Ильф замахнулся на него кулаком. Габби темным комочком моментально метнулся на другую сторону панциря. Оттуда он поглядел на Ильфа невинными круглыми глазами и торжественно произнес:

— Друзья, нам нужно обращать больше внимания на мелкие детали. Ошибки обходятся слишком дорого.

Наверно, он подслушал эти слова на фабрике. Ильф отвернулся. Он старался разобрать, о чем говорит Лу. Но Лу тут же замолчала. Передразники спрыгнули со спины Сэма и пропали в кустах. Ильф подумал, что они сегодня тоже чем-то встревожены и слишком суетятся. Орис подошла к переднему краю панциря

и уселась на него, болтая ногами. Ильф сел рядом.

— О чем говорили на фабрике?.— спросил он.

— Вчера получили срочный заказ. А сегодня утром еще один. И пока эти заказы не выполнят, больше принимать не будут.

— Это хорошо?

— Думаю, что да.

Помолчав, Ильф спросил:

— Поэтому они все так волнуются?

— Не знаю,— ответила Орис и нахмурилась.

Сэм добрался до следующей поляны и, не дойдя до открытого места, остановился. Орис соскользнула с панциря и сказала:

— Пойдем, но чтобы нас не заметили.

Ильф пошел вслед за ней как можно тише.

— Что случилось? — спросил он.

В ста пятидесяти метрах, по ту сторону поляны, высилась Королевская роща. Ее вершины легко кружились, словно армия гибких зеленых копий, на фоне голубого неба. Отсюда не был виден одноэтажный дом, построенный в глубине рощи среди больших стволов. Перед ребятами лежала дорога, она поднималась из долины на запад, к горам.

— Недавно здесь спускался аэрокар,— сказала Орис.— ...Вот он, смотри.

Аэрокар стоял у края дороги, недалеко от них. Как раз там, где начиналась просека, ведущая к дому. Ильфу машина показалась неинтересной. Не новая и не старая — самый обыкновенный аэрокар. Человека, сидевшего в ней, Ильф не знал.

— Кто-то в гости приехал,— сказал Ильф.

— Да,— согласилась Орис,— дядя Кугус вернулся.

Ильф не сразу вспомнил, кто такой дядя Кугус. Потом его осенило: дядя Кугус приезжал год назад. Это был большой красивый мужчина с густыми черными бровями. Он всегда улыбался. Он приходился дядей только Орис, но привез подарки обоим. И еще он много шутил. А с дедушкой Рикуэлом спорил о чем-то битых два часа, но Ильф забыл, о чем. В тот раз дядя Кугус приезжал в красивом ярко-желтом аэрокаре, брал Ильфа покататься и рассказывал, как побеждал на гонках. В общем, Ильфу дядя понравился.

— Это не он,— сказал Ильф.— И машина не его.

— Я лучше знаю,— сказала Орис.— Он в доме. И с ним еще двое. Они разговаривают с дедушкой и бабушкой.

В этот момент где-то в глубине Королевской рощи возник глубокий, гулкий звук, словно начали бить старинные часы или зазвучала арфа. Человек в машине обернулся к роще, прислушиваясь. Звук повторился. Он исходил от гигантской Зеленой паутины, которая росла в дальнем конце рощи. Этот звук разносился по всей ферме, и его можно было услышать даже в долине, если, конечно, ветер дул в ту сторону. Ильф спросил:

— Врунишка Лу и Габби там побывали?

— Да. Сначала они сбегали на фабрику, а потом заглянули в дом.

— О чем говорят в доме?

— О разных вещах.— Орис опять нахмурилась.— Мы пойдем и сами узнаем. Только лучше, чтобы они нас пока не видели.

Что-то зашевелилось в траве. Ильф посмотрел вниз и увидел, что врунишка Лу и Габби снова присоединились к ним. Передразники поглядели на человека в аэрокаре, затем выскочили на открытое место, перемахнули через дорогу и, словно летящие тени, скрылись в Королевской роще. Они бежали так быстро, что уследить за ними было почти невозможно. Человек в машине удивленно посмотрел им вслед, не понимая, видел он что-нибудь или ему померещилось.

— Пошли,— сказала Орис.

Ильф вернулся вместе с ней к Сэму. Сэм приподнял голову и вытянул шею. Орис легла на край нижней части панциря и заползла на четвереньках в щель. За ней последовал и Ильф. Это убежище было ему отлично знакомо. Он не раз укрывался здесь, если его настигала гроза, налетевшая с северных гор или если земля вздрагивала и начиналось землетрясение. Пещера, образованная плоским нижним панцирем, нависающим верхним и прохладной, кожаной шеей Сэма, была самым надежным местом на свете.

Нижний панцирь качнулся — зеленая черепаха двинулась вперед. Ильф выглянул в щель между панцирями. Сэм уже покинул рощу и не спеша пересекал дорогу. Ильф не видел аэрокара и размышлял, зачем Орис понадобилось прятаться от человека в машине. Ильф поежился. Утро выдалось странное и неуютное.

Они миновали дорогу и оказались в высокой траве. Сэм раздвигал траву, словно волны, и раскачивался, как настоящий корабль. Наконец, они вступили под сень Королевских деревьев. Стало прохладнее. Сэм повернул направо, и Ильф увидел впереди голубой просвет, заросли цветущего кустарника, в центре которых находилось лежбище Сэма.

Сэм пробрался сквозь заросли и остановился на краю прогалины, чтобы Ильф и Орис могли выбраться из панциря. Затем опустил передние лапы в яму, настолько густо оплетенную корнями, что между ними не было видно земли. Сэм наклонился вперед, втянул под панцирь голову и медленно съехал в яму. Теперь нижний край панциря был вровень с краями ямы и со стороны Сэм казался большим, поросшим лишайником валуном. Если его никто не потревожит, он будет недвижимо лежать в яме до конца года. Черепахи в других рощах фермы и не вылезали из своих ям и, насколько Ильф помнил, никогда не просыпались. Они жили так долго, что сон длиной в несколько лет ничего для них не значил.

Ильф вопросительно поглядел на Орис. Она сказала:

— Подойдем к дому, послушаем, о чем говорит дядя Кугус.

Они свернули на тропинку, ведущую от лежбища Сэма к дому. Тропинка была протоптана шестью поколениями детей, которые ездили на Сэме по ферме. Сэм был в полтора раза больше любой другой черепахи и лишь его лежбище находилось

в Королевской роще. В этой роще все было особенным, начиная от деревьев, которые никто не рубил и которые были вдвое толще и почти вдвое выше деревьев в остальных рощах, и кончая Сэмом и огромным пнем Дедушки-росянки неподалеку и гигантской Зеленой паутиной на другом краю. Здесь всегда было тихо и меньше встречалось зверей. Дедушка Рикуэл говорил Ильфу, что Королевская роща когда-то давным-давно дала начало всем алмазным лесам.

— Обойдем вокруг дома, — сказала Орис.— Пусть они пока не знают, что мы уже здесь.

— Мистер Тироко,— сказал Рикуэл Чолм.— Я сожалею, что Кугус Овин уговорил вас с мистером Блиманом прилететь на Урак по такому делу. Вы попросту зря потеряли время. Кугусу следовало знать об этом. Я ему уже все объяснил в прошлый раз.

— Боюсь, что не совсем понимаю вас, мистер Чолм,— сухо сказал мистер Тироко.— Я обращаюсь к вам с деловым предложением насчет этой фермы алмазных деревьев. С предложением, выгодным как для вас, так и для детей, которым этот лес принадлежит. По крайней мере хоть познакомьтесь с нашими условиями.

Рикуэл покачал головой. Ясно было, что он зол на Кугуса, но пытается сдержать гнев.

— Какими бы ни были ваши условия, для нас это неважно,— сказал он.— Алмазный лес — не коммерческое предприятие. Разрешите, я подробней расскажу вам об этом, раз уж Кугус этого не сделал. Без сомнения, вам известно, что на Ураке таких лесов около сорока и все попытки вырастить алмазные деревья в других местах потерпели неудачу. Изделия из алмазного дерева отличаются исключительной красотой, их нельзя изготовить искусственным путем. Поэтому они ценятся не меньше, чем драгоценные камни.

Мистер Тироко, не спуская с Рикуэла холодных светлых глаз, кивнул: «Продолжайте, мистер Чолм».

— Алмазный лес — это нечто значительно большее, чем просто группа деревьев. Основой его служат сами деревья, но они — лишь составная часть всей экологической системы. Каким образом осуществляется взаимосвязь растений и животных, составляющих лес, до сих пор неясно, но она существует. Ни одно из этих животных не может выжить в другой обстановке. А растения и животные, которые не входят в экологическую систему, плохо приживаются в лесу. Они вскоре погибают или покидают лес. Единственное исключение из этого правила — люди.

— Крайне любопытно,— сухо заметил мистер Тироко.

— Вы правы,— сказал Рикуэл.— Многие, и я в том числе, считают, что лес необходимо охранять. Пока что рубки, которые сейчас проводятся под наблюдением специалистов, идут ему на пользу, потому что мы лишь способствуем естественному жизненному циклу леса. Под покровительством человека алмазные рощи достигли своего расцвета, который был бы немыслим

без людей. Владельцы ферм и их помощники способствовали превращению рощи в государственные заповедники, принадлежащие Федерации; при этом право рубки оставалось за владельцами ферм и их наследниками, но рубка проводилась под строжайшим контролем. Когда Ильф и Орис подрастут и смогут подписать соответствующие документы, ферма перейдет к государству, и все меры для этого уже приняты. Вот почему мы, мистер Тироко, не заинтересованы в вашем деловом предложении. И если вам вздумается обратиться с подобными предложениями к другим фермерам, они скажут вам то же самое. Мы все единодушны в этом вопросе. Если б мы не были едины, то давно бы уже приняли подобные предложения.

Наступило молчание. Затем Кугус Овин сказал мягким голосом:

— Я понимаю, что ты сердит на меня, Рикуэл, но ведь я забочусь о будущем Ильфа и Орис. Боюсь, что ты тревожишься о сохранении этого чуда природы, а о детях забываешь.

— Когда Орис вырастет, она станет обеспеченной молодой женщиной, даже если не продаст ни единого алмазного дерева,— ответил Рикуэл.— Ильфу также будет обеспечено безбедное существование, и он может за всю жизнь палец о палец не ударить, хотя я очень сомневаюсь, что он выберет подобную участь.

Кугус улыбнулся.

— Бывают разные степени обеспеченности,— заметил он.— Ты не представляешь, как много получит Орис, если согласится на предложение мистера Тироко. Ильфа тоже не обидят.

— Правильно,— сказал мистер Тироко.— В деловых вопросах я не зажимист. Все об этом знают. И я могу позволить себе быть щедрым, потому что получаю большие прибыли. Разрешите обратить ваше внимание на другой аспект этой проблемы. Как вы знаете, интерес к изделиям из алмазного дерева не постоянен. Он то растет, то падает. Алмазная древесина то входит в моду, то выходит. Сейчас начинается алмазная лихорадка, вскоре она достигнет максимума. Интерес к изделиям из алмазной древесины можно искусственно подогревать и использовать в своих целях, но в любом случае нетрудно предположить, что через несколько месяцев мода достигнет апогея и сойдет на нет. В следующий раз лихорадка начнется, может быть, через шесть, может, и через двенадцать лет. А может быть, она и никогда не начнется, потому что существует очень мало природных продуктов, которые рано или поздно не начинают изготовлять искусственным путем, причем качество заменителя обычно ничем не уступает исходному материалу. И у нас нет никаких оснований полагать, что алмазная древесина навечно останется исключением. Мы должны полностью использовать выгодное для нас стечение обстоятельств. Пока алмазная лихорадка продолжается, мы обязаны ею воспользоваться. Мой план, мистер Чолм, заключается в следующем. Корабль с машинами для рубки леса находится сейчас в нескольких часах лета от Урака. Он приземлится здесь на следующий день после того, как будет подписан контракт. Ваша

фабрика нам не нужна — масштабы ее недостаточны для наших целей. Через неделю весь лес будет сведен. Древесина будет отправлена на другую планету, где ее обработают. Уже через месяц мы сможем завалить нашими изделиями все основные рынки Федерации.

Рикуэл Чолм спросил ледяным голосом:

— И в чем же причина такой спешки, мистер Тироко?

Мистер Тироко удивился:

— Мы избавимся от конкуренции, мистер Чолм. Какая еще может быть причина? Как только другие фермеры узнают, что произошло, у них появится соблазн последовать вашему примеру. Но мы их настолько обгоним, что сами снимем сливки. Приняты все меры предосторожности, чтобы сохранить наш прилет в тайне. Никто не подозревает, что мы на Ураке, тем более никто не знает о наших целях. В таких делах, мистер Чолм, я никогда не ошибаюсь.

Он умолк и обернулся, услышав, как Мелди Чолм взволнованным голосом произнесла:

— Входите, дети. Садитесь с нами. Мы говорим о вас.

— Здравствуй, Орис,— приветливо сказал Кугус.— Привет, Ильф! Помнишь старого дядюшку Кугуса?

— Помню, — сказал Ильф. Он сел на скамейку у стены рядом с Орис. Ему было страшно.

— Орис, ты слышала, о чем мы говорили?

Орис кивнула.

— Да,— она взглянула на мистера Тироко и снова обернулась к дедушке: — Он собирается вырубить лес.

— Ты знаешь, что это твой лес. И Ильфа. Ты хочешь, чтобы они это сделали?

— Мистер Чолм, прошу вас, — вмешался мистер Тироко,— нельзя же так сразу! Кугус, покажите мистеру Чолму, что я предлагаю.

Рикуэл взял документ и прочел его, потом вернул Кугусу.

— Орис,— сказал он.— Если верить этому документу, мистер Тироко предлагает тебе больше денег, чем ты можешь истратить за всю жизнь, если ты позволишь ему срубить твою часть леса. Ты хочешь этого?

— Нет,— сказала Орис.

Рикуэл посмотрел на Ильфа, и мальчик покачал головой. Рикуэл вновь обернулся к мистеру Тироко.

— Итак, мистер Тироко,— сказал он,— вот наш ответ. Ни моя жена, ни я, ни Орис, ни Ильф не хотим, чтобы вы рубили лес. А теперь...

— Зачем же так, Рикуэл,— сказал, улыбаясь, Кугус.— Никто не сомневается, что Орис с Ильфом не поняли сути дела. Когда они вырастут...

— Когда они вырастут,— сказал Рикуэл,— у них будет возможность принять решение.— Он поморщился.— Давайте, господа, закончим эту дискуссию. Благодарим вас, мистер Тироко, за ваше предложение. Оно отвергнуто.

Мистер Тироко насупился и поджал губы.

— Не спешите, мистер Чолм,— сказал он.— Я уже говорил, что никогда не ошибаюсь в делах. Несколько минут назад вы предложили мне обратиться к другим фермерам и сказали, что мне с ними будет не легче.

— Да,— согласился Рикуэл.

— Так вот,— продолжал мистер Тироко.— Я уже вступил в контакт с некоторыми из них. Не лично, разумеется, так как опасался, что мои конкуренты пронюхают о моем интересе к алмазным деревьям. И вы оказались правы: мое предложение было отвергнуто. Я пришел к выводу, что фермеры настолько связаны друг с другом соглашениями, что им трудно принять мое предложение, даже если они захотят.

Рикуэл кивнул и улыбнулся:

— Мы понимали, что соблазн продать ферму может оказаться велик,— сказал он. — И мы сделали так, что поддаться этому соблазну стало почти невозможно.

— Отлично,— продолжал мистер Тироко.— От меня так легко не отделаешься. Я убедился в том, что вы и миссис Чолм связаны с прочими фермерами планеты соглашением, по которому не можете первыми продать рощу, передать кому-нибудь право рубки или превысить квоту вырубки. Но вы не являетесь настоящими владельцами фермы. Ею владеют эти дети.

Рикуэл нахмурился.

— А какая разница? — спросил он.— Ильф — наш внук. Орис также наша родственница, и мы ее удочерили.

Мистер Тироко почесал подбородок.

— Мистер Блиман,— сказал он.— Будьте любезны объяснить этим людям ситуацию.

Мистер Блиман откашлялся. Это был высокий худой человек с яростными черными глазами, похожий на хищную птицу.

— Мистер и миссис Чолм,— начал он.— Я — специалист по опекунским делам и являюсь чиновником федерального правительства. Несколько месяцев назад мистер Кугус Овин подал заявление насчет удочерения своей племянницы Орис Лутил, гражданки планеты Рейк. По ходатайству мистера Кугуса Овина я провел необходимое расследование и могу вас заверить, что вы не оформляли официально удочерение Орис.

— Что? — Рикуэл вскочил на ноги.— Что это значит? Что еще за трюк? — Лицо его побелело.

На несколько секунд Ильф упустил из виду мистера Тироко, потому что дядя Кугус вдруг оказался перед скамейкой, на которой сидели Ильф и Орис. Но когда он снова увидел мистера Тироко, то чуть не умер со страха. В руке у мистера Тироко сверкал большой, отливающий серебром и синью пистолет, и ствол его был направлен на Рикуэла Чолма.

— Мистер Чолм,— произнес мистер Тироко.— Прежде чем мистер Блиман кончит свои объяснения, хочу вас предупредить: я не собираюсь вас убивать. Пистолет не на это рассчитан. Но если я нажму курок, вы почувствуете страшную боль. Вы — пожилой человек и, может быть, не переживете этой боли... Кугус,

следи за детьми. Мистер Блиман, давайте я сначала поговорю с мистером Хетом.

Он поднес к лицу левую руку, и Ильф увидел, что к ней прикреплена рация.

— Хет,— сказал мистер Тироко, прямо в рацию, не спуская глаз с Рикуэла Чолма.— Полагаю, тебе известно, что дети находятся в доме?

Рация что-то пробормотала и смолкла.

— Сообщи мне, если увидишь, что кто-нибудь приближается,— сказал мистер Тироко.— Продолжайте, мистер Блиман.

— Мистер Кугус Овин,— произнес Блиман,— официально признан опекуном свой племянницы Орис Лутил. Ввиду того, что Орис еще не достигла возраста, в котором требуется согласие на опеку, дело считается оконченным.

— А это значит,— сказал мистер Тироко,— что Кугус может действовать от имени Орис в сделках по продаже деревьев на ферме. И если вы, мистер Чолм, намереваетесь возбудить против нас дело — лучше забудьте об этом. Может, в банковском сейфе и лежали какие-то документы, доказывавшие, что девочка была вами удочерена. Можете не сомневаться, что эти документы уже уничтожены. А теперь мистер Блиман безболезненно усыпит вас на несколько часов, которые понадобятся для вашей эвакуации с планеты. Вы обо всем забудете, а через несколько месяцев никому и дела не будет до того, что здесь произошло. И не думайте, что я жестокий человек. Я не жесток. Я просто принимаю меры, чтобы добиться цели. Мистер Блиман, пожалуйста!

Ильфа охватил ужас. Дядя Кугус держал Орис и Ильфа за руки, ободряюще им улыбался. Ильф бросил взгляд на Орис. Она была такой же бледной, как дедушка с бабушкой, но не пыталась вырваться. Поэтому Ильф тоже не стал сопротивляться. Мистер Блиман поднялся, еще больше, чем прежде, похожий на хищную птицу, и подкрался к Рикуэлу Чолму. В руке у него поблескивало что-то похожее на пистолет. Ильф зажмурился. Наступила тишина. Потом мистер Тироко сказал:

— Подхватите его, а то он упадет с кресла. Миссис Чолм, расслабьтесь...

Снова наступила тишина. И тут рядом с Ильфом послышался голос Орис. Не обычный голос, а скороговорка в двадцать раз быстрее, словно Орис куда-то спешила. Вдруг голос умолк.

— Что такое? Что такое? — спросил пораженный мистер Тироко.

Ильф широко открыл глаза, увидев, как что-то с пронзительным криком влетело в комнату. Два передразника метались по комнате— коричневые неуловимые комочки — и вопили на разные голоса. Мистер Тироко громко вскрикнул и вскочил со стула, размахивая пистолетом. Что-то, похожее на большого паука, взбежало по спине мистера Блимана, и он с воплем отпрянул от лежащей в кресле бабушки. Что-то вцепилось в шею дяде Кугусу. Он отпустил Орис и Ильфа и выхватил свой пистолет.

— Шире луч! — взревел мистер Тироко. Его пистолет часто и гулко бухал. Внезапно темная тень метнулась к его ногам. Дядя Кугус выругался, прицелился в тень и выстрелил.

— Бежим,— прошептала Орис, схватив Ильфа за руку. Они спрыгнули со скамьи и кинулись к двери.

— Хет! — несся вдогонку им голос мистера Тироко.— Поднимись в воздух и отыщи детей! Они пытаются скрыться. Если увидишь, что они пересекают дорогу, вышиби из них дух. Кугус, догоняй! Они могут спрятаться в доме.

Тут он снова взвыл от ярости, и его пистолет заработал. Передразники были слишком малы, чтобы причинить серьезный вред, но они, наверно, пустили в ход свои острые зубы.

— Сюда,— шепнула Орис, открывая дверь. Ильф юркнул за ней в комнату, и она тихо прикрыла за ним дверь. Ильф глядел на сестру, и сердце его бешено колотилось.

Орис кивнула на зарешеченное окно.

— Беги и прячься в роще. Я за тобой.

— Орис! Ильф! — масляным голосом кричал в холле дядя Кугус.— Погодите, не бойтесь! Где вы?

Ильф, заслышав торопливые шаги Кугуса, быстро пролез между деревянными планками и упал на траву. Но тут же вскочил и бросился к кустам. Он слышал, как Орис пронзительно крикнула что-то передразникам, посмотрел назад и увидел, что Орис тоже бежит к кустам. Дядя Кугус выглянул из-за решетки, целясь в Орис из пистолета. Раздался выстрел. Орис метнулась в сторону и исчезла в чаще. Ильф решил, что дядя Кугус промахнулся.

— Они убежали из дома! — крикнул дядя Кугус. Он старался протиснуться сквозь прутья решетки.

Мистер Тироко и мистер Блиман тоже кричали что-то. Дядя Кугус обернулся и исчез.

— Орис! — крикнул Ильф дрожащим голосом.

— Ильф, беги и прячься! — Голос Орис доносился справа, из глубины рощи.

Ильф побежал по тропинке, что вела к лежбищу Сэма, бросая взгляды на клочки голубого неба между вершинами деревьев. Аэрокара не было видно. Хет, наверно, кружит над рощей, ожидая, пока остальные выгонят детей на открытое место, чтобы их поймать. Но ведь можно спрятаться под панцирем Сэма, и он переправит их через дорогу.

— Орис, где ты? — крикнул Ильф.

Голос Орис донесся издалека. Он был ясен и спокоен.

— Ильф, беги и прячься.

Ильф оглянулся. Орис нигде не было видно, зато в нескольких шагах сзади по тропе бежали оба передразника. Они обогнали Ильфа и исчезли за поворотом. Преследователи уговаривали его и Орис вернуться. Голоса их приближались.

Ильф добежал до лежбища Сэма. Сэм лежал там неподвижно, его выпуклая спина была похожа на огромный, обросший лишайниками валун. Ильф схватил камень и постучал им по панцирю.

— Проснись,— умолял он.— Проснись, Сэм!

Сэм не шевельнулся. Преследователи приближались. Ильф никак не мог решить, что делать дальше.

— Спрячься от них,— внезапно послышался голос Орис.

— Девчонка где-то здесь! — тут же раздался голос мистера Тироко.— Хватай ее, Блиман!

— Орис, осторожнее! — крикнул испуганный Ильф.

— Ага, мальчишка тоже там. Сюда, Хет! — торжествующе вопил мистер Тироко.— Снижайся, помоги нам их схватить. Мы их засекли...

Ильф упал на четвереньки, быстро пополз в гущу кустарника с голубыми цветами и замер, распластавшись на траве. Он слышал, как мистер Тироко ломится сквозь кусты, а мистер Блиман орет: «Скорее, Хет, скорее!»

И тут до Ильфа донесся еще один знакомый звук. Это было глухое гудение Зеленой паутины. Гудение заполнило всю рощу. Так паутина иногда заманивала птичьи стаи. Казалось, что гудение струится с деревьев и поднимается с земли.

Ильф тряхнул головой, чтобы сбросить оцепенение. Гудение стихло и тут же вновь усилилось. Ильфу показалось, что с другой стороны кустов он слышит собственный голос: «Орис, где ты?» Мистер Тироко кинулся в том направлении, крича что-то мистеру Блиману и Кугусу. Ильф отполз назад, выскочил из зарослей, поднялся во весь рост и обернулся. И замер. Широкая полоса земли шевелилась, раскачивалась, словно варево в котле.

Мистер Тироко, запыхавшись, подбежал к лежбищу Сэма. Лицо его побагровело, пистолет поблескивал в руке. Он тряс головой, пытаясь отделаться от гудения. Перед ним был огромный, обросший лишайниками валун, и никаких следов Ильфа. Вдруг что-то шевельнулось в кустах по ту сторону валуна.

— Орис! — послышался испуганный голос Ильфа.

Мистер Тироко побежал вокруг валуна, целясь на бегу из пистолета. Неожиданно гудение перешло в рев. Две огромных, серых, трехпалых лапы высунулись из-под валуна и схватили мистера Тироко.

— Ох! — вскрикнул он и выронил пистолет. Лапы сжали его, раз, два. Сэм распахнул рот, захлопнул его и проглотил жертву. Голова его вновь спряталась под панцирь, и он опять заснул.

Рев Зеленой паутины заполнил всю рощу, словно тысяча арф исполняла одновременно быструю, прерывистую мелодию. Человеческие голоса метались, визжали, стонали, тонули в гуле. Ильф стоял возле круга шевелящейся земли, рядом с голубым кустарником, одурев от шума, и вспоминал. Он слышал, как мистер Тироко приказал мистеру Блиману ловить Орис, как мистер Блиман уговаривал Хета поторопиться. Он слышал собственный вопль, обращенный к Орис, и торжествующий крик мистера Тироко: «Сюда! Мальчишка тоже там!»

Дядя Кугус выскочил из кустов. Глаза его сверкали, рот был растянут в усмешке. Он увидел Ильфа и с криком бросился к нему. Ильф заметил его и остановился как вкопанный. Дядя Кугус сделал четыре шага по «живой» земле и провалился по щиколотку, потом по колени. Вдруг бурая земля брызнула во все стороны, и он ухнул вниз, будто в воду и; не переставая улыбаться, исчез. Где-то вдали мистер Тироко кричал: «Сюда!», а мистер Блиман все торопил Хета. Но вот возле пня дедушки росянки раздался громкий чавкающий звук. Кусты вокруг

затряслись. Но через секунду все стихло. Затем гудение Зеленой паутины сменилось пронзительным воплем и оборвалось. Так всегда бывало, когда Зеленой паутине попадалась крупная добыча...

Ильф, весь дрожа, вышел на поляну к лежбищу Сэма. В голове его гудело от воя Зеленой паутины, хотя в роще уже стояла тишина. Ни один голос не нарушал безмолвия. Сэм спал в своем лежбище. Что-то блеснуло в траве у его края. Ильф подошел поближе, заглянул внутрь и прошептал:

— Сэм, вряд ли нужно было...

Сэм не пошевелился. Ильф подобрал серебряный с синью пистолет мистера Тироко и отправился искать Орис. Он нашел ее на краю рощи. Орис рассматривала аэрокар Хета. Аэрокар лежал на боку, на треть погрузившись в землю. Вокруг него суетилась огромная армия чистильщиков, какой Ильфу еще не приходилось видеть. Орис с Ильфом подошли к краю дороги и смотрели, как аэрокар, вздрагивая и переворачиваясь, погружается в землю. Ильф вспомнил о пистолете, который он все еще держал в руках, и бросил его на землю возле машины. Пистолет тут же засосало. Перекати-поле выкатились из леса и ждали, столпившись возле круга. В последний раз дернувшись, аэрокар пропал из виду. Участок земли стал разравниваться. Перекати-поле заняли его и принялись укореняться.

Послышался тихий посвист, и из Королевской рощи вылетел саженец алмазного дерева, вонзился в центр круга, в котором исчез аэрокар, затрепетал и выпрямился. Перекати-поле уважительно расступились, освобождая ему место. Саженец вздрогнул и распустил первые пять серебристо-зеленых листьев. И замер.

Ильф обернулся к Орис:

— Орис,— сказал он.— Может, нам не следовало этого делать?

Орис ответила не сразу.

— Никто ничего не делал,— ответила она наконец.— Все сами уехали обратно...

Она взяла Ильфа за руку.

— Пошли домой, подождем, пока Рикуэл и Мелди проснутся.

Алмазный лес вновь успокоился. Спокойствие достигло его нервного центра в Королевской роще, который опять расслабился. Кризис миновал — возможно, последний из непредусмотренных людьми, прилетевшими на планету Урак.

Единственной защитой от человека был сам человек. И, осознав это, алмазный лес выработал свою линию поведения. В мире, принадлежащем теперь человеку, он принял человека, включил его в свой экологический цикл, приведя его к новому, оптимальному балансу.

И вот пронесся последний шквал. Опасное нападение опасных людей. Но опасность миновала и вскоре станет далеким воспоминанием...

Все было верно предусмотрено, думал, погружаясь в дрему, нервный центр. И раз уж сегодня больше не нужно думать, можно и погрузиться в дрему...

И Сэм блаженно заснул.

Дж. Шмиц

ДЕДУШКА

Что-то зеленокрылое, пушистое, величиной с курицу, пролетело вдоль склона холма и стало парить прямо над головой Корда, в двадцати футах над ним. Корд, пятнадцатилетний юноша, откинулся назад, прислонившись к прыгоходу, и задумчиво смотрел на это создание. Прыгоход стоял в районе экватора на планете, куда люди добрались всего лишь четыре земных года назад. Существо, привлекшее внимание Корда, члены Колониальной экспедиции Сутанга в обиходе называли Болотным Жуком. В его пушистом мехе, на загривке сидело второе, меньшее по размеру существо — полупаразит, Наездник Жука.

Корду показалось, что Жук относится к какой-то новой разновидности. Пристроившийся на Жуке паразит тоже мог оказаться неизвестным видом. Корд по натуре был исследователем, и первое впечатление от необычной летающей упряжки возбудило в нем бесконечное любопытство. Как и почему функционирует этот необыкновенный феномен? И на какие чудеса он способен?

Проводить подобные исследования Корду мешали обычно разные обстоятельства. Колониальная экспедиция была напряженно работающей бригадой из двух тысяч человек, которые преследовали определенные цели — за двадцать лет они должны были составить мнение о совершенно новом мире Сутанга и преобразовать его до такой степени, чтобы на этой планете можно было поселить сто тысяч колонистов в условиях относительного комфорта и безопасности. Поэтому даже от самых юных студентов колонии, вроде Корда, ожидалось, что они ограничат свою любознательность кругом исследований, установленных Станцией, к которой они прикомандированы. Склонность Корда к самостоятельным экспериментам и раньше вызывала неодобрение его непосредственного начальства.

Корд мельком взглянул вниз, на Колониальную станцию залива Йогер. Около этого низкого, похожего на крепость корпуса, стоящего на холме, не было заметно никаких признаков человеческой деятельности. Центральный шлюз был еще закрыт. Его должны были открыть через пятнадцать минут, чтобы дать выйти Регентессе Планеты, которая сегодня должна была инспектировать Станцию залива Йогер.

По расчетам Корда, за пятнадцать минут он мог узнать что-то о новом Жуке.

Но сначала надо было еще заполучить его.

Корд вытащил из кобуры один из двух пистолетов, висевших у него на поясе. Это был его собственный пистолет — ванадианское пулевое оружие. Движением большого пальца Корд перевел пистолет в положение для стрельбы наркотизирующими ракетками, рассчитанными на мелкую дичь, и сбил парящего Жука, проделав аккуратное микроскопическое отверстие в его голове.

Не успел Жук коснуться земли, как Наездник спрыгнул с него. Этот крошечный ярко-красный демон, круглый и подвижный, как резиновый мячик, в три прыжка подскочил к Корду и раскрыл широкую пасть. С его дюймовых клыков капал яд. Невольно затаив дыхание, Корд опять нажал на спуск и сбил Наездника. Новый вид, точно! Ведь большинство наездников были безвредными растительноядными, они сосали только сок из овощей.

— Корд! — раздался женский голос.

Корд выругался про себя. Он не слышал, как, открываясь, щелкнул Центральный шлюз. Должно быть, она обогнула Станцию и пришла с другой стороны.

— А, Грэйэн! — не оглядываясь, откликнулся Корд.— Посмотри-ка, что у меня! Новый вид!

Грэйэн Мэхони, стройная черноволосая девушка двумя годами старше Корда, побежала к нему по склону холма. В звездной колонии Сутанга она была выдающейся студенткой, и Нирмонд, начальник Станции, время от времени ставил ее Корду в пример. Несмотря на это, она и Корд были добрыми друзьями, хотя Грэйэн частенько помыкала им.

— Корд, ты просто дуралей! — набросилась она на него.— Брось эти коллекционерские повадки! Если бы Регентесса сейчас вышла, ты бы погорел. Нирмонд уже говорил ей о тебе!

— Что же он говорил? — осведомился Корд.

— Во-первых, что ты не выполняешь порученную работу,— сообщила Грэйэн.— Во-вторых, что ты по меньшей мере раз в месяц отправляешься в одиночные экскурсии и тебя приходится выручать...

— Никому,— горячо перебил ее Корд,— пока еще ни разу не приходилось меня выручать!

— А откуда Нирмонду знать, что ты жив-здоров, когда ты исчезаешь на целую неделю? — возразила Грэйэн.— В-третьих,— продолжала она, по очереди загибая свои пальчики,— он жаловался, что в лесах за Станцией ты развел личные зоопарки из неопознанных и, возможно, смертоносных паразитов. И в-четвертых... ну, Нирмонд просто не хочет больше отвечать за тебя.— Она многозначительно выставила вперед четыре пальца.

— Ну и ну! — выдавил обескураженный Корд. Его краткая характеристика в ее интерпретации выглядела не очень привлекательной.

— Вот именно, ну и ну! Хочу тебя предупредить: теперь Нирмонд требует, чтобы Регентесса отослала тебя назад на Ванадию — ведь через сорок восемь часов на Новую Венеру прибудет звездолет!

Новая Венера была главной базой Колониальной экспедиции на противоположной стороне Сутанга.

— Что же мне делать?

— А ты попробуй притвориться здравомыслящим,— Грэйэн внезапно улыбнулась.— Ведь я тоже говорила с Регентессой — так что пока еще Нирмонд от тебя не отделался. Но если ты оскандалишься во время нашей сегодняшней экскурсии на Фермы, то вылетишь из Экспедиции — и уж навсегда!

Она собралась уходить.

— Кстати, ты бы мог вернуть на место прыгоход: мы им не воспользуемся. Нирмонд отвезет нас на берег в тредкаре, а оттуда мы поплывем на Плоту. Только они не должны знать, что я тебя предупредила.

Корд, ошеломленный, смотрел ей вслед. До сих пор он не предполагал, что его репутация так пошатнулась. По мнению Грэйэн, у которой уже четыре поколения предков работали в колониальных экспедициях, не было ничего хуже увольнения и позорной высылки назад, в родной мир. Корд с удивлением заметил, что сейчас и он испытывает такое же чувство.

Предоставив только что пойманные трофеи самим себе, Корд поспешно взобрался в кабину прыгохода, обогнул Станцию и вкатил машину в ангар...

Возле болотистой бухты, на берегу которой Нирмонд остановил тредкар, покачивались на воде три Плота. Они были похожи на широкополые, остроконечные кожаные шляпы зеленого цвета или на листья кувшинки диаметром в двадцать пять футов, в центре которых росли огромные серо-зеленые ананасы. Что-то вроде растений-животных. Сутанг открыли совсем недавно и не успели рассортировать все живущее на нем и создать что-то, хотя бы отдаленно напоминающее упорядоченную классификацию. Плоты были местной загадкой. Их мало-помалу исследовали, считали безвредными и даже в какой-то степени полезными, поскольку применяли как средство передвижения, правда довольно медленное, по мелким и болотистым водам залива Йогер.

В группу входили четверо: Грэйэн была впереди вместе с Нирмондом, Регентесса приподнялась с заднего сиденья тредкара, где она сидела рядом с Кордом.

— Так это и есть ваши экипажи? — улыбнулась она.

Нирмонд кисло усмехнулся:

— Их нельзя недооценивать, Дэйн! Со временем они могут сыграть в этом районе экономически важную роль. Ведь эти три Плота намного меньше тех, которыми я обычно пользуюсь.— Он оглядел заросшие тростником берега бухты.— А тот, что, как правило, стоит здесь, поистине исполин.

Грэйэн обернулась к Корду:

— Может быть, Корд знает, где спрятался Дедушка?

Это было сказано из самых лучших побуждений, но Корд надеялся, что никто не спросит его о Дедушке. А теперь все смотрели на него.

— Так вам нужен Дедушка? — волнуясь, спросил он.— Да, я оставил... я хочу сказать — видел его недели две назад примерно в миле к югу отсюда...

Грэйэн вздохнула. Нирмонд что-то проворчал и сказал Регентессе:

—Плоты имеют обыкновение останавливаться там, где их оставляют, лишь бы вода в этом месте была мелкой и илистой. У них есть система корневых волосков, с помощью которой они извлекают со дна залива необходимые химические вещества и микроэлементы. Грэйэн, ты не подвезешь нас в ту сторону, к югу?

Корд с несчастным видом откинулся назад, и тредкар, накренившись, двинулся в путь. У Нирмонда явно возникло подозрение, что Корд использовал Дедушку для одного из своих нелегальных путешествий по этому району,— да так оно и было.

— Корд, я уверена, что ты специалист по этим Плотам,— сказала Дэйн.— Грэйэн говорила мне, что для сегодняшней экскурсии лучшего рулевого, или кормчего, или как он там называется, нам не найти.

— Я умею управляться с Плотами,— ответил Корд, на лбу которого сразу выступили капли пота.— Они совсем не опасны!

До сих пор Корд не сознавал, что произвел на Регентессу хорошее впечатление. Дэйн была молодой, красивой женщиной. Она легко вступала в разговор и смеялась, но не зря ее назначили главой Колониальной экспедиции Сутанга. Чувствовалось, что ей ничего не стоит выгнать из Экспедиции любого, кто нарушает установленные правила.

— У этих Плотов есть одно большое преимущество перед прыгоходом,— заметил Нирмонд.— Можно не бояться, что на борт к ним попадут Рыбы-Кусаки!

Он стал описывать жалящие лентовидные щупальца, которые Плоты раскидывают под водой, чтобы отбить охоту у тех, кто хотел бы полакомиться их нежной плотью. Кусаки и два-три других агрессивных вида рыб, водящихся в заливе, еще не научились тому, что нападать на вооруженных людей, сидящих в лодке, не имеет смысла, но они поспешно уносились прочь, освобождая путь неторопливо двигающимся Плотам.

Корд был счастлив, что его пока оставили в покое. Регентесса, Нирмонд и Грэйэн — все это были люди с Земли, как и большинство остальных членов Экспедиции; а при людях с Земли он чувствовал себя неловко, особенно когда их было сразу несколько. Ванадия, его родной мир, сама только-только перестала быть колонией Земли — вот в чем заключалась разница между ними. Все земляне, которых ему приходилось встречать, всецело посвятили себя тому, что Грэйэн Мэхони называла Великим Воплощением, а Нирмонд — Нашей Целью Здесь. Они действовали в строгом соответствии с Уставом Экспедиции — что иногда, по мнению Корда, было совершенно неразумно. Ведь зачастую та или иная новая ситуация выходила за рамки Устава — и тогда кто-нибудь погибал. Обычно в таких случаях Устав быстро пересматривали, но людей Земли подобные случаи, казалось, не особенно смущали.

Грэйэн пыталась объяснить это Корду:

— Ведь нельзя заранее знать, на что будет похож тот или иной новый мир. А когда мы оказываемся там, выясняется, что дел слишком много и за отведенное нам время мы не можем как

следует изучить этот мир. Работу сделать нужно — и вот идешь на риск. Но, придерживаясь Устава, имеешь больше шансов остаться в живых...

Корд предпочел бы руководствоваться просто здравым смыслом и не попадать в такие ситуации, которых он сам не мог бы предусмотреть.

Грэйэн раздраженно отвечала на это, что он ведь еще не достиг Великого Воплощения...

Тредкар, развернувшись, остановился, и Грэйэн вскочила на переднее сиденье:

— Вот он, Дедушка!

Дэйн тоже встала на сиденье и тихо присвистнула, очевидно, пораженная величиной Дедушки: диаметр его площадки равнялся пятнадцати метрам. Корд в удивлении огляделся вокруг. Он был совершенно уверен, что две недели назад оставил этот большой Плот в нескольких сотнях метров отсюда, а, как уже сказал Нирмонд, по собственной инициативе Плоты обычно не передвигались.

Озадаченный Корд последовал за остальными по узкой дорожке к воде, окаймленной тростником, скорее похожим на деревья. То и дело он бросал взгляд на плавающего Дедушку, чуть касавшегося берега. Затем дорожка расширилась, и Корд увидел весь Плот целиком на залитом солнцем мелководье. И тут он в испуге остановился.

Нирмонд, шедший впереди Дэйн, уже собрался вступить на Плот.

— Стойте! — закричал Корд. Из-за волнения у него пересохло горло.— Остановитесь!

Он побежал вперед.

Все застыли на своих местах, оглядываясь вокруг, затем посмотрели на приближавшегося Корда.

— В чем дело, Корд? — спросил Нирмонд спокойно и требовательно.

— Не входите на Плот: он изменился.— Корд даже сам почувствовал, что голос его дрожит.— Может быть, это вообще не Дедушка...

Не успев закончить фразу, Корд уже увидел, что он ошибся. По всему краю Плота были рассыпаны бесцветные пятна, оставленные множеством выстрелов из тепловых пистолетов, в том числе и из его собственного. Таким способом приводили в движение эту инертную и глупую махину... Корд указал на конический центральный выступ:

— Смотрите! Голова! Она пустила ростки!

— Пустила ростки? — непонимающе переспросил Нирмонд.

Голова Дедушки в соответствии с его размерами была почти двенадцати футов высотой и примерно такого же диаметра. Для защиты от паразитов она была покрыта панцирем, как спина у ящера. Две недели назад на этом месте у Дедушки, как и у всех других Плотов, виднелась во всех отношениях невыразительная выпуклость. Теперь же со всей поверхности конуса тянулось вверх множество длинных, причудливых, безлистых побегов, похожих

на зеленые жгуты. Некоторые из них напрягались, как пружины, другие вяло свешивались над площадкой или покачивались над ней. Верхушка конуса была усеяна набухшими красными почками, очень напоминавшими прыщи, чего никогда прежде не бывало. Дедушка выглядел больным...

— Верно,— сказал Нирмонд.— Пустил ростки!

Грэйэн фыркнула. Нирмонд недоуменно взглянул на Корда.

— И это все, что тебя обеспокоило?

— Конечно! — взволнованно начал Корд. Он не уловил значения слова «все»; он был возбужден и дрожал.— Никогда еще ни один из них...

И тут он замолчал. На их лицах он прочел, что до них это не дошло. Или, вернее, они отлично все поняли, но попросту не собирались нарушать свои планы. Согласно Уставу, Плоты классифицировались как безвредные. Пока нет доказательств обратного, их следует и дальше считать безвредными. Нельзя тратить время на уклонения от Устава; по-видимому, этим правилом руководствовалась даже Регентесса.

Корд сделал еще одну попытку:

— Понимаете...— начал он. Он хотел сказать, что Дедушка, у которого появилась даже одна-единственная неизвестная особенность,— это, собственно, уже не Дедушка. Это новый организм с непредсказуемым поведением, и реакции у него иные; его следует осторожно и тщательно изучать, пока неизвестные свойства не будут исследованы.

Но все было напрасно. Они и сами это понимали. Корд беспомощно уставился на них:

— Я...

Дэйн повернулась к Нирмонду:

— Может, все-таки стоит проверить...— сказала она. Она не добавила: «...чтобы успокоить мальчика», но имела в виду именно это.

Корд ужасно смутился. Они, наверное, подумали, что он испугался — ведь так оно и было,— и испытывали жалость к нему. Однако теперь он не в силах был ни сказать, ни сделать что-либо. Он мог только наблюдать, как Нирмонд спокойно идет от одного конца Плота к другому. Дедушка несколько раз слегка вздрогнул, но так всегда бывало, когда кто-нибудь первым ступал на Плоты. Начальник Станции остановился перед одним из странных отростков, потрогал его и подергал. Он дотянулся и до нижних почкообразных выростов и внимательно осмотрел их.

— Занятные штуки! — крикнул он и еще раз взглянул на Корда.— Но вроде бы они безвредные! Идите все сюда!

Это было похоже на сон, когда ты что-то кричишь истошным голосом, а люди тебя не слышат. Вслед за Дэйн и Грэйэн негнущимися ногами на Плот ступил Корд. Он совершенно точно знал, что произошло бы, замешкайся он хоть на мгновение. Один из них сказал бы дружелюбно, заботясь о том, чтобы это не звучало слишком презрительно: «Корд, если тебе не хочется, можешь с нами не идти!»

Грэйэн вынула из кобуры тепловой пистолет и приготовилась

отправить Дедушку в путешествие по каналам залива Йогер.

Корд тоже вытащил свой пистолет и сказал грубовато:

— Мне уже приходилось это делать.

— Отлично, Корд! — Грэйэн одарила его короткой, ничего не выражающей улыбкой, точно видела впервые в жизни, и отошла в сторону.

Они были так оскорбительно вежливы! Корд решил — теперь уже можно считать, что он на пути домой, к Ванадии.

Какое-то время Корд даже хотел, чтобы произошла любая самая страшная катастрофа, лишь бы она послужила уроком людям из Экспедиции. Но ничего не случилось. Как обычно, Дедушка, почувствовав тепло на одном из краев своей площадки, сначала чуть заметно, для пробы, встряхнулся, а затем решил уйти от этого тепла. Все шло нормально. Под водой, вне поля зрения людей, располагались рабочие органы Плота: короткие и толстые листовидные образования, похожие на весла и устроенные так, чтобы выполнять их роль, покрытые слизью жалящие щупальца, удерживающие вегетарианцев залива Йогер на почтительном расстоянии, и настоящие джунгли из корневых волосков, через которые Дедушка всасывал пищу из ила и медленных вод залива и с помощью которых он мог останавливаться.

«Весла» начали взбалтывать воду, площадка задрожала, корневые волоски выбрались из ила, и Дедушка лениво тронулся с места.

Корд выключил подачу тепла и вложил пистолет в кобуру. Обычно Плоты, начав двигаться, продолжали неторопливо плыть. Чтобы их остановить, надо было обжечь тепловым лучом передний край Плота; их можно было также заставить двигаться в любом направлении, слегка коснувшись лучом соответствующего края площадки.

Все это было очень просто.

Корд не глядел на остальных. Внутри у него еще все кипело. Он стал смотреть на проплывавшие по обе стороны тростниковые заросли, которые временами отступали, позволяя ему мельком увидеть впереди туманное желтое, зеленое и голубое пространство солоноватых вод залива. За туманом, к западу, находился пролив Йогер-Стрейтс — капризный и опасный во время приливов. А за Йогер-Стрейтс лежало открытое море, великая бездна Зланти — совсем другой мир, который Корду пока еще был неведом.

Ему вдруг стало очень грустно: только теперь он по-настоящему осознал, что, скорее всего, ему никогда больше не увидеть этого мира. Конечно, Ванадия — довольно приятная планета, но там первобытная загадочная эпоха давно уже ушла в прошлое. Это не Сутанг!

Грэйэн, стоявшая рядом с Дэйн, окликнула его:

— Корд, каким путем лучше всего добраться отсюда до Ферм?

— По Большому каналу направо,— ответил он и угрюмо добавил: — Мы как раз туда и направляемся!

Грэйэн подошла к нему.

— Регентесса не хочет осматривать все,— сказала она, понизив голос.— В первую очередь — плантации водорослей и планктона. Затем мутантные структуры — столько, сколько можно показать часа за три. Правь к самым лучшим образцам — и ты осчастливишь Нирмонда!

Она заговорщически подмигнула Корду. Он с сомнением посмотрел ей вслед. По ее поведению нельзя сказать, что все так уж плохо. Может быть...

У него появился проблеск надежды. Трудно было не любить людей из Экспедиции, даже когда они твердолобо следовали своему Уставу. Возможно, именно их Цель и придавала им энергию и силу, хотя она же иногда заставляла их быть безжалостными к себе и к другим. Но как бы то ни было, день пока не кончился. Корд еще может реабилитировать себя в глазах Регентессы. Что-то еще может произойти...

Внезапно перед Кордом предстало яркое, почти правдоподобное видение: будто какое-то чудовище, щелкая пастью, лезет на Плот и он, Корд, проворно разряжает пистолет в то место, где у чудовища должен быть мозг, прежде чем кто-либо, и в особенности Нирмонд, успевает осознать грозившую опасность. Разумеется, чудовища из залива остерегались Дедушки, но, наверное, можно было бы как-то подбить на это хоть одно из них.

Наконец, Корд понял, что до сих пор шел на поводу у своих чувств. Пора начать думать!

Во-первых, Дедушка. Итак, он пустил ростки — зеленые жгуты и красные почки — неизвестно зачем, но в остальном его поведение вроде бы не изменилось. Дедушка был самым большим Плотом в этом конце залива, хотя и остальные заметно выросли за два года, с тех пор как Корд впервые увидел их. Времена года на Сутанге менялись медленно: здешний год был впятеро длиннее земного. Даже те члены Экспедиции, которые высадились сюда первыми, еще не прожили на Сутанге полного года.

Наверное, у Дедушки происходят сезонные изменения. Остальным Плотам, более молодым, подобные перемены, по-видимому, предстояли несколько позже. Растения-животные, они, видимо, цвели, готовясь к размножению.

— Грэйэн,— окликнул он,— а как эти Плоты зарождаются? Я хотел сказать — когда они совсем маленькие...

Грэйэн казалась веселой, и надежды Корда возросли. Как бы то ни было, Грэйэн снова на его стороне!

— Никто пока не знает,— ответила она.— Мы только что говорили об этом. Очевидно, половина болотной прибрежной фауны проводит первичную личиночную стадию в море.— Она кивком головы указала на красные почки, усыпавшие конус.— Похоже на то, будто Дедушка собирается цвести, а потом ветер или течение вынесут его семена за пределы пролива.

Это звучало разумно, однако сводило на нет еще теплившуюся у Корда надежду на то, что перемены в Дедушке окажутся достаточно серьезными и оправдают его нежелание ступить на Плот. Корд еще раз внимательно оглядел покрытую панцирем

«голову» Дедушки: уж очень ему не хотелось расставаться со своей надеждой.

Между пластинами панциря Корд заметил ряды сочащихся черных вертикальных щелей, которых две недели назад совершенно не было видно. Выглядело это так, словно Дедушка начинает разваливаться по швам. Это могло означать, что Плоты не завершают полный сезонный цикл, а, достигнув предельных размеров, расцветают — примерно в это время сутангского года — и умирают. Однако можно было поручиться, что Дедушка не развалится до того, как закончится сегодняшнее путешествие.

Корд отвлекся от Дедушки. Он опять вернулся к своей прежней мысли: а вдруг ему удастся побудить к действию какое-нибудь услужливое чудовище из залива — тогда бы уж он показал Регентессе, что он, Корд, не какой-нибудь молокосос.

Ведь чудовища-то здесь действительно водились!

Став на колени на краю Плота и вглядываясь в прозрачные воды глубокого канала, Корд видел множество этих тварей.

Вот пять или шесть Кусак, похожих на огромных сплющенных раков. Чаще всего они шоколадно-коричневые, с зелеными и красными пятнами на панцире. В некоторых частях залива Кусаки были настолько велики, что оставалось лишь удивляться, как они ухитряются добывать себе пропитание, если бы не было известно, что они могут питаться почти всем, вплоть до ила, в котором живут. Однако они предпочитают есть то, что можно откусывать, причем любят, чтоб пища была живой — вот почему в заливе не купались. Кусаки иногда нападали и на лодки, но сейчас они быстро удирали к берегам канала, так как, видимо, не хотели связываться с большим движущимся Плотом.

Тут и там на дне виднелись круглые двухфутовые отверстия, сейчас они казались свободными. Обычно же — и Корду это было хорошо известно — в каждом из них торчала голова. В ней было три ряда зубастых челюстей, терпеливо открытых, как капканы, готовые схватить любой предмет, оказавшийся в пределах досягаемости их длинных червеобразных тел. Близость Дедушки, чьи ядовитые щупальца развевались в воде, подобно прозрачным вымпелам, испугала и этих червей — они попрятались.

Но стайки мелких хищников не прятались — вот слева за Плотом из-за тростников мелькнуло, словно вспыхнув, что-то алое. И повернуло игловидный нос им вслед.

Корд, не отрываясь, смотрел на это существо. Он знал его, хотя оно редко заходило в залив и не было пока классифицировано. Это быстрое злобное существо было достаточно проворным, чтобы прямо на лету хватать Болотных Жуков, когда те пролетают над поверхностью воды. Как-то Корд выудил одно из них, оно прыгнуло на причаленный Плот и бешено металось, пока Корд не пристрелил его.

Но сейчас удочки нет. Можно, конечно, в качестве приманки использовать носовой платок, если хочешь рискнуть своей рукой...

— Что за фантастические создания! — раздался за спиной Корда голос Дэйн

— Желтоголовые,— сказал Нирмонд.— Они очень полезны. Истребляют Жуков.

Корд невольно встал. Сейчас ведь не до шуток! Тростники справа от Плота кишмя кишат Желтоголовыми — их там целая колония. Это создания, отдаленно напоминающие лягушек, размером с человека и даже крупнее. Из всех существ, которых Корд видел в заливе, эти нравились ему меньше всего. Отвислые мешкообразные туловища четырьмя тонкими лапами цеплялись за верхушки двадцатифутовых тростников, окаймляющих канал. Желтоголовые еле шевелились, но казалось, что их гигантские выпученные глаза так и вбирают в себя все, что движется перед ними. Время от времени мохнатые Болотные Жуки подлетали слишком близко: Желтоголовый распахивал громадную вертикальную, усеянную зубами пасть — мгновенный бросок — и Жуку приходил конец. Возможно, Желтоголовые и полезны, но Корд их ненавидел.

— Лет через десять мы узнаем, каков цикл жизни в прибрежном районе,— сказал Нирмонд.— Когда мы открывали Станцию залива Йогер, Желтоголовых здесь не было. Они появились на следующий год. Еще со следами океанской личиночной формы, однако превращение было уже почти закончено.

Дэйн увидела, что все Желтоголовые неотличимы друг от друга. Она наблюдала их колонию в бинокль, потом, отложив его, взглянула на Корда и улыбнулась:

— Сколько еще нам плыть?

— Минут двадцать...

— По-видимому, ключом ко всему является бассейн Зланти,— сказал Нирмонд.— Весной это буквально суп из всевозможных зародышей.

— Верно,— кивнула Дэйн, которой довелось побывать здесь в пору сутангской весны, четыре земных года назад.— У меня такое впечатление, что один лишь бассейн Зланти уже полностью мог бы оправдать идею освоения Сутанга. Вопрос лишь в том,— она кивком указала на Желтоголовых,— как ее воспринимают вот такие существа?

Они двинулись к другому концу Плота, обсуждая вопросы, связанные со Зланти. Корд было последовал за ними. Но что-то бултыхнулось в воду сзади и чуть слева от него, не очень далеко. Он остановился и посмотрел в ту сторону

Через секунду Корд увидел большого Желтоголового. Он соскользнул с тростниковой жерди вот отчего раздался всплеск. Почти полностью погрузившись в воду, он уставился на Плот огромными бледно-зелеными глазами Корду чудилось, что он смотрит прямо на него. В этот момент Корд впервые понял, почему он так не любит Желтоголовых. В этом взгляде было что-то очень похожее на разум: какая-то отталкивающая расчетливость. У подобных тварей рассудок казался неуместным. Какое применение они могли ему найти?

Когда Желтоголовый полностью скрылся под водой, по телу Корда пробежала легкая дрожь: он понял, что тот собирается плыть за Плотом. Корд был взволнован. Никогда прежде он не видел, чтобы Желтоголовые покидали тростники. Чудовище, за которы-

он наблюдал, могло проявить себя самым неожиданным образом.

Спустя полминуты Корд снова увидел Желтоголового, который неуклюже плыл за Плотом. Во всяком случае, у него не было намерения тотчас идти на абордаж. Корд заметил, как он приблизился к жалящим щупальцам Плота. Желтоголовый проскальзывал между ними, его движения необычайно походили на человеческие. Потом он ушел под Плот и пропал из виду.

Корд стоял, размышляя, что бы все это могло означать. Казалось, Желтоголовый знает о ядовитых щупальцах; когда он приближался к Плоту, каждое его движение преследовало какую-то цель. Корда терзало искушение рассказать обо всем этом остальным, но ведь впереди его мог ожидать триумф — если бы Желтоголовый, разевая пасть, внезапно очутился на краю Плота и Корд покончил бы с ним на глазах у всех.

Между тем пора было поворачивать Плот к Фермам. Если ничего не случится...

Корд наблюдал. Прошло почти пять минут, но никаких признаков Желтоголового не было видно. Все еще ожидая чего-то, чувствуя себя не в своей тарелке, Корд выдал Дедушке точно рассчитанную дозу теплового облучения.

Чуть погодя он выстрелил еще раз. Потом глубоко вздохнул и... думать забыл о Желтоголовом.

— Нирмонд! — пронзительно крикнул он.

Нирмонд и двое остальных стояли у центра площадки, рядом с большим панцирным конусом, и смотрели в сторону Ферм. Они оглянулись:

— Что случилось, Корд?

Корд на какое-то мгновение лишился дара речи. Он опять очень испугался. Что-то все-таки было не в порядке!

— Плот не поворачивает! — сказал он немного спустя.

— Прижги его как следует! — отозвался Нирмонд.

Корд взглянул на него. Нирмонд, стоявший чуть впереди Дэйн и Грэйэн, будто желая защитить их от чего-то, показался ему несколько напряженным — и не удивительно: Корд успел разрядить пистолет в три разных точки площадки, но Дедушка словно вдруг потерял всякую чувствительность к теплу. Они неуклонно продолжали двигаться к центру залива.

Тогда Корд задержал дыхание, переключил регулятор температуры на полную мощность и всадил в Дедушку полный тепловой заряд. На этом месте сразу вздулось шестидюймовое пятно, оно стало коричневым, а затем черным...

Дедушка остановился. Он был мертв. Или что-то вроде этого.

— Правильно! Продолжай...— Нирмонд не успел отдать приказ.

Страшный толчок. Корда отбросило назад, к воде. Затем край Плота позади него свернулся и снова раскрылся, хлопнув по воде со звуком, похожим на пушечный выстрел. Корд упал лицом вперед, ударившись о площадку, и распластался на ней. Плот под ним выпячивался. Еще два сильнейших толчка и хлопка. Потом тишина. Корд огляделся, ища остальных.

Он лежал футах в двенадцати от центрального конуса. Два-

три десятка загадочных жгутов, недавно выросших из конуса, напряженно протянулись к Корду, подобно тонким зеленым пальцам. Но дотянуться они не смогли. Ближайший жгут был в десяти дюймах от ботинка Корда.

Но остальных — всех троих — Дедушка схватил. Их сбило с ног примерно в футе от конуса, опутало жесткой сетью зеленых растительных канатов, и теперь они не двигались.

Корд осторожно поджал ноги, приготовившись к следующей сокрушительной атаке. Но ее не последовало. Зато он обнаружил, что Дедушка вновь движется в прежнем направлении. Тепловой пистолет исчез. Корд осторожно, очень осторожно вытащил ванадианский пистолет.

Неожиданно из груды тел послышался голос, слабый, исполненный боли:

— Корд! Ты не схвачен? — это был голос Регентессы.

— Нет,— сказал он, стараясь говорить потише. Внезапно он понял, что слишком уж легко примирился с мыслью о смерти всех троих. Теперь его затошнило и затрясло.

— Что ты делаешь?

Корд с остервенением посмотрел на большую, покрытую панцирем голову Дедушки. Конусы внутри были полыми; лаборатория Станции решила, что в основном они нужны Плотам как резервы для воздуха, необходимого, чтобы держать их на плаву. Но здесь же, в центральной части, размещался орган, управляющий всеми реакциями Дедушки.

Корд тихо ответил:

— У меня есть пистолет и к нему двенадцать сверхмощных разрывных пуль. Две такие пули разнесут конус в клочья.

— Это не годится, Корд! — голос Регентессы был искажен страданием.— Если эта штука потонет, нам все равно конец. А есть у тебя наркотизирующие заряды?

— Да.

Корд пристально посмотрел на ее спину.

— Тогда выстрели сначала в Нирмонда и девушку. Целься в позвоночник. Только не подходи сюда...

Корд почему-то не мог спорить с этим голосом. Он осторожно поднялся. Пистолет издал два слабых шипящих звука.

— Ну вот! — хрипло сказал он.— Что делать дальше?

Некоторое время Дэйн молчала.

— Прости, Корд, я не могу тебе этого сказать. Но я скажу тебе то, что могу...

Несколько секунд опять длилось молчание.

— Это существо не пыталось убить нас, Корд. Ему это было бы нетрудно. Сила у него невероятная. Я видела, как оно переломило Нирмонду ноги. Но когда мы не шевелимся, оно нас только держит. Нирмонд и Грэйэн потеряли сознание, но из-за тебя оно опять пошло в атаку. Оно пыталось дотянуться до тебя жгутами или щупальцами, или чем-то еще. Так ведь?

— Наверное,— дрожа ответил Корд. Конечно, именно так все и случилось — и Дедушка в любой момент мог повторить свою попытку.

— Через эти жгуты в нас сейчас вводится что-то вроде наркотика. Через крошечные шипы... Какое-то оцепенение...— голос Дэйн на мгновение прервался. Затем она отчетливо произнесла: — Видишь ли, Корд, кажется, оно превращает нас в свой пищевой резерв! Понимаешь?

— Да,— ответил он.

— Сейчас у Плотов как раз время созревания семян. Аналогии этому существуют. Наверное, запас живой пищи нужен не самому Плоту, а его семенам. Кто мог этого ожидать? Корд!

— Да. Я здесь.

— Постараюсь не терять сознания как можно дольше,— сказала Дэйн.— Но вот что еще очень важно: Плот куда-то движется. Куда-то в особенно подходящее для него место, может быть, совсем близко от берега. И тогда ты мог бы прикончить его. Иначе он разделается с тобой. Но не теряй голову и жди удобного момента. Не надо героики, понял?

— Конечно, понял,— ответил Корд. Он поймал себя на том, что как бы утешает ее, словно это не Регентесса Планеты, а, скажем, Грэйэн.

— Нирмонду хуже всего,— продолжала Дэйн.— Девушка потеряла сознание сразу же. Будь это в моих силах... впрочем, если бы помощь пришла в ближайшие пять часов, все было бы в порядке. Дай мне знать, Корд, если что-нибудь произойдет.

— Обязательно,— мягко ответил Корд. Вслед за этим он тщательно прицелился в точку между лопатками Дэйн — и еще одна наркотизирующая пуля с тихим шипящим звуком пошла в цель. Напрягшееся тело Дэйн медленно расслабилось — и это было все.

Корд не видел смысла в том, чтобы она оставалась в сознании, поскольку они двигались совсем не к берегу. Каналы и гряды тростников уже остались позади, и Дедушка не изменил направления ни на долю градуса. Он плыл по открытому заливу — и был уже не одинок!

В радиусе двух миль Корд смог насчитать семь больших Плотов, и на трех ближайших различал вновь выросшие зеленые побеги. Все Плоты шли в одном направлении — к бурлящему центру пролива Йогер, до которого оставалось всего около трех миль!

А за проливом — холодная бездна Зланти, клубящиеся туманы и открытое море! Возможно, Плотам и пришла пора осеменяться, но все шло к тому, что они не собираются разбрасывать семена в заливе...

Плавал Корд отлично. У него есть пистолет и нож; несмотря на пророчества Дэйн, он попробует спастись среди всех этих убийц, обитающих в заливе. Но в лучшем случае у него был лишь крохотный шанс. И к тому же, подумал он, нельзя упускать из виду других возможностей. Корд не собирался терять присутствия духа.

Никто не будет их искать, разве что случайно, тем более именно в то время. Да если бы их и стали искать, то лишь в окрестностях Ферм. Множество Плотов избрали там место для

стоянки, и члены Экспедиции наверняка бы решили, что Корд и его спутники воспользовались одним из них. Ведь то и дело случались неожиданности и кое-кто из Экспедиции попросту исчезал — и к тому времени, когда до людей доходило, что надо оказать помощь, бывало уже слишком поздно.

И вряд ли можно было надеяться, что в течение нескольких следующих часов кто-нибудь заметит, что Плоты начали двигаться из болот через пролив Йогер-Стрейтс. Правда, на северном берегу пролива, в глубине материка, была небольшая метеостанция, сотрудники которой иногда пользовались вертолетом. Но почти невероятно, угрюмо подумал Корд, чтобы на нем решили лететь именно сейчас и именно сюда. Нельзя было рассчитывать и на то, что какой-нибудь реактивный транспорт вдруг пройдет достаточно низко, чтобы их заметить.

Да, видимо, дела его плохи, как сказала Регентесса, и он утонет. Он еще никогда не чувствовал себя таким беззащитным...

Корд все равно собирался рано или поздно предпринять одну попытку, и только поэтому он приступил к эксперименту, хотя и был уверен, что толку от этого не будет. Он вынул обойму, в которой находились наркотизирующие заряды, и отсчитал пятьдесят пулек, торопясь, так как совсем не хотел думать о том, на что ему в конце концов могут понадобиться эти пульки. Теперь в обойме оставалось около трехсот зарядов — и в следующие несколько минут Корд методично послал треть из них в голову Дедушки.

Затем он прекратил стрельбу. Дедушка должен был бы заснуть от гораздо меньшей дозы. Но он продолжал невозмутимо плыть. Может быть, он стал в чем-то чуть скованнее, но, по-видимому, используемый в пистолете наркотик не действовал на его клетки.

Корд не мог представить, что бы еще можно было сделать, пока они не достигли пролива. Он прикинул, что при их скорости это произойдет меньше чем через час, и решил, если они действительно пойдут через пролив, рискнуть и броситься вплавь. В таких обстоятельствах Дэйн не стала бы осуждать его, подумал он. Ведь если Плот просто вынесет их всех в туманные просторы Зланти, шансов на спасение практически не останется.

Тем временем Дедушка явно набирал скорость. Происходили и другие изменения — очень небольшие, но все же пугавшие Корда. Прыщевидные красные почки, усеявшие верхнюю часть конуса, стали постепенно раскрываться. В центре большинства из них теперь торчало нечто вроде тонкого, влажного, алого червяка; червяки слабо извивались, вытягивались сантиметра на три, на некоторое время успокаивались и снова вытягивались все дальше — будто искали что-то в воздухе. Черные вертикальные щели между пластинами панциря стали глубже и шире, чем несколько минут назад; некоторые из них сочились темной густой жидкостью.

При других обстоятельствах Корда заворожили бы такие перемены. Сейчас же они приковали к себе его внимание и вызвали подозрение только потому, что были ему непонятны.

Неожиданно произошло что-то совсем страшное. Грэйэн громко застонала — так, что у Корда волосы стали дыбом,— ее всю скрутило. Лишь потом Корд сообразил, что и секунды не прошло, как он прекратил стоны и судороги, послав в нее еще одну наркотизирующую пульку; но за это время жгуты Дедушки сжали ее, подобно твердым зеленым когтям какой-то чудовищной птицы, вонзающимся в тело жертвы. Если бы Дэйн не предупредила его...

Бледный, в холодном поту, Корд медленно вложил в кобуру пистолет; жгуты снова расслабились. Кажется, Грэйэн при этом не очень пострадала и наверняка она первая отметила бы, что Корд с таким же успехом мог бы направить свою ярость против бездушного механизма, как и против Плота. Однако Корд некоторое время еще продолжал тешиться мыслью, что он в любой момент может превратить Плот в разорванное на куски и медленно тонущее месиво.

Но вместо этого — что было более благоразумно — он двумя выстрелами добавил дозу наркотика Дэйн и Нирмонду, чтобы с ними не случилось того же, что с Грэйэн. Корд знал, что содержимого двух пулек достаточно, чтобы минимум четыре часа продержать любого человека в бессознательном состоянии. Ну, а пяти выстрелов...

Корд всячески отгонял от себя эту назойливую мысль, но она возвращалась снова и снова, пока ему, наконец, не пришлось примириться с ней.

Пять выстрелов полностью отключили бы сознание каждого из них, пока люди не погибли бы по какой-либо причине или пока им не дали бы противоядие.

Корд в замешательстве твердил сам себе, что он не в силах сделать такое. Ведь это все равно, что их убить.

Но тут он заметил, что снова спокойно поднимает свой пистолет и высаживает по пять пуль в каждого из членов Экспедиции.

Через полчаса Корд увидел, что Плот впереди них, не уступавший по размерам их собственному, внезапно повернул в пенящиеся белые воды пролива, подхваченный водоворотом. Плот закружило и закачало из стороны в сторону, но он сделал резкий рывок вперед — и его вынесло из водоворота. Потом он еще раз восстановил равновесие. Совсем непохоже на слепое растение-животное, подумал Корд. Скорее уж напоминает некое живое существо, целеустремленно борющееся за то, чтобы двигаться в нужном ему направлении.

Ну что ж, Плоты, по-видимому, непотопляемы.

Когда ревущий пролив совсем приблизился, Корд с ножом в руке распростерся на площадке. Но вот Дедушка задрожал и стал накреняться. Корд с размаху вонзил в него нож и повис на нем. На Плот неожиданно хлынула холодная вода, и он затрясся, как работающий мотор. В этот момент Корду пришла в голову ужасная мысль: борясь с проливом, Плот может растерять своих бесчувственных пленников. Но Корд недооценил Дедушку. Дедушка вцепился в них мертвой хваткой.

Внезапно все кончилось. Они скользили по медленной зыби, и невдалеке от них плыли еще три Плота. Пролив свел их вместе, но, судя по всему, они не интересовались друг другом. И, когда Корд поднялся и стал срывать с себя промокшую одежду, Плоты явно начали расходиться в разные стороны. Площадка одного из них была наполовину в воде; должно быть, он потерял слишком много воздуха, державшего его на плаву, и теперь этот Плот, как маленький корабль, медленно шел ко дну.

Отсюда до северного берега пролива было всего две мили, а еще одну милю до Главной станции пролива можно было бы пройти пешком. Корд ничего не знал о здешних течениях, но расстояние казалось не слишком большим — и все же он не мог убедить себя не брать нож и пистолет. Правда, обитавшие в заливе существа любили тепло и ил и не решались преодолевать пролив. Но в безднах Злапти водились свои хищники, хотя их и не часто видели так близко от берега.

И все же можно было надеяться на что-то.

Не успел Корд связать свою одежду в тугой узел, спрятав внутрь ботинки, как над его головой раздался какой-то плач, похожий на странное мяуканье. Корд взглянул вверх. Там кружились четыре Морских Жука — таких же, как Болотные, но только больше размерами. На каждом из них был невидимый сейчас Наездник. Возможно, они были безобидными, питающимися падалью существами, но размах их десятифутовых крыльев производил глубокое впечатление. Корд невольно вспомнил злобного хищного Наездника, которого оставил близ Станции.

Один из Жуков лениво снизился и на бреющем полете стал приближаться к Корду. Он пронесся над его головой, вернулся и стал парить над конусом Плота.

Значит, Наездник, управляющий полетом этой безмозглой летающей твари, интересовался вовсе не Кордом! Его привлекал Дедушка!

Перед глазами Корда открылось захватывающее зрелище. Теперь весь верх конуса кишел массой слабо извивающихся алых червеобразных выростов, которые начали появляться еще до того, как Плот вышел из залива. Должно быть, они казались Наезднику исключительно вкусными. Жук, рассекая воздух ударами крыльев, стал садиться и коснулся конуса. Подобно пружинам капкана, зеленые жгуты взметнулись вверх, обвивая Жука, сминая его хрупкие крылья и глубоко погружаясь в его длинное мягкое тело...

Секунды не прошло, как Дедушка поймал еще одну добычу — на этот раз морскую. Корд едва успел увидеть, как из воды на край Плота, видимо в отчаянной спешке, выскочило что-то похожее на маленького упругого тюленя — и сразу же было отброшено к конусу, где жгуты скрутили его и уложили рядом с телом Жука.

Но Корда ошеломила не та необыкновенная легкость, с которой было совершено это неожиданное убийство. Потрясло его то, что рухнула надежда вплавь добраться до берега. В пятидесяти ярдах от него, огибая Плот, на поверхности воды мелькнуло

существо, от которого спасался «тюлень». Корду довольно было одного взгляда. Туловище цвета слоновой кости и зияющая пасть настолько напоминали акул, что совсем нетрудно было опознать в этом существе подобного хищника. Но в отличие от акул Белые Хищники бездн Зланти всегда странствовали тысячами, а это было немаловажно.

Ошарашенный столь невероятной неудачей, все еще сжимая узелок с одеждой, Корд стал пристально всматриваться в воду у берега. Зная, что искать, он без труда обнаружил на поверхности воды предательские холмики — длинные желто-белые блики, то вспыхивающие среди зыби, то опять исчезающие. Стайки более мелких морских обитателей в отчаянии выскакивали из воды и падали обратно.

Корда проглотили бы, как упавшую в воду муху, прежде чем он успел бы проплыть и двадцатую часть пути!

Но прошла еще почти минута, пока он по-настоящему понял всю полноту своего поражения.

Дедушка начал есть!

Каждая из темных щелей, идущих вниз по бокам конуса, оказалась своего рода ртом. Пока лишь одна из них была готова к действию, но и она еще не раскрылась достаточно широко. Однако первый «кусочек» уже попал туда: это был Наездник, которого жгуты выдернули из пушистой шерсти Жука. Хоть жертва была очень мала, Дедушке понадобилось целых семь минут, чтобы протолкнуть его в ротовую щель. Но это было только начало.

Корду стало не по себе. Он сидел, сжимая узел с одеждой, внимательно следил за Дедушкой и очень смутно сознавал, что все время дрожит под холодными брызгами, которые то и дело попадали на него. Корд пришел к выводу, что пройдет по меньшей мере несколько часов, прежде чем одно из этих черных подобий рта станет достаточно гибким и сильным, чтобы совладать с человеком. В данных обстоятельствах особого значения для остальных это не имело; ведь как только Дедушка доберется до первого из них, Корд немедленно разнесет Плот на куски. Во всяком случае, Белые Хищники хоть едят более опрятно; только до этих пределов Корд еще мог распоряжаться ходом последующих событий.

А надежды на то, что их заметит вертолет с метеостанции, были совсем ничтожными.

Тем временем Корд в каком-то тягучем и кошмарном наваждении продолжал размышлять над тем, что за тайная сила вызвала в Плоте такую жуткую перемену. Теперь он догадался, куда они движутся: разрозненные вереницы Плотов тянулись сзади или шли почти параллельно Дедушке к проливу и держали курс на кишащий планктоном участок бассейна Зланти, лежавший в тысяче миль к северу. Можно было допустить, что в установленное время Плоты способны совершать подобные путешествия ради своих сеянцев. Но ничто в строении Плотов не объясняло их внезапного превращения в проворных и искусных хищников.

Затем Дедушка затащил в рот и упругого «тюленя». Жгуты переломили ему шею, и почти все его тело оказалось в пасти, которая принялась деловито «обрабатывать» тушу — она была слишком велика, чтоб проглотить ее сразу. В это время сверху опять раздалось жалобное мяуканье — и несколько минут спустя еще два Морских Жука почти одновременно попали в ловушку, пополнив собою припасы Дедушки. Дедушка отбросил мертвого «тюленя» и взялся еще за одного Наездника. Оставшийся Наездник неожиданно соскочил со своего хозяина и злобно впился зубами в один из жгутов, который снова схватил его и мгновенно убил, ударив о площадку.

Корда обуял прилив дикой ненависти к Дедушке. Убить Жука — все равно что срубить ветку с дерева; ведь Жуки почти не обладают сознанием. Но чувство солидарности у Наездника можно было объяснить лишь его способностью к разумным действиям — и в этом отношении он был, по сути дела, ближе к человеку, чем к Плоту, который вполне успешно, но совершенно автоматически хватал и Наездников, и людей... Корд опять унесся мыслью куда-то в сторону и поймал себя на том, что рассеянно думает о любопытном симбиозе, в котором нервные системы двух столь не похожих существ — Жуков и их Наездников — связаны так тесно, что функционируют как один организм.

Вдруг на лице Корда отразилось безмерное изумление.

Теперь он *знал*!

Корд вскочил на ноги. В голове у него созрел целый план, его трясло от возбуждения. Тотчас же дюжина длинных жгутов, встревоженных его движением, по-змеиному потянулась к нему, напрягаясь и вытягиваясь. Жгуты не смогли дотянуться до Корда, но их мгновенная реакция заставила его на секунду застыть. Площадка под его ногами содрогалась, как бы гневаясь на его недосягаемость; он стоял не на краю, и поэтому Плот не мог внезапно выгнуться и бросить Корда в объятия жгутов.

Но это было предостережением! Корд осторожно, бочком, обошел конус, пока не занял намеченного им места на передней половине Плота. Затем он замер в ожидании. Он ждал долгие минуты. Но вот, наконец, его сердце перестало бешено колотиться, беспорядочные, раздраженные вздрагивания утихли, а усик последнего жгута прекратил свои слепые поиски. Если в течение одной-двух секунд Плот не будет знать точно, где находится Корд, это может очень помочь делу.

Один раз Корд оглянулся, чтобы проверить, насколько они отдалились от Главной станции пролива, и пришел к выводу, что их разделяет не больше часа пути. Если все остальное пойдет нормально, это достаточно близко. Корд и не пытался детально продумывать то, что входило в это «остальное», поскольку кое-что было просто невозможно учесть заранее. Кроме того, он почувствовал, что, если обдумывать все слишком детально, это помешает ему приступить к выполнению плана.

Наконец, Корд осторожно взял нож в левую руку, оставив пистолет в кобуре. Правой рукой он медленно приподнял над головой тугой узел с одеждой. Затем широким плавным движением

он перебросил узел через конус на заднюю половину Плота — почти на противоположный край площадки.

Мокрый узел упал, глухо шмякнувшись о площадку. И в ту же секунду весь дальний край Плота выгнулся и одним взмахом швырнул этот странный предмет к уже вытянувшимся навстречу жгутам.

Корд тут же бросился вперед. На секунду ему показалось, что попытка отвлечь внимание Дедушки полностью удалась — но в следующее же мгновение площадка выгнулась, и его бросило на колени.

Он был в восьми футах от края площадки. В тот момент, когда этот край шлепнул по воде, Корд опять отчаянно рванулся вперед.

Один миг — и он уже прорезал холодную прозрачную воду чуть впереди Плота!.. Затем Корд изогнулся и пошел наверх.

Плот проходил как раз над его головой. Облака крошечных морских созданий клубились в густых темных зарослях корневых волосков. Корд резко откинулся от широкой колеблющейся полосы стекловидной зелени — жалящего щупальца — и его бок внезапно обожгло: его слегка коснулось другое такое же щупальце. Ничего не видя, Корд продирался сквозь скользкие черные джунгли корневых волосков, покрывавших все дно Плота; потом над его головой показался зеленый полусвет, и Корд ворвался в пустое пространство внутри конуса.

Полумрак и гнилой горячий воздух. Вокруг Корда билась вода, оттаскивая его в сторону,— а зацепиться не за что! И вдруг Корд различил справа над собой приникшего к вогнутой внутренней поверхности конуса жабообразного, величиной с человека Желтоголового.

Наездник Плота...

Корд дотянулся до этого партнера и руководителя Дедушки, ухватил его за вялую заднюю лапу, подтянулся и нанес два удара ножом — быстро, пока бледно-зеленые глаза чудища только начали открываться.

Корд думал, что Желтоголовому, как и Наезднику Жука, нужно что-то около секунды, чтобы отделиться от своего «хозяина» и приступить к защите. Он же только повернул голову: пасть его открылась и сомкнулась на левой руке Корда, выше локтя. Правой рукой Корд всадил нож в широко раскрытый глаз, и Желтоголовый, отдернувшись, начал выхватывать нож из руки Корда.

Быстро скользнув вниз, Корд обеими руками обхватил скользкую лапу Желтоголового и повис на ней всем телом. Еще секунду Желтоголовый держался. Затем послышался чмокающий звук, бесчисленные нервные волокна, соединявшие его с Плотом, разорвались, и Корд вместе с Желтоголовым плюхнулись в воду.

Опять черное сплетение корней — и внезапно еще два раза ему обожгло спину и ноги! Задыхаясь, Корд разжал руку. Несколько секунд под ним кувыркалось, уходя вниз, тело Желтоголового, движения которого до странности напоминали человеческие. Потом плотная толща воды вытолкнула Корда

вверх и в сторону, и тут внизу что-то большое и белое нанесло удар по телу Желтоголового и ушло дальше.

Корд выскочил на поверхность в двенадцати футах позади Плота. И ничего нельзя было бы сделать, если бы Дедушка не начал уже сбавлять скорость.

После двух неудачных попыток Корд все-таки вскарабкался на площадку и некоторое время лежал, задыхаясь и откашливаясь. Теперь его присутствие, казалось, уже не вызывало гнева. Лишь несколько жгутов с трудом пошевелили своими вялыми кончиками, как бы пытаясь вспомнить прежние обязанности, когда Корд, прихрамывая, через некоторое время подошел к трем товарищам — удостовериться, что они еще дышат. Но Корд даже не заметил движения жгутов.

Спутники Корда еще дышали, и у него хватило ума не тратить времени на то, чтобы самому оказать им помощь. Он вынул из кобуры Грэйэн тепловой пистолет. А Дедушка окончательно остановился.

Корд не успел полностью прийти в себя, иначе он бы терзался мыслями о том, способен ли Дедушка, насильно разлученный с управлявшим его действиями партнером, к самостоятельному передвижению. Вместо этого Корд определил примерное направление — к Главной станции пролива, выбрал соответствующую точку на краю площадки и нанес в нее небольшой тепловой удар.

Сразу вслед за этим ничего не произошло. Корд терпеливо вздохнул и немного увеличил дозу.

Дедушка тихо вздрогнул. Корд стоял.

Сначала медленно и нерешительно, потом твердо и уверенно — хотя снова бездумно — Дедушка зашлепал в обратную сторону, к Главной станции пролива.

А. Балаж

ВСТРЕЧА

Научно-исследовательский корабль «Меркурий» вошел в систему Эпсилон Эридана.

— Координаты 423-688-321,— доложил штурман.

— Включить автоматическое управление. Посадка на планете номер семь,— отдал распоряжение капитан Ларр.

Зелено-голубой диск на щите видеографа все увеличивался, пока наконец не заполнил весь экран. Двигатели «Меркурия» взревели, корпус его начал мелко вибрировать, затем все стихло. Перегрузка, вызванная ускорением, ослабла; люди с облегчением почувствовали, что снова могут двигаться нормально.

— Сила притяжения 0,9 g, температура окружающей среды 80°С, атмосфера слегка отравленная,— бормотал Ларр, диктуя данные.— Ну, здесь не стоит высаживаться. Включить манипуляторы на взятие пробы.

Из космического корабля, ощупывая все вокруг, выдвинулись гигантские механические руки.

Шарообразное Существо неподвижно покоилось на скале и размышляло над сложнейшей математической проблемой. Но вот оно вздрогнуло, потревоженное оглушительным ревом снижающегося космического корабля.

— Стоило только сосредоточиться, и решение, кажется, было близко,— нервно пульсировало Существо, укоризненно разглядывая непрошеных пришельцев.— На редкость примитивная колымага! Когда-то в Центральном Музее я видел макет подобного сооружения. Ну что ж, поразмыслить всерьез теперь все равно не удастся, но крайней мере хоть рассмотрю оригинал.

И Существо направилось к «Меркурию».

Манипулятор помещал один за другим живые организмы в камеру для изучения мыслительных способностей. Сейчас на дно клетки шлепнулось какое-то палочкообразное существо. Космофилолог в шлеме с конвертором привычно крутил трансформатор устройства, читающего мысли и ощущения подопытных. Постепенно клокочуще-булькающие звуки стали разборчивее.

— Все кругом непривычное. Я ощущаю страх. Не нахожу пищи. Бежать отсюда, бежать!

Ларр махнул рукой и нажал кнопку дезинтегратора. По клетке промелькнул сине-фиолетовый луч, и организм исчез, распавшись на атомы. Загудели вентиляторы, и манипулятор взял очередной экземпляр для исследования. Это было гигантское животное. Агрессивная натура его выявилась с первых же мгновений. Оно яростно кидалось на прутья клетки.

Снова зазвучал трансформатор:

— Незнакомое место. Я никогда здесь не бывал. Чувствую злость и голод. Только бы перегрызть эти тонкие прутики, и я сожру их всех, слабых и явно беззащитных тварей. Если бы эти палки не были такими прочными! Голод! Боль! Голод!

Ларр узнал все, что требовалось. Глаза его блеснули, и он снова привел в действие дезинтегратор. И в этот момент манипулятор подцепил Существо. Капитан с интересом рассматривал пульсирующий, переливающийся всеми цветами радуги шар.

— Активизирую свои мысли в 98-м мозговом поле,— прозвучало из трансформатора.— Я очутился на космическом корабле архаической конструкции, назначение камеры пока не установлено. Меня разглядывают. У этих пришельцев странное строение: из тела выступают пять отростков. Им свойственна только двусторонняя симметрия. Перехожу на более короткие волны. Ага! Это разнополые позвоночные млекопитающие. Судя по строению и скелету, это уроженцы планеты с гравитацией средней мощности и умеренным климатом. Мозг у них помещается в верхнем отростке. Он составляет чуть больше одной сотой всей массы тела. Концентрация нейронов 10^7 в 1 куб. см, следовательно, у них лишь 10^{10} клеток мозга. Период реакции нейрона... сотая доля секунды. Ну что ж, при таком интеллекте и то, чего они добились, можно считать достижением...

— Покорнейше благодарю,— фыркнул про себя капитан, с возрастающим интересом присматриваясь к Существу.

— Мне следовало бы быть внимательнее к их конвертору мыслей. Ведь я нахожусь в непосредственной связи с мозгом филолога,— дернулось Существо, досадуя на собственную рассеянность.— Нужно тотчас же перейти на инверсию. По крайней мере узнаю, откуда они прилетели.

Капитан склонен был не верить самому себе, а между тем все это происходило на его глазах. Регуляторы трансформатора мыслей сами собой переключились на обратную связь, космофилолог, как загипнотизированный, уставился на «пленника» в клетке, а конвертор возобновил свои показания:

— Исследовательский корабль «Меркурий» с третьей планеты...

Ларр привел в действие дезинтегратор. Никто посторонний в космосе не должен знать — без особого на то разрешения,— откуда они прибыли. Ведь пока что не известна природа исследуемого. А вдруг утерянная информация навлечет на Землю смертельную опасность?

Существо в клетке продолжало спокойно пульсировать. Словно невидимая оболочка защищала его от смертоносных лучей.

— Солнечной системы,— продолжал трансформатор.— Галактоцентрические координаты...

Ларр выхватил пистолет и несколько раз выстрелил в проклятый шар.

— ...=136° 21′42′; Д =О° 02″14″... .

Лицо капитана окаменело. Он стиснул зубы и выстрелил в филолога.

— Варвары! — ужаснулось Существо.— Надо провести немедленную ретрансформацию объекта.

Ларр начал сомневаться в собственном рассудке. Шарообразное существо необъяснимым образом вдруг оказалось возле филолога и обволокло кровоточащую голову.

...=30 637, 5238 световых лет,— закончил трансформатор.

— Немедленно — старт! — вне себя скомандовал капитан.

Двигатель взревел, огромный столб огня вырвался из нижних дюз корабля, люди снова почувствовали, как им стискивает горло и как все их тело наливается невыносимой тяжестью от перегрузок; кровообращение словно замерло. «Меркурий» с максимальной скоростью удалялся от планеты.

Существо освободило филолога и своеобразными перекатывающимися движениями, словно ртуть,— без малейших признаков колебаний или поисков — направилось прямо к кабине пилота и замерло у пульта управления.

— Мы отклоняемся от запрограммированной траектории,— сообщил через некоторое время штурман.

Ларр проверил приборы, внес возможные коррективы, прибегнув к своему богатому опыту космонавта, и наконец вынужден был прийти к заключению, что послушный и надежный доселе «Меркурий» теперь не подчиняется его воле. Он знал, что пришла пора выполнить категорический приказ, рассчитанный на подобную ситуацию. Он еще раз взглянул на таинственного пришельца — медленно пульсирующий шар, лицо его скривилось в горькой упрямой улыбке, и он нажал кнопку самоуничтожающего устройства. Ослепительно яркий взрыв разнес корабль на миллионы частиц.

Существо, окутанное предохранительной оболочкой, парило в космосе, задумчиво рассматривая разлетающиеся обломки «Меркурия».

— На редкость гордая порода! Предпочли умереть, но не покориться. Обидно было бы дать им погибнуть. Испробую локальную инверсию времени. Они того заслуживают.

— Голод! Боль! Голод! — ревел трансформатор, и Ларр привел в действие дезинтегратор. Затем усталым жестом потер лоб.— Очевидно, я слишком долго работал, начинает мерещиться всякая чушь. Будто мы исследовали какое-то шарообразное Существо и... Да, что-то здесь не ясно. Надо поговорить с экипажем.

«Появились загадочные психические аберрации,— записал он позднее в бортовой журнал.—Впредь до выявления их причин предлагаю объявить систему Эпсилон Эридана запретной зоной!» И он отдал приказ стартовать.

— Должно быть, я действовал недостаточно точно. Какие-то воспоминания у них все же остались, иначе бы они не покинули планету, не выполнив до конца программу исследований. Так на чем же меня прервали? Никак не удается толком сосредоточиться! — раздраженно пульсировало Существо на скале...

Георг Оливер Смит

КОСМИЧЕСКАЯ ЧУМА

Моему спившемуся дяде Дону
и, конечно, Мариан

Я выплыл из темноты только затем, чтобы узнать, что меня больше не сковывает громада искореженного автомобиля. Я скользил по мягким простыням, укрытый лишь тонким и легким одеялом.

Я весь горел, будто нарыв в сто шестьдесят футов. Правая рука онемела, а левое бедро здорово саднило. Каждый вдох был, как укол рапирой, а лицо будто разрезали на мелкие кусочки. Глаза закрывала повязка, и вокруг было тихо, как в могиле. Но я знал, что ни в какой я не в могиле, ибо мой нос работал достаточно хорошо, чтобы безошибочно определить ни с чем не сравнимый едкий запах, присущий только больнице.

Какая-то добрая и отважная душа вытащила меня из смятого в лепешку автомобиля, прежде чем пламя объяло топливные баки. Я надеялся, что кто бы он ни был, у него хватило ума первой спасать Катерину. Мысль о жизни без Катерины была невыносима. И поэтому я позволил себе вновь провалиться в черный мрак, ибо он пресекал боль, как физическую, так и душевную.

В следующий раз, когда я очнулся, было светло и приятный мужской голос произнес:

— Стив Корнелл, вы меня слышите?

Я хотел ответить, но не смог выдавить из себя ни единого звука. Даже хрипа.

Голос пришел мне на помощь.

— Не пытайтесь говорить, Стив. Лучше думайте.

«Катерина»,— тут же подумал я, потому что большинство медиков были телепатами, а не эсперами.

— С Катериной все в порядке,— ответил он.

«Могу я ее увидеть?»

— Увы, мистер,— быстро проговорил он.— Вы испугаете ее до полусмерти.

«Неужели я так плох?»

— Неважные дела, Стив. Сломаны ребра, предплечья, тяжелый перелом левой ключицы. Шрамы, ушибы, ссадины, несколько ожогов, остаточный шок. И, если вам интересно, ни следа Макстромовой болезни.

«Макстромовой болезни?»— я содрогнулся.

— Не стоит, Стив. Я определил бы ее уже потому, что это по моей части. Не бойтесь.

«Отлично. Сколько же я здесь лежу?»

— Восемь дней.

«Восемь дней — и вы не справились с обычной работой?»

— Вам здорово досталось, Стив. Так что пришлось потрудиться. Но теперь, я полагаю, вы расскажете мне, что случилось?

«Мы с Катериной бежали. Так сделали многие, когда в институте Райна стало невозможно хранить личные тайны. А потом разбились».

— Как же?— спросил доктор.— Такие эсперы, как вы, обычно чувствуют опасность задолго до ее появления.

«Катерина показала мне странный дорожный знак, и я попытался вспомнить, что он означает. Мы налетели на поваленный ствол дерева и несколько раз перевернулись. Остальное вы знаете».

— Ужасно,— сказал доктор.— Но какой знак приковал ваше внимание, что вы не заметили даже дерева?

«Странный знак,— подумал я.— Декоративный железный диск с завитками и маленькими декоративными кружочками, похожий на новенький бойскаутский значок, подвешенный на трех спицах. Одна из планок была оторвана. Я растерялся, потому что никак не мог представить себе, какой варвар сбил ее, не повредив центральную конструкцию. Ну, а потом — бух».

— Это весьма прискорбно, Стив. Но не волнуйтесь, все будет в порядке. Нужно только время.

«Спасибо, доктор. Доктор? Доктор?...»

— Простите, Стив. Я забыл, что не все, как я, телепаты. Меня зовут Джеймс Торндайк.

Несколько позже, проснувшись опять, уже с прояснившейся головой, я понял, что круг моего восприятия расширился. Я уже мог видеть стены, открытую дверь и то, что происходит за нею. Судя по всему, это был обычный госпиталь. Со всех сторон меня окружали только слепящая белизна и нержавеющая сталь.

Зато в моей палате обнаружилась сиделка, шуршащая накрахмаленной одеждой. Я попробовал заговорить, откашлялся и замер, пытаясь совладать с голосом.

— Могу... я видеть... как? Где...— я замолчал, потому что сиделка, видно, была эспером, как и я, а чтобы узнать это, требовалось полное напряжение чувств. Только телепат, подобный доктору, мог распознать мои сумбурные мысли. Но сиделка не спасовала. Она попыталась завязать разговор:

— Мистер Корнелл? Вы проснулись?

— Взгляните, сестра...

— Проще, мисс Фарроу. Я позову доктора.

— Нет, подождите. Я пробыл здесь уже восемь дней?

— Но вы были очень плохи, сами знаете.

— А доктор? Он сказал, что она тоже здесь.

— Не волнуйтесь, мистер Корнелл.

— Он сказал мне, что с ней ничего страшного.

— Разумеется.

— Тогда почему... почему она здесь так долго?

Мисс Фарроу весело улыбнулась.

— Ваша Кристина жива и здорова. Она отказалась уехать, пока вы в опасности. Не беспокойтесь. Скоро вы ее увидите.

Ее улыбка была веселой, но натянутой. От нее за версту веяло чистейшим клятвопреступлением. Она поспешно удалилась, и мне выпала возможность прощупать дверь снаружи, так как она прислонилась спиной к дверной панели и заплакала. Она ненавидела себя за то, что не смогла справиться со своей ролью, и понимала, что я знал об этом.

Катерину никогда не называли Кристиной.

И Катерины не было в госпитале, потому что если бы ее доставили сюда вместе со мной, сиделка знала бы ее настоящее имя.

Теперь для меня это было не столь важно, но мисс Фарроу оказалась не эспером, во всяком случае, она не могла прощупать мои мысли и найти имя Катерины по собственной воле. Мисс Фарроу была телепатом, а я называл свою девушку не по имени, а только привычным ассоциативным образом.

Я почти совладал со своим телом, когда в палату ворвался доктор Торндайк.

— Спокойно, Стив,— сказал он и нетерпеливым жестом толкнул меня в постель рукой, нежной, как рука матери, и сильной, как завязанные узлы на древке лука.— Спокойно,— повторил он настойчиво.

— Катерина?— прохрипел я умоляюще.

Торндайк нажал на кнопку вызова и набрал какой-то код или что-то вроде него, перед тем как мне ответить.

— Стив,— сказал он честно,— все равно нельзя скрывать от вас вечно. Мы надеялись, что чуть позже, когда вы окрепнете...

— Хватит ходить вокруг да около!— воскликнул я.— Или мне показалось, что вскрикнул, и крик мой прозвучал только в моем мозгу.

— Спокойно, Стив. Вам здорово досталось. Шок...— дверь отворилась, и вошла медсестра с доверху наполненным шприцем, его иголка покоилась в клочке ваты. Торндайк профессионально оглядел его и взял, медсестра молча вышла из комнаты.

— Не волнуйтесь, Стив. Это будет...

— Нет! Не надо, пока я не узнаю..

— Спокойно!— повторил он и поднял иголку к глазам.— Стив,— сказал он,— я не знаю, достаточно ли вы тренированный эспер, чтобы определить содержимое этой иголки, если нет, можете поверить мне на слово. Здесь нейрогипнотик. Вы не провалитесь в беспамятство. Вы очнетесь таким же, как прежде, но зато ваш движок отключится и вы спасетесь от срыва,—потом с поразившей меня стремительностью доктор вогнал мне в руку иголку и позволил сполна оценить всю дозу.

Я ощутил поднимавшееся во мне возбуждение, мне стало не по себе, и я почувствовал, что дрянь сработала. Через полминуты

я похолодел от мысли, что могу взвешивать факты, но не в силах ни на чем как следует сосредоточиться.

Тут Торндайк увидел, что содержимое шприца подействовало, и спросил:

— Стив, кто такая Катерина?

Шок буквально сорвал с меня туман наркотика, и моя голова пошла кругом от мыслей о том, кем была и что значила для меня Катерина, а доктор шел за мною следом.

— Стив, вы еще не оправились от недавнего потрясения. С вами не было никакой Катерины. С вами вообще никого не было. Поймите это и примите как должное. Никого, вы были один. Понимаете?

Я покачал головой. Мне казалось, что я говорю, как актер, впервые читающий свою роль. Мне хотелось стукнуть по столу и придать сил моему хриплому голосу, но все, что я мог сделать, так это ответить спокойным голосом:

— Со мной была Катерина. Мы...— я не стал углубляться, потому что Торндайк отлично знал, чем мы занимались.

— Стив, выслушайте меня!

— Да!

— Я знаю вас, эсперов. Вы чувствительны, может быть, даже больше, чем телепаты. Более впечатлительны...

Это был камень в мой огород. Среди обычаев, которые перевернул Райн, был старый принцип, что люди, будь то мужчины или женщины, одним миром мазаны. Теперь основной принцип гласил, что эсперы и телепаты — лучшая часть всего человечества.

Торндайк улыбнулся моим возражениям и продолжал:

— С вами случился несчастный случай. Вы разбили машину. Вы вообразили, как было бы ужасно, если бы с вами была Катерина. А потом построили в подсознании историю катастрофы и подогнали ее под факты.

«Но... как мог кто-то видеть катастрофу и не заметить там следов женщины? Моей женщины...»

— Мы осмотрели все в округе, тщательно осмотрели,— сказал он, отвечая на мой невысказанный вопрос.— Там не было никаких следов.

— А отпечатки?

— Вы бы опознали их?

— Естественно.

Торндайк спокойно кивнул:

— На стенках вашей машины была масса отпечатков. Но никто не мог сказать о том, когда они оставлены, или какие оставлены раньше, какие после пожара. Потом мы обстучали дверь за дверью соседей, желая убедиться, что она не ушла, ошеломленная и потрясенная катастрофой. Не осталось ни отпечатка, ни следа.— Он горестно покачал головой.— По-моему, вы хотите спросить о том дорожном чемодане, который якобы положили в кабину позади себя. Там не было никакого чемодана.

— Доктор,— спросил я резко,— если мы не ехали вместе, может быть, вы объясните мне, откуда, во-первых, появилось

свидетельство о браке в моем левом кармане, во-вторых, с какой стати мы виделись с преподобным Тоулом в Индтауне, и в-третьих, с чего это я хлопотал о свадебном костюме в Рейгнор-отеле в Вестлейке? Или я рехнулся задолго до несчастного случая? Может,— добавил я,— после стольких приготовлений я поехал и разбился, как бы в отместку за то, что вернулся без невесты.

— Я... все, что я могу сказать, так это то, что на месте аварии не осталось никаких следов вашей невесты.

— Вы копались в моем мозгу. Вы нашли ее телефонный номер?

Он озадаченно на меня уставился.

— И что вышло, когда вы позвонили?

— Я... э...

— Хозяйка сообщила вам, что мисс Левис не дома, потому что мисс Левис проводит медовый месяц под именем миссис Стив Корнелл. А как насчет этого?

— Прекрасно. Сами знаете, как.

— Тогда где же она, черт побери, доктор?— наркотик оказался не столь сильным, как следовало бы, и я вновь почувствовал волнение.

— Не знаем, Стив.

— А как насчет того парня, который вытащил меня? Что он сказал?

— Он был там, когда мы приехали. Машину сняли с вас с помощью блоков из полиспаста. Пока мы туда добирались, полиспаст загорелся и машина рухнула, превратившись в груду железа. Он — фермер, по фамилии Харрисон, парень лет двадцати четырех, зовут Филип. Он клянется, что там и в помине не было никакой женщины.

— О, он, он...

Доктор Торндайк медленно покачал головой и мягко произнес:

— Стив, нельзя предугадать, что произойдет с человеческим мозгом при сильном шоке. Я видел, как человек, очнувшись, приобретает совершенно новую, фальшивую личину, меняется все, вплоть до воспоминаний детства. Теперь возьмем еще раз ваш случай. Среди других удивительных вещей...

— Удивительных вещей?— вскинулся я.

— Спокойно. Лучше выслушайте. Собственно, чему мне больше верить, вашей невероятной истории или показаниям кучи свидетелей, полицейским протоколам, скорой помощи и парням, которые вытащили вас из горящей машины перед тем, как она взорвалась? И, как я уже говорил, разве мы можем верить вашим сказкам, когда вы буквально взрываетесь при упоминании имен двух людей, один из которых поднимал машину, а другой вытаскивал вас.

Я пожал плечами:

— Очевидно, у вас сложилось ошибочное мнение. Кто-то мог...

— Тогда, если вы признаете, что часть вашей истории неверна...

— Это не доказывает, что остальное ложь!

— Полиция уже разбиралась в этом трудном деле,— медленно сказал доктор.— Пока они ничего не добились. Скажите, кто-нибудь видел, как вы покинули квартиру с мисс Левис?

— Нет,— сказал я медленно.— Насколько я знаю, никто из знакомых.

— Поэтому придется заключить, что вы находитесь под влиянием шока...

Я зло фыркнул.

— Тогда объясните свидетельство, встречу с его преосвященством, бронь в отеле.

— Выслушайте меня, Стив,— спокойно сказал Торндайк.— Это не только мое мнение, а мнение многих людей, изучавших человеческий мозг...

— Иными словами, я рехнулся.

— Нет, перенесли тяжелый шок.

— Шок?

Он кивнул.

— Поверьте этому. Согласитесь, что вы хотели жениться на мисс Левис. Подготовились, обставили квартиру, договорились со священником, запаслись свадебным костюмом, купили цветы невесте. Вы отпросились с работы, пришли к ее дверям. И узнали, что мисс Левис выбыла в неизвестном направлении. Может, она оставила вам письмо...

— Письмо!

— Послушайте меня, Стив. Вы пришли к ней домой, вы знали, что она исчезла. Прочитали письмо, где говорилось, что она не может стать вашей женой. Это так глубоко поразило вас, что вы не выдержали. Знаете, что произошло дальше?

— На скорости девяносто миль в час я разбрызгал мозги вдоль проселочной дороги.

— А если серьезно?

— Все кажется мне удивительно нелепым.

— Вы отвергаете это, как отвергаете и то, что мисс Левис бежала, не желая выходить за вас замуж.

— Валяйте дальше, доктор.

— Вы поехали по той дороге, что хотели, но внезапная горечь и боль повредили ваш рассудок. Потому-то вы и разбились по-настоящему, увидев упавшее дерево или что-то похожее на вымышленный образ виновника катастрофы.

— Наверное.

Торндайк серьезно взглянул мне в лицо.

— Стив,— спросил он меня ломким голосом.— Признайтесь, ни один эспер не допустит, чтобы физическая опасность подобного рода...

— Я же объяснял вам, как это случилось. Мое внимание отвлек этот знак!

— Ладно, еще одно доказательство, что с вами была мисс

Левис? Теперь выслушайте меня. При первом потрясении вы не будете помнить ничего такого, чего не захочет вспомнить ваш мозг. Авария — слишком тяжелая штука, так что теперь все свои невзгоды можете валить на катастрофу.

— Тогда лучше расскажите, как объяснить, что Катерина сказала хозяйке, друзьям, начальству и всем остальным, что она давным-давно собиралась выйти за меня замуж и все ждали, когда же я объявлю о своих намерениях.

— Я...

— Думаете, всех подкупил, чтобы заниматься лжесвидетельством? Может, мы все стараемся ради Катерины или для нее.

Торндайк пожал плечами.

— Я не знаю,— сказал он.— Я действительно не знаю, Стив. Я хотел бы...

— Это касается только нас,— отрезал я.— Или кто-то думает арестовать меня по подозрению в убийстве или за похищение, рискованную и опасную езду и аварию при столкновении с деревом?

— Да,— сказал он спокойно.— Полиция настроена весьма решительно. Вами заинтересовались два каких-то высокопоставленных чина.

— Они что-нибудь нашли?— спросил я сердито.

— Они считают, что вся ваша история — чистая правда.

— Тогда к чему эта болтовня насчет шока, отклонений и тому подобного?

Он покачал головой.

— Мы не супермены,— сказал он просто.— Ваша история правдива, вы не врете. Верите в каждое ее слово. Вы ее пережили от начала и до конца. Но это еще не значит, что все это — правда.

— Послушайте!

— Она доказывает только одно: что у вас, Стив Корнелл, не было каких-либо злых намерений относительно Катерины Левис. Они раскопали все от точки до точки, и поэтому мы можем вполне уверенно сказать, что с вами случилось.

Я фыркнул от отвращения.

— Ох, уж эта ваша телепатия. Все так точно подогнано, как доски в заборе. Мне... я собираюсь поговорить со специалистом, пусть действительно копнет во мне поглубже.

Торндайк покачал головой.

— Это их лучшие люди, Стив. Известные ученые Редфери и Берко, райновские специалисты. *Магна Кум Лауд.*

Я захлопал глазами от удивления. Я знал многих подобных докторов, от медиков до языковедов. Знал даже одного-двух профессоров, но не близко. Но если приглашают доктора пси, из школы Райна, тогда, брат, все. Я умываю руки.

Торндайк рассмеялся.

— Вы и сами с усами, Стив. Окончили двенадцатый класс в Иллинойсе, не правда ли?

— Я умолчал о некоторых фактах,— сказал я уныло.— Они собрали всех одаренных мальчиков под одним кровом для особой подготовки. Но признаться, мне легче давалась механика, чем

пси. Надеялся дорасти до дипломированного инженера, может, чуть повыше, но пришлось остановиться, отчасти потому, что не хватало сноровки, а частично потому, что не было денег.

Доктор Торндайк кивнул.

— Я знаю об этом.

Я понял, что он осторожно уводит меня от основной темы, но не мог сообразить, как вернуть его назад без очередной словесной перепалки. Он меня успокоил. Он мог прощупать мой мозг и найти лучший способ увести разговор в сторону, пока я не очухался. Куда лучше было бы хотя бы на миг отключиться от этой идиотской головоломки. Он уловил мои мысли, но его лицо и на миг не дрогнуло, когда он мягко вернулся к своему повествованию.

— Я не стану принуждать,— сказал он горестно.— Я пси, и довольно хороший. Но я телепат, а не эспер... Я овладел интуицией в медицине только благодаря силе и упорству, как говорится,— он застенчиво улыбнулся.— Я ничем не отличаюсь от вас или других пси. Все эсперы думают, что развитое восприятие важнее способности читать мысли, и наоборот. Я собрался доказать, что телепат может стать хорошим медиком. Так я нашел свою дорогу в медитацию, читал мысли приятелей-однокурсников, которые все были отличными эсперами. Я так навострился, что мог прочитать мысли эспера, наблюдавшего за моим осторожным анатомированием, и действовать руками согласно его предсказаниям. Я мог успешно определять и устанавливать скрытые болезни до тех пор, пока рядом находился какой-нибудь эспер.

— И чего вы добились?

— Телепатам лучше разбираться с людьми, а эсперам с вещами.

— А медицина как раз та область, где имеют дело с людьми?

Он покачал головой.

— Только при опухоли мозга, внутреннем расстройстве или сильном обморожении. «Доктор,— говорит пациент,— я чувствую сильную боль в левой стороне, чуть ниже бедер», а после твоего диагноза это оказывается острый аппендицит. Понимаете, Стив, пациент не всегда знает, что у него болит. Называет только симптомы. Телепат может безошибочно распознать все симптомы пациента, но требуется эспер, чтобы прощупать его нутро и найти опухоль, которая давит на позвоночник или печень.

— Понятно.

— Я сорвался на парочке тестов, которые проскочила остальная часть класса, и только потому, что не смог читать мысли достаточно быстро и использовать свой собственный метод работы. Это показалось подозрительным, и вот я очутился здесь — простой доктор, а не ученый.

— Но здесь вы нашли себя, это ваша область, я уверен.

Он кивнул.

— Даже две, психиатрия и психология, к каждой из которых я испытываю настоящую любовь. И медицинские исследования, где вполне можно использовать замыслы, идеи и теории других врачей и ученых, а не привлекать к экспериментам эсперов.

— Не обязательно,— сказал я, качнув головой.

— Ладно, Стив, возьмем, к примеру, Макстромову болезнь.

— Давайте возьмем что-нибудь попроще. Все, что я знаю о Макстромовой болезни, можно вырезать на булавочной головке тупым столовым ножом.

— Давайте возьмем Макстромову. Это мой шанс стать дипломированным ученым-медиком, Стив, если я смогу найти ответы на несколько главных вопросов. Я буду в клинической лаборатории, где только и встречаются редкие случаи Макстромовой болезни. Остальные врачи — все как один эсперы, а над ними — несколько ученых, они будут прощупывать человеческие тела до последней клетки, ища и комбинируя. Вы знаете, некоторые из лучших эсперов могут разобрать даже составные части клетки, а я буду доктором, который собирает всю информацию, приводит ее в соответствие и, возможно, найдет ответ.

— Вы нашли хорошую жилу,— сказал я.

И это было действительно так. Отто Макстром был специалистом-механиком на космической станции «Белые пески», совершившей облет и посадку на Венере, Марсе и Луне. Через две недели после возвращения Отто Макстрома домой у него начали быстро твердеть кончики пальцев левой руки. Отвердение медленно распространялось дальше, пока его рука не стала твердой, как скала. Они изучали его, работали с ним, используя все возможные средства и проделывая разнообразнейшие исследования, пока плечо Отто не стало таким же твердым, как его рука. Тогда они ампутировали ее по плечо.

Но в это время стали твердеть кончики пальцев на обеих ногах Отто и на второй руке появились те же признаки. С одной стороны рука оставалась нормальной, с другой кожу нельзя было проколоть острой иголкой. Бедный Отто сыграл в ящик после того, как чертова мерзость поглотила обрубки его ног и рук. Он умер, когда затвердение достигло жизненных органов.

С того дня, около двадцати лет назад, в год случалось около тридцати подобных случаев. Все смертельные, несмотря на ампутацию и любые достижения современной медицины. Но один бог знает, сколько еще невезучих людей кончили жизнь самоубийством, не прибегнув к помощи гигантского Медицинского Исследовательского Центра в Марион, Индиана.

Ладно, если Торндайк ничего не скрывает, никто не смеет утверждать, что телепатии нет места в медицине. И пожелаем ему удачи.

Больше я Торндайка в этом госпитале не видел. Они отпустили меня на следующий день, и мне ничего не оставалось, как только грызть ногти и удивляться, что же случилось с Катериной.

Следующей недели я почти не помню, потому не буду вдаваться в подробности. Короче, я прослыл женихом, упустившим невесту, а жизнь моя между туманными обвинениями и полускрытыми насмешками была довольно жалкой. Два-три

раза я беседовал с полицией, вначале как гражданин, запрашивающий определенную информацию и сетующий на неосведомленность соответствующих сторон. Потом меня просто стали посылать куда подальше. Очевидно, полиция забросила столько же удочек, сколько рыбацкая флотилия на Большой Банке, а клюнуло меньше, чем в Мертвом море. Они сами признались в этом, миновали дни, когда полиция ежечасно слала распоряжения об арестах, а это значило, что они сели в лужу. Полиции с ее распрекрасной компанией психомальчиков пришлось признаться, что их объегорили. Я беседовал с телепатами, которые сказали мне, что я ел на завтрак в день поступления в подготовительные классы, и эсперами, которые могли распознать цвет моей вчерашней одежды. Что я не ахти какой эспер, об этом упоминать не стоит. А эти парни были молодцы и хорошо знали свое дело. Катерина Левис исчезла, точно так же, как Амброзия Бирс.

А встретиться лицом к лицу с отцом и матерью Катерины, приехавшими с востока, чтобы повидать меня, было настоящим умопомешательством.

Первым делом я отправился обратно в госпиталь, надеясь, что доктор Торндайк сможет чем-нибудь помочь. В моем бессвязном лепете могли проскользнуть слова, значение которых навело бы на какой-нибудь след Катерины.

Но здесь меня тоже подстерегала неудача. Начальство госпиталя очень извинялось, но два дня назад доктор Торндайк перешел в Медицинский Исследовательский Центр. Связаться с ним я не мог, потому что он взял шестинедельный отпуск, который собирался потом продлить и отправился в поездку по Йеллоустонскому заповеднику, не указывая маршрута.

Я остановился на ступеньках, надеясь поймать рейсовый коптеркеб, когда двери распахнулись и вышла женщина. Я обернулся, и она узнала меня. Это была мисс Фарроу, моя недавняя сиделка.

— Ба, мистер Корнелл, что это вы опять здесь делаете?

— Хотел найти Торндайка. Но его здесь нет.

— Знаю. И неудивительно. Наверное, он получил возможность продолжить свое образование.

Я мрачно согласился.

— Во всяком случае, надеюсь.

— Вы все ищете свою Катерину?

Я медленно кивнул:

— Надеюсь, кто-нибудь разрешит эту загадку. Или придется мне самому. Все остальные уже сдались.

— Желаю удачи,— сказала она с улыбкой.— Видно, вы настроены весьма решительно.

— Это все, что мне остается,— буркнул я.

Мисс Фарроу кивнула.

— Не только,— махнула она рукой.— Вы говорили с людьми, которые вытащили вас из-под машины?

— Нет, с ними беседовала полиция и заявила, что они ничего

не знают. Сомневаюсь, что смогу выпытать у них что-нибудь стоящее.

Мисс Фарроу взглянула на меня искоса.

— Не хотите спрашивать людей, которые о вас ничего не слышали?

— Наверное.

В этот миг подошел коптеркеб и, по-видимому, отвлек мое внимание.

Мне хотелось бы поговорить с мисс Фарроу подольше, но мотор оказался что надо и я раскланялся, а она пошла по ступенькам, предоставленная собственным заботам.

Мне следовало бы задержаться и нанять новую машину, но через несколько часов я уже катил по тому же злосчастному хайвею, стараясь ничего не упустить из виду. Ехал я на этот раз медленно и настороженно.

Я тихо миновал место недавней катастрофы, постаравшись отключить свои мысли, и вдруг увидел черное выжженное пятно. С верхней ветки все еще свисал блок, а на нем качался обгоревший канат, два фута которого были переброшены через ворот и кончались коротким обожженным концом.

Я свернул влево на подъездную дорожку к дому Харрисонов и поехал по извилистой грунтовой дороге, а впереди все ясней обозначалось мертвое пространство.

Собственно, это была не мертвая зона, потому что кое-что я там чувствовал, но чем дольше я всматривался в детали смутного харрисонова дома, тем больше нужно было полагаться на зрение, нежели на экстрасенсорное восприятие. Но даже если они не нашли по-настоящему мертвую зону, Харрисоны сумели выбрать такое место, где мое восприятие сделалось малоэффективным. Это было все равно, что смотреть сквозь легкую туманную дымку, и чем ближе я подъезжал к дому, тем гуще она становилась.

Как раз у стоянки, где начинал ощутимо сказываться эффект мертвой зоны, я наткнулся на рослого загорелого парня, лет двадцати четырех, который копался в своем тракторе. Он распрямился, и я затормозил.

— Мистер Харрисон?

— Я Филип. Вы мистер Корнелл.

— Зовите меня, как все, Стив,— сказал я.— Как вы догадались?

— Узнал,— сказал он, улыбнувшись.— Я тот парень, что вас вытащил.

— Спасибо,— сказал я, протягивая ему руку.

— Чем могу быть вам полезен, чем могу помочь?

— Мне хотелось бы услышать все из первых уст.

— Да рассказывать-то нечего. Мы с отцом корчевали пни где-то в тысяче футов от места аварии. Услышали грохот. Моего восприятия хватает, чтобы прощупать такое расстояние, поэтому мы поняли, что лучше захватить блок и полиспаст. Трактор не проехал бы. Поэтому мы помчались на своих двоих. Отец притащил полиспаст и поднял, а я нырнул вниз, схватил вас

в охапку и вытащил наружу. А потом вся машина ухнула наземь. Мы очень рады за вас, Стив.

Я хотел огрызнуться, но пришлось кивнуть с улыбкой.

— Думаю, вы слышали, что я все еще стараюсь найти свою суженую?

— Да, я что-то слышал,— сказал он и бросил на меня быстрый взгляд. Я совершенно слеп как телепат, подобно всем эсперам, но отлично представляю, что он подумал.

— Все уверены, что Катерины со мной не было. Но только не я. Я знаю, что она была.

Он покачал головой.

— Сразу же, как только услышали скрежет тормозов, мы прощупали это место,— проговорил он спокойно,— и нашли вас, конечно. Но только одного. Больше никого не было. Даже если она выпрыгнула, увидев поваленный ствол, то не смогла бы убежать отсюда слишком далеко. А что до исчезнувшего чемодана, то ей пришлось бы ждать, когда машина остановится, а к тому времени мы с отцом уже спешили на помощь. Ее не было, Стив.

«Ты лжешь»,— подумал я.

У Филипа Харрисона не дрогнул и мускул. Телепатически он был слеп. Я прощупал у него под свободной одеждой мышцы желудка, гнев первыми они выдают, но ничего не заметил. Он не читал моих мыслей.

Я слабо улыбнулся Филу и пожал плечами.

Он в ответ смущенно улыбнулся, но за этой улыбкой я почувствовал, как он хочет, чтобы я бросил доискиваться подробностей недавней катастрофы.

— Я от всей души желал бы помочь,— сказал он. И в этом он был искренен. Но где-то и в чем-то — нет, и я хотел выяснить, в чем именно.

Тут разом наступило молчание, но, к счастью, нас прервали. Я уловил движение, обернулся и поймал взгляд женщины, шедшей к нам по дороге.

— Моя сестра,— сказал Фил.— Мариан.

Мариан Харрисон казалась почти девочкой, и если бы я не был так влюблен в Катерину Левис, то не упустил бы случая заняться ею. Мариан была того же роста, что и я, красивая темноволосая женщина двадцати двух лет, с искристыми, ярко-голубыми глазами, буквально сверкавшими на фоне золотисто-коричневой кожи. Ее красивый ротик удивительно сочетался с цветом лица, а белые зубы сверкали на темном фоне, когда она смеялась.

Оскорбленный, я сделал мысленно несколько комплиментов, потом резко прошелся по ее фигуре, но Мариан ничего не заметила. Она не была телепаткой.

— Вы мистер Корнелл,— сказала она.— Я вспомнила вас,— проговорила она еще тише.— Пожалуйста, поверьте нам, мистер Корнелл, мы вам сочувствуем.

— Благодарю вас,— сказал я хмуро.— Поймите меня правильно, мисс Харрисон. Я ценю ваше сочувствие, но мне нужны

действия, информация и ответы. А когда я добьюсь их, сочувствие будет ни к чему.

— Конечно, я понимаю,— ответила она мгновенно,— все мы отлично знаем, что сочувствием горю не поможешь. Весь мир буквально рыдает, не в силах повернуть рельсы истории и вытащить вас из этой передряги. И даже если мы все скопом захотим это сделать — ничего у нас не выйдет.

— В том-то и дело,— сказал я беспомощно.— Ведь я сам толком не знаю, что произошло.

— Значит, тогда еще хуже,— проговорила она спокойно. У Мариан был приятный голос, такой грудной и низкий, он звучал очень доверительно, даже когда она говорила о чем-то обыденном.— Я бы хотела вам помочь, Стив.

— Я бы тоже не прочь, чтобы мне помогли.

Она кивнула.

— Они допрашивали меня тоже, хотя я пришла туда в самый последний момент. Они спрашивали,— повторила она задумчиво,— о мысленном образе женщины, бежавшей накануне свадьбы. Я сообщила, что не знаю, как там с вашей женщиной, но вот что могу сказать о себе, окажись я в тех же обстоятельствах.

Она на секунду смолкла, а ее брат развернулся к своему трактору, зацепил маленьким гаечным ключом головку болта и повернул. Кажется, он подумал, что пока мы с Мариан будем беседовать, он может заняться своей работой. Я с ним согласился. Я жаждал информации и не ждал, что весь мир остановится, чтобы помочь мне. Он закрутил один болт и принялся за другой, не отвлекаясь от работы, пока Мариан продолжала.

— Я сказала им, что ваша история достоверна — вплоть до свадебной ночной сорочки,— под глубоким загаром появился слабый румянец.— Я сказала, что однажды со мной случилась такая же история. Я собралась замуж, как-то впопыхах сложила вещи, потом вывалила все обратно и аккуратно разложила все по полкам. Я сказала им, что сделала бы то же самое, неважно, будь то наспех подготовленный или продуманный побег. Я сказала им, что есть вещи, с которыми надо считаться. В результате легавые пришли к выводу, что либо вы говорите правду, либо случайно поинтересовались у какой-то женщины, как бы она отнеслась к замужеству.

— По-моему,— сказал я с кислой улыбкой,— и то, и другое.

— Тогда, спросили они меня, возможно ли, чтобы такая женщина решилась на этот шаг опрометчиво, с бухты-барахты, и я их высмеяла... Я сказала, что задолго до Райна женщины предсказывали свои свадьбы, как только джентльмен начинал с чуть меньшим отвращением смотреть на свою женитьбу, и что к тому времени, когда он задавал, запинаясь, главный вопрос, она уже практически называла себя миссис и подбирала имена своим будущим деткам, и что не было еще в истории случая, когда какая-нибудь женщина была ошеломлена предложением настолько, что помчалась бы за суженым, не захватив с собой даже зубной щетки.

— Тогда вы со мной согласны?

Она пожала плечами.

— Пожалуйста,— сказала она тем же низким голосом,— не спрашивайте моего мнения насчет вашей истории. Вы в нее верите, но все факты против вас. Нигде вдоль всего вашего пути не было намека на женский след, начиная с того места дороги, где вы впервые бросили мимолетный взгляд на ствол дерева, который подбросил вас, и до места, где вы перевернулись. Ни одного следа в обширном районе — почти в полмили диаметром от места катастрофы, где они искали. Использовали специалистов пси-прощупывания, отпечатки пальцев, клочки одежды, все, что только возможно. И без толку.

— Но куда же она делась?

Очень медленно Мариан покачала головой.

— Стив,— сказала она голосом таким тихим, что я едва услышал его за слабым скрипом болтов, завинчиваемых братом.— Насколько мне известно, ее здесь не было. Почему бы вам не забыть о ней...

Я взглянул на нее. Она стояла, прямая и напряженная, словно стараясь противостоять чувству любви, пробившемуся сквозь разделяющую нас пропасть, словно желая дать мне физическую и моральную поддержку, несмотря на то, что мы были незнакомыми людьми, случайно встретившимися всего десять минут назад. На лице ее отразилась душевная мука.

— Забыть ее...— воскликнул я.— Да я лучше умру!

— О, Стив, нет!— одна рука ее взметнулась ко рту, другая крепко сжала мое предплечье. У нее была очень сильная ладонь.

Я стоял, не зная, что делать дальше. Ладонь Мариан на моей руке ослабла, и она отступила назад.

Я отрезвел.

— Простите,— сказал я честно,— я доставил вам кучу неприятностей своими проблемами. Лучше я их заберу обратно.

Она тихо кивнула.

— Хорошо, идите, но, пожалуйста, возвращайтесь, когда покончите с внутренним разладом, и не важно, как. Мы все будем рады видеть вас, когда ничто не будет тяготить вам душу.

Следующие шесть недель я провел в глубокой депрессии. В конце четвертой недели я получил маленькую картонную коробку, содержавшую кое-какие мои вещи, находившиеся в квартире Катерины. Мужчина не может неделями встречаться со своей девушкой, не забывая у нее каких-нибудь вещей вроде зажигалки, галстучной булавки, каких-то бумажек, нескольких писем, книг и всякого хлама, ценных и ненужных предметов, которые дороги нам по той или иной причине. Получить такую посылку — все равно, что заново пережить сильнейшее потрясение, и это выбило меня из колеи на три-четыре дня.

Потом, в конце шестой недели мне принесли открытку от доктора Торндайка. На ней была стереолитография какого-то вида Йеллоустонского заповедника, но не то всемирно известное Великое Нагромождение, а нечто более прозаическое.

На обороте было какое-то загробное послание:

«Стив, я как раз провел исследования по той дороге, справа от места катастрофы. Это напомнило мне твой случай, и я решил написать, потому что желаю знать, как ты выпутался из этой передряги. Недели через две я буду в Медцентре, напиши мне туда. Джеймс Торндайк».

Я перевернул открытку и критически ее осмотрел. И до меня дошло. У обочины стоял высокий размалеванный штандарт. Тот же самый дорожный знак, что стоял на моем роковом хайвее.

Я сидел, уставившись через увеличительное стекло на высившийся у обочины дорожный знак: его стереоизображение, казалось, было живым и реальным. Оно вернуло меня к тому мигу, когда Катерина прильнула к моему плечу, волнуя своим теплом и желанием.

Это тоже выбило меня из колеи на несколько дней.

Прошел еще месяц. Наконец я тихо, мирно вышел из своей скорлупы и теперь чувствовал, что смогу прогуляться в бар, не боясь, что все остальные люди вокруг будут показывать на меня пальцем. Я порвал со всеми прежними приятелями и за прошедшие недели не завел новых. Одиночество тяготило меня, и я все больше жаждал поговорить с людьми и встретить знакомых.

Несчастный случай уже не казался чем-то ужасным, жизнь повторяется исключительно редко. Катерина заняла свое место несчастной любви, сладостное предвкушение близкой встречи волновало меня больше. Я помнил тепло ее рук и жар поцелуя перед той злосчастной дорогой, но мое воображение, особенно после дозы спиртного, вело себя своенравно. Не раз во сне мне чудилась Катерина, но когда она приходила в мои объятия, я держал Мариан, темную и загорелую, с искрящимися голубыми глазами и живым трепетным телом.

И я ничего не мог с этим поделать. Я знал, что попроси Мариан Харрисон о свидании, я вконец запутаюсь в своих чувствах. А потом, когда вернется Катерина, я окажусь между двух огней.

Я просыпался и называл себя отъявленным дураком. Я всего-то и видел Мариан пятнадцать минут — и то в компании ее брата.

Но, по-видимому, этот сон оставил свое жало из тщетного ожидания и безуспешных поисков, я очнулся однажды утром после долгих и нескончаемых дебатов с самим собой и в тот же миг решил, что мне необходимо опять прошвырнуться по роковому хайвею и нанести визит на ферму Харрисонов. Я тешил свое ничтожное, замшелое сознание, говоря себе, что делаю это только потому, что не успел выказать своей признательности отцу Харрисонов, но где-то подсознательно я был уверен, что если бы отца не оказалось дома и была лишь дочь, я съездил бы на ферму с неменьшим удовольствием.

Но мою подкорку ожидал удар, потому что тем же утром, в девять часов прозвенел звонок и, когда я вышел на порог, то

столкнулся нос к носу с двумя джентльменами с золотыми значками в кожаных удостоверениях, лежащих в карманах их курток.

Я открыл дверь — потому что не мог изображать отсутствие перед командой из эспера и телепата. Оба знали, что я на месте.

— Мистер Корнелл, не будем терять времени. Мы хотели бы знать, откуда вы знаете доктора Торндайка.

Я не стал хлопать глазами от такой фамильярности, это стандартный прием, когда расследование проводит эспер-телепатическая команда. Телепат знал все обо мне, включая тот факт, что я прощупал их бумажники и удостоверения личности, значки и серийные номера мерзких маленьких автоматических пистолетов, которые они носили. Смысл был в том, чтобы задать главный вопрос сразу и в упор, чтобы некогда было придумывать уклончивые ответы, проскальзывающие в вашем мозгу. Все, что я знал о Торндайке, было довольно отрывочно. Я дал узнать и им.

«Наконец, «это все»,— подумал я.— Теперь почему вы интересуетесь этим у меня?»

Телепатическая половина команды ответила:

— Естественно, мы не стали бы отвечать, мистер Корнелл, пока вы не произнесете все вслух. Но мы все равно не ответим, будь вы даже телепатом. Для ясности: вы последний человек, получивший какие-либо известия от доктора Торндайка.

— Что... я?

— Открытка. Она была последней связью Торндайка с внешним миром. Потом он исчез.

— Но..

— Торндайк должен был прибыть в Медицинский центр в Марион, Индиана, три недели назад. Мы хорошо изучили весь его путь следования до последнего пункта в Йеллоустонском заповеднике. Там следы оборвались. Он позвонил в маленький отель, забронировал номер и как в воду канул. Теперь, мистер Корнелл, разрешите взглянуть на открытку.

— Конечно,— я подал ее. Эспер взял, поднес к окну и взглянул на нее при свете. И когда он сделал это, я встал рядом, и вместе мы прощупывали ее до тех пор, пока ее края не начали загибаться. Но если там и был какой-нибудь шифр, тайнопись, какой-то скрытый смысл или послание, я ничего не заметил.

Я умываю руки. Я не искушенный следователь. Но я знаю, что Торндайк был хорошо знаком с глубиной моего восприятия и не стал бы что-то далеко от меня прятать.

Наконец эспер покачал головой и протянул мне открытку

Никаких следов.

Телепат кивнул. Он взглянул на меня и улыбнулся как-то кисло и натянуто.

— Мы, естественно, заинтересуемся вами, мистер Корнелл. Кажется, это уже второе исчезновение. И вы ничего не знаете.

— Понимаю,— проговорил я медленно, вновь в моей голове завертелись загадки, круг за кругом, назад к мерцающей дороге и недавней аварии.

— Наверное, мы еще вернемся, мистер Корнелл. Вы не против?

— Слушайте,— сказал я довольно грубо,— если эта чехарда кончится, я буду самым счастливым человеком на планете. Может, я смогу чем-нибудь помочь? Только дайте знать.

После этого они ушли. Я все еще не оставлял надежду навестить ферму Харрисонов. Еще одна дикая гусиная охота, но я чувствовал: где-то там зарыта собака. Честные люди, здоровые и вполне счастливые, с большими видами на будущее никогда не исчезают, не оставив за собой следа.

Я не позволил своему восприятию задержаться на знаке, мимо которого проезжал, хотя бы настолько, чтобы это стало опасным. И все же, к своему удивлению, я заметил, что кто-то удосужился починить сломанную стойку. Кто-то, наверное, занялся самоусовершенствованием. Поломка была такой незначительной, что устранить ее было все равно, что вызвать механика, когда пепельница заполнилась окурками.

Потом я заметил еще некоторые перемены, внесенные временем.

Обожженный рубец затянулся высокой сорной травой. Сук дерева, нависавший над местом катастрофы, на которой раньше подвешивали блок и полиспаст, потерял былую черноту. Блок убрали.

«Дайте год,— подумал я,— и единственным напоминанием о катастрофе останется только шрам в моем мозгу, а потом и он исчезнет».

Я вернулся к дороге, покрутился по проселку и выскочил прямо напротив большого приземистого дома.

Он выглядел холодным и неуютным. Лужайка перед крыльцом сильно заросла, а на веранде валялись несколько клочков бумаги. Ставни были закрыты и плотно пригнаны. Поскольку сейчас было лето, закрытые окна и запертые двери, неважно, натянуты были противомоскитные сетки или нет, говорили об отсутствии хозяев. Харрисоны съехали.

Еще одно исчезновение?

Я быстро развернулся, помчался в ближайший городок и зашел на почту.

— Я ищу семейство Харрисонов,— сообщил я человеку за стойкой.

— А, они уехали несколько недель назад.

Уехали?— спросил я бесцветным голосом.

Клерк кивнул. Затем он наклонился вперед и проговорил конфиденциальным шепотом:

— Прошел слух, что девочка подхватила космическую чуму.

— Макстромову болезнь?— ляпнул я.

Клерк взглянул на меня, будто я скверно выругался.

— Она была славная девушка,— сказал он нежно.

Я кивнул, и он полез за какими-то документами. Я старался проследить за ним, прощупать его, но бумаги оказались в маленькой мертвой зоне в самом конце здания. Я проклял весь белый свет, хотя и ждал, что дела будут в мертвой зоне. Как

только открылся институт Райна, правительство прочесало весь округ на предмет мертвых зон для хранения секретных и личных бумаг. Получился бешеный натиск — бизнесменов, высшего общества и всякого отребья, вкупе с правительством на шесть футов вперед — во имя законных прав тайны личности.

Он вернулся с виноватым видом.

— Они оставили закрытый адрес,— сказал он.

Я испытал желание сверкнуть перед ним двадцаткой и потом заглянуть одним глазком, как в добром старом романе, но понял, что это не сработает. Из-за Райна взятки для должностных лиц стали невозможными. Так что мне пришлось изображать страшное разочарование.

— Это чрезвычайно важно. Я сказал бы, дело жизни и смерти.

— Простите. Но закрытый адрес — все же закрытый адрес. И ничего не поделаешь. Если вам надо с ним связаться, опустите письмо. Пошлите, и если они соблаговолят ответить, то свяжутся с вами сами.

— Возможно, чуть позже я вернусь на почту,— сообщил я ему.— Отправлю письмо прямо отсюда.

Он склонился над конторкой, я кивнул и вышел.

Медленно размышляя, я проехал назад к бывшей ферме Харрисонов. Удивительно, насколько я знаю, люди, подцепив Макстромову болезнь, никогда не бегут куда глаза глядят. И както мысль о том, что Мариан Харрисон тихо увянет и умрет или, быть может, безбоязненно уйдет из жизни, казалась настолько абсурдной, что полностью игнорировалась моим сознанием за исключением редких вспышек ледяного ужаса.

Я вновь подъехал к жилому дому и остановился напротив веранды. Я не знал наверняка, почему там оказался, просто мне хотелось побродить, посмотреть, что можно обнаружить, перед тем как вернуться на почту и написать письмо или открытку.

Со двора дом был заперт на старинный задвижной засов, который открывался так называемым «Е»-образным ключом. Я пожал плечами, умаслил совесть и нашел обрывок железной проволоки. Щелкнув замком, будто его вовсе не было, и прощупав дверь, я поднял два простейших сигнализатора и отодвинул засов так быстро, словно пользовался настоящим ключом.

Это не бегство или исчезновение. В каждой из четырнадцати комнат заметны были явные следы продуманных сборов. Ненужный хлам валялся вперемежку с обрывками упаковки, рассыпанным набором коротких гвоздей, полусбитым, так и не понадобившимся ящиком со старой одеждой.

Я обстучал копытами все вокруг: но ничего не нашел, хотя даже я выделил бы эти вещи из остальных без своего эсперовского чутья.

Я медленно бродил по дому, позволив своему восприятию блуждать от точки к точке. Я пробовал прощупать место во времени, но все было впустую. У меня не хватало восприятия.

Я уловил лишь один отклик. В этой из верхних спален. Но когда я остановился в комнате, где спала Мариан, я начал вновь

сомневаться в своих ощущениях. С эсперами такое случалось, но скорее всего я уловил запах следов смерти.

Тогда я вдруг понял, что все стало на свои места.

Ощущаемая эспером Карта Мира подобна испещренному небу с чистыми прогалинами и туманными пятнами, мчащимися по небу в полном беспорядке. Испещренное небо, за исключением пси-модели, обычно не менялось. Но этот дом находился в темной, почти мертвой зоне. Теперь это стало совершенно ясно.

Я бросил дом и прошел в громадную комбинацию из сарая и гаража. Она оставила у меня то же чувство неудовлетворенности, что и дом. Филип Харрисон или кто-то еще, должно быть, держал здесь мастерскую. Я нашел верстак и небольшой столик с отверстиями болтов, масляными пятнами и другими следами, говорящими о том, что здесь стоял один из тех больших комбинированных деревообрабатывающих станков, в которых объединились циркулярная пила, дрель, токарный станок, рубанок, стамеска и еще всякая всячина. Там валялось также немного металлолома, но не заметно было никаких столярных поделок. В нем виднелись полотна ножовок, электродрель и круглая подставка, на которой крепился светильник.

Я не знаю, почему задержался, копаясь в этом брошенном хламе. Может, чуя, что должен был что-то узнать, но настолько минутно и отдаленно, что интуиция могла и подвести. Я стоял в недоумении, соображая, почему не хочу покидать эту мастерскую.

Я лениво наклонился, поднял с пола кусочек металла и нервно ощупал его руками. Потом огляделся вокруг, но ничего не увидел. Тщательно прощупал весь гараж, но все хлопоты свелись к нулю.

Наконец, изрядно разозлившись на свое слабоумие, я вышел.

Время от времени с каждым случается что-то подобное. На обратном пути к машине, в круговороте мыслей, планов, вопросов и идей я так ничего и не вспомнил. Возможно, я бы проскочил весь путь до дома, погрузившись в этот вихрь, но опомнился, когда не смог завести машину, сунув в гнездо зажигания вместо ключа тот кусочек металла. Конечно, он не подошел.

Я улыбнулся — железка остудила голову, бросил обломок металла в траву, вставил свой ключ в зажигание и...

И тут же ринулся за этой железкой обратно...

Маленький кусочек металла, найденный на полу в покинутой столярне, был стойкой дорожного знака, которая отсутствовала, когда разбились мы с Катериной.

Я поехал по хайвею и остановился около одного из знаков. Прощупал его, сравнивая свое восприятие с его внешним видом. Точно.

Этот обломок металла в полдюйма длиной и в четверть дюйма диаметром с чуть шероховатыми, зазубренными краями по размерам и форме был индентичен сломанной перекладине знака!

Затем я заметил еще кое-что. Тройной орнамент в середине не казался тем, что я помнил. Я достал из кармана открытку

Торндайка, посмотрел на стереофото. Я сравнил картинку с реальной вещью передо мной и понял, что был прав.

Трилистник был заменен на флерделиз, или значок бойскаутского новобранца, или фигуру, которую они использовали для обозначения северного полюса на компасе. Только нижнее основание трилистника было шире, чем обычно на эмблемах, и почти таким же широким, как верхнее. При сравнении сразу становилась видна разница между ними, один был повернут набок, а второй — вверх ногами. Видно, сначала предполагалось, что большие лепестки будут смотреть вверх. Если так, то те знаки, что стояли сейчас вдоль дороги недалеко от Йеллоустонского заповедника, были повернуты набок — в то время как на моем любимом хайвее — вверх ногами.

Последнее, что я сделал, выворачивая на хайвей — остановился и еще раз прощупал эту конструкцию. Я закрыл знак, позволив моему восприятию скользнуть вдоль перекладины, а потом по диску, на котором крепились перекладины трилистников эмблемы.

А, это еще ничего не значит. Он так задуман, как говорится. Если бы даже сегодня кто-то поинтересовался моим профессиональным мнением, я бы отметил, что круг хорошо вписывается в остальной орнамент и представляет собой продуманную композицию, но не специально созданную, чтобы разместить эмблему как заблагорассудится.

Собственно, если бы не эта маленькая сломанная перекладина, найденная мной на полу гаража Харрисонов, мне бы никогда и за миллион лет не пришло в голову, что эти дорожные знаки значат нечто большее.

На почте я написал письмо Филипу Харрисону.

«Дорогой Фил!

Сегодня заезжал к вам на старое место и был очень огорчен, узнав, что вы съехали. Я бы хотел вновь связаться с вами. Если не возражаете, пожалуйста, пришлите мне ваш настоящий адрес. Если вы желаете, я сохраню его в тайне или отвечу через почту, до востребования. Вот что меня заинтересовало: вы знаете, что ваш дом лишился своей мертвой зоны? Подготовленному эсперумедиуму обнаружить это ничего не стоит. Вы когда-нибудь слышали о пси-модельных изменениях прежде?

Да. И еще, кто-то сменил тот дорожный знак со сломанной перекладиной. Вы, должно быть, здорово постарались, чтобы не выбить те странные завитки в середине. Я нашел выбитую перекладину на полу вашего гаража, если, конечно, вы хотели взять ее на память как сувенир для любимой девушки.

Пожалуйста, напишите и дайте знать, как идут дела. Ходит слух, что Мариан подхватила Макстромову болезнь, и, простите, что затрагиваю деликатный вопрос, но думаю, что делаю это только потому, что готов помочь, чем только можно. Собственно, как бы вы это ни восприняли, я все-таки обязан вам жизнью.

Это тот долг, который я не в силах забыть.

Искренне признательный Стив Корнелл»

В полицию я не пошел.

От одного моего вида им становилось плохо, и они уже записали меня кандидатом в палату параноиков. Все, что я мог бы сделать, это поехать в участок и объяснить там, что я раскрыл какой-то тайный заговор, где подпольно используются декоративные дорожные знаки, чтобы скрыть их собственную сеть дорог и указателей, и что исчезновение Катерины Левис, доктора Торндайка и переезд Харрисонов связаны между собой.

Вместо этого я запер квартиру, сообщил всем, что надолго уезжаю в развлекательную туристическую поездку, чтобы успокоить свои нервы: я решил, что, уйдя со сцены, покончу с завладевшими мной заботами раз и навсегда.

Затем я принялся путешествовать. Я ездил несколько дней, не стараясь покрыть как можно больше миль, бесцельно колеся по стране. Мне нравилось мчаться четыре часа по одному хайвею на север, а следующие четыре — по параллельному на юг, иногда даже возвращаться назад в исходную точку. Через неделю я оказался на западе у излучины между Западной Вирджинией и Восточным Огайо. А в Восточном Огайо я увидел куда больше привычных и подозрительных дорожных знаков.

Эмблемы были повернуты набок, и знаки выглядели как новенькие.

Я ехал по этой дороге еще семьдесят пять миль и нигде не встретил ничего примечательного, пока, наконец, не догнал грузовик, нагруженный трубками, жестью и декоративными металлоизделиями. Грузовик впереди был одним из тех старых железных кротов, которых вы сами не раз встречали на наших дорогах.

Я наблюдал, как автоматический привод подхватывал и вырывал с корнем старые, черно-белые эмалированные знаки и укладывал их в кузов, полный металлолома. Потом на моих глазах этот крот, ревя двигателем, вгрызался в землю, останавливался и из земли, камней и гравия вытаскивал громадный винт.

Экипаж на моих глазах вставлял в патрон один из новых знаков, и машина устанавливала его, бетонировала, укрепляла в грунте и потом двигалась по дороге дальше.

Вряд ли стоило расспрашивать экипаж, поэтому я отчалил и помчался как можно быстрее в Колумбус.

Чистый, сияющий, отутюженный и в строгом деловом костюме, я предстал перед Уполномоченным Штата по дорогам и хайвеям. Я играл нагло, изображая из себя важного чиновника какого-то отдаленного штата, интересующегося этими знаками по деловым соображениям. Потом я подумал, что если наткнусь на заядлого телепата, то сяду в лужу. Но, с другой стороны, попробуй я, не скупясь на комплименты, расспрашивать горожан, ответы получились бы смутные и уклончивые. Первый, пятидесятилетний секретарь Уполномоченного выставил меня из приемной, второй — послал вверх по лестнице, третий отфутболил в Департамент Дорожных Карт и Топографии.

Наконец второй секретарь департамента заявил, что мог бы

мне помочь. Его звали Хатон. Эспер ли он или телепат, оказалось неважно, потому что здание Департамента стояло прямо посреди мертвой зоны.

Все же я решил играть в открытую. Я сказал, что являюсь жителем Нью-Йорка, интересующимся новыми дорожными знаками, которыми столь славится Огайо, и т.п.

— Я рад, что они вам понравились,— сказал он, сияя.

— По-моему, эти знаки стоят подороже старых, покрытых черно-белой эмалью.

— Но зато при массовом производстве их стоимость резко падает,— сказал он гордо.— Видите ли, прежде чем закупить несколько тысяч знаков для какого-нибудь хайвея, их нужно заказать, отштамповать, покрасить и т. п. Новые же знаки изготовляются на одном станке и по мере необходимости. Вряд ли вы знаете, что номера магистралей и любая другая информация переносится на металлические таблички с широких листов фотобумаги. Это значит, что нам пришлось бы заказывать десятки тысяч таких цифр и соответственное количество автотранспарантов, а потом подбирать их по мере необходимости. Конечно, при новом способе некоторых затрат не избежать, но если заинтересовать другие штаты, то цена знаков значительно снизится. К тому же в подписанном компанией контракте есть особый пункт, что они согласны покрыть неустойку. Так что на первых порах покупателей не очень волнует вопрос о текущих затратах.

Его несло и несло, как бюрократа, оседлавшего любимого конька. Я был рад, что нахожусь в мертвой зоне, потому что, узнай он, что я думаю, он бы выставил меня из своего кабинета.

Тут мистер Хатон иссяк, и я удалился.

Я обыграл вариант о поездке в главную контору компании, но потом решил, что это все равно, что засунуть голову в пасть голодному зверю.

Я убрал в карман выданную мне карточку компании и принялся изучать новенькую типографскую карту автомобильного транспорта, которую он с гордостью вручил мне. Она имела выносную табличку нарядных новых знаков, которыми штат Огайо разукрасил свои хайвеи и которые не увеличивают платежей клиентов, а также зеленые цифры на различных дорогах, сообщавшие о дате установки новых знаков. Внизу таблички крупным шрифтом стояло имя Особого Уполномоченного Дорог, а ниже и мельче имя Хатона.

Дорога оказалась новая — и это была еще одна приятная неожиданность. Указатели летели миля за милей и знак за знаком.

Я не имел понятия, что меня ждет, и не знал, что ищу. Но я шел по какому-то следу, возник какой-то намек на активность, как умственную, так и физическую, после долгих недель слепой депрессии у меня поднялось настроение и обострились ментальные способности. Радио в машине заливалось сладкозвучными песенками, какие только и могут родиться в Огайо, но меня они не трогали. Я искал что-то посущественней.

Я нашел это потом, в полдень, на полпути между Даутоном и Цинциннати. Исчезла одна планка.

За пятьдесят ярдов до перекрестка.

Я свернул туда, скрипя тормозами, и остановился, пытаясь объяснить логикой свой импульсивный порыв.

Куда я свернул? Туда, где планка исчезла, или где планка осталась на месте?

На помощь пришла память. В ту пору рядом с фермой Харрисонов исчезла табличка «десять часов». Харрисоны жили по левую сторону хайвея. Тогда я послушался исчезнувшей таблички. Теперь пропала надпись «два часа», потому я свернул на перекрестке направо и проехал до следующего неповрежденного знака.

Вот тебе на! Я развернулся, помчался назад по основному хайвею и проехал около пятидесяти миль, рассматривая пролетавшие мимо знаки. Все, что справа, имели перевернутый трилистник. Все, что слева, были повернуты набок. Разница казалась такой незаметной, что только тот, кто знал, в чем суть, мог отличить один от другого. Насколько я представлял себе, то же самое происходило и в другом направлении. Когда эмблема была перевернута, я сворачивал, когда лежала на боку — ехал прямо.

Только откуда и куда ехал?

Я снова развернулся и помчался, следуя указателям.

В двадцати милях от основного хайвея, где я увидел знак, означавший поворот, я наткнулся на еще одну исчезнувшую планку с табличкой, указывающую левый поворот. Я подчинился и выскочил на подъездную дорогу, ведущую к какой-то ферме.

Я свернул, решив разыграть заблудившегося, и надеясь, что не встречу телепата.

Через несколько сотен ярдов от главной дороги я увидел девушку, которая быстро шла мне навстречу. Я остановился. Она взглянула на меня с насмешливой улыбкой и спросила, не может ли чем-нибудь помочь.

Я небрежно кивнул:

— Ищу старых друзей, которых не видел уже много лет. По фамилии Харрисон.

— Я не знаю никаких Харрисонов,— с улыбкой ответила она на огайском диалекте.

— Не знаете?

— А где они живут?

Я смотрел на нее, надеясь, что не напоминаю ей волка, взирающего на бедного ягненка.

— О, они сказали, как их найти. Мне следовало свернуть с главного хайвея на эту дорогу, проехать по ней двадцать миль и остановиться с левой стороны, у одного из этих знаков, где кто-то сшиб одну табличку.

— Табличку? С левой стороны...— задумчиво проговорила она.

Ей было не больше семнадцати, загорелая, живая и здоровая от жизни на воле, она меня поразила. Насколько я мог судить, она

была участницей всей этой мистерии. Неважно, что она сделает или скажет, но совершенно ясно, что тайные дорожные знаки-указатели ведут к этой ферме. А поскольку никто из семнадцатилетних не может совершенно безучастно относиться к делам родителей, то она должна быть кое в чем осведомлена.

После некоторого раздумья она произнесла:

— Нет. Я не знаю никаких Харрисонов.

В ответ я фыркнул. На большее рассчитывать не приходилось, теперь я уверился окончательно.

— Твоя родня дома? — спросил я.

— Да.

— Думаю, мне стоит расспросить и их.

Она пожала плечами.

— Пошли,— и как бы исподволь заметила,— а что, вы сами не удосужились разглядеть табличку почтового ящика?

— Нет,— я быстро прощупал дорогу назад и, убедившись в своей правоте, добавил:— его там не было.

— Тогда мы избавились от почтальона. Если вы не против, подбросьте меня до дома.

— Валяй.

Она широко улыбнулась и быстро шмыгнула внутрь. В подходящем месте я съехал с дороги и двинулся к дому. Казалось, она заинтересовалась моей машиной и наконец сказала:

— Я никогда не ездила в такой машине. Новая?

— Недели две,— сообщил я.

— Быстрая?

— Как прикажешь. На пятидесяти крутую дорожку возьмет, если, конечно, у кого-то хватит ума на это.

— Давайте посмотрим.

Я улыбнулся.

— Ни один дурак не возьмет эту дорогу на пятидесяти.

— А мне нравится быстро ездить. Мои братья катают тут на шестидесяти.

Это, насколько я заключил, была просто бравада юности. Я попытался в двух словах объяснить ей прелести быстрой езды, как вдруг из кустов вдоль дороги выскочил кролик и брыкнул под радиатор.

Я дернул руль. Машина рванулась с узкой дороги и, чуть накренившись, выехала на склон. Я прыгнул бы на дорогу следом за кроликом, но тут девушка схватила меня за руку, стараясь удержаться на сиденье.

Хватка у нее была, как у гидравлического пресса. Моя рука онемела, а пальцы повисли на руле. Я напрягся изо всех сил, чтобы выкрутить левой рукой баранку и удержаться на узкой и извилистой дороге, ноги жали на тормоза, чтобы машина не полетела вниз.

Когда мы остановились, я глубоко вздохнул и потряс правую руку, держа ее левой за запястье. В нее словно впились тысячи игл, девушка схватила ее чуть выше локтя. Было такое чувство, будто мне отрезали руку и оставили с кровавым обрубком.

— Простите, мистер,— сказала она, едва дыша и широко раскрыв глаза. Ее лицо было белым из-за бледности кожи под глубоким загаром вокруг уголков рта и по краям носа, она казалась разбитой куда больше, чем ошеломленной.

Я перегнулся и взял ее за руку.

— У тебя чересчур сильная хватка...

Мышцы на ее руке были твердыми и упругими. Правда, не такими крепкими и тугими, как от полноты здоровья и хороших тренировок. А крепкими, ну, словом... мне ничего не пришло в голову, кроме воспоминания о зеленом огурчике. Я сжал ее руку, и плоть слегка подалась. Я провел пальцем по ее ладони и нашел ее твердой и плотной, а не нежной и податливой.

Я удивился.

Пока что я не сталкивался с Макстромовой болезнью.

Я посмотрел на руку и проговорил:

— Юная Леди знает, что подхватила Макстромову болезнь?

Она холодно взглянула на меня и ответила твердым голосом:

— Теперь я знаю, зачем вы приехали.

Что-то во мне бурно восстало против недомолвок девушки.

Я колебался около одной шестнадцатой. А ей дал бы две трети, скажем, одну десятую или около того...

— Одну восьмую,— сказала она спокойно.

«Телепат!»

— Да,— ответила она холодно,— и ты никогда не узнал бы об этом, не случись подобная глупость.

«Пора сматываться!»

— Нет, ты пойдешь со мной.

— Головой в петлю!— взорвался я.

— Не дури. Пойдешь. Или хочешь, чтобы я заткнула тебе рот и понесла на себе?

Нужно было что-то делать, чтобы освободиться. Иначе...

— Какой ты глупыш,— сказала она нагло.— Ты же знаешь, что от телепата ничего не скроешь. А если пойдешь напролом, я тебя так взгрею, что придется неделю отлеживаться.

Я дал ей побурчать несколько секунд, поскольку она не могла одновременно сосредоточиться на моих мыслях. Так что, пока она не спохватилась, я чувствовал себя в безопасности.

Она запнулась, будто склеив челюсти, когда поняла, что ее болтовня дает мне шанс подумать, и насела на меня.

— Неплохо, крошка, растешь прямо на глазах. Слиняла от мамочки, сняв панталоны, как большая девочка.

У семнадцатилетних куда больше скромности, чем они любят показывать. Внутренне она не удивилась, так хладнокровно воспринял я ее тело, замешкалась ровно настолько, чтобы дать мне возможность, перегнувшись через ее подол, быстро дернуть ручку двери с другой стороны.

Я распахнул ее настежь и в тот же миг вытолкнул девицу вон. Она должна была бы шлепнуться наземь, сломав несколько костей. Но лишь грохнулась на спину, перевернулась и вскочила на ноги, словно кошка.

Я не стал ждать, когда закроется дверь. Нажал на педаль газа, машина рванулась вперед, хлопнув противоположной дверью. Я покатил дальше, как раз когда она пробовала еще раз забраться в машину.

Куда деваться, я не знал. Единственное, чего мне хотелось, так это хоть чуточку спокойно подумать. Я свернул на дорогу и поехал по ней к дому. Потом съехал с дороги и с реактивным ревом обогнул дом, будто срезая углы здания своими шинами. Крутя руль, как заправский гонщик, я обогнул очередной угол, съехал колесами на обочину и опять вернулся на дорогу, идущую в обратном направлении.

Она стояла, поджидая, пока я проскользну мимо, потом вытянула руку, свою гигантскую сильную руку, царапнула раму открытого окна с моей стороны и рванула обшивку борта до самого дна кузова, словно кран, зацепивший грузовик.

Свободной рукой она схватила баранку.

Что будет дальше, я уже знал. Она случайно дернет, я, съехав с дороги, врежусь в канаву или дерево, и покуда из моих глаз будут сыпаться искры, она вытащит меня из машины, взвалит на плечо, не рискуя поплатиться и царапиной за свою авантюру.

Я рванул руль — вжик! вжик!— срезая дугу, проскочил дерево, миновав его почти что в дюйме, и сбросил ее с кузова, словно почтовый мешок со скорого поезда.

Я услышал крики: «А-а-а-а-ай!»— это тело ее ударилось о ствол дерева. Но когда я вернулся на дорогу и поехал, не торопясь, дальше, то увидел в зеркале, что она отскочила от дерева, растянув удар, потеряла равновесие и остановилась посреди дороги, потрясая вслед моей задней фирменной эмблеме своими маленькими, но опасными кулачками.

Не останавливаясь, я промчался на ста десяти, пока не оказался в Дайтоне. Тогда я притормозил, чтобы осмотреться.

Осмотреться? А что же в действительности я узнал?

Я обнаружил и подтвердил тот факт, что существует какая-то тайная организация, использующая в своих замыслах собственную систему магистралей, охватывающую всю территорию Соединенных Штатов. Я был почти уверен, что именно они замешаны в исчезновении Катерины и д-ра Торндайка. Они...

Внезапно я вновь пережил всю катастрофу.

Такую, что нормальный здоровый человек, нормальный здоровый мозг воспринял бы как галлюцинацию. Не оставалось и тени сомнения, что у людей не хватило бы времени притащить блок и полиспаст, закрепить их на дереве над пылавшей машиной и извлечь пойманных в ловушку, чтобы те не сгорели заживо. И тем более казалось немыслимым, чтобы у человека лет шестидесяти хватило сил поднять машину на передний бампер, пока его сын нырял в пламя.

Трос принесли и сожгли позднее. Но кто мог предпочесть идее троса и блока догадку о невероятно сильном человеке? Нет, при виде троса образ человека, поднимающего перевернутый автомобиль, точно штангист штангу, покажется любому просто нелепой галлюцинацией. А потом новая мысль пронзила мой мозг. Она

была такой странной, что я буквально подскочил на месте.

Оба, Катерина и доктор Торндайк, были телепатами. А телепат лучше любого члена их подпольной группы мог бы узнать цели, распознать организацию, уловить суть их замыслов. Такие люди для них попросту опасны.

С другой стороны, такого эспера, как я, можно было легко отвадить вежливыми и убедительными речами. Я отлично знал, что не смогу отличить ложь от правды, и это еще больше усложняло мои проблемы.

И еще я нуждался в компаньоне. Точнее, я нуждался в телепате, таком, который выслушает мой рассказ и не бросится тут же звонить в сумасшедший дом.

Нужно было время, чтобы найти подходящего помощника. Поэтому следующий час я провел в дороге к Чикаго и через некоторое время пересек границу Огайо — Индиана и въехал в Ричмонд. Где и привел свой план в исполнение. Я вызвал Нью-Йорк и через несколько минут уже говорил с медсестрой Фарроу.

Я не стал вдаваться в подробности, потому что существовала масса нюансов, которые не имели никакого практического значения и которых оказалось куда больше, чем можно было оправдать моими метаниями с тех пор, как я повстречался с ней на ступеньках госпиталя. Я не посвятил ее, конечно, в свои истинные намерения по телефону, а мисс Фарроу не могла прочитать мои мысли из Нью-Йорка. Суть сделки заключалась в том, что я чувствовал, будто на некоторое время мне необходима сиделка, не то чтобы я был болен, просто мне было сейчас не по себе, и, по-видимому, надолго, пока все не уляжется. Я трудился не покладая рук, а мое положение оставалось неважным. В конце концов мисс Фарроу признала это вполне возможным. Я повторил свое предложение платить ей по расценкам регистрационной сестры за месяц вперед. Это несколько поколебало ее самоуверенность. Потом я добавил, что видеографирую ей чек, вполне достаточную сумму, чтобы покрыть все издержки плюс билет туда и обратно. Пусть приедет и посмотрит, и если ее что-то не устроит, она вернется, не понеся расходов. Все, что она теряет,— так это один день, и то не полностью, если пролетит реактивным лайнером шестьдесят тысяч футов.

Совокупность всех доводов наконец возымела действие, и она согласилась повременить с отказом. Мы должны были встретиться с ней послезавтра утром в центральном аэропорту Чикаго.

Я видеографировал ей чек в полной уверенности, что добьюсь ее согласия стать телепатом моей бригады сыщиков-любителей. Потом, поскольку мне нужна была кое-какая информация, я повернул на запад, пересек границу Индианы, направляясь в Марион. У меня накопилась масса существенных подозрений, но пока не рассеются все мои сомнения, приходится констатировать только идеи. Я хотел выяснить, как определить Макстромову болезнь, или, на худой конец, как передается инфекция. Довольно четкое воспоминание о ней у меня сохранилось, и теперь все, что было нужно,— так это найти кого-нибудь, кто смог бы

распознать и спокойно объяснить, что из себя представляет случай Макстромовой. Ну, а тогда стало бы ясно, правда ли, что виденное в Огайо было стопроцентной Макстромовой болезнью.

Я вошел в приемную кабинета, являя собой фейерверк самоуверенности, и предстал перед щупачом в образе прекрасной крашеной блондиночки с белой кожей и привлекательной фигурой. Она поманила меня взглядом и спросила о деле.

— Я писатель, журналист, собираю материал,— нагло соврал я.

— Вы по заданию?— спросила она без тени интереса в голосе.

— О, сейчас нет. Я свободный журналист. Мне это больше по душе, потому что могу писать о чем угодно.

Ее холодность растаяла, по всей видимости, мои старания не пропали даром.

— Где вы печатаетесь?— спросила она.

Я быстро ушел в тень, стараясь скрыться как можно надежнее.

— Последняя статья была о недавних археологических находках в Сирии. Прямо по первоисточникам Института Востока в Чикаго.

— Очень жаль, что я ее пропустила,— сказала она удрученно. Я согласился, стараясь избежать упоминания названия и даты публикации.— Разве обычные популярные издания вас не удовлетворяют?— продолжала она.

— В них, конечно, собрано много полезных сведений, но они слишком туманны, безличны, люди предпочитают прочесть анекдот, нежели копаться в цифрах и диаграммах.

Тут она кивнула.

— Минуточку,— и переговорила с кем-то по телефону, чей голос я не разобрал. Окончив, она тепло улыбнулась, словно говоря, что сделала для меня все, что было в ее силах и что это надо иметь в виду. Я откинулся назад и постарался изобразить точно такую же улыбку. Потом дверь отворилась, и в комнату влетел человек.

Это был рослый малый, прямой, как шомпол, с крепкой челюстью и коротко стриженными усами. Прямо капитан Блад. Когда он заговорил, голос у него оказался таким же резким и четким, как его усы, настолько четким, что производил впечатление механического.

— Дипломированный специалист Фелпс,— сказал он.— Чем могу служить?

— Мистер Фелпс, мне бы хотелось поговорить с вами и побольше узнать о Макстромовой болезни. Может, мне придется использовать эти материалы в статье, но для писателя-документалиста важны мельчайшие подробности.

— Не беспокойтесь. Что вас интересует?

— Я слышал, будто о Макстромовой болезни почти ничего не известно. Это невероятно, особенно если учесть, что ваши коллеги интенсивно работают около двадцати лет.

— Конечно, мы кое-чего достигли,— кивнул он.— Но очень немногого...

— Мне кажется, исследуя ткани...

Он улыбнулся.

— Мы так и сделали. Провели тщательные химические исследования. Могли бы даже взять пробы с колдовского котла «Макбета» и определить, правильно ли Шекспир назвал свою формулу. И, молодой человек, если вы думаете, что что-то внедряется в человеческую плоть, делая ее макстромовой тканью, то вы глубоко ошибаетесь. Обычные анализы показали, что ткань состоит из тех же химических элементов, что и нормальная, да и в тех же пропорциях. Ничего лишнего.

— В чем же различие?

— Возможно, в структуре. С помощью рентгеновского кристаллографического метода мы определили, что макстромовы ткани имеют тесно переплетенную микрокристаллическую структуру,— Фелпс задумчиво взглянул на меня.— Вы что-нибудь смыслите в кристаллографии?

Как инженер-механик я, конечно, смыслил, но как автор журнальных статеек вряд ли, поэтому осталось признаться, что слышал кое-что.

— Отлично, мистер Корнелл, вы, наверное, знаете, что в стереометрии существует только пять правильных многоугольников. Подобно закону топологии, утверждающему, что для раскраски карты плоской поверхности необходимо всего четыре цвета, а для раскраски границ на торе достаточно семи цветов, законы стереометрии гласят, что возможно не более пяти правильных многогранников. А в кристаллографии существует тридцать два возможных класса кристаллических решеток. Из них в природе найдено всего тридцать. Правда, мы знаем, как выявить остальные две, если они окажутся в естественных формациях.

Все это я прекрасно знал и тем не менее усердно царапал в своей записной книжке, будто открывал что-то новое. Специалист Фелпс терпеливо выждал, пока я закончу свои заметки.

— А теперь, мистер Корнелл, вас ожидает маленький сюрприз. Макстромова болезнь относится к одному из двух оставшихся классов.

Вот так новость, я оторопел.

Его лицо вспыхнуло торжеством.

— К несчастью,— проговорил он тихим голосом,— открытие формулы кристалла не привело нас еще к пониманию того, как она возникла. Мы не можем контролировать положение атомов в кристаллической решетке. Мы можем разрушить кристаллическую структуру, держать под контролем размер и форму кристалла, но не в силах перевести кристалл из одного вида в другой.

— По-моему, это все равно, что испечь кекс. Все составные части перемешиваются — кекс может получиться большим или

маленьким, иметь форму сковороды или оказаться вконец испорченным. Если вы смешали дерьмо, и получите дерьмо.

— Удивительная и вполне точная аналогия. Но мне больше нравится другая, приведенная когда-то давным-давно доктором Билли Леем, проделавшим довольно тонкие эксперименты. «Вы не сможете узнать, как устроен паровоз, разрушив его и исследуя обломки».

Потом он продолжил:

— Давайте вернемся к Макстромовой болезни и тому, что мы о ней узнали. Мы выяснили, что ее граница ползет со скоростью одной шестьдесят четвертой дюйма в час. Так, к примеру, если вы заметили на среднем пальце правой руки следы болезни, то приблизительно через три дня макстромова ткань полностью захватит первый сустав пальца. Через две недели средний палец полностью затвердеет. Можете взять пилу, отрезать его безо всякой анестезии и принести нам для исследования.

— И ничего не почувствуешь?

— Вообще ничего. Суставы срослись, артерии стали твердыми, как стальные трубы, и сердце перестало работать как следует. Не то чтобы оно попало в те же условия, что и артерии, но когда Макстромова болезнь поползет от руки к плечу, крупные сосуды затвердеют и сердце не сможет прокачивать по ним кровь в прежнем режиме. Получается то же самое, что и при атеросклерозе. Далее инфекция достигает плеча и выводит его из строя, на это уходит девяносто дней. За это время заражаются остальные конечности и болезнь охватывает руки и ноги.

Тут он торжественно взглянул на меня.

— Остальное весьма скверно, вскоре наступает смерть. Собственно, я могу сказать, что счастлив тот, у кого Макстромова началась с левого пальцы руки, потому что прежде всего она достигнет сердца, а не других частей тела. Те, кому инфекция первоначально попала в пальцы ног, практически прокляты, ибо она постепенно достигает нижней части тела. По-моему, вы можете представить результат: смерть наступает из-за остановки перистальтики. Начинается интоксикация организма, и смерть бывает медленной и болезненной.

Я содрогнулся. Мысль о смерти уже тревожила меня. Воспоминание о руке и сознание того, что я должен скоро умереть буквально по календарю, заставили меня содрогнуться.

Разжав зубы, я проговорил:

— Дипломированный специалист Фелпс, я вот только не возьму в толк, то ли вы и ваш Центр боретесь с Макстромовой болезнью, то ли потворствуете ей?

— Потворствуем?— переспросил он.

— Конечно. Вы выяснили, что будет с человеком, если он пройдет через все стадии Макстромовой болезни?

— Он станет практически суперменом,— кивнул Фелпс.— Стальные мускулы, движущие твердой, как сталь, плотью под новой непробиваемой кожей. Возможно, такой человек будет свободен от всех болезней и недугов. Вообразите себе бактерию, которая старается проникнуть в тело, твердое, как бетон. Более

того, Макстромова плоть физически почти невосприимчива в кислотам. Нельзя не согласиться, что такой супермен трижды переживет человека, а может, и раз в десять. Но...

Тут он остановился.

— Не хочу разрушать ваши иллюзии, но эта мысль не нова. Несколько лет назад мы пригласили сюда одного блистательного молодого доктора пополнить свое образование. К несчастью, парень прибыл сюда со следами Макстромовой на среднем пальце правой руки. Под его руководством мы провели около сотни великолепных опытов, и у него возник свой подход к этой проблеме. Но, увы, тщетно, несмотря на все усилия, он не смог предотвратить смерть хотя бы на секунду. С тех пор до сего времени над этой проблемой работает одна из наших групп.

Тут мне пришло в голову, что, окажись у меня признаки Макстромовой, я скорее бы помчался к хайвейцам в убежище, чем поехал в Медицинский Центр. Через секунду меня осенило: предположим, доктор Торндайк нашел у себя следы болезни или скорее его навели на эту мысль хайвейцы. Что тут лучше, присоединиться к Штату Медицинского Центра или оказаться перед компромиссом: «Вы поможете нам, работая с нами, а мы спасем вашу жизнь».

Это, конечно, привело к следующей мысли:

«Если хайвейцы в убежище руководствовались благими намерениями, они не стали бы скрываться и предоставили бы свой метод лечения Медицинскому Центру. Ну, хорошо же, у меня накопился против них изрядный список, поэтому придется нанести бомбовый удар».

— Видите ли, Фелпс,— сказал я спокойно,— одна из причин, по которой я оказался здесь, это то, что у меня есть веские доказательства существования способа лечения Макстромовой болезни, и того, что его выдумали люди с ультраплотными телами и сверхчеловеческой силой.

Он смотрел на меня с той терпеливой улыбкой, которая возникает у отца, когда ворвавшийся к нему отпрыск заявляет, что он изобрел вечный двигатель.

— У вас веские доказательства?

— Мне довелось их увидеть собственными глазами.

— Тогда я могу заверить, что вы неверно интерпретировали свои доказательства,— ответил он холодно,— энтузиасты летающих тарелок до сих пор утверждают, что те штуки, которые они видели, пилотировались маленькими зелеными человечками с Венеры, хотя мы уже побывали там и обнаружили, что Венера необитаема, за исключением нескольких жучков и личинок, и маленьких животных, подобных теллурианским пиявкам.

— Но...

— А это тоже слишком давняя история, сказал он мне с капризной улыбкой.— Стереотип о тайной организации, которая стремится захватить на Земле власть. Эта бодяга была популярна еще во времена форта Чарли. А теперь... лучше скажите, что вы видели.

Я состряпал сказку в тридцать четыре процента правды,

частично исказив остальное. Тем самым я скрыл, что избил девицу в машине в Огайо, достаточно тяжко, чтоб она могла сыграть в ящик. Я просто упомянул, что как-то сбил на дороге девицу и когда остановился помочь ей, она вскочила и как ни в чем не бывало помчалась прочь. Она не потеряла ни капли крови, хотя передней бампер машины был здорово изувечен.

Он торжествующе кивнул.

— Такие вещи случались. Человеческое тело действительно очень прочно, ведь и раньше бывало много случаев, когда самые страшные катастрофы кончались легкими ушибами. Я читал рассказ о человеке, у которого не раскрылся парашют и который все же выжил и явился на завод собственной персоной. Но сейчас, мистер Корнелл, разве можно в этом мире скрыть какую-либо тайную организацию? Даже до Райна это было трудно. В вашей сказке не хватает только каких-нибудь секретных знаков, может, особого рукопожатия или, скорее, охватывающей весь мир системы транспарантов, служащих каким-то ужасным дьявольским целям.

Я взвился. Дипломированный специалист оказался слишком близок к истине, чтобы это пришлось мне по вкусу, а он еще издевался. Он буквально довел меня до белого каления.

— Чтобы не слишком углубляться, я хочу только знать о возможных мотивах такой организации. Вы наделили их сверхчеловеческой силой, даже огромной продолжительностью жизни. Если они хотят захватить власть на Земле, разве им придется применить силу? Или они мягкотелые супермены, которых не трогает превосходство над человеческой расой, и они лишь спокойно ждут, пока не исчезнет обычный гомо сапиенс? Разве вы не считаете, что они полноправно владеют планетой?

Я удрученно покачал головой.

— Ладно. В этом есть своя логика, мистер Корнелл. К тому же вам известно, что, даже доставив на Марс и Венеру массу оборудования, мы будем чувствовать себя весьма неуютно. Без посторонней помощи мы не прожили бы и минуты на любой из планет солнечной системы.

— На мой взгляд, эти гипотетические супермены могли бы причинить массу неприятностей,— сболтнул я.

— О, я допускаю, что в вашей истории есть своя доля правды. Но давайте оставим эти никчемные предположения, ведь возможность скрыть подобную организацию полностью исключена. Даже насаждение их тайных опознавательных знаков в одной мертвой зоне невыносимо в современных урбанистических центрах, на их пути всегда станут несколько телепатов и эсперов. Возможно, группа. Представьте, сколько продержится такая компания. Их обнаружат, как только первый герой влипнет в аварию где-нибудь на Таймс-сквере или же его вытащат из горящего автомобиля.

Тут он окинул меня холодным взглядом:

— Опишите это как вымысел, фантазию, мистер Корнелл. Лучше придерживайтесь фактов.

— Ладно. Но боюсь, что эти факты вскоре всплывут наружу.

— Пусть,— согласился он.— Но признать, что существует какая-то таинственная организация, подпольная группа, пока что мы не можем. Мы, те, кто имел лучшие мозги и самые большие деньги за последние двадцать лет.

Я кивнул и, хотя не был согласен с Фелпсом, знал, что настаивать — все равно что оскорблять его в лицо и ждать, пока тебя выставят.

— Хотелось бы посмотреть, чтобы иметь полное представление,— сказал я бесцеремонно.

Фелпс согласился показать мне помещение. Ни одного пациента я не встретил, но Фелпс позволил постоять в коридоре двух комнат и попробовать мои эспер-способности на человеческой плоти. Это было болезненно и поучительно.

Он заметил:

— Обычное дело для таких посетителей, как вы. Все испытывают желание побыстрее выскочить вон. В медицинских кругах подобное состояние называют «синдром Софома». Слышали?

Я кивнул.

— В первые годы пси-медицины слишком мало знали о болезнях и изучали их, вызывая у себя те же симптомы, что испытывал сам больной. И так до следующего дня, когда придет новый пациент.

— Правильно. Потому, чтобы избежать «синдрома Софома», мы демонстрируем подлинные случаи. К тому же,— добавил он серьезно,— мы были бы очень рады, чтобы как можно больше людей могли распознать настоящую болезнь как можно быстрее. Пусть даже сейчас мы не в силах помочь, но когда-нибудь это удастся.

Он остановился перед закрытой дверью:

— Здесь девочка восемнадцати лет, должна умереть через месяц...

Его голос сорвался, когда он постучал в дверь комнаты.

Я обмер. Несколько капель пота скатилось по моей спине, меня забила нервная дрожь. Я прогнал видение, спрятал его как можно глубже и постарался не думать. Вроде бы мне это удалось.

Когда Фелпс постучал пальцем по дверной панели, раздался клацающий звук, характерный для дубленой кожи.

Дипломированный специалист Фелпс был макстромом!

Сестра Глория Фарроу махнула мне из-под люка лайнера рукой, и я кинулся за багажом. Она посмотрела на меня внимательно, но ничего не произнесла, кроме обычного приветствия, и показала на свой чемодан.

Я понимал, что она телепат и все время читает в моем мозгу, поэтому позволил ей узнать все, что было нужно. Потом я велел мозгу бормотать всякую чушь, чтобы только заполнить образовавшуюся пустоту. Возможно, тут и там проскользнула пара понятий, но ничего существенного. Не говоря ни слова, мисс Фарроу последовала за мной к машине и позволила засунуть ее чемодан в багажник.

— Стив Корнелл так же здоров, как и я,— сказала она первым делом.

— Допустим.

— Тогда к чему все это? Вам не нужна сиделка.

— Мне нужен опытный наблюдатель, мисс Фарроу.

— Для чего?— казалось, она недоумевала.— Думаю, вам стоит сейчас же остановиться и объяснить.

— И вы выслушаете до конца?

— До следующего самолета два часа. У вас есть время либо убедить меня, либо... — Ну, как?

— Идет,— ляпнул я сразу и решил рассказать все как есть.

Нет ничего проще, чем объяснить что-либо телепату. Несмотря на то, что я запинался в начале, едва домямлил до конца, начал по новой, перескакивая туда-сюда, мисс Фарроу умудрилась заполнить пробелы в хронологии событий, так что когда я кончил, в ее глазах загорелся интерес.

«Я сумасшедший?»— послал я вопрос.

— Нет, Стив,— ответила она твердо.— Не думаю.

Я хмыкнул.

— А как насчет рехнувшегося парня, который справлялся о своем здоровье с единственной целью — убедить других, что с ним все в порядке? Ибо он знает, что сумасшедшие всегда уверены в своем рассудке.

— Но сумасшедший не станет вдаваться в такие сложности. Я имею в виду, что у него не может возникнуть сомнения, в здравом ли он уме. И оставим это, теперь я хотела бы знать, куда мы направляемся.

Я горько покачал головой.

— Вызывая вас, я спланировал все, как дорожную схему. Я собирался выложить вам доказательства как беспристрастному наблюдателю, прежде чем вовлекать и убеждать кого-то еще. Потом мы бы поехали в Медицинский Центр и выдали им все на блюдечке с голубой каемочкой. Но тут меня ошарашили и оказалось, что не стоит загадывать так далеко. Ученый Фелпс оказался макстромом. А это значит, что парень знал, к чему ведет Макстромова болезнь, и все же скрывал компанию этих проклятых профи, чтобы казаться беспомощным перед лицом незримой болезни. Кроме того, Фелпс может оказаться главой хайвейцев, организации, похоже, греющей руки на общественном благополучии.

— Вы уверены, что Фелпс — макстром?

— Не совсем. Мне было некогда, пришлось замкнуть мозг, поскольку рядом начеку мог оказаться телепат. Но, по-моему, ни одному человеку с нормальными пальцами не издать такой костяной звук.

— А ноги?

Я покачал головой.

— Слишком звонко. Ухо уловило бы различие.

— Допустим. Но отбросив первоначальный план, что мы будем делать дальше?

— Я не знаю, хотя привел все факты. Может быть, стоит

вызвать группу ФБР, которая вышла на меня после исчезновения Торндайка, и свалить это дело на них.

— Хорошая мысль. Но зачем Фелпсу врать? И что вы можете привести в доказательство, кроме сплошных подозрений?

— Очень немного. Я допускаю, что мои доказательства очень шатки. Я видел, как Филип Харрисон заворачивал головки болтов в моторе трактора коротким гаечным ключом. А для этого требуется хороший рычаг и крепкие мускулы. Потом девица в Огайо, которая превратилась бы в кровавое месиво от того, как я ее попотчевал. А она вскочила и помчалась за мной. И тут я спросил себя, снялись ли Харрисоны из-за того, что Мариан подцепила Макстромову болезнь, или же уехали, почувствовав, что я слишком близко от разгадки тайны. Как вы помните, они уехали тут же после моего посещения.

— Звучит слишком туманно, Стив.

— Вам так кажется,— проворчал я.— А потом я встретил парня, которому следовало бы знать ответы на все вопросы, человека, посвятившего себя общественному благополучию, медицине и идеалам служения человечеству. Человека, давшего клятву Гиппократа. Или,— оборвал я себя,— в этом и заключается клятва Гиппократа?

— Стив, пожалуйста...

— Сколько угодно, черт побери,— взорвался я.— Почему он спокойно сидит в этой макстромовой темнице и открыто льет слезы по ужасной смерти своего друга?

— Я не знаю.

— Ладно, попытаемся разобраться,— буркнул я.

— Разобраться?— переспросила она тихо.

— Мисс Фарроу,— сказал я, чуть усмехаясь.— Я вижу два возможных ответа. Либо мне дадут разобраться, по какой-то непонятной, но веской причине, либо я стану слишком дерзок и опасен для них, чтобы они мной играли. У меня есть еще около восьми недель, чтобы скрепя сердце отказаться от второго, предпочтя первое.

— Но с чего вы взяли, что вам дадут разобраться?— хотела она знать.

— Нельзя сказать, что я такая важная персона, чтобы меня не устранили так же просто, как Катерину и доктора Торндайка. Да и раз мы о нем упомянули, скажите, зачем какому-то доктору, который некогда встретил обычного пациента, посылать ему открытку с сообщением, которое возбудит в нем недавнюю боль. К тому же этот парень привлек мое внимание к так называемой «шоковой галлюцинации», где старший Харрисон поднял автомобиль, а Филип Харрисон бросился в огонь, рискуя из-за меня жизнью. Ну, как?— спросил я резко.— И потом, он отправился в Медицинский Центр изучать Макстромову болезнь. А вместо того, чтобы там осесть, послал мне открытку с изображением одного из хайвеев и исчез совсем.

— Существует связь хайвейцев и макстромов?— задумчиво спросила мисс Фарроу.

— Но это не все,— проговорил я.— Почему Харрисоны снялись так внезапно?

— Вы задаете вопросы, на которые я не могу ответить,— пожаловалась мисс Фарроу.— И я не уверена на все сто процентов, что вы правы.

— Вы уже здесь и если увидите, что я хотел вам показать, убедитесь сами. А для начала будем считать, что все идет, как прежде. Да, и вот что мне хотелось еще добавить, и это несколько меня смущает: создается впечатление, что все происходящее направлено на меня. Насколько я могу судить, они действительно будто хотят, чтобы я начал большую заваруху, из-за которой хайвейцы выйдут из своего убежища.

— С какой стати?— недоуменно спросила мисс Фарроу.

— Сам в толк не возьму. Ни туманного намека, одно смутное чувство указывает на это. Они навели меня на такое, что следовало бы скрывать как можно лучше от хорошо тренированного телепата. Так что я решил идти за ними до конца, потому что где-то там, на самом дне, мы найдем ответы на все вопросы.

Она согласно кивнула.

— Я собираюсь отправиться в убежище по какому-нибудь хайвею,— заводя машину, добавил я.— Мы проследуем по нему до одной из стоянок. А потом вы сами увидите, что там что-то нечисто.

— С удовольствием,— ответила она спокойно.

Выводя машину за угол стоянки на дорогу, я украдкой бросил на нее взгляд. Она сидела с безучастным выражением лица, и это меня удивило.

— Стив, вы должны понять одно,— отозвалась она моим мыслям.— Все, во что вы крепко верите, неизбежно отражается в мозгу как действительный факт. Так что не обижайтесь, пока есть возможность получить некоторые доказательства из первых рук, я хочу ею воспользоваться.

— Ладно,— сказал я.— Всегда хочется, чтобы первый удар не был самым тяжелым.

Я резко мчался через Иллинойс в Айову, следя за дорожными знаками, я знал, что, убедив одного, смогу убедить второго, третьего, четвертого, пятого и так далее, пока не перестану перетягивать всех на свою сторону, весь мир. Мы мчались весь день, останавливались перекусить то здесь, то там и мчались дальше, будто парочка молодых в свадебном путешествии. Около полуночи мы остановились в маленьком городке, найдя приют в заурядном отеле, так и не обнаружив и намека на убежище хайвейцев.

Мы встретились за завтраком, немного обсудили наши впечатления и двинулись дальше. В полдень мы въехали в Небраску и продолжали колесить по ней, пока под вечер не увидели первый интересующий нас дорожный знак.

— Вот,— торжественно возвестил я.

Она кивнула.

— Я вижу знак, Стив. И больше ничего. Теперь вам осталось показать мне тройной указатель на этой эмблеме.

— Если они не изменили свой метод,— уточнил я.— Он указывает на запад и чуть на юг.— Я остановился у знака в нескольких ярдах от него и проехал мимо него, обострив свое восприятие.— Заметьте, как просто эмблему можно перевернуть,— воскликнул я,— заметьте, что у верха и низа трилистника одинаковая ширина, только заинтересованный наблюдатель может уловить разницу.

Мы поехали дальше, пока не увидели еще один, с другой стороны, и вновь не остановились, дав знаку промелькнуть над головой.

«Заметьте, что знак указывает направление, обратное перевернутому,— продолжал я, не говоря ни слова. Я использовал свое восприятие, прощупал знак и прокомментировал его варианты.— Теперь,— закончил я,— мы поедем по этому хайвею в Убежище, пока не встретим какой-нибудь перекресток. А потом убедитесь сами».

Она молчала.

Мы полетели по этой дороге быстрее и проделали несколько миль, проезжая знак за знаком с эмблемами, повернутыми по правой стороне вверх и перевернутыми, когда знак стоял слева.

Очевидно, мы приближались к пересечению хайвеев, и я торжествующе указал на новый знак.

— Заметьте, перекладина исчезла!— сказал я с новым воодушевлением.— Теперь, мисс Фарроу, мы сделаем новый поворот против знака, проделав несколько миль, развернемся и поедем дальше, чтобы пересечь хайвей как нужно.

— Мне кажется, я начинаю верить, Стив.

Мы повернули на север против знака и проехали для уверенности сорок или пятьдесят миль. Я развернулся на полном газу и помчал тачку обратно на юг.

— Комментариев не надо?— спросил я.

Она покачала головой.

— Еще нет.

— Если хотите, промчимся прежним курсом,— предложил я.

— Валяйте.

— Другими словами, вы не просто хотели убедиться?

— Да,— сказала она просто. Потом замолчала, я стал размышлять, о чем она думает, но она так и не удосужилась ответить.

Наконец мы опять подъехали к перекрестку и я повернул к югу, ощущая непреодолимую уверенность, которой так не хватало прежде. Мы остановились пообедать в маленьком городишке, быстро, но сытно поели, а потом немного поспорили.

— Вы не против немного выпить и отдохнуть?

— Не против,— призналась она честно.— Но я что-то сомневаюсь, что смогу отдохнуть.

— Понимаю. Идея вообще-то неплохая, убьем на это полчаса. Может, даже лучше остановиться совсем и двинуться дальше рано утром.

— Стив,— отозвалась она,— я отдохну и расслаблюсь, только когда приму достаточную дозу, чтобы вернуться к жизни.

Но это отпадает, потому что назавтра меня ждет страшнейшее похмелье, а если честно, я очень заинтригована и собираюсь последовать до конца.

— Ладно,— сказал я.— Будем ехать, пока не остановят.

Около восьми мы снова тронулись в путь. До девяти сорока пяти мы покрыли около двухсот миль до следующего перекрестка, следуя сбитым перекладинам знаков, и направились, согласно карте, прямо в верхний угол Колорадо.

В десять часов с минутами мы оказались у дорожного знака, указывающего на похожий на ранчо дом, стоявший прямо на вершине небольшого холма, в нескольких сотнях ярдов от основной дороги. Я затормозил всего в сотне футов от подъездной дорожки и спросил мисс Фарроу:

— Какой у вас ранг телепата? Вы никогда не говорили.

— Я чувствую интенсивную концентрацию, направленную на меня в полумиле. Поверхностные мысли, которые касаются меня или моей личности, чувствую за пятьсот ярдов. Чтобы уловить мысли, не затрагивающие меня или мои интересы, достаточно двухсот футов. Мысли, которые вообще далеки от меня, чувствую за сорок-пятьдесят метров.

Средняя квалификация для человека, прошедшего пситренировку, будь то телепат или эспер, и вполне достаточная, но не вполне соответствующая моим целям. Она имела в виду мысли, а не смысл. Я уже убил немало времени, ища различие между абсолютно чуждыми мне вещами, и потратил куда больше времени, определяя суть письма одного неизвестного человека к другому, и письма, адресованного человеку, которого я знал лично, но находящегося намного дальше. Смысл сам по себе безличен, и вряд ли тут я открываю вторую Америку.

— Ладно, сойдет,— сказал я ей.— Мы попробуем подобраться как можно ближе, чтобы украдкой вы прощупали всю округу. Пусть ваш мозг будет предельно чувствителен. Если почувствуете опасность, кричите. Я использую свои эспер-способности до предела и если вдруг рвану, как стартующий звездолет, значит, нашел что-то ужасное. Но настройте свой мозг на них, а не на меня, потому что по вас я определяю моментальное направление.

— Тяжело все время помнить, что остальные люди лишены способности к мысленному контакту,— кивнула мисс Фарроу.— Это как нормальный человек, беседующий со слепым и постоянно упоминающий видимые вещи, когда его не понимают. Я постараюсь учесть.

— Потом я уйду в тень,— сказал я.— И если начнется суматоха, воспользуюсь обстановкой. Как только они почувствуют, что наш мозг касается их, они поймут, что мы явились не для того, чтобы справиться об их здоровье. Так что, поехали?

— Я неплохая актриса,— сказала она.— И неважно, что я имею в виду, главное, я буду с вами до конца.

Я погнал машину вперед и развернулся. Легко разбирая дорогу, я двинулся задом по дорожке на вполне приемлемой скорости, полузакрыв глаза, чтобы дать моему восприятию полную свободу действовать и возможность сконцентрироваться

вдоль дороги. Когда я на секунду отвлекся от мысли, как мои колеса пройдут следующий поворот, я подумал: «Надеюсь, эти люди знают лучшую дорогу до Колорадо».

Мисс Фарроу осторожно сжала мою руку, дав понять, что она думает в том же плане.

— Здесь мертвая зона, Стив,— внезапно проговорила она.

Конечно, это была мертвая зона, мои чувства натолкнулись на барьер, ослабляющий чувствительность до нескольких ярдов. Однажды у меня уже возникло такое мрачное чувство, когда я попал в мертвую зону и понял, что отчетливо вижу здание и не в силах протянуть свои рецепторы дальше нескольких футов.

Я продолжал двигаться задом в самое сердце мертвой зоны, пока не оказался на обочине, потребовалась концентрация всех моих чувств, чтобы прощупать дорогу в нескольких футах перед моими задними колесами, чтобы можно было вести машину.

Я двигался ощупью, словно слепой, прокладывая свой путь, когда мисс Фарроу вскрикнула:

— Они окружают нас, Стив!

Мои руки пришли в действие, а правая нога с силой нажала на педаль газа. Машина взвизгнула, подскочила и с ревом помчалась вперед.

Из кустов выскочил человек и замер перед машиной, словно статуя, широко расставив руки. Мисс Фарроу выкрикнула что-то нечленораздельное и, обезумев, вцепилась в мое плечо. Рыча, я скинул ее руку, еще сильнее вдавил педаль газа и ударил человека в живот. Машина взбрыкнула, и до меня донесся глухой скрежет металла. Мы накренились, дважды сильно подпрыгнули, когда колеса перевалили через его распростертое тело и, как два круглых дурака, выскочили на дорогу, по которой больше чем на двадцати ехать невозможно. Показалась основная магистраль, я развернул машину, скрипя задними покрышками, работая тормозами и на диво удачно выкручивая руль, и как-то умудрился увернуться от грозящей опасности.

Потом мы помчались по широкой и удивительно пустынной бетонке, а стрелка спидометра держалась где-то на ста пятидесяти.

— Стив,— выдохнула мисс Фарроу,— человек, которого вы сбили...

— Когда я скрылся из вида, он был уже на ногах,— сказал я твердым голосом.

— Я знаю,— проговорила она, повернувшись.— Я проникла в его мозг. Его не задело. Боже! Против чего мы идем?— ее голос поднялся до визга.

— Я точно не знаю,— сказал я.— Только думаю, что делать дальше?

— Но, Стив, что мы можем сделать?

— Поодиночке или вдвоем — очень мало. Но мы можем убраться подальше от этого хайвея и убедим четвертого, пятого, пятнадцатого, тысячного. А потом мы вновь выползем на сцену,

в то время как громадные колеса продолжат свое медленное и неизменное вращение.

— На это уйдет время.

— Конечно. Но мы попробуем. Посмотрим, сколько времени угробим на первый раз.

— Но чего они хотят?— спросила она.

«Этого я сказать не могу. На многие «как», «где» и «почему» у меня нет ответа. Но знаю, что мы уже завязли в этом деле, и отступать поздно»,— подумал я.

Можно было бы попробовать на Торндайке, он бы поверил, если бы мы его нашли. Еще неплохо бы вызвать ФБР. Ту группу, что вышла на меня. Парочку хладнокровных типов, которые, казалось, были способны просеять миллионы тон песка, чтобы найти один нужный уголек. Они бы выслушали. Я...

Мисс Фарроу взглянула на свои часы. Я прощупал их прежде, чем она проговорила:

— Одиннадцать часов.

— Вызовете?— спросила она.

— Нет,— сказал я.— Слишком поздно. Это ведь Нью-Йорк и ФБР. Группа не будет готова тут же взяться за дело.

— Ну и?

— Я не собираюсь, набрав номер ФБР, произнести: «Вы готовы?» Тут между вопросом и ответом пройдет восемь часов. Слишком многое может случиться с нами за это время. Но если я вызову их утром, мы, может быть, продержимся до их прибытия, если остановимся в каком-нибудь многолюдном месте. Дошло?

— Звучит вполне резонно.

На том и порешили. Я прижал педаль газа к самому полу и не раз превысил скорость, пока не оказался в Денвере.

Мы въехали в Денвер примерно в полночь и немного поплутали, пока не обнаружили гостиницу, которая подошла нам во всем. Она была достаточно большой, что затрудняло открытые действия «врага», и к тому же мертвой зоной, которая препятствовала чтению мыслей, пока мы спали, и мешала нам предпринять какие-нибудь контрмеры.

Посыльный одарил нас злобным взглядом, когда мы зарегистрировались порознь, но я разрешил ему думать все, что заблагорассудится. Лучше пусть думает хуже, чем есть на самом деле. Он прошествовал в комнату мисс Фарроу на девятом, в расчете на хорошие чаевые — не за службу, а за то, чтобы оставить нас одних, демонстрируя, как он может допечь, если его хорошенько не подмазать. Наконец, он устал выдвигать ящики, проверять лампочки и поправлять полотенца и проводил меня на двенадцатый. Я выдворил его с пятью монетами в кулаке и с еще большей злобой в глазах.

Если он ожидал, что я спущу его по ступеням, как только он появится у слухового окна, то жестоко ошибался — я упал как подкошенный и в первый раз за последние несколько недель забылся глубоким сном, не нарушаемым судорожными кошмарами и мучительной бессонницей. Теперь, имея под ногами твердую

почву, я мог среди кипения страстей наметить какие-то конкретные действия.

Я попросил разбудить меня в восемь часов, но сон оказался таким глубоким и крепким, что очнулся уже в семь тридцать. Торопливо оделся, побрился и, решив отложить восьмичасовый звонок, набрал номер и попросил телефонистку соединить меня с 913. Трубка взревела грубым, злым мужским голосом, я рассыпался в извинениях, но парень грохнул трубкой так сильно, что у меня зазвенело в ушах.

Я зло теребил рычажок аппарата и, когда телефонистка ответила, выговорил ей за ошибку. Она выслушала мои претензии и потом проговорила умоляющим голосом.

— Но я вызвала 913, сэр. Я попробую снова.

Я хотел сказать ей, чтобы попробовала без всяких «снова», но не стал. Постарался мысленно пробиться через мрак к ее пульту, но не смог продвинуться и на фут в этой зоне. Я едва дождался, пока она установила связь на своем пульте и на другом конце провода раздался гудок. Потом тот же голос, похожий на рев быка, изверг массу точных сведений о людях, звонящих честным гражданам среди ночи, и потом в середине моих извинений вновь повесил трубку. Я остался ни с чем и потребовал соединить меня с регистратурой. Ей и высказал свои претензии.

— Одну секундочку, сэр,— проговорил клерк, через полминуты он отозвался снова:

— Простите, сэр. Но у нас не значится никаких Форроу. Может, я не расслышал.

— Да нет же, черт побери,— взорвался я.— Фарроу. Ф — Фрэнк, А — Артур, два Р — Роберт, О — Оливер, У — Уолтер. Я увидел регистр, проследил за стрелкой, остановившейся на комнате номер 913, и увидел, что она занята. Потом тот же механизм проводил меня к моей комнате 1224 на двенадцатом.

Наступила мертвая тишина. Затем он сказал:

— Вас зовут мистер Корнелл. Зарегистрированы в комнате 1224 прошлой ночью приблизительно около четырех минут пополуночи.

— О себе я все знаю. Это именно я. И если вы меня зарегистрировали около четырех минут пополуночи, то мисс Фарроу зарегистрировали около двух минут пополуночи, потому что чернила на ее карточке еще не просохли, когда я записывал свое имя. Мы прибыли вместе, мы путешествуем вместе. И что теперь?

— Я не знаю, сэр. У нас нет постояльцев с именем Фарроу.

— Посмотрите получше,— огрызнулся я.— Неужто у вас нет никого по имени Фарроу?

— На регистрационном столе передо мной — никого. Может быть, в прошлом...

— Оставьте прошлое. Что за тип живет в 913?

Регистратор обернулся и проинформировал меня холодно:

— Комната 913 занята мистером Горацио Вестфилдом более трех месяцев. Ошибки быть не может.— Его голос звучал

профессионально дружелюбно, и я понял, что он забудет мои претензии, как только его телефонная трубка ляжет на рычаг.

— Оставим,— оборвал я в сердцах. Потом прошел к лифтам, двигаясь, словно в полусне. В глубине моего желудка начал формироваться холодный и тяжелый ком. Спина покрылась испариной, и пот начал капать с лопаток ледяным градом, бить по спине в нескольких дюймах над поясом. Лицу стало холодно, но когда я провел по нему ладонью трясущейся руки, то обнаружил, что оно покрыто липким потом. Все вокруг стало чудовищно жутким.

— Девятый,— сказал я лифтеру далеким хриплым голосом.

«Может, это просто такой яркий и живой сон,— подумал я,— и стоит мне вернуться в свою комнату, как все пойдет по-старому?»

Лифт замер на девятом, и я вошел в тот же коридор, что и прошлой ночью. Я постучал в дверь комнаты 913.

Дверь отворилась, оттуда высунулась громадная небритая горилла и проревела:

— А, опять этот упрямый зубчик?!

— Послушайте,— сказал я терпеливо,— прошлой ночью в этом отеле зарегистрировалась моя приятельница и я проводил ее в этот номер, 913. Сейчас...

Вылезла длинная обезьянья лапа и сгребла меня за лацканы пиджака. Он дернул, и я влетел внутрь. Дыхание у него было гнилое, глаза налились кровью, и он был чрезвычайно зол. Другой рукой он схватил меня за зад и втащил в комнату, словно барахтающуюся муху.

— Приятельница,— взревел он,— здесь вообще нет никаких женщин, видишь?

Он закружил, сорвал меня с места, сделал резкий выпад вперед и повалил меня на кровать, пружины которой глубоко вжались под моим телом и швырнули меня обратно, размазав по противоположной стене. Я приземлился, шмякнулся о стену и медленно соскользнул на пол с громким хлюпом. Не успел я собраться с силами и духом, как он одним громадным прыжком перелетел через кровать и вновь сгреб меня за лацканы пиджака. Вторая рука отошла на уровень плеча и напомнила двадцатипятифунтовый мешок муки и, верно, такой же тяжелый, как мешок цемента.

«Стив,— сказал я себе,— на этот раз ты влип».

— Ладно,— сказал я извиняющимся тоном.— Я допустил большую ошибку. Извините. Я даже допускаю, что вы можете вытереть мною весь отель. Но неужели вы до этого дойдете?

Умственный процесс мистера Горацио Вестфилда не отличался особой медлительностью и неповоротливостью. Он протекал так же быстро, как и физические действия. Он отвесил несколько комплиментов моему благоразумию, моему воспитанию, моим родителям и их законным правам и моему страху перед настоящим противником. Перечисляя мои достоинства, он выволок меня к двери и открыл ее. Он закончил лекцию, возвестив, что в будущем я никогда не достигну того, что

регистратор гостиницы назвал бы Истинным Благосостоянием, и что, если у меня еще остались какие-то сомнения, то можно обратиться в полицию. Потом он меня вышвырнул вон. Я вновь пролетел холл, расплющился на стене, повиснув в ожидании, пока не иссякнет кинетическая энергия. И когда дверь комнаты 913 захлопнулась с диким грохотом, я приземлился на разбитые колени.

Я проклял привычку строить гостиницы в мертвой зоне, хотя тут же отметил, что любой отель в открытой зоне оставил бы без внимания. Но мне нужна была открытая зона или экстрасенсорное восприятие, чтобы понять, что комната 913 была лишена отдаленного намека на присутствие женщины. Собственно, несмотря на животную силу и изрядную мускулатуру, мистер Горацио вряд ли вообще когда-либо принимал в этой комнате женщин.

Было еще одно объяснение: возможно, тут не обошлось без содействия дьявольских сил, сотворивших накануне вечером комнату, казавшуюся давным-давно занятой весьма неприятным субъектом. Ведь сопутствующий им запах серы можно уловить в любом порядочном отеле. Но только удивительно, что общего у них с такой беззаботной пташкой, как Горацио Вестфилд?

Поэтому я пришел к неутешительному выводу, что 913 комната никогда не принадлежала сестре Фарроу, и все-таки не удивился, что она напрочь исчезла из здания.

Я не стал вызывать лифт, воспользовался лестницей и спустился на восьмой. Мое восприятие было не настолько сильным, чтобы оперировать им в этом мраке, но мысленно я представлял образ медсестры Фарроу достаточно хорошо, и если бы она оказалась где-то поблизости, уловил бы ее след даже в таком мертвом пространстве. Я прислонился лбом к двери 813, я бы уловил хоть какой-то ее след. Поэтому я спустился в 713 и попытал счастья там.

Я решил испытать все тринадцать комнат каждого этажа, но когда прислонился лбом к двери 413, кто-то тихо подкрался ко мне со спины и спросил грубым голосом:

— И что вы здесь делаете, мистер?

По одежде он походил на частного сыщика, но, конечно, я не мог прощупать лицензию в его бумажнике, так же, как он — прочесть мои мысли.

— Это тебя не касается, косолапый,— сказал я,— проваливай. Я разыскиваю друга.

— Лучше пройдемте со мной,— сказал он спокойно.— А то будут жалобы.

— Да,— взорвался я.— Может, я сам подам одну.

Я плюнул, и он улыбнулся. Это была каменная улыбка, безжизненная, как трещина в стене. Он хранил на лице профессиональную улыбку, пока мы достигли кабинета заведующего. Тот отсутствовал, но за его столом сидел один из помощников. Маленькая табличка на столе гласила: «Генри Уэлтон. Заместитель заведующего».

— Кажется, вас что-то беспокоит, мистер Корнелл?— спросил он холодно.

Я решил плясать от печки.

— Прошлой ночью я приехал в отель,— осторожно объяснил я.— Со мной была женщина, сиделка по вызову мисс Глория Фарроу. Она зарегистрировалась первой, и один из ваших служащих проводил ее в 913, а меня в 1224 комнаты. Я последовал за мисс Фарроу в 913 и видел, как она вошла. Потом служитель проводил меня в 1224 и оставил там на ночь. А утром я не нашел и следа мисс Фароу в этом блоховнике.

Он ощерился было на это определение, но быстро опомнился.

— Можете быть уверены, что никто из служащих отеля не собирался вводить вас в заблуждение, мистер Корнелл.

— Я по горло сыт уже этой игрой,— проревел я.— Я, конечно, принимаю ваши заверения, но кто-то же виновен, что подменил регистрационный лист.

— Не горячитесь,— ответил он спокойно.— Фальсификация или подмена регистрационной книги отеля противозаконны. То, что вы говорите, это ложь и клевета, понятно?

— А если это правда?

Я почти ожидал, что Генри Уэлтон пойдет на попятный, но вместо этого он только продолжал сверлить меня глазами с таким отвращением, как будто обнаружил волосатых гусениц в тарелке с зеленым салатом. Холодно, являя собой глыбу искусственного льда, он проговорил:

— Вы можете это доказать, мистер Корнелл? После того, что вы рассказали нам сегодня утром, я решил ненавязчиво расспросить о вас ночную смену.— Он нажал кнопку, вошла целая компания и выстроилась в ряд, словно солдаты на поверке.— Мальчики,— сказал спокойно Уэлтон.— Вы можете рассказать о приезде мистера Корнелла сегодня ночью?

Они кивнули в унисон головами.

— Минуточку,— огрызнулся я.— При допросе мне понадобится надежный свидетель. Собственно, если можно, мне хотелось бы выслушать их показания под присягой.

— Вы хотите выдвинуть официальное обвинение? Может, похищение малолетних или незаконное содержание?

— Мне нужен только беспристрастный свидетель,— раздраженно сообщил я.

— Отлично,— он поднял трубку и что-то сказал. Мы подождали несколько минут, и наконец вошла очень чопорная молодая женщина. Она шла за одетым в форму полицейским. Она внесла миниатюрную неслышную пишущую машинку и привычным движением водрузила ее на подставку.

— Мисс Масон, наша дипломированная государственная стенографистка,— проговорил он.— Офицер, я хотел бы, чтобы вы заверили копию, когда мы кончим. Это обычное дело, но все должно быть по закону для удовлетворения мистера Корнелла. А теперь, мальчики, вперед, поставим точки над «и». И назовите сначала для мисс Масон свое имя, фамилию, должность и положение.

Это было сделано, и тут я отметил, что ночная смена уже расположилась в хронологическом порядке. Первым выступил пожилой агент. Он был ночным швейцаром, но теперь содрал золотые адмиральские аксельбанты и выглядел не лучше любого другого человека преклонного возраста, которого постоянно клонит ко сну.

— Джордж Комсток,— начал он,— швейцар. Как только я увидел машину, сворачивающую к подъезду, я нажал кнопку звонка и вызвал посыльного. Прибежал Питер Райт и стал, выжидая, пока машина мистера Корнелла не остановилась у тротуара. Следом за ним вышел Джонни Олсон и, пока Питер занимался багажом мистера Корнелла, Джонни сел в его машину и отвел ее в гараж гостиницы...

— Пусть каждый говорит сам за себя. И не торопитесь, пожалуйста,— прервал его Уэлтон.

— Ладно, тогда выслушайте уже до конца. Джонни Олсон сел в машину мистера Корнелла. Питер Райт забрал багаж мистера Корнелла и последовал за Питером.

Повинуясь кивку заместителя заведующего, на полшага вперед выступил следующий в шеренге и сказал:

— Я Джонни Олсон. Я вышел из дверей за Питером Райтом и после того, как Питер забрал багаж мистера Корнелла, я сел в его машину и отвел ее в гараж.

Третьим был посыльный Питер Райт.

— Я поставил его багаж на стол и подождал, пока он зарегистрируется. Потом мы поднялись в комнату 1224. Я открыл дверь, зажег свет, открыл окно и туалет, мистер Корнелл дал мне пять долларов, и я оставил его одного.

— Я Томас Бус, лифтер. Я доставил мистера Корнелла и Питера Райта на двенадцатый. Питер велел мне подождать, потому что он ненадолго, и поэтому я подождал на двенадцатом, пока он не вернулся. Вот и все.

— Я Дорис Каспар, ночная телефонистка. Мистер Корнелл вызвал меня около пятнадцати минут первого и попросил разбудить его, позвонив в восемь часов утра. Потом он позвонил в семь тридцать и сказал, что уже проснулся.

— Так как, мистер Корнелл?— спросил Генри Уэлтон.

— Но...

Полицейский выглядел озадаченным.

— Что все это значит? Если меня позвали засвидетельствовать подобные показания, то я ничего не понимаю.

Уэлтон взглянул на меня. Я не знал, что ответить, но тем не менее сказал:

— Прошлой ночью я прибыл сюда с женщиной и мы зарегистрировались в разных номерах. Мы прошли в 913-й, я подождал, пока она устроится, а потом поднялся в свою комнату на двенадцатом. Сегодня утром она бесследно исчезла.

Я продолжил, упомянув еще кое о каких деталях, но чем больше я говорил, тем выше поднимались его брови.

— Вы что-нибудь пили?— спросил он резко.

— Нет.

— Точно?

— Абсолютно.

Уэлтон взглянул на свою команду.

— Да, казалось, он не был под градусом и твердо держался на ногах,— проговорили они хором и потом добавили еще кучу эпитетов, по которым выходило, что я был в дупель пьян, но по всему, не тот парень, по которому это видно с первого взгляда.

Полицейский тихо прыснул.

— А зачем с нами путешествовала эта медсестра?

Я выдал им удовлетворительные объяснения, что-то насчет случайности того, что я оказался на мели, и так далее. Собственно, я сделал это, чтобы доказать полицейскому, что у меня твердый характер. По его отношению было видно, что он считает, будто любой человек, путешествующий в машине с медсестрой-сиделкой, либо ненормальный, либо калека.

И тут меня осенило, я повернулся к Джонни Олсону.

— Вы видели мою машину?— спросил я его. После кивка Уэлтона он кивнул.— В моем автомобиле сколько угодно доказательств. Между тем, подумайте, офицер, как просто оказалось изобличить меня во лжи. Но тогда к чему было добиваться допроса при свидетелях, если я не уверен в собственной правоте? Я стоял за мисс Фарроу, когда заполняли и подписывали регистрационный лист. Очень жаль, что в отеле завели регистрационные карточки вместо старых регистрационных книг. Карточку очень просто подменить или перепутать...

— Если это обвинение, я склонен был бы услышать его в суде, и по всем правилам,— зло оборвал Уэлтон.

Полисмен казался невозмутимым.

— Скажем проще, мистер Корнелл. Ваша история не столь нелепа. Но служащие отеля сменялись один за другим. И по записям явствует, что вы постоянно были на глазах по крайней мере двух человек с того момента, как ваша машина подрулила к главному входу, и до того момента, как вы оказались в своей комнате.

— Вы обвиняете меня в похищении!— вставил помощник заведующего.

— Вы обвиняете меня в умственной неполноценности!— проревел я.— С какой стати нам ходить вокруг да около, ища виноватых, когда проще вам рассказать все начистоту.

Мы мрачно уставились друг на друга. Атмосфера накалялась. И только один полицейский и дипломированная стенографистка, едва касавшаяся беззвучных клавишей пишущей машинки, невозмутимо ловили каждое слово.

Потом наступила тишина, которую прервал вернувшийся Олсон.

— Ваша машина подана,— зло бросил он.

— Прекрасно,— сказал я.— Выйдем и посмотрим. Там вы отыщете сколько угодно следов мисс Фарроу. Офицер, вы телепат или эспер?

— Эспер,— сказал он,— но не здесь.

— На сколько простирается эта чертова мертвая зона?— спросил я Уэлтона.

— *До середины тротуара.*

— Отлично. Тогда пошли.

Они двинулись к дороге. Мисс Масон вынесла свою маленькую молчунью, вытянула повыше подставку, так, чтобы можно было записывать стоя. Мы встали вдоль обочины, и я, торжествуя, заглянул в свою машину.

И тут моя спина вновь покрылась холодным потом. Машина сверкала и блестела чистотой. Ее вымыли, выскоблили и отполировали, пока она не стала как новая, словно только что сошла с подмостков магазина.

Уэлтон выглядел озадаченным, и я хлестнул его мыслью:

«Чертов телепат!»

Он слегка кивнул и сказал тихо:

— Я очень извиняюсь, но мы не можем найти здесь каких-либо отпечатков пальцев,— тут он повернулся к полицейскому и продолжал:— А мистер Корнелл станет обвинять нас в том, что мы умышленно вымыли его машину, чтобы скрыть улики. Однако можете узнать у начальника охраны отеля, что мойка машины является здесь обычной услугой. Короче, если кто-либо из гостей ставит машину в наш гараж и его машина не выглядит как с иголочки, в ней обязательно наведут лоск.

Вот так-то. Я быстро огляделся, так как пора было сматываться. Если я останусь и начну приводить еще какие-нибудь аргументы, из меня сделают отбивную котлету. Я не сомневался, что весь персонал гостиницы причастен к исчезновению медсестры Фарроу. Но они провели свою работу так, что если бы вопросы били не в бровь, а в глаз, мне пришлось бы выдержать официальную атаку, острием которой было бы обвинение в убийстве и сокрытии трупа.

Поэтому я открыл дверцу и скользнул внутрь. Я покопался в так называемом ящичке для перчаток и открыл его, карты были сложены в одну кучу, а все пометки начисто стерты. Я покопался внутри, уронил парочку карт на пол и, поднимая их, повернул ключ зажигания, который Олсон оставил в машине.

Отчаянно скрипя шинами, я сорвался с места.

Послышался пронзительный звук полицейского свистка, который вдруг как обрезало. Завернув за угол, я едва заметно прощупал свои тылы. Команда вернулась в отель. Я не верил, что полицейский был вовлечен в их заговор, но мог поспорить, что Уэлтон сунул полисмену пачку хороших сигарет, чтобы тот помог им избавиться от весьма неуживчивого клиента.

Колорадо все еще оставался тем местом Соединенных Штатов, где любой человек мог пойти в магазин и спокойно купить себе револьвер, словно обыкновенные грабли или лопату. Я выбрал Бонанзу 375, потому что он был достаточно маленький, чтобы уместиться в заднем кармане, легким из-за новинок, позволяющих не стеснять себя в движениях, и обладал убойной силой, способной остановить разъяренного гиппопотама. Я не

знал, способен ли он продырявить макстромову шкуру, но, по крайней мере, от его удара любая мишень шлепнется наземь и измажет свои панталоны.

Затем я покатил в Вайсмин, достиг Йеллоустона и в один прекрасный день оказался на той самой дороге, что была изображена на открытке Торндайка. Я смело, во всеоружии поехал дальше и увидел дорожные знаки, которые вывели меня к цели — к неизменной сломанной перекладине. Она указывала на какое-то напоминающее ферму хозяйство, расположенное посреди мертвой зоны. Я осторожно осмотрел его, не решаясь двигаться дальше, в мои планы вовсе не входило ломиться в дверь, словно жалкий коммивояжер.

Вместо этого я проехал до следующего города, в двадцати милях дальше по дороге. Достиг его я уже в сумерках. Я остановился перекусить в баре, наблюдая картину движущегося шоссе, и затем отправился обратно. Имя, которое я углядел на почтовом ящике, было «Маклин».

Теперь я, не сворачивая, остановился у обочины автострады милях в трех, прикинув, что только псиранга доктора могли нащупать что-то на таком расстоянии. Я решил, что вряд ли там есть подобный гигант мысли.

Я проделал свой путь к ферме через поля и покатые холмы. Я простер свое восприятие как можно дальше, став предельно чувствительным, ощупывал землю фут за футом, искал следы, настораживающие линии, отпечатки и контуры тех, кто лежал, поджидая меня в засаде.

Никакой ловушки или ее следов на всем пути до мертвой зоны я не заметил.

Возможно, они знали о моем присутствии и спокойно поджидали, пока я попаду к ним в лапы в сердце зоны, поэтому я был очень осторожен, когда, осмотрев окрестности, решил проникнуть внутрь, там, где неровная граница зоны ближе всего подходила к дому.

Вошел и совершенно пси-ослеп. Звезды давали достаточно света, чтобы не угодить в кротовую нору или обо что-нибудь не споткнуться, но через несколько ярдов все слилось в кромешной мгле и стало совершенно черным. Вокруг царила мертвая тишина, слышался лишь легкий шорох ветра в ветвях деревьев.

Чувствительности хватало не дальше, чем видели глаза. Я шел все глубже в зону, утратив последние способности восприятия. Зондировал тьму, словно тыча пальцем в висящее шерстяное одеяло. Она отступала, когда я силился проникнуть как можно глубже в каком-нибудь направлении, но стоило мне снять давление, тьма тут же возвращалась на прежнее место.

Я пригнулся и, пройдя несколько шагов по зоне, нашел место, где проглядывали контуры дома.

Темный, безмолвный, он казался необитаемым. Неплохо бы, если б в колледже читали курс о взломах, кражах и тому подобных операциях. Я продвигался очень медленно. Чуть ли не полжизни прошло, пока я перебрался через перила задней террасы, короткие волоски на моей шее стали дыбом. В любой

момент они могли открыть окно, вытянуть грабли и превратить меня в кровавое месиво.

Зона действительно казалось мертвой, моего восприятия хватало не более чем на шесть дюймов от лба. Может быть, Стив Корнелл, прижимавший лоб к окну, был смешон и забавен, но только не сейчас.

Правда, я обнаружил, что оконная рама не заперта и створку можно было открыть снаружи.

Я вошел в столовую. Внутри было темно, как в пропасти.

Следуя интуиции и инстинкту, я пересек столовую и ухитрился без особого шума пробраться в коридор. Там я остановился и спросил себя, а чего, собственно, я добиваюсь. Пришлось согласиться, что конкретного плана у меня нет. Я прокрался сюда за информацией, которую удастся обнаружить.

За холлом находилась библиотека. По-моему, можно много почерпнуть об обитателях дома, осматривая их библиотеку, и потому я принялся рассматривать корешки книжных рядов.

Судя по библиотеке, эта семья славилась широтой интересов. Там было все: от научной фантастики до Шекспира, от философии до приключений. Короткий ряд детских книжек. Библия, Британская энциклопедия. Но никаких намеков на какое-то особое пристрастие.

Я нащупал ступени и стал очень медленно подниматься. На третьем шаге я понял, что был не прав. Какие бы чувства они ни испытывали, вряд ли стали бы устраивать ловушки в своей нижней библиотеке.

Что-то не вязалось все это с образом взломщика, набившего мешок в кабинете, или убийцы, притаившегося с оружием за камином.

Однако у всех есть бумаги и вещи, которые не стоит показывать первому встречному. И если их не окажется на втором этаже, то придется спуститься в подвал. И уж если там меня не схватят, я прощупаю все это чертово логово дюйм за дюймом, по возможности включая те комнаты, где спят люди.

На пятом шаге что-то скрипнуло, пусть слабо, но прозвучало это так, будто вытащили гвоздь из деревянного ящика. Я замер, силясь различить хоть что-то, но осознав, что вокруг мертвая зона, оставил свои потуги. Многого здесь не добьешься. Правда, куда хуже пробовать это в свободной зоне.

Я продолжал подниматься, и когда моя голова оказалась на уровне пола, все стало снова пси-свободным.

Здесь, в доме, было так чисто и свободно, как я еще вообще не видел. Прямо на уровне второго этажа их мертвая зона исчезла и поверхность пола была чистой, яркой и сверкала, как днем. Я замер, уставившись на нее, и посвятил несколько минут разведыванию обстановки. Мертвая зона вздымалась над кровлей, теряясь из вида вне моей досягаемости, а из немногого, что я смог различить в темноте пси-зоны, я понял, что она напоминает по форме воздушное пирамидальное пирожное, за исключением центральной дыры, которая вела вниз. Только до первого этажа. Для дома такое было просто удивительно. Сохранение тайны гарантировалось на первом этаже, а на втором

было совершенно свободное пространство для близких родственников и друзей. Мертвая зона идеально соответствовала любой форме дома.

Тут я бросил воздавать по заслугам архитектуре и занялся своим делом, потому что дальше, прямо перед моим носом, я уловил знакомые черты медицинского кабинета. Я преодолел остаток лестницы и оказался во врачебном кабинете. Ошибиться было невозможно. Обычный кабинет, полный инструментов, столик для лабораторных анализов, полка маленьких пузырьков и мензурок и вдоль одной стены — целая библиотека медицинских книг.

Для полного порядка не хватало только таблички над дверью «Доктор С.П. Маклин».

В конце библиотеки лежала стопка больших тетрадей. Я вытащил несколько и поднес к лицу. Мне не понадобился свет, поскольку я был эспер.

Но даже в открытой зоне они сказали мне очень мало. Ясновидение не то, что зрение, объяснить это — все равно, что сравнить печатное слово и зигзаги зеленой змейки осциллографа. Экстрасенсорное восприятие дает возможность уловить форму и суть вещей и их взаимосвязь с другими вещами. Это словно обозревать предмет сразу со всех сторон, если, конечно, такое можно себе представить. Это относится и к записям, тетрадям, дневникам, я должен читать их буква за буквой, прощупывая след чернил на странице, а если у парня к тому же отвратительный почерк, то тогда совсем дохлый номер — все равно, что письмо написано по-латыни. Если же почерк четок или как-то стилизован, дело идет на лад, или если там говорится обо мне, становится вообще проще некуда. Но как только...

— Что вы ищете, мистер Корнелл?— холодно спросил голос, пронизанный едким сарказмом. В тот же миг вспыхнул свет.

Я повернулся, схватился за задний карман и тут же шлепнулся на колени. Дуло моего 375 уставилось на затянутое в шелк изваяние.

Она стояло надменно и лениво, что было ей совсем не свойственно. Она была безоружна. Мои чувства предупредили бы об опасности, если бы она вышла ко мне с каким-то оружием, даже если бы я увлекся чтением заметок.

Я встал, повернулся к ней лицом и наскоро охватил ее тело своим восприятием. Она была макстромом, и это меня не удивило.

— Я, кажется, нашел, что искал,— сказал я.

Она чуть скорбно кивнула.

— С чем вас и поздравляю, мистер Корнелл.

«Телепат?»

— Да, и неплохой.

«Кто еще проснулся?».

— Пока только я,— ответила она спокойно.— Но я хочу позвать остальных.

«Лучше не надо, сестричка».

— Не будьте идиотом, мистер Корнелл. Надо или не надо, а вы уберетесь из этого дома или я вас заставлю.

Я быстро облетел своим восприятием весь дом. Двое пожилых людей почивали в передней комнате. За ними спал одинокий мужчина, на двухъярусных кроватках в спальне, примыкающей к холлу,— двое подростков. Дальняя комната, наверное, принадлежала ей, постель была смята, пуста. В следующей за медицинским кабинетом помещался человек, весь стянутый шинами, белыми бинтами и сплошь увешанный гирляндами крошечных скляночек, в которых находилось все что угодно, начиная от крови и плазмы и кончая водой и жидкостью для смазки суставов. Я попытался разглядеть лицо под бинтами, но понял только, что оно наполовину из макстромовой ткани.

— Он болен Макстромовой,— сказала спокойно мисс Маклин.— На той стадии, когда отключается сознание.

— Наверняка один из ваших дружков,— почти прорычал я.

— Не совсем,— сказала она.— Позвольте заметить, что это бедный больной человек, который умер бы, не поставь мы вовремя диагноз.

Тон и выражение ее голоса взвинтили меня окончательно, видно, она считала себя настоящим благодетелем человечества и полагала, что ее приятели помогут чем-то бедолаге, что подхватил Макстромову, раз утверждает, что они вовремя узнали об этом.

— Правильно, мистер Корнелл.

— Кретины,— просипел я.

— Стоит ли обсуждать мои слова?— спросила она с издевкой.

Я гневно окинул ее взглядом и почувствовал, как моя рука сжала пистолет.

— У меня есть причина быть подозрительным,— сказал я ей голосом, который, как я надеялся, звучал на ее манер.— Потому что за последние полгода люди исчезают без всякого следа, карты вам спутало лишь то обстоятельство, что я находился где-то поблизости. И ко всему прочему здесь замешаны еще ваши тайные общества и Макстромова болезнь.

— К несчастью,— добавила она спокойно.

Я едва удержался от крика.

— К несчастью?— и потом добавил, справившись с голосом:— Люди умирают от Макстромовой, потому что вы держите в секрете лекарство, и мне пришлось бросаться от вехи к вехе, чтобы...— я запнулся, потому что действительно не знал, зачем.

— К несчастью, вы по уши завязли в этой истории,— сказала она сурово.— Потому что...

— К несчастью для всех,— выпалил я.— Потому что я собираюсь раскрыть это дело, предать его гласности.

— А я и не боюсь. И когда вы решите уйти отсюда, то поймете, что не можете, пока я не позволю.

— Мисс Маклин,— огрызнулся я,— у ваших макстромов твердые тела, но неужели вы думаете, что они устоят перед свинцом?

— Вряд ли когда-нибудь вы это узнаете, мистер Корнелл.

Видите ли, мистер Корнелл, у вас не хватит мужества спустить курок.

— Нет?

— Нажмите,— сказала она.— Или признайтесь, что вы уже не в том возрасте, когда уверены, что сможете обмануть телепата.

Я взглянул на нее смущенно, потому что она была права. В ней чувствовалась сила, которая держалась на ее слабости: я не мог нажать курок и вогнать 0,375 дюйма свинца в это твердое, покрытое шелком изваяние.

Слегка изменив цель, я нажал на курок, и 375 Бонанза грохнул со звуком атомной бомбы в телефон, свинец просвистел между ее рукой и телом и высверлил кратер в пластике за ее спиной.

Грохот поколебал ее надменность. Краска сбежала с ее лица, она бессознательно отшатнулась. У меня хватило времени заметить, что хотя тело ее было твердым, как хром, нервная система оставалась человеческой и достаточно чувствительной, чтобы поддаться внезапному шоку. Прямая и белая, она напряглась и подавила крик, приложив изящную, но твердую, как сталь, руку к своему рту.

Потом я прощупал жильцов, они сорвались с насеста, будто вымуштрованная команда пожарных по сигналу тревоги. Они появились на пороге кое-как одетые в следующем порядке: парень двадцати двух — двадцати трех лет, влетевший в комнату диким галопом и оторопевший с яростным криком под дулом 375 калибра с тонкой струйкой дыма, все еще тянувшейся из жерла.

Парочка четырнадцатилетних близнецов, которые обратились бы в бегство, если бы не замерли перед дулом.

Папаша и мамаша Маклин, которые живо, но без паники оказались на месте.

Наконец, мистер Маклин, прокашлявшись сказал:

— Могу я получить объяснения, мистер Корнелл?

— Я — крыса, которую загнали в угол,— сказал я веско.— И поэтому я боюсь. Я хочу унести отсюда ноги. И опасаюсь, что, если мне помешают, начну паниковать и причиню кому-нибудь вред. Понятно?

— Само собой,— сказал спокойно мистер Маклин.

— Вы дадите ему уйти?— просипел старший сынок.

— Фред, нервный человек, да еще с револьвером, очень опасен. Особенно если у него нет даже элементарных навыков профессионального взломщика.

Я не мог не восхититься спокойной самоуверенностью старого джентльмена.

— Молодой человек,— обратился он ко мне.— Вы делаете ошибку.

— Вряд ли,— отрезал я.— Я очень долго шел по следу чего-то таинственного и вполне определенного и теперь, найдя, что искал, не позволю этому продолжаться.— Я покачал пистолетом, и они все, казалось, смирились, за исключением мистера Маклина.

— Пожалуйста, опустите оружие, мистер Корнелл. Не добавляйте к своим преступлениям еще убийство,— проговорил он.

— Тогда не заставляйте меня прибегать к этому. Уйдите с дороги и дайте мне спокойно удалиться.

Он улыбнулся.

— Не нужно быть телепатом, чтобы объяснить вам, что вы не станете нажимать курок, пока вас не толкнут на это.— Он был настолько прав, что привел меня в бешенство.— К тому же вы уже истратили четыре пули в пустой комнате,— добавил он.— Вы уже не хотите прибегать к оружию, мистер Корнелл.

Что ж, я не стану пользоваться оружием. Теперь, при его словах, я вспомнил, что невозможно выпустить пулю без мысли о нажатом курке.

И говоря со мной, он имел в виду, что если я собираюсь устроить хорошую бойню, то в моем барабане осталось всего две пули, и даже одних близнецов было бы более чем достаточно, чтобы дюйм за дюймом разорвать меня на части, когда револьвер будет пуст.

— По-моему, вы слишком самонадеянны, мистер Корнелл,— сказал он с чарующей улыбкой.

— Ну, вы, вежливая свора...

— Прошу,— оборвал он резко,— моя жена не привыкла к подобным оскорблениям, дочь тоже, хотя, возможно, сын и близнецы знают достаточно выражений, чтобы ответить. Спокойнее, мистер Корнелл, давайте будем предельно вежливы. Одно неверное движение, и вы выстрелите, а это означает крах для всех нас. Одно ваша неверное движение, слово — и кто-то из нас обидится, исход будет фатальный. Давайте успокоимся и все обсудим.

— Что обсудим?— отозвался я.

— Условия мира. Или, скажем, перемирия.

— Согласен.

Он взглянул на семью, и я проследил за его взглядом. Мисс Маклин прислонилась к стене с чрезвычайно заинтересованным видом. Ее старший брат Фред стоял начеку, готовый в любой момент броситься вперед, но не вполне напружинившись для прыжка. У миссис Маклин на лице застыла обезоруживающая улыбка, которой она по неизвестной причине одарила меня. Близнецы стояли бок о бок, и на их лицах было написано замешательство, я прикинул, эсперы ли они или телепаты. Двойняшки бывают либо теми, либо другими, в зависимости от того, однояйцевые они или нет. Собственно, меня беспокоила их сила. Казалось, они смотрели на меня, как на бедную заблудшую овечку, которая забрела к ним на огонек, после того как долго ошивалась в дурной компании. Они напоминали мне Харрисонов: они отвечали и выглядели так же приветливо и дружелюбно, когда я искал там Катерину.

Вот кого я действительно хотел бы увидеть, так это Катерину.

И тут до меня дошло, что второе, чего я желаю, так это обрасти макстромовой плотью, стать суперменом.

— Думаете,— сказала мисс Маклин,— это возможно?

— Невозможно? Чего достигли вы, мне не суждено.

— Это болезнь,— спокойно ответила мисс Маклин.

— Прекрасно,— взорвался я,— и где же мне подцепить ее?

— Вы подцепите ее так или иначе или не подцепите совсем,— сказала она.

— Тогда слушайте,— начал было я, но мистер Маклин остановил меня, подняв руку.

— Мистер Корнелл,— сказал он,— мы очутились в очень затруднительном положении, тщетно стараться убедить человека в предвзятости его мнения. Мы не в силах представить прямых доказательств нашим утверждениям. Единственное, что мы можем,— рассказать вам, что нам известно о Макстромовой болезни, но никто из нас инфекцию себе специально не прививал.

— Так я вам и поверил!

— В этом-то и соль. Мы не в силах привести никаких доказательств. Мы только можем ссылаться на свою честность, правдивость, доброту, гордость, альтруизм и тому подобные качества. Говорить до второго пришествия и ничего не добиться.

— Тогда чего же вы добиваетесь?— спросил я.

— Надеемся заставить вас усомниться в своих взглядах,— сказал он.— Спросите себя: с какой стати такая группа, как наша, должна предоставлять вам какие-то доказательства.

— Хорошо... Но все равно ничего не понимаю.

— Вот именно,— рассмеялся он.— Конечно, нет.

— Послушай, па,— прервал Фред Маклин,— чего мы цацкаемся с этим типом?

— Потому что, я надеюсь, мистер Корнелл попробует взглянуть на все это с нашей точки зрения.

— А не жирно?— огрызнулся я.

— Пожалуйста, поскольку я старше, не тратьте попусту мое время. Вы пришли сюда раздобыть какую-то информацию, и вы ее получите. Хотите верьте, хотите нет, но будет именно так, она западет в какой-нибудь темный уголок вашей памяти и потом при случае выплывет наружу, и вы все обдумаете, сравните, взвесите. Вам как инженеру-механику проще подойти к тому, что мы, гуманитарии, называем «бритвой Оккама».

— Закон наименьшего воздействия,— сказал я автоматически.

— Что?— переспросила миссис Маклин.

— Я прочла в мозгу мистера Корнелла, мама,— проговорила мисс Маклин.— Закон наименьшего воздействия можно представить так: если нагреть ведро бензина, смешанного с древесными опилками, есть определенная вероятность, что бензин займется первым, ибо он легче возгорается, то есть склонен к наименьшему воздействию.

— Правильно,— сказал я.— Но как это применить ко мне?

— Просто ваше предчувствие насчет Катерины оказалось верным. Во время аварии у нее открылась ранняя форма Макстромовой болезни. Харрисонам пришлось забрать ее, чтобы спасти от смерти. Сейчас, оказавшись по другую сторону истории,

мы можем проследить ваши мытарства. Катастрофа для некоторой группы лиц стала просто судьбой. В результате в руках медиков оказался человек, в чей разум могли незаметно подсадить ненавязчивый интерес к странным дорожным знакам и прочим удивительным уликам. В итоге вы отправляетесь в это путешествие.

Звучало вполне логично, но тут же возникла масса вопросов, друг с другом не связанных.

— Давайте, мистер Корнелл, немного отвлечемся,— продолжал мистер Маклин.— Как вы относитесь к Макстромовой болезни?

— Ну, здесь просто. Это было проклятием для человеческой расы, за исключением тех нескольких групп, которые, знали как ее лечить. И, раз излечившись из так называемых жертв, они сразу становились настоящими суперменами. Что сдерживало восторг и ликование — так это число неудачников, которые подхватили чуму и умерли в мучениях или в ужасе, без помощи и сострадания.

Он кивнул, когда я был еще на полпути к выводам, а в душе уже протестовал против них.

— Мистер Корнелл, вы возомнили, что ваша судьба в чьих-то руках. Вы чувствуете, что человеческая раса смогла бы извлечь выгоду из Макстромовой болезни.

— Возможно, если все будут помогать друг другу и работать вместе.

— Вместе?— спросил он лукаво. Я вновь затосковал о возможностях телепата и понял вдруг, что хожу вокруг да около только потому, что всего лишь эспер и не способен окончательно узнать правду. Я замер, как столб, и постарался подумать.

Тут меня осенило. Ведь есть люди, которые терпеть не могут диктатуру, и есть люди, которые не выносят демократии, в любом сообществе вроде человеческой расы найдутся обделенные богом души, которые плевать хотели на остатки человечности. Они стремятся к диктатуре, и если не достигнут цели, борются до тех пор, пока не придет к власти новая диктатура, та, где они могут взять верх.

— Верно,— сказал мистер Маклин.— И все же, если они осуществят свои замыслы, сколько продержатся?

— Недолго. Пока у них хватит сил сохранять популярность.

— Вернее, пока у них хватит сил благодетельствовать другим, чьи умы распалены ими. Так что теперь, мистер Корнелл, я считаю, вы примете этот явный набор слов, чтобы использовать в споре с самим собой: мы представляем две группы, одна пытается установить иерархию макстромов, в которой остаткам человеческой расы отводится роль дровосеков и водоносов. В противовес ей существует другая группа, которая просто считает, что ни один человек, ни один конгресс не имеют права терзать и пинать человека, которому судьбой даровано тело супермена. Мы не собираемся сторожить сторожей, мистер Корнелл, и не хотим взваливать на свои плечи, что вам выбрать как более подходящее. Подумайте об этом на досуге.

— На досуге,— хмыкнул Фред Маклин.— Не собираешься же ты...

— Вот именно,— твердо сказал его отец,— мистер Корнелл может оказаться именно тем агентом, посредством которого мы сможем победить.— Потом добавил, обращаясь ко мне:— Ни одна группа не раскроется; мистер Корнелл, мы не вправе обвинять другую группу в какой-то нечистоплотности, как, впрочем, и она нас. Их метод нападения заключается в том, чтобы навести вас на наш след, помогая группе тайного руководства, занимающегося производством супермэнов.

— Послушайте,— спросил я его,— а почему бы и нет? У вас нет за душой ничего дурного?

— Подумайте о тех миллионах людей, которые не учились в школе дальше подготовительных классов,— сказал он,— людей со скрытыми пси-способностями и не получивших должной тренировки, или тех бедолагах, которые вообще лишены пси-способностей. Вы знаете историю института Райна, мистер Корнелл?

— Довольно смутно.

— На заре работы Райна в Герцогском Университете над ним все смеялись. Насмешники-зубоскалы, разумеется, были людьми с наименьшими пси-способностями. Стоит заметить, что раз пси-способности оставались скрытыми, они иногда все же давали о себе знать. Но после Райна его сторонникам удалось подтвердить его теорию и, вероятно, разработать систему тренировок, развивающих пси-способности. Потом, мистер Корнелл, те, кому суждено было родиться с высокой способностью телепата и эспера-ясновидца, как обычно говорят сами эсперы, потому что ничего экстраординарного и сверхъестественного в ясновидении нет,— обнаружили, что люди, лишенные этого тонкого чувства, их постоянно ненавидят и подозревают. Прошло не менее сорока-пятидесяти лет, пока рядовой обыватель смог воспринимать телепатию и ясновидение, как опытное ухо музыку или опытный глаз живопись. Пси — это талант, которым в той или иной мере владеет каждый, и сегодня его воспринимают почти без злобы и недоразумений.

— А теперь посмотрим,— продолжал он задумчиво,— что случится, если мы публично заявим, что перенесли Макстромову болезнь, став из несчастных жертв настоящими суперменами? Наш главный враг поднимет голову и завопит, что мы скрываем секрет, и ему поверят. На нас набросятся всей сворой, начнут преследовать и скорее всего прикончат, в то время как враг будет подбирать и выискивать жертвы, чьи взгляды сходятся с его собственными.

— И кто же он?— спросил я, хотя уже знал ответ. Просто мне хотелось услышать его вслух.

Он покачал головой.

— Я не скажу. Потому что не хочу обвинять его во всеуслышанье, как и он не сказал вам прямо, что мы подпольная организация, которую следует искоренить во что бы то ни стало. Он знал о наших хайвейцах и о нашем лечении, потому что сам

использует аналогичные средства. Он будет скрываться за своим положением, пока его не выведут на чистую воду, прижав к стенке прямыми уликами. Вы ведь знаете закон, мистер Корнелл.

Еще бы мне не знать закон. До тех пор, пока обвиняемый является в суд с чистым сердцем и по доброй воле — он в безопасности. А мистер Фелпс мог с полной уверенностью настаивать на обвинении, и с другой стороны, не мог привести против меня бесспорных прямых улик. Что же касается моего обвинения; я мог бы привлечь его как соучастника, а он тут же вызвался бы продемонстрировать не только какие-то доказательства, но и самые чистые, благородные намерения, короче говоря, старый фокус, когда подставляют другого, чтобы скрыть свое преступление, стал попросту невозможен в современном мире всеобщей телепатии. Закон, конечно, утверждает, что каждый подозреваемый может безбоязненно думать о чем угодно, если нет прямых доказательств его причастности к преступлению. Но как же туго придется свидетелю, если он начнет кривить душой, хотя само по себе это не будет еще преступлением.

— И еще,— сказал мистер Маклин,— представьте медика, которого нельзя профессионально квалифицировать, потому что он телепат, а не эспер. Он всей душой стремился стать ученым медиком, как его отец и дед, но его телепатическая способность не позволяет ему быть настоящим ученым. Доктором — пожалуйста, но ему никогда не получить полного образования, на высшем уровне. Такой человек чувствует себя обойденным и отвергнутым, становясь податливой глиной для теории суперменства.

— Доктор Торндайк,— воскликнул я.

Его лицо было безжизненным, как незаконченный бронзовый бюст. На нем не было ни утверждения, ни отрицания. Оно было наигранно невозмутимым. Так или иначе, а из него ничего не вытянешь.

— Так вот, мистер Корнелл, я дал вам пищу для размышлений. Я не указывал прямо, никого не выдавал. Просто я обезопасил себя, доказал свою невиновность. И тем не менее я надеюсь, что вы уберете свою пушку и освободите помещение.

Я вспомнил о Бонанзе 375, который все еще держал в руке, и стыдливо сунул его в задний карман.

— Но, пожалуйста, сэр...

— Не надо, мистер Корнелл. В любом случае я не раскроюсь полностью, чтобы избежать дальнейших неприятностей. Я перед вами извиняюсь. Не так-то легко быть пешкой. Только надеюсь, играть вы будете за нас и это пройдет для вас безболезненно. А теперь, пожалуйста, оставьте нас в покое.

Я пожал плечами. И оставил. А когда уходил, мисс Маклин коснулась моей руки и сказала с нежностью в голосе:

— Я надеюсь, вы найдете свою Катерину, Стив. И надеюсь, что когда-нибудь сможете на ней жениться.

Я глупо кивнул. И только по дороге к машине вдруг понял, что ее последнее замечание чем-то схоже с пожеланием мне переболеть корью, после чего я стал бы к ней невосприимчив.

Я вошел в квартиру. Там было затхло, пыльно и как-то одиноко. Несколько Катерининых вещей валялось на столике, куда я когда-то их бросил. Они казались немым укором, и я накрыл их кипой почтовой макулатуры, которая накопилась в мое отсутствие. Я достал бутылку пива и начал просматривать корреспонденцию, перелистывая рекламу, сваливая в кучу журналы и откладывая редкие деловые письма (напоминавшие мне, что я все еще инженер и что капиталы не беспредельны), и наконец наткнулся на письмо — *ПИСЬМО*.

«Дорогой мистер Корнелл.

Очень рады, что вы дали о себе знать. Мы переехали не потому, что Мариан подцепила Макстромову, а потому, что мертвая зона передвинулась, наводнив нашу жизнь заботой и суетой.

Мы все здоровы и желаем вам всего наилучшего.

Пожалуйста, не думайте, что вы в долгу перед нами. Мы освобождаем вас от каких бы то ни было обязательств. Нам очень жалко, что с вами не было вашей Катерины, может, тогда бы ничего и не произошло. Но мы уверены, что наше имя связано с самым горестным периодом вашей жизни и было бы лучше, если бы вы забыли о нашем существовании. Пусть это горько говорить, Стив, но если смотреть правде в глаза, единственное, что мы для вас можем сделать, так это постоянно напоминать о постигшем вас несчастье.

Привет вам от всех наших, мы рады случаю выразить вам свою искреннюю признательность. Прощайте.

Филип Харрисон».

Я печально хмыкнул. Приятное письмо, но правдой не блещет. Я сам попробовал выудить из него скрытый смысл, но безрезультатно. Ладно, неважно. Собственно, на большее я и не рассчитывал. Даже если бы они не написали вовсе, я сделал бы то же самое. Поэтому я сел и написал Харрисону записку:

«Дорогой Филип!

Прочел ваше письмо, как только вернулся из долгого путешествия по западу. Рад слышать, что Мариан уберегли от Макстромовой. Я всегда говорил, что тут исход фатальный. Однако надеюсь, что вскоре свидимся.

С уважением, Стив Корнелл».

Вот так-то, подумал я.

Тут на помощь мне и моему чутью пришел маленький шелковый носовой платок Катерины, который она забыла во время одного из своих визитов. Я засунул его в конверт и написал на конверте, что письмо предназначается Филипу Харрисону. Я опустил его в почтовый ящик около одиннадцати ночи и решил не суетиться с письмом до утра.

В конечном итоге его вынули и отнесли в местное почтовое отделение, а оттуда его перекинули в Открытое 24 отделение Пенсильванского Вокзала, где я нащупал его в главной багажной

секции, и крутился там до тех пор, пока не привлек внимание полицейского.

— Что-нибудь ищете, мистер Корнелл?

— Не совсем,— сообщил я легавому телепату.— А что?

— Вы прощупываете каждый багаж, выносимый отсюда.

— Я?— спросил я бесхитростно.

— А кто же, бандюга, или прощупать твой путь из тюрьмы?

— Вы не можете арестовать человека только за его мысли.

— Зато могу арестовать человека за бродяжничество,— сказал он едко.

— У меня билет на поезд.

— Вот и используй его по назначению.

— Конечно, когда придет время.

— А какой поезд?— спросил он подозрительно.— Ты уже три пропустил.

— Я жду особого, офицер.

— Тогда будьте любезны, пройдите и подождите в баре, мистер Корнелл.

— Ладно, я извиняюсь, что причинил вам столько хлопот, но у меня довольно тонкое личное дело и вполне законное.

— Все, что касается прощупывания почты США — незаконно,— сказал полицейский.— Личное или нет, неважно. Так что кончайте прощупывать или будет хуже.

Я кончил.

С легавыми лучше не препираться. Во всяком случае, добром бы это не кончилось. Поэтому я ретировался в бар и понял, почему тот его рекламировал. Он находился в слабой мертвой зоне, достаточно мутной, чтобы помешать подглядывать за камерой хранения. Правда, пару раз это мне удалось, но я не мог стоять и мучиться, не зная, забрали мое письмо или нет.

И вот в первый раз, пока мне сопутствовала судьба, я сдался. Единственное, на что я надеялся — что тайный адрес получателя должен принадлежать маленькому городку, неподалеку от которого жили Харрисоны, и что вряд ли он изменился. Поэтому я сел в поезд, который вообще не был почтовым, и убрался восвояси.

Теперь жизнь моя стала невыносимой. Я часами рыскал по округе этого чертового города, бросая украдкой взгляд на почту и ожидая какого-то начтия, связанного с письмом. Не раз я ловил на себе пристальный взгляд блюстителя порядка, но всегда убеждался, что пока удача сопутствует мне.

Через город прошел скорый поезд и забрал полторы машины почты. Следующей остановкой этого поезда была Албани. Вряд ли удача будет мне сопутствовать, если я отправлюсь за ним. Затем наступил новый период частых посещений почты (как вы помните, она находилась в мертвой зоне, поэтому я не видел, что делается внутри, и лишь следил за входящими), пока наконец не почувствовал, что мою часть почты переложили в другой мешок. Потом его отвезли на перрон и повесили на крюк. Я купил билет

до Нью-Йорка и сел на скамейку рядом с крюком, проникнув мысленно в мешок, насколько позволяло мое восприятие.

Мешок был жирно помечен: «Срочная почта», помечен буквами, которые можно было разглядеть с девяноста футов. Конечно, мне не составляло труда прочесть свое письмо, каждую точку над «и» и черточку над «т», рисунок Катерининого платка. Но я не мог прощупать адрес, напечатанный на бланке, приклеенном на лицевой стороне самого конверта.

Пока я сидел, силясь разобрать надпись, мимо промчался скорый, подхватив всю корреспонденцию.

Я кинулся в следующий поезд. Я крыл и поносил его почем зря, потому что допотопный паровоз едва тащился по ровному месту, постоянно останавливаясь: то машинисту выпить молочка, то пропустить машину, в основном же выяснить, сколько времени старичок в силах тянуть аж под сорок миль в час. Видно, это была судьба. И разумеется, все остальные поезда, задерживаемые моим грохочущим монстром, тоже поминутно тормозили на дороге, где какие-нибудь аборигены останавливались, чтобы распить бутылочку пива из его крытых вагонов.

Я вернулся на вокзал Пенсильвании как раз вовремя, чтоб почувствовать, как мое письмо опустили в конвейер Ла Гардин.

Тут-то меня и засек мой старый приятель полицейский.

— Ну, вот,— сказал он.

— Вновь свиделись, офицер. Я...

— Вы пойдете сами, мистер Корнелл? Или мне применить силу?

— Что?

— Вы нарушили положение о тайне переписки Закона Федеральной Связи, и не будем спорить.

— Послушайте, офицер, я же говорил, что здесь нет ничего криминального.

— Я не идиот, Корнелл.

Я с сожалением отметил, что он пренебрег формальностями обращения.

— Вы последовали за определенной почтой, чтобы узнать, куда она направляется. А поскольку местонахождение адресата является тайной, пытаясь узнать его местонахождение, вы нарушили закон.— Он уставился на меня холодно, видно, ожидая что я начну протестовать.— А теперь,— подытожил он,— давайте послушаем ваши сказочки и вирши.

Он пытался нагнать на меня страху. При нарушении закона всегда действует одно старое правило, которое гласит, что никто не имеет права использовать средства связи в корыстных целях. После прихода Райна закон «70 нарушений» стал просто всеобъемлющим законом, охватывающим всю нашу жизнь.

— Послушайте, офицер, это касается моей девушки,— сказал я, надеясь, что эти слова на него подействуют.

— Знаю,— сообщил он спокойно,— вот почему я не стал тебя задерживать. Я просто велел тебе проваливать. Твоя девушка сбежала, оставив тебе только свой пересыльный адрес. Может, она не хочет тебя больше видеть.

— Она больна,— сказал я.

— Может, ее семья думает, что в этом виноват ты. Так что лучше остановись и проваливай подобру-поздорову. И если я снова увижу тебя или увижу, как ты прощупываешь почту, то отправлю тебя прощупывать железную решетку. А теперь уматывай!

Он подтолкнул меня к выходу с вокзала, будто овчарку, прозевавшую его стадо. Я взял мотор до Ла Гардина, хотя вряд ли добраться на нем можно было быстрее, чем на метро, лишь бы поскорее скрыться с глаз полицейского.

В Ла Гардине я вновь нашел свое письмо. Его погрузили на борт ДС-16, направляющегося по маршруту Чикаго, Денвер, Лос-Анджелес, Гаваи и Манила. Я не знал, куда приведет меня это путешествие, поэтому купил билет на тот же рейс и вскочил в самолет буквально перед закрывающейся дверью.

Мое послание лежало в отсеке подо мной, и в часе пути до Чикаго я понял, что Чикаго и будет местом назначения багажа, хотя конечный адрес на штемпеле письма все время оставался неясным.

Я последовал за багажом, выгруженным из самолета в Чикаго, и застрял, погашая стоимость билета. Не стоило пренебрегать деньгами, достаточными для полета от Чикаго до Манилы. Я отправился в город в полугрузовом автобусе, менее чем в шести футах от моей маленькой корреспонденции. Всю дорогу я пытался прочесть адрес.

Выходило, что оно шло в Ледисмит, Висконсин, а оттуда — куда-то в провинцию, куда — я не понял, смог разобрать только номер.

Потом я отправился обратно в аэропорт Медвей, и, к своему неудовольствию, обнаружил, что в чикагском аэропорту нет бара. Меня это немного обескуражило, но тут я вспомнил, что чикагский аэропорт строился на средства Публичной школы, а согласно закону, они не имеют права продавать что-либо крепче содовой, неважно, кто арендует их постройку. Поэтому я проторчал в баре напротив Цицеро Авеню до отправления самолета и взял билет на старый пропеллерный Конвоир до На Клаир, стоявший среди маргаритковых полей. Из На Клаир багаж перегрузили в допотопный Конвоир, облетевший все деревеньки по своему маршруту, а я сел в поезд, потому что моей почте суждено было приземлиться лайнером в Ледисмите.

В Ледисмите я нанял машину, отметил возможные маршруты и тронулся, влекомый предчувствием.

В девяти милях от Ледисмита находился холм, названный Брюс, а недалеко от Брюса виднелась водная гладь, чуть побольше деревенского утиного прудика, звучно именуемого Озеро Калей.

Дорога, украшенная инкрустированными металлическими дорожными знаками, вывела меня мимо Брюса, Висконсин к озеру Калей, где показался знак со сбитой палкой.

Я воспрянул, почувствовал себя как Фердинанд Магеллан, когда наконец прошел сквозь пролив и открыл моря, лежащие за

Новым Светом. Я хорошо потрудился, хочется, чтобы кто-нибудь приколол мне медаль на грудь. Дорога пропетляла еще несколько сот ярдов, и вдруг я увидел Филипа Харрисона.

Он копался длинным ключом внутри автоматического насоса, подававшего воду из глубокого колодца в водонапорную башню около сорока футов высотой. Он не заметил моего появления, пока я не затормозил за его спиной и не произнес:

— Как инженер-механик и эспер, я могу тебе сказать, Фил, что...

— Мелкая ничтожная ищейка,— сказал он.— Чтобы заниматься этим, не нужно быть инженером. Как ты нашел нас?

— В вашем почтовом ящике лежит письмо,— сообщил я ему.— С ним я и пришел.

Он взглянул на меня насмешливо.

— Сколько стоила тебе пересылка? Или ты пользуешься второсортной почтой?

Я уже не был уверен в последствиях, но тут Филип обезоружил меня своей улыбкой.

— Ну, Фил, скажи, пожалуйста, и что дальше?— спросил я.

Его улыбка потухла. Он удрученно покачал головой.

— Почему ты не хочешь оставить нас в покое? Не кажется тебе, что ты слишком много на себя берешь, разыскивая нас?

— Я не в первый раз рискую,— буркнул я.

— Но это не выход.

— Так дай мне альтернативу.

— Ну, раз ты здесь, делать нечего,— пожал плечами Филип.— Ты уже слишком много знаешь, Стив. Лучше бы тебе не ввязываться в это дело.

— Я не слишком много знаю. Кроме того, я действовал, словно...— я замер, ошеломленный новой мыслью, и потом продолжил, запинаясь:— находился под чьим-то постгипнотическим воздействием.

— Стив, лучше пойди и поговори с Мариан. Может, так оно и было.

— Мариан?— сказал я глухо.

— Она первоклассный телепат. Пси-мастер, не меньше.

Я мысленно вспыхнул, вспомнив, как недавно при нашей первой встрече силился угадать, чем усилено ее физическое обаяние, ясновидением или телепатией. Мариан хорошо владела собой, наверняка она в душе кипела и клокотала, слушая мои посягательства на свой счет. И мне не хотелось встречаться сейчас с Мариан лицом к лицу, но деваться было некуда.

Филип бросил свой насос и махнул мне, чтобы я следовал за ним к ферме. Мы проехали смутную область, которая идеально экранировала дом. Не совсем круглая, с просветом, выходящим на поля за домом, она обеспечивала почти полную свободу и безопасность.

На ступенях веранды стояла Мариан.

Ее вид заставил меня забыть о недавних угрызениях совести. Она стояла, высокая и стройная, образец силы, красоты и здоровья.

— Добро пожаловать, Стив, — сказала она, протянув руку. Ее пожатие было крепким, твердым и в то же время нежным.

«Если покрепче сожмет, превратит мою руку в кровавое месиво»,— подумал я.

— Я рад, что все эти слухи оказались выдумкой и вы не пострадали от Макстромовой болезни,— сказал я.

— Очень плохо, что вы все знаете, Стив.

— Почему?

— Теперь на нас легла дополнительная нагрузка. И даже на тебя,— она задумчиво посмотрела на меня и добавила:— Ладно, входи и отдохни, потом побеседуем, Стив.

Мы вошли внутрь.

На диване жилой комнаты, накрытая светлым одеялом, забывшись легким сном, лежала женщина. Ее лица не было видно, но волосы, линии тела и...

«Катерина».

Она повернулась и тут же села, еще не придя в себя ото сна. Протерла глаза ладонью, сгоняя остатки сна, и сквозь пальцы взглянула на меня.

— Стив!— вскрикнула она, и весь мир и душа зазвенели в ее голосе.

Катерина сделала один неверный шаг и вдруг рванулась ко мне. Она рухнула в мои объятия, обхватила меня руками и сжала. Это напоминало нападение бульдозера.

Филип стоял за моей спиной и отчасти сдержал ее стремительный рывок, иначе я вышиб бы дверь, перелетел веранду и шлепнулся посреди двора. Ее сила сдавила мне грудь, выгнула спину. Ее губы смяли мои.

Я задыхался от физического голода женщины, которая не осознавала сил своего тела. Единственное, чего хотела Катерина,— это прижаться ко мне изо всех сил и никогда не отпускать, но для меня это означало смерть.

Ее тело оставалось таким же гибким, но приятное тепло и мягкость ушли. Оно стало, как гибкая сталь, словно статуя, снабженная каким-то чудовищным механизмом. Это была уже не женщина.

Филип и Мариан оттащили ее от меня, пока она не успела сломать мне хребет. Филип шепнул ей что-то на ухо и увел прочь. Мариан отнесла меня на диван и осторожно положила лицом вниз. Ее руки казались воистину нежными, когда она загоняла воздух в мои легкие или выгоняла обратно, стискивая спину. Постепенно я начал приходить в себя, но каждый вдох заставлял содрогаться от боли.

Потом боль исчезла, уступив место душевным мукам: тяжело сознавать, что девушка, которую ты любишь, никогда не прижмется к твоей груди.

Я содрогнулся. Единственное, чего я хотел в жизни,— это жениться на Катерине, а теперь, вновь обретя ее, открыл, что первое объятие станет для меня последним.

Я проклинал судьбу, как инвалид, проклинающий свою

болезнь, которая сделала его бессильным и обременительным для супруги, несмотря на ее привязанность и любовь. Словом, проклятие. Единственное, что я мог,— это сетовать на жестокость наказания.

— Но почему?— не зная, что спросить, воскликнул я тоскливым голосом.

— Не вини себя, Стив,— отозвалась Мариан с нежностью в голосе.— Катерина пропала для тебя еще до того вечера. То, что она принимала за мозоль на мизинце, в действительности было зачатком Макстромовой болезни. Мы все пси-чувствительны к Макстромовой болезни, Стив. Так что когда вы разбились и Фил с отцом бросились к вам на помощь, они уловили ее присутствие. Естественно, мы ей помогли.

Должно быть, я выглядел очень несчастным.

— Послушай, Стив,— медленно проговорил Филип.— Разве ты бы отказался от нашей помощи? Неужели захотел бы, чтобы Катерина осталась с тобой? Чтобы наблюдать, как она умирает со скоростью одной шестьдесят четвертой дюйма в час.

— К черту,— вскричал я.— Почему не дали мне знать?

— Мы не могли, Стив,— покачал головой Филип.— Поставь себя на наше место.

— А почему вы не хотите понять меня?— Конечно, я был им благодарен за помощь Катерине. Но почему никто не вспомнил о бедолаге, лежащем в больничной палате?

О птичке, которой пришлось скакать с жердочки на жердочку, отыскивая след своей любимой. Я прошел через все жертвы и тяготы, меня допрашивало ФБР, подозревала полиция.

— Спокойнее, Стив,— окликнул Филип Харрисон.

— Легко сказать. Чем вы оправдаете то, что втянули меня в эту кутерьму?

— Послушай, Стив. Мы рискуем. Мы затеяли войну с беспринципным врагом. Войну подпольную, Стив. Если мы откопаем что-нибудь про Фелпса, то выведем его и весь Медицинский Центр на чистую воду. Конечно, если мы уступим хоть на миллиметр, Фелпс прижмет нас так, что небо покажется с овчинку На его стороне правительство. Мы не можем допустить и тени подозрения.

— А как же я?

Он печально покачал головой.

— Здесь, как видишь, произошел обычный несчастный случай. Все авторитеты по-своему правы, считая, что в каждом автомобиле находится как минимум один водитель. И само собой, они верят, что в каждой катастрофе должны быть и жертвы, даже если ущерб, причиненный им, не больше испуга.

Я мог, конечно, поспорить, но решил сменить тему

— А как насчет тех, кто просто скрылся?

— Мы проследили, чтобы были посланы правдоподобные объяснения.

— Вроде того, что написали мне.

Они пристально посмотрели на меня.

— Если бы мы узнали о Катерине заблаговременно, она бы...

исчезла, оставив тебе банальную записку. Но кто же мог подумать о письме до ее исчезновения после аварии?

А, ясно.

И все-таки ты отыскал ее, живую и здоровую, не так ли?

И никто не пожелал уведомить меня?

Чтобы ты растрезвонил об этом, словно радиовещательная станция?

А разве я не могу присоединиться к ней... к вам?

Он покачал головой, как человек, старающийся объяснить, что два плюс два будет ровно четыре, а не пять или три с половиной.

— Стив,— сказал он,— у тебя нет Макстромовой болезни.

— А как мне ее заполучить?— воскликнул я горячо.

— Никто не знает,— сказал он грустно.— Если бы мы могли, мы бы обеспечили всю человеческую расу несокрушимыми телами и потратили на это все свои силы.

— А я не могу вам чем-нибудь помочь?— спросил я. Наверное, мой голос звучал, как жалобный писк котенка.

Мариан положила ладонь на мою руку.

— Стив,— сказала она,— тебе нужно бы успокоиться, может, тебя ввели бы потом в курс дела и ты смог бы работать на нас в какой-нибудь мертвой зоне. Но вдруг ты станешь для нас опасен...

— Кто? Я...

— Придя к нам, ты стал для нас угрозой.

— Что ты имеешь в виду?

— Дай мне покопаться. Расслабься, Стив. Я хочу разобраться в тебе поглубже. Катерина, помоги.

— А что будем искать?

— Следы постгипнотического вмешательства. Найти будет довольно трудно, потому что остались лишь следы замысла, все спрятано так, что кажется вполне естественным, логичным, обоснованным.

— Когда же они успели?— усомнилась Катерина.

— Торндайк. В госпитале...

Катерина кивнула, и я расслабился. Вначале это было очень неприятно, я не желал, чтобы Катерина рылась в темных и пыльных уголках моего мозга, но вмешалась Мариан Харрисон.

— Подумай об аварии, Стив,— сказала она.

Я заставил свой сопротивляющийся мозг понять, что она старается помочь мне. Я мысленно и физически расслабился и вернулся назад, к дню аварии. Я вспомнил его с трудом, прошел через сладкую полноту чувств, существовавшую между мной и Катериной, осознавая, какого класса чтец мыслей Мариан Харрисон. Но я отбросил всякую сдержанность и стыд и пошел дальше.

Практически заново я пережил всю катастрофу. Теперь это было проще, ведь я нашел Катерину. И это напоминало очищение. Я даже начал наслаждаться им. Поэтому я быстро пробежал по моей жизни и недавним приключениям и вернулся к настоящему. Дойдя до конца, я остановился.

Мариан взглянула на Катерину.

— Нашли?

Молчание. Снова молчание. Наконец...

— Видно, но очень смутно. Что-то еле уловимое... возможно...— снова погрузилась она в мои мысли.

— Эй вы обе, напрягите голосовые связки, вы же знаете, что остальные не телепаты,— прикрикнул Филип.

— Извини,— проговорила Мариан.— Это очень сложно и трудно описать, ты же знаешь. Мы не можем найти какое-нибудь прямое доказательство или что-то вроде гипнотического вмешательства. Желание последовать в убежище хайвейцев — явно что-то большее, чем просто приступ любопытства, но различить его очень сложно. Думаю, давление на тебя было чрезвычайно осторожным. Катеринина интуиция подсказывает, что только блестящий пси-телепат может проделать такую ювелирную работу, не оставив явных следов операции.

— Какой-то отличный специалист в области психологии и телепатии,— сказала Катерина.

На миг я задумался.

— Мне кажется, что кто бы это ни был, он был хорошо осведомлен, что добрая часть давления на мою психику должна приходиться на полное и необъяснимое исчезновение Катерины. Вы избавили бы себя от стольких хлопот, а меня от стольких страданий, если бы сообщили мне хоть что-то. Господи! Неужели у вас нет сердца?

Катерина посмотрела на меня с болью в глазах.

— Стив,— сказала она тихо,— миллионы девушек клялись, что лучше умрут, чем будут жить без своего единственного. И я клялась тоже. Но когда жизнь под угрозой, как в стеклышке микроскопа, вдруг видишь, что любовь не столь важна. Так что же оставалось делать? Умереть в муках?

Это меня сильно отрезвило. Пусть было больно, но не такой уж я тупоголовый, чтобы не понять, что она лучше бросит меня и останется жить, чем пойдет со мной на смерть. Больно было от неизвестности.

— Стив,— произнесла Мариан.— Ты же знаешь, что мы не могли сказать правду.

— Ох-ох-ох,— согласился я безутешно.

— Предположим, Катерина написала бы письмо, сообщив тебе, что жива и здорова, но передумала выходить за тебя замуж. Что ты должен забыть ее и все такое. И что потом?

— Я бы не поверил,— сказал я грустно.

— А потом заявилась бы эспер-телепатическая команда,— кивнул Филип,— возможно, с высоким временным чутьем, и проследила бы ход письма вплоть до отправителя, а потом подключила высококвалифицированного телепата, достаточно сильного, чтобы пробить дыру даже в мертвой зоне вокруг Вашингтона. Так что даже до Института Райна было бы полным безрассудством посылать письмо. Ну, а теперь...

Я кивнул. Все, что он сказал, было правдой, но от этого не легче.

А с другой стороны,— продолжил он веселее,— взгляни на нас, Стив, иначе, и скажи мне, дружище, где ты в конце концов очутился?

Я воззрился на него. Филип смеялся с чувством превосходства. Я посмотрел на Мариан. Она чуть улыбалась. Катерина казалась довольной. Наконец до меня дошло.

— А, здесь, конечно.

— Ты очутился здесь безо всякого письма, не оставив за собой никаких подозрительных следов. Ты не исчез, Стив. Ты исколесил по собственному почину вдоль и поперек всю страну. Где ты был и что ты делал, это твое дело, и никто не будет поднимать шума и устраивать погоню. Пусть на это ушло больше времени. Но зато надежней,— он широко улыбнулся и продолжил,— и если тебе захочется пожить здесь вволю, вспомни, что ты показал себя способным, полным сил и решимости сыщиком.

Он был прав. И, конечно, если бы я попытался проследить за письмом раньше, я оказался бы здесь куда скорее.

— Ладно,— проговорил я,— так что мы будем теперь делать?

— Мы пойдем дальше, дальше и дальше, пока не добьемся своего, Стив.

— Своего?

Он спокойно кивнул.

— Мы будем работать, пока не сделаем каждого мужчину, каждую женщину, каждого ребенка на Земле такими же суперменами, как и мы.

— Кое-что я узнал у Маклинов,— кивнул я.

— Тогда это не будет для тебя таким уж большим потрясением.

— Да, не будет. Но остается еще много пустых клеток. А основную мысль я усек. Дипломант Фелпс и его Медицинский Центр стремятся использовать свое общественное положение для создания ядра тоталитарной власти или иерархии... А вы с хайвейцами в Убежище стремитесь скинуть Фелпса, потому что не хотите жить под гнетом каких-то наместников Бога, Королей, Диктаторов или Царствующей Династии.

— Правильно, Стив.

— Ладно, но катились бы вы лучше ко всем чертям.

— Ну, нет, старина, ведь ты же хотел стать макстромом. И даже несмотря на все, тебе обидно, что ты не смог.

— Ты прав.

Филип задумчиво кивнул.

— Давай немного пофантазируем, вообразим, что человек ничего не может поделать с Макстромовой болезнью. Таков один из старейших приемов научно-фантастического сюжета. Какая-то катастрофа обрушилась на Солнечную систему. Будущее Земли уничтожено, а у нас есть только один космический корабль, способный вывезти куда-нибудь в безопасное место всего сотню людей. По какому принципу их выбирать?

Я пожал плечами.

— Поскольку мы фантазируем, думаю, что выбрал бы

наиболее здоровых, наиболее развитых, наиболее надежных, наиболее...— я мучился, придумывая новую категорию, потому что думал о другом.

— Здоровых, а все остальные займутся вознесением на Небеса, и как ты объяснишь какому-то Вильбуру Зилчу, что Оскар Хозенфейфер умнее и здоровее, и во всяком случае более жизнеспособен, может, у тебя это получится, но в конечном счете все равно Вильбур Зилч прикончит Оскара Хозенфейфера. Зилчу терять нечего, неважно, схватят его или нет, но он испытает чувство удовлетворения, что остановил парня, который добился того чего ему не удалось добиться честным путем.

— Так какое это имеет отношение к Макстромовой болезни и суперменам?

— В тот день, когда мы возвестим, что можем «лечить» Макстромову болезнь и превращать бывшие жертвы в настоящих суперменов, поднимется большой шум и каждый будет требовать того же. Нет, скажем мы им, мы сможем вылечить только больных. Тогда некоторые умники встанут и возвестят, что мы утаиваем информацию. В это поверит достаточно много народа, чтобы добро обернулось для нас злом. Заметь, Стив, мы — абсолютно безвредны. Возможно, нас даже убьют. Нас разорвут толпы разгневанных обывателей, которые увидят в нас угрозу своей безопасности. Ни у нас с Хайвеем, ни у Фелпса из Медицинского Центра пока не хватает людей для полной гарантии.

— Допустим. Тогда встает вопрос, как быть со мной?

— Согласись,что мы не в состоянии двинуться вперед, пока не узнаем, как привить космическую чуму здоровой ткани. Нам нужны обыкновенные люди в роли подопытных свинок. Смог бы ты совершить для людей Земли такое благодеяние?

— Если согласишься, Стив,— сказала Мариан,— ты войдешь в историю наравне с Отто Макстромом. Знаешь, это может стать поворотным моментом в развитии человеческой расы.

— А если я погибну?

Филип Харрисон окинул меня тяжелым оценивающим взглядом.

— Стив, провала быть не может. Мы будем пытаться снова и снова.

— Приятная перспектива. Старая морская свинка Корнелл справила уже свое шестидесятилетие, а эксперимент продолжается.

Катерина наклонилась вперед, глаза ее сверкали.

— Стив, ты только попробуй,— воскликнула она.

— Тогда зовите меня героем не по собственной воле,— сказал я скучным голосом.— И велите, чтобы обреченному естествоиспытателю устроили сердечный прием. Я подозреваю, что в этом доме найдется выпить.

Виски оказалось достаточно, чтобы привести молодого естествоиспытателя в почти бессознательное состояние. Вечер прошел в обильных возлияниях, легких шутках. Главная тема старательно обходилась. Виски было хорошим. Я пил его, не

разбавляя, и набрался до того, что не помню, как оказался на кровати.

Я проснулся около трех часов утра с сильным желанием прощупать своим восприятием нижнюю комнату. Я, конечно, сопротивлялся, но кто же устоит перед таким соблазном.

Внизу, в жилой комнате, Катерина плакала в объятиях Филипа Харрисона. Он нежно обнял ее рукой за тонкую талию, а второй рукой тихо гладил ее волосы. Я не стал прощупывать их беседу, но ошибки быть не могло.

Когда он что-то сказал, она отодвинулась от него и взглянула ему в глаза. Потом ее голова качнулась, как бы говоря «нет», и она глубоко вздохнула перед новыми рыданиями. Она уткнулась ему в шею и заплакала. Филип на миг прижал ее к себе, потом отпустил и достал носовой платок. Он осторожно вытер ей глаза, что-то говоря, пока она не затрясла головой, словно смахивая слезы и отгоняя горькие мысли. Видно, он зажег две сигареты и подал ей одну. Потом они прошли к дивану и сели, прижавшись друг к другу. Катерина нежно наклонилась к нему, он обнял ее за плечи и притянул к себе. Она расслабилась и хоть не выглядела счастливой, но почувствовала себя уютно в присутствии сильного человека.

Черт дернул меня заниматься прощупыванием. Я погрузился в сон, заполненный странными кошмарами, пока они оставались внизу. Если честно, я даже хотел забыться, потому что не желал бодрствовать, чтобы не следить за ними.

Как бы ни были ужасны мои кошмары, они все же были лучше реальности.

О, как я был дьявольски горд, когда блестяще раскрыл главный секрет Убежища. И вдруг понял, что не знаю одной двенадцатой правды. У них была сеть хайвеев, перед которой Департамент Дорог и Хайвеев казался мелкой второразрядной политической организацией.

Я бы еще поверил, что хайвейцы селились только вдоль главных артерий, проходящих через их Перевалочные Базы. В действительности их система охватывала всю страну от края до края. Нити тянулись из Мэна и Флориды к главному магистральному хайвею США. С главным хайвеем встречалась разветвленная сеть из Вашингтона и Южной Калифорнии. Линия чуть меньше обслуживала Мехико. Гигантская магистральная ветка шла от Нью-Йорка до Сан-Франциско, только с одним большим ответвлением толстая линия отходила к местечку в Техасе с названием Хоумстид. Техас был громадным центром, перед которым Медицинский Центр мистера Фелпса казался не более деревни Тини-Вини.

Мы поехали на машине Мариан. Взятый мною напрокат автомобиль вернули, конечно, хозяевам, а мой собственный шарабан должны были перегнать после того, как приведут в порядок, так что вряд ли бы я оказался в Техасе без личного транспорта. Катерина осталась в Висконсине, потому что она была еще слишком молодым и зеленым макстромом и не знала

пока, как вести себя, чтобы ни у кого не возникло подозрений и не полезли на лоб глаза при виде ее сверхмощного тела.

Мы поехали по хайвеям в Хоумстид с грузом макстромовой почты. Путешествие прошло без приключений.

Меня вроде бы нельзя назвать суеверным человеком. До сих пор я безо всякого предубеждения относился к числу тринадцать. Однако именно тринадцать недель в Хоумстиде, как я думаю, были самыми мрачными в моей жизни. Все вроде текло довольно гладко и вдруг обернулось полным провалом.

Мы начали с энтузиазмом. Они меня резали, втыкали в меня иголки и брали образцы тканей на анализ.

Я помогал им копаться в моем теле и позволял их лучшим телепатам читать мои выводы.

У нас с ними установились теплые отношения. Такие, что лучше и быть не может. Но одних теплых отношений для меня было недостаточно, такие чувства мог испытывать Гулливер среди Бробдингнегианцев. Они были так сильны, что сами не сознавали своей собственной силы. Особенно это касалось макстромовых отпрысков. Как-то ночью я попытался перепеленать ребенка и пальцы у меня буквально опухли от напряжения. Это было все равно, что бороться не на жизнь, а на смерть с Бедом Сирилом.

Дни складывались в недели, и их надежды и энтузиазм начали увядать. Длинный перечень предполагаемых экспериментов иссяк, и стало очевидным, что нужно разрабатывать другие идеи. Но факел новых мыслей то ли не разгорелся, то ли был слаб, и время тянулось тягуче медленно.

Они избегали моего взгляда. Они прекратили обсуждать свои намерения при мне, и я больше не понимал, что они затевают и чего хотят добиться. Они испытывали безнадежность после постигшей их неудачи, и это чувство разочарования передалось мне.

Мысль об этом сначала приводила меня в бешенство, но дни шли, и перемен не предвиделось. Пришлось признаться, что здесь Стиву Корнеллу удачи не будет.

Пора было менять лошадей.

Смена личности, жизни — переориентация — одна из форм гибели сознания. Когда переориентируешься, проблемы, делавшие жизнь невыносимой, забываются, происходит полная переоценка жизненных ценностей. А ты становишься новым человеком.

Так что, рассматривая как-то свое изображение в зеркале, я пришел вдруг к выводу, что не хочу быть никем, кроме М. Лучше вообще не жить — сказал я своему изображению, и оно покорно со мной согласилось. Я не стал спорить с М. Просто сел в машину и был таков. Все вышло очень просто, ведь в Хоумстиде мне доверяли.

Я старательно объезжал хайвеи. Правда, несколько проскочил, но в противоположном направлении. Ожидая погони,

я постоянно держал свое восприятие в напряжении. Но никого не заметил. Если бы не хайвейские знаки, я бы пересек Миссисипи еще до заката. Но я выбился из сил, когда до реки было еще далеко. Я нашел мотель в достаточно безлюдном месте и остановился на ночь.

Я проснулся перед рассветом с чувством, что что-то происходит. Это было не предчувствие гибели, меня бы подстегнуло чутье. Происходило что-то странное. Я поспешно поднялся и, натянув одежду, начал осторожно прощупывать соседние номера отеля.

В первом номере находился какой-то торговец, в чем я убедился, исследовав его багаж. Второй номер занимала пожилая пара, нагруженная туристским шмутьем и четырьмя-пятью камерами. В третьем номере отдыхал заезжий водитель грузовика, а четвертый наводнила банда школьниц, они теснились в единственной кровати, как сельди в бочке. Пятый номер был мой, шестой оставался свободным, седьмой тоже был свободен, но постель оказалась смята, а в умывальнике бежала вода, дверь еще не захлопнулась, по маленьким ступенькам раздавался быстрый стук высоких каблучков и...

Я выскочил сломя голову из номера и опрометью бросился к машине. Одним движением открыл дверцу, ввалился внутрь, завел двигатель и нажал на сцепление. Взвизгнули колеса, швырнув назад брызги грязи, автомобиль рванулся со стоянки, и моя голова откинулась назад.

Я напряг зрение и восприятие, чтобы поскорее убраться с автомобильной стоянки со множеством машин.

Я был слишком занят, чтобы уловить больше, чем слабый стук руки о дверную раму, пока дверь открывалась и закрывалась. А потом уже я был на хайвее и мог немного расслабиться.

— Стив,— проговорила она,— зачем ты это сделал?

Ух, передо мной была Мариан Харрисон.

— Я не просил тебя впутывать меня в это дело,— прикрикнул я.

— Но ты же не просил, чтобы тебя родили.

Аргумент показался мне не очень логичным.

— Жизнь была вполне сносной, пока я не встретил ваших людей,— сказал я ей раздраженно.— И было бы лучше, чтобы вы исчезли. С другой стороны, жизнь — единственное, что у меня осталось, и она лучше смерти. Поэтому, если я сделал твою жизнь несчастной, то свою я сделал несчастной вдвойне.

— Почему бы тебе не устраниться?— спросила она.

Я остановил машину. Теперь я нашел болевой центр девушки и старался не упустить его из вида.

— Почему ты хочешь, чтобы я отступился, Мариан? Неужели кому-то придется по душе, если я вытащу из кармана пушку и продырявлю себя кусочком свинца? Или осчастливлю кого-то, ворвавшись в ближайший музей переориентации и, прежде чем сомкнуть веки, пуская из носа дым, объявлю, что я чайник, сбежавший с печи.

Мариан опустила глаза.

— А ты ждал, что найдешь у меня сладостное забвение?— она тихо покачала головой.

— Тогда во имя Господа, что тебе от меня надо?— вскричал я.— Я такой, как есть, ни рыба, ни мясо, просто мерзкий грязный тип. Я вряд ли отстранюсь, Мариан. Если ты думаешь, что я угрожаю тебе или твоему роду, то сгущаешь краски. Но если ты хочешь сбросить меня со счета, то лучше крути покрепче и пригони, криками ли, пинками, в ваш департамент отточенного ума. Потому что моего уже не хватает. Понимаешь?

— Понимаю, Стив,— сказала она мягко.— Я знаю тебя, мы все знаем тебя и людей твоего типа. Ты не устранишься. Не сможешь.

— Тем более, если меня загипнотизировали,— сказал я.

— Гипнотическое вмешательство Торндайка,— вскинула голову Мариан,— было почти ничтожным. Он только заронил идею, чтобы остаться впоследствии неопознанным,— объяснила она.— Нет, Стив, ты настроился на розыск по собственному почину. Все, что сделал Торндайк, так это слегка намекнул тебе о нас и подтолкнул в нашу сторону. Ты же сделал остальное.

— Ладно, ты телепат. Может, ты тоже в состоянии оказать постгипнотическое воздействие и я скоро забуду внушенную мне идею.

— Я не хочу,— сказала она вдруг с внезапным жаром.

Я взглянул на нее. Не будучи телепатом, я не мог прочесть внезапно возникшую у нее мысль, но было ясно, что она говорит правду и говорит убежденно. Наконец я сказал:

— Мариан, если ты знаешь, что меня не переубедить логикой и аргументами, так чего же ты добиваешься?

Минуту она молчала, потом подняла ко мне глаза, и они засияли голубым цветом:

— То же, мистер Корнелл, что и мистер Фелпс, надеявшийся использовать тебя против нас. Твое будущее и твоя судьба связаны с нами, кем бы мы ни были, друзьями или врагами.

— Прямо мыльная опера, Мариан,— огрызнулся я.— А что, Катерина найдет утешение в объятиях Филипа? А Стив Корнелл подхватит Макстромову чуму? А подлинный дипломант Фелпс...

— Перестань!— взмолилась она.

— Ладно. Я перестану, если ты скажешь, что вы намереваетесь со мной делать теперь и зачем ты снова за меня уцепилась?

Она улыбнулась.

— Стив, я останусь с тобой. Отчасти, чтобы служить телепатическим придатком твоей команды. Если ты собираешься докопаться до сути. Отчасти, чтобы быть уверенной, что ты не влипнешь в какие-нибудь неприятности.

Мысленно я скривил губы. Я так давно избавился от привычки пользоваться маминой защитой от стрел и ремней жестких сокурсников и сокурсниц, что мое седалище уже успело задубеть. С восьми лет я уже не прятался за женские юбки. Мысль о бегстве под защитой женщины вызывала у меня такое же негодование, как у кота, которого гладят против шерсти, хотя

я и знал, что Мариан здорово превосходит меня физически. Но оказаться под опекой подруги в сто десять фунтов...

— Восемнадцать фунтов...

— Было бы мне не по душе.

— Ты не веришь мне, Стив?

— Верю. Но лучше тебе остаться. Я сосунок перед такой женщиной, как ты. Они мне кое-что сообщили, а я оказался достаточно мягкотелым, чтобы показать им, что я не верю.

Она внезапно схватила мою руку, но вовремя отпустила, иначе бы оставила без локтя.

— Стив,— сказала она серьезно,— поверь мне и возьми меня с собой. И позволь: «я буду твоей...»

— Лучшей подругой,— закончил я с раздражением.

— Пожалуйста, не надо,— сказала она, понурившись.— Неужели ты никому не доверяешь?

Я холодно посмотрел ей в лицо.

— Слишком тяжело в этом мире не телепату найти кого-нибудь, кому можно довериться. Да и с телепатами не так просто, потому что вряд ли телепат поймет, чем вызвано это недоверие. Так что...

— Ты не хочешь взглянуть фактам в лицо...

— Так же, как и ты, Мариан. Ты собираешься пойти со мной под предлогом, что желаешь мне помочь. Допустим, весьма признателен. Но ты отлично знаешь, что я буду биться и биться, пока что-нибудь не даст трещину. И теперь скажи мне честно, пойдешь ты со мной до конца, поможешь прорваться и раскрыть тайну или укажешь мне каналы, которые не дадут результатов и не причинят тебе вреда?

Мариан Харрисон на миг потупилась.

— Мне не нужна телепатия, чтобы почувствовать больное место,— тут она подняла глаза и сказала: — Больше всего на свете я хочу уберечь тебя от неприятностей. Ведь ты теперь понял, что особого вреда в нашей маленькой междоусобной войне ты никому не причинишь.

— Но если я не причиню вреда, то и пользы от меня тоже не ждите.

Она кивнула.

«И ведь я кое-что значу».

Она снова кивнула. Тут пришлось сдаться. Все пошло бы опять по кругу, как последние полгода повторялось неоднократно, столько, что я уже успел запомнить, как выглядит мой затылок, всегда одно и тоже.

Должно быть, я чем-то важен для обеих сторон, если они решили освободить меня, а не пустить в расход со всеми моими неприятностями. Правда, на мой взгляд, для них я так же бесполезен, как защитное покрытие для нержавеющей стали. Я был невосприимчив к Макстромовой болезни, и мой иммунитет был таков, что о него разбились все усилия изучавших болезнь ученых. И единственной зацепкой было внезапное исчезновение каждого, с кем я имел дело.

— Не стоит думать об этом, Стив,— тихо сказал Мариан,

нежно коснувшись меня рукой.— Напрасно ты занимаешься самобичеванием. Неужели ты веришь, что стал носителем какой-то ужасной заразы? Ну, что ты в самом деле!

— Пока не узнаю правды,— ответил я,— вряд ли я смогу что-то прощупать. Я не телепат. Может, если я был бы им, то не оказался бы в таком затруднительном положении.

И вновь ее молчание сказало мне, что я коснулся больного места.

— Так кто я?— воскликнул я.— Чудище великое? Единственное, что я сделал,— это провел некоторое время с людьми, которые потом исчезли. Что я, вроде Тифозной Мери, только мужского пола?

— Но Стив...

— Я только это и чувствую. Куда бы я ни протянул свои клешни, все плесневеет и начинает разлагаться. И не важно, на чьей стороне были жертвы, так случалось каждый раз, с Катериной, с Торндайком, с тобой, с сестрой Фарроу.

— Стив, о чем ты говоришь?

Я улыбнулся ей кривым подобием улыбки.

— Ну ты, конечно, не имеешь ни малейшего представления, о чем я думаю.

— Ох, Стив...

— И тут ты вновь собираешься увести мой непонятный маленький разум от так называемой опасной темы.

— Вряд ли мне удалось бы...

— А я не сомневаюсь. Будь ты на моем месте, я бы так и сделал. На мой взгляд, не так уж плохо защищать собственное положение, Мариан. Но тут тебе меня не провести. У меня закралось подозрение, что я вроде Тифозной Мери, только в мужском облике. Давай наречем меня Старым Макстромом Стивом. Переносчиком Макстромовой чумы, вольно или невольно болтающимся где попало и заражающим всех на своем пути. Не так ли, Мариан?

— Может, и весьма логично, Стив. Но это не так.

Я холодно на нее взглянул.

— И я тебе поверю?

— Вот мука,— проговорила она, всхлипывая.— Ты не сможешь. Ты ничего не примешь на веру, Стив.

Я криво усмехнулся.

— Мариан,— сказал я,— это смотря под каким углом взглянуть. А поскольку я не могу читать твои мысли, мне приходится полагаться на твои эмоции. И хочется отметить, что Мариан Харрисон не может мне лгать по многим причинам, среди которых та, что люди не лгут слепым, чтобы не причинить убогим нечаянную боль. Ладно, черт с ним. Какой бы гамбит здесь ни разыгрался, он все же лучше, чем ничего. Сейчас я нечто среднее между пешкой и королевой, Мариан: фигура, которой можно пожертвовать в любое время для развития дальнейшей игры. Подставь меня раз или два, чтобы заставить идти в нужном направлении, причем так, чтобы все казалось абсолютно естественным.

— Но зачем нам тебе лгать?— спросила она и тут же закусила губу, но, на мой взгляд, тут она дала маху, ведь вряд ли она собиралась подтолкнуть меня к размышлениям над своими проблемами, поскольку я преуспел в последнее время в глубоком анализе. В конце концов лучший способ отвлечь людей от опасных мыслей — это увести их от интересующей темы. Первое правило. А вот если первое правило не сработает, следует подсунуть им ложную информацию.

— С чего бы тебе врать?— заметил я с усмешкой. На самом деле смеяться мне вовсе не хотелось, это вышло как-то само собой.— Раньше это было бы ни к чему.

— Что?— переспросила она.

— Было бы ни к чему,— повторил я.— Давай представим, что мы живем в середине пятидесятых, до Райна. Стив Корнелл стал переносчиком болезни, которая на самом деле не бедствие, а благо. В то время, Мариан, любая сторона могла открыто объявить меня мессией, а я мог бы колесить по стране, спасая честных людей, граждан, праведных в образе жизни, мыслей, складе ума, или обладающих какими-либо другими достоинствами.

А за мной следовала бы команда сборщиков трупов, которая при общении со мной подхватывала бы болезнь. Здорово звучит, не правда ли?— не ожидая, согласятся со мной или нет, я продолжал:— Но теперь у нас всюду телепатия и ясновидение. Поэтому Стива Корнелла, разносчика заразы, пинают по кругу — от сломанной перекладины к почте, от человека к человеку, и он заражает людей, даже не ведая, что творит. Потому что если он узнает об этом, его способности похоронят в стенах Института Райна.

— Стив,— начала она, но я перебил вновь:

— И единственное, что мне стоило бы сейчас сделать, так это спуститься по главной улице, излучая во все стороны свои подозрения,— отчеканил я.— И пусть Стив достанется Медицинскому Центру, если хайвейцы не перехватят его первыми.

— Нам действительно не по вкусу заниматься переориентацией людей,— проговорила Мариан.— Они так меняются, что...

— Но мне это предстоит, не так ли?— заключил я спокойно.

— Прости, Стив.

— Так что мне остается только веселиться,— продолжал я зло,— нимало не заботясь, что в конце концов меня прихлопнут и что я вбиваю гвозди в собственный гроб. Но ничего, я пойду дальше, поставляя макстромов для ваших легионов.

Она посмотрела на меня, и в ее глазах показались слезы.

— Мы надеялись...— начала она.

— Вы надеялись привить мне болезнь в Хоумстиде,— перебил я ее грозно,— или же действительно изучали меня, чтобы выяснить, почему я стал только носителем, а не жертвой.

— И то, и другое, Стив,— сказала она, и в тоне ее не было лжи. Я бы поверил, это уж точно.

— Мрачные перспективы, не так ли?— спросил я.— Тем более для парня, который не сделал ничего дурного.

— Но очень жалко.

— Слушай,— сказал я, пораженный внезапной мыслью.— А почему бы мне не начать? Я мог бы хоть сейчас, в любой момент, не откладывая в долгий ящик, начать прививать болезнь каждому встречному-поперечному. Тогда я мог бы работать на вас, не боясь сойти с ума.

Она покачала головой.

— Мистеру Фелпсу тоже все известно,— сказала она.— И нам пришлось бы вырывать тебя из его лап. Он был бы рад использовать тебя в своих целях.

Я криво усмехнулся.

— Он уже не раз пытался и будет пробовать еще. Но не в этом суть. У Фелпса было достаточно шансов снять меня с крючка или, наоборот, подцепить. Так что твои страхи бессмысленны.

— До сих пор,— сообщила она мне серьезно,— пока ты еще не осознал своей роли в общей картине, ты был полезен Фелпсу, будучи на воле. Но теперь, когда ты обо всем догадался, Фелпс не сможет пасти тебя украдкой и все его надежды пойдут насмарку.

— Навряд ли.

— Увидишь,— сказала она, пожимая плечами.— Они попытаются. Не стоит экспериментировать, Стив, или я тут же ухожу. Очень скоро ты поймешь, что тебе надо держаться меня, ведь до меня первой все дошло.

— А знание условных знаков делает меня к тому же опасным для твоих хайвейцев? Их Убежище раскрыто?

— Да.

— Но поскольку теперь меня бросили на произвол судьбы, я вправе заключить, что ты со мной хитришь.

— А что мне еще остается делать?— горестно проговорила она.

Ответить было нечего. Я только сидел, глядя на нее, и старался забыть, что в ней сто восемнадцать фунтов твердой стали — чудовищная сила, и что она может поднять меня одной рукой и, не переводя дыхание, доставить в Хоумстид. Я не мог вырваться, ей ничего не стоило скрутить меня. Не мог врезать ей по зубам и смыться, я только сломал бы руку. Может, Бонанза 375 ее и остановит, но у меня не хватило бы мужества хладнокровно поднять оружие на женщину и пристрелить ее. Я печально хмыкнул. Это оружие лучше пригодилось бы против разъяренного медведя или подлинного египетского сфинкса.

— Ну и пусть, я не согласен,— сказал я упрямо.

Она взглянула на меня удивленно.

— А что же ты будешь делать?— спросила она меня.

Я почувствовал вспышку самоуверенности. Если я не смогу бежать, терзаемый виной за разнесение Макстромовой болезни, вполне вероятно, что кое-кто меня похитит и упрячет на другом конце страны. Я бы излучал мысли, как сумасшедший, я бы кричал о своей беде на каждом перекрестке, каждому фермеру, я бы

жаловался мысленно и настойчиво и рано или поздно в комнибудь зародил подозрение.

— Не будь идиотом,— осадила она,— помнишь, ты исколесил недавно всю страну. Ну и кого ты убедил?

— Я не пробовал, но...

— А помнишь людей в отеле Денвера?— продолжала она настойчиво.— Ну и чего ты добился?

«Очень немногого, но...»

— Одно из преимуществ телепата то, что его ничем не удивишь и не застигнешь врасплох,— сказала она.— Потому что никто ничего не сделает, пока хорошенько всего не продумает.

— Вот телепату и приходится мучиться,— отпарировал я,— потому что он настолько привык использовать свои знания о том, что случится в следующий момент, что мир потерял для него всякую неожиданность и таинственность. А ведь до чего скучно и...

Неожиданность не заставила себя долго ждать, влетела через заднее стекло, просвистела между нами, грохнула в ветровое. Раздался звук, будто кто-то колол ломом лед. Вторая пуля влетела через заднее стекло сразу за первой, отскочившей на пол машины. Но вторая не отскочила рикошетом назад, а прошила ветровое стекло насквозь. Третья пуля проделала тот же путь.

Это были предупреждающие выстрелы. Стрелок промазал намеренно. Он сумел трижды попасть в ту же дырку и превосходил меня возможностями эспера.

Я дернул стартер, и мы сорвались с места. Мариан прокричала что-то. Но слова ее унесло через дыру в заднем стекле.

— Стив, остановись! — закричала Мариан, как только смогла перевести дух.

— Шпики,— прорычал я, выписывая широкую дугу и выравниваясь вновь.— Не видать им наших трупов, милая.

Четвертый выстрел прошелся по мостовой сбоку. Пуля взвизгнула где-то в стороне, наделав столько шума, что лязгнули зубы и захотелось втянуть голову в плечи. Я нажал на газ и постарался, чтобы стрелка спидометра достигла дальнего конца шкалы. Если мы не прибавим ходу, то этот парень сзади прострелит нам шины и мы как пить дать перевернемся, но, возможно, он не собирается этого делать, пока я не наберу скорость. Он охотился не за Мариан. Мариан могла выбраться из любой катастрофы без единой царапины, а вот я — вряд ли.

Мы с ревом вышли на вираж, я дважды выписал колесами корявую кривую, обходя грузовик и вновь прижимаясь к своей стороне дороги, уходя из-под носа встречной машины. При этом до смерти напугал всех в автомашинах, включая себя.

Затем я миновал парочку друзей, стоящих с краю дороги, один из них только кивнул, а второй уставился мне вслед. Потом в сторону шарахнулась еще какая-то команда, вылезавшая по другую сторону из кузова прицепа. Они перегородили своим

прицепом всю дорогу и спускались с его борта прямо в придорожную канаву.

Я успел уловить тусклое мерцание выстрела, прежде чем перевел свое восприятие снова вперед на дорогу. Очень скоро меня не станет, ибо смерть ждет где-то через тысячу футов или около того, где они устроили второй заслон.

Мариан, не обладавшая даром предвидения, вскрикнула, прочитав этот новый образ в моем мозгу. Я нажал на тормоза и остановился задолго до препятствия. Сзади прозвучал треск выстрелов. Потрясая оружием, вперед вышли трое.

Я развернулся прямо у них на виду и ринулся назад к первому кордону. На полпути я вырулил машину на ухабистую обочину, затормозив только тогда, когда левая шина съехала с дороги. Машина взревела и уткнулась носом в небольшой кювет. Не успела она остановиться, как я уже выскочил вон и был таков.

— Стив!— закричала Мариан.— Вернись!

— К черту!— огрызнулся я на ходу, передо мной в двухстах ярдах была рощица. Я помчался туда. Потом решил прощупать преследователей. Мариан присоединилась к ним и показывала в мою сторону. Один из них вскинул ружье, но она остановила его.

Я перешел на рысь. Казалось, все идет благополучно, если я не окажусь на пути случайного выстрела. Я мог утешаться и тем, что никто не желал мне смерти.

Лесная чаща не была такой густой, как хотелось бы. На расстоянии она казалась непроходимой, но когда я побежал сквозь нее в самую гущу, она оказалась удивительно редкой. Она просвечивала насквозь, а почва под деревьями была аккуратно очищена от ветвей и утрамбована.

Я ощутил перед собой несколько преследователей, осторожно приближающихся к роще. Сзади догоняла еще одна банда. Я почувствовал себя гусеницей, сидящей на травинке перед жаворонком. Попробовал спрятаться в кустарнике, сознавая, что это слабая защита от ружейного выстрела. Вытащил Бонанзу и взвел затвор. Я не знал, в какую сторону придется стрелять, но это меня не заботило. Буду стрелять туда, откуда появится враг.

Над моей головой просвистело несколько пуль. Я не мог сказать, откуда они вылетели, потому что был чрезвычайно занят, старался втиснуться в норку под кустами.

Я огляделся вокруг, усилив свою чувствительность и оценивая ситуацию. Обе партии растянулись цепью и продвигались вперед, словно пробираясь сквозь гудящую толпу. То один, то другой поднимал винтовку и стрелял куда-то вперед, почти не целясь.

— Это,— заключил я,— скорее от нервозности, нежели от охотничьей сноровки, потому что никакой отряд телепатов и эсперов не станет палить куда попало, если не будет слишком нервничать. На мой взгляд, они запросто могут перестрелять друг друга.

Обливаясь холодным потом, я следил за их продвижением. Они шли мимо моего укрытия, стараясь обойти его стороной и оказаться между мной и отрядом врага. Маневр довольно

грубый, вроде игры в шахматы двух телепатов. Обе стороны с точностью до минуты знали, что на уме противника, где он и что собирается предпринять. Но они увиливали, притворялись, отступали, стремясь получить превосходство в расположении и количестве, поэтому противнику пришлось предпринимать ответные действия. Это была война нервов, игра сильных волей противников, способных подойти ближе, оставаясь на мушке, и не выстрелить первыми.

Оружие у них было самое разное: два охотничьих 35—70 Экспресс, которые пробивали дыру чуть меньше кончика сигареты, несколько короткоствольных ружей, спортивный карабин, напоминавший Гаранд, только с укороченным на пару дюймов стволом, несколько револьверов, один обшарпанный автоматический кольт 45-го калибра и тому подобное.

Я замер в своей маленькой берлоге, как только выстрелы затрещали всерьез. Вероятно, противники собирались хорошенько прочесать эту рощу. И, по-видимому, у них получился хороший заслон с ружьями, смотрящими во всех направлениях, так что тяжело было уберечь голову. На сцену вышли эсперы и телепаты.

Я до сих пор не понимал, кто где. Вроде бы та банда за моей спиной были дружки Мариан Харрисон, но из этого только следовало, что банда впереди была из фелпсовского Медицинского Центра или какой-нибудь связанной с ним группы, а на остальное мне было наплевать. Я мог побиться об заклад, что старина дипломант Фелпс даже не знал, что сейчас происходит. Скорее всего он был далек от той открытой борьбы и заварухи, которая шла у его порога.

Вновь смертоносно грохнули 35—70 Экспрессы, и отряды вернулись в исходное положение. Правда, я полагал, что ни одна сторона не собирается играть в солдатики. Так что кому-то действительно придется плохо.

Теперь они начали сходиться и расходиться, время от времени кто-нибудь чуть приостанавливался, получал передышку, вскидывал оружие и сшибал кого-то с ног своим карабином.

Конечно, без кровопролития не обошлось, но в основном выстрелы не достигали цели. Насколько я мог судить, ни один из них не стал фатальным. Может, причинил легкую боль.

В общем, один дым.

Макстромы запросто управлялись с ружьями, ножами, как впрочем, и с дубинками, прикладами винтовок или с тяжелыми булыжниками, колотя друг друга почем зря. Такое поле брани никак не подходило для Стива Корнелла.

Теперь я пустил в ход все искусство эспера. Если они засекут меня, то возьмут в оборот, забыв, что я не макстром. Поэтому я решил, что Стиву пришло время удалиться.

Я окинул округу своим восприятием. Банда, к которой присоединилась Мариан, кажется, двигалась к тому месту, где я находился, они шли с обеих сторон, парами, пригнувшись, а один ни на минуту не упускал меня из виду. Я подивился Мариан, как-то я был не в силах подставить женщину,

участвующую в этой заварухе. Мариан была телепатом не того ранга, с которым мне бы хотелось потягаться.

Я осторожно выполз из своего убежища, поднялся, пригнувшись, и побежал. Двое заметили меня, взвыли, но были слишком заняты своими врагами, чтобы преследовать меня. Один из них открылся, я свалил его на спину кусочком свинца из Бонанзы 375. Мне показалось ужасным и мерзким сделать выстрел, поскольку он не был смертельным. Это скорее напоминало игру в ковбоев и индейцев, чем бой не на жизнь, а на смерть.

Теперь я развязался с ними окончательно, выскочил из рощи и помчался, словно лань. Я вел машину с пробитыми шинами, старый шарабан, хоть и изрядно покалеченный, оказался довольно быстрым.

Я до сих пор не понимал, кто где. Вроде бы та банда за моей спиной спохватилась и пустилась в погоню. Я услышал крики с призывом остановиться, но проигнорировал их, как всякий разумный человек. Что-то с ревом громыхнуло сзади, и мимо пронесся огромный снаряд из Экспресса, шваркнув впереди о камень.

Это только ускорило мой полет еще на полтора фута в секунду. Уж если они позабыли о вежливости, я не подумаю остановиться.

Не целясь, я выстрелил через плечо, однако безрезультатно, разве что поднял свой боевой дух. Возможно, это поуменьшило их пыл, неизвестно лишь, насколько. Перескочив канаву, я подъехал к машинам. Наскоро прощупав их, подошел и выбрал одну, наиболее быстрой модели, в которой торчал ключ в замке.

Я вскочил внутрь с живостью, на какую только способен смертельно перепуганный человек. И пока они вопили и дрались в чаще леса, спокойно скрылся.

Громада, в которую я прыгнул, была «Спешал Клинтоном» с утесоподобными рессорами и нижней рамой, возвышавшейся над землей, подобно каменной глыбе. Я намеревался оставить как можно больше миль между собой и местом недавней стычки и сделать это как можно быстрее, а «Клинтон» лучше всех подходил для этого, пока я не вспомнил, что надпись 300 на шкале спидометра означает не мили, а километры в час. Тогда я нажал на педаль до предела.

Я был так занят своим бегством, что не заметил джепкоптер, который свалился мне на голову, воя, как все грешники ада сразу. Тогда, затормозив автомобиль, я мгновенно настроил свое восприятие на быстрое прощупывание.

Джепкоптер был разукрашен изображением Голубого Полицейского и отличался громадным золотым листом сбоку, внутри кабины находились два суровых джентльмена в форме с медными пуговицами и непреклонным взглядом старины Байли. Сбоку позвякивала пара наручников.

Они пролетели над моей головой в пятнадцати футах, промчались на тысячу вперед и сбросили заградительную бомбу. Она ярко вспыхнула, выбросив клубы густого красного дыма.

Я покрепче нажал на тормоза, почти поставив «Клинтона» на

дыбы, поскольку если бы коснулся передним бампером облака дыма, то выдал бы им себя. Я остановил машину в футе от бомбы, и джепкоптер, зависнув, снизился. Его турбины разогнали дымовую завесу, и аппарат приземлился перед моим новым резвым «Спешал Клинтоном».

Полицейский был краток и зол. «Паспорт, водительские права, скорее пилотскую книжечку»,— буркнул он.

Что же, чему быть, того не миновать. Водительские права у меня были в полном порядке, но они не давали мне разрешения водить машину, которую я выбрал, как мне заблагорассудится. Регистрационный талон машины лежал в ящичке для перчаток, где ему и полагалось быть, но то, что в нем говорилось, не совпадало с написанным в правах. И что бы я ни плел, предстоит расплачиваться полной мерой.

— Я пойду сам, офицер,— сказал я.

— Не падай духом, пилот,— ответил он цинично и начал писать в правах, заполняя пустые графы. Беспечная езда, превышение скорости. Вождение машины без соответственной доверенности в регистрационном талоне владельца (отметка об угоне машины) и так далее, и так далее, пока не набралось на пожизненное заключение.

— Пошли, Корнелл,— сказал он резко.— Я тебя забираю.

Я благоразумно подчинился. С полицией стоит держаться надменно, только если уже убедил ее, что она ошиблась, или стоя перед зеркалом в собственной квартире и высказывая воображаемому полицейскому все, что ты о нем думаешь.

Меня доставили в суд в сопровождении пары полицейских, сидящих по обе стороны от меня. Надпись на табличке судьи гласила: «Магистр Холлистер».

Магистр Холлистер оказался пожилым джентльменом со вставной стальной челюстью и взглядом, холодным, как ком снега. Он орудовал правосудием, словно острой лопатой и, казалось, либо считал каждого виновным в преступлении, либо постоянно гадал, на какие еще преступления пойдет человек, уйдя от правосудия. Я ерзал от волнения, пока магистр откручивал голову парочке ребят только за то, что они просрочили плату за стоянку. Я сидел, дрожа от макушки до пяток, пока он засаживал одного негодяя в тюрьму за поворот налево, запрещенный постановлением городских властей. Следующим номером он изъял десять долларов за явный проезд на красный свет, несмотря на то, что виновный оказался эспером, да еще приличного ранга, несомненно прощупавшим трассу и убедившимся, что вокруг на полмили нет перекрестного движения.

Затем Его Честь ударил в гонг и принялся за меня.

Он пригвоздил меня ледяным взглядом к стулу и саркастически спросил:

— Ну-с, мистер Корнелл, какой уловкой вы воспользуетесь, чтобы объяснить ваши преступления?

Я растерянно заморгал.

Он холодно посмотрел на судебного пристава, который вырос

из-под земли и зачитал выдвигаемые против меня обвинения глухим загробным голосом.

— Скажите,— бросил он,— признаете ли вы себя виновным или нет?

— Признаю,— коротко сказал я.

Он застыл от праведного ужаса. Ни разу на его памяти ни один человек в этом кабинете так просто не признал своей вины, как я. Никто не соглашался с его обвинениями так легко. Вдруг на меня нашло, и я почувствовал зуд. Мне стало невтерпеж, но вдруг я понял, что если сейчас попробую почесаться, Его Честь примет это как личное оскорбление. Я подавил безумное желание поскрестись о что-нибудь, до чего только можно дотянуться, но это далось с трудом, а пока Его Честь добавлял к прочим моим преступлениям попытку покушения на человеческую жизнь на Хайвее, зуд ликализовался в указательном пальце моей левой руки. Тогда я потер его о шов штанов.

Тем временем Его Честь продолжал, излагая лекцию номер семь «О Преступлении, Виновности и Страшной Каре». Далее он рассмотрел меня в качестве примера, упирая на то, что раз я эспер, то, следовательно уже ненормальное (он использовал именно это слово, показав, что старая ворона слепа как сова и ненавидит всех зрячих) человеческое создание, которое не следовало бы подпускать к нормальным людям ближе, чем на полмили. И неважно, что моя жизнь в опасности, или что я, безусловно, в машине был неконтролируемым, мои действия *могли породить панику* среди нормальных — он опять не преминул использовать это слово,— людей, которые с рождения не блистают телепатией или ясновидением. Последнее еще раз подтвердило мою догадку — ведь как ни крути, врожденные способности значат куда меньше пси-тренировки людей.

Он закончил свою лекцию следующей тирадой:

— ...и закон требует наложения штрафа в тысячу долларов или девяностодневного заключения в тюрьме, или того и другого вместе... — он специально посмаковал последние слова.

Я безучастно ждал. Зуд в пальце усиливался. Я быстро его прощупал, но ничего не напоминало Софпоров синдром. Слава богу, добрые старые нервные ассоциации. Как раз этот палец сосала маленькая трехмесячная супердевочка Снудлис. К счастью, у нее еще не было зубов. Да и я оставался тем же старым Стивом, именным носителем...

— Ну что же, мистер Корнелл...

— Да, Ваша Честь?— откликнулся я.

— Что будем делать дальше? Я склонен к снисхождению и позволю вам самому выбрать наказание, которое вы предпочитаете.

Хотя большая часть моих личных сбережений уже уплыла в сточную канаву, возможно, я смог бы наскрести тысчонку, продав кое-что из имущества, личные вещи и исчерпав свой и без того уже хилый банковский счет.

— Я бы предпочел уплатить, Ваша Честь, если бы вы дали мне время, чтобы собрать требуемую сумму...

Он стукнул молоточком по столу.

— Мистер Корнелл,— гневно прогудел он,— разве можно доверять вору. Всего за несколько минут вы в силах удрать от судебного правосудия, не получив наказания в соответствии с объявленным вам приговором. Правда, вы можете отправиться за деньгами, но только если оставите что-нибудь в залог, по ценности равное штрафу.

— Ничего себе...

— Однако если вы не в состоянии заплатить, мне ничего не остается сделать, как засадить вас на девяносто дней в тюрьму! Пристав!

Я отказался платить. И отказываясь, даже почувствовал своеобразное удовлетворение, уж слишком много они хотели получить.

И неважно, что мне предстояло на девяносто дней исчезнуть, за это время я смогу обдумать планы на будущее, погрызть ногти.

Зуд в пальце дал о себе знать, только на этот раз сильней, и уже не унялся от почесывания о штаны. Я надавил на подозрительное место ногтем большого пальца и почувствовал что-то твердое.

Я посмотрел на зудящий палец и прощупал его своим восприятием, изо всех сил сосредоточившись.

В кончике пальца сосредоточилось уплотнение, не больше булавочной головки. Я поковырял его ногтем. Из ранки брызнула кровь, и я в волнении прощупал крошечный комочек твердой плоти, который омывала горячая кровь. Мое восприятие не лгало: несомненно Макстромова инфекция. С иммунитетом можно было распроститься!

Пристав толкнул меня в плечо и сказал:

— Топай, Корнелл!

У меня было девяносто дней, чтобы понаблюдать, как этот комочек разрастается до невообразимой величины со скоростью одна шестьдесят четвертая дюйма в час!

Судебный пристав повторил:

— Топай, Корнелл,— и добавил сурово:— а не то я надену на тебя наручники.

Я повернулся, беспомощно пожав плечами. Попробовал подлизаться, заговорить, но безуспешно. Однако в то мгновение, когда я готов был заговорить, меня ошарашило, что я чуть было не совершил непростительную ошибку. Ведь какая разница, стану я огрызаться или нет. Все равно я погибну. Рано или поздно кто-то в этой местной тюряге войдет в мое положение и переправит меня в Медицинский Центр дипломированного специалиста Фелпса.

Снова я попал в ситуацию, где единственное, что я мог сделать, это пошире открыть уши и смотреть в оба. Авось, что-нибудь выплывет. Но прежде чем я шагнул по направлению к двери, кто-то сзади в зале суда ясно произнес:

— Ваша Честь, у меня имеется на этот счет кое-какая важная информация.

Его Честь с непередаваемым изумлением оглядел зал.

— В самом деле?— проскрипел он.

Потрясенный, я обернулся.

Между рядами спокойно шел доктор Торндайк. Он подошел к судье вплотную и объяснил, кто он и почему здесь оказался, затем выудил бумажник, до краев набитый всякими бумагами, удостоверениями и кредитками. Вид у судьи был весьма настороженный, но потом он кивнул, ознакомившись с содержимым бумажника. Торндайк усмехнулся в усы и продолжал, обернувшись ко мне:

— Было бы против моих правил позволить вам засадить в тюрьму этого негодяя,— сказал он внушительно,— ведь у мистера Корнелла Макстромова болезнь!

Как только он объявил меня заразным, все отпрянули и уставились на меня с ужасом и отвращением, а двое даже принялись вытирать руки носовым платком. Человек, который оказался на том месте, где я недавно ковырял комочек макстромовой плоти, отодвинулся от меня подальше. Несколько посетителей поспешно удалились.

Его Честь побледнел.

— Неужто?— переспросил он доктора.

— Точно. Обратите внимание на кровь на его пальце. Только что мистер Корнелл нащупал кусочек макстромовой плоти размером с булавочную головку. Это первый признак,— продолжал объяснять доктор.— Естественно, подобную раннюю стадию трудно обнаружить, разве лишь при клинических исследованиях. Но поскольку я телепат, а Корнелл — эспер, его мозг сообщил моему мозгу об этих печальных обстоятельствах. Единственное, что надо прочесть в его мозгу или прощупать — что стало с тем комочком макстромовой плоти, который он выковырял и уронил на пол.

Судья резко ударил молотком.

— Я вверяю этого преступника доктору Торндайку, который как представитель Медицинского Центра переправит заключенного в такое место, где ему окажут соответствующую помощь.

— Но послушайте,— начал было я, но Его Честь прервал:

— Делайте, как я сказал.

Я обернулся к Торндайку.

— Ладно, вы победили.

Он снова улыбнулся, мне так захотелось смазать эту улыбку костяшками пальцев, но я понимал, что только расплющу руку о твердое, как камень, лицо Торнайка.

— Тогда, мистер Корнелл,— сказал он тоном лечащего врача,— давайте обойдемся без обычных выходок.

— Всякого, подхватившего Макстромову чуму,— объяснил он судье,— начинает мучить мания преследования. Некоторые даже обличают меня в каком-то гигантском фантастическом заговоре против них. Не так ли, мистер Корнелл?— он продолжал смотреть на меня.— Мы обеспечим вам наилучшее лечение, которое только известно современной медицине.

Валяй,— проворчал я.

Его Честь еще раз ударил молотком.

— Офицер Грюнвальд,— рявкнул он,— проводите подсудимого и доктора Торндайка в Медицинский Центр, а потом доложите мне о выполнении задания.

Потом судья оглядел зал, ударил молотком еще раз и прокричал:

— Дело окончено. Следующее дело!

Мое второе посещение Медицинского Центра прошло довольно спокойно. Я вошел, как говорят, через служебный вход, так и не увидев крашеной блондинки у переднего подъезда. Мы проехали через широкие автоматические ворота в стороне от основной дороги. Потом остановились напротив небольшого кирпичного строения и как только прошли приемную, оказались в отдельном кабинете. Торндайк велел секретарше оформить меня. Мне совсем не нравилось, что со мной обращаются как с посылкой, но, казалось, никого не волновало, что я думаю по этому поводу. Все было сделано быстро и эффективно. Я едва успел сесть и закурить сигарету, как в дверь уже вошла сестра с указанными Торндайком документами, она огляделась и вручила их офицеру Грюнвальду.

— А это не опасно, для меня... э... общение...— запинаясь, обратился он к Торндайку.

— Если заметите, что...— попробовал я привлечь внимание к спокойствию Торндайка в моем присутствии и подбить Грюнвальда прощупать доктора, но тот вновь оборвал меня.

— Никто пока не нашел никаких следов инфекции,— сказал он,— а мы постоянно живем бок о бок с Макстромовой. Вы же видите, мисс Клифтон абсолютно спокойна.

Мисс Клифтон, сестра, продемонстрировала себя полицейскому и подала руку. У мисс Клифтон были такое личико и фигура, что человек забывал обо всем. Она выучила свою роль превосходно, полицейский и сестра вышли из кабинета рука об руку, и я только подивился, что делать макстрому в подобной компании.

— Я не хотел говорить вам, Стив. Вы сами не сознаете, что боитесь причинить кому-нибудь вред.

«А за что такие почести?— подсказывал мне разум.— Высоко взлетел? Или хочется посмотреть, как я корчусь от боли, пока инфекция подбирается к моим внутренним органам? Собираетесь внутренности ампутировать? Или отрезать больную плоть? Дюйм за дюймом наблюдая мои страдания?»

— Стив, некоторые вещи ты уже знаешь. Хотя бы то, что ты — переносчик. Других переносчиков нет. Мы бы хотели знать, как ты разносишь инфекцию.

«Снова в лабораторию»,— подумал я.

Он кивнул.

— К тому же, возможно, количество случаев Макстромовой удастся снизить, уменьшив фактор переноса.

— Надеюсь, как макстром буду вам полезен,— воодушевляясь, сказал я.

Торндайк показался немного озадаченным.

— Возможно.

— Послушайте, Торндайк, хватит ходить вокруг да около,— сказал я ему.— Я довольно хорошо осведомлен о том, что здесь происходит. Лучше рассказали бы, как отсюда поскорее смыться.

— Этого я не скажу.

— Кто же?

Он ничего не ответил, только принялся разглядывать меня, словно букашку. Я тут же последовал его примеру, и теперь мы были на равных.

Мои пальцы отбивали дробь, оценивая ситуацию. Я готов был забыть, что Торндайк макстром, и врезать ему по морде.

Он цинично усмехнулся.

— Ваше положение слишком незавидно, чтобы диктовать свои условия,— сказал он резко.

— Ладно,— неохотно согласился я.— Значит, я заключенный. К тому же под угрозой смерти. Не считайте меня безрассудным, если я возмутился.

— Беда, что вы делите все только на черное и белое. Спросите меня, что лучше: жить или умереть? И не ждите ответа. Единственное, что могу сказать, что не знаю. Это зависит от обстоятельств.

«А конкретнее, от чего?»

Он окинул меня холодным взглядом.

— Стоит ли вам оставлять жизнь?

— И кто же будет решать?

— Мы.

Я чертыхнулся, сожалея, что не знаю латыни. А как хотелось бы процитировать на ней о стражах и страждущих. Видно, он видел меня слишком узко, ограниченно, а я ждал, что он процитирует фразу, прочтя в моем мозгу. Но, очевидно, суть фразы до него не дошла, и он не проронил ни слова.

— А разве какой-нибудь человек или группа людей вправе решать, жить мне или умереть?

— Всегда,— ответил он.

— Разве...

— Преступники...

— Я не преступник. Я не нарушал общечеловеческих законов. А даже почти не нарушал Десяти Заповедей. А если и нарушал, то не настолько, чтобы быть достойным смерти.

Он помедлил и произнес:

— Стив, ты жертва широкой пропаганды.

— И не отрицаю,— буркнул я.— Весь человеческий род находится под властью то одной, то другой формы пропаганды, начиная с младенчества и до преклонного возраста и смерти, мы все повинны в свободомыслии. Мой отец, к примеру, бросил школу, не получил полного образования, и ему пришлось самому упорством, рвением, настойчивостью прокладывать себе дорогу. Он всегда клялся, что это закалило его волю и характер, дало мужество совершать такие поступки, на которые он не был способен раньше и при мысли о которых его прямо бросало в дрожь. А потом вдруг старик начинал сам себе противоречить,

говоря, что не хотел бы иметь сына, способного совершить то же самое.

— Не совсем так, Стив. Я знаю, какую пропаганду ты имеешь в виду, это вечная история, для всех и каждого, и никто не убежит от этого.

— А разве это плохо?

Доктор Торндайк пожал плечами.

— Ты имеешь в виду широкую пропаганду. В этом сумбуре полной свободы каждому человеку в конце концов выпадает счастливый случай выбрать ту линию поведения, которой стоит придерживаться всю жизнь. Мне даже хотелось бы подчеркнуть, что при этом та и другая сторона будут одинаково правы. Не так ли?

Я выдавил улыбку.

— Вряд ли. Я бы не стал спорить, потому что было бы ошибкой в любой политической дискуссии ставить на то, что твой противник немного лучше идиота. Но как инженер я не согласился бы.

— Тем лучше,— сказал он, немного просветлев.— Тогда ты согласишься с тем, что у нас есть право искать, находить и отбирать тех людей, которые, как мы думаем, больше подходят для создания совершенной человеческой расы. Ты не раз слышал эту давнюю притчу о гипотетическом катаклизме, погубившем человечество, и о том, как отбирают сотню людей, которым удастся спастись. Не правда ли, сейчас сложилась чем-то схожая логичная ситуация?

— Не знаю, может быть.

— Разве ты никогда не следил хотя бы за одним из этих громких судебных процессов, когда какой-нибудь полоумный маньяк вышибал мозги полудюжине граждан, наводя на них револьвер и спуская курок в толпу? А если следил, разве тебя не пугало рыдание сестричек и сочувствующих, когда порочного типа временно изымали из нашего окружения?

Мы не можем карать сумасшедших, неважно, сколько они причинят горя. Мы должны защищать их, оберегать, кормить, поить и содержать целых пятьдесят лет. И разве общество стало лучше, заперев его на пятьдесят лет; он еще все эти годы будет жить на шее других. И наконец, пока этот чокнутый жив, существует опасность, что какой-нибудь мягкотелый параноик последует его примеру и попробует еще раз.

— Согласен,— сказал я.— Но вы снова говорите о преступниках, а я себя к ним не причисляю.

— Нет, конечно,— произнес он быстро.— Я просто хотел показать вам на более конкретном примере, что все зависит от того, как посмотреть. Теперь мы продвинулись в нашем взаимопонимании на два шага вперед. Медицина способна ослабить действие подобных рецидивов. Эпилептиков берегут, чтобы они плодили новых эпилептиков, гемофиликов защищают, невротиков покрывают, немочь и пороки процветают и порождают новую немочь.

— Только какое отношение это имеет ко мне и моему будущему?— спросил я.

— Самое прямое. Я постараюсь доказать, что на Земле сейчас тьма никчемных людишек.

— А разве я отрицаю это?— спросил я его резко, но он пропустил это мимо ушей.

Я видел, куда клонит Торндайк. Ладно, раз я слеп и не принимаю тюремного заключения, когда нужно кормить, поить, одевать, содержать преступника и оплачивать прочие его естественные надобности. Ну, а следующим шагом мы уничтожим все болезни, физические и умственные. Я бы назвал второй шаг довольно сносным, но... Ну, а третий — возьмемся за нищих, бродяг, пьяниц, недоумков, только тут стоит призадуматься. Я знал некоторых прелюбопытных бродяг, пьяниц и нищих, которых вполне устраивала их жизнь, как меня — работа инженера-механика.

Вся беда была в том, что подобная профессия взывала к логике и здравому смыслу и становилась очень опасной. От маленького камня будут большие круги. Затем, когда нижняя прослойка общества исчезнет, возьмемся за следующую. Следуй аристотелевой логике и добьешься того, что останется только одна партия, вроде тебя и меня, которая мало чем выделяется рядом с другими, но к которой ты теперь принадлежишь.

Я не задумывался об этом прежде, но раз уж так вышло, пришлось признать, что общество не может скачком переходить из одного состояния в другое или стоять на месте. Оно должно постоянно развиваться в каком-то одном направлении. И если бы пришлось расплачиваться за всяких пустоголовых, за их нужды, я бы согласился, ибо в противном случае кто-то принялся бы выпихивать остальных, не способных достичь определенного уровня образования. Потому что, если тенденция направлена вверх, а не вниз, то граница сословий стирается. Анархия на одном конце не менее вредна, чем тирания на другом.

— Простите, вы так и не смогли прийти к правильному выводу,— проговорил Торндайк.— Если вы не понимаете логики...

— Слушайте, док,— резко оборвал я его.— Если вы не видите, куда заведут эти мысли, то можете сесть в лужу.

Он посмотрел на меня с превосходством.

— Вы злитесь, потому что не можете этого постичь.

Меня как прорвало.

— Вы настолько глупы, что не понимаете, что в любом обществе суперменов вам не доверят даже выносить помои.

Он самоуверенно усмехнулся.

— Пока доберутся до моего уровня, если, конечно, доберутся, вы уже будете далеко. Простите, мистер Корнелл, но для вас места нет

Не совсем приятно упоминать здесь, что банда Медицинского Центра отличалась грубостью, жестокостью, цинизмом и ее абсолютно не волновали человеческие страдания. К несчастью,

из-за моих моральных принципов я им не подходил. Они не срезали огромных лоскутков кожи без всякой анестезии. Они не вгоняли в меня тонкие иголки и не раскладывали на столе, вспарывая мне нутро мясницкими ножами. Вместо этого они обращались со мной так, будто я платил им за обхождение и в конечном счете должен был бы покинуть Центр, превознося их достоинства и добродетели. Я отлично питался, спал на чистой удобной постели, курил дармовые сигареты, читал хорошие журнальчики — и пусть в ущерб себе, но если говорить начистоту — свободно заводил шашни с персоналом, гостями, жертвами, пациентами и т.п.., пока меня силой не водворяли в палату.

Само собой, не всегда ко мне относились, как к желанному и любимому члену их компании. Конечно, нет, и насколько подсказывали их чувства, ни один из них не проявлял сострадания к моему бедственному положению.

В моей комнате был еще один человек того же возраста. Он поступил за день до меня с ранней стадией заражения в кончике пальца. Он шел, если прикинуть, на три восьмых дюйма впереди меня. Он ни о чем не тревожился. Он был один из их последователей.

— Как вы вышли на них?— спросил я.

— Я и не искал,— сказал он, потирая больной палец.— Они сами связались со мной.

— Да?

— Конечно. Я крепко спал, даже без сновидений. Кто-то постучал во входную дверь, я вскочил с постели и сразу же понял, что к чему. Было три часа утра. На пороге стоял парень с извиняющимся выражением лица. «Вам письмо»,— сказал он.— «Неужели нельзя было подождать до утра?»— проворчал я в ответ.—«Нет,— ответил он.— Это очень важно». Пришлось его впустить. Он не стал терять времени даром: не успев войти, указал на металлический торшер в углу и спросил, сколько я за него дал. Я ответил. Тогда этот субчик в два приема смахивает все с журнального столика, прыгает в угол, хватает торшер и завязывает металлическую трубку замысловатой закорюкой, даже не улыбнувшись.

— Вам не хотелось бы, мистер Мулени, стать таким же сильным?— спрашивает он меня. Я не стал крутить вокруг да около. Сказал сразу честно и прямо. Тогда с трех до пяти тридцати мы занимались игрой в вопросы и ответы, будто заполняя тестовую таблицу. В шесть часов я собрался и отправился сюда.

— Да ну? Прямо так сразу?— спросил я мистера Мулени.

— Конечно, сразу,— ответил он.

— И что же дальше?

— А завтра меня везут на обследование,— сказал он.— Поскольку они собираются начать обследование, прежде чем инфекция достигнет сустава или я лишусь его вообще,— он задумался, созерцая меня (насколько я понял, он тоже был эспером),— вас, по-видимому, отвезут через пару деньков.

Потому что ваш указательный палец длиннее моего большого пальца.

— А что за обследование?— спросил я.

— Этого уж я не знаю. Я пробовал прощупать насчет обследования, но оно происходит где-то далеко отсюда. Здесь что-то вроде предварительного бокса. Полагаю, они знают, как и с чего начинать,— он глянул на меня.— Несомненно, он был осведомлен о моей участи.— В шахматы?— спросил он, внезапно сменив тему разговора.

— Почему бы и нет?— усмехнулся я.

Правда, мои мысли были далеко. Он разбил меня в трех из четырех партий.

Я улегся около одиннадцати и, к моему удивлению, тут же заснул, должно быть, они что-то подмешали мне на сон грядущий, я очень хорошо себя знаю и уверен, что не смог бы сомкнуть глаз, если бы они не подсыпали снотворное. Меня выбило бы из колеи на три ночи, а тут утром я очнулся живой и здоровый.

На следующее утро мистер Мулени исчез, и больше я его не видел.

В полдень или около того кончик указательного пальца на моей левой руке стал твердым как камень. Я мог прищемить его дверью или прижечь сигаретой, у меня появилась дурацкая привычка чиркать о него спички, между делом прощупывая твердую плоть. Я несколько оправился от удара, но ненамного.

К тому же к этому времени слабый зуд изменился. Сами знаете, как достает такой зуд. Но иногда он может быть даже приятен. Словно легкое жжение после долгого купания в соленой морской воде и лежания на жарком солнце, когда по телу идет легкое покалывание, будто заново родился. Это совсем не то, чем когда в тебе копошится какая-то букашка — от чего хочется нырнуть еще раз, вместо того, чтобы выскрести назойливое насекомое своими клешнями. Да уж, чесотка в пальце была на удивление приятной. Я мог с остервенением скрести твердый, как сталь, сустав пальцами другой руки. Но теперь зуд сменился жгучей ноющей болью.

Мне явно не хватало восприятия, чтобы хорошо прощупать структуру макстромовой плоти, но зато его оказалось вполне достаточно, чтобы сообщить, что ползущий кошмар достиг первой фаланги.

Поэтому, наверное, и появилась жгучая боль.

И следовательно, если никто мне сейчас не поможет, я лишусь кончика своего пальца.

Никто не явился, чтобы успокоить мою боль, чтобы утешить мой разум. Они бросили меня на произвол судьбы. С полудня до трех часов я прощупывал свой кончик пальца, будто никогда не видел его прежде. Он был твердым, как камень, но удивительно податливым, когда я сильно надавливал на его поверхность. Он двигался, сгибался под моими руками. И ноготь напоминал обломок каленой стали. Я не мог согнуть ноготь ни рукой, ни ударом, ни зубами, он оставлял неприятное ощущение куска

металла, напоминавшее моему мозгу, что для старых зубов он слишком твердый орешек.

Интересно, какими пилочками они делают себе маникюр.

В три тридцать дверь в комнату отворилась, впустив мистера Фелпса с сердечной благодушной улыбкой.

— А-а-а,— протянул он весело,— вот мы и встретились, мистер Корнелл.

— При плачевных обстоятельствах,— сказал я.

— К несчастью,— кивнул он.— Однако не всегда нам везет.

— Мне не нравится быть живым примером.

— А кому нравится? Все же, с философской точки зрения, у вас не больше прав жить за чужой счет, чем у других. Ведь все там будем. И, конечно, если всем людям обеспечить бессмертие, мир превратится в сумасшедший дом.

Я признавал, что он прав, но не мог согласиться с его беспристрастной логикой, поскольку мне здесь отводилась роль жертвы. Он угадал мои мысли, хотя был только эспером, правда, это и не составляло большого труда.

— Все верно, но стоит заметить, что нет времени рассиживаться и разглагольствовать на тему философии, метафизики или чего-нибудь подобного. Вам сейчас не до того.

— Верно подмечено.

— Вы уже знаете, конечно, что являетесь переносчиком.

— Пришлось поверить. Во всяком случае все, с кем бы я ни повстречался, либо исчезали, либо подхватывали Макстромову, либо и то и другое.

Специалист Фелпс кивнул.

— Когда-нибудь вы все равно бы догадались.

— Но неужели,— взглянул я на него,— вы погнали за мной целую спасательную бригаду, чтобы собирать жертвы? Или подбирали только тех, кого хотели? А хайвейцы потворствовали вам и этой гонке?

— Слишком много вопросов сразу. И было бы лучше, если бы большинство из них так и осталось без ответа. Во всяком случае для вас. А может, даже и для нас.

Я пожал плечами.

— По-моему, мы вновь увлеклись философией, тогда куда важнее выяснить, что вы со мной собираетесь делать.

Он насупился.

— Трудно оставаться нефилософом в подобных случаях. Слишком много открывается перспектив, идей, точек зрения. С удовлетворением хочется отметить, что вы довершили дело: наличие переносчика явилось решающим фактором, который мы искали на протяжении последних двадцати лет или около того. Вы стали направляющей силой, последним кирпичом в здании, окончательным ответом. Или, к сожалению, были.

— Был?

— В соответствии с нашими знаниями о Макстромовой, которые, кстати, остаются довольно скудными,— сказал он,— главное — носитель должен быть абсолютно иммунным. Иногда мы бываем свидетелями того, как переносчиком становится

человек, подцепивший незначительную или ослабленную инфекцию, иммунизирующую его, но не способную убить и комара. А с другой стороны, мы не раз сталкивались с переносчиком, который, наконец, заразившись, вдруг становился обычным больным. А что мы имеем теперь? Останется ли Стив Корнелл переносчиком Макстромовой после того, как сам заболеет ею, или...

— Ну и какой вывод?

— Загадка не из простых,— проговорил он задумчиво.— Одни полагают, что нам не следует вас лечить, поскольку само лечение может уничтожить какой-то неизвестный фактор, делающий вас переносчиком. Другие утверждают, что если мы не станем вас лечить, вы свалитесь задолго до того, как кончатся всесторонние обследования. А третьи уверяют, что настала пора выяснить, почему вы являетесь переносчиком, сделать соответствующие анализы, вылечить вас и затем повторить анализы.

— Полагаю, меня никто спрашивать не собирается,— оборвал я его.

— Вряд ли,— его лицо осталось невозмутимым.

— А к какой группе относитесь вы сами?— спросил я.— Станете или нет мной заниматься, заставите ли подохнуть, как собаку, замеряя кровяное давление, а может, я спокойно лишусь пальцев, пока вы сидите здесь сложа руки, ожидая доклада лаборатории.

— В любом случае мы узнаем от вас очень многое о Макстромовой болезни,— бросил он.— Даже если вы умрете.

— Мне очень лестно сознавать, что моя смерть будет не напрасна,— произнес я как можно более язвительно.

Он взглянул на меня презрительно.

— Вы же не боитесь смерти, мистер Корнелл.

— Боюсь я смерти или нет, сейчас или погодя, к счастью или наоборот — это не имеет значения. Теперь не место и не время говорить об этом, да я и не вижу причин.

Мы сидели, уставившись друг на друга, он не знал, то ли надуться, то ли рассмеяться, а меня это тем более не волновало. Казалось, мы приближались к чему-то похожему на конец. Потом последуют похороны, заявления, что я-де умер, ибо современная медицина бессильна, и вечные «вах-вах-вах» о недостатке фондов и очередных пожертвований Медицинскому Центру. В результате Фелпсу еще больше развяжут руки, все же остальные покатятся ко всем чертям.

— Ну, что ж, чему быть, того не миновать,— просипел я.— У меня нет ни мнения, ни прав, ни голоса. Никого не трогает, каково мне сейчас.

— Я ведь не нелюдь, не толстокожий монстр, мистер Корнелл,— откликнулся он холодно.— Я думаю, вы понимаете мою точку зрения или, во всяком случае, согласитесь, что в ней есть доля истины.

— Мне кажется, я уже прошел это с Торндайком.

— Другой подход. Я говорю о своем праве на открытие.

— О чем?

— О моем праве на открытие. Вам как инженеру должна быть близка подобная идея. Будь я поэтом, я бы написал оду своей любимой и никто бы не в силах был заставить меня посвятить ее кому-нибудь другому. Будь я поваром, открывшим новый рецепт, никто не посмел бы утверждать, что я увел его у своего друга. Тот, кто открыл что-то новое, должен иметь право не выпускать его из своих рук. Если бы создание макстромов было каким-то техническим открытием или новшеством, я мог бы его запатентовать, получив исключительное право пользования на семнадцатилетний период. Не так ли?

— Да, но...

— Да, но сейчас на мои права наплевали бы и дело вышло бы из-под контроля...

Я замер и с гневом посмотрел ему в лицо. Он ничего не скрывал, просто был макстромом. И все же на миг запнулся.

— Взгляните на меня,— рявкнул я.— Разве вправе один человек или даже какая-то группа скрывать, утаивать или держать в руках какой-то процесс, который можно использовать, чтобы спасти человеческую жизнь?

— Этот аргумент уже приводился ранее. Вы, может быть, по-своему и правы. Но, к моему счастью, мистер Корнелл, у меня есть секрет, а у вас — нет, и тут уж ничего не поделаешь. Я имею право использовать его на тех людях, которые, по моему мнению, в большей мере будут способствовать прогрессу человеческой расы. Однако не стоит снова вдаваться в скучные и нудные дискуссии. Как сказал один древнегреческий философ, сколько с человеком ни спорь, мысли его не переделаешь. С другой стороны, думается, однако, что вы нам кое в чем могли бы услужить, хотя и против своей воли.

— Да? И что я с этого буду иметь? Наверное, нужно кого-то убить?— я цинично оглядел его и добавил:— Или, может, спросить, кого я должен убрать? Вы же знаете, как по вкусу мне подобные штучки.

— Не смейтесь, я серьезно,— сообщил он.

— Тогда хватит юлить, выкладывайте,— взорвался я.— Вы в курсе. А я нет. Поэтому если хотите меня заинтересовать, лучше говорите, чтобы не ломать голову.

— Вы, конечно, были переносчиком, может, им и остались. Но определить это мы не в силах. Собственно, мы могли бы, если бы...

— Ради бога, кончайте!— вскрикнул я.— Что вы темните?

— Простите,— сказал он извиняющимся тоном, от которого меня пробрало до мозга костей. Он немного помялся и продолжил:— Если бы вы остались переносчиком, то могли бы принести пользу Медицинскому Центру. Теперь понимаете?

Еще бы не понять. Как нормальные люди они ничего против меня не имели, только пинали туда-сюда и подбирали за мной жертвы. А теперь, когда я сам стал жертвой, они обеспечат мне «лечение», если только я побожусь объехать всю страну, намеренно заражая подобранных ими людей. Либо это — либо ложись и подыхай. Вряд ли специалиста Фелпса подобная мысль

осенила внезапно. Он вынашивал ее давно, выжидая развязки второго деликатного вопроса, когда мне деваться будет некуда и останется лишь терзаться угрызениями совести, а кому-то, несомненно, достанется роль спасителя-чудотворца.

— Здесь есть одно скользкое место,— сказал он мягко.— Если мы вас вылечим, нам придется полагаться только на вашу честность и порядочность, чтобы получить обещанное. Мы не так наивны, мистер Корнелл, мы с вами отлично понимаем, что честное слово — лишь джентльменское соглашение. Поскольку, на ваш взгляд, медицинское обслуживание несовместимо с дискриминацией, а наша программа улучшения человеческой расы путем выборочной селекции претит вам, то вы будете связаны лишь честным словом, разве не так?

Что мне было ответить? То будут, то не будут, то опять будут, чего Фелпс добивается?

— Встаньте на мое место, мистер Корнелл, уверен, что вы бы искали какую-нибудь новую управу против меня. По той же причине я продолжаю искать такой же рычаг против вас. Между тем, мистер Корнелл, мы должны посмотреть, а стоит ли вообще пытаться найти с вами реальную основу для нашего соглашения. Ведь вы можете перестать быть переносчиком, сами знаете.

— Да,— ответил я мрачно.

— Между тем,— сказал он бодро,— мы наконец можем начать лечение вашего пальца. Мне было бы неприятно, если бы вы уклонились от сделки, потому что вы не в силах вылечить все свое тело сразу.

Он просунул в дверь голову и позвал сестру, она вошла с черным саквояжем. Из саквояжа она извлекла подкожный инъектор и маленькую металлическую коробочку, на крышке которой находились тонкая раздвижная платформочка и несколько крошечных ремешков. Он притянул ими мой палец к платформе и вставил длинный шнур в ближайшую розетку.

Маленькие шторки раздвинулись, ближняя к запястью быстро завибрировала и чуть передвинулась, оставив ощущение невыносимого зуда. Край створки изогнулся, вывернув кончик пальца под углом в шестьдесят градусов. Это движение повторялось неоднократно, медленно, но регулярно.

— Не стану врать,— сказал он наставительно,— это будет очень болезненно.

Он поднес подкожный инъектор к концу фаланги и нажал спуск. На миг палец онемел и по нему растекся приятный холодок. Потом шок прошел и кончик пальца, весь палец, затем и часть руки охватила жуткая невыносимая боль, которую вряд ли испытывал хоть один смертный. Вспышки и волны боли поднимались по руке к локтю, сводя мышцы предплечья. Нервный узел в локте гудел, посылая усиливающиеся уколы вибрирующих иголочек к моему плечу. Моя рука стала источником жгучего жара и морозного холода, и все это время боль ломала, выкручивала и сотрясала тело.

Фелпс вытер мое мокрое лицо полотенцем, вынул еще один инъектор и всадил мне в плечо. Дрянь постепенно подействовала,

и жуткая боль начала спадать. Пусть не совсем, но она уменьшилась от совершенно невыносимой до едва ощутимой.

На миг я понял, почему животное, попавшее в капкан, отгрызает собственную лапу, чтобы вырваться из ловушки.

Из недр своего саквояжа он извлек бутылку и налил мне полстакана, это подействовало на меня, словно глоток хорошего мягкого виски. А вообще похоже было на то, будто выплеснули глоток воды в бокал с измельченным льдом и виски с содовой. И он обжег, словно пламя, встряхнув мой желудок и мозг Фелпс плеснул мне чистого спирта.

Своеобразное противоядие, но подействовало. Жуткая боль в руке понемногу начала стихать.

— Примерно через час снимите манипулятор,— сказал он мне,— а потом продолжим лечение.

Я прикинул, что они всегда смогут его остановить, если надобность во мне исчезнет.

Полночь. На несколько часов с моей руки сняли манипулятор, и стало очевидно, что Макстромова завладела первым суставом и пробралась к следующему. Но меня это не обрадовало, хотя я и мечтал о прекрасном твердом теле, мне совсем не нравились невыносимые муки, сопутствовавшие пересекающей сустав инфекции. Я прикинул, как будет с запястьем,— это довольно сложный сустав, и боль в нем наверняка превзойдет боль в суставе указательного пальца. Я, конечно, слышал рассказы, будто бы, достигнув вершины, страдания не причиняют в дальнейшем больших мук, и воспринял это как должное. Но теперь я не был слишком уверен, что то, что я испытал, не станет исключением, потому что, как известно, нет правил без исключения.

Я все еще пребывал в мрачном и безутешном настроении. Но умудрился поесть, побриться, принять душ и расслабиться, поскольку попал все же в наилучшее положение. Ведь могло получиться гораздо хуже. Я лег и прощупал помещение.

В здании находилось несколько пациентов, но ничто здесь не напоминало дом Маклинов. Когда начиналось лечение, больных отправляли в другую часть света. Там не было ни сиделок, ни докторов, ни ученых, ни какого-либо другого персонала.

Снаружи, по другую сторону дороги, находился маленький светлый домик, который принадлежал, очевидно, охране, но по сравнению с армейской она была почти формальной. Территория, вместо того чтобы патрулироваться охранниками (которые могли невесть где проболтаться), была разбита на квадраты, нашпигованные индукционными датчиками и фотореле.

Вы наверняка читали, как маскируются подобные заведения. Я тоже. Поэтому, прощупывая его там-сям, выбирал путь от черного хода моего здания до ближайшего слоя мертвой зоны. Эта безопасная область, вздымаясь волнами, простиралась к зданию, словно гряда облаков, вершина ее поднималась, подобно колоннаде неизвестно какой высоты. Она снижалась недалеко отсюда, но точно над зданием не проходила. Дальний конец колоннады терялся вдали, и, несмотря на свою тренировку,

прощупав дальний конец мертвой зоны, я несказанно поразился. Меня будто нарочно наводили на мысль окинуть все поверхностным взглядом, не занимаясь детальным осмотром.

Я расслабился. Если мне и суждено было выбраться отсюда, то только с посторонней помощью. Мне бы понадобился лихой пилот джепкоптера, севший в мертвой зоне колонны с выключенным холодным двигателем. У Медицинского Центра не было радара, наверное, по тем соображениям, что слишком высокая засекреченность говорит о важности скрытого. Поэтому я спустился бы с выключенным мотором, приземлился и выждал: выбрать момент можно наверняка, потому что мне, заключенному, придется преодолеть галопом двести метров свободной псизоны, перелезть высокую изгородь, затянутую колючей проволокой, пересечь еще пятьдесят ярдов во тьме и найти своего сообщника. Взлететь придется вслепую, сразу же, как обнаружу коптер, а дальше все будет зависеть от сноровки пилота, от того, насколько он разбирается в двигателях и ускорителях.

Конечно, через некоторое время, наперекор всем моим планам, люди Медицинского Центра прочтут мои мысли и скорее всего заполнят мертвый участок патрулями из грубых здоровых джентльменов, достаточно вооруженных, чтобы остановить танк.

За неимением какого-либо устройства или приспособления, которое экранировало бы мой мозг от любопытных телепатов, мне оставалось только одно — улечься в мягкую постель и погрезить во сне о бегстве.

Очевидно, я уснул и вообразил, что за мной гонятся молларды с шампурами, унизанными чертовыми пончиками. Но беспокоила меня почему-то в основном парочка клиентов, решивших, что единственный способ унять моллардов — пальба. И их одежда была под стать снаряжению. Кто охотится на уток с каноэ, разве станет одевать штормовку и бутсы? Потом они, очевидно, купили несколько уток у меня и отправились домой, бросив меня кошмарам на съедение.

Около восьми утра в мою дверь тихо постучали. Поскольку я проворчал, что могли бы и не утруждаться такими формальностями, дверь отворилась и вошла женщина с завтраком на подносе. Это была не моя сиделка, это был эспер в образе сбрызнутой лаком блондинки.

Собственно, из ее косметики, одежды или прически это не вытекало. Она была само совершенство. Но у нее был такой глянцевый вид, что наводил на мысль об автоматроне, запрограммированной создавать приличествующий шум и отпускать в нужное время подобающие выражения. Как будто она никогда не задумывалась ни о себе, ни о проблемах, которые выходили за пределы компетенции ее мелочных интересов. Как будто покрой ее платья и застывшая красота лица были в ее жизни важнее всего.

У меня было всего несколько мгновений, чтобы прощупать ее сущность. И я увидел ее глаза. Они какое-то время бездумно смотрели в точку в трех дюймах над моим плечом, а потом сосредоточились на мне, причем было неважно, где, в какой точке

комнаты она сейчас находилась: поднимала ли шторы, задергивала ли их или убирала всякую мелочь, будто какая-нибудь младшая сестра. Наконец она поставила поднос на столик и остановилась, глядя на меня сверху вниз.

С первого взгляда я понял, что она не телепат, поэтому я грубо спросил:

— А где обычная девушка? Где моя сиделка?

— Я заменю ее на время,— сказала она.

В ее голосе чувствовалась какая-то напряженность, она старалась использовать тот вкрадчивый тон, которым пользуется профессиональный ясновидец, но заученный голос ломался и сквозь него проступали ее естественные интонации.

— Почему?

Тут она смягчилась или, может, чуть расслабилась. В ее лице появились намеки на характер, а тело потеряло свою суровую недоступность.

— Вас что-то тревожит?— спросил я ее мягко. У нее на уме было что-то такое, что оказалось чересчур велико для нее, а дрессировка была не столь хороша, чтобы дать возможность высказаться. Я надеялся помочь ей, если смогу. И еще я хотел знать, что она здесь делает. Если ученый Фелпс думает надавить на меня рычагом в образе женщины, он глубоко заблуждается.

Она смотрела на меня, и я уловил тень борьбы на ее лице.

— Тревожит?— спросила она шепотом.

— Да, что тревожит?

— У меня Макстромова болезнь,— последнее слово вырвалось с двумя слезинками, появившимися из-под прикрытых век.

— Ну и что?— спросил я.— И стоит ли из-за этого так убиваться?

Она захлопала глазами и посмотрела на меня.

— А разве это не ужасно?

Я вспомнил о боли в пальце и попробовал солгать:

— Мне чуточку больно, но, по правде говоря, это, наверное, из-за того, что я долго тянул с первой процедурой,— надеюсь, я оказался прав, может, я выдавал желаемое за действительное, но скорее всего угадал верно. Не очень-то хотелось испытывать те же муки при поражении каждого нового сустава.

Я потянулся к столику и нашел сигареты. Выудил две и предложил ей. Она осторожно протянула руку, готовая в любой момент ее отдернуть. Правда, почти тотчас это прошло. Такое чувство испытываешь, когда отправляешься в кабинет зубного врача, чтобы покончить раз и навсегда с неприятным делом. Это стоит непреодолимых усилий. Но достаточно пересечь какой-то рубеж, после которого повернуть назад уже невозможно, и дальше идешь вперед без всяких колебаний.

Наконец она дотянулась до сигарет, но была очень осторожна, из опаски как бы не коснуться моей руки, будто та могла ее ужалить. Потом, как бы решившись, ее рука коснулась моего запястья.

Мгновение мы стояли как вкопанные. Потом я поднял другую руку, вытащил сигарету, о которой она забыла, и протянул.

Я участливо взглянул на нее. Затем поднял левую руку и посмотрел на заразу. Палец, который когда-то жевал макстромов младенец в Хоумстиде. Неуверенно пожав плечами, я поднес ее руку ко рту, коснулся ее языком и прощупал своим восприятием, зажав тонкий кусочек ее кожи между зубами. Затем резко сжал их, почувствовав кровь. Она дернулась, замерла, прикрыла глаза и сделала глубокий вдох, но даже не вскрикнула.

— Вот, если не ошибаюсь, должно сработать, сказал я спокойно, теперь ступайте и помажьте йодом. Похоже, человеческий укус переносит инфекцию, и я не думаю, что какой-нибудь антисептик сможет остановить Макстромову, они пробовали на мне антисептики,— вспомнил я Хоумстид.— Теперь, мисс, не знаю как вас там, садитесь сюда и рассказывайте, как вас осенила эта жуткая идея.

— О, я не могу,— заплакала она и перестала сосать свой кровоточащий палец.

В объятиях я не нуждался, я только хотел убедиться в своей догадке. Кто-то нажал на нее. Может, кто-то, кого она любила, стал макстромом, и она решилась. К тому же была вероятность, что ей дали понять, что они возьмут ее в сообщники, только если она подхватит Макстромову, и они используют мое пребывание как отличную возможность проверить меня, а заодно получить и ее.

Я поразился, вроде бы она была не большого ума, я не мог себе представить, с какой стати Фелпсу, который держал ключевые позиции, давать ей зеленый свет. За исключением того, что она была женщиной привлекательной, если вам нравятся женщины — красивые куколки. А ей, наверное, нравилось жить в своеобразном мирке, окруженной со всех сторон журналами, кружевными занавесками, телевизионной мыльной оперой и полным загоном макстромовых детишек. Просто невероятно, как поборников нового общества тянет к женщинам, чьи мозги заняты мирскими заботами о доме и семье.

Ладно, надеюсь, она ее подхватит, если по-настоящему этого захочет. И голову могу дать на отсечение, что она пошла на это ради своего суженого, а не во имя элитарного общества, которое он создает.

Я покончил с завтраком и отправился посмотреть, как парочка телепатов играет в шахматы, но после ленча это мне наскучило. Шахматы телепатов ничем не лучше покера ясновидцев.

Потом настал черед обеда, заполненного лабораторными анализами, экспериментами, обследованиями, процедурами и тому подобным, они были ничем не лучше предпринятых в Хоумстиде, и я удивил их и несказанно обрадовал, выдав нагора прошлые данные о крови и прочей дряни.

Они не порадовали меня новой подружкой, и я бродил после обеда по Центру, скрываясь от Торндайка или Фелпса. Мне не хотелось вступать с ними в какую-нибудь новую дискуссию, и не нужно было быть большим ясновидцем, чтобы предсказать,

в какую беспросветную тьму повергнут меня их семантические упражнения.

И я снова пораньше завалился спать.

И снова меня в восемь утра разбудил стук в дверь. Но сей раз это был уже не робкий испуганный стук, теперь он звучал куда веселее и громче. Моя реакция осталась прежней. Поскольку это был их спектакль и их декорации, я просто недоумевал, с чего им так раскланиваться.

Опять блондинка. Она вошла с грустной улыбкой и поставила поднос.

— Взгляните,— воскликнула она и вытянула руку.— Кровь перестала течь, и ранка покрылась тонкой корочкой.— Я прощупал ее и кивнул. Без сомнения, первые признаки Макстромовой.

— Вышло, детка,— сказал я.

— Знаю,— проворковала она в ответ.— Боже, дай я тебя расцелую.

И не успел я подумать о различных оттенках слова: «боже» и что она хотела этим сказать, как она упала в мои объятия, отметая все одним теплым несдерживаемым порывом, да таким, какого я уже давно не видывал. С тех пор, как я обнимал Катерину у нее в квартире незадолго до катастрофы, а потом провел некоторое время в обществе сестры Фарроу, которая оказалась ко мне весьма равнодушной, на мою долю выпадали только приятельницы-макстромки, а при их хватке можно было от волнения свернуть шею. Через некоторое время, когда я начал отвечать ей с энергией и энтузиазмом, она выскользнула из моих объятий, уйдя из зоны досягаемости к подножию кровати.

— Гарри благодарит вас за это,— сказала она чуть холодновато. «Это» значило инфекцию в пальце.

«Чтоб твой Гарри сдох»,— подумал я, когда она ушла. Затем я ухмыльнулся про себя, как Чеширский кот, потому что вдруг осознал, что стал теперь настолько значимым для них, что они просто не позволят мне умереть. Неважно как, но я буду жить. И после долгой сумятицы и треволнений мысли быстро вернулись в привычное русло.

Я прикинул, как будет с ребенком. Даже если ребенок окажется еще одним переносчиком, пройдет слишком много времени, пока он вырастет и его смогут использовать.

Я пошел дальше, ведь не колесил же я по округе, кусая наивных граждан. Видно, вполне достаточно небольшого контакта, просто укус ускоряет процесс.

Так что здесь я в полной безопасности и в соответствии со своими желаниями. Могу оставаться с Фелпсом и кусать только фелпсовых аристократов, а могу отправиться к хайвейцам и кусать там кого заблагорассудится.

Я усмехнулся, глядя на себя в зеркало. Пусть я добрый парень, но уж лучше буду кусать я, чем другие. Я показал зубы своему отражению, получилась отличная реклама зубной пасты с голливудской улыбкой.

Мое отражение посуровело.

«Стив,— подумало оно,— старый чертяка, уж если собрался кого-нибудь укусить, ступай подальше от Медицинского Центра».

Часом позже они вырвали мне клыки без всякой анестезии.

Торндайк зашел посмотреть развитие инфекции и признал, что через несколько дней я буду готов к основному лечению.

— Мы бы хотели отсрочить основные процедуры,— сообщил он,— потому что это слишком надолго лишает пациента способности передвигаться.— Он нажал кнопку звонка, выждал, и скоро дверь открылась, пропуская санитара, толкающего передвижной столик, нагруженный медицинским хламом. Я был слишком поражен, чтобы заметить, что лежит на столике.

Все мое внимание было отдано Катерине, выряженной в униформу Серой Леди и ставшей чрезвычайно услужливой. Выглядела она посвежевшей, веселой и довольной. Язык мой застыл, дернулся и остался неподвижен.

Справлялась Катерина вполне профессионально. Она подняла подкожный инъектор и вложила его в протянутую руку Торндайка. Ее глаза обратились ко мне и ободряюще улыбнулись. Она твердой рукой взяла мою руку, крепко сжала ладонь и неподвижно держала ее, пока Торндайк стрелял во второй сустав. Ее рука стала еще тверже, когда она выдохнула:

— Стив, я так рада!

И затем продолжила свою работу.

Меня поразила ирония происходящего, но потом я вспомнил чудовищные поздравления тех, кто подхватил инфекцию.

Затем меня накрыла волна агонии, и я запомнил только, как Катерина сложила полотенце рубчиком внутрь, вытирая капли с моего лица. Она обняла мою голову руками и тихо напевала, пока меня держала пучина боли. Потом она вновь взялась за дело и отодвинула Торндайка в сторону, чтобы самой закрепить ремешки манипулятора. Она сделала это нежно и осторожно. Затем наградила меня стаканом ледяной воды, поставив его так, чтобы я мог дотянуться здоровой рукой. Она вышла, посмотрев мне в глаза долгим изучающим взглядом, и я понял, что она вернется позже, чтобы поговорить со мной. Это было невозможно рядом с таким искушенным телепатом, как Торндайк, который мог запросто подслушать нашу интимную беседу и обернуть ее себе на пользу.

Как только Катерина вышла, Торндайк повернулся ко мне и с циничной самоуверенностью сказал:

— Вот и нашли на вас управу, Стив.

Наркотик сломил все, но волны боли, притупившись, устояли.

— Так вы предложили ей уплатать по счету, Торндайк?— умудрился я улыбнуться сквозь них.

— Да за вашу шкуру она не даст и монеты,— отозвался он презрительно и, хмыкнув, вышел, оставив меня наедине с мыслями и болью. Крошечный манипулятор обрабатывал второй сустав моего пальца, ритмично перемещаясь вверх и вниз, и с каждым мгновением боль возвращалась. К тому же он упражнял и первый сустав, который так закостенел, что мои

мускулы отказывались им двигать уже несколько часов. Это тоже подливало масла в огонь.

Наркотик помогал, но в то же время и мешал моей способности сосредоточиться. Если плясать от этой печки, все становится ясно, логично и понятно. Катерина здесь, потому что они связались с ней по каким-то каналам и сказали: «Попробуйте отказаться — и увидите, как ваш любимый умрет в муках». Вроде бы разумно, но дальше все было сумбурно и загадочно. При обычных обстоятельствах Катерина должна была бы прийти ко мне при первой же возможности, как, впрочем, и я к ней, если бы знал, как. И мало того, я бы, вероятно, поклялся им в вечной преданности, даже если бы не разделял их воззрений.

Но Катерина была достаточно смышленой, чтобы понять, что я больше нужен им живым, нежели мертвым.

Зачем же тогда Катерина пришла сюда и отдала себя в их руки?

Предоставленная самой себе, она могла бы потерять голову от тревоги. Но у хайвейцев достаточно хороших советников, которые объяснили бы, что Стив Корнелл тот малый, что может запросто устроиться и среди врагов и среди друзей. Почему они не пытались подобрать меня до того, как стало очевидным, что я на пороге курса лечения. Тогда они забрали бы меня, поскольку Медицинскому Центру нужна была любая информация, которую только они могли добыть обо мне как о переносчике. Если бы кто-нибудь в Хоумстиде знал о происшедшем в зале суда, я бы сейчас был среди друзей.

И тут жуткая мысль поразила меня, как удар грома.

Переориентация.

Добровольное желание Катерины помогать им было вызвано переориентацией и ничем больше.

Хотя я слышал о ней и раньше, теперь столкнулся воочию и понял, какая это мерзость. С ее помощью доктор Джекиль превращался в мистера Хайда. Она проходила почти мгновенно, ее скорость зависела от соотношения сил мозга оператора и испытуемого объекта. Сопротивляющийся мозг переориентировать куда труднее, чем уступивший добровольно. А вот залипает в нем образ надолго, пока кто-нибудь не высвободит его. Причем проще сделать плохого человека из хорошего, чем наоборот. Слишком трудное дело — удовлетворить каждого, хотя люди выработали теорию, будто все «хорошее» должно идти на пользу человечеству, в то время как «плохое» несет одни неприятности. Короче, я бы сделал так: не уцелела бы ни одна культура, основанная на грабеже, жульничестве, разбое и мракобесии.

При мысли о том, что в Катеринин мозг кто-то вмешался, я закипел от негодования. Забыв о боли, я начал неистово зондировать окружение, и чем больше зондировал, тем яснее понимал, что все тщетно.

Здесь я был практически неподвижен и зависел во всем от их помощи. Нет времени на то, чтобы попытаться спасти возлюбленную, которая будет брыкаться и звать на помощь всю дорогу, пока не доберусь с ней до укромного места, где проведу

переориентацию. Последнее не так уж сложно — среди многого, что я слышал о переориентации, было то, что она могла не устоять и рухнуть перед сильными человеческими чувствами и узами, да и подсознание всегда оказывало сопротивление новой личности.

Что до результатов моего экстрасенсорного прощупывания, я не нашел ничего нового. Пациенты, медсестры, персонал, сиделки, пара врачей и ученых, корпевших над кипами бумаг. И наконец, Катерина, склонившаяся над автоклавом. Она раскладывала в ряд инструменты под надзором старшей медсестры, объяснявшей, что для чего служит.

У меня вырвался глубокий вздох. Она была слишком занята, чтобы читать мысли, исходившие из моего мозга. Я даже не хотел, чтобы она знала о моей ужасной беспомощности и гневе.

И тут, пока я был поглощен мыслями о себе и Катерине, дверь распахнулась, и я не успел прощупать входящего. Открывший дверь был именно тем, в ком я нуждался, чтобы открыть пошире пасть и завыть в припадке бешенства. Это было так кстати.

— Привет. Напоминает прежние деньки.

Мисс Фарроу даже не удостоила меня ответом. Ее лицо было мрачнее моих мыслей, если это возможно. Сомнительно, чтобы она занималась своей телепатией, люди, знающие толк в подобной работе, говорят, что это тяжело. Но телепаты и эсперы выходят из любой заварухи первыми, потому что пси — довольно деликатный фактор.

Она холодно глянула на меня.

— Ты настоящий недоумок!

— Ох, детка!— огрызнулся я.— Полегче. Я, конечно, не блеск, что поделаешь?— и шлепнул ее по щеке. Болеутоляющее, если бы она была макстромом.

Фарроу сразу остыла, ее лицо сделалось безучастным и апатичным, она рухнула на кровать и зарыдала у меня на груди. Помочь я не мог, но мог утешить, она была, как кусок мрамора, но теплая и дрожащая. Все равно, что плачущая статуя на твоем плече. Она повисла на мне, словно огромный мешок цемента, а руки обвили плечи, будто пара скоб. Большие горькие слезы скатывались по ее щекам мне на грудь, и я по-настоящему поразился, обнаружив, что слезы макстромов не похожи на капли ртути. Они падали, словно обыкновенные капли воды, и делали мою грудь мокрой.

Я отстранил ее, слегка встряхнул и сказал:

— Ну с чего так убиваться, Фарроу?

Она затрясла головой, будто прочищая мозговой аппарат.

— Стив,— сказала она спокойно и серьезно.— Я была такой непроходимой дурой.

— Вы не одиноки, Фарроу,— сообщил я,— все люди вытворяют такие глупые фокусы.

— Знаю,— оборвала она. И потом, собравшись с духом, добавила:— Наверное, есть еще одна версия сказки о Садах Эдема. Еву уже обвинили в совращении Адама. А ведь могло получиться так, что совратил Адам?

Я не знал, к чему она клонит, лишь гладил ее волосы и ждал. Существует все же два способа образовать одну пару.

— Стив, беги отсюда. Пока ты в безопасности!

— Что за бред, Фарроу?

— Я была тряпкой,— проговорила она и выпрямилась.— Я была дурой, Стив. Если бы Джеймс Торндайк попросил меня спрыгнуть с крыши, я бы только спросила:—«Куда?» Я просто потеряла голову.

— Да, теперь кое-что начало проясняться.

— Я... выдала тебя.

Как обухом по голове. И видно, здесь не просто треп. Полминуты она проревела у меня на плече и в моих объятиях, и это, наверное, был наш первый, чисто физический контакт с Фарроу. Вроде...

— Нет, Стив. Не тот случай. Я не собираюсь подменить тобой Торндайка, как ты мной — Катерину. — Очевидно, к ней вернулась телепатия.— Стив,— проговорила она,— я тебя выдала, сделала все, как велел Торндайк. Уже тогда участь твоя была решена. Мне полагалось заманить тебя в ловушку, а потом таинственно исчезнуть. Ну, а дальше, мы либо... сторговались бы... либо...

Она вновь заплакала и затихла только после того, как достигла крайней стадии рыданий. Потом глубоко вздохнула и посмотрела на меня с жалостью.

— Бедный эспер,— сказала она тихо,— ты по-настоящему даже не знаешь...

— Что?— спросил я сурово.

— Он одурачил меня тоже,— сказала она, будто речь шла о чем-то, не относящемся к делу.

— Послушайте, Фарроу, окажите любезность бедному эсперу, который не может читать мыслей. Прощупайте их вокруг, ладно?

И вновь, будто невзначай, она проронила:

— Он телепат чрезвычайно высокого разряда. Он умеет контролировать.

— Контролировать?— спросил я тупо.

— Ты не понимаешь,— сказала она.— Ведь хороший телепат может мыслить символами, которые мешают по-настоящему глубоко прослушивать его менее сведущему телепату. А Торндайк — превосходный телепат, действительно высшего класса. Он...

— Подождите, что за чушь вы городите?

Она гневно вскинула голову, что показывало ее презрение к собственным слезам и слабостям.

— О вашей драгоценной Катерине!

Я глядел на нее сдержанно, но со все возрастающим недоумением. Я попробовал сформулировать собственные мысли, но она резко продолжила:

— Ваша авария была одной из тех приятных случайностей, которую вам не подстроили, Стив.

— Когда же стало известно, что я переносчик Макстромовой?— спросил я прямо.

— Почти за три недели до того, как ты повстречал Катерину Левис,— ответила она так же прямо.— Медицинский Центр изрядно потрудился, чтобы вы сошлись, Стив.

Как глазурь на булочку. Если не будет каких-либо сюрпризов, станет ясно, почему Катерина оказалась здесь добровольно. По правде говоря, я в это никогда не верил, трудно поверить, но я не мог отрицать, что подобные утверждения требуют доказательств. Если это окажется правдой, моя помолвка с Катериной была подстроена ими для нажима, вроде как с той белокурой. Катастрофа должна была действительно спутать им планы.

— Так и было, Стив,— сказала Фарроу, которая следила за моими мыслями.— Хайвейцы помогали. А это спутало карты и тем, и другим.

— Тем и другим?

Она кивнула.

— До аварии Медицинский Центр не знал, что существуют хайвейцы. Но когда Катерина исчезла, не оставив следа, Торндайк хорошенько поработал, исследуя тебя. Тогда-то он и отыскал, как слабую улику, хайвейский знак, и как смутный отпечаток — старого Харрисона, поднимающего машину, в то время как Филип извлекал тебя оттуда. Тут он понял...

— Фарроу,— прорычал я,— в вашей истории масса пробелов. К примеру...

Она подняла руку, останавливая меня.

— Стив,— сказала она спокойно,— знаешь ведь, как трудно нетелепату найти кого-то, кому можно по-настоящему верить. Но я постараюсь доказать тебе...

Тут уж я остановил Фарроу.

— А как же вам верить?— спросил я чуть ли не ее словами.— Какую роль играете вы в этой тихой войне?

Сестра скривилась, словно только сейчас догадалась, что держит во рту клубок ворсистых многоножек.

— Я женщина,— сказала она просто.— Я уступчива и легковерна, особенно в благодушном настроении. Но потом я узнала, что их подход к женщине основан на том, что ни одна культура не может обойтись без плодящих самок. Я вдруг обнаружила, что...— она смолкла, сглотнула, и в голосе ее прорезались стальные нотки,— годна лишь как рожающая скотина. Словно одна из тех бедняжек, которые с гордостью лежат, вынашивая им потомство. А я говорила тебе, Стив,— здесь она воспряла,— что буду клясть себя всю жизнь, если позволю своему ребенку вырасти с непреклонным самомнением, что он — Божьей Милостью Царь Земли.

Мое чувство бдительности эспера обнаружило изменение в размещении людей в здании. Люди задвигались — нет, передвигался кто-то один.

Внизу, в лаборатории, в дальнем конце здания Катерина все еще продолжала работать над автоклавом и инструментами. Ее

наставница куда-то вышла, и Катерина оказалась в объятиях доктора Торндайка. Испугавшись, что они почувствуют мое незримое прикосновение своим собственным телепатическим чутьем, я подглядывал осторожно.

Когда дверь отворилась и вошел Торндайк, Катерина обернулась и что-то сказала, что, конечно, я не мог уловить.

«О чем они говорят, Фарроу?»— спросил я мысленно.

— Не знаю. Для моего ранга они слишком далеко от меня.

Я выругался, но в действительности меня не особенно интересовал их диалог. То, что они делали, было ясно без слов.

Катерина обернулась и похлопала его по щеке. Они улыбались друг другу, и потом Катерина начала передавать ему инструменты из автоклава, которые он складывал ужасной грудой на хирургическом столе. Катерина смотрела, что он делает, и отпускала какие-то замечания, потом пригрозила ему парочкой щипцов, достаточно больших, чтобы вырвать с корнем его трехдюймовый неистовый шланг. Это была довольно забавная и невинная игра, вроде той интимной близости людей, когда они знают друг друга долгое время. Торндайк, конечно, вовсе не испугался щипцов, а Катерина вовсе не мечтала осуществить свою угрозу. Наконец, им надоело бороться за инструменты и Торндайк их отобрал. Они прислонились бок о бок к стене кабинета, их колени соприкоснулись, и разговор продолжался, будто обсуждение чего-то важного и смешного.

Это была или переориентация, или Катерина собственной персоной. Но все же я не мог полностью поверить, что она меня разыгрывала. Мой мозг прикидывал то так, то эдак, пока наконец с моих губ не сорвался прямой вопрос:

— Фарроу, а какого класса Катерина как телепат?

— Класса доктора,— сказала она спокойно.— Может, потребовалось бы несколько подготовительных тренировок, если бы не запретили экономисты. Я не запрашивала на нее материалов у Школы Райна, но у меня к ней предубеждение.

Если Фарроу говорит правду, Катерина была телепатом достаточно высокого ранга, чтобы управлять своими мыслями для маскировки, она могла думать и планировать, не боясь, что другие телепаты выведут ее на чистую воду

И она была достаточно умна, чтобы водить за нос недоучку-эспера вроде меня. Я был таким же круглым дураком, как и Фарроу.

Сестра Фарроу коснулась моей руки.

— Стив,— сказала она спокойно,— прикинь только одно. Подумай о том, что Катерина оказалась здесь. Она приехала защитить твою жизнь и твое будущее.

— Что?

— Представь себе!— она почти взвизгнула.— Она скоро придет.

Я словно ощупывал ее мысли. Потом ухватил одну: Катерина придет, чтобы переместить манипулятор и побеседовать со мной. Я не хотел ее видеть, но потом пришлось согласиться — меня

вдруг озарило, и я понял, что теперь знаю правду и что все гораздо важнее Первой Орбитальной Станции. Я перевел мозги на низкие обороты и начал ленивые размышления, погружаясь в какие-то фантазии. Я убеждал себя, что все не так просто, но мысли склонялись к излишней драматичности. Я обсасывал последнее сообщение, рассматривая его под разными углами, и оно казалось мне все более вероятным. Я попался в ловушку, и Катерина приехала сюда как заложник моего примерного поведения. Она бежала из группы хайвейцев или тихо покинула их. Видно, Фелпс проследил, чтобы Катерине дали знать — я не знаю как, но это неважно. Важно то, что Катерина оказалась здесь, чтобы сохранить мне жизнь.

Я продолжал обдумывать положение. Вдруг стремительно вошла Катерина и увидела, что делает сестра Фарроу.

— Я сама собиралась сделать это,— сказала Катерина.

Фарроу выпрямилась, отрываясь от работы.

— Простите,— сказала она холодным голосом,— я не знала, это обычно моя работа. Ведь это довольно тонкая операция.— В голосе Фарроу послышался холодок профессионального отпора. Дерзкая белая шляпка с золотой булавкой смотрела сверху вниз на серую униформу без каких-либо украшений. Катерина почувствовала себя несколько неуютно, но потом, очевидно, справилась.

— Видите ли, мистер Корнелл — мой жених,— неудачно отпарировала Катерина.

Фарроу набросилась на нее еще яростнее.

— Мне известно об этом. Тем более не стоит забывать, что дипломированные медики не лечат близких по этическим соображениям.

Катерину словно ударили.

— Я уверена, что доктор Торндайк не доверил бы мне ухаживать за ним, не будь это во благо,— отпарировала она.

— Возможно, доктор Торндайк вовремя не учел, что мистера Корнелла нужно готовить для Лечебного Отделения. Или,— добавила она лукаво,— может, вы возьметесь подготовить пациента к основному курсу лечения?

— К основному курсу? По-моему, доктор Торндайк не имел в виду ничего подобного.

— Пожалуйста,— сказала Фарроу, холодность в ее голосе сменилась непреклонностью,— как сестра я должна иметь свое мнение, так же, как должна придерживаться указаний врачей. Я выполняю приказ.

Это был хороший удар. Катерине практически выговаривалось, что она, как простая санитарка, имеет еще меньше прав. Катерина попыталась ответить, но передумала. И вместо этого нагнулась и взглянула на меня. Потом вытерла мой лоб.

— О Стив,— выдохнула она.— Так тебя подготавливают к лечению. Благодаря мне, Стив. Пусть оно будет не слишком долгим.

Я слабо улыбнулся и посмотрел ей в глаза. Они были

нежными и теплыми. Ее губы были полными и красными и чуть раздвинутыми, а нижняя губа слегка блестела на солнце.

Как бы я целовал эти сладкие губы, держал в руках ее лицо, а волосы ее слегка бы развевались, ниспадая каскадами на плечи. Не так просто лежать здесь и грезить, как бы я поступил на самом деле.

Она отпрянула, и ее лицо резко изменилось, явив из-под маски нежной заботы суровую расчетливость. Я чуть было не поскользнулся на последнем обрывке своих умствований и не провалил все дело.

Катерина выпрямилась и направилась к двери. Она сделала один шаг и рухнула, как подкошенная.

Над ее неподвижным телом я увидел сестру Фарроу, хладнокровно упаковывающую подкожный инъектор, которым она всадила вторую дозу в основание шеи Катерины, чуть ниже ключицы.

— Это,— сказала коротко Фарроу,— свалит ее на неделю. Видно, я прирожденный убийца.

— Что?

— Одевайся,— оборвала она меня.— Снаружи холодно, забыл?

Я принялся одеваться, как только Фарроу швырнула мне одежду. Между тем она продолжала:

— Я знала, что тебе не удастся утаить наш разговор. Она слишком хороший телепат. Поэтому, пока ты отвлек ее внимание, я выстрелила ей в шею. Преимущество макстромов в том, что они почти не замечают легких воздействий, вроде укола инъектора.

Я замер.

— А разве это хорошо? Кажется, я слышал, что боль — необходимый фактор для защиты...

— Кончай разглагольствовать и одевайся,— оборвала Фарроу.— Боль полезна, когда необходима. А зачем она нужна, когда колешь шкуру макстрома иглой. Другое дело — когда макстром окажется на пути чего-то, способного по-настоящему причинить ему физический вред.

— Вроде паровоза, свалившегося на голову?

— Одевайся, а то мы вообще не выберемся из этих дебрей.

— А ты что-то задумала?

Она кивнула.

— Да, Стив... Раз ты позвал меня к себе в телепаты, мы составим отличную команду. Я ведь тебя подвела. Теперь я снова с тобой и выведу тебя отсюда.

— Заметано,— кивнул я ей.

— Хорошо. Теперь, Стив, прощупай приемную.

Я так и сделал. Там никого не было. Я открыл рот, чтобы сказать ей об этом, и с глупым видом закрыл вновь.

— Прощупай приемную слева, дальше через три двери от той, что сейчас прощупываешь,— там есть кресла-каталки?

— Кресла-каталки?— изумился я.

— Стив, это госпиталь. Здесь человеку не разрешается разгуливать самому, даже если он идет к стоматологу с больным

зубом. Тебя отвезут. А теперь хорошенько прощупай зал и если кто-то появится, пока я выйду, хорошенько всмотрись в лица. Возможно, на таком близком расстоянии я узнаю их по твоему образному восприятию. Хотя, бог знает, уж если нос к носу столкнувшись, не распознала двоих, то что же говорить о ясновидении.

Она вышла, оставив меня наедине с распростертым телом возлюбленной. Ее лицо приобрело расслабленное сонное выражение.

«Крепись, детка»,— подумал я, прикрывая глаза, чтобы нацелить всю энергию на свое восприятие.

Фарроу спустилась в холл, словно профессиональный санитар, явившийся по вызову. Никто не позаботился ее остановить, она достигла запертой комнаты и вытерла каталку, словно готовя ее для настоящего пациента (дрожь и подергивание пальцев возобновились, и я вспомнил, что ничем не отличаюсь от настоящего пациента). Она покатила кресло назад в мою комнату.

— Садись,— сказала она, сосредоточившись на восприятии холла, лифта и лестницы центрального коридора.

Работая быстро и четко, она пристегнула меня ремнями, расположив их так, чтобы не были видны моя верхняя одежда и башмаки. Потом подхватила Катерину с пола, опустила на мою постель и закатала в одно из полотнищ, которые медики использовали для мужчин и женщин вместо постельного белья.

— Если кто-нибудь наскоро здесь прощупает, решит, что она пациент, если, конечно, щупач не знает, что эту комнату занимает больной мужчина, само собой, Стив Корнелл. Ну а теперь, Стив, справишься?

— Справлюсь.

— Я поведу. А ты прощупывай. Уж дорогу я найду сама,— сказала она мне со смехом.— Заостряй свое восприятие только на тех типах, которые любят всюду совать свой нос. А остальное я возьму на себя.

Мы въехали в вестибюль. Я быстро окинул взором комнаты и зал впереди, вроде все было чисто. Ждать грузовой лифт было равносильно пытке, медики уже завели эти модные штучки. Но, наконец, он подъехал и мы загрузились. Пилот оказался на высоте. Он улыбнулся сестре Фарроу и весело кивнул мне. Может, он был слепой.

Но как только лифт начал спускаться, из комнаты нижнего этажа вышел какой-то доктор. Он бросил быстрый взгляд на индикатор над дверью лифта и шлепнул рукой по кнопке. Лифт со скрежетом затормозил, и доктор вошел внутрь.

Это насторожило меня, но Фарроу только идиотски улыбнулась парню, тот растаял, и она оттерла его в сторону. Она отпустила ему какое-то замечание, которого я не расслышал, но по внезапному учащению его пульса понял, что она отделывается от провожатого. Она взяла его за руку, и если бы приятель вспомнил обо мне, назвала бы меня не иначе как Синг Хау Лау и был бы я китайский полицейский.

Он держал ее руку до первого этажа, где выгрузился с осоловелым взглядом, не сводя с сестры глаз. Мы проследовали на нижний этаж и по коридору к выходу, там выждали некоторое время, заполнив какой-то картонный бланк.

Управляющий окинул меня презрительным взглядом.

— Я вызову машину,— сказал он.

Я ожидал, что сестра отпустит какое-то замечание, но она молча кивнула, и мы еще немного подождали, пока к выходу не подрулила большая машина. Вошли два здоровенных парня, выдвинули рычаг на спинке кресла-каталки, превратив его в тележку на колесах, и как в начале, когда Фарроу усадила меня на каталку, меня обдало холодом так, что я почувствовал первые спазмы где-то ниже пупка. В последнюю минуту они развернули меня кругом и всунули головой вперед в заднюю дверь машины.

Машины? Это была полностью оборудованная лаборатория длиной в квартал, тяжелая, как броненосец. Она была приспособлена для чего только заблагорассудится, включая ножной турбоэлектрогенератор, способный обеспечить вас электроэнергией на много миль от ближайшей розетки.

За моими ногами захлопнулась дверь, и мы стартовали с Фарроу, сидящей выпрямившись за двумя высокими госпитальными сопровождающими — один вел машину, второй, медик,— откровенно строил ей глазки. И она давала для этого повод. Ведь я не говорил, что Фарроу привлекательная женщина, только потому, что не отвечал на ее взгляды. Но теперь я поддался на провокацию и тоже начал заигрывать, правда, прикинув, что не будь я эспер и не заигрывай она в более свободной и развязной манере, я даже не задумался бы, ради чего она сейчас так старается.

А тем временем, пока я прикидывал, как лучше приударить за ней, Фарроу выудила из-под одежды два инъектора. Она протянула свою руку к краю сиденья и, наклонив к ним лицо, проговорила:

— Мальчики, угостите кто-нибудь сигареткой.

Все, что последовало потом, было великолепно.

Водитель хмыкнул и повернул к ней голову, второй парень потянулся за сигаретами. Водитель щелкнул зажигалкой, не спуская глаз ни с сестры Фарроу, ни с дороги. Медик, сидящий рядом, потянулся за зажигалкой, когда она выскочила из гнезда, и придержал ее, пока Фарроу раскуривала сигарету. Она спустила курки подкожных инъекторов. Сидящий рядом с водителем вернул зажигалку. Водитель повалился набок к двери, а через мгновение осел и медик, словно спущенный баллон.

Санитарная машина завалилась вправо, ткнулась носом в мелкий кювет и выскочила с другой стороны, словно подстреленный олень.

Фарроу перекинулась через сиденье, а я скатился с носилок тележки в угол между полом и боковой стенкой. После грохота и нескольких пируэтов мы замерли. Я поднялся из-под груды выпавших медикаментов и взглянул в ветровое стекло. Ветки деревьев скрывали поле зрения, подобно мертвой зоне.

— Пошли, Стив,— сказала Фарроу, выбираясь из-под руля и двух санитаров.

— И что потом?— спросил я.

— Мы достаточно постарались, чтобы разбудить статую Линкольна, Стив, ноги в руки — бежим.

— Только куда?

— За мной,— крикнула она и выскочила вон.

Несмотря на высокие каблуки, она проделала это феноменально. На счастье, все произошло около полудня. Мне пришлось воспользоваться своим восприятием, чтобы найти ее следы, поскольку она уже скрылась из виду, направляясь прямиком к ближайшей группе строений.

Я догнал ее, только когда мы достигли крошечного пятнышка мертвой зоны, там она приостановилась, и мы повалились на траву, переводя дух. Потом она указала на строения и вымолвила:

— Стив, сделай несколько шагов за мертвое пространство и быстро прощупай, что к чему. Обрати внимание на машины.

Я кивнул, через несколько шагов я уже смог окинуть восприятием окрестность и прощупать несколько машин, стоявших в ряд около одного из домов. Я не стал тратить время, нырнул обратно в мертвую зону и рассказал ей, что видел.

— Прощупай еще, Стив. Прощупай ключи зажигания. Нам нужно их стащить.

— Я не собираюсь ничего красть,— сказал я и повторил поход в мертвую зону, чтобы обследовать замки зажигания. Я попробовал представить их с вставленными ключами и обнаружил нужные.

— Отлично, Стив. Рванем туда, возьмем парочку машин и поминай как звали.

— Да, но с какой стати...

— Это единственный способ убраться отсюда,— веско сказала она.

Я пожал плечами. Фарроу знала о Медицинском Центре куда больше меня. Раз она придумала способ, пусть так и будет. Когда мы выбрались из мертвой зоны в открытую, Фарроу нашла мою руку и сжала.

— Будем вести себя, как парочка влюбленных пташек,— усмехнулась она.— Пойдем, беседуя естественно и непринужденно.

— И никто не заметит разницы между человеком и макстромом.

— Не заметят. Если будем следить за округой, глаз не спуская,— сказала она.— А если даже они попробуют прочитать что-то в наших мозгах, мы будем думать соответственно о чем-нибудь легком. Ну,— добавила она,— не будь таким букой.

— Что?

— Понимаешь, ты очень хороший парень, Стив. Веселый, находчивый и милый. У тебя было много женщин, ты решителен и мужественен, Стив, и...— может быть, тебя это ошарашит,—

какая женщина предпочтет красоту мужчины всем остальным достоинствам? А у тебя...

— Ох, ну...— пробормотал я,— полегче, пока ты...

Она вновь сжала мою руку.

— Стив,— проговорила она серьезно,— я не люблю тебя. Женщина не может любить человека, который не в силах ответить на ее любовь. Ты же меня не любишь. И ничего тут не поделаешь, может, при других обстоятельствах ты бы положил немало сил на это древнее чувство. Но я хочу отметить, что не все потеряно. А теперь давай забудем предрассудки и начнем грезить, как парочка влюбленных, для которой и время, и место, и другие люди потеряли всякий смысл.

Я никак не мог заставить себя думать о сестре Фарроу не как о сестре. Язык не поворачивался назвать ее Глорией. Я постарался подавить это чувство и посмотрел на нее с выражением потерявшего голову юнца. По-моему, это напоминало потуги актера провинциального театра, и то неудачные. Фарроу расхохоталась. Но стоило мне бросить на нее мимолетный взгляд, как я попал под влияние ее чар и она превратилась в Глорию. К тому же у меня мелькнула мысль, что если Фарроу стала безразлична Торндайку, а мне дала отставку Катерина, то мы вроде сродни.

— Только не в пример древним факелам,— хмыкнула она,— мы слишком быстро вспыхнули.

Она взяла меня под руку и сжала ладонь. Мы двинулись вокруг поля в блаженной эйфории, будто парочка неразлучных приятелей. Ей, конечно, досталось — изранена, уничтожена, отшита Торндайком. Во внезапном порыве мне захотелось ее поцеловать.

— Пошли, Стив,— сказала она.— Это только для особо любопытных. Я же макстром, ты знаешь.

Так что пытаться я не стал.

Мы прошли под ручку к зданиям, завернули как бы невзначай к двум машинам, кивнули друг другу, будто два влюбленных в коротком «прощай», расселись по машинам и дали ходу. Глория была впереди.

Мы покатили вниз по дороге. Фарроу в первой машине — я в ста футах сзади. Мы с ревом обогнули кривой холм, и я окинул восприятием лежащую впереди местность. В поле зрения попали главные ворота, мы мчались к их широкому стальному порталу, словно парочка сумасшедших.

Без долгих размышлений Фарроу влетела прямо в ворота. Они рассыпались в мелкие кусочки, стекол как не бывало, шины лопнули, а в воздух полетели кусочки металла и пластика. Ее машину занесло, я забыл о дороге и перекинул восприятие на ее автомобиль.

Фарроу выкручивала баранку, как заправский гонщик. Ее руки рвали руль со всей силой макстромовой плоти, и руль прогибался от ее хватки. Она развернулась и помчалась дальше с порванной шиной и нижней перекладиной ворот, повисшей на бампере. И как-то умудрилась вырулить, виляя, к обочине.

Из караульной будки выскочил одетый в форму человек с ружьем. Но времени поднять его у него не хватило. Фарроу примерилась и направила несущийся автомобиль прямехонько ему в живот. Переехав охранника, она врезалась в караульную будку. Конструкция разлетелась, как спичечный коробок. Грохот, короткая вспышка пламени — и из рухнувшей стены здания вылетела мисс Фарроу верхом на угнанной машине. Она появилась из мешанины камней и балок, перевернулась раз, другой в бешеном, стремительном вращении, рухнула вниз с бесформенной грудой железа и застыла там окончательно, в то время как воздух еще бороздили последние осколки. Наконец наступила полная тишина.

И тут впервые в жизни я ощутил мощный удар чужой мысли, это был мысленный контакт с другим разумом.

«Стив!— прокричало в моем мозгу.— Давай! Жми! Твоя очередь — путь свободен!»

Я поставил ногу на педаль и дал газу.

Моя машина рванула вперед, и я направился по шоссе к автостраде. Я промчался через ворота, миновал сбитого охранника, разрушенную будку и искореженную машину Фарроу.

Но этот гамбит не стал для сестрицы Фарроу последним. Как только я с ней поравнялся, она выкарабкалась из-под обломков и пустилась через площадь что было мочи. А как эта девочка бегала!

Несмотря на мою скорость — она догнала, и не успел я затормозить, как она, преодолев расстояние, запустила руку в одно из открытых окон.

Моя машина вильнула в сторону, но я удержал баранку, и Фарроу выдохнула:

— Давай, Стив! Жми!

Я наддал. Фарроу втиснулась внутрь и грохнулась на сиденье позади меня.

— А теперь единственное,— сказала она,— что остается — не болтать попусту. А гнать во всю катушку.

— Куда?

Она едва слышно хмыкнула.

— Не все ли равно, как можно дальше отсюда.

Я кивнул и угомонился. Фарроу устроилась поудобнее, открыла ящичек для перчаток и достала аптечку первой помощи. Я только теперь заметил, что она не слишком помята даже для макстрома. Меня не удивило, что она выбралась из этой переделки, я уже свыкся с мыслью о несокрушимости макстромов. Меня даже немного удивил причиненный ей ущерб — я так привык к их прочности, что порезы, ссадины и синяки привели меня в замешательство. Само собой, нормального человека такая авария превратила бы в кровавое месиво. И все же я надеялся, что макстром из нее выйдет без единой царапины.

С другой стороны, повреждения выглядели незначительными. Кровь сочилась только из глубокой длинной раны на бедре, из

пореза на правой руке и из маленьких ссадин на лице, шее и плечах.

Пока я мчался как угорелый, сестра Фарроу увлеченно манипулировала лейкопластырем, салфетками и бинтами, накладывая на раны вместо швов аккуратные маленькие скобки. Потом она зажгла две сигареты и предложила одну мне.

Теперь все в порядке,— сообщила она кратко.— Можно не мчаться так рьяно.

Я выжал из машины ровно сто и почувствовал, как спадает напряжение последних часов.

— Насколько помнится, здесь неподалеку убежище хайвейцев.

Она покачала головой.

— Нет, Стив. Думаю, к ним не стоит.

Поскольку я мог положиться в дороге на свое экстрасенсорное восприятие, я обернулся к ней. Она чуть улыбнулась, но под улыбкой скрывалась твердая уверенность.

— Нет,— сказала она.— Мы не станем обращаться к хайвейцам. Если мы поедем туда, Фелпс и его команда перевернут небо и землю, чтобы разгромить их, поскольку ты для них важен. Ты забываешь, что Медицинский Центр стремится выглядеть законной и добропорядочной организацией, а хайвейцы скрываются в подполье. А Фелпс может вежливо вывести их на чистую воду.

— Ладно, тогда куда мы поедем?— спросил я.

— На запад,— сказала она.— В Нью-Мексико. Ко мне домой.

Это меня испугало. Образ Фарроу как-то не вязался с каким-либо постоянным домом, как сиделка и как представительница Медицинского Центра она не ассоциировалась с постоянным местом жительства. Но как у большинства из нас, у Фарроу жили где-то отец, мать, а возможно, братья и сестры. У меня давно они умерли, а имущество пошло с молотка.

Поэтому мы поехали на запад, через Южный Иллинойс по мосту Сент-Луиса в Миссури и через Миссури на запад. Мы останавливались на ночь в маленьких мотелях и спали поочередно, кто-нибудь обязательно оставался на страже, во всеоружии телепатии и ясновидения. Мы старались избегать хайвейцев и никогда не останавливались вблизи их перевалочных баз. От этого наш путь стал длиннее и извилистей, зато в итоге мы очутились на маленьком ранчо на краю такого же маленького городка Нью-Мексико.

Джон Фарроу оказался рослым мужчиной с седыми висками и проницательными голубыми глазами, от которых ничего не могло укрыться.

Он был бы отличным эспером, если бы получил полный курс университета, миссис Фарроу — женщина того типа, которую любой человек хотел бы назвать матерью. Нежная и мягкая, причем без намека на глупую привязчивость или душевную простоту. Она была телепаткой и ни от кого этого не скрывала.

Каждую неделю и по праздникам заезжал навестить родителей брат Глории, который жил с женой в городке.

Они приняли меня так, будто я пришел к ним в дом по каким-то сентиментальным соображениям, пришлось Глории сесть с ними в гостиной и все без утайки рассказать, то и дело замолкая, чтобы выслушать мои замечания. Они осмотрели мою руку и признали, что кое-что сходится. Их очень заинтересовала проблема Макстромовой и поразила сказочная сила и выносливость дочери.

К этому времени мою руку снова стало дергать. Инфекция подобралась к среднему и безымянному пальцам, во втором суставе указательного наступил черед длительного накопления инфекции перед тем, как она перекинется на следующую фалангу. Первые волны пульсирующей боли накатывали через определенные интервалы, и я понимал, что боль даст такую глубокую агонию, что мне уже не выстоять.

В общем, Фарроу вызвала из города своего брата Джемера с инструментами, и мы соорудили маленький манипулятор для моей руки, Фарроу использовала содержимое саквояжа, который мы захватили из машины, угнанной из центра.

Затем, после того как моя рука перешла в следующую фазу, Фарроу внимательно осмотрела меня и высказала мнение, что приближается время основного курса лечения.

Однажды вечером я лег в постель на долгих четыре месяца.

Хотелось бы дать полную картину этих четырех месяцев. К несчастью, большую часть времени я находился под действием наркотиков, так что едва помнил происходящее. Но хорошего было мало. Моя рука стала словно ствол окаменелого дерева. Ее поместили в машину, которая регулярно сгибала сустав, и каждое движение отдавалось в плече лавиной огня и жгучей боли. Каждый удар плазмы и крови в венах, поддерживающих в руке жизнь, отдавался тысячью игл.

Я смутно помнил, как окостенела вторая рука, и волны боли стали накатываться на меня с обеих сторон. И единственное, что сохранилось в моей памяти, кроме боли, были промежутки от инъекции до инъекции и ожидание беспробудной тьмы, которая сменяла агонию. И все только для того, чтобы часом позже очнуться от боли в новом месте. Когда инфекция достигла правого плеча, она надолго остановилась и начала подниматься по левой руке, также остановившись на подходе к туловищу.

Я очнулся от наркотиков и обнаружил, что Джемер с отцом прилаживают манипулятор к правой ноге, а потом почувствовал нарастающую боль в икре и бедре.

За те несколько раз, когда мой разум прояснялся настолько, что я мог использовать свое чутье, я прощупал комнату и обнаружил, что лежу на настоящем лесу из колб, резиновых трубок и связок бинтов.

Пусть без особого восторга, но я все же смутно осознал, что меня не бросили на произвол судьбы. Периоды просветления, если и случались, стали теперь редкими и непродолжительными. Как-то я очнулся и обнаружил что парализовало рот, а потом и челюсть, язык и низ лица превратились в сплошной комок горящих иголок. Позже уши перестали доносить звуки, и,

наконец, проснувшись после очередного забытья, я обнаружил себя в портативном реаниматоре, который с безжалостной силой сжимал мою грудь.

Это все, что я помнил. Когда туман рассеялся полностью и с глаз спала пелена, наступила весна и я стал макстромом.

Я сел в кровати.

Было утро.

В окно ярко светило солнце, и свежий весенний ветер слегка трепал занавески. Было очень тепло, и снаружи долетал аромат жизни и молодой листвы. Как хорошо оказаться живым!

Висящие колбы, фестоны резиновых шлангов исчезли. Кустарные манипуляторы куда-то пропали, а с бюро убрали медицинские склянки и всякий хлам. Нигде, насколько хватало глаз, не было видно даже обычного термометра в стакане, и если честно, я был так рад оказаться снова в живых, что не собирался расточать свое восприятие, чтобы обнаружить, куда все это делось. Мне захотелось встать и пробежаться.

Я сунулся к шкафу с одеждой и нашел свое барахло. Затем наскоро осмотрел дом, нашел ванную, а также отметил, что, похоже, мне никто не препятствует.

Я собрался побриться, принять душ, одеться и спуститься вниз. Едва успел я выбраться из кровати, как по ступенькам взбежала сестра Фарроу и не церемонясь вошла в комнату.

— Ха,— встретил я ее.— Я только что собирался...

— Нас удивить,— сказала она быстро,— знаю, поэтому я пришла посмотреть, чтобы ты не попал в переделку.

— Переделку?— спросил я, задержавшись на краю кровати.

— Ты макстром, Стив,— сказала она. Потом уловила мою мысль и продолжила:— Стоит об этом вспомнить. Ты должен научиться владеть своей силой.

Я сжал руки. Сжал мускулы другой руки, и она напряглись, как всегда. Я сделал глубокий вдох, воздух легко вошел внутрь и вновь вышел.

— Я не чувствую разницы.

Она улыбнулась и протянула мне отточенный деревянный карандаш.

— Напиши свое имя,— велела она.

— Думаешь, придется учиться вновь?— Посмеиваясь над Фарроу, я взял карандаш, положил палец на крышку бюро, где лежал блокнот.— Ну, смотри, мои имя начинается на букву «С». Она представляет собой красивую, грациозную кривую, идущую сверху и...

Кривой не получилось. Когда графитовый кончик ткнулся в бумагу, он пронзил ее, сломался, карандаш дошел до доски, расщепил тонкую деревянную панель почти на восемь дюймов. То, что я не смог им воспользоваться, привело меня в изумление, и я инстинктивно сжал деревянный стержень. Он надломился в моей руке в трех местах, кончик отлетел к крышке бюро, стремительно скатился к самому краю и оттуда упал на пол.

— Видишь?— участливо спросила Фарроу.

— Но?..— я в замешательстве запнулся.

— Стив, все твои мускулы сделали одинаковый скачок. Тебе придется просто переучиваться соизмерять силу мускулов и затраты на выполняемую ими работу.

Я начал понимать, что она имеет в виду. Вспомнилось, как много лет назад, в школе, изучая некоторые новые сплавы, мы получили образец магниево-литиевого сплава в виде гладкого цилиндра около четырех дюймов в диаметре и в фут длиной. Он оказался твердым как сталь. Люди, которые сталкивались с ним впервые, неизменно напрягали силы и хватались за него обеими руками. А он был настолько легок, что от чрезмерного усердия буквально подлетал к потолку, и даже много времени спустя, когда все уже были в курсе, трудно было отказаться от привычного впечатления, что всякий большой кусок железа невероятно тяжел.

Я шагнул к креслу.

— Будь осторожен,— предупредила Фарроу. И я послушался.

— Теперь займись душем,— сказала она.— Только, пожалуйста, Стив, поосторожней с водопроводом. Можешь запросто свернуть краны, понимаешь?

Я кивнул и повернулся к ней, протянув руку:

— Фарроу, вы молодчина!

Она пожала мою руку. Ее ладонь была теплой, упругой и нежной, а не твердой, как сталь. Настоящая рука женщины.

Фарроу отступила на шаг.

— Только запомни одно,— сказала она весело.— Тебе придется общаться только с себе подобными. А теперь марш в душ. Я пойду приготовлю тебе завтрак.

Мыться оказалось нетрудно и, памятуя о предупреждении, я не стал сворачивать краны. Бриться было еще проще, хотя трижды пришлось менять лезвия. Я сломал все зубья у расчески, потому что ее было невозможно протащить сквозь чащу гитарных струн.

Одеться тоже кое-чего стоило. Засунув ногу в одну штанину, я порвал одежду. Сломал пряжку на поясе и превратил ботинки в порцию длинных спутанных спагетти. Пуговица под воротником рубашки оторвалась, и, когда я завязывал галстук, его узел оказался похожим на что-то вроде апельсина.

Завтрак прошел удовлетворительно, не считая того, что я погнул зубья вилки, пытаясь проткнуть бифштекс, и оторвал ручку своей кофейной чашки. После завтрака я обнаружил, что не могу достать сигарету из пачки, не расплющив кончика, а после того, как я все же умудрился сунуть одну в рот, пришлось заняться спичками, которые разлетелись вместе с дымом, будто клочки папиросной бумаги. Так что, посадив огонек на кончик сигареты, я одной затяжкой смахнул половину ее длины.

— Тебе придется хорошенько поучиться, прежде чем выйти на люди,— сказала Глория с довольным видом.

— Спасибо за информацию,— ответил я, с тревогой обозревая учиненный разгром. В сравнении с новоявленным Стивом Кормеллом известный слон в посудной лавке казался Нежным

Фердинандом. Я вновь достал пачку сигарет, но как ни старался с ней осторожно обращаться, она оказалась смятой. Я чувствовал себя совершенным идиотом.

После завтрака мое обучение продолжилось. Я уронил старые книги с мансарды, разорвал газеты. Превратил в труху еще несколько карандашей и в придачу их точилку. Я проткнул локтем, ничего не почувствовав, кухонную дверь и умудрился согнуть дверную ручку. Короче, я опустошил жилище Фарроу, словно армия вандалов.

Превратив в руины свой славный домик, Глория решила испытать мои силы на своей машине. Я рьяно взялся за тормоза, которые оказались ничем не хуже газа, чью педаль я насиловал с неменьшим остервенением. Мы, взвившись ракетой, понеслись.

«Если не остановят по дороге,— подумал я зло.— И кажется мне, что обе стороны по очереди натравливают меня друг на друга, чтобы я вывел их на чистую воду».

— Не совсем так,— сказала Фарроу,— только вначале. Вернись к дням, когда ты ничего не знал о том, что происходит.

— Послушайте, Фарроу,— буркнул я,— скажите, с какой стати вам переживать все снова и снова?

— Потому что только когда ты убедишься сам и решишь, что тебе делать, ты поймешь, что тебя не водят за нос. Подумай об этом теперь, Стив.

Тут что-то было. Даже если бы я пришел к ложным выводам, то поверил бы в них куда больше, чем услышав о них от других,— Фарроу кивнула, следя за ходом моих мыслей. Тогда я нырнул глубже.

«Вначале у нас был человек, оказавшийся переносчиком Макстромовой болезни. Он ничего о ней не подозревал. Правильно? (Фарроу тихо кивнула). Поэтому Медицинский Центр забросил переносчику удочку, используя в качестве приманки привлекательную даму, а?»—тут мне пришлось пораскинуть мозгами, решая одну из головоломок. Фарроу смотрела на меня безо всякого выражения, выжидая. На шестом заходе, крутясь вокруг да около, я плюнул и пошел дальше.

«Всех факторов я не знаю. Очевидно, пришлось торопиться, потому что нас следовало поженить, прежде чем она подцепит от меня Макстромову болезнь. Но здесь какая-то неувязочка, Фарроу. Маленькая блондиночка подхватила ее в двадцать четыре часа?»

— Стив,— сказала Фарроу,— здесь мне придется пояснить, поскольку ты не медик. Инкубационный период зависит от вида контакта. Когда ты укусил нашу девицу, произошел контакт с кровью. А в случае Катерины об этом не могло быть речи.

— Мы были довольно близки,— сказал я, и кончики моих ушей покраснели.

— С точки зрения медицины ты был не более близок с Катериной, чем со мной или доктором Торндайком.

— Ладно, оставим на время этот вопрос открытым. Так или иначе, мы с Катериной должны были пожениться до того, как появятся первые признаки болезни. Тогда я попал бы в положение

человека, чья жена подхватила Макстромову в свой медовый месяц. Тут бы выступил вперед Медицинский Центр и позаботился о ней, а я оказался бы у них в вечном долгу и согласился бы сделать для Медицинского Центра все, что угодно. А поскольку я не телепат, то возможно, так никогда бы и не узнал правды. Верно?

— Более-менее,— сказала она тем же безразличным тоном.

«Ну, а дальше мы разбиваемся на хайвее недалеко от дома Харрисонов. Хайвейцы спасли ее, потому что подбирали любые жертвы без разбора. Я также полагаю из происшедшего, что Катерина была довольно хорошим телепатом, поскольку сумела скрывать свои мысли и оставаться законсервированным агентом в сердце организации хайвейцев. И тут после долгого-долгого пути мы приходим к развилке, верно? Шайка Медицинского Центра не знала о существовании централизованного подполья хайвейцев Убежища, пока мы с Катериной не влипли в это дело по уши».

Лицо Фарроу смягчилось, и хотя она не произнесла ни слова, я понял, что недалек от истины.

«И тут,— продолжал я про себя,— Медицинский Центр оказался в замешательстве. Вряд ли они могут пустить по моему следу другую женщину, и поскольку я уже эмоционально привязался к исчезнувшей Катерине, они решили использовать меня по-другому. Видно, я уже достаточно созрел, чтобы меня можно было заставить пуститься на поиск Убежища хайвейцев для Медицинского Центра. К тому же вскоре я уже сделал первое открытие, и Фелпсу с приятелями оставалось бы только умывать руки».

— Подумай ты об этом раньше, Стив, и ты бы давно уже знал ответ.

— Наверное. Может, Фелпсу хотелось приберечь мою историю для правительства. Но если ни одна сторона не заинтересована, чтобы секрет всплыл наружу?— некоторое время я взвешивал и наконец пришел в выводу, что чего-то не хватает. Наконец Фарроу покачала головой и сказала:

— *Стив, я пытаюсь подтолкнуть тебя. Но воспоминание, которое я стараюсь вызвать у тебя, исчезло. Значит, ты напал на след организации, которой выгодно оставаться в секрете. И вдруг кто-то узнает секрет и взывает к авторитетам. Каким будет тогда твой следующий шаг?*

— Ах,— отозвался я.— Какой же я осел. Естественно. Я втяну усики, спрячу рожки и сделаю вид, что ничего не произошло.

— Тем самым приостановив рост своей организации — чего и добивается Фелпс.

«Зато меня самого эта история уложила бы в какое-нибудь гнездышко для начинающих параноиков»,— подумал я.

Она кивнула.

— И что теперь?

— А теперь я живое доказательство своей истории. Не так ли?

— Правильно. И ни на секунду не забывай, Стив, что ты жив только потому, что нужен обеим сторонам живым. Мертвый ты годишься лишь на несколько макстромовых прививок.

Не продолжай,— угрюмо хмыкнул я.— Сама говоришь, я не медик.

— У тебя живого растут волосы, и их приходится подстригать. Ты бреешься, подравниваешь бороду. Подрезаешь ногти. То там, то здесь ты теряешь маленькие частицы кожи или миллилитры крови. Это то, что, попав под кожу нормального человека, делает из него макстрома. Мертвое тело, даже измельченное, не даст сколько ценной субстанции.

— Радужные перспективы,— заметил я.— Так что же мне делать, чтобы избежать и такого будущего?

— Стив, я не знаю. Я сделала для тебя, что могла. Я провела лечение и постаралась на совесть, ты ведь остался Стивом Корнеллом.

— Послушай,— внезапно осенило меня.— Если я так необычайно ценен для обеих сторон, как тебе удалось спрятать меня на четыре месяца?

— Мы воспользовались законом тайны личности,— просто сказала Фарроу.— Каждая сторона может сколько угодно осыпать другую оскорблениями. Более того, поскольку никто толком не знает, где ты находишься, они вовсю рыщут по лагерям друг друга, играют в разведчиков, контрразведчиков, вообще завязли по уши.— Она хмыкнула.— Твои скитания можно было бы отнести на счет Катерины, поскольку в твоем сознании преобладали чувства возлюбленного, убитого потерей своей возлюбленной. Но кто же станет разыскивать Стива Корнелла из чисто личных побуждений?

— За целых четыре месяца никто не собрался?— спросил я все еще недоуменно.

— Смотря как подходить, ведь обе стороны знали, что ты где-то лежишь, проходя курс лечения. Заполучить макстрома — как раз то, чего желают обе стороны. Поэтому они и заинтересованы в благополучном и спокойном лечении.

— Пока кто-то будет вкалывать?

— Конечно,— сказала она серьезно.

— Ладно,— сказал я с угрюмой усмешкой.— Теперь мне ясно, что надо податься в Вашингтон и разыскать кого-нибудь из глав секретной службы. Я дам ему факты в руки, сделаю макстромом, вылечу, и потом мы разработаем план действий по вовлечению широких масс...

— Стив, ты инженер. Наверняка изучал математику. Так вот, предположим, что ты сможешь... э... потратить на укус одного человека десять секунд.

— Это шесть человек в минуту, триста шестьдесят в час, и э... восемь тысяч шестьсот сорок в день. При ста шестидесяти миллионах американцев по последней переписи. Шестьдесят лет без отдыха. Ты это имела в виду.

— Не только, Стив. Но уже это вызовет панику, если не

глобальную войну. Сделай ты подобное заявление, и все наши не слишком дружественные соседи захотят войти в долю или что-нибудь в этом духе. Так что тебе вдобавок придется позаботиться еще о трех миллиардах людей на земле, Стив.

— Верно, видно, придется распрощаться со своими необдуманными предложениями. И все же правительство должно знать...

— Если бы мы были абсолютно уверены, что каждый избираемый нами представитель честен и неподкупен, мы бы так и сделали,— сказала Фарроу.— Но, к несчастью, вокруг столько демагогов, мерзавцев и всякого сброда, что удержать секрет практически невозможно.

Возразить было нечего. Фарроу оказалась права. Да и дело не только в этом, ведь в мире, где царствует Райн, сохранить подобную тайну правительству будет просто невозможно.

Возразить было нечего.

— О кей,— сказал я,— тогда остается только одно — вернуться обратно в Хоумстид, штат Техас, оказать свою помощь хайвейцам Убежища, и посмотреть, что можно сделать, чтобы обеспечить землю каким-нибудь более приемлемым методом прививки. Мне совершенно не улыбается провести всю оставшуюся жизнь, кусая бедных ни в чем не повинных граждан.

— Согласна, Стив!

Я посмотрел на нее.

— Пойду займусь твоей машиной.

— Она твоя.

— А как же ты?

— Со мной все в порядке. Скорее всего организую новую перевалочную базу на хайвее. А ты управишься один, Стив? Или, может, подождешь, пока не встанут на ноги мои родители? Тебе ведь может понадобиться помощь.

— Думаешь, лучше подождать?

— Прошло четыре месяца. Так что неделя-другая...

— Ладно. Тем более, мне стоит потренироваться с новым телом.

На том и порешили. Я слонялся по дому Фарроу, помогая Глории ухаживать за родителями. Постепенно я научился контролировать силу новой мускулатуры, узнал, как обходиться с нормальными людьми, не привлекая их внимания, и в конце концов преуспел, пожимая руку лавочникам и не выдавая своего секрета.

Потом, закончив лечение, поднялись родители Фарроу и несколько дней мы провели вместе.

Мы покинули их, на мой взгляд, чересчур поспешно, но они, казалось, были только рады этому. Они договорились по телефону о доставке продуктов на дом, так что им не пришлось бы выбираться в город, пока они не научатся управлять своим телом, и Фарроу заметила, что больше помочь им мы уже не в силах.

Время поджимало, и мы уехали. Несмотря на то, что обе стороны оставили нас в покое, пока я был не транспортабелен, они были хорошо осведомлены о расписании процедур. Собственно,

как мне сейчас кажется, обе стороны, должно быть, поджидали за краем какой-то теоретической зоны моего появления, поскольку не могли показаться, не обнаружив своих намерений.

В машине Фарроу мы вновь помчались по огромной широкой дороге.

Мы направились в Техас, и, выбравшись на хайвей, поехали вдоль него, ища перевалочную базу. Я хотел связаться с хайвейцами, а через них установить связь с Харрисонами или теми, кто выжил. В конце концов мы напали на знак со сломанной перекладиной.

Боковая дорога, петляя далеко от хайвея, вывела нас к условленной мертвой зоне. Дом казался белой громадой среди редкой зелени деревьев, и, подъехав ближе, мы повстречали человека, работавшего за тракторным плугом.

Фарроу остановила машину. Я высунулся и собрался было позвать, но что-то меня удержало.

— Он не макстром, Стив,— сказала Фарроу шепотом.

— Но, судя по дорожному знаку, это перевалочная база.

— Знаю. Но здесь что-то не то. Он знает о Макстромовой болезни не больше, чем ты до встречи с Катериной.

— Ну и что здесь плохого?

— Не знаю. Он эспер, но не очень опытный. Зовут Уильям Кэрол. Дай мне с ним поговорить, и я найду наметки, по которым что-нибудь нащупаешь.

Человек проявил любезность.

— Кого-нибудь разыскиваете?— спросил он весело.

— А, да,— ответила Глория.— Мы шапочно знакомы с Мангеймами, которые жили где-то здесь. Вроде друзья их друзей, так только, здравствуй и прощай,— продолжала она, скрыв, что ловко выудила фамилию фермеров из его памяти.

— Мангеймы съехали два месяца назад,— сказал он.— Продали нам место — мы заключили сделку. Точно не знаю, конечно, но ходят слухи, что у одного из них стало сдавать здоровье.

— Ужасно. А вы не знаете, куда они подались?

— Нет,— ответил Кэрол удрученно,— кажется, у них было много друзей. Хотите — можете заглянуть, но вряд ли чем я смогу быть вам полезен.

«Неужели они съехали так быстро, что даже не успели убрать свой дорожный знак?»— подумал я с тревогой.

Фарроу едва заметно кивнула. Потом сказала, обращаясь к Кэролу:

— Ладно, не будем вас задерживать. Очень жаль, что Мангеймы съехали, не оставив адреса.

— Да,— согласился он без всякого энтузиазма. Его глаза обратились к непаханному полю, и Фарроу завела машину.

Мы тронулись, а он вернулся к своей работе.

— Ну и?— спросил я.

Ничего, сказала она в замешательстве.— Ничего такого, за что я могла бы зацепиться.

«Одна ошибка — не правило. Посмотрим, что будет дальше».

«Так или иначе, а до Хоумстида нам еще встретятся перевалочные базы. Или нет. Но в любом случае это кое-чему научит». Потому мы с непреклонной решимостью покатили дальше, пока наконец не распрощались с ложными хайвейскими знаками, свернув на шоссе 66. Но долго мы на нем не удержались, потому что небезызвестный хайвей США отклоняется к северу, в то время как Хоумстид находится в южной части Техаса. Мы оставили шоссе 66 у Амарилло и свернули на шоссе 67, которое вело прямо на юг.

Недалеко от Амарилло мы наткнулись еще на один хайвейский знак, который указывал на юг. Я попытался припомнить, не вел ли он в конечном счете в Хоумстид, но поскольку раньше не слишком утруждался созерцанием карты, да и не до нее было, решил положиться на судьбу.

К тому же не успели мы с Фарроу опомниться и все как следует взвесить, как наткнулись на новый знак, указывающий на ближайшую ферму.

— Все гораздо проще,— сказал я.

— Еще бы,— отозвалась она, показывая на деревянный почтовый ящик, притулившийся у дороги.

Я кивнул. Ящик был не нов, но на боку красовалась надпись.

— Еще влажная,— сказал я с усмешкой.

Когда мы поравнялись с домом, Фарроу притормозила машину, я высунулся и покричал. На крыльцо вышла женщина.

— Я ищу семью по фамилии Харрисон,— начал я.— Проживают где-то здесь, неподалеку.

Казалось, женщина задумалась. Она была лет около тридцати пяти, бедно, но опрятно одета. Щека была выпачкана в муке, на лице застыла улыбка, а сама она выглядела довольной и счастливой.

— Хм, что-то не припомню,— проговорила она.— Фамилия кажется очень знакомой, а вот точно сказать не могу.

— Понятно,— протянул я удрученно.

Фарроу слегка ткнула меня в лодыжку пальцем и начертила рукой букву «Э».

— Не хотите ли войти?— предложила женщина.— У нас здесь есть телефонный справочник. Может...

Фарроу ткнула меня снова и быстро начертила пальцем букву «м». На этот раз мы не промахнулись, эта женщина, живущая на перевалочной базе, была эспером и мастромом. Я слегка прощупал ее руки, и сомнения рассеялись.

За женщиной в дверном проеме показалась голова высокого широкоплечего мужчины, на грубом лице которого играла широкая улыбка, а изо рта торчала дымящаяся трубка.

— Пойдем, посмотрим,— предложил он.

Фарроу вывела знаки «т» и «м», сообщив мне, что он телепат. Правда, буква «м» была лишней, я уже наскоро прощупал его шкуру. Опережая время и всякие подозрения, я коротко бросил:

— Нет, не стоит навязываться. Мы хотели просто узнать.

— А, бросьте, мистер. Пойдемте, выпьем чашечку кофе.—

Его приглашение было таким неожиданным, что застало меня врасплох.

Я отвел от него восприятие и быстрым взглядом окинул окружающую местность. Слева вдоль дороги тянулась зыбкая мертвая зона, она изгибалась по большой дуге, а второй рог подковы выходил за дом и резко обрывался там, как раз за их передней зоной. Плотность зоны варьировалась, конец, в котором стоял дом, был настолько плотен, что я не мог пробиться, в то время как другой конец, огибавший дом кругом и кончавшийся у дороги, редея, сходил на нет; так что нельзя было определить границы.

Если кто-то захочет обойти нас с фланга на подкове, отрезая отступление, это станет сразу очевидным.

«Фарроу,— мелькнуло в моем мозгу,— они макстромы, он телепат, а она эспер, и ясно, что если они хайвейцы, все будет в порядке, но если они связаны с Фелпсом...»

— Пошли, — повторил мужчина. — Нам нужно переслать в Хоумстид кое-какую почту. Захватите с собой.

Фарроу не издала ни звука, она только развернула машину тремя резкими рывками туда и обратно, выбросив из-под вращающихся колес струи гравия, и с визгом вышла в вираж, подняв в воздух пару колес. Потом мы выровнялись, снова обдав человека градом камней, и умчались восвояси. Облако пыли и гравия ослепило его и удержало от соблазна вцепиться в хвост автомобиля и взобраться внутрь. Мы оставили его позади протирающим глаза от грязи.

Мы достигли другого конца подковообразной зоны, когда из плотной области в район, где мое восприятие улавливало довольно занятные подробности (вроде дородных парней, вооруженных охотничьими ружьями), с ревом вылетел джипстер. Он пересек пустырь и выскочил на подъездную дорожку прямо за нами. Побудь мы подольше с нашими друзьями, они смогли бы нас отрезать.

— Жми, Фарроу!

Я в душе ковбой, но она дала мне сто очков вперед. Мы ураганом промчались по извилистой дороге, взлетая колесами по обе стороны, словно в санных гонках, Фарроу вела машину, словно неопытный пилот во внезапном шторме.

Я тревожился из-за охотничьих ружей, но зря. Мы ехали слишком быстро, чтобы можно было хорошо прицелиться, а их джипстеру было далеко до аппарата, славящегося превосходной скоростью. На каком-то из ухабов они потеряли одного спутника, который, перелетев через голову, шлепнулся в траву. Он запомнился мне вскочившим на ноги, подхватившим ружье и изготовившимся к стрельбе. Но прежде чем он успел нажать курок, мы уже выехали с подъездной дорожки на широкий хайвей.

Как только колеса выскочили на главную дорогу, Фарроу пригнула передок машины, и мы проскочили прямо перед их носом. Джипстер был машиной-труженицей, перетаскивал грузы, взбирался на стены, лазил по крыше, но для погони не годился.

— Чему быть,— сказал я,— того не миновать. Но где-то вышла промашка.

— Наверное,— согласилась Фарроу.— Правда, я сомневаюсь, что им удалось справиться с Хоумстидом. Он слишком велик. Поэтому давай-ка доберемся до Хоумстида и посмотрим, какая там заварилась каша.

— А ты дорогу знаешь?

— Нет, но я знаю по карте, где он, поэтому мы сможем сориентироваться. Стив, подожди. Осторожно взгляни вправо.

— Что-нибудь прощупать?

— По дороге с той стороны поля нас сопровождает какая-то машина.

Я попробовал, но безуспешно. Тогда я откинулся на сиденье, закрыл глаза и попробовал вновь. Со второй попытки я смутно уловил гигантскую движущуюся массу, которая могла быть машиной. В машине я ощутил присутствие оружия. Это было все, что удалось выжать.

Я достал дорожный атлас и развернул его на Техасе. Перелистал отдельные карты, пока не обнаружил район, через который мы проезжали, а потом довольно точно определил участок: США-87. В полумиле вправо, параллельно нашей, проходила еще одна дорога, грунтовая, как говорилось в описании. Через несколько миль она пересекалась с нашей.

Моим первым побуждением было проверить прикрытие. Как и ожидалось, сзади на грани моей чувствительности за нами следовала еще одна машина, чьи пушки были нацелены мне в спину.

Следовала — не то слово! Машина буквально висела у нас на хвосте. Дело в том, что мы и так ехали с максимальной скоростью, граничащей с безрассудством. В любом случае они преследовали нас сзади и по параллельной дороге справа.

Я быстро и очень осторожно окинул восприятием местность слева, но ничего не заметил. Потом через некоторое время повторил, но все осталось по-прежнему.

«Сверни влево на проселочную дорогу в миле впереди»— подумал я, и Фарроу кивнула.

Была одна возможность, но она меня пугала. Мы ясно видели погоню справа, сзади, но не слева. Это не означало, что слева нет засады. Вполне вероятно, что банда в тылу телепатически связалась с компанией других телепатов и последнее звено этой связи могло оказаться далеко за пределами моей чувствительности, зато могло постоянно быть в курсе событий и действовать сообразно обстоятельствам. Этим способом очень часто пользовалась полиция, расставляя свои сети. Но идея, конечно, принадлежала не ей. Я смутно припомнил парочку подобных случаев.

Делать было нечего, приходилось сворачивать влево на проселочную дорогу, потому что дьявол, которого мы знали, был опаснее неизвестности.

Фарроу свернула на боковую дорогу, и мы погнали дальше, только чуть сбавив головокружительную скорость. Я тревожно

всматривался вперед, подозрительно и осторожно ощупывал каждый клочок, ища признаки скрытой засады.

Я ощутил опасность, идущую с юга, по сети маленьких дорог. Быстро взглянул на карту и решил, что это не страшно, потому что дороги пересекутся с нашей дорогой не скоро, а только через множество развилок и поворотов. Пока мы будем ехать на запад, все будет в порядке.

Банда сзади, конечно, последовала за нами, оставаясь на пределе моего восприятия.

— Жаль, что мы не летаем, Фарроу,— сказал я ей.— Если мы не оторвемся от банды на юге, нам не удастся повернуть на Хоумстид.

— Стив, я и так держусь изо всех сил, хотя и с ловкостью медведя.

Но тут она сгустила краски. Я внимательно оглядывался вокруг, опасаясь где-то в глубине мозга, что кто-нибудь из них вернется с вертолетом. Уж слишком долго небо оставалось чистым...

Время шло, я почувствовал, что машина с юга застряла из-за плохой дороги. Недолго думая, мы повернули на юг, проскочили прямо перед их носом, и не сбавляя хода, помчались дальше, достигнув США-180 западнее Брекенриджа. В Техасе Фарроу дала жару по-настоящему. Идея была в том, чтобы достичь Форт-Борса и затеряться в городе, где о современных играх, забавах и телепатических кошках-мышках миролюбивые жители имеют довольно смутное представление. Затем мы бы рванули по США-81, где-то южнее пересекли США-75 и, свернув, словно пушечное ядро, помчались к югу, до знакомой дороги на Хоумстид.

Форт-Борс оказался пыткой и убежищем для обеих сторон. Никто из нас не посмел преступить букву закона. Поэтому мы с Фарроу снизили скорость и запетляли по городу, пытаясь прозондировать дороги к югу в надежде отыскать свободный путь. Здесь нас преследовали уже три машины, отрезая южное направление. Они гнали нас на запад, точно собаки стадо овец в хозяйский загон.

Тогда мы покинули Форт-Борс по США-180, прорвались в Далласс, воспользовались той же круговертью и почти ушли от погони. Мы выехали из Далласа по США-67, но только покинули пределы города, влипли вновь, надеясь обойти их так, чтобы повернуть на юг к Хоумстиду.

— Заперты,— сказал я.

— Похоже на то,— горестно ответила Фарроу.

Я взглянул на нее. Чувствовалось, что она устала, и я прикинул, что она не встает из-за руля уже несколько часов.

— Давай попробую!— предложил я.

— Нам не обойтись без твоего восприятия,— отозвалась она.— А ты не сможешь вести машину и пользоваться своим восприятием, Стив.

— Зато если ты закемаришь, не надо быть эспером, чтобы предсказать, как мы грохнемся в канаву.

— Но...

— Нас заперли,— сообщил я ей.— Мы завязли. Нас могут окружить и сцапать в ближайшие шесть часов. Разуй глаза, Фарроу.

— А зачем?

— Ты спрашиваешь, потому что устала,— сказал я ей с угрюмой усмешкой.— В любой банде, располагающей достаточным количеством автомобилей, чтобы заблокировать улицы таких городов, как Форт-Борс и Даллас, достаточно народа, чтобы схватить нас, если захочется. Но зачем же нас ловить, если мы и сами едем, куда нужно.

— Мне ненавистна и сама мысль об этом.

— Так же, как и мне. Но представь, вдруг удастся попробовать на них твою телепатию и выяснить, что они замышляют.

Она кивнула, притормозила машину, и мы быстро поменялись местами. Газанув, я окинул напоследок внутренним взором местность и обнаружил машины, перекрывавшие все дороги к югу, западу и северу. Оставалась маленькая соблазнительная лазейка на северо-востоке. Потом я устремил свое восприятие как можно дальше вдоль дороги, потому что собирался сделать быстрый крюк и обойти противника с юга, хотя путь на Хоумстид удлинился бы вдвое.

— Улавливаешь какие-нибудь намерения?

Ответа не было. Я взглянул на нее, Глория Фарроу спала, свернувшись на заднем сиденье, ее глаза были плотно закрыты, дыхание сделалось тихим и ровным. Я знал, что она сильно устала, но не ожидал такой реакции. Чертовски славная девчонка!

Трижды за ночь я старался проскочить их кордон или прорваться через него, и каждый раз оказывался перед перехватом. Становилось очевидным, что пока их устраивает наша поездка, они не станут припирать нас к стенке.

Сестра Фарроу проснулась на рассвете, тут же заметила, что неплохо бы воспользоваться зубной щеткой и термосом горячей воды, и принялась в шутку распекать себя за то, что не догадалась как следует набить заднее сиденье перед отправкой. Затем, снова посерьезнев, детально расспросила о подробностях ночи, и я отбрехивался, как мог.

Мы остановились на миг, чтобы поменяться местами, и я вытянул ноги, но заснуть так и не смог.

Наконец я произнес:

— Остановись у следующей забегаловки, Фарроу. Нам надо бы подкрепиться.

— А это не опасно?

— Брось,— буркнул я сердито.— Только скажут нам спасибо. Они тоже наверняка голодны, как волки.

— Тогда поищем.

Запах придорожной харчевни обычно вызывает ощущение грязи и скверной стряпни, но я был так голоден, что уплел бы все

за обе щеки, будто мне подали домашний обед. Мы вошли, заказали кофе и апельсиновый сок и затем надолго исчезли в туалетных комнатах, приводя себя в порядок. Сделав все, как полагается, мы задали работу парню у плиты, проследив, как он управляется с беконом, яйцами и мясом.

Мы так энергично взялись за завтрак, надеясь опередить слетавшихся мух, и так увлеклись, что даже не заметили, как к харчевне подъехали машины, пока вошедший мужчина не заказал кофе с рогаликом и не перенес их к нашему столу.

— Неплохой денек для прогулки, не правда ли?

Я оглядел его, Фарроу ощетинилась и напряглась.

— Что-то не припомню тебя, приятель,— сказал я сурово.

— Вполне возможно. Зато я знаю вас, Корнелл.

Я быстро прощупал его, ничего опасного у него не было, только обычный набор ключей, отверток и инструментов, которые вряд ли предназначались для убийства.

— Я не подослан, Корнелл. Я здесь для того, чтобы избавить вас от излишних неприятностей.

«Телепат?»

Он едва кивнул, затем произнес:

— Мы только потеряем время, бензин и, возможно, влипнем в какую-нибудь передрягу с легавыми, если вы не свернете в Сент-Луисе на сороковое шоссе.Надеюсь, оно вам придется по вкусу.

— А если я этого не сделаю?

— Попробуйте,— сказал он с кривой усмешкой.— И увидите, что свернете на 40 в Сент-Луисе, хотите вы этого или нет

— Послушайте, дружище,— ответил я, возвращая кривую усмешку и попутно прощупывая его шкуру (он, конечно, оказался макстромом),— после ваших слов ничто не убедит меня, что США-40 лучше коровьей тропы, скользкой и непроходимой, хоть ранней весной, хоть поздней осенью, хоть в третий вторник от Михайлова дня.

Он поднялся.

— Корнелл, я вижу, куда вы клоните. Вам не нравится США-40, так я помогу вам, ребята. Если сами не хотите прокатиться по такому вшивому и разбитому бетону, скажите слово, мы организуем для вас дорожку шик-блеск безо всякой боли и страданий. Мы с вами еще увидимся. И счастливого пути, мисс Фарроу.

Затем этот тип откланялся, подошел к кассе, расплатился за наш завтрак, как за свой собственный. Потом уселся в машину, и с тех пор я его больше не видел.

Фарроу взглянула на меня. Ее лицо побелело от страха.

— США-40 прямехонько ведет из Сент-Луиса в Индианаполис.

Дальше продолжать не было смысла. В шестидесяти милях севернее Индианаполиса на Федеральном Хайвее 37 располагался респектабельный метрополис Марион, Индиана, самой важной точкой которого (для меня и Фарроу) было хозяйство, называемое Медицинским Центром.

Кто-нибудь принуждает меня ехать из Сент-Луиса по США-40? Молчание, конец послания, а ответа не было.

Никто, потому что я отлично знал, что они сами заинтересованы оставить меня живым и здоровым. Если я не выеду из Сент-Луиса в указанном направлении, мне придется сворачивать раз за разом, постоянно натыкаясь на противника. Только заявлять он о себе будет не в вежливой манере, а на грани смертельной угрозы. Попробуй я смыться, он, несомненно, загонит меня и оставит рыдающим и охающим от навешанных тумаков. Но если я поеду к ним, чтобы убить или быть убитым, они устранятся, предварительно удержав меня от самоубийства. Не думаю, что я стал бы нарываться на последний удар, от которого протяну ноги. Я бы выстоял либо сдержался.

Поэтому за завтраком за счет врага последовал и обед, а потом мы двинулись дальше. Я положился на Сент-Луис. Центр его был громадой бесформенной мертвой зоны, такой густой и непроницаемой, что превратился из обычного города в единое скопище многоэтажных зданий. Со времени Райна кварталы трущоб уступили место новым небоскребам. Так что мертвая зона и новые широкие магистрали с упорядоченным движением сделали Сент-Луис в любом месте доступным для автомобиля. Я не мог поверить, что какая-то банда, вынужденная работать скрытно, может набрать достаточно людей и машин, чтобы перекрыть все дороги, пути и проулки, ведущие из такого большого города, как Сент-Луис.

И вновь они преследовали нас, двигаясь по параллельным дорогам и сзади по открытому пространству вдоль США-67. Мы мчались, как дьяволы. Не снижая скорости, мы влетели в Сент-Луис и нырнули в обширную мертвую зону. Мы влились в общий поток транспорта и стали выписывать колесами бойскаутские узлы. Меня тревожило нападение сверху, с коптера, хотя я уже говорил, что мертвая зона Сент-Луиса в некоторых местах протянулась вверх на тридцать тысяч футов.

Единственное, чего не доставало, — так это какого-нибудь устройства, с помощью которого мы могли бы пользоваться своим восприятием или телепатией в окружающей мгле, а они — нет. Но пока мы были так же пси-слепы, как и они, поэтому нам пришлось колесить по улицам и следить в оба за владельцами подозрительных машин. Мы заметили несколько легковых автомобилей с номерами других штатов и задали им хорошую трепку. Один из них повис у нас на хвосте, пока я не совершил великолепный кульбит, проскочив на красный свет и втиснув свою машину между двумя четырнадцатиколесными фургонами. С каким наслаждением я заглянул бы в лицо водителю!

Но мы промчались, а он остался.

Я держался между фургонами, пока мы не подъехали к центру, и собрался было уже юркнуть в боковую стоянку...

Но, как видно, оставался между ними слишком долго.

Потому что парень впереди вдруг ударил по своим воздушным тормозам и гигантский фургон замер, оставив следы шин на бетоне. Зато парень сзади даже не снизил скорости. Он

несся на нас, словно лавина. Я быстро огляделся и рванул машину в сторону, но он врезался мне в хвост и мы заскользили вперед. Я выжал тормоза, но масса движущегося фургона была настолько велика, что тормоза оставили только черный след на мостовой.

Нас понесло на остановившийся фургон так, словно мы собирались как можно быстрее раздавить своей малолитражкой громадную машину.

Потом вдруг задняя стена переднего фургона обрушилась на меня сверху, вращаясь на нижних шарнирах, и образовала прекрасный скат. Задний фургон подтолкнул на него нашу машину, и мы влетели внутрь по толстому эластичному настилу, остановившему машину без какого-либо вреда для нее и пассажиров.

В ту же секунду задняя стена закрылась, с обеих сторон подскочили два парня и с криком: «Вылазь!» рванули дверцы.

Рослый детина с моей стороны одарил меня самоуверенной улыбкой, а коротышка произнес:

— Вы не против выехать из Сент-Луиса по сороковой, Корнелл? Вряд ли вам покажется эта шутка слишком грубой.

Я попробовал увернуться, но высокий схватил меня за локоть и повалил на пол. Коротышка нагнулся и достал бейсбольную биту.

— Ну что, Корнелл, может, поговорим, а то тебя ничем не проймешь,— сказал он.

Я взглянул на эту парочку и сдался. В этом мире существуют личности, которые обожают потасовки и которые не остановятся, пока не выбьют из поверженного всю душу. Эти двое из их числа. Взяв биту и лупя ею по голове, они запросто сподобятся тем парням, что сводят счеты в темных аллеях, обмениваясь легкими ударами, что они называют «карди» только для того, чтобы придать мордобою справедливый характер. И единственное, чего бы я добился, — так это выбитой челюсти и сломанных ребер.

Я расслабился.

Они коротко кивнули, явно разочарованные, видно, я не дал им отвести душу.

— США-40 покажется тебе куда приятней и ровней, чем ты ожидаешь,— заметил длинный.— Это ведь как жизнь — мы сами ищем неприятности на свою голову.

— Пошел к черту со своей философией,— огрызнулся я. Это был слабый протест, но на большее меня не хватило.

— Короче, Корнелл, вам не прорваться,— сказал детина.

Я взглянул на Фарроу. Она склонилась к ветровому стеклу, разглядывая стоявшую перед ней парочку. Те вели себя довольно развязно. Один предложил ей сигарету, а другой держал наготове спички.

— Спокойно,— сказал один, выпуская изо рта дым.

— Может, так оно лучше, мисс Фарроу,— добавил другой.— Бороться, конечно, неплохо, но только не так. Нужно сначала заручиться поддержкой.

— Почему бы мне не закурить свои?— спросила она презрительно в пространство.

Я мысленно согласился. «Пусть им будет хуже, Фарроу».

И потом вытащил себе тоже. Вдоль борта фургона стояли скамейки. Я сел, вытянув ноги, и затянулся. Покончив с сигаретой, я заметил, что возбуждение от погони внезапно угасло, оставив только желание поспать.

Я задремал, размышляя о том, чего только не бывает в жизни — едешь в Хоумстид, Техас, а оказываешься в Марионе, Индиана.

Школяр Фелпс не расстелил зеленую дорожку к нашему приезду, но когда наша передвижная тюрьма остановилась в глубине Медицинского Центра, присутствовал, как и Торндайк. Торндайк с тремя сестрами-амазонками, выстроившимися эскортом вокруг Фарроу, словно конвоируя опасного преступника.

— Да, молодец, вы устроили нам хорошую охоту,— самодовольно ухмыльнулся Фелпс.

— Только разрешите, и мы устроим еще одну,— ответил я нагло.

— Нет, но если хотите знать, у нас относительно вас грандиозные планы,— прогудел он весело.

— А есть у меня право выбора? Если да, то я отказываюсь.

— Вы слишком торопитесь,— сказал он,— и, по-моему, зря. Раскройте глаза.

— Для чего?

— Для всего,— проговорил он, махнув рукой.— В том-то и беда, что нынче люди не думают Они слепо следуют за тем, кто думает за них.

— А я разве один из ваших последователей?

— Я преувеличил, конечно. И только для того, чтобы показать, как вы одержимы старыми бреднями, вы просто встали на позицию лентяев и следуете по стопам своего отца.

— Бросьте,— огрызнулся я.— Ваш путь.

Он предостерегающе погрозил пальцем, будто запрещая трогать эту тему.

— Никто не может составить свое мнение за такой короткий срок. Запомните, нельзя множество мыслей отвергать только потому, что они не согласуются с вашими предвзятыми идеями.

— Послушайте, Фелпс,— буркнул я, намеренно опуская его степень, чтобы слегка уязвить.— Мне не нравятся ваша политика и ваши методы. Вам не удастся...

— Вы ошибаетесь, молодой человек,— проговорил он спокойно, даже не рассердившись на то, что я обратился к нему если не грубо, то весьма неучтиво.— Я уже сказал, что мне чужды ваши игры. Превосходя вас числом, я находился в полном неведении о существующей против меня оппозиции, пока вы так дерзко не привлекли к ней моего внимания. За прошедший год я усмирил инакомыслящих, обратив в бегство их основные силы, перерезал их разветвленную сеть коммуникаций и упрочил свое положение, открыто завладев всеми ключевыми позициями. А потом и вами,

молодой человек. Беспокойной, но весьма необходимой особой для ведения такой войны. Вы лепечете о моей позиции, мистер Корнелл, вы утверждаете, что такая позиция несостоятельна и обречена на гибель. И пока вы стоите здесь и изрекаете всякие пошлости, мы готовим главный штурм их основной базы в Хоумстиде. Мы брали их на измор, теперь достаточно малейшего толчка, чтобы опрокинуть их и разогнать на все четыре стороны!

— Прекрасная лекция!— хмыкнул я.— А кто автор?

— Оставьте ваш сарказм,— взвизгнул он.— Вы им, видно, еще не переболели, мистер Корнелл.

— А жаль, что вы им не заразились,— огрызнулся я.

— Ваш юмор не лучше вашего сарказма.

— Возможно,— отозвался я.— Видно, для этого вы меня и прихватили. Все же...

— Вы чересчур наивны, мистер Корнелл. Неужели вы думаете, что так необходимы? Ваша решимость драться с нами зубами и когтями весьма похвальна, и может быть, с кем-то другим сработала бы. Но мне посчастливилось узнать, что вы очень любите жизнь и что в решающий миг вы отступаете, чтобы последний штурм не кончился плачевно.

— Узнали вы достаточно.

— Да уж. Так что если теперь вы собираетесь отделаться словами, лучше пройдемте в ваши апартаменты.

— Ведите,— сказал я глухо.

С демонстративной нежностью он указал на дверь. Он предложил мне войти и последовал за мной. Подвел меня к громадному лимузину с шофером, угостил меня сигаретой из пачки, которую протянул собственной рукой. Машина заурчала тем ровным звуком, в котором слышался гул слаженной мощи.

— Вы будете для нас просто неоценимы,— сообщил он развязным тоном,— я говорю так только потому, что вы значительно важнее для нас как добровольный союзник, нежели вынужденный.

— Не сомневаюсь,— ответил я глухо.

— Я предлагаю вам отбросить свои предвзятые представления и чуть подзаняться практической логикой,— предложил дипломированный специалист Фелпс.— Уясните свою позицию с точки зрения других условных ценностей. Заметьте, что сказанное или сделанное вами нисколько не повлияет на то, что мы станем использовать вас в своих целях. Я уверен, вы не питаете на этот счет никаких иллюзий.

Я пожал плечами, Фелпс мог бы и не спрашивать о подобных вещах. Потом он предложил:

— И поскольку вас будут использовать независимо от вашего желания, вы скорее всего решите проявить благоразумие. Короче говоря, мы надеемся на сотрудничество с обоюдной выгодой.

— Короче говоря, вы хотите меня нанять.

Фелпс снисходительно улыбнулся:

— Нет, мистер Корнелл, не так. Термин «нанять» предполага-

ет выполнение определенного задания за некое вознаграждение. Нет, по моим замыслам, место, которое вы получите в этой организации, определить практически невозможно. Послушайте, молодой человек, ваше желание сотрудничать было бы, на мой взгляд, куда более ценно. Присоединяйтесь к нам, и вы сможете рассчитывать на дружбу самых влиятельных членов организации, займете достойное место среди нашей будущей элиты, войдете в высший исполнительный орган и будете пользоваться всеми его привилегиями.

Он запнулся и взглянул на меня со странным выражением.

— Мистер Корнелл, вы заставляете меня признаться, что наша организация занимается куда более грандиозными делами, нежели просто благотворительностью.

Я взглянул на него с тем чувством юмора, которое слишком часто стало посещать меня в последнее время.

— По вашим словам выходит, будто бы благотворительное и культурное общество не имеет ничего общего с такой грязью, как деньги, положение и человеческий эквивалент раздатчика корма в общей конюшне. Поэтому бросьте заниматься глупостями и называйте все своими именами, вы хотите, чтобы я помогал добровольно, выполнял работу, претворял вашу программу. А взамен мне позволят разъезжать в кадиллаке из чистого золота, упиваясь дорогим шампанским и по своему вкусу подбирать обстановку кабинета. Ну так что из этого?

Дипломированный специалист Фелпс улыбнулся, использовав великодушное выражение, показывающее его самодовольство, не имевшее никакого отношения ни ко мне, ни ко всей человеческой расе.

— Мистер Корнелл, я знаю, что для того, чтобы изменить свое мнение, вам потребуется какое-то время. Более того, мне следовало бы быть весьма подозрительным, если бы вы тут же перешли на нашу сторону. Однако теперь я обрисовал положение и у вас будет время подумать. Решайте, но имейте в виду: будете ли вы с нами сотрудничать или откажетесь — в любом случае мы воспользуемся вашим даром. А теперь я и так слишком много сказал.

Лимузин остановился около четырехэтажного кирпичного строения, мало отличавшегося по своей архитектуре от остальных в Медицинском Центре. Я почувствовал только небольшую разницу, но когда прощупал его внутри, обнаружил, что оно намеренно построено в мертвой зоне. Мертвая зона лежала в открытом пространстве, словно маленькая капелька черных чернил на дне кристально чистого плавательного бассейна.

Дипломированный специалист Фелпс перехватил мой недоуменный взгляд и учтиво проговорил:

— Мы возродили обычные методы содержания нежданных гостей. Здесь мы спокойны за их образ мыслей и склад ума, к тому же расположение здания в мертвой зоне удержит их от заговора. Я надеюсь, что ваша здешняя резиденция будет только временной, мистер Корнелл.

Я мрачно кивнул. В последних словах просквозило «А иначе...»

Фелпс заполнил журнал на посту дежурного в вестибюле. Мы быстро поднялись на третий этаж в скоростном лифте, и потом Фелпс проводил меня по коридору, вдоль которого выстроились двери общих камер. На уровне глаз в центре каждой двери располагался глазок. Мне не терпелось посмотреть, но Фелпс был далек от этого, он пресек мой первый шаг, взял меня за руку.

— Сюда,— вкрадчиво сказал он.

Я повиновался и скоро оказался в одной из комнат — уютной, чистой клетушке.

Как только Фелпс вышел, я тщательно осмотрел свои хоромы. Комната была четырнадцать на восемнадцать, но мне отводилось в ней только четырнадцать на десять, остальные восемь футов были отгорожены внушительными металлическими прутьями и такими же мощными поперечными балками. Там находилась откатывающаяся дверь, наподобие двери банковских подвалов. Она закрывалась на тяжелые засовы, которые опоясывали ее сверху и снизу и открывались с помощью скрытых моторов. В барьере имелась плоская горизонтальная щель: достаточно широкая, чтобы просунуть поднос, и достаточно высокая, чтобы передать чайную чашку. К нижнему краю паза с помощью ножек крепился маленький столик, на который снаружи можно было просунуть поднос.

Я попробовал прутья руками, но даже с помощью новых мускулов не в силах был сжать их больше, чем на несколько тысячных дюйма.

Стены оказались стальными. Все, чего я добился — так это исполосовал их ногтями. Пол тоже стальной. Потолок — слишком высоко, чтобы попробовать на нем свои силы, но я прикинул, что и он был стальной. Окно оказалось зарешеченным изнутри и, несомненно, так ловко, что любой пришедший снаружи не мог догадаться, что это каталажка.

Обстановка этого холодного бункера была скудна. Удобств минимум. Умывальник-туалет. Койка из металлических прутьев приварена прямо к полу. Постель на широких эластичных ремнях, пересекавшихся в ногах и в изголовье кровати. Поролоновый матрац, а простыни и одеяло завершали убранство постели.

Это была клетка, сконструированная макстромами, чтобы содержать макстромов, или одними юмористами, чтобы содержать других.

Неметаллические вещи в комнате были, конечно, огнеупорные. Все, за что я ни брался, было никчемным с точки зрения орудия, рычага или инструмента. Так что преступника связывали по рукам и ногам.

Покончив с исследованием, я сел на койку и закурил. Я осмотрел камеру в поисках жучка и обнаружил линзы телекамеры над дверью с барьером. За линзами виднелась решетка динамика и маленькое отверстие, напоминавшее предохранительную крышечку микрофона.

С ворчанием я запустил сигарету в глазок телекамеры. Попал я прямо в отверстие, промазав всего на дюйм. В тот же миг тоненький голос произнес:

— Мистер Корнелл, это запрещается. Вы обязаны сохранять кое-какие нормы личной гигиены. А поскольку вы не сможете сами поднять окурок, эту неприятную работу придется выполнять нашему персоналу. Если подобное нарушение повторится, вы будете лишены удовольствия курить.

— Пошли к черту,— рявкнул я.

Ответа не последовало. Даже наглого щелчка. Молчание было хуже всякого ответа, потому что указывало на превосходство их положения.

Очевидно, я задремал. Когда проснулся, они поставили на столик поднос с пищей. Я поел. Потом задремал снова, и, пока спал, кто-то убрал поднос. Когда я очнулся во второй раз, была ночь, время отходить ко сну, что я и сделал. Проснувшись утром, я увидел здорового парня, вносившего поднос с завтраком. Я попробовал втянуть его в беседу, но он даже не заметил меня. Позже он забрал поднос так же молча, как и принес. И я провел четыре часа, скучая в одиночестве, пока он не возвратился с ленчем. Шестью часами позже пришло время обеда.

Ко второй ночи я был уже на грани истерии.

Я повалился на койку около девяти тридцати и начал ворочаться, не в силах уснуть, потому что совершенно не устал. К тому же я желал знать, когда явится команда по промыванию мозгов или пришлют кого-нибудь с ультиматумом.

Следующим утром поднос принес доктор Торндайк, который уселся в кресло за оградой и молча уставился на меня. Я постарался ответить взглядом, но, конечно, потерпел фиаско и сказал:

— Так куда же мы отправимся?

— Корнелл, вы здорово влипли по собственной вине.

— Может быть,— заметил я.

— И все же, как ни крути, вы жертва обстоятельств.

— Оставьте свои причитания, я обыкновенный заключенный. Взгляните в лицо фактам, Торндайк, и кончайте трепать языком,— оборвал я его.

— Ладно,— сказал он коротко.— Факты таковы: мы рассчитываем, что вы поможете нам добровольно, мы предпочли бы, чтобы вы остались таким, как есть, безо всякой переориентации.

— Вы не в состоянии мне поверить,— буркнул я.

— Может быть. Не секрет, что мы посадили под замок нескольких ваших друзей. Допустим, они пройдут отличный курс лечения, если вы согласитесь сотрудничать добровольно.

— Уверен, что все мои друзья предпочтут, чтобы я выстоял, нежели предал их идеалы.

— Дурацкая позиция,— отозвался он.— Бороться с нами — все равно что в одиночку свергать правительство. Взгляните в лицо фактам и увидите, что куда разумнее поменять позицию, а потом решить, какую масть заложить в создавшемся раскладе.

— Мне не нравится ваш новый расклад,— проворчал я.

— Многим не нравится,— заверил он.— Но ведь люди не всегда знают, что для них хорошо, а что плохо.

— Слушайте,— я чуть не рассмеялся.— Лучше уж я сам наделаю кучу глупостей и ошибок, чем попрошу какого-то Великого Папочку присмотреть за моей жизнью. И говоря о папочках, мы сойдемся на том, что сам Господь Бог ратовал за полное единство наших желаний.

— Если уж цитировать священное писание,— кисло сказал Торндайк, издеваясь надо мной,— то замечу, что сам Господь Бог — жестокий бог, он ниспосылает гнев свой на семь поколений тех, кто его ненавидит.

— Разумеется,— ответил я.— Но любить или ненавидеть его — это наше личное дело. Так что...

— Что вы мелете чушь! Здесь у вас тоже есть выбор. Вами никто не помыкает. Либо вы обрекаете себя на страдания, либо наслаждаетесь жизнью. А также в ваших силах решать — кому помочь, кому отказать.

— Ну, вы просто бог.

— Ладно,— сказал он,— обдумайте.

— Идите к черту...

— Довольно слабые аргументы, — сказал он надменно.— Никому ни вреда, ни пользы, так что кончайте трепаться и думайте.

Торндайк ушел, оставив меня наедине с мыслями. Наверное, стоило поторговаться, но проку было мало. Я ведь нужен только до тех пор, пока они не откроют какой-нибудь метод заражения нормальной плоти Макстромовой чумой. И когда все заботы лягут на их плечи, Стив Корнелл станет обузой.

Так наступило третье утро моего заключения, и ничего не изменилось. Они даже не удосужились подкинуть мне какое-нибудь чтиво, так что я скоро был на грани помешательства. Пока не побываете в камере, где абсолютно нечего делать, вы даже представить себе не можете, какими долгими могут показаться четырнадцать часов. Я занимался гимнастикой. Хотелось пробежаться, но комната была мала. Я подтягивался до изнеможения, потому что для макстрома пятьдесят раз на одной руке — не бог весть какой подвиг. Потом передохнул и занялся мостиком, отжиманием и прочей ахинеей, пока снова не выбился из сил.

И все это время мои шарики вертелись и вертелись. Получалась весьма убогая перспектива.

Выходило, что неважно, что я сделаю, скажу или решу — все равно мне придется им помогать. Буду я это делать по собственному желанию или же они меня доймут своими лекциями, прочистив мозги, после чего Стива Корнелла больше не будет, но я встану в их ряды и буду выполнять их приказы. И единственное, в чем я был уверен,— что не переменю своего решения. Иначе я перестал бы быть самим собой и переориентировался в того, о ком они мечтают. А после такого человек превращается в тряпку.

Итак, забудем обо всех «если» наконец, и раз карты открыты и у меня хватит мужества сказать «нет», то меня прямиком

уволокут в их департамент по промыванию мозгов. Собственно, больше всего я боялся, что в последний момент дрогну и не выдержу.

Для меня было уже неважно, конечно, чем им вздумается напичкать мои мозги. Достаточно было оставить меня здесь наедине с неудержимым круговоротом мыслей.

Я вновь бухнулся от скуки в постель и принялся вертеться и крутиться, словно всего несколько часов назад пробудился ото сна, размышляя в полузабытьи, кто же будет следующим посетителем с векселем для оплаты услуг.

Следующий посетитель появился в полночь или около того. Я очнулся от ощущения, что кто-то вошел через внешнюю дверь и стоит там в полумраке, освещенный полной луной, заглядывающей в мое зарешеченное окно.

— Стив,— сказала она почти шепотом.

— Уходи,— отозвался я.— Разве ты сделала недостаточно?

— О, пожалуйста, Стив. Я пришла поговорить с тобой.

Я сел на край койки и взглянул на нее. Она была безупречно одета, ее светлое набивного шелка платье было того покроя и размера, что она предпочитала. Собственно, Катерина выглядела, как я ее помнил раньше и как представлял во время долгих безутешных недель нашей разлуки.

— Ты хочешь что-нибудь добавить?— спросил я ее холодно.

— Я добиваюсь, чтобы ты понял, Стив.

— Что понял?— огрызнулся я.— Я и так уже все знаю. Вы намеревались женить меня или еще как-то привязать к тебе. Бог знает, чего добивались. Если бы не катастрофа, я был бы связан по рукам и ногам.

— Все это правда,— прошептала она.

— Естественно, чего же упираться.

— Ладно, не буду.

— Мелкое жульничество.

Она покачала головой.

— Стив, ты действительно не понимаешь. Если бы ты мог прочитать мои мысли и узнать правду.

Она неумело воспользовалась этой уловкой. Подобные утверждения ничего не значат, их можно раздавать друзьям и врагам, а проверить невозможно.

Я взглянул на нее и вдруг кое-что вспомнил. Впервые в жизни я мог воспользоваться словесным заслоном, оказавшись с телепатом на равных. Я мог сказать «да», а подумать «нет». Абсолютно безнаказанно. Собственно, я мог даже пойти дальше, ибо, будучи невезучим телепатом, успел напрактиковаться на лжи, изворотливости и дипломатических уловках, чего не мог постичь ни один телепат.

Наконец-то мы с Катериной оказались в положении так называемых старых друзей, когда девочки и мальчики по-настоящему не знают о мыслях друг друга.

— Так что за правду?— спросил я.

— Стив, ответь мне честно. Взялся бы ты за самую грязную работу, если бы она вдруг пришлась тебе по сердцу?

— Да.

Тогда выслушай меня. Я — неважно, женщина или нет взялась добровольно выполнить то, что совершила. Мне велели познакомиться с тобой...— ее лицо казалось возбужденным и, наверное, вспыхнуло румянцем. Но чтобы удостовериться, не хватало света.— И тут я встретила тебя, Стив, и вдруг оказалось, что ты действительно очень хороший парень.

— Благодарю.

— Не злись. Лучше выслушай. Если бы Отто Макстром не существовал, не было бы Макстромовой болезни и мы повстречались бы с тобой честно и открыто, как обыкновенные мужчина и женщина, я бы почувствовала то же самое, Стив. Я хочу тебя заставить понять, что мое чувство к тебе не зависит от взятого поручения об усердной опеке. Короче, моя работа только помогла совместить полезное с приятным.

— И ты была ужасно счастлива,— усмехнулся я.

— Да,— прошептала она.— И собиралась выйти за тебя замуж и честно жить с тобой до конца своих дней...

— Чертовски забавная свадьба в Медицинском Центре во имя Макстромовой болезни, и наш первенец...

— Стив, неужели ты не понял, дурашка? Если бы первый ребенок родился как положено, то первым делом я бы заразила от ребенка отца... тогда бы...

— Хм,— проворчал я.— Я как-то не подумал об этом.

«Хотя на поверку чистая ложь. Иначе к чему эта тюрьма. Подарить Медицинскому Центру ребенка, макстрома и переносчика — и старый добрый папа больше не нужен».

— Ладно, вот что было у меня на уме после того, как я узнала тебя поближе. Но теперь...

— Что теперь?— тихо перебил я. Мной овладело подозрение, что она к чему-то клонит, но решила поюлить, пока не выяснит, о чем я думаю. Если бы мы были в чистой зоне, это бы не понадобилось, но теперь придется ее подтолкнуть.

— Но теперь я пропала, обманула твои надежды,— сказала она чуть не плача.

— Что значит пропала?— спросил я резко.— Сошлют в Сибирь? Прикуют к пушке? Или натянут шкуру на барабан?

— Не знаю.

Я пригляделся к ней повнимательней. Стоило признать, что, не говоря уже об уме, она была чертовски привлекательна. Несмотря на доставленные ею мне неприятности, я не мог отрицать, что был в нее так сильно влюблен, что собирался бежать за ней на край света и жениться. Вспоминал, как я прижимал ее нежное тело, и было непонятно, отвечала ли она искренним жаром или была превосходной актрисой редкого дарования. Мистер Фелпс вряд ли смог бы найти более обольстительное создание, натравить ее на меня сейчас было поистине гениально.

Я встал у края койки, посмотрел на нее сквозь прутья. Она тоже приблизилась, и мы уставились друг на друга.

— Ты еще не совсем пропала, детка, не так ли?— улыбнулся я грустно.

— Я не совсем понимаю... как...— отозвалась она.

Я со скорбным видом обвел взглядом свою маленькую камеру.

— Не я выбирал этот дом. И все же мне суждено сидеть здесь, пока кто-то не решит, что содержать меня слишком дорого.

— Знаю,— выдохнула она.

Я закусил удила и проговорил:

— Катерина, даже теперь... хотя... ладно. Я тебе помогу.

— Что ты имеешь в виду?— спросила она, почти дрожа от нетерпения.

— Помнишь, как мы умчались в самом начале...

— Это было так давно,— сказала она срывающимся голосом.— Как бы мне хотелось вернуться туда, Стив, и чтобы не было никакой Макстромовой болезни, чтобы...

— А ты поменьше хоти, побольше думай,— сказал я полушутя.— Если бы не Макстромова болезнь, мы вряд ли когда-нибудь встретились.

— И это мучительнее всего,— всхлипнула она. И я не сомневался, что она всхлипнет. Поэтому ударился о железную решетку и сказал горестно:

— Так разве я могу тебе помочь, Катерина, пока мы здесь?

Она просунула свои руки через решетку и притянула ими мое лицо. Казалось, она напряженно всматривается мне в глаза, будто стараясь преодолеть телепатическую блокаду мертвой зоны. Она прижалась к стали, но барьер был чересчур ощутим, наши губы встретились через холодный металл. Получился не совсем приятный поцелуй, поскольку чтобы соприкоснуться губами, нам пришлось вытянуть их, точно пикколистам. А это было все равно, что заниматься любовью через замочную скважину.

К счастью, это ловкое проявление любви продолжалось не слишком долго.

— Я хочу тебя, Стив,— сказала Катерина дрожащим голосом.

— Через эти стальные прутья?

Она вытащила маленький цилиндрический ключик. Затем прошла к медной пластинке на стенке за внешней дверью, вставила ключик и повернула. Отодвигаясь, дверь камеры бесшумно скользнула в сторону.

Потом, внимательно глядя на меня, Катерина прикрыла маленькой шторкой стеклянный глазок в двери. Ее рука протянулась к скрытой кнопке под дверью. И когда она на нее нажала, на динамик, объектив и решетку подслушивающего микрофона опустился с тихим шорохом толстый чехол. Очевидно, из каких-то высших соображений эти камеры использовались не только для содержания буйных заключенных. Я чуть не прыснул — общество, которое почитал мистер Фелпс, вовсе не процветало в атмосфере всеобщего доверия и открытости — за исключением, должно быть, самой верхушки.

Катерина отвернулась от выключателя и направилась ко мне, подняв лицо.

— Возьми меня, Стив.

Моя рука резко рванулась вперед и коснулась ее болевого центра чуть ниже ребер. Ее грудь замерла на полувздохе, глаза остекленели. Она покачнулась, полупарализованная. Моя вторая рука взлетела вверх, сжимаясь по мере подъема, и со всего размаха кулаком врезалась в ее челюсть. Ее голова запрокинулась, колени подогнулись, и она, выгнув спину, рухнула на пол. Изо рта вырвался какой-то булькающий звук.

Я выскочил за барьер камеры, потому что не сомневался, что они ухитрятся как-нибудь перекрыть камеру с главного контрольного пульта. Я плохо знал технологию, но разве можно было упустить такой случай. Просто удивительно, как мне везло.

Катерина шевельнулась, застонала, и я на миг задержался, чтобы успеть выдернуть ключ из настенной пластинки. Дверь камеры закрылась, тихо скользнув на прежнее место.

Я едва успел застегнуть молнию на брюках, как дверь наружу распахнулась. Слава богу, что я вовремя оказался за ней. Потому что в комнату из коридора ворвался сноп света, а с ним — доктор Торндайк. Должно быть, в двери решетки была сигнализация.

Торндайк появился вслед за громадным пистолетом, зажатым в руке. Он уставился в полумрак комнаты, которого не коснулась полоска света.

И тут я свалил его на пол твердым ребром правой руки, врезавшейся в основание его шеи. Помнится, он аж подпрыгнул, когда удар достиг цели, и потом рухнул на пол. Он, к счастью, выпустил пистолет, когда начал сгибаться, и после короткой судороги жизнь покинула его тело.

Я сглотнул комок горькой желчи, поднявшейся из желудка, и потянулся за его пистолетом. Комната показалась душной и нестерпимо маленькой, и я почувствовал жестокое желание уйти отсюда, плотно закрыв за собой дверь.

Через несколько ярдов от моей двери паника улеглась. Я вспомнил, где я и кто, и быстро огляделся. В коридоре, конечно, никого не было, иначе бежать мне попросту не удалось бы. Но на всякий случай стоило оглядеться, пока здравый рассудок не подскажет мне, что следует делать, чтобы выйти отсюда.

Мои планы бегства, кончались, как у канарейки, на пороге клетки. У меня не было четкого представления, что делать со своей новоприобретенной свободой. Одно становилось мучительно очевидным: меня схватят и свяжут по рукам и ногам, как только я сделаю шаг из мертвой зоны, в которой построено это здание. Мне нужны были друзья, а также оружие, снаряжение и хороший, основательный план бегства. У меня не было ни того, ни другого, скорее, моим заключенным друзьям тоже требовалась помощь. А пойти к ним я не мог, сигнализация успеет оповестить главный контрольный пульт прежде, чем я соберу свою маленькую безоружную армию.

Так я стоял в ярко освещенном коридоре в надежде что-нибудь придумать. Не знаю, чем бы кончилось, но меня вернул к жизни донельзя знакомый звук поднимающегося лифта в конце коридора.

Я с подозрением взглянул на двери остальных камер. Открывай любую — но если комната окажется занятой, не избежать комментариев владельцев, из-за которых вновь придется убираться. Не было времени заглянуть в глазок, чтобы высмотреть в сумраке, какая комната пуста.

Так что вместо того, чтобы скрыться в коридоре, я рванулся к лифту и опоясывавшей его лестнице, надеясь достичь ее прежде, чем лифт поднимется на мой этаж. Я сознавал, что мой топот разносится, подобно реву летящего самолета, но я достиг лестницы и совершил опрометчивый прыжок через короткий пролет ступеней как раз в тот момент, когда дверь лифта отворилась. Я с лету врезался в стену, чуть было не лишившись чувств, но удержался на ногах и глянул наверх.

Меня ожидало занятное зрелище: в коридор с сигаретой в руке вышел охранник. Он не ждал никаких неприятностей, а я не собирался их чинить.

Я тихо прокрался вверх по ступенькам и остановился, когда голова оказалась на уровне пола.

Очевидно, ничего не подозревавший охранник походя заглянул в парочку комнат, окинул долгим взглядом ту, из которой я только что смылся, и затем прошел в конец зала, где вставил ключ в коробку сигнализатора. На обратном пути он снова заглянул в мою комнату, стараясь разобрать что-нибудь, припал глазом к крошечной щелочке под заслонкой. Затем вздохнул и пошел обратно.

Я спустился на цыпочках по лестнице на второй этаж и подождал. Лифт пошел вниз, остановился, и охранник повторил обход, не потрудившись заглянуть ни в одну из камер.

Я замер на последнем пролете первого этажа, высунув над верхней ступенькой только голову и дуло пистолета. Внизу находился стол охранника, а за столом, источая безудержный гнев, сидел дипломированный специалист Фелпс.

Лифт спустился, еще раз остановился, и оттуда, прямо на растерзание Фелпсу, вышел довольный охранник.

— На службе,— холодно заявил рыцарь науки,— вам вменяется совершать обход.

— Да, сэр... так...

— Обход!— взорвался в гневе Фелпс.— А вы раскатываете на лифте, безмозглый баран. Вы не следите за лестницей.

— Но, сэр...

— Кто-нибудь может запросто спуститься вниз, пока вы будете подниматься.

— Я знаю, но...

— Тогда почему вы ослушались?— проревел Фелпс.

— Видите ли, сэр, с тех пор, как построили это здание, никто не пытался этого сделать. Да и кто посмеет?— в голосе охранника послышался священный трепет.

Фелпс принял это к сведению. Тон его стал более благосклонным.

— Если я что-то приказываю, вам следует это выполнять. Все до последней буквы.

— Да, сэр, обязательно.

— Посмотрим. Теперь я поднимусь наверх. Я поеду на лифте, а вы пойдете. Встретимся у лифта внизу, но сначала на четвертом.

— Да, сэр.

Я рванулся по ступеням, будто вспугнутый кролик. Снова вверх, на третий, по коридору в едва заметную нишу, образованную дверью. Медленно и флегматично охранник поднялся по ступеням, прошел перед лифтом, обернувшись ко мне спиной, и направился на четвертый этаж.

Когда его нога ступила на четвертый, я оказался сзади, когда он достиг верха, я был уже на полпути.

— С этого момента, Валдрон,— сказал Фелпс,— вы будете выполнять каждое мое указание. И когда я позвоню, не вздумайте подняться на лифте, пришлите его. Он поднимется и остановится сам.

— Да, сэр. Простите. Но там и охранять-то нечего.

— Тогда и не охраняйте. Должен заметить, что каждый человек в вашем положении оценивается тем, насколько он умудрится сам себе наскучить.

Охранник начал спускаться, и я чуть приподнялся, чтобы хоть одним глазком увидеть, где стоит Фелпс. Как только я оказался на уровне пола, на меня будто опрокинули десять галлонов ледяной воды. Верх пола служил концом мертвой зоны и я... нырнул обратно во мрак, будто пловец, глотнувший воздуха.

Я замер с головой на границе пустоты, погружаясь вниз, как только в окружающем мраке угадывалось слабое ощущение стены и потолка. Потом я чуть двинулся вбок, и картина стала отчетливее. Очевидно, я попал в какой-то маленький гребень, чуть вздымавшийся над уровнем пола. Я медленно и бесшумно двинулся вдоль этажа, скрывая тело в мертвом мраке, который поднимался и спадал, будто облако черного дыма, непроницаемого для моего чутья.

Должно быть, со стороны я выглядел довольно глупо, барахтаясь на полу, словно морская свинка.

Но слишком далеко я продвинуться не мог. Мертвая зона опустилась ниже уровня пола, оставив меня на голом полу, обнажив мое чувство восприятия.

Я выставил голову из зоны, быстро прощупал обстановку и лег, мысленно воспроизводя картину увиденного. Я проделал это дважды, каждый раз проводя быстрое сканирование какого-нибудь участка четвертого этажа.

Тремя короткими рывками я нащупал пару пустых кабинетов, хорошо укомплектованную больничную операционную и какое-то место, напоминавшее комнату консультаций.

На четвертое сканирование я нащупал Фелпса, глубоко ушедшего в свои мысли.

Я вскочил, миновал зал и рывком отворил дверь как раз в тот

миг, когда совершенно неподготовленного разума Фелпса коснулось предчувствие, что к его двери подошел кто-то с пистолетом сорок пятого калибра.

— Ни с места!— рявкнул я.

— Уберите оружие, мистер Корнелл. Вы и так получите свободу.

— А может, я всю жизнь и мечтал, что вы с ней расстанетесь.

— Уверен, что вы не настолько глупы,— ответил он.

— Возможно.

Он самоуверенно улыбнулся.

— Мистер Корнелл, вы очень любите жизнь. Удел мученика вам не к лицу.

— Я мог бы забиться в уголок, как крыса,— отозвался я.— А не играть с вами в прятки, Фелпс.

— Дипломированный специалист Фелпс, пожалуйста.

— Я весьма низкого мнения о профессии медиков,— сообщил я.— Так...

— Так что вы собираетесь делать?

— Выбраться отсюда.

— Не будьте смешным. Сделайте только шаг из здания, и через минуту вас возвратят обратно. На что же вы рассчитываете?

— На личное обаяние. А теперь...

— Я бы посоветовал вам сдаться, чтобы прекратить бесполезные попытки. Бежать вам не удастся. Здесь, в этом здании, уверяю вас, сидят все ваши моральные и интеллектуальные вдохновители.

Я холодно и спокойно взглянул на него:

— Вы меня не убедили. Я все равно ухожу. И если вы прощупаете пониже, заверяю вас, найдете мертвого мужчину и лежащую без сознания женщину. Я сломал доктору Торндайку шею собственной рукой, Фелпс, и свалил Катерину одним ударом. Может, эта штука вас не убьет, но я тоже макстром, и она запросто поможет обезвредить вас.

— Это вам ничего не даст.

— Что же, поиграйте на моем терпении. Могу поспорить на мою никчемную шкуру,— я усмехнулся,— правда, не такая уж она и никчемная?

— Стоит мне только крикнуть, мистер Корнелл, и...

— И вам не узнать, что случится. Я бы прикончил вас сразу. Но мне это не подходит. И я решил подождать до ночи. Как видите, идея далеко не нова. Я убью вас, Фелпс, и ничто меня не остановит.

Усмехнувшись, Фелпс повернулся к своему столу, и я почувствовал под ворохом бумаг и всякого хлама кнопку звонка. Я пулей метнулся через комнату и, подлетев, взмахнул рукояткой пистолета. Сталь коснулась его виска, и прежде чем палец успел нажать кнопку вызова, удар отбросил его прочь. Потом я добил его кулаком в живот, потому что пистолет только оглушил его. А кулак сделал свое. Он свалился на пол и бездыханно замер.

Я обернулся к стене, которую он так внимательно рассматривал.

Она была усеяна рядами маленьких телеэкранов, и на каждом просматривалась мрачная обстановка камер. Под каждой имелся ряд мертвых лампочек. На его столе располагались блок кнопок, динамик и микрофон. И помимо кнопок, папка со списками заключенных.

Я отыскал Мариан Харрисон, нажал кнопку и услышал из громкоговорителя ее чисто женское посапывание. Под экраном вспыхнула зеленая лампочка, я подошел к стене и увидел знакомые волосы, рассыпавшиеся по огромной подушке.

Я рванулся к столу и схватил микрофон.

— Мариан!— сказал я.— Мариан! Эй! Мариан Харрисон!

На экране замельтешило, потом она села и удивленно огляделась вокруг.

— Мариан, это Стив Корнелл, но...

— Стив!

— Не кричи!— закончил я с опозданием.

— Где ты?— спросила она шепотом.

— В контрольной.

— Но какими судьбами?

— Некогда объяснять. Я мигом спущусь с ключом.

— Да. Стив.

Я вышел, прихватив регистрационную книгу. Через миг я был уже на третьем этаже перед камерой Мариан, но когда я вломился туда, она была уже готова. Не успела дверь захлопнуться, как она выскочила в коридор и поволокла меня к камере брата.

— Что случилось?— спросила она, не дыша.

— Потом,— бросил я и открыл камеру Филипа.— Иди разбуди Фреда Маклина и вели ему прийти сюда. Затем — к девушке Маклин — Алисе, это здесь, а потом вдвоем будите остальных и отсылайте наверх. Как только управлюсь, я вызову тебя по коммуникатору.

Мариан ушла с ключом и книгой, а я потряс за плечо Филипа Харрисона.

— Проснись!— закричал я.— Проснись, Филип!

Филип что-то пробормотал.

— Проснись!

— Что?

— Это я, Стив Корнелл, вставай!

Тряся головой, Филип зевнул и выбрался из-под одеяла. Он посмотрел на меня, прищурившись спросонок, потом вытаращил глаза, подошел к умывальнику, намочил полотенце холодной водой и промокнул им лицо, плечи, тело. Бросив полотенце в раковину, он обернулся ко мне с посвежевшим лицом, в его глазах смешались любопытство и изумление.

— Что происходит?— спросил он и принялся наскоро одеваться.

— Я убежал, хорошенько отделал специалиста Фелпса,

захватил центральный контрольный пункт. Мне нужна помощь. Если не поспешим, нам долго не продержаться.

— Да уж, придется поторопиться,— сказал он кисло.— Есть какой-нибудь план?

— Мы...

Дверь отворилась, пропуская Фреда Маклина. Он одевался на ходу.

— Что происходит?— спросил он.

— Слушайте,— сказал я быстро,— если будете меня постоянно перебивать и требовать объяснений, у нас вообще не останется времени. Существуют две опасности. Первая — это охранник внизу у лестницы. Вторая — неожиданные посетители. Вы возьмете парочку ребят помоложе и уберете этого охранника, только быстро.

— Ладно, а ты?

— А я усмирю заложников, поскольку знаю, как расстегивать лифчики, устрою такое представление, что вам и не снилось.

— Но как?— изумился Филип, прежде чем я испарился.

— Соблазню всю тюрьму,— ответил я.

На полпути поднялась какая-то суматоха, но я не стал разбираться и направился к спецу Фелпсу. Я успел вовремя, услышав его стон и скребущиеся звуки по дереву. Выбора не было, я свалил его коротким ударом под ложечку и добил вторым.

Когда вошла Мариан, он уже погрузился в тяжкий мучительный сон.

— Думаешь, тебя разбудили для того, чтобы...— обернулся я к ней.

— Я отдала ключи и книгу Джинни-Ани-Твиди,— сказала она.— Джо-Ани — хрупкая молодая девочка, которую ты отделал в Огайо. Она в курсе, Стив. И она взяла в помощь близнецов Маклинов. Думаю, поднять на ноги лагерь — работа для малолеток.— Она с отвращением уставилась на Фелпса.— А как быть с ним?

— Он еще пригодится,— сказал я.— Используем, чтобы выкупить свободу.

— Думаешь...

Дверь вновь отворилась. Это был Джон Харрисон. Он остановился в проеме двери и взглянул на нас с угрюмой усмешкой. Я никогда прежде не встречал патриарха семьи Харрисонов, но мысленно всегда уповал на это. Он стоял, высокий, статный, увенчанный копной белоснежных волос, с белыми бровями и следами белых усов. Его глаза здорово контрастировали с этой белизной, они были ярко-карими.

Передо мной стоял человек, которому я отвел основную роль в осуществлении нашего побега. Джон Харрисон должен был обеспечить нам прикрытие.

У него оказался густой и мощный голос, звучавший так непреклонно и самоуверенно, что ни у кого не хватало смелости перечить.

— Да, сынок, похоже, ты хорошо потрудился этой ночью. И что же нам делать дальше?

— Бежать отсюда к чертовой матери,— ответил я, удивляясь про себя, с чего это я вдруг решил, что это Джон Харрисон. Густой и звучный голос вызвал какое-то смутное воспоминание, и что-то очень важное начало всплывать из трясины моего подсознания, стараясь вырваться наружу.

Я перевел взгляд с его карих глаз на Мариан. Она была такой, как будто я увидел ее впервые, безо всякой косметики, красивые волосы свободно рассыпаны по плечам, слегка загорелые стройные ноги.

Я взглянул на нее, и на несколько мгновений ее образ померк, уступив место знакомой фигуре Катерины. От такого коллажа голова пошла кругом, потому что чувства говорили о реальной фигуре Мариан, на которую наложили запомнившийся облик Катерины. Затем ее образ поблек и зрение с чувствами сконцентрировалось снова на одной Мариан.

Мариан стояла со спокойным и величественным видом. Ее глаза смотрели прямо на меня, будто заставляли меня полностью вытянуть это скрытое воспоминание наружу.

А затем я вдруг увидел и почувствовал что-то, чего никогда не замечал прежде. Красивую золотую цепочку, свисавшую с ее шеи и тщательно скрытую от посторонних глаз под краем лифчика. Но мое чутье нащупало небольшой бриллиант, и я даже смог разобрать крошечные буковки, выгравированные на металлическом обрамлении.

СК — МХ

Стоило бы прощупать дальше, я вдруг понял, что для меня это чрезвычайно важно, что это связано с подсознательным образом. Когда-то очень давно Мариан Харрисон была моей.

Обалдевший, я шагнул вперед и пропустил цепь между пальцами. Я сжал ее и нащупал кольцо.

— Ты наденешь его снова, моя дорогая?

Она протянула мне левую руку, чтобы надеть его.

— Стив,— вздохнула она,— если по правде, то я никогда и не снимала его.

— Но я до сих пор его не видел...

— Ты бы и не увидел его, Стив, если бы не вспомнил,— сказал Джон Харрисон.

— Но послушайте...

— Тут целиком моя вина,— заявил он решительным голосом.— С тебя все началось, тобой все и кончилось, Стив. Когда Мариан подцепила Макстромову болезнь, она возомнила, что причинит тебе страдания, которых смогут избежать остальные. Поэтому я вычеркнул ее из твоего сознания, Стив, и устранил все возможные ассоциации. Затем, когда за нами пришли хайвейцы Убежища, я пустил это дело на самотек, потому что Мариан стала для тебя недосягаемой, все равно что умерла. Если нужно извиниться, то я лишь попрошу прощения за то, что вмешался в твои мысли и чувства.

— Извиниться?— вспыхнул я.— Мы с вами попали в беду, и только вы сможете вызволить нас из мышеловки.

— Вызволить?— пробормотал он, как телепат, сосредоточившийся на чужих мыслях. В колючих глазах мелькнула искорка понимания, и он стал еще более решительным и самоуверенным. Мариан чуть откинулась назад в моих объятиях, чтобы заглянуть в глаза.

— Стив,— воскликнула она.— Это должно получиться запросто!

Тут в разговор встряла Глория Фарроу:

— Над ним, видно, придется основательно потрудиться,— и, бросившись к стенке кабинета, начала лихорадочно перебирать медицинские инструменты. Говард Маклин и Джон Харрисон затеяли какое-то долгое телепатическое совещание, прервавшееся, только когда Джон Харрисон обернулся к Филипу с пожеланием, чтобы их не беспокоили.

Мариан нехотя высвободилась из моих объятий и потащила из комнаты:

— Пойдем, поможем ему, Стив. То, что мы собираемся сделать, не стоит видеть ни одному телепату.

Снаружи Филип погрозил мне ключом от ящичка сигнализации.

— Может, расскажешь нетелепату, что вы там готовите.

Я улыбнулся.

— Если уж у твоего отца хватило мысленной энергии вычеркнуть Мариан из моего мозга, то переориентировать Фелпса окажется плевым делом. А раз мы выбьем дурь из самого главаря, то пойдем по пирамиде дальше, линия за линией, эшелон за эшелоном, и каждый переориентируемый рекрут будет только умножать наши силы. А когда завершим операцию, то возьмемся за остальную человеческую расу.

Ну, вот почти все. Медицинский Центр и хайвейцы Убежища образовали одно агентство, призванное отбирать оставшихся и ничего не подозревавших переносчиков и больных, которым суждено было постепенно вытеснить человеческий род. Мы так и не продвинулись ни на шаг в решении основной проблемы, поэтому я до сих пор весьма преуспевающий человек.

Я пишу отчет, раскрывая наш секрет, ибо хочу уменьшить страдания жертв Макстромовой болезни.

Поэтому хочется закончить с горячей мольбой и верой в будущее:

«Пожалуйста, не колесите без толку по нашим хайвеям, пока вы не заболели. Поскольку я вряд ли смогу заразить всю человеческую расу и не собираюсь выбирать и выискивать какие-нибудь ценные экземпляры, чтобы уделить им особое внимание, я буду объезжать тех жителей, чьих близких уже коснулась Макстромова болезнь. Тогда люди не станут разлучаться со своими любимыми и родными. Остальные из вас пусть ждут своей очереди.

И она придет рано или поздно. Тридцать дней назад родился наш первенец Стив. Он оказался вполне здоровым маленьким макстромом, и, как его папочка, Стив-младший — тоже переносчик».

Бен Бова

ВЕТРЫ АЛЬТАИРА

Майклу,
который справился бы с любым волкотом

Странное ощущение. Странное и пугающее.

Джефф Холмен вновь улегся на ложе. Оно, казалось, плавилось под ним, принимая форму тела; голова, спина и ноги, погружаясь в него, ощущали мягкое тепло.

Двое техников приспосабливали серебристый шлем Джеффу на голову. Вид у них серьезный, озабоченный. Шуток не слышно.

Джеффу было видно окно, возле которого стояли его отец и мать с доктором Карбо. Выглядели они тоже мрачно. Беспокоились.

Джефф улыбнулся им, показывая, что ему не страшно. Было ясно, что его голос через толстое плексигласовое окно они не слышат.

Он хотел жестом ободрить их, но его запястья были уже пристегнуты к ложу.

Наконец все было готово. Техники отступили назад, вышли из поля зрения Джеффа. Теперь, он знал, они сидят за большой панелью управления, окруженные сотнями циферблатов, приборов и видеоэкранов.

«Если что-нибудь пойдет не так, они сразу прекратят испытание, — подумал Джефф, — *уж это точно».*

— Джефф, ты готов? — спросила Аманда, ассистентка.

— Так точно! — отозвался он, быть может излишне громко. В ушах гулко стучал пульс. *«На экранах видно, как у меня колотится сердце».*

— Закрой глаза, Джефф, — сказал Аманда, на этот раз мягче. — Представь что засыпаешь.

Джефф закрыл глаза. *«Уж спать-то я не буду».*

Сквозь опущенные веки он увидел слабые проблески света, в глазах проплывали смутные картины. В ушах слышалось мягкое шуршание — оно напоминало шелестение ветерка в листве большого раскидистого дерева. Свет и тени переместились. Больно полыхнули вспышки звезды. Все тело непроизвольно напряглось, вздрогнуло. Затем он почувствовал, как по нему прошла волна слабой, но устойчивой вибрации.

Это и в самом деле было дуновение ветра.

Чувствовалось, как оно взъерошивает мех по всему телу. Было слышно, как оно проносится по лесу.

Он открыл глаза.

Он сидел на вершине холма, принюхиваясь, не донесет ли ветерок запаха опасности или пищи. Голод тупой болью ворочался глубоко внутри его крупного тела. Что-то было не в порядке, не так, как обычно. Он зарычал, и из глубины его огромной груди вырвался громовой рев. Внизу у подножия холма маленькая юркая птица резко вздернула голову и тут же вспорхнула, всплеснув крылышками. Когда рычит волкот, всем остальным животным положено разбегаться.

«Он достиг контакта!»— прозвучало где-то внутри мозга Джеффа. Но это был странный, чуждый голос откуда-то издалека. Никакого отношения к нему он не имел.

Он поднялся на все шесть лап. Когти вонзились в травянистую почву. У подножия холма начинался лес, и там, среди его величавых деревьев, была пища. Вершина холма — хорошее место, *его* любимое место, где он спит и куда притаскивает добычу, чтобы поесть. Когда он на вершине холма, ни одна тварь не сунется туда. Когда же он уходит, нарушить границы отваживаются только пожиратели падали — птероящеры с отвратительными крючковатыми клювами и маленькие желтоглазые шныряющие твари, чьи зубы разгрызают кости.

Осторожной рысью он спустился по склону — три тонны живого веса, ростом в холке с небольшое дерево, весь из мускулов и голода,— двигаясь быстро и беззвучно, как серое облако, но облако, вооруженное сверкающими зубами и острыми когтями. Словом — волкот.

Определенно, он в контакте. Он может захватить управление? Подождите... дайте ему время... не нажимайте слишком.

Зелень леса темнее, чем трава на открытом склоне холма. Наверху неслись по ветру облака, темные на фоне яркого неба. Весь лес был испещрен их тенями, и кое-где было темно, почти как ночью. Ветерок, напевая, доносил из этого дремучего восхитительного леса целую симфонию запахов: и цветов, и травы, и мхов, и высоких стройных деревьев, раскачивающихся словно в танце. И еще, что гораздо важнее, запахи животных, пищи: быстроногих антилоп, отчаянно дерущихся своими рогами и острыми копытами, маленьких древолазов, больших щетинистых землероек, прячущихся в норах все светлое время суток.

Было раннее утро. Далекое солнце казалось всего лишь ярким пятнышком на небе. Оно еще не успело подняться над землей и частично затенялось деревьями. Альтаир, который взойдет днем, слишком ярок, на него нельзя смотреть в упор.

Альтаир. Хотя название и всплыло в его памяти, в нем чувствовалась какая-то необычность, чуждость.

Он крался в лес, двигаясь бесшумно, как змея, убрав когти, обострив все чувства, весь наготове к появлению пищи или опасности. Волкоты постарше, взрослые самцы, у которых много самок и детенышей, могут спать днем, по ночам отправляя своих самок на охоту. Кроме охраны самок и детенышей, они больше ничего не делают. Молодым же волкотам приходится охотиться в одиночку, преимущественно днем, пока не наберутся они

достаточно сил, чтобы вызвать взрослого на поединок за одну из его самок помоложе.

Он проскользнул подлеском бесшумно, беззвучно. К ручью — там найдется, что поесть. Подбираясь к ручью с подветренной стороны, он чуял запах антилоп на водопое, тогда как они не могли по запаху заметить его приближения. Это хорошо. Пустое брюхо гнало его вперед.

Не собираетесь же вы оставить его так и позволить ему...,

Вообще-то я не намеревался этого делать, но, похоже, он настолько хорошо связан с этим зверем, что мне не хотелось бы возвращать его сейчас.

Однако...

Все в порядке. Если он собирается работать с животным, ему придется позволять животному есть.

«Странные звуки»,— подумал он. Жужжат, как мошки над ухом. Но это жужжание было внутри головы.

Встряхнув своей массивной головой, он удвоил осторожность, и теперь продвигался медленно, поскольку журчание ручья было слышно уже неподалеку.

Он распластался в кустарнике, прижавшись к земле, осторожно пополз вперед. Потом замер. У самого ручья стояли шесть рогатых травоядных, остужая свои острые копыта в бегущем потоке. То одно, то другое животное наклонялось к воде, а остальные в это время, высоко подняв голову, осторожно оглядывались вокруг.

Сдерживая рычание, он подобрался и изготовился к прыжку. Как только самое ближнее животное опустит голову...

Он выпрыгнул из кустов, серым росчерком смерти нацеливаясь на ближайшую антилопу. Остальные, высоко подпрыгивая, тут же бросились врассыпную. Намеченная им жертва тоже прыгнула, но прямо вперед, в середину ручья. Вода была неглубокой, но быстрой, и антилопа оступилась. Ну, а волкоту ничего другого и не требуется.

Только один раз коснувшись всеми шестью когтистыми лапами земли, он вновь прыгнул прямо на спину антилопе. Крепко ухватив мясистое тело животного задними и средними лапами, он ударом передней сломал ему шею. В туче брызг они вместе упали в воду.

Он выкарабкался на берег ручья, держа добычу двумя передними лапами и передвигаясь на задних и средних лапах.

Запах крови, мяса был непреодолим. Подняв к небесам огромную черномордую голову, он торжествующе протрубил о победе; от его рыка содрогнулась земля.

Прекратите это! Прекратите!

Верните его!

Хорошо, позволять ему участвовать в пиршестве нет нужды. Заканчиваем.

Джефф открыл глаза и вновь оказался на борту корабля. Он знал, что его тело и не покидало ложа, тем не менее...

Аманда и еще один техник отстегивали его. К ложу устремилась мать; на ее таком милом, родном лице отражались беспокойство и гордость.

— Все в порядке, Джефф?

Он кивнул, только тут заметив, что на голове уже нет металлического шлема.

— Конечно, все в порядке,— сказал он.

Слабость, однако, была. Он *чувствовал* слабость, чуть-чуть кружилась голова.

Здесь же был и его отец.

— Ты превосходно справился с работой, Джефф. Мы гордимся тобой.

Приподнявшись, он хотел сесть, и тут перед его глазами все покачнулось.

— Джефф! — Мать схватила его за руку.

— Ничего,— сказал доктор Карбо.— Легкая потеря ориентации, этого следовало ожидать. Все обойдется.

К Джеффу подошла Аманда с чашкой жидкости, на ее темном лице сияла улыбка.

— Ну-ка, Следопыт, выпей это.

— Следопыт?

Улыбка Аманды сделалась еще шире:

— Посмотри в библиотеке. Это из книги, которую тебе следует почитать.

Он улыбнулся ей в ответ и выпил лекарство. Оно было теплым и приятным. Как сама Аманда.

— Как ты себя чувствуешь? — вновь спросила мать.

— Хорошо. Отлично.

— В самом деле?

— Да, в самом деле!

Отец уже отвернулся и разговаривал с доктором Карбо.

— Так как наши дела теперь?

Карбо взглянул на Джеффа и медленно прошел с доктором Холменом через комнату к панели управления.

— Итак,— спокойно сказал он,— ваш мальчик достиг прочного контакта с волкотом. Если такой же хороший контакт будет получаться каждый раз, мы сумеем использовать волкота в качестве исследователя, разведчика... чтобы найти других животных, с которыми тоже можно работать.

— Вы думаете, что другие дети тоже сумеют достичь контакта со здешними животными?

— Надеюсь.— Карбо пожал плечами.— От нас, взрослых, большого успеха уж наверняка не дождешься. Это дело — для ребят. Либо они справятся, либо нам надо упаковывать чемоданы и отправляться обратно на Землю.

Джефф следил, как они вдвоем медленно прогуливались по сверкающей белизной лаборатории. Отец Джеффа был крупный широкоплечий мужчина с могучим торсом, его сильное, муже-

ственное лицо обрамляли длинные золотистые волосы. Как не похож на него был сам Джефф, смуглый, темноволосый, с тонкими чертами лица. Доктор Карбо был круглолиц, невысок, несколько полноват, с первыми признаками облысения. Вечно казалось, что он забыл побриться. Зато у него всегда были ясные, веселые глаза, которые улыбались даже тогда, когда лицо оставалось серьезным.

— Я бы сказал, испытание увенчалось полным успехом,— сказал доктор Холмен.

Брови Карбо поползли вверх:

— Да, но мы еще не знаем, сможет ли он управлять животным.

— Конечно... но он был в таком прочном контакте. И какое прохождение по всем каналам органов чувств — экраны показывали в точности то, что видело в это время животное. Уму непостижимо!

— Думаю все же, что они не слепы. Хотя у них нет ничего похожего на глаза...

— Эти образования в форме чешуйки у них на голове,— сказал доктор Холмен,— не что иное, как инфракрасные рецепторы. Я так и думал. Животное способно видеть в лучах инфракрасного диапазона, которые мы не воспринимаем.

— Никогда не слышал ни о чем подобном.

— Вы же никогда не бывали внизу, на поверхности,— с жаром продолжал доктор Холмен.— Наше собственное зрение там бесполезно. Через облачный покров никогда не проникает солнечный свет. Почва слегка светится, но видимость не больше пяти метров, а чувство расстояния и направления там постоянно подводит.

— Однако, если смотреть с помощью мозга и органов чувств животного, все это выглядит ярким и четким.

— Конечно,— кивнул доктор Холмен.— Но если бы волкот очутился на Земле, он, вероятно, оказался бы настолько же слеп, как и мы на Альтаире VI.

Джефф напряженно вслушивался в их разговор, не слыша, о чем ворковали рядом его мать и Аманда. Наконец он оставил свои старания.

— Ты не голоден?— спрашивала мать.— Обед для тебя готов, только скажи. Да, с ними собирается обедать Лаура — Полчеки переезжают...

Джефф еще чувствовал голодное урчание в брюхе волкота, все напряжение прыжка на спину гигантской антилопы. Он вздрогнул, но не от испуга и не от внезапности. Просто от волнения.

— Да,— ответил он наконец.— Я *чувствую* что-то вроде голода.

Официальным названием корабля было «Мелвин Л. Кэлвин», но члены пятидесяти семей, жившие на борту, называли его просто «Деревней».

Он ничем не напоминал те обтекаемые звездолеты, которые Джефф видел, просматривая на своем экране художественные ленты. Не походил он и на нескладные ракеты, когда-то исследовавшие Луну и планеты Солнечной системы, которая теперь была так далеко, что само Солнце выглядело всего лишь светящейся точкой, как и любая другая из миллионов звезд, видимых через иллюминаторы корабля.

Корабль «Деревня» представлял собой гроздь шаров-пузырей из пластика и металла, соединенных между собой трубами. Каждый шар служил либо жилищем для одной семьи, либо каким-нибудь общественным центром, например библиотекой, залом собраний, парком.

Экипаж корабля составляла семья из четырех человек: старый капитан Ганнерсон, его сын, дочь и невестка. Пятым членом экипажа, не менее важным, чем любой из Ганнерсонов, был корабельный компьютер.

Ракетных двигателей на корабле не было. Во всяком случае, больших. Имелось несколько крошечных ракет ориентации, позволявших тем или иным образом подтолкнуть корабль при орбитальном полете или слегка изменить его положение. Но главными двигателями были генераторы гравитационного поля, а не ракеты.

Ключ к путешествиям за пределы Солнечной системы, к звездам, был найден еще в середине двадцатого столетия, хотя понадобилось еще сто лет исследований и конструкторских разработок, чтобы понять, как им воспользоваться.

Еще в шестидесятых годах двадцатого века астрономы открыли существование в космосе черных дыр — мест, где звезды коллапсировали до таких малых размеров, а гравитационное поле настолько усилилось, что произошло сворачивание самого пространства.

Один из первых посланных с Земли звездных зондов, запущенный в первые десятилетия двадцать первого века, был направлен к ближайшей от Солнечной системы черной дыре. Зонд исчез. К счастью, это был беспилотный дистанционно управляемый корабль-робот.

Но он появился вновь! Спустя сорок лет пораженные астрономы Земли зафиксировали радиосигналы старого зонда и установили, что он находится на удалении около сорока световых лет — гораздо дальше, чем позволяли ему улететь собственные энергетические ресурсы.

Отсюда вывод: фантастически искривленное гравитационное поле черной дыры каким-то образом протолкнуло зонд на расстояние в сорок световых лет. И почти мгновенно! Сорок лет ушло только на то, чтобы радиосообщение зонда со скоростью света вернулось на Землю.

Что может совершить природа, может имитировать и человек. Или даже улучшить. Иногда. Еще около сорока лет напряженной работы потребовалось ученым и инженерам, чтобы после множества неудач завершить разработку генератора гравитационного поля. Земной корабль, в сущности, мог возбуждать

искривления пространства такого типа, какие возникают под влиянием черных дыр, и тем самым проталкивать себя мгновенно через световые годы пространства.

Человек мог теперь достичь звезд. Быстро. Дешево.

Среди физиков возникли споры, действительно ли корабли с гравитационными генераторами движутся быстрее света. Во многих университетах происходили длительные дебаты, во время которых не было слышно слов ни на одном из земных языков, зато километры досок и экранов в аудиториях покрывались вязью уравнений.

Когда «Кэлвин» со своими пятьюдесятью семьями на борту стартовал к шестой планете звезды Альтаир, физики еще продолжали спорить. Обсуждалась правильность такого вывода: хотя ничто во Вселенной не может двигаться быстрее света, гравитационный генератор позволяет кораблю на мгновение исчезнуть из Вселенной и вновь возникнуть в ней в другом месте, отстоящем, возможно, на несколько световых лет от места исчезновения. Другими словами, корабль не движется быстрее света, даже несмотря на то, что именно это и происходит!

Когда Джефф рассказывал, как прошла проверка, Лаура вся обратилась в зрение и слух.

Впрочем, не совсем вся, вдруг осознал Джефф. Что-то ее отвлекало. Хорошенькая она была девчонка, с длинными рыжими волосами и заразительным звонким смехом. Когда вырастет, наверное, станет красавицей. Так как Джефф был на шесть месяцев старше Лауры, он всегда относился к ней, как к младшей сестренке.

— Это было потрясающе,— говорил он.

Обед кончился, и взрослые — родители Джеффа и Лауры — перешли в гостиную. Они вдвоем приводили в порядок обеденный стол, отправляя посуду в стенной люк ультразвуковой мойки.

— Какие там запахи! Это все равно, что прожить всю жизнь с закрытыми глазами.. Я хочу сказать, что мы очень много теряем из-за того, что наше обоняние не так совершенно, как у волкота.

— Но ты и в самом деле убил одну из этих бедных маленьких антилоп?— наморщила носик Лаура.

— Маленькие, как же!— выпалил Джефф.— И рога острые. И вообще, когда голоден...

— Чего я не понимаю,— переменила тему Лаура,— так это каким образом работает вся ваша контактная штука.

— Все просто,— сказал Джефф.— Специальная группа спускается на поверхность, оглушает животное и вживляет в его мозг зонд. Потом кто-нибудь в «Деревне» подключается к аппаратуре в лаборатории доктора Карбо... точно как радио или телевидение, только здесь прямая связь от мозга к мозгу.

Опуская последние тарелки в мойку, Лаура покачала головой:

— Я помню случай, когда твой отец опускался на поверхность планеты... тогда Дон Мэтьюсон получил ранение.

— Там внизу тяжелые условия,— сказал Джефф.— Для людей.

На какое-то мгновение воцарилось молчание. Потом Лаура с улыбкой взглянула на Джеффа.

— Там опасности,— добавил он,— всех видов. Воздух полон ядовитых газов, солнечного света нет, опасные животные — волкоты, ядовитые птицы и змеи... И радиация.

— Я знаю,— сказала Лаура.— Как раз поэтому моя мать считает, что нам следует вернуться домой. Альтаир VI — не лучшее место для жизни людей.

— Да,— согласился Джефф.— Но и Земля не лучше.

Берни Карбо сидел в своей просторной комнате. Она одновременно служила рабочим кабинетом и жилым помещением с большим количеством плюшевой мебели и толстой циновкой из настоящей травы на полу.

Стены в верхней части, изгибаясь, образовывали купол, вершина которого казалась открытой прямо в небо. В действительности, конечно, он не был открыт, просто крыша была сделана из плексигласа, прочного, как титан, и прозрачного, как воздух.

В «Деревне» Карбо был одним из немногих холостяков. Все они жили в одном и том же куполе. Как ни странно, хотя среди членов пятидесяти семей «Деревни» было немало одиноких девушек и незамужних дочерей, неженатых мужчин набралось всего с полдесятка. Что его вполне устраивало.

Откинувшись назад, доктор Карбо опустил спинку кресла для отдыха, которое превратилось в подобие ложа. Его взгляд задержался на середине купола, где в окружающей корабль черноте висели яркие немерцающие звезды.

Комната была освещена мягким светом, напоминавшим весенние сумерки на Земле. Поток воздуха доносил запах свежескошенной травы. При желании Карбо, просто коснувшись кнопки, мог бы установить в комнате аромат джунглей или резкий запах и шум морского прибоя. Берни Карбо любил пожить в роскоши, а он был достаточно блестящим психотехником, и правительство Земли баловало его. Разумеется, в определенных пределах.

Его рука скользнула к подлокотнику кресла, пальцы дотронулись до установленной там кнопки. Но не для того, чтобы изменить запах. В дальнем конце комнаты засветился экран, на пульте компьютера, расположенном рядом с экраном, зажглись лампочки.

— Ввод данных для хранения,— негромко пробормотал доктор Карбо, зная, что вмонтированный в ложе микрофон уловил бы и шепот.— Ввести час и дату записи.

Взглянув на экран, он убедился в том, что время и дата засветились там желтыми знаками на зеленоватом фоне.

— Так, теперь мне нужны все данные по сегодняшнему испытуемому, Джеффри Холмену.

Он сел, кресло сложилось вслед его движению так, что удобная спинка ни на мгновение не оторвалась от спины. На экране компьютера появился график, пульсирующие линии которого указывали частоту пульса, ритмы мозга, дыхания Джеффа и еще многое другое.

— Следующий.

Картинка на экране мигнула, и возник новый график.

Доктор Карбо долго просматривал график за графиком, изучал результаты проверки. Затем он просмотрел видеозапись того, что видел волкот, пока Джефф находился с ним в контакте.

Когда экран опустел, Карбо откашлялся:

— Хорошо, теперь запись.— Его голос стал громче, тверже, как если бы он говорил перед полной студентов аудиторией.

— Поскольку все наши проверки с привлечением взрослых в качестве испытуемых закончились неудачей, мы решили исследовать возможность использования детей и подростков из числа живущих на корабле. Ранее, при попытках использовать взрослых для достижения контакта с животными на поверхности планеты, было установлено, что взрослые полностью неспособны поддерживать такой контакт. Глубокие гипнотические исследования обнаруживают, что взрослые намеренно уклоняются от эффекта «разделения сознания», порождаемого таким контактом. Иными словами, они не могут в достаточной степени отказаться от собственной индивидуальности, чтобы хотя бы временно допустить проникновение в свое сознание индивидуальности животного.

Карбо посматривал на экран компьютера, где с той же скоростью, как он произносил их, появлялись слова. Где-то в уголке сознания шевельнулось желание проверить, будет ли успевать за ним компьютер, если он заговорит быстрее. Однако он сдержался и продолжал размеренным голосом, не изменяя темпа:

— Ответственность за решение об испытаниях детей лежит на мне. Кое-кто из специалистов-медиков и педагогов корабля резко выступил против этой идеи, некоторые родители также запретили использовать своих детей в качестве, как они говорили, «подопытных кроликов». Пять семей разрешили детям пройти испытания. Первые две проверки закончились неудачей, испытывались мальчики шестнадцати и четырнадцати лет соответственно. Проведенная сегодня днем третья проверка, в которой испытуемым был Джеффри Холмен, оказалась успешной во всех отношениях.

Карбо помолчал. *Теперь можно начинать нагружать ребенка и смотреть, какую нагрузку он сможет принять. Смотреть на всю громаду психотехники, опирающуюся на маленького мальчика.*

Земля задыхалась.

Людей было слишком много. Нет, не так просто. Человечество было не только чересчур многочисленно, но и слишком разобщено.

Пятьдесят миллиардов человеческих существ! Планета

Земля была набита битком. Города разрослись до немыслимых пределов, при этом холмы выравнивались, морские побережья застраивались зданиями и автострадами, реки упрятывались под многоквартирными домами, взметнувшимися на километры ввысь. Воздух становился отравленным от загрязнений, реки превращались в зловонные клоаки, даже океаны умирали.

Пятьдесят миллиардов человек. Богатые и бедные. Принадлежащие к разным расам и нациям.

Правительство Земли предпринимало различные попытки. Все они оказались неудачными. Оно попыталось разоружить все нации и сделать невозможной войну. Оно пыталось обеспечить питанием голодных, образованием — неграмотных, создать стабильность для всех. Кроме всего прочего, оно пыталось контролировать рост населения. Оно потерпело неудачу. Богатые не хотели отказываться от своего богатства в пользу бедных. Бедные не хотели своей работой делать богатых еще богаче. Нации скрывали вооружения, а когда настал подходящий момент, правительство Земли было свергнуто. На Землю возвратились войны. Но не тотальные, не ядерные — малые войны. Война за захват богатой дельты реки, где хорошо растет рис. Война за контроль над залежами урана. Война просто из-за того, что слишком много людей и слишком мало продовольствия.

На большей части Земли преобладали всего два типа ландшафта: переполненные города и сельскохозяйственные угодья. Леса, степи, пустыни — все исчезло. Каждый клочок незастроенной почвы возделывался для выращивания злаков и овощей. Исключение составляли самые труднодоступные горные районы, куда очень немногие, самые удачливые и богатые люди могли ненадолго выезжать на отдых, чтобы полюбоваться настоящими деревьями и, возможно, услышать пение птиц (немногих, которые сумели к этому времени уцелеть).

Природные ресурсы Земли были почти исчерпаны. Уголь, пролежавший в земле сотни миллионов лет, полностью исчез, месторождения выработаны, на их месте остались лишь зияющие шрамы карьеров. Да и эти шрамы вскоре были закрыты тонким слоем искусственной почвы и превращены в поля, пусть и не очень плодородные. Запасы тяжелых металлов — железа, меди, урана и других — практически истощились, их использовали до конца.

Без этих ресурсов гибель человечества становилась только вопросом времени. Оставались три возможности, и отчаявшиеся люди испробовали их все. Были разработаны максимально эффективные методы вторичного использования металлов. Но определенный процент все же терялся, и способов сохранить его не существовало. Осваивались моря, гигантские плавучие драги выделяли минералы из морской воды. Но это оказалось чрезмерно дорогостоящим делом. На планеты Солнечной системы и в пояс астероидов посылались ракеты с целью добычи минералов. Тоже очень дорого, в основном из-за того, что на кораблях приходилось использовать старые неэффективные ракетные двигатели, а не генератор гравитации. Генератор гравитации разрешалось

использовать только за пределами Солнечной системы, чтобы его энергия сворачивания не воздействовала на орбиты планет.

Уже более ста лет люди мечтали покинуть Землю и найти новые миры, чтобы поселиться там. Но в Солнечной системе их постигло ошеломляющее разочарование. На Луне могли существовать небольшие колонии, не более того. Природных ресурсов для большого числа людей было недостаточно. Венера, столь привлекательная под облачным покровом, оказалась раскаленным миром песчаных ураганов, на ее поверхности не было никаких жидкостей, кроме расплавленных свинца и алюминия. Марс был холоден и сух, без воздуха, без достаточного количества воды, на нем едва выживали последние представители местных форм жизни. Меркурий был еще хуже Луны, а внешние планеты, от Юпитера до Плутона, были невообразимо холодны, обладали сокрушительной силой тяжести и ядовитой атмосферой. Их луны были не лучше.

И вот генератор гравитационного поля открыл дорогу к звездам. Вместо девяти миров человечество вдруг получило миллиарды. Вот оно, решение проблемы: уход к звездам!

Зонды-автоматы обнаружили десятки подобных Земле планет в пределах сотни световых лет от Солнечной системы.

Впервые за последние сто лет на Земле почти повсеместно воцарился мир, поскольку каждая нация, имевшая такую возможность, строила звездолет. Или даже несколько. Нации победнее объединяли свои ресурсы и строили корабли совместными усилиями. Ученые, к своей несказанной радости, вышли из опалы и стали международными посредниками и арбитрами. Все эти черные годы конфликтов ученые оставались, пожалуй, единственными людьми, которые оказались выше национальных предрассудков и мирно обсуждали свои дела на международных встречах. Теперь надежды всех землян устремились к ученым: им предстояло выбрать подходящие звезды и направить к ним земные корабли, а также — что еще важнее — уготовить каждой нации свою звезду. Ученые выполнили эту задачу, проявив всю доступную человеку беспристрастность. И, что самое удивительное, все приняли их решения почти без возражений.

К звездам!

Но все это оказалось не так просто.

В Объединенной Федерации Северной Америки, простирающейся от скованных льдом островов Арктики до Панамского перешейка, было построено шесть звездолетов. Первым из них отправился в путь «Кэлвин». Целью его была шестая планета горячей белой звезды Альтаир. Перед личным составом корабля, его пятьюдесятью семьями, стояла задача подготовить планету для колонизации. Им предстояло исследовать мир, названный Альтаир VI, и преобразовать его так, чтобы он мог принять миллионы людей.

По сообщениям беспилотных зондов Альтаир VI был подобен Земле, только чуть меньше, поэтому с несколько меньшей силой тяжести. Химический состав планеты был аналогичен составу Земли. На ее поверхности были обнаружены большие количества

воды в жидком состоянии. Планета была постоянно закрыта облачным покровом без единого просвета, но это только помогало экранировать поверхность от беспощадного жара Альтаира и создавало удобные для человека условия: поверхность была теплой, зеленой и привлекательной.

Однако, прибыв на место, экипаж «Деревни» обнаружил планету с непригодной для дыхания метановой атмосферой, закрытую серыми облаками, в которых содержались невероятно сложные углеводородные молекулы.

— Живые молекулы... вирусы,— сказала главный биолог «Деревни» доктор Анна Полчек.

На поверхности планеты царила чернильная тьма, хотя почва слегка флуоресцировала. Воды было много, но она оказалась настолько насыщенной аммиаком и другими химикатами, что люди не могли ею пользоваться.

— Смог в облаках и химикаты в воде,— невесело шутил капитан Ганнерсон.— Естественное загрязнение среды. Вмешательства таких грязнуль, как мы, уже не требуется.

Когда люди «Деревни» после достаточно долгого орбитального исследования Альтаира VI поняли, насколько он плох на самом деле, они собрались в зале собраний, чтобы принять решение. Выбор был невелик: либо признать поражение и вернуться на Землю, либо остаться на орбите и попробовать изменить планету так, чтобы человеческие существа могли на ней жить.

Руководителем экспедиции избрали доктора Холмена. Он призывал остаться.

— Мы можем победить эту планету!— настаивал он.— Можем перестроить ее для тех миллионов наших друзей и родных, которые истосковались по новому миру.

Голосованием было принято решение внять призывам Холмена и остаться. Они изменят атмосферу, очистят воду. Альтаир VI превратится в новый Эдем. Если местные растения окажутся неподатливыми и помешают выращивать земные злаки, они будут преданы огню, дефолиантам и так или иначе уничтожены. Если опасные животные будут угрожать жизни людей, они также будут уничтожены.

Однако люди не могли работать на поверхности планеты. Там было слишком темно и опасно, и даже в космических скафандрах они не могли оставаться на поверхности больше чем несколько часов кряду. Применение роботов давало немногим больше: коррозия и вездесущая местная растительность настолько быстро выводили механизмы из строя, что они не успевали сделать ничего полезного.

И тут на доктора Берни Карбо снизошло вдохновение. На поверхности планеты обитали гигантские животные. Их можно использовать. Вживить в их мозг зонды и управлять ими с корабля. Так и было сделано. На поверхность опустились специальные группы людей в скафандрах, им удалось оглушить нескольких животных и имплантировать в мозг зонды. При этом два человека серьезно пострадали. Все животные, исключая одного волкота, погибли в течение нескольких дней после

операции. Потом выяснилось, что взрослые не способны поддерживать контакт с животными. Тогда Карбо решил испробовать молодежь «Деревни», Джеффа Холмена в том числе.

После шести мучительных месяцев на орбите вокруг Альтаира VI люди «Деревни» достигли первого успеха: Джеффу удалось войти в контакт с волкотом и удержать его.

Питер Холмен, доктор наук, был геофизиком. Скорее даже геологом. В его обязанности входило определение состава почв и минералов, слагающих планету, на орбите которой они находились. Однако пока он получил в свое распоряжение всего два образца с поверхности планеты: горсть грязи и камни из двух точек, где люди производили посадку.

Получить большее количество образцов оказалось невозможно. Автоматические посадочные ступени по той или иной причине не возвращались, их незамысловатые механизмы, по-видимому, заедало или же они корродировали во враждебной атмосфере планеты. Доктор Холмен сам спустился на поверхность с группой людей, но они были тут же загнаны обратно в разведывательную ракету гигантским волкотом. В конце концов им удалось убить зверя лазерным лучом, но они поспешили взлететь, опасаясь, что его труп привлечет других животных.

В другой раз ураган чуть было не разрушил разведывательную ракету во время ее старта к «Деревне». И уже в безопасности, на орбите, внутри шаров «Деревни», доктор Холмен обнаружил, что один из помощников частично потерял зрение. Его глаза поразило интенсивное ультрафиолетовое и рентгеновское излучение звезды Альтаир, от которого не смогли защитить ни облачная атмосфера планеты, ни густые фильтры визора гермошлема.

Теперь доктор Холмен сидел за своим лабораторным столом, на котором лежали жалкие восемь камней; самый крупный был с кулак.

Лицо его исказила гримаса. Он взглянул на часы, вмонтированные в металлическую стену лаборатории, поднялся с табурета и шагнул к пульту. Набрал номер на клавиатуре экрана, и почти тотчас на нем появилось лицо жены.

— Где Джефф?— спросил доктор Холмен.

— Его еще нет?— удивилась она.— Я сказала ему, что ты ждешь его в лаборатории.

— Давно?

— Должно быть, около часа назад.— Она на мгновение отвернулась от экрана, чтобы уточнить время.

Доктор Холмен молчал, всем своим видом выказывая неодобрение.

— Я вызову его по интеркому,— сказала миссис Холмен.— Может быть, он опять в библиотеке...

— Хорошо. Я буду ждать его здесь, в лаборатории,— раздраженно ответил он.

Доктор Холмен выключил экран. Покачивая головой, он думал: *«Я не знаю, что происходит с Джеффом последнее время. После того как он поработал с Карбо, после контакта с этим*

животным... он изменился. Витает в облаках. О чем-то мечтает... Это так не похоже на него!»

Трубы, соединявшие между собой шары «Деревни», тонули в зелени листвы. Создавалось впечатление, будто гуляешь по миниатюрному лесу. Под ногами была трава, вокруг — кустарник и карликовые деревья, на некоторых из них росли настоящие фрукты. Эти заросли не только пополняли рацион обитателей корабля и служили источником значительной доли нужного им кислорода — они были красивы, а красота в долгом полете важна не менее хлеба насущного.

Зелень помогала также замаскировать некоторые особенности «Деревни», способные привести в замешательство. Шары корабля были собраны, как в погремушке, произвольно: не было ни передней, ни задней части, ни верха, ни низа. Поскольку искусственным тяготением внутри «Деревни» было легко управлять, всюду казалось, что идешь по прямой и ровной тропе при нормальной земной силе тяжести. Однако трубы делали самые причудливые повороты и изгибы. Даже если не чувствовать их при ходьбе, уже само зрелище резко сворачивающей и пропадающей из виду трубы или только представление о том, что тропа приведет к крутому падению, которому конца не видно, смутит кого угодно. Вот почему кусты и растительность были достаточно густы: они избавляли человека от подобных тревожащих подсознание зрелищ.

Джефф и Лаура шли тропинкой, обрамленной кустарником, между небольшими причудливой формы деревьями. Они не замечали отсутствия звуков настоящего леса: не было ни пения птиц, ни жужжания насекомых, ни журчания воды. Только негромкое гудение электричества внизу, электричества, которое давало необходимые для жизни растений свет и тепло.

Они свернули с тропинки и через кустарник подобрались к изогнутой металлической стене трубы. Наконец, они нашли то, что искали, а именно иллюминатор, направленный к планете под ними.

— Какая она яркая, просто ослепительная,— сказала Лаура.

Джефф согласно кивнул. Планета казалась неподвижной, совершенно круглой и сверкающей в резком свете Альтаира. Поверхность ее выглядела невыразительным диском, ровно, без просветов, как свежевыкрашенная стена, покрытым белесыми облаками.

— Она и будет нашим домом,— сказала Лаура.

— Да. Когда мы приручим ее.

Лаура посмотрела на Джеффа.

— Когда ты приручишь ее.

— Ну, не только я...— Он почувствовал себя взволнованным и одновременно польщенным.

Она улыбнулась ему, как будто знала что-то такое, о чем ему известно не было.

Скорее ради того, чтобы просто переменить тему, чем по какой-либо другой причине, Джефф сказал:

— Это любопытно. Ну, как будто это уже не я больше. Когда я с волкотом... это... Я могу бежать со скоростью ракеты... *я сильный.*

— Ты всегда был сильным,— сказала Лаура.

— Я коротышка,— ответил он,— и знаю об этом. Любой парень моего возраста со мной справится. И в спорте я не гигант — не то что мой отец. Знаешь, он ведь до сих пор лучший бомбардир футбольной лиги.

— Я не о мускулах,— сказала она.— Мускулы могут быть у любой гориллы. Я хотела сказать, что ты сильный в том, что касается... твоего ума, сильный духом. Когда ты решаешь что-нибудь сделать, все у тебя получается.

— Гм... ну, может быть.

— Никаких «может быть». Почему, думаешь, они взяли на испытание именно тебя? Я-то знала, что если кто-нибудь и может достичь контакта с животными там, внизу, так это ты. Доктор Карбо сказал, что для этого человек должен обладать определенными качествами, и я поняла, что он говорит о тебе.

Джефф не знал, что сказать.

— Ведь твой отец пытался, верно?— продолжала Лаура.— И доктор Карбо тоже. И еще двое твоих приятелей со стальными мускулами. И ни у кого не получилось.

— Мне просто повезло.

— Нет, не повезло. Тебе это нравится. Тебе хорошо в контакте с этим животным...

— Волкотом,— поправил Джефф.— Пожалуй... да, думаю, ты права. Мне действительно хорошо. Но что-то пугающее в этом тоже есть. Для меня это не просто контакт с волкотом. *Я становлюсь им.*

На этот раз Лаура промолчала.

— А ты когда собираешься,— улыбнулся ей Джефф,— попросить, чтобы Берни Карбо испытал тебя? Если у меня получилось, у тебя тоже должно получиться... А чтобы проделать всю работу, нам наберняка потребуется больше народу, чем один человек.

— Девушку он не допустит даже к испытаниям,— сказала Лаура.— Такой хранитель мужского достоинства, как он, боится даже мысли, что девушка может утереть ему нос.

— Кто? Доктор Карбо?

— Ну да,— торопливо ответила она.— Многие девочки просили его испытать их. Он отвечал, что это мужская работа.

— Да... она может стать опасной.

— Но ты же с ней справился.

— Да, но...— Джефф вдруг смутился. Он и сам толком не знал, чью сторону в этом споре ему хочется принять.

Лаура, кажется, почувствовала его колебания. Понизив голос, она сказала:

— Мама собиралась поговорить об этом с доктором Карбо. Может быть, после того, как он убедится, что тебе ничто там не

грозит, он позволит попытаться и другим... даже девочкам.

— Ты ревнуешь!— рассмеялся Джефф.

— Нет. Просто я тоже хочу испытать свое счастье.

Их прервал громкоговоритель интеркома:

— ДЖЕФФРИ ХОЛМЕН, НЕМЕДЛЕННО СООБЩИ О СЕБЕ В ГЕОЛОГИЧЕСКУЮ ЛАБОРАТОРИЮ. ДЖЕФФРИ ХОЛМЕН НЕМЕДЛЕННО СООБЩИ О СЕБЕ В ГЕОЛОГИЧЕСКУЮ ЛАБОРАТОРИЮ.

Джефф хлопнул себя по лбу.

— Квазары! Папа все это время дожидается меня... Я совсем забыл!

Взявшись за руки, смеясь, Джефф и Лаура побежали по аллее по направлению к шару, в котором находилась геологическая лаборатория.

— Порядок, Джефф,— сказал доктор Карбо, пристегивая мальчика к ложу. Его темное круглое лицо было сосредоточенно. Даже в глазах не было улыбки.

— Ты уже четыре раза вступал в надежный контакт с волкотом. Отлично. Теперь пора посмотреть, сможешь ли ты управлять зверем, сможешь ли...

— Краун,— сказал Джефф.— Его зовут Краун.

— Ты дал ему имя?

— Это и есть его имя, я его ему не давал.

Какое-то мгновение доктор Карбо молча смотрел на Джеффа со странным выражением лица. Затем он продолжал:

— Итак, его зовут Краун. Сегодня нам предстоит посмотреть, сможешь ли ты заставить Крауна выполнить для нас кое-какую работу. Мы ищем таких животных, которых можно использовать как помощников при ремонте механизмов, оставленных на поверхности.

Он продолжал все тем же очень серьезным тоном. Аманда и второй техник Ли суетились вокруг Джеффа, подключая разные датчики и контакты, которые связывали его с электронным оборудованием лаборатории.

Наконец приготовления были закончены. Джефф улегся поудобнее и закрыл глаза. Доктор Карбо, пристроившись возле Аманды, наблюдал, как мальчик расслабляется, как будто засыпает. Потом его глаза под закрытыми веками пришли в лихорадочное движение. Пальцы ухватились за пустоту. Он вздрогнул и повернул голову.

На большой панели управления начала вращаться бобина с лентами для записи данных. На ожившем экране возник ставший уже знакомым для всех вид с вершины холма.

— Он в контакте,— прошептал доктор Карбо.

Аманда сделала почти незаметное движение, может быть, качнула головой.

— Похоже, это причиняет ему боль.

— На мониторах этого не видно,— сказал Карбо.

— Я знаю, но так выглядит...

— Ему это нравится. Он сейчас герой... каждый ребенок хочет стать героем.

— Может, и так. Но он теряет в весе. Ты заметил?

— Килограмм или около того. Беспокоиться не о чем.

— А я все-таки беспокоюсь,—сказала Аманда.

Краун проснулся мгновенно. Да ему и не приходилось спать крепко. Природных врагов у волкота не было, но опасности подстерегали всюду: безмозглая змея, стая голодных пожирателей падали, другой волкот, претендующий на его вершину холма.

Он поднялся на все шесть лап и по-кошачьи потянулся, потом неторопливой рысью выбежал из-под выступа скалы, где проспал ночь. В мягком рассеянном свете раннего утра он внимательно осмотрелся с вершины холма.

Из леса доносились манящие запахи пищи.

Нет, не в лес. На восток, лугами, навстречу восходящему солнцу.

Краун негромко прорычал. В лесу пища была, но и в лугах она должна быть. Кроме того, вчера он хорошо поел. Можно и поголодать. Пока.

Тем не менее, какая-то странность была в том, что он поворачивался спиной к собственным охотничьим угодьям и покидал свой холм и лес. Оглянувшись напоследок, он тяжело протопал вниз по склону холма и повернул к поросшей травой открытой равнине, что простиралась до самого горизонта к утреннему солнцу.

Он добился! Он управляет зверем!

В лугах волкота встретили новые запахи. Странные запахи. Место было совершенно плоское, однообразие равнины нарушали только пологие складки почвы. Деревьев не было вовсе, хотя кое-где встречались островки кустарника, достававшего до плеча, а трава была Крауну по колено. Дул сильный ветер. Не встречая преград на своем пути, бриз уже не вздыхал; его порывы хлестали по меху Краун, волнами гнули траву от самого горизонта до его лап.

Еще до наступления дня внутренности Краун превратились в сплошной комок голода. Но съедобные животные на глаза не попадались. Запахов было много, но самих животных он не видел.

Он остановился и повернулся к ветру. Запахи пищи были сильными и свежими. Но не те запахи, что были в оставленном им лесу. Другие запахи. Других животных.

Краун припал к земле, распластавшись на своем пустом брюхе так, что почти все его громадное тело скрылось в траве. На виду осталась только серая неподвижная линия спины над кистями волнующейся травы. В полной неподвижности, боясь моргнуть глазом, едва дыша, он всматривался и ждал.

Под гладким покровом перламутровых облаков над головой громоздились серые облака. Как сжатые кулаки темноты, они рассыпали по равнине свои стремительно гонимые бешеным ветром тени. Краун всматривался в траву, то сверкающую в свете дня, то темневшую в набежавшей тени.

Что-то пошевелилось! Маленькая коричневая пушистая тварь, не больше его лапы. Но все же пища.

И еще одна! Над травой показалась пушистая коричневая голова, животное беспокойно оглянулось и задергало носом, вынюхивая опасность. Краун лежал с подветренной стороны, и оно не почуяло его запах. Голова спряталась, но правее тут же высунулась еще одна.

Не так уж много, но лучше, чем ничего. Краун ждал, ждал. Маленькие твари сновали в траве, подбираясь все ближе и ближе. Краун напрягся. Ближе...

Взревев, Краун прыгнул. Приземлившись на одно из животных, он мгновенно убил его и следующим прыжком настиг еще одно. Трава вокруг вдруг ожила от скачущих и бешено снующих зверьков; они беспрерывно щебетали, вскрикивали, разбегаясь от громадной ревущей смерти, обрушившейся прямо на них.

Пытаясь ухватить еще нескольких, Краун рванулся в одну сторону, потом в другую, но они легко ускользали от него. Некоторые умудрялись проскользнуть прямо под его брюхом прежде, чем он успевал повернуться и ударить. Несколько минут он бессмысленно метался по траве, рычал, прыгал, крутился — безрезультатно. Добыча ускользала, словно вода сквозь пальцы.

Раздраженно поворчав напоследок, Краун вернулся к двум убитым животным. Завтрак получился небогатым.

Громоподобный рев заставил его поднять голову.

В нескольких прыжках от него стоял огромный волкот. Оскалившись, он уставился на Крауна. Поседевшая морда выдавала уже солидный возраст, но могучее рычание и массивный корпус свидетельствовали о том, что он был еще силен, сильнее Крауна.

Однако Краун вовсе не намеревался отказываться от своей добычи, как бы мала она ни была. Он прорычал в ответ незваному гостю. Рядом с первым из травы поднялся еще один волкот. Самка. Она тоже зарычала. А возле старого самца с другой стороны появился третий. Позади себя Краун тоже услышал рычание. Обернувшись, он увидел еще двух самцов, поменьше и помоложе его самого. Итак, против него пятеро.

Краун понимал, что означает их рев. Они пришли не из-за еды. Краун оказался на их территории. Это он был незваным гостем. И семейство собиралось избавиться от него.

Они с сопением и ворчанием кружили вокруг, поглядывая воинственно. С каждым их шагом круг становился теснее, уже.

Краун стоял над своей ничтожной добычей, в его горле клокотало рычание. Вожак остановился и взревел во всю мощь своей ярости. В десятке метров от него, там, где стоял Краун, этот рев отозвался болью в ушах. Краун подобрал одну из пушистых тварей и, прижав ее правой передней лапой, прихрамывая на остальных пяти, бросился наутек.

Они преследовали его еще какое-то время. Потом, удовлетворенные тем, что он покидает их территорию, отстали, проводив всего лишь несколькими предупреждающими рычаниями.

Краун промчался лугом, одолел небольшой подъем и остано-

вился посмотреть на семью волкотов. Старый самец по-прежнему стоял, ощетинившись, и в упор смотрел на Крауна. Краун досадливо огрызнулся и продолжил свой путь по траве прочь от волкотов.

Они — животные территориальные. Он не сможет добывать пищу там, где есть другие волкоты.

Тогда ему придется найти территорию, где нет других. Или самому стать вожаком семьи.

Это легче сказать, чем сделать. Намного легче.

Мяса у этой маленькой пушистой твари оказалось немного. Изрядно голодный, Краун возобновил поход по равнинным лугам.

Когда он затрусил дальше, небо начало темнеть, приближалась буря. Черные тучи закрыли все небо, ветер взвыл, донося до трепещущих ноздрей Крауна запахи других волкотов.

На своем холме Краун укрылся бы от дождя либо под выступом скалы, либо в пещере. В лесу тоже хватает деревьев и густого кустарника, чтобы переждать бурю. А здесь, в открытых лугах, никакого укрытия не было. Ничего, кроме травы, исхлестанной бешеным ветром.

Молния расколола небо пополам, и вслед за взрывом грома хлынул дождь, такой сильный и густой, что Краун ничего не видел дальше собственного носа.

Снова молния! Ему никогда не приходилось видеть зазубренный язык молнии так близко, таким ослепительно ярким. *Вниз! Ложись, не то молния попадет в тебя.* Поворчав на безысходность своего положения, Краун улегся в мокрую, прилипающую к телу траву, отдавая свою шкуру на избиение дождю. И не только дождю. Кусочки льда пулями барабанили по шкуре, трещали по толстым костям черепа, даже царапали его через толстый мех. Краун вздрагивал, ворчал, а градины тысячами иголок вонзались в него. Он зарылся мордой глубже в траву, в самую грязь, лишь бы хоть как-то укрыться от града.

Продолжалось все это, вероятно, какие-то минуты, но ему они показались часами. Наконец град кончился, а дождь еще долго слабел, пока не прекратился вовсе. Тучи еще задерживались, хотя и неслись по небу, серые и грозные, будто торопились по важному делу.

Весь этот длинный серый день Краун продвигался лугами, стараясь не попадаться на глаза другим волкотам, избегая всех животных, подавляя гложущее чувство голода, эхом отдававшееся в брюхе. К вечеру он устало поднялся на низкую цепь округлых холмов. Неподалеку журчала вода. Он почуял хорошую антилопу и вскоре увидел ее: коричнево-белая, с грозными рогами, стройная, быстроногая, она подошла напиться к плещущей воде ручья. Краун безмолвно бросился на нее, настиг, когда она попыталась отпрыгнуть, одним молниеносным движением схватил и убил.

Не успел он съесть и небольшой части добычи, как появились другие волкоты. В быстро сгущавшихся сумерках он разглядел их угрожающие силуэты и услышал грозное рычание.

Краун зарычал в ответ. *Я голоден! Это моя добыча!*

Они медленно продвигались к нему. Краун быстро запихнул в пасть, насколько смог, большой кусок добычи, прошлепал через ручей, и крадучись, двинулся дальше по лесистым склонам холма.

Все так же болезненно голодный, он уснул у подножия дерева. Засыпая, он увидел свой лес и свою вершину холма.

— Он и в самом деле спит,— удивленно шепнула Аманда, взглянув на маленькое тело Джеффа, распростертое на ложе.

— Да,— сказал доктор Карбо.— У него был трудный день. Но на этих холмах нельзя надолго оставлять животное без присмотра. Слишком много в него вложено, чтобы потерять его сейчас.

— Не можем же мы требовать от ребенка...

Карбо знаком остановил ее.

— Пусть спит, пока не проснется животное. Можно воспользоваться электронным транквилизатором. Он отдохнет лучше, чем на руках у собственной матери. И немного питания введем внутривенно. Он должен быть наготове к моменту, когда проснется животное.— Доктор тоже говорил шепотом, но настойчиво, поэтому его голос звучал почти как шипение.

— Так нельзя обращаться с ребенком,— горестно сказала Аманда.

— Ерунда, — оборвал Карбо.

— Сочтут ли это ерундой его родители? Они уже три раза звонили, справлялись о нем.

— Скажи им, что он останется здесь на всю ночь. Скажи, что мы о нем позаботимся. Ради бога, Аманда, не валяй дурака, не сейчас по крайней мере,— слишком многое поставлено на карту!

Аманда невольно улыбнулась.

— Не надрывайся так. Я уже сказала Холменам, что Джефф останется здесь на ночь. И я их уверила, что блистательный доктор Карбо и его верная помощница будут самолично ухаживать за их сыном и следить за тем, чтобы ему было хорошо.

Карбо расплылся в улыбке.

— Милая ты моя! Я знал, что на тебя можно положиться.

— Но тем, чего ты не знаешь, можно было бы заполнить полки библиотек,— сказала Аманда, покачав головой.

— Ладно, ладно,— он потрепал ее по черной шелковистой щеке.— Ты уж проследи за тем, чтобы он был накормлен и ухожен. А завтра наступит еще один великий день. К полудню зверь должен добраться до лагеря, если ничего не стрясется.

Карбо, обойдя ложе, где спал Джефф, направился к дверям.

— Ты куда?— громким шепотом спросила Аманда.

— За едой,— театрально прошептал он в ответ.— С чем ты предпочитаешь бифштекс?

— С кетчупом.

Она рассмеялась при виде его гримасы.

Краун проснулся с восходом солнца, сверкающего Альтаира, зловещим ярким пятном пробившегося сквозь серебристо-серые утренние облака.

На этих холмах было хорошо, почти как дома. Среди деревьев пахло пищей. А тень от высоких густых ветвей обещала укрытие от полуденного зноя.

Нет. Здесь оставаться нельзя. Надо добраться до лагеря.

Медленно разминая затекшие члены, Краун поднялся. Подергивая носом, всмотрелся в еще темный, затененный лес. Голодное брюхо дало себя знать, и он заворчал. Однако повернулся и двинулся сначала вверх на гребень холмов, а затем по другому склону вниз, направляясь к обширной каменистой пустыне, простиравшейся, насколько хватал глаз.

Над головой между низкими облаками парил большой крылатый зверь. Краун заметил его, когда дотащился до последних деревьев и выбрался на хилую травку, обрамлявшую пустыню по краю. Ничего похожего на эту птицу ему раньше видеть не доводилось. Она была гораздо крупнее тех птиц, которых он знал. Перьев у нее, на первый взгляд, было мало: что, только на концах крыльев. В коротком мощном клюве мелькали зубы.

Почти без всяких усилий животное легко парило в потоках нагретого воздуха, которые уже поднимались над каменистой пустыней.

Краун остановился у подножия холма, где трава становилась реже и в конце концов пропала совсем. Теперь перед ним остались одни раскаленные голые камни. Он оглянулся на лес, покрывавший верхнюю часть холмистых склонов. Ветерок, еще дышавший прохладой, рассказывал ему о съедобной живности, что обитала среди деревьев. Он зарычал, вздрогнул... и двинулся к скалам.

Такое управление животным на грани фантастики! Он уморит его голодом.

Сейчас важнее добраться до лагеря. Пусть животное поголодает день-другой, может быть, удастся заполучить еще одного.

Было непереносимо жарко. Альтаир в облачном небе поднимался все выше, камни раскалялись и уже начали обжигать лапы Крауна при ходьбе. Огромный птероящер по-прежнему парил высоко над головой, как бы поджидая... поджидая...

Скалы. Одни скалы. Над ними дрожали потоки горячего воздуха, и все окружающее плыло перед глазами, как при головокружении. Краун все медленнее продвигался вперед, позабыв даже о голоде, а беспощадное солнце карабкалось все выше и выше, выплескивая на него жгучие лучи.

Но вот в дрожащем мареве он заметил еще нескольких птероящеров. Четверо. Десяток. Еще много-много. Они кружились где-то далеко на горизонте.

Вдруг он догадался, что это означает. Краун остановился, разглядывая летающих тварей, а они стали снижаться, пикировать и садиться, раскинув крылья. Они были слишком далеко, чтобы разглядеть, где или зачем они садились. Тем не менее каким-то непостижимым образом он это *знал*.

Краун свернул с намеченного пути и направился к скоплению птероящеров.

Нет! Он должен идти прямо к лагерю.

Управляет по-прежнему Джефф. Он позволяет животному свернуть.

Что-то идет не так. Я буду заканчивать.

Подождите Подождите! Посмотрим, чего добивается Джефф.

Уставший, изнемогающий от беспощадного солнца Краун продвигался к месту, где садились птицы. В такой каменистой пустыне могут водиться только стервятники. А приземляются стервятники там, где есть добыча. И поскольку они начали садиться всего несколько минут назад, добыча свежая.

Место, где садились птероящеры, закрывали от взора Крауна валуны выше его роста Краун двинулся через них где карабкаясь, где протискиваясь или обходя скалы.

Наконец он остановился на вершине огромной, источенной ветрами и выбеленной солнцем скалы. Он больше не замечал жары и боли в лапах, он вглядывался в разыгрывающуюся внизу сцену.

Около сотни птероящеров сгрудились вокруг животного. Животное было гигантских размеров, не меньше самого Крауна. Но совсем иное. Его пятнистый зеленовато-коричневый мех был покрыт чем-то сухим и белесым, как пыль. Голова его довольно мала, на ней выделялись большие пластины двух направленных вперед глаз. Сильные острые зубы. Четыре ноги. Впрочем, для передвижения, по-видимому, служили только две из них, поскольку передние конечности выглядели иначе, чем задние: они были длиннее, тоньше, а лапы казались даже гибче, чем передние лапы самого Крауна.

Оно напоминает медведя, древнего медведя-кадьяка.

Да, но передние лапы скорее похожи на обезьяньи, а не на медвежьи.

Оно было еще живое. Повалившись на спину, животное едва шевелило задними лапами. Глазные пластины его были почти неподвижны, но рот кривился от боли и ужаса, когда оно выпускало когти на передних лапах, пытаясь отогнать подбирающихся к нему стервятников.

Это ужасно! Направьте дополнительные камеры на этот экран. Таких животных еще никто не видел.

О таких даже сообщений не было. Мы открыли новый...

О нет!

Краун напряг мускулы и зарычал, разгоняя птероящеров. Они испуганно взмыли в воздух, подняв невероятный шум криками и хлопанием крыльев. Когда они устремились высоко в небо, Краун прорычал еще раз им на прощание.

Потом повернулся и прыгнул к горлу поверженной обезьяны.

О господи!

Джефф... как ты можешь?!

Обезьяна была слишком слаба, чтобы защищаться. Краун набивал брюхо до тех пор, пока высоко над его головой, шумно

негодуя, снова не появились птероящеры. Они, однако, выжидали, пока он уйдет, прежде чем наброситься на остатки.

Наконец, торжествующе зарычав, Краун оставил окровавленную тушу и продолжил свой путь по каменистой пустыне.

День клонился к вечеру, когда он добрался до еще одной холмистой местности. Таких крутых и скалистых холмов, как здесь, Крауну видеть не приходилось. Каменистые подножия были исполосованы узкими руслами ручьев, которые долгие годы без устали точили камень. Выше, примерно с середины суровых склонов, чудом удерживаясь на камнях, росли кустарники и трава, ближе к вершинам — деревья. Самые же вершины покрывал густой красивый лес; кроны его деревьев ритмично раскачивались на ветру.

Краун даже замурлыкал от удовольствия. Не важно, что склоны круты и карабкаться на них трудно, зато как хорошо, выбравшись из каменной пустыни, попасть в прохладу леса.

По мере того как он приближался к вершине холма, карабкаясь по-кошачьи, прыгая со скалы на скалу, его уши настораживались. Там было что-то непонятное. Глухой, гудящий звук, повторяющийся снова и снова. Краун никогда не слышал ничего подобного. Он ощетинился. Он не то, чтобы чувствовал страх — волкотам неведомо это чувство. Просто ощущение неизвестного вздыбило его мех, он оскалил зубы и исторг глухое рычание.

Ближе к вершине холма идти стало легче. Прохладная влажная трава нежно ласкала его обожженные лапы. Но странный, тревожащий звук был слышен и здесь, даже громче, заглушая мягкий голос ветра: *ссс-вруууум... сссвруууумм!* А теперь еще ветер доносил вместе с ним струи странного, незнакомого Крауну запаха.

Почти касаясь животом земли, прижав уши, оскалившись, Краун крадучись пробирался по траве и кустарнику, осторожно, беззвучно, как тень — трехтонная тень, вдруг оказавшаяся лицом к лицу с...

Вдруг Краун рассмеялся про себя. Напряженные мускулы расслабились. Он сел и уставился на пляж, что расстилался внизу, под крутым склоном холмов. Тут он и увидел прибой, выраставший из океана и обрушивавшийся на песок с длинным, медленным, могучим *сссс-врррууууммм!*

Краун никогда прежде не видел океана. И Джефф тоже. Он просто сидел возле толстого сучковатого ствола дерева и смотрел, как серо-голубая вода собирается с силами, волной вздымается выше и выше, двигаясь по направлению к берегу — быстрее, быстрее, закручивает белый гребень пены на вершине, и *врууум!* С грохочущим дрожащим ревом волна разваливается и взбегает на песчаный пляж уже не опаснее пены, а в это время новая волна уже готовит вдали от берега свой горб.

Наконец Краун поднялся и по отлогому склону затрусил вниз, на пляж. Он направился прямо к воде, оставляя в песке глубокие отпечатки лап. Наклонив огромную голову, он принюхался к воде

которая бурлила водоворотами между его ногами. Так вот откуда шел странный запах. Соль.

В прохладном бризе ощущался резкий привкус этого нового запаха. Но запахов пищи не было. Краун знал, что выше по холмам, в лесу, пища должна быть. Правда, возможно, там есть и другие волкоты. Но с этим можно подождать.

Лагерь находится на этом пляже, километрах в четырех севернее.

Легкой рысью Краун направился на север по песчаному берегу. Время от времени он бросался в прибой и бурно плескался в нем, как ребенок, шлепая лапами по воде и вздымая огромные фонтаны брызг.

Он играет!

Он же впервые попал на пляж.

Ради всего святого.. у нас такая серьезная работа, а он играет.

Не будьте занудой!

Краун наконец добрался до лагеря. Он почуял его задолго до того, как увидел: прогорклые, едкие запахи масла, странные новые запахи, от которых он наморщил нос.

Выглядел лагерь и того хуже. На длинном изогнутом участке пляжа были разбросаны сотни металлических блоков машин. У одних были гусеницы и бульдозерные ножи, у других — колеса. Стояли на берегу и громоздкие прямоугольные формы, хаотично покосившись там, где песок просел под их тяжестью. В глубине, дальше от воды, раскинулся огромный пластиковый купол, такой большой, что в нем могли бы уместиться человек сто. Но теперь на этом когда-то белом куполе зияли рваные дыры и виднелись потеки черной, как сажа, смазки.

Краун подошел к машинам поближе и даже обнюхал некоторые из них. Мертвы. И пищи здесь нет. Тусклая поверхность металла была покрыта пятнами ржавчины.

А ведь считалось, что этот материал не подвержен коррозии.

Только не в таком воздухе, как там, на поверхности.

Опасности здесь нет, решил Краун. До него еще не дошло, что машинное зловоние может перебить запах змеи или даже другого волкота. Но так или иначе пищи здесь не было, и Краун поднял взгляд к лесу, покрывавшему вершины холмов. Солнце садилось, и тени деревьев манили к себе.

Полагаю, он не забредет слишком далеко. Кончаем. Снимайте контакт.

Аманда Корли всматривалась в экраны и приборы на панели управления. Нахмурившись, она мягко тронула несколько кнопок на клавиатуре.

Она слегка повернула кресло и взглянула на Джеффа, спокойно лежавшего на ложе. На его голове красовался серебристый шлем, к манжетам на запястьях и лодыжках тянулись провода.

— Ну что там?— спросил Берни Карбо. Он стоял в дальнем конце длинной, во всю стену, панели управления.

Аманда прищелкнула языком.

— Он не отключается... как будто... почти...

— Что такое?— Карбо несколькими быстрыми, нервными шагами подскочил к ее креслу.

— Как будто он *не хочет* отключаться.

Аманда не спускала глаз с Джеффа. По сонному лицу мальчика блуждала улыбка.

— Выключай,— сказал Карбо.— Снимаем питание и отсоединяемся.

— Но он не реагирует на наши команды. Раньше он всегда сам выходил из контакта, прежде чем мы снимали питание.

Карбо взглянул на Джеффа.

— Ему не будет больно. Снимай питание помедленнее. Он выйдет из контакта прежде, чем мы полностью отключимся.

— Я не знаю....

— Это не повредит ему, даже если он не будет помогать нам.

Аманда едва заметно покачала головой. Лишь хорошо знающий ее человек, такой, как Карбо, мог вообще уловить это движение: «Дай-то бог...»

Она задала с клавиатуры требуемый режим и перевела взгляд на мальчика. Джефф слегка шевельнулся. Он протяжно вздохнул, почти застонал, и Аманда вдруг почувствовала, что и сама она задерживает дыхание.

Джефф открыл глаза и увидел над собой изогнутый металлический потолок лаборатории. Ни неба. Ни ветра. Ни океана, ни рокочущего прибоя. Только гудение электронных приборов и пресный металлический запах корабля, перекрываемый острым запахом антисептиков.

В поле зрения появилось лицо доктора Карбо.

— Как самочувствие?

Джефф моргнул.

— Нормально...

Улыбаясь, подошла Аманда, начала отстегивать манжеты на его руках и ногах.

— Ты, должно быть, устал? Трудный выдался денек, а?

— Ух... да, пожалуй, устал.— Джефф почувствовал, как кто-то — доктор Карбо, конечно,— снял шлем с его головы. Кожа на голове чесалась... нет, даже горела.

— Минутку, — мягко сказала Аманда.— Пока не надо садиться.

Она ненадолго пропала из поля зрения. *Интересно, что-то там проделывает без меня Краун?*

Вернулась Аманда с наполненной оранжевой жидкостью пластмассовой чашкой.

— Вот, выпей-ка,— сказала она.— Хорошо восстанавливает силы. Лежать целый день на этом ложе — тяжелая работа.

Он улыбнулся ей и отхлебнул.

— Пей до конца. Ужина это тебе не испортит.

Джефф сел и свесил ноги с ложа. Аманда стояла прямо перед ним. Она улыбалась, положив руку ему на плечо. Доктор Карбо склонился над одним из пультов панели управления, наблюдая за вращением бобин с лентами данных.

— Который час?— спросил Джефф.

Аманда взглянула на запястье.

— Пять минут седьмого.

Скоро закат.

— Я провожу тебя до дому,— сказала Аманда.

— Я и сам могу,— сказал Джефф, но не очень уверенно.

— Ничего... я ведь живу недалеко от вас.

— Половину «Деревни» надо пройти,— возразил Джефф.

— А мне нравится гулять,— смеясь, поддержала игру она.— Пойдем. Ты уже способен на прогулку?

— Конечно,— с радостью согласился Джефф.

Обед проходил спокойно и неторопливо. Джефф обнаружил, что он не очень голоден. Мать взволнованно следила за ним, и отец, казалось, изучал каждое его движение, а он нехотя ковырялся в тарелке.

— Ты не доел бифштекс, мой мальчик,— сказала мать, когда Джефф отодвинул тарелку.— Я приготовила его специально для тебя.

— Только пяти семьям в неделю полагается бифштекс,— строго сказал доктор Холмен.

— Я не особенно голоден... Наверное, они накормили меня, пока я был на ложе.

Джефф потер ранку на сгибе руки.

— Конечно, накормили,— возмущенно воскликнул отец.— Солями и сахаром. А тебе нужен белок.

— Меня перекормили,— сказал Джефф.— Сыт по горло.

— Пока не доешь, не получишь сладкого.

— И не надо,— быстро согласился он.— Я в самом деле сыт. Честное слово.

Брови доктора Холмена полезли вверх, как бы вопрошая: ну что делать с этим мальчишкой?

Вслух он сказал:

— Отлично. Тогда отправляйся в гимнастический зал и по крайней мере два часа посвяти упражнениям.

— Что-о?

— Приказ врачей. Сам доктор Карбо сказал мне об этом, когда я заглянул проведать тебя. Нельзя целый день проводить на ложе и не заниматься гимнастикой.

— Но я устал!

— Умственно — возможно, но не физически. Отправляйся в зал. На два часа.

И не так ужасно это оказалось.

Там уже прыгали на большом батуте Лаура и несколько других ребят. Но, заметив Джеффа, она спустилась к нему. И они поиграли в бадминтон в секции зала с нулевым притяжением, летая друг над другом, забрасывая волан то под сетку, то над сеткой, которая висела на середине корта. Они играли до тех пор, пока не кончилось топливо в их ракетных поясах, а потом, смеясь

и с трудом переводя дыхание, спустили лестницу на пол гимнастического зала с его обычным земным притяжением.

К этому времени зал заполнился мальчишками и девчонками, они затеяли игру в «гигантский волейбол». Перед игроками стояли три задачи: набрать как можно больше очков, над сеткой играть по возможности резко и, наконец, во время подачи стараться забросить мяч в секцию с нулевым притяжением. Все корчились от смеха, когда мяч влетал туда и начинал бешено крутиться вокруг сетки.

Но вот прозвучал звонок, извещавший о том, что им пора покинуть зал. Пришло время взрослым пытаться делать из себя атлетов.

Джефф проводил Лауру домой: их дома-шары располагались по соседству.

— Я сегодня разговаривала с Амандой,— сказала Лаура, когда они шли по длинной зеленой аллее.

— О контакте с животными?

Лаура кивнула.

— Мы виделись в кафетерии. У нее не было ни минуты свободной. Она и думать не хочет расстаться с тобой.

Джефф почувствовал, что краснеет. Хорошо хоть, что здесь достаточно темно, может, Лаура и не заметит.

— А-а... Ну и что она сказала? О тебе, конечно.

— Что собирается поговорить с доктором Карбо. Сказала, что не видит, почему бы и девочкам не делать того же, что делают мальчики. Но именно сейчас, сказала она, они внимательно тебя наблюдают, чтобы удостовериться, что контакт с животными не причинит вреда тем, кто этим занимается.

— Резонно,— заметил Джефф.

— Если ты можешь это делать, я тоже сумею,— возразила Лаура.

Джефф кивнул.

— Согласен.

У Лауры вытянулось лицо: она, видно, надеялась получить в свои руки нужные доводы и приготовилась к спору.

Когда Джефф вернулся домой, отец с выжидательным видом сидел в гостиной.

— Привет,— сказал Джефф, закрывая за собой дверь.

— Здравствуй,— ответил доктор Холмен. Мамы в комнате не было.— Как твои успехи?

— Нормально. Устал немного.

— Не присядешь ли на минутку?

Машинально Джефф выбрал софу, сел напротив отца, расположившегося в виброкресле.

— Сегодня вечером я разговаривал с доктором Карбо.

Джефф промолчал.

— Берни сказал, что ты... гм... ну, как бы ослушался приказа сегодня днем,— продолжал доктор Холмен.— А может быть, это было утром. Во всяком случае, ты позволил зверю сойти с дороги, которая вела в лагерь...

— Он был голоден. Умирал с голоду.

— Но тебе же надлежало...

— Краун — не машина. Если он не поест, он не будет способен ни на что. И он же дошел до лагеря... после того, как поел.

— Ты разрешил ему убить беспомощное животное...

— Он убил, чтобы насытиться! Эта обезьяна или медведь, или как там его назвать — оно же умирало. Стервятники уже готовы были разорвать его на части. А Краун был голоден.

Доктор Холмен закусил губу, на щеках его запрыгали желваки.

— А ты не подумал, что эта обезьяна, это животное или что-то там еще, что оно могло быть разумным?

— Разумным?..

— Не таким, как мы, конечно. На этой планете нет ни городов, ни деревень. Но быть может, это вроде наших далеких предков на Земле — разумное животное, от которого пойдет раса цивилизованных существ.

— Мне это в голову не приходило. Краун... он был такой голодный...

— Не о пустом брюхе животного следует заботиться, Джефф, у тебя задачи поважнее.

— Краун — вовсе и не животное!— выпалил Джефф, сам удивляясь внезапно возникшему гневу.

— Что?!

— Он... Нет, с ним так нельзя. Он наш единственный помощник там, на поверхности, разве не так? Сколько усилий стоил один этот зонд у него в мозгу! Он один-единственный на планете, с кем удалось вступить в контакт. Нельзя же его выжать как тряпку какую-нибудь, а потом выбросить!

— Да, разумеется... но все-таки это только животное, Джефф. Еще немного, и мы вживим зонды в мозг другим животным. Этот зверь — всего лишь первый.

— Краун — не только просто животное. Он — наш помощник, и один-единственный там, на планете,— горячо настаивал Джефф.

А внутренний голос ему шептал: *«Он — это я!»*

Боль! Она была такой сильной, такой невыносимой, словно раскаленные ножи вонзились в его внутренности, и Джефф чуть не сорвался с ложа, чуть не оборвал провода и манжеты, подсоединенные к его телу.

Аманда увидела, как на панели управления индикаторы всех измерительных приборов вспыхнули красным, сигнализируя перегрузку. Доктор Карбо застыл на полпути между креслом Аманды и ложем, где корчился и громко стонал Джефф.

Краун лежал на животе, истекая кровью.

Его правая передняя нога кровоточила, пылала и пульсировала от боли. Все тело было покрыто глубокими ранами, особенно спина. От нестерпимой боли он почти терял сознание.

С вершины холма, расположенного прямо над лагерем, из-за

деревьев раздавался предостерегающий рев старого волкота. Краун попытался охотиться на его территории. Старый вожак и четверо молодых волкотов безжалостно набросились на Краун. Отчаявшись от голода, Краун дал отпор. Но силы были слишком неравны. У них не было намерения убить его — они просто хотели отогнать его от собственного источника существования. Отогнать Краун оказалось не так-то легко. Когда он наконец сдался, он был полумертв.

И вот он лежал возле скрюченных останков машин на берегу океана, задыхаясь, кровь медленно впитывалась в песок.

Избавь его от этого, Берни! Нельзя допускать такую перегрузку!

Без паники, он справляется. Индикаторы уже зеленеют... видишь?

Нельзя ли как-нибудь заблокировать болевые ощущения?

Нет. Даже если бы мы могли, ничего хорошего из этого не получилось бы.

Краун зарычал. С трудом поднялся на ноги. Прихрамывая, стеная от боли, с кровоточащими ранами, он шел по покинутому лагерю среди диковинных машин и похожих на коробки зданий. Странные, злые запахи. Мертвые предметы, которые никогда не были живыми. Но совсем не похожие на скалы или песок. Эти металлические сооружения были совершенно чужды Крауну. И все-таки что-то в них было... едва различимое. Что-то такое... запах живого, еле слышный и ни на что не похожий. Краун, шатаясь, сделал несколько шагов по песку и рухнул возле полуразвалившегося трактора.

Голова у него пошла кругом, все поплыло перед глазами. Но, несмотря на это, он ощущал запах пищи. Пища когда-то тут была. И еще обязательно будет. Дело только в том, когда. Может, даже Краун к тому времени еще не умрет с голоду, не умрет от усталости или от потери крови.

— Я же сказал — отключай его!— повторил доктор Карбо.

Аманда смотрела на него широко открытыми глазами.

— Он не реагирует... Совсем не реагирует.

Карбо обернулся к ложу, на котором беспокойно лежал Джефф. Тело мальчика медленно изгибалось, рот был открыт.

— Нет... Нет...— едва слышно выдохнул он.

Аманда с тревогой заметила:

— Он не хочет выходить из контакта.

В ее дрожащем голосе звучал испуг.

Берни почувствовал, как его лоб покрылся потом.

— Черт возьми! Только его силой воли и поддерживается жизнь в этом животном.

— Но боль способна убить Джеффа,— возразила Аманда.

— Нет... Вряд ли...

— Смотри!— вскрикнула Аманда.

На контрольных приборах все показатели — пульс, частота дыхания, электрическая активность мозга — снова полезли вверх.

— Что-то стимулирует животное.
— Но Джефф...
— Следи за экраном,— сказал Карбо.

Краун, преодолевая боль, сосредоточенно вглядывался в берег и раскинувшийся перед ним лагерь.

Запах стал сильнее и с каждой минутой усиливался. Приближалось что-то живое. Пища.

Краун затаился. Напряг онемевшие, окаменевшие от боли мышцы. Передняя лапа продолжала кровоточить, но кровь почти свернулась и уже не лилась, как прежде, а медленно капала. И по всему телу Крауна вместе с болью от ран растекалось чувство нестерпимого голода.

С моря потянуло ветерком, но он дул под таким углом, что захватывал запахи с того участка пляжа, который находился за лагерем. Ветер пригнал с собой студеную мешанину дождя со снегом, а снег Крауну довелось увидеть впервые. Но он не удостоил его своим вниманием. Стояло раннее утро, и Альтаир еще не поднялся настолько, чтобы разогнать туман и моросящий дождь, висевшие над океаном.

И тут Краун их увидел. Обезьяны, вроде той, что он нашел в пустыне и отвоевал у стервятников. Эти обезьяны, однако, выглядели здоровыми и сильными. Их было трое, они осторожно крались дальним концом лагеря на всех четырех лапах.

Семья: отец, мать, детеныш.

Хорошенький детеныш, ростом со здоровенного регбиста.

Не двигаясь, затаив дыхание, Краун выжидал, когда они подойдут поближе, на дистанцию прыжка. Нужно достать самого большого из них. В первую очередь самого большого, одним мгновенным выпадом. Тогда остальные убегут. А если даже не убегут, без вожака с ними будет легче справиться.

Берни, он собирается убить их!

Что-что? О чем ты?

Волкот-Джефф... Он собирается убить обезьян. Чтобы съесть.

Этого нельзя допустить. Холмен, Полчек и остальные намерены изучать обезьян. Они были вне себя от гнева, когда он убил ту, первую, в пустыне.

Но именно это он и собирается сделать!

Придется остановить его.

Каким образом?

Выключаемся Возвращаем Джеффа сюда и будим его.

Мы не успеем. И это все равно не поможет. Волкот в конце концов сделает это сам. Он же голоден.

Вот скотина! Нельзя допустить, чтобы это случилось.

Мы не можем этому помешать.

Обезьяны подходили ближе. В дальних закоулках сознания Краун любопытствовал, как они попали сюда, на пляж, почему пробирались лагерем. Может быть, они часто приходят сюда? Это их тропа или часть принадлежащей им территории?

Самец был велик, крупнее самого Крауна — огромная гора

темно-рыжего меха, увенчанная тяжелым круглым черепом с костными гребнями над глазными впадинами. Он шел спокойно. Ветер уносил запах Крауна прочь, и самец, казалось, был озабочен лишь тем, чтобы провести свою самку и детеныша через чужой лагерь.

Сквозь моросящую взвесь из дождя и снега Краун разглядел на задних лапах самца загнутые когти. На передних их не было. Зубы казались большими и сильными, хотя и не шли ни в какое сравнение с зубами самого Крауна.

Напрягая все мускулы, дрожа от голода и тлеющей внутри боли, Краун ждал, ждал, ждал... и наконец прыгнул.

С рычанием он бросился прямо на грудь ошеломленному самцу и разодрал его горло, прежде чем оба свалились на песок. Падая, самец издал какой-то булькающий звук, после чего замолк и обмяк. Краун поднялся на ноги и вздрогнул от боли, нечаянно наступив на раненую переднюю лапу.

В десятке метров от него, оскалившись, ворчала самка. В поднятой над головой передней лапе она держала зазубренную металлическую палку.

Ты только посмотри!
Она оторвала кусок трубы от трактора!
Чтобы обороняться!

Детеныш стоял на четвереньках позади матери. Краун зарычал, возвышаясь над мертвым самцом. Самка не нападала; рыча и сверкая глазами, она оставалась на месте, держа металлическую трубу над головой.

Какое-то мгновение животные не шевелились. Краун получил свою добычу и не намеревался больше убивать. Обезьяна-самка видела, что самец мертв, но детеныш был жив. Она медленно отступала, неуклюже передвигаясь на задних лапах и держась подальше от Крауна. Детеныш засеменил за ней, стараясь двигаться так, чтобы между ним и Крауном все время оставалась мать.

Наконец обезьяна бросила трубу, опустилась на четвереньки и рысью побежала прочь. Краун видел, как она описала широкую дугу вокруг места, где он стоял, а затем двинулась дальше вдоль пляжа, придерживаясь того же направления, в котором они двигались с самого начала. На юг. Все это время детеныш бежал рядом, с той стороны, которая была дальше от Крауна.

Краун еще раз зарычал и принялся за еду.

Ну все. Возвращай Джеффа. Сейчас же!

Джефф открыл глаза. Веки слипались, как после долгого сна.

Он поморгал на потолочные панели с мягко светящимися квадратами плафонов. Какое-то мгновение он не осознавал, где находится.

Вновь на корабле.

— Краун,— начал он, но из горла вырвалось лишь какое-то карканье.

Над ним склонился Карбо. Он пристально вглядывался в Джеффа — лицо доктора потемнело и напряглось от беспокойства.

— Все хорошо, Джефф,— сказал он.— Ты в безопасности.

— А Краун?... Он остался там один...

— Ничего с ним не случится. Не беспокойся.

В поле зрения появилась Аманда. Лицо ее сияло улыбкой, но в глазах сквозило беспокойство.

— Как ты себя чувствуешь, Джефф?

— Прекрасно.

Они начали отсоединять шлем и манжеты.

— Краун остался там один,— вновь произнес Джефф.

Доктор Карбо собрался было ответить, но тут рассмеялась Аманда.

— В чем дело? — сказала она.— Боишься, что твоя кошечка не проживет сама по себе нескольких часов?

— Он так ужасно ранен...

— Поправится. Мы ему все равно помочь не можем. И он ведь достаточно силен, чтобы прокормиться, а?

Джефф невольно кивнул.

— Верно.

— Ну ладно, поднимайся-ка и хоть чуть-чуть разомни руки-ноги.

Джефф медленно сел. Затем спустил ноги, поддерживаемый с одной стороны Амандой и с другой — доктором Карбо, и наконец твердо встал на пластиковые квадраты пола.

— Аманда,— сказал доктор Карбо,— проводи его в лазарет. Мне нужны результаты стандартного физиологического обследования в полном объеме.

— Хорошо,— ответила она. Затем обратилась к Джеффу:— Ну что ж, усмиритель львов, пойдем, я угощу тебя специальным коктейлем «Хозяина медицины», если обещаешь хорошо себя вести.

Джефф невесело посмотрел на нее. Она рассмеялась.

— Ладно, ладно, я пошутила.

Они прошли коридором к «Хозяину медицины»— мерцающей металлической панели, занимающей метров двадцать стены коридора прямо перед дверями лазарета. Аманда приложила ладонь к пластине активатора, и датчики управляемого компьютером устройства тут же зафиксировали отпечаток ее руки для опознания. Оранжевая контрольная лампа мигнула и загорелась зеленым светом.

В который раз Джеффа заворожил переход цвета кожи на руках Аманды: розовая на ладони, на тыльной стороне кожа становилась дымчато-черной.

Она что-то говорила компьютеру — мозгу «Хозяина медицины». Машина щелкнула, загудела, вспыхнуло несколько лампочек, наконец открылась маленькая панель, и за ней показалась пластмассовая чашка, наполненная бледно-желтой жидкостью.

Аманда взяла чашку и протянула Джеффу.

— Ваш утренний коктейль,— торжественно сказала она.

Он принял чашку, поднял ее к груди, как бы провозглашая тост в честь прекрасной дамы, потом залпом выпил. На вкус питье было почти приятным.

— Тебе бы теперь камин, чтобы запустить в него бокалом,— сказала Аманда.

— Мне бы что?..

— Камин. Это старинный обычай, обычай давно ушедших веков. А тебе и в самом деле следует читать побольше.

Джефф кивнул с серьезным видом.

— Я постараюсь.— Ему вдруг пришло в голову, что, услышь он такое от кого-нибудь другого, он не на шутку рассердился бы. Но не на Аманду же, на нее он вообще сердиться не мог.

— Как хорошо, что мы работаем вместе,— сказал Джефф, вряд ли подумав о том, что он собирается сказать.

Аманда удивленно взглянула.

— Мы? Всю работу делаешь ты. А я просто сижу там да тревожусь за тебя. Ну, пойдем в эту долину вампиров.

Она распахнула дверь, и Джефф проследовал за ней в лазарет. Но он совсем не думал об ожидающих его анализаторах крови, флуоресцентных красителях и прочих докторских иглах. Он думал:

Она тревожится за меня. Она действительно тревожится за меня.

На следующее утро, когда Джефф не спеша одолевал завтрак из эрзац-яиц, соевого мяса и фруктового концентрата, к его откидному столику, подвешенному возле кухонной ниши, подсел отец.

— Сегодня ты не пойдешь в контактную лабораторию,— уверенным, не допускающим возражения голосом сказал доктор Холмен.

— Почему?

— Мы с Карбо хотим обсудить положение дел и наметить планы на следующую фазу работы. Я созвал совещание, на нем будут все руководители отделов.

— Но Краун...

— Этот зверь один денек и сам о себе прекрасно позаботится. Я хочу, чтобы ты был на совещании.

— Я?— вытаращил глаза Джефф.— С руководителями отделов?

Заметив его удивление, отец улыбнулся.

— Ты не менее важен в этой работе, чем любой из них. А может, и более.

Джефф закончил завтрак и пошел к себе в комнату. Порывшись минут пятнадцать на антресолях, он наконец нашел свой фотоаппарат. Запихнул его в карман, качнулся на дверце и спустился на пол. Дверца захлопнулась.

Зажужжал сигнал связи. Джефф щелкнул выключателем возле кровати, и на стенном экране появилось лицо Лауры.

— Мама сказала, что ты приглашен на совещание руководи-

телей отделов!— Она была возбуждена и очень довольна, пожалуй, не меньше самого Джеффа.

— Да,— ответил он, скользнув на кровать и полулежа.

— Она хочет попытаться добиться от твоего отца и доктора Карбо разрешения и другим ребятам попробовать войти в контакт. И мне тоже!

— Здорово,— улыбнулся ей Джефф.

Однако, пока он разговаривал с Лаурой, его рука нащупывала в кармане фотоаппарат. Он оказался там из-за того, что у Джеффа возникло непреодолимое желание запечатлеть на пленку Аманду Корли.

Аманды на совещании не было.

Джефф вошел в конференц-зал вместе с отцом и огляделся. Стол был круглый, так что никто не мог занять место «во главе стола» и тем самым обозначить свое превосходство. Общая ответственность за миссию корабля была возложена на доктора Холмена, это знали все. Но собравшиеся здесь мужчины и женщины не были его подчиненными; все они, включая самого доктора Холмена, старались действовать как можно демократичнее.

Когда Джефф с отцом вошли, мать Лауры, Анна Полчек, уже сидела за столом. Она отвечала за биологическую группу. Рядом с нею сидел отец Лауры, Джон Полчек, возглавлявший конструкторскую группу. Мать Джеффа была учительницей, и хорошей учительницей, но не руководителем отдела.

Вошел доктор Карбо. Он выглядел сосредоточенным и слегка не в себе. Вместе с ним пришел доктор Шеллингс, руководитель медицинской группы. Всего за столом собрались восемнадцать взрослых, представлявших различные научные группы «Деревни». И еще Джефф.

Открыл совещание доктор Холмен.

— На мой взгляд, работа Берни Карбо за последние несколько недель обнаружила достаточно широкие перспективы, и нам пора обсудить, куда двигаться дальше.

«Работа Берни Карбо?» — Джефф слегка обеспокоился.— *Это ведь и меня касается».*

— Дела и в самом деле неплохи,— согласился Карбо. Он сидел почти напротив Джеффа. Глядя прямо на него, даже позволив себе улыбнуться, Карбо продолжал.— Присутствующий здесь наш юный друг достиг прочного контакта с экспериментальным животным и продемонстрировал такую степень контроля над зверем, которая превзошла самые смелые ожидания. Я полагаю, что правильность нашей основной идеи им доказана.

— В таком случае можно использовать большее количество животных там, на планете,— сказала Анна Полчек.

— Конечно.

— Очень хорошо,— сказал доктор Холмен, тряхнув своей золотистой гривой и слегка повысив тон, чтобы вновь взять ход

совещания в свои руки.— Мне кажется, что теперь мы должны решить, сколько и каких животных использовать.

— Но наша истинная цель,— возразил Джон Полчек,— состоит в том, чтобы привести в порядок лагерь и начать преобразование атмосферы планеты, чтобы мы на ней могли дышать.

— Да, да— быстро сказал отец Джеффа.— Однако мы уже пришли к выводу о том, что для этого потребуется помощь управляемых людьми животных. Так что в первую очередь надо определить, сколько и каких животных.

— А также, кто будет ими управлять,— добавила Анна Полчек.

— Всем известно, что никто из нас на это не способен.— сказал один из ученых постарше.— Это работа для детей.

— Но их же понадобятся десятки,— пробормотал кто-то еще.

— Это и в самом деле безопасно?

— Я не уверен, что захочу, чтобы *мои* дети занимались этим.

Берни Карбо стукнул по столу раскрытой ладонью. Перепалка сразу прекратилась.

— Если нужны точные данные,— сказал он ледяным тоном,— я могу представить их вам хоть на этом стенном экране. После первого же контакта состояние нашего единственного испытуемого анализировалось почти ежедневно. Физически он сейчас в лучшей форме, чем когда мы начинали, главным образом благодаря назначенной ему программе атлетических упражнений, которая компенсирует многочасовое отсутствие двигательной активности во время сеансов...

— Отсутствие двигательной активности... Если хотите знать, что это такое, — сказал один из мужчин с проседью в волосах,— вам следует посмотреть на *моего* отпрыска. Валяется целыми днями, как про́клятый, в своей комнате!

Все рассмеялись. Кроме Джеффа и доктора Карбо.

— Испытуемый подвергался также обширным психологическим проверкам.

«Испытуемый. Это я,— думал Джефф.— *Почему он не называет меня по имени? Я же здесь, прямо перед ним».*

— У испытуемого отмечена тенденция к почти полному отождествлению себя с экспериментальным животным,— продолжал Карбо.— В его восприятии он и является этим животным, что особенно сказывается в стрессовых ситуациях. С этим, однако, можно успешно справиться при помощи химиотерапии и сеансов приспособления.

— Вы хотите сказать, что он не подвергается никакой опасности?

Карбо повернулся к Джеффу.

— Мальчик, собственно, здесь... Спросите у него сами.

— Выглядит он крепким и здоровым.

— Он и в самом деле такой. Покрепче некоторых из нас,— съязвил Карбо.

Большинство присутствующих рассмеялись.

Джефф вдруг почувствовал глубочайшее разочарование. Он намеревался рассказать им, что это такое — быть в контакте с Крауном, как выглядит поверхность Альтаира VI, какие там леса, океан, о том, как трудно Крауну добывать пищу на территориях других волкотов. Но их это явно не интересовало. Им вполне достаточно оказалось слов Карбо и того факта, что Джефф сидел среди них, демонстрируя открытые глаза и нормальное дыхание. *Им нет дела до Крауна, их беспокоят только собственные проблемы.*

— А что можно сказать относительно этих обезьяноподобных животных? — спрашивал доктор Холмен.— Возможно, из них получатся лучшие помощники, чем из волкотов.

Началось длительное обсуждение, в котором приняли участие почти все присутствующие. Доктор Карбо показывал на стенном экране видеозаписи с изображением обезьян, особенно той, которая вооружилась металлической трубой. Во время демонстрации этих лент среди ученых слышались вздохи и бормотание, в котором можно было разобрать часто повторяющиеся слова: «противоречивые значения», «использование инструментов», «протоинтеллект».

— Нам определенно следует использовать обезьян,— сказал Джон Полчек, когда лента кончилась и экран потемнел.

— Для начала нужно по меньшей мере пять или шесть особей, потом еще больше.

— Не торопитесь с выводами,— сказала Анна Полчек.— Откуда взялись эти животные? И куда они направлялись, проходя по пляжу? Очевидно, они живут не на этом пляже.

— Возможно, они мигрируют, Сейчас на планете время сезонных изменений,— сказал метеоролог.— В северном полушарии наступает зима.

— А кроме того, мы не знаем, чем питаются эти обезьяны,— продолжала миссис Полчек,— и вообще, можно ли ими управлять.

— Мы можем определить это,— сказал доктор Холмен.— Судя по их зубам, они по крайней мере изредка едят мясо. Вы согласны?

— Да.

— Ну, так можно использовать волкота или несколько волкотов при необходимости — чтобы добывать для них пищу.

— Или изготавливать пищу прямо здесь,— сказала биохимик, молодая блондинка.— Мы можем производить белки и другие компоненты пищи для них в лабораториях, надо только знать химический состав их природной пищи.

— Я не уверен, что мы сможем настолько хорошо управлять ими, что они станут есть искусственную пищу,— сказал Берни Карбо.

Дискуссия продолжалась. Внимание Джеффа рассеивалось, он сосредоточивался только на мгновения, когда речь заходила о волкотах.

Прошло несколько часов, прежде чем ученые наконец договорились высадить на поверхность планеты специальную

группу людей, которые должны обездвижить несколько обезьян и волкотов, чтобы вживить в их мозг зонды. Одновременно было решено начать подготовку новой группы подростков к управлению животными.

— Включая девочек, — настаивала Анна Полчек.— Здесь не должно быть никакой дискриминации.

Отец Джеффа поджал было губы, но затем ответил:

— Пожалуй, вы правы.

Вместо того чтобы пойти домой или поужинать в кафетерии, Джефф направился в лабораторию контактов.

Аманда сидела в маленькой комнатке напротив лаборатории и жевала сандвич.

— Привет,— сказала она, когда он ворвался в кабинет.— Совещание кончилось?

— Да.

— А где Берни?

— Не знаю. Может быть, остался ужинать,— Джефф сунул руку в карман. Фотоаппарат был на месте.

— А ты-то ужинал?— спросила Аманда.

— Нет, э-э... я... — Он не находил слов.

— Держи.— Аманда протянула ему половину своего сандвича.— Бери стул и садись. Без еды нельзя. Ты думаешь, полное брюхо нужно только твоему большому коту?

Джефф взял стул и покорно сел рядом с Амандой. Чувствуя себя окончательно смущенным, взял предложенную половину сандвича. Он сидел так близко к ней, до него доносился даже запах ее духов, и вся эта затея с фотоаппаратом вдруг показалась ему совершенно немыслимой. Как попросить ее? Что сказать?

— Ты почему не ешь? Тебе не нравится, как я готовлю?— Аманда засмеялась.

— Я...— Джефф вдруг соскользнул со стула.— Мне.. мне бы попить чего-нибудь. Я... я сейчас.

Аманда удивленно взглянула на него. Джефф повернулся и выскочил из кабинета. Стараясь идти медленно, он проделал путь по зеленым аллеям до самого кафетерия. К тому времени, когда он вернулся, доктор Карбо был уже в лаборатории и о чем-то напряженно говорил с Амандой.

Половинка сандвича все еще лежала на столе. Джефф сел и заставил себя съесть его. На вкус он был деревянный. Джефф выпил синтетическое молоко, принесенное им из кафетерия. И все это время Карбо и Аманда оставались в лаборатории и, не обращая на него никакого внимания, продолжали свой серьезный разговор.

Покончив с едой, Джефф встал и направился в лабораторию. Когда дверь за ним захлопнулась, доктор Карбо повернулся к нему.

— А, вот и ты. Похоже, нам придется хорошенько потрудиться.

— Да,— только и сказал Джефф.

Потрудиться пришлось здорово.

Дни переходили в недели, недели — в месяцы. И почти все свое время бодрствования Джефф проводил в лаборатории на ложе, пребывая в теле Крауна, в его мозге. Каждый божий день с утра до ночи он был Крауном. Он был им, когда Краун только просыпался, и оставался им, когда Краун укладывался спать.

Джефф проделывал все это почти автоматически. Он вставал задолго до того, как начинала просыпаться «Деревня», ел, делал зарядку и отправлялся в лабораторию. Аманда была там постоянно, Берни Карбо же большую часть времени отсутствовал. Когда рабочий день кончался. Джефф вместе с Амандой шел домой, снова занимался гимнастикой, ужинал и ложился спать.

И чем однообразнее был его распорядок дня в «Деревне», тем меньше он ощущал свою жизнь на корабле как реальность. Реальной для него стала жизнь Крауна в том мире, который назывался Песней Ветров.

Джефф не мог объяснить, откуда он взял это название. Быть может, оно возникло как-то на закате дня, когда Краун стоял на гребне холма, с которого был виден берег океана. С этого места, если смотреть прямо на воду, человеческий лагерь не был виден. Видны были лишь волнистая линия холмов, обрамленная зеленью, и яркий песок, и океан. Волны набегали на берег, гонимые ветром, и деревья пели под его порывами. Песня Ветров. Черные тучи проносились по небу. Деревья раскачивались, клонились под ветром. Волны с грохотом накатывались на песок.

Песня Ветров.

— Джефф, я начинаю готовиться к контакту! — сказала как-то вечером Лаура. Она на минутку перед сном забежала к нему.

— Хорошо,— без всякого энтузиазма откликнулся Джефф.

Но она была так возбуждена, что не заметила его равнодушия.

— Теперь мы будем работать вместе! Теперь я увижу, что собой представляет эта планета... так же, как ты.

Он вымученно улыбнулся. Она продолжала болтать, и Джеффу пришлось сказать ей:

— У меня довольно напряженный распорядок дня, Лаура, и я вымотался окончательно. Извини, но мне пора ложиться.

— О,— воскликнула она несколько удивленно.— Конечно же! И мне, наверное, тоже нужно спать. У меня, вероятно, будет такое же расписание, как и у тебя, верно?

Он кивнул и по возможности вежливо выпроводил ее за дверь.

«Деревня» направила на планету несколько экспедиций, чтобы вживить в мозг обезьян и волкотов радиодатчики.

В первой группе двое исследователей погибли, когда они начали вводить зонд волкоту, который не был достаточно крепко усыплен. Зверь проснулся и разорвал людей на куски, прежде чем кто-либо успел вмешаться. Пришлось убить его из лазерных пистолетов.

Краун видел, как все это произошло. Но сделать он ничего не мог. Сначала люди перепугались, потом их охватил охотничий

азарт, и они в тот день убили трех волкотов, просто взяли и убили Краун потихоньку убрался из лагеря и держался от него подальше до тех пор, пока люди в странно пахнущих надутых костюмах не скрылись благополучно в своем огнедышащем корабле. Тогда Краун вышел на пляж и проследил за их отлетом. Когда корабль уже исчезал в облачном небе, Краун прорычал ему вслед.

— Какие отвратительные злобные твари!— сказал один из уцелевших доктору Холмену. Он был приглашен к Холменам на обед. Лоб его закрывала напыленная повязка: он разбил голову о внутреннюю поверхность гермошлема, спасаясь от рассвиревшего волкота, который убил его друзей.

Джефф выждал несколько минут, потом извинился и, не дожидаясь конца трапезы, ушел к себе.

Отец не обратил на этот случай никакого внимания. Однако мать Джеффа стала следить за ним внимательнее.

Все новые и новые экспедиции отправлялись на поверхность планеты. Появлялись новые раненые и убитые.

Один из биологов неосторожно наступил на тонкий чувствительный отросток, выслеживая небольшую семью обезьян в лесу к северу от лагеря на побережье. Прежде чем он успел расчистить путь, усеянные шипами ветви растения в десятке мест пропороли его скафандр. И хотя ядовитые соки растения до него не добрались, насыщенный метаном воздух Песни Ветров сильно обжег ему легкие. Друзья сумели доставить его в «Деревню» еще живым, но медики только и смогли, что погрузить его в глубокий *анабиоз, пока из кусочка его собственных тканей не будут* выращены новые легкие.

По прошествии нескольких недель люди установили, что обезьяны и в самом деле мигрируют в это время года, направляясь на юг, чтобы укрыться от надвигающихся зимних холодов и бурь. Волкоты благоденствовали — во многих обезьяньих семьях находились детеныши и старики, слишком слабые для изнурительного путешествия и неспособные защищаться. Здоровые самцы и самки могли позаботиться о себе и о нескольких беспомощных детенышах. Старики же обычно путешествовали в одиночку, а если даже и шли с семейством, то защищаться им приходилось самим, обезьяны помоложе больше занимались защитой собственных детенышей. А против волкотов старики долго продержаться не могли.

Частично потому, что на этом настаивал Джефф, частично из-за того, что рано или поздно это все равно пришлось бы сделать, одна из экспедиций на планету окружила семью волкотов, занимавшую территорию в холмах прямо над береговым лагерем. Всех волкотов удалось усыпить (на сей раз очень крепко), и каждому был вживлен в мозг радиозонд.

Теперь они находились под контролем, и Краун получил наконец возможность бродить по «их» лесам и охотиться там.

Однако его по-прежнему не принимали в их семью. Краун знал, что по ночам, когда люди предоставляли животных самим себе, он должен покидать лесистые холмы и спускаться обратно

на пляж, который был «его» территорией. И Краун спал среди мертвых машин, в то время как остальные волкоты спали наверху, в холмах, среди деревьев и всякой живности.

Не одна неделя ушла у Джеффа на то, чтобы набраться храбрости и попросить у Аманды разрешения сфотографировать ее. Аппарат он носил с собой каждый день.

Однажды утром, придя в лабораторию, он вдруг выпалил все заранее заготовленные слова.

— Мою фотографию? Зачем?

Джефф понял, что пути к отступлению отрезаны, хотя от смущения был готов просочиться сквозь щель под дверью.

— Ну...— сказал он, пытаясь выкрутиться,— мы же друзья, и каждый день работаем вместе, и... ладно. Мне просто хотелось бы иметь твое изображение.

Он и сам понимал, как все это нелепо и неубедительно звучит.

Но Аманда только улыбнулась в ответ:

— Конечно, почему бы и нет. И я возьму твое фото. Почему бы друзьям не обменяться фотографиями, как ты думаешь?

Сердце Джеффа чуть не выпрыгнуло из груди. Нащупывая в кармане фотоаппарат, он взволнованно кивнул:

— Да... это правильно.

Проснувшись, Краун обнаружил, что окоченел от холода. Ветер в бешенстве метался по пляжу, наметая горы песка возле строений и машин. Океан был серым и студеным, еще серее было небо. Смутным заревом свет Альтаира пробивался над облачным горизонтом океана.

Ночью прошел снег, темный хрупкий зимний снег. Краун медленно поднялся и отряхнул налипшие снежинки. Откуда-то ему было известно, что, если эти хлопья останутся на нем надолго, они могут проесть мех и обжечь кожу.

Обезьяны еще спали, засыпанные сероватыми хлопьями снега. Краун заворчал, и они моментально вскочили.

Их насчитывалось теперь уже больше десятка, и они спали вповалку под укрытием старого, наполовину завалившегося здания. Крыши на нем не было, одна стена успела обрушиться.

Самая крупная из обезьян села, неловко сложив ноги перед собой. Увидев Крауна, она уставилась на него потемневшими от страха и злобы глазами. Потом вдруг вздрогнула; судорога, словно толчок землетрясения, прокатилась по всему ее телу. Обезьяна засопела, почти захныкала и замотала головой, как бы пытаясь отделаться от жужжащего рядом с ней (или внутри ее) насекомого. И отвернулась от Крауна.

Эта обезьяна была под контролем. Да и все остальные тоже.

Краун следил, как они медленно собрались вместе и заковыляли на четвереньках к холмам, чтобы подкрепиться поутру корешками, побегами кустарника и маленькими ползучими зверьками. Даже находясь под контролем, обезьяны держались как можно дальше от новых построек.

Внутри этих ярких и блестящих построек работали машины.

Машины грохотали и пульсировали, день и ночь от них разносились странные шумы и еще более странные запахи. Хотя новые постройки и были теплыми на ощупь, а ночи становились все холоднее, ни обезьяны, ни Краун по своей воле не подходили к ним близко. Все они располагались на ночлег подальше от гудения машин — насколько позволяли управлявшие ими люди.

Краун понимал, что раз обезьяны находятся под контролем, то и живущая в холмах семья волкотов тоже не избежала этой участи. Поэтому он приступил к своей обычной утренней пробежке вверх по травянистым склонам, мимо мирно жующих обезьян, чтобы присоединиться к семье, которая терпела его,— правда, пока ее члены находились под наблюдением людей.

Пройдя около половины пути вверх по склону, Краун на миг остановился, обернулся и взглянул на лагерь.

Обезьяны уже закончили еду и приступили к работе. Стоя на задних лапах, они подбирали тускло мерцавшие металлические детали и собирали из них новые механизмы и постройки. Движения их были медленными и неуверенными из-за страха, полностью преодолеть который не позволял никакой контроль.

Краун заворчал. Эти непонятные человеческие машины не были живыми, но они, казалось, дышали и бормотали что-то свое, как живые. И что еще ужаснее — становилось все труднее удержаться от сна возле этих новых машин. Несколько дней назад одна из обезьян без всяких видимых причин свалилась и вскоре умерла. Остальные разбежались, но Крауну с его «приемной» семьей волкотов удалось выследить их и рычанием и угрозами пригнать обратно в лагерь. Мертвую обезьяну перед заходом солнца два волкота оттащили подальше.

Краун и сам замечал, что новые машины вызывали у него сонливость и головокружение.

Это воздух. Машины вырабатывают кислород и азот. Для существ, дышащих метаном, такой воздух не годится.

Краун сердито фыркнул. Даже здесь, почти у гребня холмов, чувствовался сильный запах машин. И с каждым днем он, по-видимому, становился сильнее.

Все утро заняла охота. Теперь Краун охотился уже не в одиночку, а вместе с волкотами, живущими на холмах. В семье было восемь взрослых и пятеро детенышей — достаточно больших, чтобы ходить на охоту, но еще слишком молодых, чтобы помогать взрослым. Они только наблюдали и учились.

В лесах еще оставались антилопы, хотя по мере приближения зимы их становилось все меньше. Волкоты образовывали полукруг с подветренной стороны и посылали двоих самых крупных и опытных самцов осторожно прокрасться по флангу стада. Они исполняли роль загонщиков. Рано или поздно антилопы учуивали запах волкотов и громадными прыжками разбегались от опасности — чтобы попасть в полукруг ожидающих их охотников.

Каждый день волкоты добывали таким способом трех-четырех антилоп. Стадо, казалось, не извлекало никаких уроков из происходящего. Изо дня в день повторялось одно и то же,

и всякий раз несчастные животные бросались прямо в засаду.

Но с каждым днем стадо убывало. И уходило все дальше на юг. Антилопы, как и обезьяны, в это время года мигрировали. Но шли они медленно. Пока на их пути были трава и кустарники, которыми они питались, животные не торопились.

И все же они устойчиво держали курс на юг, и с каждым днем расстояние до лагеря, которое волкотам приходилось одолевать с убитыми антилопами, все увеличивалось. Часть мяса волкоты съедали, остальное оставляли обезьянам. Но, несмотря на доставляемый волкотами провиант, обезьяны на глазах чахли. С каждым днем они теряли в весе и двигались все медленнее.

В тот день снег впервые выпал до заката солнца. Далеко за полдень черные как сажа хлопья стали падать сквозь листву деревьев, как раз когда Краун помогал тащить дневной «улов» через подлесок. Он зарычал на снег. Снег убьет траву, и антилопы вынуждены будут идти еще дальше на юг. Уже теперь почти целый день уходил на то, чтобы найти стадо, настигнуть и убить животное и притащить его на берег.

Когда Краун, задыхаясь и ворча от изнеможения, вместе со своей ношей достиг точки, откуда был виден лагерь, он обнаружил двух обезьян, которые лежали на земле. Остальные в каком-то безумии кружили возле своих мертвых сородичей — они не разбегались и не работали. Просто ходили кругами на задних лапах, передними потрясая над головами как бы в ужасе или отчаянии.

Обычно волкоты оставались на вершине холма на опушке леса. Их дело — спустить туши убитых по траве на середину склона холма, который вел к берегу, и оставить их там, а самим вернуться на вершину. Обезьяны поднимались на склон и забирали мясо.

Но тут Краун бросил свою ношу и повернулся к остальным волкотам. Они тоже побросали добычу и уставились на лагерь. Казалось, они примерзли к месту, ветер вздыбливал серую шерсть, когти впились в землю, они рычали и повизгивали про себя, словно преодолевая что-то, что творилось в их собственных головах. Затем по одному, очень медленно, неохотно стали спускаться к лагерю. Мускулы у них судорожно сжимались и разжимались, как будто их одновременно тянули в двух разных направлениях.

Краун принял на себя командование. То рычанием, то подталкиванием он отправил двух волкотов в разные концы лагеря, чтобы обезьяны не разбежались. Потом он подтолкнул двух волкотов помоложе к телам мертвых обезьян.

Сам Краун направился прямо к обезьянам, не обращая внимания даже на то, что в зданиях возле них злобно стучали машины и там было трудно дышать. Грудь защемило, казалось, в ней разгорается пожар. Краун торопливо подхватил зубами и передними лапами одну из обезьян и потащил ее прочь. Два других волкота следили за его действиями, потом взялись за другую обезьяну.

С великим трудом — перед глазами плясали огненные круги — тащил Краун тело мертвой обезьяны вверх по склону, подальше от ненавистных машин.

Было уже темно, когда он сдвинул коробку старого строения, чтобы остальные обезьяны могли устроиться на ночлег. Краун наблюдал, как они сбились в кучу в своем полузаваленном жилище, тесно прижались друг к другу, хныча и жалуясь.

Ростом три метра, весят две с половиной тонны каждая, а хнычут, как сосунки!

Им страшно, Берни. Они напуганы до смерти. Поразительно, что дети справляются с ними.

В этот вечер Джефф пришел домой, чувствуя в себе усталость Крауна и что-то еще, более глубокое. Он не понимал, что это могло быть, но это очень сильно тревожило его.

Мать взглянула на него и сказала:

— Ну, это уж слишком.— Повернувшись к мужу, она добавила:— Питер, с меня довольно. Для Джеффа это непосильный труд. Пора с этим кончать.

— Нет!— одновременно вскричали Джефф и доктор Холмен.

Отец сидел на софе в гостиной, Джефф стоял в дверях, шагах в шести от него. Мать находилась рядом с сыном.

— Мы не имеем права прервать работу,— сказал доктор Холмен.— Слишком хорошо пошло дело.

— Скажи лучше — слишком плохо,— возразил Джефф.— И день ото дня хуже.

— О чем это ты?— удивленно спросил доктор Холмен.— Пойди сюда и сядь рядом. Ты и в самом деле выглядишь усталым. Как ты спал?

Джефф устало проковылял к софе и сел рядом с отцом. Миссис Холмен поставила стул рядом с ними.

— Я спал весь день,— ответил Джефф.— Но Крауну и другим животным... им плохо. И с каждым днем им становится хуже.

— Это случилось сегодня?

Джефф все рассказал им.

Отца это, как видно, совсем не тронуло. Он улыбался, кивал, будто Джефф говорил о том, как сыграла его команда в футбол.

— Понятно, почему ты так расстроен,— заявил он, когда Джефф кончил.— Ты немного смущен, потому что слишком сблизился с этим животным.

— Но они же умирают! Обезьяны... да и волкоты тоже скоро начнут, если мы...

— Естественно, они умирают,— спокойно заметил доктор Холмен.— Мы начали изменять атмосферу планеты. Мы не можем дышать метаном, а уроженцы этой планеты не могут дышать кислородом. Так что, разумеется, они вымрут.

У миссис Холмен был испуганный вид.

— Как, неужели все? Мы всех убьем?

— Нет, как можно!— воскликнул доктор Холмен.— Только в равнинных районах северного полушария. На будущее у нас

еще останется для изучения множество образцов местной фауны и флоры. Анна Полчек ни за что не позволила бы нам очистить всю планету, даже если бы у нас хватило для этого техники.

У Джеффа разболелась голова.

— Но вы же убьете обезьян, которые вам помогают! И волкотов... Крауна!

— К сожалению, да. Боюсь, другого выхода нет. Мы должны обосноваться на Альтаире VI. И рано или поздно эти животные умрут. Одно из двух: или мы, или они.

— Но это несправедливо!— выпалил Джефф.— Это же их планета. Песня Ветров принадлежит им, а не нам.

— Песня Ветров?— удивилась мать.

Джефф пожал плечами.

— Это... Так я называю эту планету... Как-то в контакте с Крауном... я его вроде бы услышал, это название.

— Альтаир VI,— жестко сказал доктор Холмен.— Мы должны подготовить планету для всеохватывающей колонизации. Видит бог, мало хорошего представляет собой этот мир для колонизации, но сколько мы ни искали, лучшего не нашли. Моя задача — как можно скорее сделать планету по возможности похожей на Землю. Чем я и намерен заниматься, и пусть вымирают при этом местные формы жизни. Другого пути нет.

Джефф упрямо тряхнул головой.

— Все равно это несправедливо!

— Ты же знал о наших намерениях,— возразил отец. — Ты даже сам вызвался нам помочь!

— Но я... я не представлял себе, что мы будем убивать животных. Я думал, мы организуем колонию в одной какой-то части планеты, а они будут жить в другой.

— Это невозможно,— равнодушно ответил доктор Холмен.— Невозможно, чтобы над одной половиной планеты атмосфера состояла из кислорода, а над другой — из метана, во всяком случае, это не может продолжаться долго. Правда, пройдут десятилетия, прежде чем вся атмосфера станет кислородной. Счастье, если в течение ближайших пяти лет мы сумеем привезти на планету полмиллиона человек. И им придется жить под искусственными сводами почти всю свою жизнь.

— А все местные животные и растения погибнут?— спросила миссис Холмен.

— В конечном счете — да.

— Это же убийство!— вскричал Джефф.— Вы заставляете меня убивать Крауна и всех...

— Замолчи!— рявкнул отец.

— Но...

— Да выслушайте вы меня! Не в игрушки мы здесь играем. Жизнь миллионов... миллиардов людей поставлена на карту. Смотрите... и постарайтесь извлечь из этого урок!

Доктор Холмен отклонился назад, к другому краю стола, и набрал на панели видеомагнитофона несколько цифр.

— Если бы ты внимательнее изучал в школе подобные записи...— проворчал он, в то время как на противоположной

стене загорелся экран.— Это последние известия, они были записаны на пленку за неделю до нашего вылета с Земли. Посмотри-ка на них хорошенько... на все до последней.

Все трое притихли и устремили взоры на экран. Джефф сидел как изваяние — голова гудела, сердце глухо билось в груди, когда он увидел несметные толпы растерянных, обезумевших от страха людей, которые пробивались к больницам. На город обрушился зловещий, казалось бы, давно побежденный недуг — туберкулез, и люди осаждали медицинские центры в надежде на чудодейственную вакцину.

Пленка сменилась, показались зеленые поля Нью-Мексико. Бесконечно тянулись тщательно ухоженные гряды овощей, их пересекали широкие ирригационные каналы. Но голос диктора пояснил, что поля находятся под угрозой засухи — в Южной Калифорнии сильное землетрясение вывело из строя два завода-опреснителя морской воды, которые питали ирригационную систему. Кроме того, федеральные власти, оказавшись перед выбором — дать воду потерявшим кров жертвам землетрясения или полям, которые кормили миллионы людей,— отдали предпочтение пострадавшим горожанам.

Новости продолжались. Игра в хоккей, во время которой забито рекордное количество шайб, сменилась показом убийства политического деятеля в Японии. Возле берегов Ньюфаундленда шторм потопил несколько рыболовных судов, по крайней мере сто рыбаков погибли.

На протяжении всего репортажа голос диктора оставался безучастным — казалось, его не трогали ни смерть, ни разрушения. Всего-навсего один день из жизни планеты.

Экран опустел.

Отец повернулся к Джеффу и сказал:

— Это обычный день на Земле, еще одно-два поколения людей будут жить не лучше. Может быть, даже хуже. Только мы можем помочь... перестроив эту планету так, что на ней смогут жить люди. Все зависит от нас. В наших руках судьба человечества. Разве оно не стоит жизни нескольких диких животных?

Джефф знал, какого ответа ждет от него отец, и ему самому хотелось бы так ответить. Но вместо этого он пробормотал:

— Выходит, мы разрушили собственную планету, а теперь принимаемся за чужую?

Он поднялся и направился в свою комнату, прежде чем ошеломленные родители успели ему ответить.

Они оставили Джеффа в покое. Он слышал, как они спорили ночью, иногда довольно громко. Но в его комнату не заходили.

На следующее утро Джефф, как всегда, поднялся рано, проглотил несколько таблеток, выпил сок из концентратов и направился в лабораторию контакта. Правда, теперь это было нечто большее, чем простая лаборатория. Добавились новые помещения, новое оборудование. Кабинеты были разбросаны по всему этажу. Несколько десятков ребятишек приходили туда теперь каждое утро.

— Приветик, Джефф!

Джефф повернулся и увидел, что к нему спешит Лаура Полчек.

— Сегодня я буду работать с одним из волкотов... Это мой первый день!

Он выдавил из себя улыбку.

— Желаю удачи!

Некоторое время они шли молча. Впереди них к Центру контактов, смеясь и перебрасываясь шутками, направлялись другие ребята.

— Доктор Карбо сказал, что скоро контактировать научат столько ребят, что работать придется всего по нескольку часов в день. Тогда и тебе станет легче.

«Больше детей — больше убитых животных, — подумал Джефф.— *Неужели только меня это волнует?»*

— Вечером в субботу я буду отмечать свой день рождения,— продолжала Лаура.— Я спрашивала доктора Карбо, можно ли тебе не работать в воскресенье, и он...

— О чем спрашивала?

Лаура испуганно взглянула на него, удивленная его гневным тоном.

— Я... Я спросила доктора Карбо...— начала она дрожащим голосом.

— Прекрасненько! У нас тут звери умирают, стада антилоп уходят все дальше от лагеря, а тебя волнует, как бы получше провести вечеринку. Здорово!

Лаура покраснела.

— Ну и ладно. Подумаешь, возомнил о себе! Только потому, что тебе первому удалось установить контакт, ты не имеешь права вести себя так, будто это только твое дело!

— А если имею?— вспылил Джефф.— Может, только мне одному и есть дело до того, что творится там, внизу, на планете? А вы все только и мечтаете, как бы поменьше работать и улизнуть на вечеринку.

Она встала посреди аллеи, уперев руки в бока.

— Не очень-то кидайся на меня, Джефф Холмен. Всем известно, почему ты так много времени уделяешь работе!

— Что известно?

— Все известно!— кричала Лаура.— Как ты кружишь вокруг Аманды на задних лапках... словно дрессированная собачонка!

Джефф почувствовал, как внутри у него все оборвалось.

— К-ааа-к?..

— Не притворяйся, будто ты не понимаешь, о чем я говорю,— уже не так громко, но все тем же пронзительным голосом сказала Лаура.— Ты все время околачиваешься возле Аманды. Ты даже сфотографировал ее, разве не так? Где у тебя фотография — под подушкой?

Ответ застрял у Джеффа в горле. Он поднял было руки, потом уронил их и молча заковылял мимо Лауры по зеленой тропе к Центру.

Совсем один.

Краун искал стадо целый день. Оно исчезло. Краун и другие волкоты вышли на охоту, как всегда, на рассвете. Но антилоп нигде не было. Будто сквозь землю провалились.

Волкоты то тут, то там обнаруживали следы антилоп: съеденная до проплешин на земле трава, вмятины от копыт, даже запах антилоп остался. Но самих животных не было ни в километре, ни даже дальше от лагеря — стадо исчезло, испарилось за ночь. Возможно, им стало слишком холодно, и они бежали дальше на юг.

Один за другим волкоты оставляли бесполезные поиски и принимались вынюхивать хоть что-нибудь, пригодное для их пустых желудков. В конце концов один только Краун продолжал охоту на антилоп.

И вот, когда дневное солнце уже начало прятаться за лесом, Краун остановился на открытой поляне, простиравшейся к югу. Стадо ушло, его нигде не было видно. Теперь, если бы он даже нашел хотя бы одну антилопу, ему не успеть до ночи дотащить ее в лагерь и накормить обезьян. Да ему и самому до темноты не добраться до места.

С тихим ворчанием Краун повернул к лагерю.

Было холодно. Ветер пронизывал насквозь. Снег вытравил длинные полосы травы. Серые, будто хлопья сажи, снежинки, казалось, сжигали все живое, стоило пробыть в соприкосновении с ними несколько часов.

Но деревья не сбросили листвы.

Да. Видно, она так и остается на деревьях в течение всего года. Наверное, листья каким-то образом стряхивают с себя снег.

Леса, казалось, вымерли. Животные либо ушли на юг, либо попрятались под землю на время зимы. И не было вокруг волкотов, которые стали бы сражаться с Крауном за то, что он вторгся на чужую территорию,— единственно, кто остался, это семейство волкотов там, возле лагеря — контролируемые волкоты. Но еды нет...

И тут Краун заметил какое-то движение в кустах. Кто-то живой. До него донесся незнакомый очень слабый запах. Но если это живое существо, его можно съесть!

Краун медленно, водя носом по земле, пополз под куст. При слабом свете заходящего солнца он разглядел диковинное, никогда прежде не виданное им животное.

Оно было длинное и тонкое. У него не было ног. Тело круглое, толщиной с заднюю ногу антилопы или в четверть толщины собственной передней ноги Краун. Трудно было сказать, какой оно было длины, потому что тело кольцами обвивало стволы кустов.

Краун фыркнул на змею. Она выглядела достаточно безобидной и съедобной. Он попытался ухватить ее зубами.

Но змея оказалась проворнее: откуда-то сзади вынырнула ее голова с открытой пастью, в которой угрожающие торчал частокол ядовитых зубов. Змея злобно зашипела.

Краун заколебался. Часть его мозга, контролируемая Джеффом, предупреждала об опасности, о том, что змея,

возможно, ядовита. А другая часть говорила ему, что змея маленькая, а потому ничего опасного в ней нет. И его пустой желудок принял окончательное решение.

Своими передними лапами волкот придавил извивающуюся змею к земле. И одной средней лапой нанес ей убийственный удар по голове. Но змея успела впиться своими ядовитыми зубами в среднюю лапу. Краун почувствовал, как его пронзила жгучая, опаляющая боль. Лапу жгло невыносимо.

Краун рухнул на землю, прямо на тело убитой змеи.

Отключай! Убирай контакт немедленно!

Краун не мог двигаться, не мог дышать. В мире для него ничего не осталось, кроме ослепляющей, сводящей с ума агонии. Он... открыл глаза и увидел белый потолок.

— Краун!— закричал Джефф.

Доктор Карбо обхватил мальчика за плечи и снова уложил его на ложе.

— Тише! Успокойся!

— Он умирает! Я пытался ему подсказать...

— Ты ничем не можешь ему помочь. Успокойся.

Джефф увидел лицо Аманды.

— В этом нет твоей вины, Джефф. И ничем ты не поможешь...

— Но он же умрет!

Они окончательно освободили его от контакта и дали выпить что-то горячее, горькое. Джефф сидел на краю ложа, как в тумане. Доктор Карбо вернулся к контрольной панели.

— Зонд продолжает передавать сигналы... Он жив... но признаки жизни очень слабые.

— Он умирает,— снова пробормотал Джефф.

Аманда села рядом с ним и обняла его за плечи.

— Ну, не надо так... Краун — старый сильный кот. Он выживет.

— Позвольте мне снова вступить с ним в контакт. Может быть, я все же сумею ему помочь.

Карбо повернулся к Джеффу. Лицо его было похоже на темную торжественную маску.

— Нет,— решительно заявил он.— С тобой будет нервный припадок — вот и все, чего ты таким образом добьешься. Если яд подействует, то он подействует в любом случае — будешь ты в контакте со зверем или нет. Если не подействует... Обещаю, мы будем следить за сигналами от радиодатчика. Если в эту ночь он не погибнет, возможно, он вообще останется жив и невредим.

Пытаясь сдержать подкатывающие к горлу слезы, Джефф что было силы вцепился в край ложа.

— Стоит, пожалуй, посоветоваться с доктором Холменом и Анной Полчек,— озабоченно сказал доктор Карбо.— Эти проблемы с питанием изведут кого хочешь.

Аманда кивнула.

Как только Карбо вышел из комнаты, Джефф припал к Аманде. Не в силах больше сдерживаться, он зарыдал.

— Ничего,— тихо успокаивала его Аманда.— Ничего. Все обойдется.

Когда Джефф очнулся, он не сразу сообразил, где находится. Это не его комната и не Центр контактов. Вокруг было темно, только с потолка пробивался слабый свет. Слегка повернув голову, Джефф обнаружил, что лежит на кровати. И что кровать со всех сторон чем-то занавешена.

Это лазарет.

Где-то близко гудели, напряженно шипели голоса — шел неприятный разговор полушепотом.

«Аманда, должно быть, дала мне снотворного,— догадался Джефф.— *И они поместили меня сюда, чтобы врачи следили за мной».*

— Ничего с ним не случится, — проскрежетал чей-то голос, похоже, доктора Карбо.— Он просто измотан и эмоционально истощен. Уж очень он привязался к этому животному.

— Вы не имели права допустить это,— прозвучал голос отца.— Я ведь каждый божий день спрашивал вас, не слишком ли тесно он связан со зверем, и вы всегда уверяли меня, что нет никакой опасности. И вот — пожалуйста!

— Но все его показатели были отличные.

— Показатели! Вы бы еще взяли температуру моей бабушки! Какие к черту показатели, если мой сын без сознания?

— Он не без сознания. Мы просто поместили его сюда для врачебного наблюдения.

— Напрасно вы спорите,— вмешался еще один голос.— Главная проблема: что нам делать там, на планете? Как мы будем кормить обезьян, чтобы они продолжали работать и при этом не дохли?

Джефф узнал голос Анны Полчек.

— Защитить их от кислорода, пока работают преобразователи, мы не можем,— прошептал доктор Холмен.

— Значит, нужно отключать технику, когда обезьяны трудятся возле машин.

— Да. Я тоже так считаю. И нужно найти им пристанище достаточно далеко от машин и в таком месте, где бы ветер не дул на них со стороны машин, когда они в рабочем режиме...— Джефф почти явственно увидел, как его отец безнадежно качает головой.— Правда, на это уйдет вдвое больше времени.

— Другого не дано,— возразила Анна Полчек,— если вы хотите, чтобы ваши работники остались в живых. Берни, как твои ребята — достаточно хорошо управляют обезьянами?

Джефф представил себе, как доктор Карбо пожал плечами.

— Пожалуй, да. Хотя большинству все же не удается достаточно жесткий контроль. Обезьяны дьявольски сопротивляются. Они же до смерти напуганы, и ребятам приходится нелегко. Но те изменения, которые вы предлагаете, должны облегчить их задачу.

— Это хорошо.

— Но есть проблема посложнее,— сказал доктор Холмен.— Проблема питания. С тех пор как ушли антилопы...

— Можно синтезировать пищу для них,— сказала Анна Полчек.

— Станут ли они есть ее?— засомневался Берни Карбо.

— Не станут есть — умрут с голоду,— ответил отец Джеффа.

— Или уйдут.

— Пока они под контролем, не уйдут.

— В таком случае придется держать их под контролем все двадцать четыре часа в сутки.

— Достаточно ли у нас для этого ребятишек?

— Придется подключить еще несколько человек. Но обычно поначалу они неважно справляются со своей задачей.

— И все-таки придется подключить,— потребовал доктор Холмен.

— А почему бы не передвинуть лагерь на юг, туда, где погодные условия лучше?

— И перечеркнуть год работы в этом районе? Кроме того, здесь идеальные метеорологические условия. Когда преобразователи начнут работать в полную силу, именно отсюда кислород, который они будут вырабатывать, наилучшим образом распространится по всему северному полушарию планеты. Нет уж, это место было выбрано самым тщательным образом. Лучше не придумаешь.

— Но не для животных.

— К черту животных! Все равно они рано или поздно вымрут!

Джефф так стиснул зубы, что у него свело скулы.

И тут Джефф принял решение.

Голоса смолкли. Джефф слышал, как все трое вышли. Джефф оставался в постели, пока у него хватило терпения, затем сел. В комнате было темно. Значит, еще ночь. Он тихо, со всей осторожностью, вылез из кровати и раздвинул занавески. Как он и думал, за занавеской оказалась еще одна комната с тремя кроватями. В ней никого не было. Джефф проскользнул в туалет и нашел там свой аккуратно сложенный комбинезон и туфли. Он быстренько переоделся, бросив больничную одежду на пол.

Он подошел к двери и немного приоткрыл ее. В коридоре было пусто. Часы... Джефф нащупал в кармане комбинезона часы и надел их на руку. Они показывали четыре часа утра. Ничего удивительного, что в коридоре лазарета никого не было. Все спали. Но скоро там, на Песне Ветров, где находился Краун, наступит рассвет. Джеффу необходимо быть там при восходе солнца.

В конце коридора он увидел установку для обследований. К счастью, его кровать не была подсоединена к ней — его же положили сюда только для того, чтобы он пришел в себя. А не то поднялась бы тревога, едва он встал с постели. Одна-единственная дежурная медицинская сестра дремала возле установки.

Перед ней на панели слабо светились два небольших экрана. Значит, на обследовании находились два пациента.

Джефф ухмыльнулся, радуясь пришедшей в голову мысли.

Он потихоньку выскользнул из своей комнаты и, прижимаясь к стене тускло освещенного коридора, юркнул в следующую палату. Там лежали обследуемые пациенты. Над их кроватями висела довольно большая полка с приборами, на которой горели зеленые и желтые лампочки. Джефф на цыпочках подкрался к ближайшей кровати и нажал кнопку вызова.

Потом бросился к двери и спрятался за нею.

И вовремя.

Сестра распахнула дверь, вбежала в комнату и устремилась к кровати, возле которой в темноте краснела лампочка вызова. Джефф, согнувшись в три погибели, обежал дверь и помчался к выходу. Он услышал, как хмыкнула удивленная сестра.

Оказавшись на зеленой аллее, он поспешил к лаборатории контактов. Он влетел в кабинет, зажег свет и сел за ближайший стол. Откинув волосы со лба, нажал ключ и скомандовал компьютеру:

— Аманду Корли, пожалуйста.

На экране не появилось изображения, но Джефф услышал сонный голос Аманды:

— Ч-ч-что...что там еще?

— Аманда, это я, Джефф. Я в лаборатории. Ты мне нужна, здесь, сейчас.

— Джефф?— Кажется, она поперхнулась.— Ты в... Что ты делаешь в лаборатории? Каким образом ты вышел из лазарета?

— Неважно. Мне необходимо быть с Крауном, когда он проснется на рассвете. Это необходимо! Ты согласна помочь мне?

— Ты не имеешь права...

— Если ты откажешься, Аманда, я все сделаю сам. Мне необходимо быть с ним, когда он проснется. Это вопрос жизни или смерти!

— Джефф, ты сошел с ума!

— Так ты мне поможешь? Да или нет?

Она колебалась какой-то миг.

— Ладно. Помогу. Только ничего не трогай, пока я не приду.

— Хорошо. Но никому об этом не говори.

— Ну и достанется же нам за это,— сказала Аманда.

Когда Краун проснулся, боль все еще пульсировала в ноге. Но дальше она не распространилась. Он видел, он дышал. И сердце продолжало биться.

Он приподнял свою огромную голову с земли. Всю ночь напролет шел снег, и ему пришлось, преодолевая боль, с трудом встать, чтобы стряхнуть с себя зудящие, обжигающие тело хлопья. Укушенная змеей нога не сгибалась, ее, видимо, парализовало.

Но он жив!

И, как всегда, голоден. Он посмотрел на убитую змею, наполовину засыпанную снегом. Сбросив со змеи серый снежный

покров, Краун понюхал ее. Джефф в нем проявлял осторожность — волкот помнил о змеином яде. Сам же Краун руководствовался только сигналами, которые в изобилии поступали от его голодного желудка.

Они пришли к компромиссному решению. Краун зажал передней лапой голову змеи, где находились железы, вырабатывающие яд, и впился зубами в ее длинное,скрученное кольцами тело. В нем оказалось больше костей,чем мяса, зато его было много — змея была длиной по меньшей мере метров в пять. А может, и того длиннее.

Почувствовав себя лучше, но еще страдая от укуса, Краун побрел к лагерю.

Было холодно. Казалось, с каждым днем становится холоднее, серее, все чаще идет снег. Краун медленно хромал по горному хребту, и сквозь разрывы в кустарнике на склоне гор видел океан, серый и холодный. А небо было еще серее, и даже упрятанный под снегом берег был серый и мрачный. К вечеру сажистый покров таял, но что ни день, снег все дольше оставался на земле, не поддаваясь лучам солнца.

В лесу не ощущалось никакого движения. Краун мог бы поклясться, что единственное живое существо в лесу — это он. Даже листья на деревьях съежились от холода. Ветер вздыбливал мех на загривке Крауна и заставлял волкота низко пригибать голову к земле, в то время как он с трудом тащился к лагерю.

Краун знал — путь предстоит долгий. Долгое, тяжкое, голодное возвращение в лагерь, с раненой ногой, которую будто на костре жгли, стоило ему шевельнуть ею.

Отключить!

Краун, хромая, продолжал идти по замерзшей траве, чувствуя, как скрипит под ногами снег-сажа.

Отключите его. Снимите напряжение. Животное поправляется, ему необходим покой.

Какое-то время все вокруг казалось Джеффу незнакомым, чужим. Ложе, яркий свет, белые стены и потолок. Аманда наклонилась над ним, улыбаясь.

— Нас поймали,— сказала она.

Джефф повернул голову и увидел, что рядом стоят доктор Карбо и отец. Лица обоих побелели от бешенства.

Но Джеффу было все равно.

— У Крауна все хорошо,— сказал он.— Краун будет жить.

— Снимите с него провода,— с трудом сдерживаясь, чтобы не закричать, сказал доктор Холмен.

Джефф возвращался домой вместе с отцом. Было раннее утро, и на тропинках им встречалось множество людей, спешащих на работу. Доктор Холмен ничего не говорил, Джефф тоже помалкивал.

Но едва дверь за ними закрылась и они очутились у себя в гостиной, доктор Холмен повернулся к Джеффу:

— Ты подумал, что ты сделал с матерью?

— С мамой?

— Из лазарета позвонили в половине пятого утра и спросили, не пришел ли ты домой. Подошла мама, и с ней потом была истерика.

— Но я...

— Сейчас все прошло. Она спит — приняла снотворное. Но у нее мог случиться сердечный приступ!

Джефф направился в спальню матери, но отец схватил его за руку.

— Джефф, я вижу, как на тебя подействовала эта... это животное. Вот почему я освобождаю тебя от работы. Никаких работ по контакту, по крайней мере на несколько дней.

Джефф слушал отца, испытывая такое ощущение, будто сквозь него пропускали ток.

— Ты этого не сделаешь!

— Сделаю! Больше того — я уже сделал это.

— Ты ничего не понимаешь!— вскричал Джефф.

— Понимаю, и гораздо больше, чем ты думаешь!— закричал в ответ отец.— Я все знаю про тебя и про эту черную...

— Как ты сказал?

— Про Аманду Корли. Ты просто влюбился в нее, разве не так? Даже ее фотографию повесил у себя в комнате.

— Это... мое дело,— задохнулся Джефф.

— Напрасно ты так думаешь,— оборвал его отец.— Это же смешно! Женщина вдвое старше тебя.

— Да еще и черная!

— При чем здесь это?!

— Ах, так — ни при чем?

— Нет, конечно. Но я не потерплю, чтобы женщина вдвое старше окрутила тебя... да еще в состоянии нервного истощения от этой работы.

Джефф почувствовал, как лицо его наливается кровью.

— Ты лжец! Ты злишься потому, что Аманда негритянка! И вы все напуганы, потому что животные не могут выполнить ту работу, которую вам нужно. Вы хотите убить их всех, вы готовы смести все, что стоит на вашем пути! Все и всех, лишь бы достигнуть желаемого.

Отец буквально отшатнулся от него. Лицо его покрылось бледностью, как от пощечины.

— Какой бес в тебя вселился, Джефф? Это...

— Оставь меня в покое!

И Джефф направился в спальню матери.

Следующие несколько дней для Джеффа прошли, как в тюрьме. Он, разумеется, был свободен в пределах «Деревни» и мог ходить всюду, только не в Центр контактов. А его, конечно, только туда и тянуло.

Он слонялся по зеленым аллеям, часами не вылезал из библиотеки, разглядывал в иллюминаторы планету.

Наконец он завалился на кровать в своей комнате и стал прокручивать видеоленты с программами новостей из библиотеки корабля. Перенаселенная, отравленная, опасная, запако-

щенная Земля. Кишащие толпами людей города, умирающие реки и озера, океаны, усеянные множеством кораблей, странствующих в отчаянных попытках найти пищу и другие ресурсы для постоянно растущего населения.

Вот таким, свернувшимся в комочек, и нашла его однажды мать, придя днем домой после уроков.

— Видишь, твой отец не преувеличивал,— мягко сказала она, стоя в дверях комнаты Джеффа.— Условия на Земле для большинства людей ужасающие. Вот почему нам нужен этот мир, и нам, и другим людям, нашим кровным братьям. Этот мир, и еще многие другие. Это тяжкая работа, отец делает ее во имя всего человечества.

Джефф не ответил. Да и что он мог ответить? Либо погибать людям Земли, либо погибать животным Песни Ветров. К тому же у него не было способа повлиять на решение. А решение уже было принято, даже до того как «Деревня» покинула Землю и направилась к Альтаиру. Песне Ветров суждено умереть, а на ее месте должна появиться новая Земля под названием Альтаир VI. Новая Земля?

Джефф вновь впился глазами в экран, где шла очередная лента новостей. Насилие, ненависть, ужас, смерть... Дать людям новый мир, чтобы они и его довели до таких же бедствий? И это то, ради чего они убивают Крауна?

Джефф задумался, что же он может поделать? Часами бился он в поисках выхода, но так и не находил его.

Ничего.

Ничего он поделать не может. Он помог им воспользоваться Крауном, чтобы начать долгий, медленный процесс уничтожения мира, который называется Песня Ветров. Собственный отец вовлек его в это предательство, предательство целого мира.

Однажды вечером сразу после ужина к нему заглянула Лаура. Джефф пошел с ней прогуляться. При родителях он разговаривать не мог. С отцом он и десятком слов не перемолвился с тех пор, как его отстранили от Крауна.

Лаура была сильно возбуждена.

— У меня для тебя хорошая новость, Джефф,— радостно заявила она, когда они бесцельно шли по тропинке.

— Что такое?— спросил он.

— Я сегодня была с Крауном!

— Точно?

— Да. Это был он, я знаю... Нога у него еще не совсем сгибается.

Джефф схватил ее за руку.

— Как он там? Еда у них есть?

Лаура встряхнула своими рыжими волосами.

— Отлично. Хотя, признаться, они изрядно голодали. Еды там никакой не осталось. Обезьяны заходят в океанский прибой и выкапывают моллюсков. Иногда им даже удается схватить рыбу. Но волкоты этого не едят.

— Что же они едят?

— Доктор Карбо сказал нам, чтобы мы заставили их

раскапывать в лесу норы. Так они набирают на пропитание зверьков, впавших в спячку. Не так, чтобы много, но волкоты только тем и живы.

Джефф покачал головой.

— Они должны были отпустить волкотов. Нельзя заставлять животных оставаться там, где нет пищи... И эти кислородные преобразователи... Обезьяны больше не умирали?

— Одна или две,— ответила Лаура.— Всякий раз, когда одна из них умирает, остальные пытаются разбежаться. Из-за этого и нужны волкоты... Чтобы удерживать обезьян на базе.

— Вот это плохо,— пробормотал Джефф.— Черное дело мы здесь творим.

Лаура прикоснулась к его щеке.

— Джефф... я тоже так думаю. И большинство ребят тоже. Но что мы можем сделать?

Он заглянул в голубые льдинки ее глаз: как бы ему самому хотелось знать ответ!

На следующий день Джефф постарался зайти в кафетерий в такое время, когда Аманда обычно завтракала там.

Проталкиваясь сквозь шумную толпу, Джефф высматривал ее в суете кафетерия. Большинство столиков было занято. По просторной комнате носились тысячи разных запахов, разговаривали сразу на тысячу разных тем. *«Краун здесь рехнулся бы»,*— подумал Джефф.

А вот и она! Однако Аманда сидела за двухместным столиком с доктором Карбо. Джефф попятился назад, наблюдая, как они о чем-то разговаривают, смеются. Зрелище это вызвало у Джеффа чувство, похожее на злость. Такого, он пожалуй, еще не испытывал.

Наконец Карбо встал, намереваясь уйти. Аманда поднялась было с ним, но он жестом остановил ее: она еще не кончила еду. Он показал на свои часы, она улыбнулась, кивнула в ответ.

Не успел доктор Карбо направиться к выходу, как Джефф моментально встал в очередь. Он выбил на клавиатуре селектора свой заказ, молоко с пирожком, получил поднос и двинулся прямо к ее столу.

Аманда встретила его широкой улыбкой.

— Привет, Джефф. Как самочувствие, получше?

Он поставил поднос на стол и сел в кресло напротив нее.

— Нормально. Аманда, надеюсь, у тебя не было из-за меня слишком больших неприятностей?

— Так, покипятились день-другой. Но мне удалось усмирить бурю.

— Ага.— Он совершенно не представлял себе, о чем говорить дальше.— А как... а как там дела на Песне... на поверхности?

Лицо Аманды посерьезнело.

— Разве отец не говорил тебе?

— Нет. Эти дни мы почти не разговариваем.

— О,— она на мгновение задумалась, потом сказала:— Да,

дела там идут не слишком хорошо. Биохимики приготовили синтетическую пищу для животных, но каждый раз, когда они сажают транспортную капсулу с пищей возле лагеря, все животные, даже волкоты, настолько пугаются, что отказываются приблизиться к ней. Ну, и еда попросту гниет.

— Изумительно,— Джефф постарался вложить в это слово все свое отвращение.— Я бы им и так сказал, ведь ничего другого и не могло произойти. Почему бы им не посадить капсулу где-нибудь не на виду, а потом просто послать туда Крауна и других волкотов?

— Послушай, а ведь это идея,— вскинула брови Аманда.— Как же это мне в голову не пришло?

— *Это потому, что тебе не приходилось бывать волкотом.*

— Или обезьяной,— улыбнулась она.

— Ага... Ну, идею я дарю. Подскажи доктору Карбо́ или матери Лауры...

— А почему ты не скажешь об этом отцу?

— Я же говорил,— ответил Джефф, качнув головой,— мы больше с ним не разговариваем.

— Что за глупости!— сказала Аманда.— В конце концов ты слишком ценный работник для всего проекта, чтобы дуться, как капризное дитя.

— Нет, здесь нечто большее. Мы... мы очень во многом не сходимся.

— В самом деле? Например?

— Так.— Джефф не мог смотреть ей в глаза.— Очень во многом.

— Включая меня?— мягко спросила Аманда.

Джеффа как током ударило.

— Как ты догадалась?

— Со мной случилось то же, когда мне было лет двенадцать. Я по уши влюбилась в одного из учителей. Я больше никого так не любила,— грустно произнесла она.

Джефф был слишком взволнован, чтобы отвечать. Он сидел, уставившись в поднос перед собой.

— *Джефф, милый, посмотри на меня,*— сказала Аманда.

Он подчинился. Она улыбалась ему. Тепло, с пониманием, почти с любовью. Почти.

— Джефф, через это проходят все. Это больно, я знаю, но скоро эта боль утихнет...

— Но я люблю тебя,— выпалил он.

— Знаю,— сказала она.— Я тебя тоже люблю, хотя и не так. Не надо стыдиться любви друг к другу. Но ты же знаешь не хуже меня, что мы не собираемся прожить вместе остаток нашей жизни. Это не такая любовь...

— Я... я не знаю.

— Зато я знаю,— мягко сказала она.

— Черт бы побрал моего отца, он прямо взбеленился от ярости!

— А ты как думал? Отцы, *они все такие. Вот подожди,* влюбится твой сын в женщину постарше!

— О! Когда это будет!..

Она рассмеялась.

— Вот увидишь! Придет день, когда ты встретишь девушку, с которой захочешь провести всю свою жизнь. И у вас будут дети, и ты станешь отцом. И тогда-то вспомни сегодняшний день.

— Я, наверное, по-дурацки вел себя.

— Ты вел себя очень мило. А уж если кто и вел себя глупо, так это я. Да еще дважды.

— Ты о чем?

— Ну...— она замолчала в нерешительности.— Первый раз, когда ты попросил разрешения сфотографировать меня — я должна была догадаться, что за чувства ты испытываешь ко мне. А второе... мне пора бы разобраться, что я сама чувствую по отношению к Берни, раз и навсегда.

— К доктору Карбо?

— У меня к нему довольно сильное чувство. Думаю, что и у него ко мне тоже,— задумчиво проговорила Аманда.

— Вот как!

— Надеюсь, ты не станешь ревновать, нет ведь?— Она пристально смотрела на Джеффа.

— Я... Не знаю.

— Я бы хотела, чтобы мы все трое опять работали вместе. Одному богу известно, как необходима наша помощь там, внизу, на планете.

Джефф кивнул.

— За меня можно не волноваться.— Он даже попытался улыбнуться.— Думаю, я как-нибудь переживу это.

— Конечно же!— сказала Аманда.— У тебя все будет хорошо.

— Да,— согласился Джефф.

Нельзя сказать, чтобы ему было так уж хорошо в тот момент. Но где-то в глубине души он понимал, что Аманда права.

В тот вечер за ужином отец сказал, что на рассвете он, Джефф, должен явиться в Центр контактов. Джефф ответил, что явится. Он почувствовал, что ему хотелось бы продолжить разговор, но не знал, с чего начать.

Отец пошел ему навстречу. Он сказал очень серьезно:

— Ты нам нужен. Ты лучший в работе по контактам.

Джефф взглянул на мать. Она молчала, но глаза ее светились надеждой.

— Я... я постараюсь сделать все, что могу.

— Большего от тебя никто и не требует.

Джефф кивнул. Лицо его расплылось в невольной улыбке. Он уткнулся в тарелку и тут обнаружил, что к нему вернулся аппетит — впервые за много дней.

Первое ощущение было каким-то странным.

Краун был иным. Голодным, как обычно. Нет, сильнее, чем обычно. Он был голоднее, утомленнее, напряженнее.

Обезьяны, очевидно, находились на грани безумия. Все

инстинкты гнали их прочь, на юг подальше от холода, от этих странных машин, которые убивают Но железный контроль из космоса, из вращающейся по своей орбите «Деревни» заставлял их оставаться в лагере, на берегу. Оставаться и работать. Оставаться и работать, и замерзать, и погибать.

Волкоты держались достаточно далеко от лагеря. Они приближались к постройкам и машинам только тогда, когда этого никак нельзя было избежать.

Этим утром Краун неторопливо рысью направился прочь от семьи волкотов, которые заметно похудели и казались гораздо более раздражительными, чем прежде, и двинулся на юг.

Капсула с пищей приземлилась нормально. Теперь надо только найти ее.

На это потребовалось меньше получаса. Капсула покоилась на отмели, по которой сейчас, во время прилива, гулял прибой, наполовину захлестывая капсулу. К счастью, люк, автоматически открывшийся в момент посадки, оказался выше уровня воды. Однако волны прокатывались в опасной близости от него, а некоторые гребни даже срывались и пропадали внутри.

Краун, ворча на холод и сырость, пошлепал через прибой. Поднявшись на задние лапы, он заглянул в люк. Передней лапой выудил колышущийся кусок синтетического мяса. Понюхал его, лизнул. Ни вкуса, ни запаха.

Было неудобно тащить в передних лапах продолговатый кусок искусственной пищи, прыжками добираясь до сухой полосы песка на берегу, за верхней отметкой прилива. Он бросил кусок на землю, снова понюхал его и впился зубами. Похоже на мясо, но совершенно безвкусное. И Краун съел его дочиста. Желудок заполнился, но и только. Удовольствия от еды Краун не получил.

Он вернулся к капсуле, взял в зубы другой кусок и потащил его семейству волкотов.

Волкоты бродили по берегу южнее лагеря, как полицейский отряд в ожидании беспорядков. Карун бросил пищу на песок, затрусил в сторону и улегся на подмерзшую коричневую траву. Он смотрел, как волкоты, один за другим, подбирались к мясу и нюхали его. Последним подошел большой самец, вожак семьи. Он порычал, потрогал кусок лапами, полоснул по нему когтями. И принялся за еду. Остальные члены семейства расположились вокруг, смиренно наблюдая, как их вожак приканчивает кусок мяса.

Покончив с мясом, вожак взглянул на Крауна и фыркнул, как бы вопрошая: «Где ты это взял?»

Краун встал и пошел вдоль берега. Оглянувшись, он увидел, что все семейство волкотов следует за ним.

Все, кроме вожака.

День еще не кончился, когда волкоты насытились. Они принесли мясо и обезьянам. Все животные, как только животы их наполнились, почувствовали себя лучше и вели себя спокойнее.

Совсем как люди.

В тот же вечер Джефф ужинал вместе с Полчеками. Лаура пригласила его, когда они встретились в конце рабочего дня у выхода из Центра контактов. С наступлением зимы дни стали короче, но молодежь этому только радовалась.

Ужин прошел хорошо, хотя миссис Полчек явно была чем-то обеспокоена. Джефф обратил внимание на то, как дружелюбно разговаривали между собой Лаура и ее отец, а Анна Полчек едва ли слово вымолвила за весь вечер.

После ужина, когда все перешли в гостиную, она вдруг сказала:

— Порой я жалею, что нам вообще встретилась эта планета!

— Что?!

— Ну-ну, Анна,— сказал доктор Полчек,— не поддавайся настроениям. Ты же знаешь, нет ничего...

Но она покачала головой.

— Нет, это правда. То, что мы творим здесь,— преступление... настоящее преступление.

— О чем вы?— спросил Джефф.

Миссис Полчек взглянула на него так, словно только что вспомнила о его существовании. На какое-то мгновение она нахмурилась, потом вздохнула, лицо ее разгладилось, и она спросила:

— Вы знаете семью Токадо?

— Да,— одновременно ответили Джефф и Лаура. Лаура, как и Джефф, сгорала от любопытства.

— Доктор Токадо и ее муж провели антропологические исследования животных, которых вы, молодые люди, контролируете...

— Антропологические исследования?— изумилась Лаура.

— Да... чтобы определить, на какой стадии интеллектуального развития находятся эти животные на эволюционной шкале по сравнению с животными Земли.

Джон Полчек задумчиво потер подбородок.

— Ты уверена...

— Все в «Деревне» должны знать об этом,— заявила миссис Полчек.— Пусть Питер Холмен держит это в секрете.

«Мой отец?»— удивился Джефф.— *Какой секрет?»*

— Сегодня доктор Токадо передала свое открытие на суд Питера,— продолжала Анна Полчек.— По ее мнению, и волкоты, и обезьяны меньше чем за миллион лет станут разумными существами — возможно, такими же разумными, как человек.

— Разумными? — спросил Джефф.

— Как мы?— не менее удивленным тоном вторила ему Лаура.

— Совершенно верно,— сказала миссис Полчек. Затем добавила с досадой:— Если им дадут возможность выжить.

— О-о-о!— воскликнул Джефф, до которого только теперь дошел весь смысл сказанного.

— Понятно? Так-то вот. А мы занимаемся тем, что уничтожаем два вида животных, которые со временем могли бы стать такими же разумными, как мы с вами.

Джон Полчек замахал руками.

— Что ты, что ты! Это было бы ужасно! Мы вовсе не намерены уничтожать их всех. Я говорил об этом с Питером, он тоже считает, что надо сохранить часть животных в специально отведенных для них районах, где будут постоянно поддерживаться определенные условия и среда.

— Нет,— резко возразила Анна Полчек.— Из этого ничего не получится. Разум не может развиваться в зоопарке. Животным необходим их собственный мир, в котором на них влияли бы естественные силы, естественная среда. А не зоопарк...

— Но...— Джефф уже понял, к чему она клонит.— Но это значит, что мы должны оставить им планету и полностью отказаться от своих планов.

— Вот именно.

— А это в свою очередь означает,— сказал Джон Полчек,— что человечество теряет надежду получить в свое распоряжение новую планету.

— Значит, мы или они,— сказала Лаура очень неуверенно, несмотря на категоричность реплики.

— Что же нам остается, какое решение?— спросила Анна Полчек.

— А кто дал нам право принимать какое-либо решение здесь?— спросил Джефф.

Никто ему не ответил.

Краун чувствовал что-то странное в воздухе. Что-то страшное.

Он не мог ни обонять, ни видеть, ни слышать *этого*. Но оно было. Каждый порыв ледяного ветра, дующего с моря, был пронизан ощущением ужаса. Тяжелое серое небо, заснеженный берег, деревья там, на холмах, с листьями, скрученными в спираль,— все, что окружало Краун, дышало страхом и опасностью.

Обезьяны и семейство волкотов тоже почувствовали это. Суетливо, неуклюже, кружа на одном месте, обезьяны жалобно поглядывали на побережье, будто молчаливо умоляли свою стражу отпустить их с этого страшного места. Да и сами волкоты нервно слонялись вдоль берега, размахивая хвостами, рыча без всякой на то причины.

Надвигалось что-то неизвестное, но поистине ужасное.

Животным и без того было достаточно плохо. Они едва сумели вынести зимние штормы, за последнюю неделю трижды обрушивавшиеся на побережье. Волны уничтожили часть оборудования и некоторые здания в лагере. Снегопады участились, и животные вынуждены были проводить ночи под крышей, чтобы не оказаться заживо погребенными под снегом.

Управляемые людьми, обезьяны соорудили убежища в виде шатров для себя и для волкотов. Всякий раз, когда шатры сносило штормом, они терпеливо восстанавливали их вновь. Теперь каждое утро начиналось с того, что обезьяны очищали рабочую площадку от снега. От этого их передние лапы-руки

покрылись волдырями и горели, как от ожогов. Волкотам с их толстокожими лапами скопления снега на тропинках как будто не угрожали.

Семейство волкотов укрывалось на ночь в одном шатре хотя он был явно тесен для них. В другом шатре спал один Краун даже под контролем человека семья волкотов не принимала его за своего. Это право Краун мог заслужить, только убив вожака. Но до тех пор, пока люди управляли волкотами, открытого конфликта между животными возникнуть не могло.

Краун стоял на склоне холма, наблюдая, как тупо двигаются по побережью обезьяны, как рычат встревоженные волкоты. Волны набегали на берег, холодные, как лед. Обезьяны не хотели работать.

Неожиданно океан стал откатываться. Вода уходила, обнажая темно-коричневый, блестящий от влаги плоский берег. Как в замедленном кино, край моря все дальше отступал от линии прилива.

Крауна затрясло.

Нет. Затрясло землю.

Цунами!

Землетрясение и волна цунами!

Вызвать доктора Холмена! Проверить центр наблюдения!

Земля под лапами Крауна с грохотом содрогнулась, и на склонах холмов с треском стали валиться деревья. Сорвались и запрыгали вниз камни. Земля покрылась трещинами.

На какой-то миг обезьяны в оцепенении застыли на своих местах. Потом, вопя от ужаса, заломив над головой лапы, бросились врассыпную. Зарыкали волкоты, шныряя взад-вперед, а затем и они устремились вдоль берега. Забыв об обезьянах, животные слепо искали спасения единственным известным им способом — в бегстве.

Они вышли из-под контроля!

Отсоединяйте детей, прежде чем...

Земля вставала на дыбы и бросалась в пропасть. Широченные трещины рассекли склоны холмов. Горы исчезали, взрываясь, словно воздушные шары, и изрыгая тысячетонные обломки скал и куски почвы на берег.

Краун в растерянности застыл, не зная, бежать ли ему вдоль берега или попытаться подняться на гребень холмов. Сотрясения почвы раз от разу становились все ужаснее, все огромное тело волкота ходило ходуном. Из бесчисленных трещин, закрывая горизонт, сочился дым. Но вот образовался просвет, и Крауну на мгновение удалось разглядеть берег: он грозил гибелью.

Джефф все еще в контакте! Он пока держится.

Подумать только, один из всех!

От самого горизонта мчалась огромная волна, похожая на серую крепостную стену, она вздымалась все выше и выше, как горный хребет, и вот уже ее пенный гребень с грохотом обрушился на берег, сметая все на своем пути.

Краун взревел на волну, повернулся и кинулся вверх, к гребню холмов. Там под напором бури гнулись деревья. Прямо

перед ним вдруг разверзлась земля, но он успел перепрыгнуть через разлом. Следом за ним скатывались камни и скалы. Сама земля, казалось, съезжала вниз, навстречу всепоглощающей стене серой, бурлящей воды...

Краун почувствовал, как земля уходит из-под его ног — это вниз устремился склон. В отчаянных попытках взобраться повыше волкот цеплялся за камни, карабкался что было сил. Уже чувствовался соленый острый запах морских брызг, а все звуки покрыл низкий рев, возвещавший конец света. По скалам, грозным осыпям, вонзая когти в вырванные с корнем и сломанные деревья, Краун продолжал свой путь.

И тогда Вселенная взорвалась. Раздался оглушительный грохот. Ярость приливной волны снесла берег, и будто гигантская рука вдруг подхватила Крауна и подбросила вверх. Деревья, скалы, невероятные нагромождения — такого он не видывал никогда, небо перевернулось вверх тормашками... И тут он шлепнулся прямо на живот и стал проваливаться сквозь листву и шершавые стволы деревьев. По крайней мере тысячу раз он ударялся о тысячу каких-то предметов.

Наконец все кончилось.

Краун лежал на вершине холма, будто в люльке, сотканной из поваленных кустов, расщепленных ветвей, среди завала деревьев. Все тело его болело, он промерз до костей, ему не хватало дыхания. Но он был жив.

Покачиваясь, ощущая боль при каждом движении, Краун поднялся на ноги и взглянул на побережье. Там не осталось ничего. Ровным счетом ничего. Лагерь исчез. Берег очистился от зданий и оборудования так, словно их там и не было.

Краун моргнул и сделал несколько мучительных шагов по пружинящему мокрому месиву из ветвей и кустов, на котором он оказался. Море, теперь спокойное, мирно лизало песок, будто ничто никогда не нарушало его вечного покоя. Побережье очистилось от снега и, как полированное, сверкало золотом под солнечными лучами.

Всмотревшись внимательнее, Краун заметил части разбитых машин, водоросли, камни, ветки деревьев и уцелевшие тягачи, в беспорядке разбросанные вдалеке. Склоны холма были изъедены ямами, заполненными грязью, от которой кое-где еще поднимались испарения. Много деревьев было повалено, еще больше склонилось под причудливыми углами, некоторые — с корнем выдранные землетрясением или чудовищным натиском цунами.

Отключай!

Краун фыркнул и затряс тяжелой головой.

Отключай Джеффа. Больше там нечего делать.

Все население «Деревни» собралось в зале заседаний. Это был большой круглый зал в центре главного шара. По стенам огромного помещения росли кусты и цветущие растения. Здесь ставились спектакли, устраивались танцы и всякого рода

общественные мероприятия. Зал заседаний был самым большим помещением в «Деревне», больше гимнастического зала.

Сегодня в нем стояли ряды кресел, все обращенные к сцене. Там сидели руководители отделов и капитан корабля. На собрание пришли все до единого: мужчины, женщины, дети, только три члена экипажа остались следить за автоматами управления кораблем.

Председательствовал доктор Холмен. Он подробно рассказал обо всем, что произошло внизу, на планете. Называл он планету только Альтаир VI. Джефф, сидевший между матерью и Лаурой, всякий раз, когда слышал это, тихо произносил: «Песня Ветров».

Берни Карбо продемонстрировал ленты с записями сигналов зонда, помещенного в мозг Крауна. Ни он, ни доктор Холмен не упоминали имени Джеффа, однако оба доложили собравшимся, что Краун был единственным из животных, кто до конца оставался на месте катастрофы. Все остальные отринули человеческий контроль и, будучи во власти обыкновенного страха, оказавшегося сильнее электронных связей между животными и людьми, бежали.

— Мы постараемся восстановить контакт с этими животными завтра утром,— сказал доктор Карбо.— Возможно, нам снова удастся взять их под контроль, но лично я в этом не уверен... Думаю, понадобится по меньшей мере несколько дней или недель, пока животные немного придут в себя. Тогда мы восстановим контакт.

При виде записанных на пленку последствий цунами и гибели лагеря люди оцепенели от ужаса.

Лаура, глядя на разрушения, прошептала Джеффу:

— Такое впечатление, что планета одним взмахом стерла с лица своего все человеческое.

Джефф посмотрел на нее. Да, она была совершенно права.

Лента кончилась, и доктор Холмен поднялся, чтобы продолжить выступление.

Джеффу, сидевшему где-то в средних рядах, отец казался очень далеким, маленьким, незнакомым существом. Но его голос, усиленный динамиками, звучал мощно, настойчиво.

— Мы потерпели поражение,— говорил он,— но это вовсе не значает, что мы сдаемся. На протяжении целого года мы делали все, чтобы запустить на полную мощность нашу базу, и вот — все впустую. Но этот год не пропал для нас даром. Мы узнали много важного. Мы знаем, что можем вступать в контакт с животными и управлять ими. Знаем, что можем заставить их работать на нас, даже в условиях, для них противопоказанных. И эти наши знания мы теперь можем использовать для дальнейшего прогресса.

По залу прошелестел шепоток.

— Мы построим новую базу на планете, южнее, в районе с более благоприятными климатическими условиями. И геологически более стабильном. Выбор места для нашей первой базы диктовался метеорологическими соображениями. Место для нового лагеря мы изберем на основании климатических условий, метеорологических данных и тектонической стабильности. Собст-

венный опыт — в чем-то положительный, в чем-то горький — многому нас научил, и я надеюсь, что примерно через полгода мы сумеем запустить на полную мощность полноценную установку по преобразованию атмосферы.

Слушателям все это нравилось. Они кивали головами и поворачивались друг к другу, чтобы выразить свое одобрение. Никто и слушать не желал, что работа, проделанная ими за прошедший год, оказалась бесполезной.

— Первым шагом в нашем новом предприятии,— продолжал доктор Холмен,— будет поисковая группа, которую я намерен послать завтра же в район старой базы, чтобы посмотреть, что из оборудования уцелело и может быть использовано. Я сам возглавлю эту группу.

При этих словах все встали и громко зааплодировали. Доктор Холмен слегка склонил голову и попытался сдержать улыбку. Но Джефф знал, что аплодисменты ему приятны.

На следующее утро Джефф завтракал вместе с родителями у себя дома.

— Я уже давненько не был на планете,— возбужденно говорил отец.— С интересом ожидаю этого момента.

— Сомневаюсь, что вы там что-нибудь спасете,— заметил Джефф.

Отец пожал плечами:

— Любой кусочек металла представляет ценность. Его можно снова пустить в оборот.

— *Да, наверное.*

— Но это опасно,— сказала миссис Холмен.

— Я буду не один,— успокоил ее доктор Холмен.— Подбираются опытные люди. Не волнуйся.

— После землетрясения никому не удалось наладить контакт с животными,— сказал Джефф.— Видимо, они далеко разбежались. Все, кроме Крауна.

— Несколько человек пытались сегодня ночью вступить в контакт с Крауном, но так и не смогли,— сказал отец.

Джефф был поражен.

— Как? Кто пытался? Зачем? Куда делся Краун?

Доктор Холмен покачал головой.

— Не знаю. Возможно, он ушел с побережья в поисках пищи. Сомневаюсь, чтобы ее много осталось там, где было землетрясение.

«Чепуха,— подумал Джефф.— Все эти грызуны вылезли из своих нор. Так что у Крауна пока пищи хватит».

Отец взглянул на часы, схватил чашку с кофе и залпом осушил ее.

— Через пять минут должен встретиться со всей командой.

Встал и Джефф.

— Пойду-ка в Центр контактов.— С улыбкой взглянув на отца, он добавил: — Я вас *там* буду ждать.

— Вряд ли ты найдешь своего волкота где-нибудь поблизости,— с сомнением в голосе произнес доктор Холмен.— Он

убежал, Джефф. Вне досягаемости наших радиодатчиков и приемников.

— Посмотрим.

Отец ничего не ответил, но по выражению его лица Джефф догадался, что он думал: «Вот-дорастешь-до-моего-возраста-тогда-будешь-разбираться-что-к-чему».

— Папа?— услышал Джефф свой собственный голос.

Доктор Холмен уже подходил к двери. Возглас сына заставил его обернуться. Джефф поспешил за ним.

— Ты и в самом деле думаешь, что мы поступаем правильно?

— Ты о чем?

— О планете, наших попытках изменить ее. Об уничтожении всего живого и о превращении Песни Ветров во вторую Землю.

Отец остановился. Повернувшись к Джеффу, он зло ответил:

— Тут не применимы понятия «правильно» или «неправильно». Это вопрос жизни или смерти — просто и ясно. Мы можем поступать только так.

— Но...

— Никаких «но»! У меня нет времени на споры. Нет его и у перенаселенной планеты Земля!

Краун был на месте. Он оставался там все время.

Все остальные ребята не сумели удержать контроль, потому что сами испугались. А я и Краун — мы составляем одно целое. ОДНО ЦЕЛОЕ.

Краун сел и издал долгий пронзительный вопль, вложив в него всю переполнявшую его радость. Он жив!

Всю ночь Краун провел в охоте за мелкими грызунами, которых землетрясение вытряхнуло из нор. Многие норы смыло волной, и теперь множество зверушек спешило выкопать новые укрытия в разодранной, перемешанной, пропитанной влагой почве на вершинах холмов в лесу. К рассвету большинство из них уже укрылись под землей. Но к рассвету и Краун насытился и чувствовал себя превосходно.

Что-то прогромыхало в небе. Краун поднял голову и увидел, как серое зимнее небо прочертила тонкая светлая полоса. Полоса тянулась от небольшого серебристого предмета в форме стрелы. Он приближался, увеличивался в размерах и производил все больше шума. Вот он уже проплыл над самой водой, слегка приподнялся над берегом, повис на хвосте мерцающего облака газа, взметая песок, и наконец медленно опустился на три металлические опоры.

Краун стоял на склоне холма, скрытый в листве кустарников, и смотрел. Вопреки желанию он глухо прорычал на странную машину. Открылся люк, и по металлической лестнице на песок медленно спустились четыре человека. Они были одеты в громоздкие скафандры красного, зеленого, желтого и голубого цвета. Они были в шлемах, на спине у каждого находился тяжелый баллон. Краун знал, что в голубом скафандре был доктор Холмен.

Бриз доносил до Крауна приглушенные шлемами голоса людей.

— Ничего не вижу! Здесь же темным-темно!— раздался удивленный, чуть испуганный возглас.

— Включи нашлемный фонарь, Грег. Сквозь слои облаков лучи солнца не проникают на поверхность планеты... Взгляни-ка лучше на склон холма.

— Он сверкает... флуоресцирует...

— Ультрафиолетовые и рентгеновские лучи Альтаира, проникая здешнюю атмосферу, вызывают свечение минералов, которые находятся в земле.

— Вот почему нам необходим кислород здесь,— прозвучал голос доктора Холмена.— Слой озона развеет завесу облаков над планетой и станет надежной защитой от активной радиации Альтаира. Это позволит нам работать на поверхности планеты без опасения ослепнуть или зажариться.

Первый голос произнес:

— Да здесь темно, как в преисподней. Мне, конечно, говорили об этом на инструктаже, но к этому надо приспособиться.

Краун затаился в мокрой листве, тихо ворча себе под нос и наблюдая, как они бредут, спотыкаясь и переговариваясь друг с другом.

— Как ты там, Грег?— спросил доктор Холмен.

— Все будет в порядке. Дайте только отдышаться немного.

— Трудно поверить, что животные здесь что-то видят,— сказал человек в красном скафандре.

— Они все видят в инфракрасных лучах,— пояснил доктор Холмен.— Инфракрасные лучи попадают сюда из верхних слоев облаков. Сейчас для местной фауны стоит ясный, приятный день.

— Им можно позавидовать. Черта лысого мы найдем этих зверей в эдакой темноте.

Из красного скафандра донесся насмешливый голос:

— Об этом не беспокойся. Лучше пожелай, чтобы они нас не нашли!

— О-о-о!

Несколько часов поисковая группа ковыляла по берегу, исследуя остатки бывшего лагеря.

— Спасать здесь особенно нечего. Металл здорово заржавел... по крайней мере то немногое, что от него осталось.

Доктор Холмен указал на холм, где прятался Краун.

— Поищем там. Волной могло занести большую часть оборудования вверх, за деревья.

— Да в этой тьме нам все равно ничего не найти.

— Не будь таким пессимистом. Нужно попытаться, чтобы быть уверенными.

— Долго нам здесь оставаться нельзя,— сказал человек в красном скафандре.— Этот воздух разъедает материал скафандров да и баллоны с кислородом тоже.

Не слушая предупреждений, доктор Холмен направился к склону. Тяжелый скафандр сковывал его движения, и оттого он шел медленно и неуклюже. Осторожно передвигая ноги, останавливаясь, словно цепочка слепых, они стали карабкаться

на холм. Умей Краун говорить, он бы рассказал им, что волна смыла в океан все, что было на берегу. А в лесу ничто не напоминало о пахнущих бедой металлических штуках с побережья.

Инстинктивно Краун забирал в глубь леса, подальше от приближающихся людей. Он старался уйти незаметно, но все же так, чтобы не терять их из виду.

Вдруг он почувствовал опасность.

Сильный порыв ветра донес до него запах других волкотов. На свою территорию возвращалось семейство волкотов! И не контролируемое людьми. Скорее всего голодные. Когда они заметят людей...

Краун весь собрался в пружину на своем ложе из мокрых листьев, напрягся и Джефф на ложе в лаборатории. Ветер своенравно подул в другую сторону, и Краун больше не слышал запах волкотов. Он знал — они подходят все ближе. Они ведь помнили, что тут, на берегу, получали свою пищу и вместо того, чтобы пускаться в долгое путешествие на юг на голодный желудок, предпочли набить животы на берегу.

Краун с шумом поднялся на ноги и угрожающе зарычал.

— Бог мой, что это?

— Свет, черт вас подери, свет! Да сюда.. Это где-то здесь!

— Смотри!

— Да он со слона!

Краун снова зарычал, предупреждая людей об опасности, понуждая их вернуться на корабль и одновременно внушая другим волкотам, чтобы они не лезли, оставались на месте.

Но люди в дебрях леса застыли, уставившись на Краун.

— Посмотрите-ка на его зубы!

— Так вот, друзья, это волкот,— сказал человек в красном скафандре.

Рука доктора Холмена нащупывала кобуру у пояса.

— Не трудись,— спокойно сказал человек в красном.— Этой игрушкой ты можешь только привести его в ярость. Ружья с транквилизаторами остались на корабле.

— Нам лучше вернуться!

— Не спеша и осторожно,— добавил доктор Холмен.

Краун сел, стараясь дать людям понять, что он не собирается нападать на них.

— Мне кажется, что это тот волкот, которого мой сын...

— К сожалению, мы не располагаем временем, чтобы быть представленными ему. Не лучше ли нам подобру-поздорову выбраться отсюда?

И без дальнейших разговоров четверка пустилась вниз по склону, на берег, к своему космическому кораблю.

Но едва они прошли шагов десять, как Краун услышал сотрясающий землю рык вожака стаи. Оглянувшись, он увидел их: все восемь, они целенаправленно трусили по берегу, ведомые запахом человеческих существ. И даже ненавистный запах машин не остановил их: так могло действовать только одно чувство — чувство голода.

— Что там еще?

— Судя по звукам, их стало больше.

— Не мешает прибавить шагу...

Люди бросились бежать, спотыкаясь и падая, по склону холма. Но чем быстрее они бежали в этой для них непроглядной темноте, тем чаще падали.

— Проклятие! Я, кажется, порвал скафандр!

— Чинить некогда. Стяни как-нибудь и беги.

Волкоты почуяли страх беглецов. Они галопом кинулись вслед, и расстояние между ними и членами экспедиции значительно сократилось.

Человек в красном бежал впереди. Он первым выбежал на гладкую поверхность песчаного берега и обернулся. В свете фонаря на гермошлеме он разглядел несущихся на него волкотов.

Молча, в полном спокойствии, он достал пистолет и выстрелил в приближающихся животных. Пули, не причинив никому вреда, вспахали песок, но звук выстрела напугал волкотов. Они резко затормозили свой бег, а затем снова зарычали.

— Скорее! Скорее!— взывал человек в красном скафандре.

Доктор Холмен бежал последним. Но наконец и он спустился с холма на берег. До корабля оставалось каких-нибудь сто метров.

— Спокойно,— приказал человек в красном.— Достаньте оружие. Побежите, когда я скомандую «Вперед!» Если звери пойдут на вас, стреляйте. Но ни в коем случае не останавливайтесь, бегите! *Вперед!*

Они сорвались с места. Волкоты тут же яростно взревели и рванулись за ними. Люди дружно выстрелили из своих никчемных пистолетов, но на сей раз выстрелы не остановили волкотов.

И тут фигура в голубом — это был доктор Холмен — споткнулась о кусок скрученного металла и полетела на землю.

Сначала его товарищи этого не заметили. Они мчались к космолету. Но Краун увидел, сорвался с места и с рыком, от которого, казалось, могло бы расколоться небо, ринулся вниз на берег.

Трое космонавтов уже были у корабля и карабкались по лестнице внутрь.

— Где Пит?

— Бог мой... он остался где-то там!

— Пит! Доктор Холмен! Пит!

— Скорее внутрь! Надо зажечь поисковые огни.

Огромными прыжками Краун одолевал расстояние в тридцать метров, перескакивая через валуны, ямы, полные жидкой грязи, поваленные деревья.Скорее вниз, к человеку в голубом скафандре.

Волкоты достигли фигуры в голубом раньше, но, прежде чем они успели коснуться ее, Краун зарычал, бросая им вызов. Старый вожак повернул свою огромную голову и взглянул на Крауна, угрожающе огрызнувшись.

Зажигайте огни.. Ах, черт... Смотрите!

Теперь и люди могли видеть.

Восемь волкотов кружили возле неподвижного тела Питера Холмена. Еще один спускался с холма, чтобы присоединиться к ним.

— Подготовить орудия с транквилизатором!

— С гранатами?

— Нет, можем убить Пита... если он еще не...

Краун не прислушивался к их лепету, устремляясь через побережье к неподвижному телу. Рыча, фыркая, он прорвался сквозь стаю волкотов и встал прямо возле упавшего человека.

— Смотрите! Он, кажется, готов защищать Питера!

— Или оставить всю еду только себе.

Краун стоял, едва переводя дух, ощерясь во всю свою зубастую пасть, а восемь других волкотов медленно, но неумолимо сужали круг, готовые атаковать его.

Аманда Корли всматривалась в шкалы приборов на контрольной панели, потом позвала:

— Берни!

Ответа, конечно, не последовало. *Он собирает ребятишек... Собирает для того, чтобы обеспечить контроль над остальными волкотами.*

Аманда повернулась в кресле и посмотрела на Джеффа. Мальчик вытянулся на ложе, окаменев от напряжения. Его нервное возбуждение прослеживалось без помощи всех этих мигающих красными огнями приборов наблюдения, хотя он и пребывал в полусознательном состоянии.

— Что делать?— прошептала Аманда.

Приборы, регистрирующие физическое и психическое состояние Джеффа, застыли либо на красной черте тревоги, либо совсем рядом. Сердце отчаянно колотилось, нервная система испытывала невыносимые перегрузки. Организм был затоплен адреналином.

— Долго выдержать такое никому не под силу,— пробормотала Аманда.

Она перевела взгляд на экран, на котором было видно все, что видит волкот — *что переживает Джефф* — в данный момент.

Восьмерка волкотов продолжала кружить, рычать и фыркать все там же. Сквозь стекло шлема можно было разглядеть лицо доктора Холмена на земле между передними лапами Крауна. Он, видимо, был без сознания, а может, мертв.

Аманда покачала головой.

— Если я попробую отключить Джеффа, он погибнет, сопротивляясь мне. Я должна быть рядом с ним... и надеяться, что Берни удастся вовремя подключить к контакту ребятишек!

Восемь волкотов, тощие и голодные, завершили свое кружение вокруг Крауна и лежащего человека. Еще мгновение, и они набросятся на них.

Из самых глубин памяти у Крауна вдруг всплыло решение.

Теперь он знал, что ему делать. Негромко зарычав, он отошел от человека и медленно направился прямо к вожаку стаи.

Вожак был крупнее Крауна, старше его и сильнее. На его голове были заметны шрамы многих сражений. Краун остановился перед ним. Волкоты перестали кружить. Краун присел на задние лапы, чтобы освободить передние, и осторожно ткнул вожака передней лапой в морду.

Он не поранил вожака. Он просто дотронулся до него. Но смысл этого движения был ясен. Краун вызывал старого самца на бой за лидерство в стае. Это уже не было соперничество из-за пищи или территории. Это был вызов на смертельный бой. Стая волкотов может иметь только одного вожака. Тот, кто бросил вызов, должен или убить вожака, или погибнуть.

Из космолета три человека с удивлением и страхом следили за тем, как остальные волкоты — кто лежа, а кто присев на задние лапы — приготовились наблюдать битву между двумя огромными самцами.

Довольно долго эти двое стояли друг перед другом, фырча, излучая взаимную ненависть и бойцовскую гордость. Затем неожиданно подобрались и прыгнули друг на друга.

Оба волкота, поднявшись на задние лапы, двумя парами передних хлестали друг друга по груди и животу, когтями вспарывали кожу. Свои могучие челюсти они до поры до времени в ход не пускали.

Первый прыжок и столкновение сотрясли берег — в слепой ярости сошлись шесть с лишним тонн мускулов и костей. Краун почувствовал, как у него из бока закапала кровь. На какое-то мгновение оба зверя отпрянули и разошлись. Вожак казался невредимым.

Но вот передышка кончилась, и соперники снова бросились друг на друга, и снова ни один из них не нанес решающего удара. Это было похоже на дуэль фехтовальщиков: постояли, покрутили хвостами, пофырчали, яростно водя глазами,— и вдруг рык, прыжок, сверкание когтей, и опять опускаются на все свои шесть лап, выискивают слабые места у противника, время и место для нанесения решительного удара.

Крауну приходилось туго. Реакция у него была не хуже, а может, и лучше, чем у вожака. Но тот был мудрее, больше уверен в себе, и удары когтями наносил точнее. У Крауна кровь сочилась из десятка ссадин и царапин. Они не были опасны для жизни, но потеря крови грозила вскоре истощить его силы, замедлить движения, чем тут же воспользуется старый самец, чтобы нанести ему последний удар.

Однако Краун перенял от Джеффа способность к восприимчивости — гораздо более сильную, чем у кого-либо из волкотов. Ему было больно, но это не мешало ему наблюдать за тем, как движется враг. Как тот напрягает плечи перед прыжком. Как опускает голову, чтобы защитить горло...

Старый самец прыгнул опять, но на сей раз Краун отскочил в сторону, извернулся в полете, как акробат весом в три тонны, и опустился на спину пораженного противника. Челюсти Крауна

сомкнулись на загривке старого вожака, в то время как когтями он глубоко впился в бока обреченного волкота.

Один-единственный придушенный крик боли — и все было кончено. Старый вожак свалился мертвым, и Краун, с кровоточащими ранами, тяжело дыша, но с торжествующим видом встал над ним.

Он задрал голову и издал победное рычание, радостное и долгое. Остальные волкоты поднялись на ноги и молчаливо прошествовали перед ним, демонстрируя свою готовность подчиниться ему как своему новому вожаку.

Краун подождал, пока они все пройдут перед ним, затем возглавил шествие и повел стаю по берегу, подальше от людей, на юг — туда, где их ждали тепло и пища.

Только по прошествии трех дней врачи разрешили разговаривать с доктором Холменом.

Джефф с матерью неотлучно находились при больном, но он либо пребывал в бессознательном состоянии, либо спал. Его правую ногу одели в пластик, голову забинтовали. Первые два дня ему делали внутривенные вливания, но на третий день врачи отсоединили трубки, и теперь он, кажется, спокойно отдыхал.

На третий день утром, сразу после завтрака, Джефф направился в лазарет. Для всех обитателей «Деревни» эти дни тянулись нескончаемо. Никто не выполнял никаких работ. Люди чувствовали себя выбитыми из колеи и не знали, что делать дальше.

Джеффа несколько удивило, когда, проходя по коридору, он увидел через окно, что в комнате отца собрался народ. Все Полчеки — Лаура и ее родители — стояли возле постели больного. Там же, обнимая за талию Аманду, находился Берни Карбо. Сам доктор Холмен сидел на кровати и серьезно что-то обсуждал с ними; повязки на его голове не было.

Джефф тихонько постучал по стеклу. Отец заметил его, улыбнулся и помахал рукой, приглашая зайти. Джон Полчек приоткрыл дверь — она открылась лишь наполовину, потому что внутри было полно народу. Джефф проскользнул в палату.

Отец протянул ему руку. Джефф протиснулся к нему.

— Они мне все рассказали про тебя,— сказал доктор Холмен.— Спасибо тебе.

— Это был...— Джефф почувствовал, что слова здесь ни к чему.— Я рад, что тебе лучше.

Он отошел от кровати и увидел, что Лаура смотрит на него с сияющей улыбкой. Джон Полчек откашлялся.

— Как я уже говорил, Питер, мы прослеживаем путь животных. Обезьяны идут по протоптанной тропе на юг, волкоты ненамного отстают от них.

— Вы выяснили, куда именно они направляются?— спросил доктор Холмен своим привычно бодрым, деловым тоном.

Джон Полчек поморщил губы.

— Это могут быть самые различные места. Возле экватора довольно много славных местечек... Прямо курорты. Для них.

Теплый океан, горы, которые ограждают этот район от холодных северных ветров, густые леса...

— Неплохое местоположение для баз и заводов-преобразователей.

— Да, пожалуй.

— Прекрасно. В таком случае попробуем детально исследовать три наиболее подходящие зоны в этом районе. Нужно удостовериться, что там есть достаточное количество животных... Они нам понадобятся. Мы потеряли впустую год, так что у нас теперь совсем нет времени...

— Нет!— услышал вдруг свой голос Джефф.

Доктор Холмен взглянул на сына.

— Что ты сказал?

— Я сказал... нет.

Все повернулись к нему. Джефф вдруг почувствовал себя так, будто он один среди стаи враждебных волкотов.

— Нельзя нам этого делать,— продолжал он.— Мы должны оставить в покое животных. Мы не имеем права убивать их, это несправедливо.

— Джеффри,— прервал его отец, стараясь говорить сдержанно и не давать воли гневу,— я знаю, ты привязался к этому животному...

— Дело не в Крауне. Сама идея порочна. Для нас самих плохо, если мы уничтожим их, чтобы завладеть планетой. Должен же быть другой, лучший способ..

— Но, Джефф,— сказал доктор Карбо,— все наша работа, все люди «Деревни», все люди Земли...

— А разве мы помогаем всем людям Земли?— вступила в спор Аманда.— Мы помогаем самим себе и горстке людей, которые могут позволить себе прибыть сюда. Даже если нам удастся превратить Альтаир VI в рай, это поможет менее чем половине процента населения Земли.

Карбо подмигнул ей. Но спорить не стал.

Доктор Холмен покачал головой.

— Нет смысла обсуждать проблему. Нас сюда послали, чтобы мы превратили планету в пригодную для колонизации...

— Я не буду этого делать,— сказал Джефф. Когда он произнес эти слова, то понял, что именно так и поступит.— Я не буду способствовать гибели Крауна и всей этой планеты. И то же скажу другим ребятам. Они меня послушают.

— Ты не смеешь...

Лицо отца побагровело от гнева.

— Джефф прав,— сказала Анна Полчек.— У нас нет морального права уничтожать этих животных. Со временем они станут разумными. Но даже если этого не случится, мы не должны сметать их с лица планеты. Это негуманно.

Доктор Холмен стукнул кулаком по кровати.

— А что я скажу правительству, когда мы вернемся на Землю? Что мы сознательно прекратили работу экспедиции, потому что против были сопливый мальчишка и сентиментальная женщина?

— Нет,— спокойно ответила Анна Полчек.— Ты им скажешь, что мы решили использовать всю эту чудесную технику, которой они нас напичкали, для того чтобы помочь очистить планету Земля. Мы обязаны превратить свою собственную планету в рай для человечества!

— Мы не можем...

— Нет, можем!— страстно возразил Джефф.— Если у нас есть возможность изменить эту планету, почему мы не можем сделать этого с Землей?

— Ты не разбираешься в политике... не знаешь, что такое социальные и экономические проблемы...

— Да... придать этой планете желательную нам форму, оказывается, гораздо легче, чем справиться с Землей,— засмеялся Берни Карбо.— А может, они правы, Питер? Может, нам и в самом деле нужно заняться этим?

— Вы все сошли с ума,— пробормотал доктор Холмен.— И я вместе с вами. Это безумие! После всего, что мы натворили с Землей, чтобы ее восстановить, потребуется по крайней мере тысяча лет!

— Так,— сказал Джефф.— Тысяча лет. Что ж, начнем *сейчас*.

Отец попытался нахмуриться, но лицо его неожиданно разгладилось и на нем появилась растерянная улыбка.

— Джефф, мальчик мой, однажды, в какой-нибудь год из этой тысячи лет, ты, пожалуй, станешь президентом.

Джефф улыбнулся и пожал плечами.

— Конечно... Если на это потребуется столько времени.

Огромная гроздь шаров под названием «Деревня» медленно, по спирали начала удаляться от шестой планеты звезды Альтанр. Сперва, когда корабль лишь начинал свой дрейф, только астроном с его тонкой аппаратурой мог бы заметить его движение.

Внутри корабля, в Центре контактов, Джефф Холмен в последний раз лежал на ложе, и вокруг него чувствительные механизмы мигали серебряными огоньками.

На лесистом склоне холма, оглядывая богатые лесами земли, где кормилась его семья, стоял Краун. Ветер ерошил его шерсть. Это был добрый ветер, чистый и сильный. Непонятное место, где были страшные блестящие металлические штуки, уже поблекшей тенью скрылось в дальних уголках его памяти.

Что-то вдруг коснулось Крауна, глубоко в его сознании. Он задрал голову и уставился на блестящую гряду облаков, растянувшуюся от горизонта до горизонта. Он искал в небе что-то, чего его глаза не способны были видеть.

Но голос звучал в нем, голос без слов. Мысли, которых не могли выразить слова:

Прощай, старина... удачной охоты...

Огромный серый волкот поднял к небу морду и издал рев, наполненный ощущением восторга, радости жизни. И рев этот отозвался в человеческом разуме через многие световые годы.

Лестер Дель Рей

КРЫЛЬЯ НОЧИ

— Черт подери всех марсияшек! — тонкие губы Толстяка Уэлша выплюнули эти слова со всей злобой, на какую способен оскорбленный представитель высшей расы.— Взяли такой отличный груз, лучшего иридия ни на одном астероиде не сыщешь, только-только дотянули до Луны — и, не угодно ли, опять инжектор барахлит. Ну, попадись мне еще разок этот марсияшка...

— Ага.— Тощий Лейн нашарил позади себя гаечный ключ с изогнутой рукояткой и, кряхтя и сгибаясь в три погибели, снова полез копаться в нутре машинного отделения.— Ага. Знаю. Сделаешь из него котлету. А может, ты сам виноват? Может, марсиане все-таки тоже люди? Лиро Бмакис тебе ясно сказал: чтоб полностью разобрать и проверить инжектор, нужно два дня. А ты что? Заехал ему в морду, облаял его дедов и прадедов и дал ровным счетом восемь часов на всю починку. А теперь хочешь, чтоб он при такой спешке представил тебе все в ажуре... Ладно, хватит, дай-ка лучше отвертку.

К чему бросать слова на ветер? Сто раз он спорил с Уэлшем — и все без толку. Толстяк — отличный космонавт, но начисто лишен воображения, никак не позабудет бредятину вроде той, что люди, мол, для того и созданы, чтоб помыкать всеми иными племенами. А впрочем, если бы Толстяк его и понял, так ничего бы не выиграл. Лейн и высоким идеалам цену знает, что от них толку.

Он-то к окончанию университета получил лошадиную дозу этих самых идеалов да еще солидное наследство — хватило бы на троих — и вдохновенно ринулся в бой. Писал и печатал книги, произносил речи, беседовал с официальными лицами, вел переговоры в кулуарах, вступал в разные общества и сам их создавал и выслушал по своему адресу немало брани. А теперь он, ради хлеба насущного, перевозит грузы по трассе Земля — Марс на старой, изношенной ракете; на четверть ракета — его собственность. А тремя четвертями владеет Толстяк Уэлш, который возвысился до этого без помощи каких-либо идеалов, хотя начинал уборщиком в метро.

— Ну? — спросил Толстяк, когда Лейн вылез наружу.

— Ничего. Не могу я это исправить, слабовато разбираюсь в электронике. Что-то разладилось в реле прерывателя, но по индикаторам не поймешь, где непорядок, а наобум искать опасно.

— Может, до Земли дотянем?

Тощий покачал головой.

— Навряд ли. Лучше сядем где-нибудь на Луне, если ты сумеешь дотащить нашу посудину. Тогда, может, и найдем поломку, прежде чем кончится воздух.

Толстяку тоже это приходило в голову. Пытаясь как-то уравновесить перебои в подаче горючего и кляня лунное притяжение — хоть и слабое, оно порядком мешало, — он повел ракету к намеченному месту: посреди небольшой равнины он высмотрел на редкость чистую и гладкую площадку, без каменных обломков и выбоин.

— Пора бы тут устроить аварийную станцию, — пробурчал он.

— Когда-то станция была, — сказал Лейн.— Но ведь на Луну никто не летает, и пассажирским кораблям тут садиться незачем, проще выпустить закрылки и сесть в земной атмосфере, чем тратить здесь горючее. А грузовики вроде нас не в счет. Странно, какая ровная и чистая эта площадка, мы в миле, не выше, и ни одной метеоритной царапинки не видно.

— Стало быть, нам повезло. Не хотел бы я шлепнуться в какой-нибудь кратеришко и сбить дюзу или пропороть обшивку.— Толстяк взглянул на высотомер и на указатель скорости спуска.— Мы здорово грохнемся. Если...эй, что за черт?

Тощий Лейн вскинул глаза на экран: в тот миг, как они готовы были удариться о поверхность, ровная площадка раскололась надвое, половинки плавно скользнули в стороны — и ракета стала медлительно опускаться в какой-то кратер; он быстро расширялся, дна не было видно; рев двигателей вдруг стал громче. А экраны верхнего обзора показали, что над головой опять сошлись две прозрачные пластины. Веря и не веря собственным глазам, Лейн уставился на указатель высоты.

— Опустились на сто шестьдесят миль и попались в ловушку! Судя по шуму, тут есть воздух.. Что за капкан, откуда он взялся? Бред какой-то!

— Сейчас не до того. Обратно не проскочить, пойдем вниз, а там разберемся. Черт, неизвестно еще, какая внизу площадка.

В таких вот случаях очень кстати, что Толстяк не страдает избытком воображения. Делает свое дело — опускается в исполинском кратере, будто на космодроме в Нью-Йорке, и занят только неравномерностью вспышек из-за барахлящего инжектора,а что ждет на дне, ему плевать. Тощий удивленно посмотрел на Толстяка, потом вновь уставился на экраны — может, удастся понять,кто и зачем построил этот капкан.

Лъин лениво поворошил кучку песка и истлевшего сланца, выудил крохотный красноватый камешек, с первого раза не замеченный, и медленно поднялся на ноги. Спасибо Великим, очень вовремя они послали ему осыпь: старые грядки столько раз перерыты, что уже совсем истощились. Чуткими ноздрями он втянул запах магния, немножко пахло железом, и серы тут сколько угодно, все очень, очень кстати. Правда, он-то надеялся найти медь — хоть щепотку. А без меди...

Он отогнал эту мысль, как отгонял уже тысячи раз и подобрал грубо сработанную корзину, набитую камешками пополам с лишайником, которым заросла эта часть кратера. Одной рукой растер в пыль осколок выветрившегося камня заодно с клочком лишайника и все вместе отправил в рот. Благодарение Великим за эту осыпь! Приятно ощущать на языке душистый магний, и лишайник тоже вкусный, сочный, потому что почва вокруг неистощенная. Если бы еще хоть крупицу меди — больше и желать нечего.

Лъин печально вильнул гибким хвостом, крякнул и побрел назад, к себе в пещеру; мельком глянул вверх, на далекий свод. Там, наверху, за много миль, ослепительно сверкал луч света и, постепенно слабея и тускнея, слой за слоем пронизывал воздух. Значит, долгий лунный день близится к полудню, скоро солнце станет прямо над сторожевым шлюзом, и луч будет падать отвесно. Шлюз чересчур высоко, отсюда не увидишь, но Лъин знает: там, где покатые стены исполинской долины упираются в свод, есть перекрытое отверстие. Долгие тысячелетия вырождалось и вымирало племя Лъина, а свод все держится, хоть опорой ему служат только стены, образующие круг около пятидесяти миль в поперечнике, неколебимые, куда более прочные, чем кратер — единственный и вечный памятник былому величию его народа.

Лъин об этом не задумывался, он просто з н а л: свод не создан природой, его построили в те времена, когда Луна теряла остатки разреженной атмосферы и племя напоследок вынуждено было искать прибежища в самом глубоком кратере, где кислород можно было удержать, чтобы не улетучивался. Лъин смутно ощущал протекшие с тех пор века и дивился прочности сводчатой кровли, над которой не властно время.

Некогда народ его был велик и могуч, тому свидетельство — исполинская долина под сводом. Но время не щадило его предков, оно состарило весь народ, как старило каждого в отдельности, отнимало у молодых силу и растило в них медленные, сосущие всходы безнадежности. Какой смысл прозябать здесь, взаперти, одинокой малочисленной колонией, не смея выйти на поверхность собственной планеты? Их становилось все меньше, они позабыли многое, что знали и умели прежде. Машины сломались, рассыпались в прах, и новыми их не заменили; племя вернулось к первобытному существованию, кормилось камнем, который выламывали из стен кратера, да выведенными уже здесь, внизу, лишайниками, что могли расти без солнечного света, усваивая энергию радиоактивного распада. И с каждым годом на грядках сажали все меньше потомства, но даже из этих немногих зерен прорастала лишь ничтожная доля, и от миллиона живущих остались тысячи, потом только сотни и под конец — горсточка хилых одиночек.

Лишь тогда они поняли, что надвигается гибель, но было уже поздно. Когда появился Лъин, в живых оставалось только трое старших, и остальные семена не дали ростков. Старших давно нет, уже многие годы Лъин в кратере один. Бесконечно тянется жизнь,

вся она — только сон, да поиски пищи, да еще мысли, вечно одни и те же, а тем временем его мертвый мир больше тысячи раз обращал свое лицо к свету и вновь погружался во тьму. Однообразие медленно убивало его народ, уже скоро оно доведет свое дело до конца. Но Лъина не тяготит такая жизнь, он привык и не замечает скуки.

Он брел неспешно, в лад медлительному течению мыслей, долина осталась позади, вот и дверь жилища, которое он выбрал для себя среди множества пещер, вырезанных в стенах кратера. Он постоял еще под рассеянным светом далекого солнца, пережевывая новую порцию камня пополам с лишайником, потом вошел к себе. В освещении он не нуждался: еще в незапамятные времена, когда народ его был молод, камень стен насытили радиоактивностью, и глаза Лъина улавливали световые волны едва ли не любой длины. Через первую комнату мимо сплетенной из лишайников постели и кое-какой нехитрой утвари он прошел дальше: в глубине помещалась детская, она же и мастерская; неразумная, но упрямая надежда влекла его в самый дальний угол. И, как всегда, понапрасну. В ящике, полном плодородной почвы, рыхлой, мягкой, заботливо политой, ни намека на жизнь. Ни единый красноватый росток не проклюнулся, никакой надежды на будущее. Зерно не проросло, близок час, когда всякая жизнь на родной планете угаснет. С горечью Лъин отвернулся от детской грядки.

Недостает такой малости — и это так много! Съесть бы всего несколько сот молекул любой медной соли — и зерна, зреющие в нем, дали бы ростки; или прибавить те же молекулы к воде, когда поливаешь грядку, — и проросли бы уже посеянные семена, выросли бы новые крепкие мужчины или, может, женщины. Каждый из племени Лъина носил в себе и мужское, и женское начало, каждый мог и в одиночку дать зерно, из которого вырастут дети. И пока еще жив хоть один из племени, можно за год взрастить на заботливо ухоженной почве сотню молодых... если б только добыть животворный гормон, содержащий в себе медь. Но, как видно, не суждено. Лъин склонился к тщательно сработанному переносному аппарату из выточенных вручную каменных сосудов и гибких стержней, скрепленных и связанных в трубки, и оба его сердца тоскливо сжались. Сухой лишайник и липкая смола все еще питали собою медленный огонь, и медленно сочилась из последней трубки капля за каплей и падала в каменную чашу. Но и от этой жидкости не исходит ни намека на запах медной соли. Что ж, значит, не удалось. Все, что за многие годы дал перегонный аппарат, Лъин подмешивал к воде, поливая грядку, почва детской всегда влажная, но ей не хватило минерала жизни. Почти бесстрастно Лъин вложил вечные металлические свитки, хранящие мудрость его племени, обратно в футляры и принялся разбирать на части химическое отделение мастерской.

Остается еще один путь, он труднее, опаснее, но иного выхода нет. Старинные записи говорят, что где-то под самым сводом, где воздух уже слишком разрежен и дышать нечем, есть вкрапления

меди. Значит, нужен шлем, баллоны со сжатым воздухом; и еще крючья и скобы, чтобы взбираться по разъеденной временем древней дороге наверх, по лестнице, где разрушена половина ступеней; и нужны инструменты, распознающие медь, и насос, чтобы наполнить баллоны. Потом придется подтащить множество баллонов к началу подъема, устроить склад и, поднимаясь наверх, постепенно поднимать их тоже, устраивать новые склады, пока цепь запасов не достигнет самого верха... и тогда, быть может, он найдет медь для возрождения.

Он старался не думать о том, сколько на все это понадобится времени и как мала надежда на успех. Нажал педаль — заработали маленькие мехи, в примитивной кузнице вспыхнули язычки голубого пламени; он достал металлические слитки — надо раскалить их, чтобы поддавались ковке. Вручную придать им ту форму, какой требуют старинные записи и чертежи, — задача почти немыслимая — и все же надо как-то справиться. Его народ не должен умереть!

Прошли долгие часы, а он все работал, и вдруг по пещере разнесся высокий пронзительный звук. В энергополе над створчатым шлюзом свода появился метеорит — и, видно, огромный! Такого, чтоб ожили защитные экраны, на памяти Лъина еще не бывало, и он думал, что механизм больше не действует, хоть и рассчитан был на века, ведь Солнце должно питать его своей энергией, пока не погаснет. В растерянности стоял он, глядя на дверь, и вот свистящий звук повторился.

Если сейчас же не нажать решетку вводного устройства; автоматически включатся отклоняющие силы, и метеорит упадет в стороне от свода. Лъин не успел об этом подумать, просто кинулся вперед и прижал пальцы к решетчатой панели. Потому-то он и поселился именно в этой пещере, некогда здесь помещалась стража, в далеком прошлом она впускала и выпускала немногочисленные ракеты-разведчики. Решетка на миг засветилась, значит, метеорит вошел в кратер, и Лъин опустил руку, чтобы створы шлюза сошлись вновь.

И направился к выходу, нетерпеливо ожидая падения метеорита. Быть может, Великие добры и наконец отозвались на его мольбы. Раз он не может найти медь у себя дома, они посылают ему дар извне — а вдруг это баснословное богатство? Быть может, метеорит так велик, что еле уместится в ладони! Но почему он все еще не упал? Цепенея от страха, Лъин тревожно всматривался в далекий свод — неужели он опоздал, и защитные силы отбросили метеорит прочь?

Нет, вон блеснул огонек — но не так должен бы вспыхнуть такой большой метеорит, врезаясь в сопротивляющийся воздух! До слуха наконец донесся сверлящий, прерывистый вой — метеорит должен бы звучать совсем иначе. В недоумении Лъин всмотрелся еще пристальней — да, вот он, гость, не падает стремглав, а опускается неторопливо, и яркий свет не угасает позади, а обращен вниз. Но это значит... это может означать только одно — разумное управление. Ракета!!!

На миг у Лъина все смешалось в голове — уж не возвращаются ли предки из какого-то другого, неведомого убежища? Или

сами Великие решили его посетить? Но, привыкший рассуждать здраво, он отверг эти нелепые догадки. Не могла такая машина прилететь из безжизненных лунных пустынь, а только со сказочной планеты, что находится под его родным миром, либо с тех, которые обращаются вокруг Солнца по другим орбитам. Неужели там есть разумная жизнь?

Он мысленно перебирал в памяти записи, оставшиеся со времен, когда предки, пересекая космос, летали к соседним планетам — задолго до того, как было построено убежище в кратере. Основать там колонии не удалось, непомерно велика оказалась сила тяжести, но космонавты подробно осмотрели другие миры. На второй планете жили только чешуйчатые твари, скользящие в воде, да причудливые папоротники на редких клочках суши; на планете, вокруг которой обращается его родной мир, кишели исполинские звери, а сушу покрывали растения, глубоко уходящие корнями в почву. На этих двух не нашлось ни следа разума. Вот четвертую планету населяли существа более понятные, схожие с предшественниками его народа на долгом пути эволюции: жизнь не разделялась на животную и растительную, то и другое сочеталось в единстве. Шарообразные комочки живого вещества, движимые инстинктом, уже стягивались в стайки, но еще не могли общаться друг с другом. Да, из всех известных миров, вероятнее всего, именно там развился разум. Если же каким-то чудом ракета все-таки прилетела с третьего мира, надеяться не на что: слишком он кровожаден, это ясно из древних свитков, на каждом рисунке свирепые чудища, огромные, как горы, раздирают друг друга в клочья. Лъин услыхал, как опустился где-то поблизости корабль, и, полный страхов и надежд, направился к нему, туго свернув хвост за спиной.

Увидав у открытого люка двух пришельцев, он тотчас понял, что ошибся. Эти существа сложены примерно так же, как и он, хотя гораздо крупней и массивнее. Значит, с третьей планеты. Он помедлил, осторожно наблюдая: они озираются по сторонам и явно рады, что тут есть чем дышать. Потом одно что-то сказало другому. Новое потрясение!

Оно говорит внятно, интонации явно разумны, но сами звуки — бессмысленное лопотанье. И это — речь?! Должно быть, все же речь, хотя в словах ни малейшего смысла. Впрочем... как там, в старинных записях? Сла-Вольнодумец полагал, будто в древности у жителей Луны не было речи, они сами изобрели звуки и каждый наделили значением, и лишь после долгих веков привычка к звуковой речи преобразилась в инстинкт, с которым младенец рождался на свет; Вольнодумец даже подвергал сомнению ту истину, что сами Великие предусмотрели речь, осмысленные звуки как неизбежное дополнение к разуму. И вот... кажется, он был прав. Ощупью пробиваясь в тумане нежданного открытия, Лъин собрал свои мысли в направленный луч.

И опять потрясение. Умы пришельцев оказались почти непроницаемы, а когда он наконец нашел ключ и начал нащупывать их мысли, стало ясно, что они его мыслей читать не могут! И однако они разумны. По тот, на котором он сосредоточился, наконец его заметил и порывисто ухватился за второго.

Слова по-прежнему были корявые, нелепые, но общий смысл сказанного человек с Луны уловил:

— Толстяк, это что такое?!

Второй пришелец обернулся и уставился на подходящего к ним Лъина.

— Не поймешь. Какая-то сухопарая обезьяна в три фута ростом. По-твоему, она не опасная?

— Навряд ли. Может быть, даже разумная. Этот купол наверняка сработала не какая-нибудь горсточка переселенцев — сразу видно, постройка не человеческая. Эй! — обратился к лунному жителю пришелец, который мысленно называл себя Тощим, хотя с виду был большой и плотный.— Ты кто такой?

— Лъин,— ответил тот, подходя ближе, и ощутил в мыслях Тощего удивление и удовольствие.—Лъин. Я — Лъин.

— Пожалуй, ты прав, Тощий,— проворчал Толстяк.— Похоже, он тебя понимает. Любопытно, кто прилетел сюда и обучил его говорить по-людски?

Лъин немного путался, не сразу удавалось различить и запомнить значение каждого звука.

— Не понимает людски. Никто прилетал сюда. Вы...

Дальше слов не хватило, он шагнул поближе, показывая на голову Тощего и на свою. К его удивлению, Тощий понял.

— Видимо, он читает наши мысли. Это телепатия.

— Ишь ты! Марсияшки тоже толкуют, будто они таким манером друг друга понимают, а вот чтоб они у человека мысли прочитали, я ни разу ни видал. Они толкуют, будто у нас мозги как-то не так открываются. Может, эта обезьяна, Рим этот, тебе все врет.

— Ну, вряд ли. Посмотри-ка на тестер, вон какая радиоактивность. Если бы здесь побывали люди и вернулись, об этом бы уже всюду кричали. Кстати, его зовут не Рим, больше похоже на Лин, а по-настоящему нам не выговорить.— Он послал мысль Лъину, и тот послушно повторил свое имя.— Видишь? У нас «л» — плавный звук, а у него взрывной. А согласный на конце он произносит как губной, хотя и похоже на наш зубной. В нашей речи таких звуков нет. Интересно, насколько он разумен.

Не успел Лъин составить подходящий ответ, как Тощий нырнул в люк корабля и через минуту вернулся с пакетиком под мышкой.

— Космический разговорник,— объяснил он Толстяку.— По таким сто лет назад обучали марсиан.— И обратился к Лъину:— Тут собраны шестьсот самых ходовых слов нашего языка и расположены так, чтобы как можно легче их постепенно усвоить. Смотри на картинки, а я буду говорить и думать слова. Ну-ка, о-дин... два... понимаешь?

Толстяк Уэлш некоторое время смотрел и слушал и отчасти потешался, но скоро ему это надоело.

— Ладно, Тощий, можешь еще понянчиться со своим туземцем, вдруг узнаешь что-нибудь полезное. А пока ты не принялся за ремонт, я пойду осмотрю стены, любопытно, что тут есть радиоактивного. Эх, жаль, на наших грузовиках передатчики никудышные, вызывай не вызывай — далеко не услышат.

И он побрел прочь, но Лъин и Тощий этого даже не заметили. Они поглощены были нелегкой задачей — найти средства общения; казалось бы, за считанные часы, при совсем разном жизненном опыте это неосуществимо. Но как ни странны были чужие звуки и сочетания слов, как ни причудливо соединялись они в значимые группы, в конце концов, это была всего лишь речь. А Лъин появился на свет, уже владея речью чрезвычайно сложной, но для него естественной, как дыхание. Усиленно кривя губы, он один за другим одолевал трудные звуки и неизгладимо утверждал в мозгу их значение.

Под конец Толстяк, идя на голоса, отыскал их в пещере Лъина, уселся и смотрел на них, точно взрослый на малыша, играющего с собакой. Не то чтобы Лъин вызывал у него недоброе чувство, но и человеком Толстяк его не считал: так, смышленое животное, вроде марсиан или дикарей с Венеры; ну, а если Тощему угодно обращаться с ним как с равным, пускай покуда тешится.

Лъин смутно улавливал и эти мысли, и еще другие, более опасные; но его слишком захватило общение с живым разумом, ведь почти столетие он провел в полном одиночестве. А было кое-что и поважнее. Он подергивал хвостом, разводил руками и усердно одолевал земные звуки, Тощий, как мог, поспевал за ним. Наконец землянин кивнул:

— Кажется, я понял. Все, кроме тебя, уже умерли, и тебе очень не по душе, что выхода никакого нет. Гм-м. Мне такое тоже бы не понравилось. И теперь ты думаешь, что эти твои Великие, а по-нашему бог, послали нас сюда поправить дело. А как поправить?

Лъин просиял, лицо его сморщилось и скривилось от удовольствия, и он не сразу понял, что Тощий неверно истолковал эту гримасу. Намерения у Тощего добрые. Если он поймет, в чем нужда, он, пожалуй, охотно даст меди, ведь из древних записей известно, что третья планета богаче всех минералами.

— Нужен Нра. Жизнь получается от того, что из многих простых вещей делается одна не простая: воздух, что надо для питья, что надо для еды — это все у меня есть, и я живу. А чтобы начаться новой жизни, нужен Нра. Он — начало начал. Само зерно неживое, будет Нра — оно оживет. Только у меня нет слова.

С нетерпением он ждал, пока Тощий все это усвоит.

— Какой-то витамин или гормон, что ли? Вроде витамина E_6? Может, мы и могли бы его сделать, если...

Лъин кивнул. Да, конечно, Великие добры. На обоих сердцах у него потеплело от мысли о многих заботливо укрытых про запас зернах, которые можно прорастить, была бы только желанная медь. А теперь человек с Земли готов ему помочь. Еще немножко терпения — и все будет хорошо.

— Делать не надо! — весело пропищал он.— Простая штука. Зерно или я — мы можем сделать внутри себя. Но для этого нам нужен Нра. Смотри.

Он взял камешки из корзины, размял в горсти, старательно разжевал и знаками показал, что у него внутри камень изменяется.

Толстяк Уэлш заинтересовался:

— А ну, обезьяна, съешь еще!

Лъин охотно повиновался. Как странно — значит, сами они едят только то, что приготовили для них другие живые существа.

— Ух, черт! Он лопает камни... самые настоящие камни! Слушай, Тощий, у него что же, зоб, как у птицы?

— Он их переваривает. Почитай-ка о прамарсианах, они были наполовину животные, наполовину растения, и у него, очевидно, обмен веществ идет так же. Вот что, Лин, как я понимаю, тебе нужен какой-то химический элемент. Натрий, кальций, хлор? Нет, этого всего здесь, должно быть, хватает. Может, йод? Гм-м.

Он перечислил десятка два элементов, которые, по его соображениям, могли как-то содействовать жизни, но меди среди них не оказалось, и в мысли лунного жителя понемногу закрадывался страх. Неужели этот странный барьер, мешающий им понимать друг друга, все погубит?!

Где же выход? И вдруг он вздохнул с облегчением. Ну, конечно, общего слова нет, но структура химического элемента всюду одна и та же. Он торопливо перелистал разговорник, нашел чистую страницу и взял у землянина карандаш. Толстяк и Тощий смотрели во все глаза, а Лъин тщательно, начиная от центра, частицу за частицей, вычертил строение атома меди, открытое великими физиками его народа.

И они ничего не поняли! Тощий покачал головой и вернул листок.

— Насколько я догадываюсь, приятель, это схема какого-то атома... но тогда нам, на Земле, еще учиться и учиться! — Он даже присвистнул.

Толстяк скривил губы:

— Если это атом, так я сапог всмятку. Пошли, Тощий, уже время спать, а ты полдня валял дурака. И потом надо помозговать насчет этой самой радиации. Мы бы тут с тобой спеклись в полчаса, спасибо, надели походные нейтрализаторы... а обезьяне это, видно, только на пользу. И у меня есть одна идея.

Тощий вышел из мрачного раздумья и посмотрел на часы.

— Ах, черт! Послушай, Лин, ты не падай духом, завтра мы это еще обсудим. А сейчас Толстяк прав, нам с ним пора спать. До скорого, приятель!

Лъин кивнул, на время прощаясь с ними на родном языке, и тяжело опустился на жесткое ложе. За дверью Толстяк с жаром начал развивать некий план — как с помощью Лъина добывать радиоактивные вещества; послышался протестующий голос Тощего. Но Лъину было не до того. Атом меди он, конечно, изобразил правильно, однако наука землян делает еще только первые шаги, они слишком мало знают о строении атома, им не разобраться в его чертежах.

Писать химические формулы? Реакции, которые исключат один за другим все элементы, кроме меди? Будь они химиками, они, может, и поняли бы, но даже Тощий знает слишком мало.

И все же какой-то выход должен быть, разве что на Земле вовсе нет меди. Уж наверно, Великие, которых земляне называют богом, не отозвались бы на мольбы многих поколений злой насмешкой. Выход есть — и, пока пришельцы спят, Лъин его найдет, хотя бы в поисках ключа пришлось перерыть все древние свитки.

Несколько часов спустя, вновь полный надежд, он устало брел по долине к земному кораблю. Найденное решение оказалось простым. Все элементы объединяются по семействам и классам. Тощий упоминал о натрии даже по самым примитивным таблицам, какими, несомненно, пользуются на Земле, можно установить, что натрий и медь относятся к одному семейству. А главное, по простейшей теории, наверняка доступной народу, уже строящему космические ракеты, атомный номер меди — двадцать девять.

Оба люка были открыты, Лъин проскользнул внутрь, безошибочно определяя направление по колеблющимся, смутным мыслям спящих людей. Дошел до них — и остановился в сомнении. Он ведь не знает их обычаев, но уже убедился: то, что для его народа было истиной, далеко не всегда правильно для землян. Вдруг им не понравится, если он их разбудит? В нем боролись учтивость и нетерпение: наконец он присел на корточки на металлическом полу, крепко сжимая древний свиток и принюхиваясь к окружающим металлам. Меди здесь не было, но он и не надеялся так просто найти столь редкий элемент; впрочем, тут были и такие, которых он совсем не мог определить, — должно быть, из тяжелых, какие на Луне почти не существуют.

Толстяк что-то пробурчал, замахал руками, зевнул и сел, еще толком не проснувшись. Его мысли полны были кем-то с Земли, в ком присутствовало женское начало (которого, как уже заметил Лъин; оба гостя были лишены), и еще тем, что станет делать он, Толстяк, «когда разбогатеет». Лъин живо заинтересовался изображениями этой мысли, но потом спохватился: тут явно секреты, не следует в них проникать без спроса. От отвел свой ум, и тогда-то землянин его заметил.

Спросонья Толстяк Уэлш всегда бывал не в духе. Он вскочил, зашарил вокруг в поисках чего-нибудь тяжелого.

— Ах ты, подлая обезьяна! — взревел он. — Чего шныряешь? Вздумал нас прирезать?

Лъин взвизгнул и увернулся от удара, который расплющил бы его в лепешку; непонятно, в чем он провинился, но безопаснее уйти. Физический страх был ему незнаком, слишком много поколений жило и умерло, не нуждаясь в этом чувстве. Но его ошеломило открытие, что пришельцы способны убить мыслящее существо. Неужели на Земле жизнь ничего не стоит?

— Эй, брось! Прекрати!— Шум разбудил Тощего; Лъин мельком оглянулся: Тощий сзади схватил Толстяка и не давал шевельнуть рукой.— Полегче, слышишь! Что у вас тут?

Но Толстяк уже окончательно проснулся и остывал. Выпустил из рук металлический брус, криво усмехнулся.

— Сам не знаю. Может, он ничего худого и не задумал, только я проснулся — вижу, он сидит, пялит на меня глаза,

а в руках железка, ну, мне и показалось — он хочет перерезать мне глотку или вроде того. Я уже очухался. Поди сюда, обезьяна, не бойся.

Тощий выпустил его и кивнул Лъину:

— Да-да, приятель, не уходи. У Толстяка свои заскоки насчет людей и нелюдей, но в общем-то он добрый. Будь хорошей собачкой, и он не станет пинать тебя ногами, даже за ухом почешет.

— Чушь! — Толстяк ухмылялся, добродушие вернулось к нему. Он понимал, что Тощий острит, но не обижался. Марсияшки, обезьяны... ясно, они не люди, с ними и разговор другой, ничего плохого тут нет.— Что ты притащил, обезьяна? Опять картинки, в которых никакого смысла нету?

Лъин кивнул, подражая их жесту, означающему согласие, и протянул свиток Тощему. Толстяк держится уже не враждебно, однако неясно, чего от него ждать, а Тощему, видимо, интересно.

— Надеюсь, в картинках много смысла. Вот Нра — двадцать девятый, под натрием.

— Периодическая таблица,— сказал Тощий Толстяку.— По крайней мере, похоже. Дай-ка мне справочник. Гм-м. Под натрием, номер двадцать девять. Натрий, калий, медь. Двадцать девятый, все правильно. Это оно и есть, Лин?

Глаза Лъина сверкали торжеством. Благодарение Великим!

— Да, это медь. Может быть, у вас найдется? Хотя бы один грамм?

— Пожалуйста, хоть тысячу граммов. По твоим понятиям, у нас ее до отвала. Бери сколько угодно.

И тут вмешался Толстяк.

— Ясно, обезьяна, у нас есть медь, если это ты по ней хныкал. А чем заплатишь?

— Заплатишь?

— Ясно. Что дашь в обмен? Мы помогаем тебе, а ты нам — справедливо?

Лъину это не приходило в голову,— но как будто справедливо. Только что же он может им дать? И тут он понял, что́ у землянина на уме. За медь ему, Лъину, придется работать: выкапывать и очищать радиоактивные вещества, с таким трудом созданные в пору, когда строилось убежище; вещества, дающие тепло и свет, нарочно преобразованные так, чтобы утолять все нужды племени, которому предстояло жить в кратере. А потом работать придется его сыновьям и сыновьям сыновей, добывать руду, выбиваться из сил ради Земли, и за это им будут платить медью — в обрез, только-только чтобы Земле хватало рудокопов. Мозг Толстяка снова захлестнули мечты о том земном создании. И ради этого он готов обречь целый народ прозябать без гордости, без надежд, без свершений. Непостижимо! На Земле так много людей — для чего им обращать Лъина в раба?

И рабство — это еще не все. В конце концов Земля пресытится радиоактивными материалами, либо, как ни велики запасы, они иссякнут — и нечем будет поддерживать жизнь... так или иначе — впереди гибель. Лъин содрогнулся: слишком страшный навязывают выбор.

Тощий опустил руку ему на плечо.

— Толстяк немного путает, Лин. Верно, Толстяк?

Пальцы Тощего сжимали что-то...«Оружие»,— смутно понял Лъин. Второй землянин поежился, но усмешка не сходила с его лица.

— Дурень ты, Тощий. Чокнутый. Может, ты и веришь в эту дребедень — что все люди и нелюди равны, но не убьешь же ты меня из-за этого. А я человек старых взглядов, я свою медь задаром не отдам.

Тощий вдруг тоже усмехнулся и спрятал оружие.

— Ну и не отдавай. Лин получит мою долю. Меди у нас вдосталь, без некоторых вещей мы вполне обойдемся. И не забывай: четверть всего, что есть на корабле,— моя.

На это в мыслях Толстяка не нашлось ответа. Он подумал немного и пожал плечами. Тощий прав: своему паю он хозяин. Ну и пусть...

— Ладно, воля твоя. Я тебе помогу раскопать, что у нас есть подходящего. Может, взять ту проволоку, знаешь, в ларе в машинном отделении?

Лъин молча смотрел, как они отперли небольшой ящик и стали там рыться; половина его ума изучала механизмы и управление, вторая половина ликовала: медь! И не какая-то горсточка, а столько, сколько он в силах унести! Чистая медь, которую так легко превратить в съедобный купорос при помощи кислот — он еще раньше их приготовил, когда пытался добыть медь здесь, у себя. Через год кратер вновь будет полон жизни. Он оставит триста, а может быть, и четыреста сыновей, и у них будут еще и еще потомки.

Одна деталь схемы сцепления, которую он изучал, заставила Лъина перенести центр тяжести на половину ума, занятую окружающими механизмами; он потянул Тощего за штанину.

— Это... вот это... не годится, да?

— А? Да, тут что-то разладилось. Потому нас к тебе и занесло, друг. А что?

— Тогда без радиоактивных. Я могу платить. Я исправлю.— На миг его взяло сомнение.— Это ведь тоже значит платить, да?

Толстяк вытащил из ящика большой моток чудесной, душистой проволоки, утер пот со лба и кивнул.

— Верно, это была бы плата, только ты эти штуки не тронь. Они и так ни к черту не годятся, и, может, Тощий даже не сумеет исправить.

— Я могу исправить.

— Ну да. Ты в каких академиях обучался электронике? В этом мотке двести футов, стало быть, на его долю пятьдесят. Ты что же, Тощий, свою всю ему отдашь?

— Да, пожалуй.— Тощий почти не следил за тем, как Толстяк отмерял и резал проволоку, с сомнением смотрел он на Лъина.— Слушай, Лин, а ты в таких вещах разбираешься? Ионный двигатель — штука не простая, в схеме питания черт ногу сломит. С чего ты взял, что сумеешь починить инжектор? Разве

у вашего народа были такие корабли и ты изучал чертежи?

Мучительно подыскивая слова, Лъин попытался объяснить. Нет, у его народа ничего похожего не было, атомные устройства работали по-другому, ведь на Луне урана почти нет, и энергию атома использовали непосредственно. Но принципы ему ясны уже из того, что он видит со стороны: он прямо в голове чувствует, как что должно работать.

— Я чувствую. Когда я только-только вырос, я уже мог это исправить. Записи и чертежи я все прочел, но главное — не что я изучал, а как я думаю. Триста миллионов лет мой народ все это изучал, а теперь я просто чувствую.

— Триста миллионов лет! Когда ты сказал, что прямо сроду умеешь и говорить, и читать, я понял, что ваше племя очень старое, но чтоб так... У нас тогда еще динозавры бегали!

— Да, мои предки видели таких зверей на вашей планете,— серьезно подтвердил Лъин.— Так я буду чинить?

Тощий растерянно мотнул головой и молча передал Лъину инструменты.

— Слышишь, Толстяк? Триста миллионов лет, и почти все это время они были далеко впереди нас теперешних. Ты только подумай! Мы были еще так, букашки, кормились динозавровыми яйцами, а эти уже летали с планеты на планету! Подолгу, наверно, нигде не оставались: сила тяжести для них вшестеро выше нормальной. А своя планета маленькая, воздух не удержала, пришлось зарыться в яму... вот и остался от них от всех один Лин!

— И поэтому он механик?

— У него инстинкт. Знаешь, какие инстинкты за такой срок развились у животных и у насекомых? У него чутье на механизмы — может, он и не знает, что это за машина, но чует, как она должна работать. Да еще прикинь, сколько он мне научных записей показывал и сколько всего, наверно, перечитал... я думаю, нет на свете такой машины, с которой он бы не сладил.

Толстяк решил, что спорить нет смысла. Либо эта обезьяна все исправит, либо им отсюда не выбраться. Лъин взял кусачки, отключил все контакты пульта управления и теперь обстоятельно, деталь за деталью, разбирал его. С необычайной ловкостью расцеплял провода, извлекал электронные лампы, разъединял трансформаторы.

Лъину ничего не стоило в этом разобраться. Земляне получают энергию из атомного топлива — используют определенные свойства ионизированного вещества, регулируют скорость ионизации, а затем реактивная струя через дюзы с большой скоростью выбрасывается наружу. Простейшая задача по электронике — управляемая реакция.

Маленькими проворными руками он виток за витком свернул проволоку в спираль, свернул вторую, между ними поместил электронную лампу. Вокруг этого узла появились еще спирали и лампы, затем длинная трубка — фидер, Лъин соединил ее с трубопроводом, подающим смесь для ионизации, укрепил шину. Инжекторы оказались излишне сложны, но их он трогать не стал,

годятся и так. На все вместе не ушло и пятнадцати минут.

— Будет работать. Только в первый раз включайте осторожно. Теперь это работает на всю мощность, не так мало, как раньше.

Тощий осмотрел сделанное.

— И это все? У тебя же осталась куча свободных деталей — куда их?

— Это было совсем ненужное. Очень плохое. Теперь хорошо.

И Лъин старательно объяснил Тощему, как будет работать новая конструкция. Прежнюю мог объяснить только опытный специалист, отлично владеющий сложной терминологией. Но то, что вышло сейчас из рук Лъина, было плодом знания, оставившего далеко позади неуклюжие сложности первых робких попыток. Если что-то надо сделать, это делается как можно проще. Теперь Тощий только диву давался — почему люди так не сделали с самого начала?! И как ему было не удивляться, когда все вдруг оказалось просто и ясно... Он кивнул.

— Отлично. Вот это да, Толстяк! Коэффициент полезного действия примерно 99,99 процента, а раньше у нас было не больше двадцати. Ты молодчина, Лин!

Толстяк ничего не понимал в электронике, но объяснения Лъина прозвучали убедительно, говорить больше не о чем. И он направился к рубке.

— Ладно, значит, отбываем. До скорого, обезьяна.

Тощий подобрал медную проволоку, подал Лъину и проводил его к люку. Лунный житель вышел из корабля, поднял голову к закрывающемуся люку и старательно улыбнулся на земной манер.

— Я открою створы и выпущу вас. И я вам заплатил, и все справедливо, так? Тогда — до скорого, Тощий. Да полюбят тебя Великие за то, что ты вернул мне мой народ.

— Прощай, — отозвался Тощий и помахал рукой.— Может, мы еще когда-нибудь тебя навестим, посмотрим, как ты тут процветаешь.

Люк закрылся.

И вот Лъин снова у себя в пещере, нежно гладит медную проволоку и ждет грома ракетных двигателей; ему и радостно, и тревожно. Медь — это счастье, но мысли, которые он прочел у Толстяка, сильно его смущают. Что ж, меди хватит для многих поколений, а что будет дальше с его народом — это во власти Великих.

Он вышел за дверь и смотрел, как уносится вверх теперь уже немигающий, уверенный огонек, унося с собою судьбу его племени. Если эти двое расскажут на Земле о радиоактивных камнях, впереди рабство и гибель. Если промолчат, быть может, его племя возродится к прежнему величию и вновь отправится на другие планеты; когда-то, еще в пору своего расцвета, лунный народ от этих попыток отказался, но ведь теперь на других мирах его встретят не дикие джунгли, а жизнь и разум. Быть может, когда-нибудь, владея древним знанием и покупая на других

планетах вещества, которых нет на Луне, потомки даже найдут способ вернуть родному миру былое великолепие — не об этом ли мечтали предки, пока ими не овладела безнадежность и не простерлись над его народом крылья ночи...

Лъин смотрел вверх; ракета поднималась над ним по спирали, то заслоняя, то вновь открывая просвет в вышине, равномерная смена тени и света — будто мерные взмахи крыльев в незапамятной дали времен, когда воздух над Луной был еще полон летучих существ. Наконец черные крылья достигли свода, Лъин открыл шлюз, они скользнули наружу — и стало совсем светло... быть может, это предзнаменование? Но как знать, доброе или дурное?

Он понес медную проволоку в детскую.

А на корабле Тощий Лейн смеющимися глазами следил за Толстяком Уэлшем — тому явно было не по себе, он пытался собраться с мыслями.

— Ну?— сказал Тощий.— Каков наш приятель? Пожалуй, не хуже людей, а?

— Угу. Пускай даже лучше. Я на все согласен. Он не хуже меня... а может, и получше. Хватит с тебя?

— Нет.— Тощий ковал железо, пока горячо.— Как насчет радиоактивных материалов?

Толстяк подбавил двигателям мощности и ахнул: ракета рванулась вперед с небывалой силой, его вдавило в кресло. Он осторожно перевел дух, немного посидел, глядя в одну точку. Наконец пожал плечами и обернулся к Тощему.

— Ладно, твоя взяла. Обезьяну никто не тронет, я буду держать язык за зубами. Теперь ты доволен?

— Ага.

Тощий Лейн был не просто доволен. Он тоже в случившемся видел предзнаменование, и, значит, идеалы не такая уж глупость. Быть может, когда-нибудь черные крылья предрассудков и чванливого презрения ко всем иным племенам и расам навсегда перестанут заслонять небо людям, как перестали застилать глаза Толстяку. Вероятно, ему, Лейну, до этого не дожить, но в конце концов так будет. И править миром станет не одна какая-либо раса, но разум.

— Да, Толстяк, я очень доволен. И не горюй, ты не так уж много потерял. На этой Линовой схеме сцепления мы с тобой разбогатеем; я уже придумал, новый способ пригодится по крайней мере для десяти разных механизмов. Что ты станешь делать со своей долей?

Толстяк расплылся в улыбке.

— Начну валять дурака. Помогу тебе снова здорово взяться за твою пропаганду, будем вместе летать по свету и целоваться с марсияшками да с обезьянами. Любопытно, про что сейчас думает наша обезьянка.

А Лъин в эти минуты ни о чем не думал: он уже решил для себя загадку противоречивых сил, действующих в уме Толстяка, и знал, какое тот примет решение. Теперь он готовил медный купорос и уже предвидел рассвет, идущий на смену ночи. Рассвет всегда прекрасен, а этот — просто чудо!

Стенли Вейнбаум

ПЛАНЕТА-ПАРАЗИТ

Хэму Хэммонду повезло, что когда началось извержение грязи, стояла середина зимы. Зима на Венере ничем не напоминает земную; только жители самых теплых районов Амазонии или Конго могли бы представить себе зиму на Венере; самые худшие летние дни, зной, назойливые обитатели джунглей.

На Венере, как известно, времена года чередуются на противоположных полушариях, как и на Земле, однако с одной существенной разницей. Когда Северная Америка и Европа обливаются потом, в Австралии и Аргентине царит зима. На Венере же времена года связаны не с отклонением от плоскости эклиптики, а с либрацией*. Венера не вращается и все время обращена к Солнцу одной стороной, точно так же, как Луна к Земле. На одной ее стороне продолжается вечный день, на другой — ночь, и лишь в зоне сумерек, опоясывающей планету пятисотмильный полосой, существуют условия, допускающие проживание людей.

В направлении стороны, освещенной солнцем, сумеречный пояс сменяется жаром пустыни, где живут лишь несколько форм венерианской жизни, а на краю ночи зона, пригодная для жизни, кончается вдруг огромным ледяным барьером, возникшим в результате конденсации верховых ветров, непрерывно поступающих из жаркого полушария в холодное, чтобы здесь остыть, опуститься вниз и двинуться обратно.

Теплый воздух, остывая, приносит с собой дождь, который на краю вечной ночи замерзает, образуя огромные ледяные крепости. Что находится дальше, какие фантастические формы жизни можно встретить в беззвездной темноте замерзшего полушария или же оно мертво, как лишенная атмосферы Луна, до сих пор остается тайной.

Медленная либрация, тяжелое переваливание планеты с боку на бок вызывает появление чего-то вроде времен года. В районах сумеречного пояса сначала на одном полушарии, потом на другом закрытое облаками солнце в течение пятнадцати дней постепенно поднимается высоко и лишь вблизи ледяного барьера почти касается горизонта, поскольку либрация составляет всего семь градусов, но и этого хватает для создания заметных пятнадцатидневных времен года.

---

* *Периодические маятниковые колебания относительно ее центра масс.*

И каких времен года! Зимой температура опускается до влажных, но терпимых тридцати пяти градусов, а две недели спустя вблизи выжженных зноем Тропиков шестьдесят градусов знаменуют холодный день. Зимой и летом кратковременные дожди мрачно льют с неба и поглощаются губчатой почвой, чтобы вновь подняться вверх в виде липких ядовитых испарений.

Именно огромное количество влаги явилось самой большой неожиданностью для первых людей, прибывших на Венеру. Разумеется, облака были видны, но спектроскоп не показывал наличия воды, и ничего удивительного, ведь он анализировал свет, отраженный от верхней поверхности облаков, находящейся в пятидесяти милях от поверхности планеты.

Обилие воды приводит к удивительным последствиям. На Венере нет морей или океанов, разве что предположить существование безмерных, молчаливых и вечнозамерзших океанов на ночной стороне. На горячем полушарии испарение происходит слишком быстро, поэтому реки, стекающие с ледяных гор, просто уменьшаются и в конце концов уходят в песок.

Дальнейшее определяется непостоянным характером почвы в сумеречном поясе. Под землей текут огромные подземные реки, одни кипящие, другие холодные, как лед, из которого возникли. Именно они вызывают извержения грязи, делающие заселение человеком Тропиков таким рискованным: прочная и внешне безопасная поверхность может внезапно превратиться в море кипящей грязи, в которое погружаются здания, порой вместе с жителями.

Предсказать катастрофу невозможно, и здания стоят в безопасности только на редко встречающихся выходах коренных пород. Именно поэтому все поселения людей жмутся к подножиям гор.

Хэм Хэммонд был фактором, одним из тех авантюристов, которые всегда появляются на границе и окраинах населенных районов. Большинство из них относится к двум классам: это безрассудные смельчаки, гоняющиеся за риском, либо изгнанники, преступники и люди, ищущие одиночества или забвения.

Хэм Хэммонд не принадлежал ни к одной из этих категорий. Он не гонялся за абстракциями, его влекло очарование богатства. Торгуя с туземцами, он добывал стручки семян венерианского растения ксикстхил, из которых земные химики экстрагировали тригидроксил-тертиарилин, или тройной Т-Д-А, необходимый для курса омоложения.

Хэм был молод и временами удивлялся, почему старые богатые мужчины и женщины склонны платить колоссальные суммы за несколько дополнительных лет, тем более что процедура эта не продлевала жизнь, а вызывала что-то вроде временной, искусственной молодости. Седые волосы темнели, морщины разглаживались, лысины покрывались пушком — но через несколько лет искусственно омоложенный человек все равно умирал. Однако, пока грамм тройного Т-Д-А равнялся по цене грамму радия, Хэм был склонен идти на любой риск, чтобы его добыть.

Честно говоря, он никогда не верил в возможность извержения грязи. Разумеется, это было постоянной потенциальной угрозой, и все-таки, когда, глядя сквозь окно своего жилища на парящую венерианскую равнину, он вдруг увидел появляющиеся вокруг кипящие лужи, то был просто потрясен.

На мгновение он оцепенел, но тут же принялся лихорадочно действовать. Натянул на себя защитный скафандр из резиноподобной прозрачной трансдермы, закрепил на ногах большие миски болотных лыж, закинул на спину рюкзак с драгоценными стручками семян ксикстхила, собрал немного продуктов и выскочил на открытое место.

Земля была еще наполовину твердой, но на его глазах темная почва вокруг металлических стен жилища начала кипеть. Куб контейнера накренился, постепенно исчезая из виду, пока наконец грязь с бульканьем не сомкнулась над ним.

Хэм очнулся. Он знал, что нельзя неподвижно стоять посреди грязеизвержения, даже если на ногах у тебя похожие на миски болотные лыжи. Если липкая жижа переливалась через верхний край лыж, положение становилось безвыходным. Не в силах передвигать ноги, человек сначала медленно, а потом все быстрее погружался следом за своим жилищем.

Он начал движение по кипящему болоту тем особенным скользящим шагом, который постиг за годы практики: не отрывая болотных лыж от поверхности, он осторожно скользил, следя, чтобы ни капли грязи не перелилось через загнутые вверх края.

Это был утомительный, но единственно возможный способ. Хэм двигался на запад, где находилась линия тени,— если уж искать безопасное место, почему им не может быть зона живительного холода? Трясина оказалась обширной, и Хэм прошел не меньше мили, прежде чем добрался до небольшой возвышенности, и лыжи заскребли по плотному грунту. Весь покрытый потом, он чувствовал себя в скафандре из трансдермы, как в бане, но человек привыкает даже к Венере. Он отдал бы половину драгоценных стручков ксикстхила за возможность открыть маску скафандра и вдохнуть хотя бы этот насыщенный паром, влажный венерианский воздух, но — если хотел остаться в живых — это было невозможно. Один вдох непрофильтрованного воздуха в районах возле горячего края сумеречного пояса означал быструю и весьма болезненную смерть. Воздух содержал споры агрессивной венерианской плесени, которая покрыла бы пушистым мхом ноздри, губы, легкие, а затем уши и глаза.

Любой контакт с венерианской биосферой был опасен. Однажды Хэм наткнулся на труп торговца, тело которого разъела плесень. Этот человек случайно сделал дыру в скафандре — этого хватило.

Именно потому еда и питье на открытом пространстве становились проблемой. Требовалось дождаться, пока дождь осадит на землю споры плесени — и быстро использовать следующие полчаса. Но даже при этом вода должна была быть свежевскипяченной, а продукты — только что вынуты из банок; в противном случае, как уже бывало не раз, пища неожиданно

превращалась в пушистую массу плесени, которая росла со скоростью передвижения минутной стрелки на часах. Что за мерзкое зрелище! Да, Венера — отвратительная планета!

Эту последнюю мысль у Хэма вызвало зрелище болота, поглотившего его жилище. Растительность исчезла вместе с ним, но уже выныривала жадная и прожорливая жизнь: вьющаяся болотная трава и клубневидные грибы, называемые «шагающими шарами». Повсюду в грязи кишели миллионы небольших скользких созданий, пожирающих друг друга, раздирающих на части, причем каждый кусок через некоторое время превращался во взрослое существо.

Тысячи различных видов, совершенно идентичных в одном смысле: каждый на сто процентов был обжорой. В сущности, некоторые из них были всего лишь клочками кожи, рассеченными дюжиной голодных пастей и ползающими на сотнях паучьих ножек.

Жизнь на Венере характеризует более-менее паразитический характер. Даже растения, получающие питание прямо из почвы и воздуха, могут поглощать и переваривать, а во многих случаях и хватать животную пищу. Конкуренция на этой узкой полосе суши между огнем и льдом настолько остра, что не видевший ее просто не в силах вообразить. Животные непрерывно воюют между собой, а также с растениями, которые отвечают им тем же, часто превосходя первых в создании чудовищных хищников, которых трудно даже назвать растениями. Ужасный мир!

За несколько минут, на которые Хэм задержался на месте, побеги вьющихся растений успели опутать его ноги, так что пришлось разрезать их ножом, и черный, отвратительный сок, потекший по непроницаемой трансдерме, тут же начал покрываться пухом, по мере того как пускала ростки плесень. Хэм вздрогнул.

— Что за адское место!— рявкнул он, наклоняясь, чтобы снять болотные лыжи, которые затем предусмотрительно закинул на спину.

С трудом брел он сквозь вьющуюся растительность, автоматически уклоняясь от дерева под названием Джек-Хвататель. Дерево вытягивало в направлении его рук и ног ростки, похожие на щупальца. Время от времени Хэм проходил мимо экземпляра Джека-Хватателя, с которого свисало пойманное создание, обычно совершенно неузнаваемое, поскольку плесень покрывала его мохнатым саваном, в то время как дерево спокойно поглощало и то и другое.

— Ужасное место,— бормотал Хэм, отталкивая ногой дрожащий клуб червей, названия которых не знал.

Он задумался: его жилище располагалось у самого горячего края сумеречного пояса, и значит, от терминатора его отделяло более двухсот пятидесяти миль, хотя расстояние это колебалось в зависимости от либрации. Никто не может приблизиться к собственно линии, поскольку там свирепствуют совершенно невообразимые бури. Горячие верховые ветры сталкиваются с ледяными ураганами, приходящими с темной стороны, вызывая родовые схватки ледового барьера.

Хэму требовалось пройти сто пятьдесят миль на запад, чтобы оказаться в районе с климатом, слишком умеренным для развития плесени. Там он сможет передвигаться с относительным комфортом. Считая от этого места, не далее чем в пятидесяти милях к северу находится американский поселок Эротия.

Дорогу Хэму преграждал хребет Гор Вечности. Правда, это были не могучие двадцатимильные гиганты, вершины которых порой замечают земные наблюдатели и которые навеки отделяют британскую часть Венеры от американских владений, однако горы эти вызывали уважение даже на перевале, через который Хэм собирался пройти. Он находился на британской стороне, чему, впрочем, никто не придавал особого значения: факторы пересекали эту границу, когда и как хотели.

Проект этот означал необходимость преодоления около двухсот миль, что лежало в пределах возможностей Хэма. Он был вооружен автоматическим пистолетом и огнеметом, а вода не составляла проблемы при условии, что ее старательно кипятили. В крайних ситуациях можно было есть и венерианские создания, но это требовало голода, тщательного приготовления и крепкого желудка. «Главное тут не вкус, а внешний вид»,— говорили прошедшие через это испытание. Хэммонд горько усмехнулся — несомненно, ему придется самому проверить истинность этого утверждения, поскольку вряд ли консервов хватит на все путешествие. Хэммонд утешал себя тем, что, в сущности, нет поводов для беспокойства. Он может быть даже доволен. Стручки ксикстхила, лежащие в его рюкзаке, представляли состояние, сколотить которое на Земле он мог бы за полтора десятка лет упорного труда.

Как будто ему ничто не угрожало, и все-таки люди без следа исчезали на Венере дюжинами. О них напоминали плесень или какие-нибудь ужасные чудовища — полурастения-полуживотные.

Хэм брел, стараясь выбирать поляны, возникающие вокруг деревьев Джека-Хватателя, этих всеядных растений, уничтожающих любые проявления жизни в пределах досягаемости своих побегов.

В других местах продвижение вперед было практически невозможно, поскольку венерианские джунгли представляли собой такую жуткую путаницу пожирающих друг друга форм, что двигаться можно было лишь шаг за шагом, с огромным трудом прорубая себе дорогу. Но даже при этом оставалась опасность со стороны бог знает каких, вооруженных клыками и ядом созданий, зубы которых могли проткнуть защитную оболочку из трансдермы. А это означало смерть. Даже отвратительные деревья Джека-Хватателя были лучшей компанией, подумал Хэм, отпихивая непрерывно изучающие окружающее лианы.

Через шесть часов после начала вынужденного путешествия пошел дождь; Хэм нашел место, которое недавнее грязеизвержение очистило от деревьев и кустов, и сел поесть. Сначала он зачерпнул немного воды, покрытой пеной, профильтровал ее через ситечко, прикрепленное к манерке, и занялся стерилизацией.

Огонь был недоступен, поскольку в Тропиках Венеры сухие дрова встречаются крайне редко, поэтому Хэм бросил в жидкость термические таблетки, которые мгновенно вскипятили воду, сами улетучившись в виде газа. Вода сохранила слабый привкус аммиака, но это было минимальное неудобство. Хэм накрыл сосуд и поставил в сторону, чтобы вода остыла.

Потом открыл консервную банку с фасолью, огляделся, нет ли поблизости случайной плесени, затем поднял забрало и торопливо проглотил пищу. Запив все теплой водой, он осторожно влил остатки в мешочек, находящийся внутри скафандра, откуда воду можно было потягивать через трубку.

Не прошло и десяти минут после окончания еды, и Хэм еще отдыхал, мечтая о недосягаемой роскоши сигареты, как мохнатая плесень покрыла остатки продуктов в банке.

Час спустя, усталый и взмокший, Хэм нашел Дружеское Дерево, названное так его открывателем, натуралистом Барлингемом. Это одно из немногих деревьев Венеры с такими вялыми движениями, что можно безопасно отдыхать среди его ветвей. Хэм влез на него, расположился поудобнее и заснул как убитый.

Прошло пять часов. Проснувшись, Хэм констатировал, что веточки и небольшие присоски Дружеского Дерева оплели всю его трансдерму. Он осторожно оторвал их, спутился вниз и побрел на запад.

Сразу после второго дождя он встретил «пузана», создание, называемое так в английской и американской частях Венеры. Во французской части его называют pоtа colle, то есть горшок теста, а в датской... ну что же, датчане не слишком стыдливы и называют чудовище так, как оно того заслуживает.

Вообще-то пузан — существо отвратительное. Масса белой, похожей на тесто протоплазмы доходит до двадцати тонн кашеобразной мерзости. Она не принимает никакой определенной формы, это просто бесформенное скопище клеток — освобожденный от телесной оболочки, ползающий, вечно голодный рот.

Пузан не обладает интеллектом, не имеет никаких инстинктов, кроме, пожалуй, чувства голода, и движется туда, где пища касается его поверхности. Касаясь двух съедобных поверхностей, он попросту делится, причем большая часть атакует большую добычу. Он невосприимчив к пулям, и ничто, кроме пламени огнемета, не в состоянии его убить, да и то лишь в том случае, если огонь уничтожит все клетки. Пузан катится по поверхности, поглощая все и оставляя за собой голую черную землю, на которой сразу же появляется вездесущая плесень.

Хэм отскочил в сторону, когда пузан вдруг выкатился из джунглей справа от него. Правда, он не мог повредить защитную трансдерму, но тестовидная масса могла просто задушить человека. Хэму очень хотелось поразить эту тварь полным зарядом из огнемета, висящего на поясе, но опытный венерианский пионер весьма экономно пользуется оружием. Оно заряжено алмазом, правда, промышленным, а не ювелирным, но все же бесценным в трудных ситуациях. Воспламененный кристалл

отдает свою энергию в одной чудовищной струе огня, которая с громовым грохотом бьет на расстояние в сто ярдов, превращая в пепел все на линии выстрела.

Пузан прокатился под аккомпанемент чмоканья и чавканья, а за ним открылась просека, проделанная в чаще,— вьюны, лианы, змееподобный плющ и деревья Джека-Хватателя — все было выметено без остатка до самой влажной почвы, где буквально на глазах разрасталась плесень.

Коридор вел почти в том направлении, куда собирался идти Хэм, поэтому он воспользовался случаем и широко зашагал вперед, внимательно поглядывая на зловещие стены джунглей. Примерно через десять часов тропу эту снова заполнит враждебная жизнь, но пока существовала возможность передвигаться значительно быстрее.

Он прошел уже почти пять миль по дороге, начинавшей постепенно зарастать, когда встретил туземца, галопирующего на четырех коротких ногах. Руки его, похожие на клешни, вырезали проход в зарослях. Хэм остановился для краткого палавера.

— Мурра,— сказал он.

Язык жителей экваториальных Тропиков весьма причудлив. Он насчитывает около двухсот слов, но выучивший их не может сказать, что овладел им до конца. Слова характеризуют понятийные обобщения, а каждый звук имеет от дюжины до сотни значений. «Мурра», например, выражает приветствие, что-то близкое «хэлло» или «добрый день», однако может также передавать предупреждение — «берегись». Значит оно и «будем друзьями», а также, как это ни странно, «вызываю тебя».

Имеет оно и значение существительного, означая мир, войну, отвагу и страх. Утонченный язык. Только недавние исследования модуляции голоса продемонстрировали земным филологам его богатую природу. Впрочем, английский с его «to», «too» и «two»; «one», «won», «wen», «win», «when» и дюжиной других близких звуков тоже показался бы странным для ушей венериан, не приученных различать гласные.

Но самое плохое, что люди не могут читать по широким, плоским лицам венериан с тремя глазами, а они наверняка передают множество информации.

Венерианин однако понял предполагаемый смысл.

— Мурра,— ответил он, останавливаясь.— Уск?— Что означало среди прочего: «кто ты?», «откуда идешь?» или же: «куда направляешься?».

Хэм выбрал это последнее значение. Указав на закрытый туманом запад, он поднял руки, рисуя контур гор.

— Эротия,—сказал он. Это название имело лишь одно значение.

Туземец молча раздумывал, потом махнул своими когтями вдоль тропы, в направлении на запад.

— Цурки,— сказал он и добавил на прощание: — Мурра.

Хэм прижался к стене джунглей, чтобы дать ему пройти.

«Цурки» означает около двадцати понятий, в том числе и торговца. Слово это обычно употребляют по отношению

к землянам, и Хэм заранее радовался обществу человека. Прошло уже более шести месяцев со времени, когда он последний раз слышал человеческую речь иначе, чем с помощью маленького радиоприемника, утонувшего вместе с жилищем.

Пройдя еще пять миль по тропе, проеденной пузаном, Хэм вдруг оказался на поляне, где недавно произошло извержение грязи. Растительность здесь доходила лишь до пояса, а в четверти мили он заметил здание фактории. Было оно гораздо представительнее его собственного жилища, контейнера с металлическими стенами, и имело целых три комнатки, что было в Тропиках неслыханной роскошью: каждую унцию груза приходилось доставлять из поселка ракетой. Деятельность факторов была довольно рискованной, и Хэм радовался, что остался с такой прибылью.

Он двинулся через все еще тонкий грунт. Окна фактории закрывали шторы защиты от вечного дневного солнца, а дверь... дверь была закрыта! Это являлось нарушением законов, царивших на границе цивилизации. Все оставляли двери открытыми, поскольку это могло спасти какого-нибудь заблудившегося человека, и даже человек без чести не отваживался красть из открытой фактории.

Не сделали бы этого и туземцы — ни одно существо не было таким порядочным, как венерианские туземцы, которые никогда не лгут и не крадут, но, разумеется, могут после традиционного предупреждения убить купца, чтобы завладеть его товарами.

Хэм стоял как вкопанный. Подумав, он утоптал клочок чистой почвы перед дверями, сел, прислонившись к ней, стряхнул многочисленных отвратительных мелких существ, копошившихся на его трансдерме, и стал ждать.

Прошло не менее получаса, прежде чем он заметил человека, бредущего через поляну. Шлем скафандра затенял его лицо, и Хэм разглядел только большие обведенные темными кругами глаза.

— Привет! Мне пришло в голову нанести вам визит. Меня зовут Гамильтон Хэммонд, но, как вы, конечно, догадались, друзья называют меня Хэм.

Фактор остановился, после чего заговорил удивительно мягким и приглушенным голосом, с явным английским акцентом:

— Может, вы отодвинетесь и впустите меня?— Голос его звучал холодно и враждебно.

Хэм почувствовал удивление и гнев.

— Черт возьми!— рявкнул он.— Ну и гостеприимство!

— Для вас нет места под моей крышей.— Хозяин остановился в дверях.— Вы американец? А что делаете на британской территории? Могу я взглянуть на ваш паспорт? Торговец, верно?— Фактор был худощав, а тон его резок.— Короче говоря, контрабандист и находишься здесь нелегально. Убирайся!

Хэм стиснул зубы.

— Легально или нет,— сказал он,— это не имеет значения. Я уполномочен пользоваться привилегиями, вытекающими из

кодекса пограничья. Мне хочется вдохнуть чистого воздуха, стереть с лица пот и что-нибудь съесть. Открой дверь и войдем.

Перед глазами его сверкнул автоматический пистолет.

— Попробуй и будешь кормить плесень.

Как и все венерианские пионеры, Хэм по необходимости был смел и предприимчив. Как говорят в Штатах — крутой парень.

— Что ж, это убеждает. Я бы только хотел что-нибудь съесть.

— Подожди дождя,— холодно ответил фактор и повернулся к двери, чтобы ее открыть.

В ту же секунду Хэм пнул пистолет, который ударился о стену и упал в траву. Противник потянулся за огнеметом, висящим на боку, и Хэм схватил его за запястье.

Захват был настолько силен, что фактор тут же перестал вырываться, а Хэм испытал мгновенное удивление от хрупкости запястья, которую почувствовал сквозь слой трансдермы.

— Слушай!— рявкнул он.— Я собираюсь поесть в этом доме. Открывай дверь!

Теперь он держал его за обе руки. Типчик казался удивительно слабым, он кивнул головой, и Хэм отпустил руку. Дверь открылась, и они вошли.

Внутри его поразила совершенно неслыханная роскошь. Массивные стулья, солидный стол, даже книги, наверняка законсервированные экстрактом плауна от плесени, которая порой проникает в дома, несмотря на сетки, фильтры и автоматические распылители. Когда они вошли, автоматический распылитель окружил их облаком дезинфицирующих средств, чтобы убить споры плесени, которые могли бы попасть внутрь в момент открытия двери.

Хэм тяжело сел, внимательно следя за хозяином. Он оставил ему огнемет в кобуре на поясе, уверенный, что успеет опередить этого мозгляка; кроме того, кто, находясь в здравом уме, рискнет стрелять из огнемета в доме?

Хэм занялся забралом, доставанием продуктов из рюкзака, вытиранием вспотевшего лица, тогда как его товарищ — или противник — молча стоял и смотрел. Хэм некоторое время следил за открытой банкой мясных консервов, но плесень не появилась, и он начал есть.

— Какого черта,— буркнул он,— ты не поднимаешь забрала?— Тот упрямо молчал.— Боишься, что увижу твое лицо? Твоя физиономия меня не интересует, я не фараон!

Молчание. Он попытался еще раз.

— Как тебя зовут?

— Барлингем. Пат Барлингем.

Хэм рассмеялся.

— Патрик Барлингем умер, приятель. Я его знал.— Никакого ответа.— Если не хочешь говорить, как тебя зовут, по крайней мере не оскорбляй памяти хорошего человека и великого исследователя.

— Спасибо,— голос звучал сардонически.— Это был мой отец.

— Еще одна ложь. У Барлингема не было сына, а только...—

Хэм озадаченно замолк.— Открой забрало!— крикнул он.

— Почему бы и нет?— сказал мягкий голос, и противосолнечное забрало опустилось.

Хэм проглотил слюну. Авантюрист и венерианский торговец был все-таки джентльменом, лишь жажда быстрого обогащения привела его, по образованию инженера, в Горячие Земли.

— Прошу прощения,— буркнул он.

— Эх вы, доблестные американские браконьеры!— насмешливо отозвалась Пат.— Вы все такие храбрые, чтобы навязываться женщине?

— Что вы делаете в таком месте?

— Я вовсе не обязана отвечать на ваш вопрос.— Она неопределенно махнула рукой, указывая в глубь комнаты.— Я классифицирую флору и фауну Горячих Земель. Меня зовут Патриция Барлингем, я биолог.

Только теперь он заметил образцы, законсервированные в банках и стоявшие в следующем помещении, вероятно, лаборатории.

— Одинокая девушка в Тропиках? Простите, но вы слишком легкомысленны.

— Я не ожидала встреч с американскими браконьерами.

Хэм покраснел.

— Можете не бояться меня. Я ухожу.— Он поднял руку к своему забралу.

В ту же секунду Патриция выхватила из ящика стола автоматический пистолет.

— Я вас не задерживаю, мистер Хэммонд,— холодно сказала она.— Но ксикстхил останется у меня, как собственность британской короны. Вы украли его на нашей территории, и я его конфискую.

Хэм уставился на нее.

— Я рискнул всем, что имею, чтобы добыть этот ксикстхил, и, если лишусь его, буду банкротом. Вы возьмете его только с трупа!

— Посмотрим.

Хэм захлопнул шлем и сел.

— Мисс Барлингем,— сказал он.— Не думаю, чтобы вы решились выстрелить в живого человека, но, чтобы забрать ксикстхил, вам придется нажать на спуск. У меня есть время. Я буду сидеть, пока вы не упадете от усталости.

Он смотрел прямо в ее серые глаза; пистолет был нацелен в его сердце, но выстрела все не было.

Наконец девушка сдалась.

— Ты выиграл, браконьер.— Она бросила пистолет в пустой ящик.— А теперь убирайся.

— С удовольствием!— поспешно ответил он.

Хэммонд встал и коснулся забрала, но его остановил крик девушки. Подозревая новую хитрость, он повернулся. Широко открытыми от страха глазами девушка смотрела в окно.

Хэм заметил спутанную растительность, а затем огромную беловатую массу. Чудовищных размеров пузан размеренно полз

в сторону их убежища. Послышалось слабое «плум», а потом окно закрыла клейкая масса. Чудовище, достаточно большое, чтобы поглотить все здание, разделилось на две части и обтекало его вокруг, соединившись по другую сторону.

Тишину прервал взволнованный голос Пат.

— Твой шлем, идиот!— резко сказала она.— Закрой его!

— Шлем? Зачем?— Несмотря на сомнения, он автоматически выполнил приказ.

— Смотри — пищеварительный сок!

Она показала на стены, на которых появились тысячи маленьких светлых точек. Пищеварительные соки пузана, достаточно агрессивные, чтобы переварить любую пищу, коррозировали металл, ставший пористым. Жилище было уничтожено бесповоротно.

В мгновение ока косматые пятна плесени появились на остатках его обеда, а красновато-зеленый чехол покрыл стол и стулья.

Они переглянулись, и Хэм рассмеялся.

— Ага,— сказал он,— теперь и вы бездомны. Мой дом утонул в грязи.

— Этого следовало ожидать,— ледяным тоном ответила Пат.— Вы, янки, не можете догадаться, что нужно искать твердое основание. Коренные породы находятся здесь на глубине шести футов, и мой дом стоит на сваях.

— Во всяком случае ведете вы себя хладнокровно. Что вы собираетесь делать теперь?

— Можете не беспокоиться, я отлично справлюсь.

— Как?

— Не ваше дело. Каждый месяц ко мне прилетает ракета.

— В таком случае вы должны быть миллионершей.

— Экспедицию финансирует Королевское Общество,— холодно сказала она.— Ракета должна прибыть сюда...

Она сделала паузу, и Хэму показалось, что лицо ее под прикрытием шлема побледнело.

— Должна прибыть... когда?

— Она была тут два дня назад. Я совсем об этом забыла.

— Понимаю. И вы считаете, что сможете целый месяц ждать следующую?

Пат возмущенно смотрела на него.

— А вы понимаете,— продолжал он,— что ждет вас в течение этого месяца? Через десять дней начнется лето, а взгляните только на вашу лачугу.— Он указал на стены, на которых расползались коричневые и рыжие пятна. От его резкого движения кусок стены размером с блюдце со скрежетом вывалился наружу.— Через два дня это развалится полностью. Что вы будете делать без укрытия, когда температура начнет подниматься до семидесяти, восьмидесяти градусов? Я вам скажу: вы погибните!

Пат молчала.

— Прежда чем сюда вернется ракета, вы превратитесь в бесформенную массу плесени,— сказал Хэм.— А потом в груду

голых костей, которые пойдут на дно при первом же извержении грязи.

— Заткнись!— выпалила она.

— Мое молчание не поможет. Сейчас я скажу, что вы можете сделать: забрать рюкзак и болотные лыжи и идти со мной. Если вы можете ходить так же, как говорить, мы дойдем до Страны Холода до лета.

— Идти с браконьером-янки? И не подумаю!

— А потом,— продолжал он,—мы можем без труда добраться до Эротии, солидного американского городка.

Пат потянулась за своим рюкзаком с предметами первой необходимости, лежащим наготове на случай несчастья, и закинула его за плечи. Потом вытащила толстую пачку записей, сделанных анилиновыми чернилами на трансдерме, смахнула попутно несколько пятен плесени и сунула свиток в рюкзак. Подняв пару болотных лыж, она решительно направилась к двери.

— Значит, идем?— засмеялся он.

— Я иду,— холодно ответила она.— В порядочный английский город Венобл. Одна.

— Венобл,— простонал он.— Это же двести миль к югу. И к тому же за Горами Вечности.

Патриция молча вышла из дома и повернула на запад в направлении Страны Холода. Хэм мгновение колебался, потом последовал за ней. Он не мог позволить девушке путешествовать в одиночку, а поскольку та игнорировала его присутствие, просто шел за ней следом, гневный и угрюмый.

Три часа, а может, и больше, они с трудом брели в бесконечном свете дня, уклоняясь от назойливых деревьев Джека-Хватателя. Шли в основном по не до конца еще заросшему следу первого пузана.

Хэма удивляла ловкость и гибкость девушки, которая скользила вдоль тропы со сноровкой туземца. Ему пришлось напомнить себе, что в некотором смысле она и БЫЛА туземцем. Дочь Патрика Барлингема была первым человеческим ребенком, рожденным на Венере, в колонии Венобл, основанной ее отцом.

Хэм вспоминал газетные статьи, появлявшиеся, когда Пат восьмилетним ребенком была выслана на Землю,— ему самому было тогда тринадцать. Сейчас ему исполнилось двадцать семь и, следовательно, Патриции Барлингем — двадцать два.

Они не обменялись ни словом до тех пор, пока выведенная из себя девушка резко не повернулась.

— Пожалуйста, уйди,— сказала она.

Хэм остановился.

— А я вам и не навязываюсь.

— Мне не нужен опекун. Я — лучший пионер, чем ты!

Хэм не спорил, и через минуту Пат воскликнула:

— Я ненавижу тебя, янки! Боже, как я тебя ненавижу!— Она повернулась и зашагала дальше.

Час спустя неожиданно началось извержение грязи. Безо всякого предупреждения водянистая масса закипела вокруг их

ног, а растительность резко заколыхалась. Они торопливо закрепили ремнями болотные лыжи, в то время как самые тяжелые растения уже погружались с угрюмым бульканьем. Хэм вновь восхитился грацией девушки. Патриция скользила по волнующейся поверхности со скоростью, которой он не мог развить, и потому плелся далеко сзади.

Внезапно она остановилась. В районе грязеизвержения это очень опасно, и лишь критическая ситуация могла заставить девушку сделать это. Подойдя на сто футов, Хэм понял причину — на правом ботинке лопнуло крепление, и Пат беспомощно стояла, балансируя на левой ноге, пока вторая лыжа медленно погружалась. Черная грязь переваливалась через ее верх.

Девушка следила за приближением Хэма, а когда поняла, что он собирается делать, сказала:

— Не справишься.

Хэм осторожно наклонился и поднял ее, держа под коленями и за спину. Лыжа была уже залита, но он резко выдернул ее, вдавив края своих лыж опасно близко к поверхности грязи. Грязь чмокнула, но Пат была освобождена. Девушка лежала в его объятиях очень спокойно, чтобы не вывести мужчину из равновесия.

Хэм осторожно двинулся по предательской поверхности. Пат была не тяжелой, и все-таки жизнь их обоих висела на волоске. Грязь бурлила у самого края его лыж. Хотя гравитация Венеры немного меньше земной, через неделю человек привыкает и перестает замечать разницу.

Через сто ярдов они добрались до твердого грунта, Хэм поставил Пат на землю и отвязал лыжи.

— Спасибо,— холодно сказала она.— Это был мужественный поступок.

— Не за что. Надеюсь, после этого приключения вы откажетесь от путешествия в одиночку. Без одной лыжи следующее извержение грязи станет для вас последним. Ну как — идем дальше вместе?

Ее голос стал ледяным:

— Я же могу сделать себе лыжу из коры дерева. Кроме того, могу просто подождать день-другой, пока грязь высохнет, и откопать пропавшую лыжу.

Он указал ей на гектары грязи.

— Где откопать?

Неожиданно девушка сдалась.

— Ты снова выиграл, янки. Но только до Страны Холода, потом мы расстанемся: ты — на север, я — на юг.

Они пошли дальше. Пат не уступала Хэму в выносливости, но значительно лучше его знала специфику венерианских Тропиков. Хотя они разговаривали мало, он восхищался ее умением найти самую легкую трассу, причем, казалось, она определяла деревья Джека-Хватателя, не глядя. Но лишь когда они наконец остановились после дождя, давшего возможность торопливо поесть, у Хэма появилась реальная причина для благодарности.

— Ложимся спать,— предложил он, а когда девушка кивнула, сказал:— Там стоит Дружеское Дерево.

И он направился к нему, а девушка шла следом.

Внезапно она схватила его за руку.

— Это Фарисей,— воскликнула она и рванула его назад.

И вовремя. Фальшивое Дружеское Дерево со страшной силой опустило вниз ветвь, разминувшуюся с лицом Хэма всего на несколько дюймов. Это было вовсе не Дружеское Дерево, а замаскировавшийся хищник, привлекающий жертвы мнимой безопасностью, а затем атакующий острыми, как ножи, шипами.

У Хэма перехватило дух.

— Что это? Я никогда не видел ничего подобного!

— Это Фарисей, он выглядит в точности, как Дружеское Дерево.

Она подняла автомат и пустила пулю в центр черного пульсирующего ствола. Потекла черная жидкость, а вездесущая плесень расцвела вокруг дыры. Дерево было обречено на гибель.

— Спасибо,— сконфуженно сказал Хэм.— Похоже, вы спасли мне жизнь.

— Теперь мы квиты.— Она взглянула ему прямо в глаза.— Понимаешь? Счет оплачен.

Они нашли настоящее Дружеское Дерево и уснули в его ветвях. Потом снова шли, снова спали — и так в течение трех лишенных ночей суток. Правда, грязеизвержения на их пути не встретилось, но все остальные «прелести» Тропиков имелись в избытке. Пузаны пересекали им путь, змеиное вино с шипением атаковало, деревья Джека-Хватателя расставляли петли, а миллионы мелких ползающих существ извивались под их ногами или падали на скафандры.

Однажды они встретили даже однонога — странное, похожее на кенгуру существо, пробирающееся сквозь джунгли, прыгая на одной мощной ноге и пикируя пробивающим жертву трехметровым клювом.

Когда Хэм промахнулся, девушка подстрелила однонога во время прыжка, оставив на съедение безжалостной плесени.

В другой раз обе ноги Пат оказались охваченными петлей Джека-Хватателя, которая почему-то лежала не земле. Когда она наступила на нее, дерево внезапно дернуло, и девушка повисла головой вниз в десяти футах над землей. Она висела так, пока Хэму не удалось ее освободить. Несомненно, без помощи каждый из них погиб бы, но вместе они ухитрялись уцелеть.

Совместные переживания не смягчили холодной враждебной атмосферы, ставший для них чем-то естественным. Хэм обращался к девушке лишь тогда, когда это становилось совершенно необходимо, Пат же во время редких разговоров называла его не иначе, как «браконьер-янки». Несмотря на это, мужчина порой ловил себя на том, что думает о пикантной красоте ее лица, о каштановых волосах и серых глазах, которые удавалось увидеть, когда прошедший дождь позволял ненадолго поднять забрало.

Наконец в один из дней ветер подул с запада, принося с собой дыхание зимы, бывшее для них даром небес. Это был низовой

ветер, идущий с замороженной половины планеты и дышащий холодом из-за ледового барьера. Когда Хэм на пробу сорвал кожу с вьющегося растения, плесень появилась гораздо медленнее, чем обычно, и с меньшей интенсивностью. Это были обнадеживающие признаки: они приближались к Стране Холода.

С легким сердцем они нашли Дружеское Дерево. От подножия гор их отделял всего день пути, а там можно было двигаться без скафандра, без угрозы плесени, которая не могла развиваться при температуре ниже двадцати семи градусов.

Хэм проснулся первым и некоторое время молча смотрел на девушку, улыбаясь при виде ветвей дерева, обнявших ее, как нежные руки. Он понимал, что Страна Холода означает расставание, разве что ему удастся убедить девушку отказаться от безумного решения пересечь Горы Вечности.

Вздохнув, он потянулся за своим рюкзаком, висящим на ветке между ними, и внезапно возглас удивления вырвался из его горла. Его стручки ксикстхила! Мешочек из трансдермы был распорот и пуст. Патриция вскочила, разбуженная его криком, и на ее лице под маской Хэм заметил насмешливую улыбку.

— Мой ксикстхил! — заорал он.— Ты забрала его?!

Девушка указала вниз, где среди редкой растительности возвышалась небольшая кучка плесени.

— Там,— холодно ответила она.— Там, внизу, браконьер.

— Ты...— от ярости он задыхался.

— Я разрезала мешок, пока ты спал. Ты не вывезешь украденное сокровище с британской территории.

Хэм онемел, потом с трудом выдавил:

— *Проклятая дьяволица! Это все мое состояние!*

— Но краденое,— вежливо напомнила она, махая стройными ногами.

Свет проникал сквозь полупрозрачную трансдерму, подчеркивая ее фигуру и длинные ноги. Хэм затрясся от ярости.

— Надо бы тебя прикончить!— сдавленным голосом произнес он.

Девушка звучно рассмеялась. Со стоном отчаяния Хэм закинул рюкзак на спину и спрыгнул на землю.

— Надеюсь... надеюсь, что ты погибнешь в горах,— угрюмо сказал он и направился на запад.

Когда он прошел сто ярдов, сзади донесся голос Пат:

— Эй, янки, подожди немного!

Не останавливаясь и даже не оглянувшись, он продолжал идти.

Спустя полчаса, взглянув назад, Хэм заметил, что она идет следом, отвернулся и ускорил шаг. Дорога вела теперь в гору, и его сила превосходила ее быстроту и сноровку.

Когда девушка мелькнула далеко позади, видимая, как маленькая точка, двигающаяся, как ему показалось, с усталой покорностью, Хэм нахмурился. Он вспомнил, что извержение грязи застанет ее совершенно беспомощной, лишенной необходимых болотных лыж. Потом до него дошло, что у подножья Гор Вечности не бывает извержений грязи, а кроме того, он решил, что это его не касается.

Некоторое время Хэм шел параллельно реке, несомненно, какому-то безымянному притоку реки Фледжетон. До сих пор не возникало необходимости переправы, поскольку все реки на Венере текут от ледяного барьера через сумеречный пояс к Тропикам и потому пока были параллельны направлению их движения.

Но теперь, когда он добрался до плоскогорья и повернул на север, реки будут встречаться ему. Их придется преодолевать либо на стволах, либо — если предоставится такая возможность и поток окажется достаточно узким — используя ветви Дружеского Дерева. Сунуть ногу в воду означало смерть: грозные твари с пастями, полными зубов, таились даже в маленьких ручейках.

На краю плоскогорья Хэм с трудом избежал катастрофы. В момент, когда он продирался через поляну, окруженную деревьями Джека-Хватателя, внезапно появилась волна белой протоплазмы, и деревья скрылись в массе гигантского пузана.

Хэм оказался между чудовищем и непроницаемой путаницей растительности, поэтому сделал единственное, что мог сделать в данном положении. Выхватив из кобуры огнемет, он послал мощную струю огня в центр чудовищного создания. Огонь испепелил тонны тестообразной массы, оставив несколько небольших кусков, которые ползали, пожирая мертвые останки.

Разряд, как это случалось неоднократно, разорвал ствол огнемета. Хэм тяжело вздохнул, принимаясь за почти сорокаминутную замену ствола, но ни один настоящий пионер на Венере не станет тянуть с этим делом. Выстрел обошелся Хэму в пятнадцать солидных американских долларов: десять за промышленный алмаз, который взорвался, и пять за ствол. Когда он имел свой ксикстхил, это была мелочь, но сейчас становилось солидной суммой. Хэм вздохнул еще раз, обнаружив, что запасной ствол был одновременно и последним, поскольку он экономил на всем, что брал с собой в экспедицию.

Наконец он оказался на плоскогорье. Хищная фауна и флора Тропиков появлялась все реже, стали встречаться настоящие растения, лишенные способности свободного передвижения, а низовой ветер веял холодом ему в лицо.

Сейчас он находился в глубокой долине: направо вздымались вершины Малых Гор Вечности, за которым лежала Эротия, а налево, как могучий мерцающий вал, тянулись склоны Больших Гор Вечности. Вершины их тонули в облаках, клубящихся на высоте пятнадцати миль.

Хэм взглянул на зазубренный перевал Безумца, разделяющий две колоссальные вершины. Сам перевал находился на высоте двадцати пяти тысяч футов, горы же превосходили его еще на пятьдесят тысяч. Только один человек преодолел пешком эту рваную трещину — Патрик Барлингем, именно этим путем хотела идти его дочь.

Впереди, словно тенистый занавес, лежала граница между ночью и сумеречным поясом, и Хэм видел непрерывные вспышки молний, вечно безумствующих в этом районе бесконечных бурь. В этом месте ледяной барьер пересекал цепь Гор Вечности, и морозный низовой ветер, поднятый огромным горным хребтом,

сталкивался с горячим верховым ветром. Результатом их противоборства была непрекращающаяся стремительная метель, какая могла существовать только на Венере. Где-то здесь и начиналась река Фледжетон.

Хэм изучал дикий, великолепный пейзаж. Завтра, а еще лучше сейчас, после небольшого отдыха, он повернет на север. Пат пойдет на юг и, несомненно, погибнет где-нибудь на перевале Безумца. Но мгновение он почувствовал болезненный укол и нахмурился.

Пусть умирает, если настолько глупа, чтобы пытаться в одиночку преодолеть перевал только потому, что слишком горда, чтобы воспользоваться ракетой из американского поселка. Она этого заслуживает, и судьба ее ему безразлична. Хэм то и дело убеждал себя в этом, даже когда готовился ко сну уже не на Дружеском Дереве, а на одном из экземпляров настоящих растений и с наслаждением подняв забрало.

Проснулся он от крика, в котором звучало его имя. Хэм посмотрел через плоскогорье и заметил Пат, перебиравшуюся через край. Как ей удалось его выследить? Это действительно большое достижение в районе, где растения сразу же закрывают тропу, по которой прошел человек. Потом он вспомнил выстрел из огнемета: вспышка и грохот были видны и слышны на несколько миль. Она или увидела ее, или услышала.

Хэм следил, как девушка с беспокойством оглядывалась по сторонам.

— Хэм!— крикнула она еще раз. Не «янки» или «браконьер», а Хэм!

Он упрямо молчал, а она позвала снова. Он видел ее загорелое очаровательное лицо, поскольку Пат откинула шлем своего скафандра. Девушка крикнула еще раз, потом разочарованно повернула на юг вдоль края. Хэм смотрел, как она уходила, а когда лес закрыл ее, спустился и медленно двинулся на север.

Шел он все медленнее, словно его тянула в обратную сторону какая-то невидимая эластичная нить. Все время перед глазами его стояло ее обеспокоенное лицо, а в ушах звучал крик. Он был уверен, что ее ждет неминуемая гибель, и несмотря на вред, причиненный ему, не хотел, чтобы Пат умирала. Она была слишком жизнерадостна, слишком уверена в себе, а прежде всего — слишком красива, чтобы умирать.

С другой стороны, это была нахальная, язвительная, эгоистическая дьяволица, холодная, как кристалл и враждебно настроенная, но у нее были серые глаза, каштановые волосы и изрядная храбрость. Наконец, раздраженно бормоча что-то, Хэм повернулся и торопливо пошел на юг.

Слежка за девушкой была легким делом для любого, прошедшего школу Тропиков. В Стране Холода растения медленно залечивали свои раны, и Хэм то и дело находил следы ее ног или сломанные ветви, указывающие, где она прошла. Он нашел место, где Пат пересекла реку по кронам деревьев и где она остановилась, чтобы поесть.

Вскоре он заметил, что расстояние между ними начинает увеличиваться. Сноровка и быстрота движений девушки на голову превосходили его собственные. Наконец Хэм остановился. Плоскогорье постепенно уходило вверх, в сторону обширных Гор Вечности, и Хэм знал, что, идя прямо вверх, скоро ее догонит. Поэтому он прилег на минуту, наслаждаясь комфортом пребывания на воздухе без скафандра, лишь в шортах и рубашке, которые носил под ним. Здесь это было уже возможно; вечный низовой ветер, дующий в направлении Тропиков, отгонял дрейфующую плесень, а та немногая, что приносили на себе животные, быстро погибала от первого же холодного дуновения. Кроме того, растения Страны Холода не угрожали его телу.

Хэм проспал пять часов. Следующий час похода принес очередные перемены окружения. Растительность у подножия гор была более скудной, чем на плоскогорье. Это были уже не джунгли, а лес, разумеется, ничем не напоминающий земной; он состоял из растений, похожих на деревья со стволом в пятьсот футов и кронами, кончающимися не листьями, а цветами. Лишь изредка встречающиеся деревья Джека-Хватателя напоминали о Тропиках.

Постепенно высота деревьев уменьшалась. Появились скопления скал и огромные черные откосы, лишенные какой-либо растительности. Время от времени Хэм встречал единственных летающих обитателей этой планеты: серых нетопырей, похожих на ночных бабочек размером с ястреба, но таких хрупких, что их можно было обезвредить ударом руки. Они летали вокруг, время от времени хватая небольшие извивающиеся создания и издавая звуки, похожие на звон. Казалось, прямо над Хэмом, хоть в действительности в тридцати милях от него, виднелись Горы Вечности; их вершины тонули в облаках, клубящихся в пятнадцати милях над его головой.

Слежка за Пат стала труднее, поскольку часто она шла по голым скалам. Но со временем следы стали свежее — его сила давала ему преимущество. Наконец он заметил девушку у подножия колоссального откоса, рассеченного узким, заполненным деревьями ущельем.

Она осмотрела сначала огромную пропасть, а потом заросшую расщелину, явно прикидывая — позволит она пересечь барьер или нужно будет обходить препятствие. Как и Хэм, она сняла скафандр из трансдермы и сейчас была в рубашке и шортах, то есть обычном костюме в Стране Холода, которая по земным критериям не так уж и холодна. Она похожа на лесную нимфу со склона древнего Олимпа, подумал Хэм.

Он поспешил за ней, когда девушка направилась в глубь каньона.

— Пат!— крикнул он, впервые назвав ее по имени.

— Это ты!— Она с облегчением вздохнула, и глаза ее радостно вспыхнули.— Я думала, что ты... Я старалась тебя найти.

Лицо Хэма не выражало особого энтузиазма.

— Слушай, Патриция Барлингем,— холодно сказал он.—

Прощения тебе нет, но я не могу смотреть, как ты идешь прямо навстречу смерти. Ты упряма, но ты женщина, и я забираю тебя в Эротию.

Ее запал остыл.

— Правда, браконьер? Мой отец пересек эти горы, и я тоже смогу это сделать.

— Твой отец пересек их в середине лета, разве не так? А середина лета — сегодня. Тебе не добраться до перевала Безумца раньше, чем за пять дней и двадцать часов, а тогда будет почти зима и ты окажешься возле зоны бурь. Это глупость.

Девушка покраснела.

— Перевал лежит достаточно высоко, чтобы находиться в зоне верховых ветров. Там будет тепло.

— Тепло. Даже жарко от молний.— Хэм помолчал. Слабый отзвук грома прокатился по каньону.— Прислушайся. Через пять дней это будет точно над нами.— Он указал на лишенные растительности склоны.— Даже венерианская жизнь не может здесь удержаться. А может, ты считаешь, что, будучи достаточно дерзкой, имеешь медный лоб и можешь служить громоотводом?

—Лучше молнии, чем ты.

Ну и темперамент, подумал он, а девушка вдруг смягчилась.

— Я пыталась докричаться до тебя,— сказала она без связи с предыдущим.

— Чтобы еще раз посмеяться,— язвительно откликнулся Хэм.

— Нет. Чтобы сказать, что мне очень стыдно и что...

— Твои извинения ни к чему.

— Но я хотела сказать тебе...

— Неважно,— прервал он.— Меня не интересует ни твое извинение, ни твое раскаяние. Сделанного не поправить.— Он взглянул на нее сверху вниз.

— Но ведь я...— сказала Пат.

Ее прервал треск и бульканье. Девушка в ужасе вскрикнула, когда взгляду их предстал гигантский пузан. Это был колосс, заполнивший каньон до высоты шести футов и катившийся прямо на них. В Стране Холода пузаны встречались реже, но были гораздо крупнее, поскольку обилие пищи в Тропиках постоянно заставляло их делиться. Этот же был огромен и ужасен: тонны отвратительной, вопящей массы, громоздящейся в узком проходе.

Хэм выхватил свой огнемет, но девушка схватила его за руку.

— Нет!— воскликнула она.— Он слишком близко и разлетится!

Патриция была права. Их не защищала трансдерма, поэтому контакт с фрагментами этого монстра был бы смертелен, а выброс пламени завалил бы их его останками. Хэм схватил девушку за руку, и они побежали вверх каньона, стараясь оторваться на расстояние, с которого можно будет рискнуть выстрелить, а следом катился пузан, движущийся вслепую в единственно возможном для него направлении пищи.

Расстояние между ними постепенно увеличивалось. Ущелье, шедшее в юго-западном направлении, резко свернуло на юг, солнце, вечно висевшее на востоке, скрылось, и они оказались в мрачной котловине. Под ногами была голая, литая скала. Добравшись до этого места, пузан остановился: он не мог двигаться, если запах пищи не указывал ему направления. Смыслом жизни этого огромного чудовища была еда, и лишь кишевшая жизнью Венера позволяла ему жить.

Двое беглецов остановились в тени.

— И что теперь?— буркнул Хэм.

Простой выстрел в тело пузана был невозможен. Из-за неудобного угла выстрел мог уничтожить лишь ту часть пузана, которая находилась в прямой видимости.

Патриция подпрыгнула и сорвала куст, извивавшийся по стене так, чтобы ловить слабые лучи солнца. Девушка бросила растение на пульсирующую массу, и пузан продвинулся вперед на фут или два.

— Заманим его дальше,— предложила Пат.

Они попытались, но ничего не вышло, растительность была здесь слишком скудна.

— Что станет с этим созданием?— спросил Хэм.

— Я видела одного, забравшегося на пустынный берег Тропиков,— ответила девушка.— Довольно долго он весь дрожал, а потом одни клетки атаковали другие. Они поедали друг друга.— Она содрогнулась.— Этот каннибализм был ужасен.

— И долго это продолжалось?

— Сорок, может, пятьдесят часов.

— Я не собираюсь ждать так долго,— буркнул Хэм и принялся копаться в рюкзаке, вытаскивая трансдерму.

— Что ты хочешь делать?

— Надену скафандр и попытаюсь сжечь всю массу выстрелом с близкого расстояния.— Он коснулся своего огнемета.— Это мой последний ствол.— Впрочем, у нас есть твои.

— Зарядная камера моего огнемета лопнула, когда я воспользовалась им часов десять-двенадцать назад, но у меня есть несколько запасных стволов.

— Вот и хорошо,— ответил Хэм.

Он осторожно подкрался к отвратительной, пульсирующей стене белого теста, вытянул руку в сторону, стараясь добиться максимального угла поражения, и нажал на спуск. Выстрел громом прокатился по каньону. Обрывки чудовища падали вокруг, а останки после сожжения многих тонн имели толщину только три фута.

— Ствол выдержал,— триумфально воскликнул Хэм. Это давало значительную экономию времени при новой зарядке.

Спустя пять минуть оружие выстрелило снова. Когда масса отвратительной протоплазмы перестала бурлить, ее слой имел всего полтора фута. Однако ствол рассыпался в пыль.

— Давай твой,— сказал Хэм, но тут же озадаченно уставился на девушку. Стволы огнемета, сделанного в Энфилде, оказались слишком малы для его американского оружия.

— Вот идиоты!— воскликнул он.

— Идиоты?— вспылила Пат.— Только потому, что вы, янки, используете мортиры вместо стволов?

— Я имел в виду себя. Можно было догадаться.— Хэм пожал плечами.— Что ж, либо мы ждем здесь, пока пузан съест самого себя, либо ищем другой выход из ловушки. Я подозреваю, что каньон кончается тупиком.

— Вполне возможно,— согласилась Пат.— Эта узкая трещина возникла в результате давнего геологического катаклизма, который разорвал горы пополам. Поскольку это не результат водной эрозии, скорее всего она кончается отвесной пропастью, хотя не исключено, что в каком-нибудь месте эти крутые стены можно преодолеть. Времени у нас много, так что можно поискать выход. Кроме того...— Она с отвращением скривилась от вони, шедшей от пузана.

Не снимая скафандра из трансдермы, Хэм пошел следом за Пат в тень. Проход сузился, потом повернул на запад, однако теперь стены были настолько высоки и круты, что солнце, висевшее на юго-востоке, не доходило до Хэма и Пат. Это было место, полное теней, почти как в зоне бурь, отделяющей сумеречный пояс от полушария вечной ночи. Там нет настоящего света или настоящего дня, а царят постоянные сумерки.

Несмотря на загар, ноги Пат казались бледными. Когда она говорила, голос ее звучным эхом отражался от скал. Жуткое место эта расщелина, мрачное и неприятное.

— Не нравится мне здесь,— сказал Хэм.— Проход все ближе подходит к линии тьмы. Ты понимаешь, что никому не известно, что находится в темных частях Гор Вечности?

Пат рассмеялась.

— Ничего нам тут не грозит. А если вдруг что-нибудь, у нас есть автоматы.

— Отсюда нет выхода,— продолжал Хэм.— Лучше вернуться.

Пат остановилась.

— Испугался, янки?— Она понизила голос.— Туземцы говорят, что в этих горах живут призраки.— Она язвительно рассмеялась.— Мой отец говорил, что видел жутких существ на перевале Безумца. Если на ночной стороне Венеры существует жизнь, здесь единственное место, через которое она могла бы вторгнуться в сумеречный пояс. Здесь, в Горах Вечности.

Она пугала его и снова смеялась, но внезапно смех ее прервался ужасным воем, раздавшимся сверху. Теперь и Пат испугалась и побледнела. Они смотрели вверх, на скальные стены, где перемещались таинственные тени.

— Что... что это было?— прошептала она.— Хэм, ты видел?

Хэм видел. Какой-то силуэт мелькнул на фоне клочка неба, прыгая с камня на камень, высоко над ними. И вновь раздалось уханье, звучавшее как язвительный смех, а размазанные фигуры почти взлетали на крутые склоны.

— Назад!— крикнула девушка.— Быстро!

Когда она повернулась, небольшой черный предмет упал и лопнул со звуком «пуфф» прямо перед ними. Хэм быстро

нагнулся. Это был стручок спор какого-то незнакомого растения. Облако пыльцы лениво поднялось над ними, и внезапно оба они начали задыхаться. Хэм почувствовал, что у него кружится голова, а Пат покачнулась и навалилась на него.

— Наркотик!— крикнула она.— Бежим!

Но тут же еще несколько стручков лопнуло рядом, облачка спор поднялись вверх, и дыхание стало мукой. Люди задыхались и одновременно теряли сознание. Внезапно Хэма осенило.

— Маски!— выдавил он и натянул шлем скафандра на голову.

Фильтры, защищавшие от плесени Тропиков, очистили воздух и от этих новых спор, и вскоре он уже полностью пришел в себя. Однако защитная одежда девушки находилась где-то в глубине ее рюкзака. Она вяло копалась в нем, потом вдруг пошатнулась и опустилась на землю.

— Мой рюкзак,— прошептала она.— Забери его с собой. Твои... твои...— она умолкла, зайдясь в приступе кашля.

Хэм затащил ее под небольшую скальную полку и выдернул из рюкзака скафандр из трансдермы.

— Надень его!

Еще с десяток стручков разбились вокруг них.

Какая-то фигура мелькнула на каменной стене. Хэм проводил ее взглядом, потом направил на нее автомат и выстрелил. Раздался пронзительный, хриплый визг, которому вторил хор нестройных воплей. Животное размером с человека свалилось вниз и с шумом упало в десяти футах от Хэма.

Выглядело оно ужасно. Хэм с отвращением смотрел на это существо, похожее на туземца, трехглазое, двурукое и четвероногое. Руки с двумя пальцами отличались от рук жителей Тропиков тем, что были белыми и заканчивались когтями. Его физиономия — это не плоское, лишенное выражения лицо туземца, а перекошенное, полное злобы, мрачное обличье с большими глазами. Существо еще жило, и взгляд его выражал ненависть. Схватив камень, оно из последних сил бросило его в Хэма, потом сдохло.

Разумеется, Хэм не знал, что встретился с triops noctivians, трехглазым жителем тьмы, странным, полуразумным существом, до сих пор единственным известным живым реликтом, встречающимся в районах Гор Вечности, не освещаемых солнцем. Пожалуй, это самое кровожадное создание, встреченное на известных нам планетах, абсолютно неприступное и наслаждающееся убийством.

Град стручков прекратился, зато зазвучал хор оскорбительных уханий. Хэм воспользовался передышкой, чтобы натянуть шлем скафандра на голову девушки. Он уже почти закончил, когда она потеряла сознание.

Внезапно раздался громкий стук, и камень рикошетом ударил его в плечо. Потом они посыпались густо, пролетая со свистом, как пули. Черные фигуры прыжками перемещались на фоне неба, а их резкий смех звучал издевательски. В одну из них Хэм выстрелил, когда та находилась в воздухе, но сбить существо не удалось.

Камни сыпались градом, они были небольшими, размером с крупный щебень, но летели так стремительно, что ранили тела людей через трансдерму скафандров. Хэм повернул Пат лицом вниз, и девушка слабо застонала, когда один из камней ударил ее по спине. Хэм закрыл ее своим телом.

Ситуация становилась критической. Приходилось рисковать и возвращаться, несмотря на то, что пузан блокировал проход. Возможно, подумал Хэм, закрывшись скафандром, он сумеет пробраться. Конечно, идея была совершенно головоломной, студенистая масса попытается его окружить и задушить внутри себя, но другого выхода Хэм не видел. Подхватив девушку на руки, он бегом бросился вниз по ущелью.

Уханье, вой и каскады язвительного хохота отражались эхом от стен вокруг него. Хэм бежал от града камней, но все же один попал ему в голову, и американец покачнулся, прислонившись к стене расщелины. Потом побежал дальше. До него вдруг дошло, что причиной его упорства была девушка, которую он нес. Он должен спасти Патрицию Барлингем.

Наконец он добрался до поворота. Далеко вверху, на западной стене, виднелась полоса солнечного света, и жуткие преследователи перебрались на затемненную сторону. Они не выносили солнечного света, так что, двигаясь вдоль восточной стены, Хэм был частично защищен от камней.

Очередной поворот блокировал пузан. Приближаясь к нему, Хэм почувствовал тошноту: трое неизвестных существ добрались уже до белой массы и ели — действительно ели!— эту мерзость. При виде Хэма и Пат они с ворчанием обернулись, и он подстрелил двоих. Третий метнулся на стену, но Хэм выстрелил еще раз, и существо с глухим шлепком упало прямо в центр пузана.

Пузан отодвинулся, оставив существо в углублении, образующем что-то вроде отверстия в белой массе. Даже пузан не хотел есть эти существа *.

Прыжок неизвестного существа обратил внимание Хэма на узкую скальную полку: можно было подняться на нее и обойти пузана. Задача была почти невыполнимой под градом камней, но другого выхода Хэм не видел. Он положил девушку так, чтобы освободить правую руку, вставил в автомат новый магазин и сделал наугад серию выстрелов в направлении мелькающих вверху теней. На мгновение град камней прекратился, и Хэм рывком втащил Пат на скальную полку. Вновь посыпались камни. Шаг за шагом Хэм скользил вдоль стены, балансируя над обреченным на гибель пузаном. Смерть сверху и смерть снизу... Шаг за шагом он миновал поворот. Здесь обе стены освещало солнце, и это было спасением, по крайней мере для него. Девушка могла уже умереть, с отчаянием подумал он, неся ее,

---

* Тогда еще не было известно, что, хотя существа с ночной части Венеры могут поедать и усваивать продукты с дневного полушария, обратного явления не происходит. Ни одно существо с дневного полушария не может употребить продукты с ночного, поскольку в них присутствуют различные отравляющие вещества.

спотыкаясь и скользя на слизи, оставленной пузаном. Отойдя на безопасное расстояние и выйдя на солнце, Хэм сорвал маску ее скафандра, глядя на белое, мраморно-холодное лицо Пат.

Однако это была не смерть, а лишь оцепенение, вызванное действием наркотиков. Час спустя девушка пришла в себя. Она по-прежнему была слаба, шокирована и перепугана. Ее первый вопрос был о рюкзаке.

— Он здесь,— ответил Хэм.— Что за сокровища ты там держишь? Записки?

— Мои записки? О, нет!— слабый румянец покрыл щеки девушки.— Это... я пыталась тебе сказать... это твой ксикстхил!

— Не шути так!

— Но я действительно не выбросила его, он принадлежит тебе по праву, Хэм. Масса английских факторов торгует в американской зоне. Я просто распорола твой мешочек и спрятала ксикстхил в своем рюкзаке. А плесень на земле была парой веток, которые я туда бросила, чтобы создать видимость правды.

— Но... но... почему?

Ее румянец усилился.

— Я хотела тебя наказать,— прошептала Пат.— Ты был такой холодный, равнодушный и надменный.

— Я?— Хэм был вне себя от обиды.— Это ты была такой!

— Да, но только сначала. Все-таки ты ворвался в мой дом. Но потом, когда ты перенес меня через грязь... Хэм, тогда все изменилось.

Хэм проглотил слюну и вдруг схватил девушку за плечи.

— Не будем спорить, кто тут виноват,— сказал он,— но об одном условимся на месте. Мы идем в Эротию и там поженимся в солидной американской церкви, если ее уже построили, или в солидной американской мэрии. И больше никаких разговоров о перевале Безумца и переходе через Горы Вечности. Ясно?

Пат взглянула на далекие вздымающиеся вершины и вздрогнула.

— Ясно,— покорно ответила она.

Стенли Вейнбаум

ЛОТОФАГИ

— Фью!— свистнул Хэм Хэммонд, выглядывая в наблюдательный иллюминатор с правой стороны корабля.— Ну и место для медового месяца!

— Не нужно было жениться на биологе,— бросила через плечо миссис Хэммонд, однако Хэм заметил ее серые глаза, отражающиеся в стекле иллюминатора.

— И на дочери первооткрывателя тоже,— добавила Пат, всего четыре недели назад носившая фамилию Бармингем и бывшая дочерью известного англичанина, узнавшего о сумеречном поясе Венеры не меньше американца Кроули.

— Я женился не на биологе,— заметил Хэм,— а на девушке, которая случайно интересуется биологией, вот и все. Это один из немногих ее недостатков.

Он уменьшил тягу, и ракета начала мягко опускаться на огненной подушке в направлении расстилающегося внизу темного пейзажа. Медленно, осторожно вел он вниз неуклюжую машину, пока не почувствовал слабое сотрясение. Хэм тут же отключил тягу, палуба под ним слегка накренилась, а когда стих рев двигателей, на супругов опустилась тишина.

— Мы на месте,— возвестил Хэм.

— Да, прибыли,— согласилась Пат.— И где же это место?

— Мы ровно в семидесяти пяти милях к востоку от Барьера, недалеко от Венобла, в Британской Стране Холода. К северу, если не ошибаюсь, находится продолжение Гор Вечности, а к югу — Бог знает что. То же самое и с востоком.

— Это отличное, детальное описание забытой Богом дыры,— засмеялась Пат.— Включим свет и посмотрим на эту дыру.

Она включила подсветку иллюминаторов, и они появились в темноте, как круги слабого света, отраженного от поверхности планеты.

— Предлагаю, чтобы Совместная Экспедиция отправилась в наблюдательный купол с целью внимательного изучения окрестностей. Мы здесь с исследовательскими целями, так что немного исследований не повредит.

— Вторая половина Совместной Экспедиции согласна,— рассмеялся Хэм.

Его веселила развязность, с которой Пат относилась к серьезным исследовательским задачам. Оба они составляли «Совместную Экспедицию Королевского Общества и Смитсонов-

ского Института с Целью Изучения Условий На Темной Стороне Венеры», если пользоваться полным названием.

Разумеется, сам Хэм, формально представлявший американскую сторону, участвовал в экспедиции лишь потому, что Пат не хотела и слышать о ком-нибудь другом, но это именно к ней обращались с вопросами, предложениями и инструкциями бородатые члены Общества и Института.

Так и должно было быть, поскольку именно Пат являлась ведущим авторитетом в области флоры и фауны венерианских Тропиков, а кроме того — первым человеком, рожденным на Венере. Хэм же был простым инженером, которого привела на Венеру мечта быстро разбогатеть на торговле ксикстхилом.

Именно там он познакомился с Патрицией Барлингем и, после полного приключений путешествия к подножию Гор Вечности, добился ее благосклонности.

Они поженились неполный месяц назад в американском поселке Эротия, а потом пришло предложение отправиться на темную сторону.

Хэм не хотел этого путешествия. Ему хотелось провести настоящий медовый месяц в Нью-Йорке или Лондоне, но с этим возникли трудности. Главная из них была астрономической природы: Венера прошла свой перигей и только через восемь месяцев медленное движение вокруг Солнца должно было привести ее в точку, откуда ракета могла добраться до Земли.

Восемь месяцев в примитивных пионерских условиях Эротии или в не менее примитивном Венобле, если бы они выбрали британское поселение,— никаких развлечений, кроме охоты и нескольких книг, без радио и театра. А уж если они обречены на охоту, убеждала Пат, почему бы не добавить к этому сильных ощущений и неизвестных опасностей?

Никто не знал, существует ли на темной стороне планеты жизнь; лишь немногие вообще видели эту сторону, да и те смотрели с ракет, скользящих над широкими горными цепями или скованными льдом бескрайними океанами. И вот представилась возможность выяснить эту тайну и изучить ее, к тому же за счет государства.

Личную ракету мог бы построить и снарядить только мультимиллионер, но Королевское Общество и Смитсоновский Институт, распоряжающиеся государственными средствами, были выше таких забот. Конечно, могли встретиться опасности и леденящие кровь в жилах приключения, зато молодые наконец-то могли остаться одни.

Этот последний аргумент убедил Хэма. Они провели две напряженные недели, загружая ракету запасами продовольствия и снаряжения, пролетели высоко над ледяным барьером, ограничивающим сумеречный пояс, и поспешно миновали зону бурь, где встречаются холодный низовой ветер с темной стороны и верховые теплые ветры, дующие над пустынными районами планеты.

Венера не вращается вокруг своей оси, и потому на ней нет сменяющих друг друга дней и ночей. Одну сторону ее постоянно

освещает солнце, другая же вечно темная, и только медленная либрация планеты дает сумеречному поясу некоторое подобие времен года. Этот пояс — единственная пригодная для жизни часть Венеры — с одной стороны переходит через Тропики в раскаленную пустыню, а с другой кончается ледяным барьером, где верховые ветры отдают свою влагу холодному воздуху низового ветра.

Супруги стояли, прижавшись друг к другу, на верхней ступени лестницы, ведущей в небольшой стеклянный наблюдательный купол, находящийся над пультом управления; их головы с трудом помещались в нем. Хэм обнял девушку, и они вместе смотрели на расстилающийся перед ними пейзаж.

Далеко на западе продолжался вечный рассвет или, может, закат солнца, и свет его отражался от ледяного барьера. Горы Вечности, словно огромные колонны, вздымались вверх на фоне этого света, а их могучие вершины терялись в верхнем слое облаков на высоте двадцати пяти миль. Чуть южнее находился массив Малых Гор Вечности, являющихся границей американской части Венеры, а между обоими хребтами непрерывно сверкали молнии.

Вокруг ракеты, слабо освещенной отраженным солнечным светом, раскинулся пейзаж темного и дикого великолепия. Повсюду был лед — ледяные горы, пики, равнины, валуны и скалы, все сияющее от зарева, идущего от барьера. Мир без движения, скованный морозом и бесплодный, куда не доносилось завывание низового ветра, поскольку ледяной барьер защищал его от Страны Холода.

— Это... великолепно,— прошептала Пат.

— Да,— согласился Хэм.— Холодное, мертвое, но все-таки грозное. Пат, ты думаешь, здесь есть какая-то жизнь?

— Должна быть. Если жизнь существует на таких телах, как Титан и Япет, она должна быть и здесь. Какая там температура?— Она взглянула на термометр, размещенный снаружи башенки; его столбик и цифры светились собственным светом.— Всего тридцать градусов ниже нуля по шкале Фаренгейта. На Земле при такой температуре существует жизнь.

— Да, действительно. Но она не могла бы развиваться при температуре ниже точки замерзания воды. Жизнь должна находиться в жидкой воде.

Пат тихо рассмеялась.

— Ты говоришь с биологом, Хэм. Нет, жизнь не могла бы возникнуть при тридцати градусах ниже нуля, но что, если она появилась в сумеречном поясе и перебралась сюда? Или, скажем, была загнана сюда после проигранной битвы за пребывание в более теплых районах? Ты хорошо знаешь, каковы условия в Тропиках, где есть плесень, пузаны, деревья Джека-Хватателя и миллионы различных паразитов, поедающих друг друга.

Хэм задумался.

— А какого рода жизнь ты ожидаешь здесь встретить?

Она расхохоталась.

—Ты хочешь прогноз? Хорошо. Для начала, пожалуй, нужна

какая-нибудь растительность, как база, поскольку фауна не может поедать друг друга, не имея дополнительного источника энергии. Как в той истории о кошачьей ферме, владелец которой разводил крыс, чтобы кормить кошек, а содрав с них шкуру, бросал мясо крысам, которыми потом кормил кошек. Это хорошо на словах, но на деле ничего не получается.

— Итак, должны быть растения. Что дальше?

— Дальше? А Бог его знает. Фауна темной стороны, если вообще существует, вероятно, происходит от слабых форм жизни сумеречного пояса, но во что она могла здесь превратиться, я угадать не могу. Разумеется, нельзя забывать о трехглазом, triops noctivivans, которого я обнаружила в Горах Вечности...

— Ты обнаружила!— рассмеялся Хэм.— Ты лежала без чувств, когда я выносил тебя из этого обиталища дьяволов. Ты даже не видела ни одного из них!

— Я изучала одного мертвого, которого охотники принесли в Венобл,— парировала девушка.— И не забывай, что Общество хотело дать ему мое имя — triors Particiae.— Пат невольно вздрогнула, вспомнив дьявольских существ, едва не лишивших их жизни.— Однако я выбрала другое название — triops noctivivans — трехглазый обитатель темноты.

— Слишком романтическое название для этой адской твари!

— Да, но я хотела сказать, что... возможно, трехглазые относятся к существам, которых можно найти здесь, на темной стороне, и что бешеные дьяволы, атаковавшие нас в ущелье Гор Вечности, были передовым дозором, изучающим сумеречный пояс через проходы в горах, лишенные солнечного света. Они не выносят света — ты сам это видел.

— И что с того?

Она засмеялась.

— А то, что по их строению: шесть конечностей, три глаза и так далее, следует, что триопы — родственники коренных жителей Тропиков. Отсюда вывод, что на темной стороне они недавно; они возникли не здесь и попали сюда довольно поздно, разумеется, в геологическом смысле. Вообще-то, «геологический»— не то слово, поскольку «гео»— это земля. Нужно было сказать «в венерологическом смысле».

— А вот и нет. Ты поменяла греческий корень на латинский. Нужно было сказать «в афродизиологическом смысле».

Пат снова рассмеялась.

— Чтобы закончить спор, скажем в «палеонтологическом смысле», это звучит лучше. Во всяком случае, я имела в виду, что триопы живут на темной стороне от двадцати до пятидесяти земных лет или даже меньше — ведь мы же ничего не знаем о скорости эволюции на Венере. Может, она идет здесь быстрее, чем на Земле, а может, триоп приспосабливался к жизни в ночи пять тысяч лет.

— Я видел студентов, которые приспосабливались к ночной жизни за один семестр,— усмехнулся Хэм.

Пат игнорировала это замечание.

— И потому,— продолжала она,— я считаю, что здесь

существовала жизнь до того, как явился трехглазый,— он должен был что-то есть, иначе не выжил бы. А поскольку мои исследования показали, что он частично плотояден, здесь должна быть не просто жизнь, но фауна. Вот и все, если говорить о чисто логической части доказательства.

— Значит, ты не можешь угадать, что это за животные. Может, у них есть разум?

— Не знаю. Возможно. Однако, несмотря на уважение, которое вы, янки, испытываете к разуму, биологически он не имеет большого значения. Нет в нем особой ценности, и если говорить о выживании.

— Как ты можешь это говорить, Пат? Что, если не разум, дало людям власть над Землей и Венерой?

— А разве человек — хозяин Земли? Послушай, что я думаю о разуме, Хэм. Мозг гориллы гораздо лучше мозга черепахи, верно? А кому из них повезло больше: горилле, живущей лишь в небольшом районе Африки, или черепахе, которую можно встретить повсюду, от арктических районов до Антарктиды? Если же говорить о человеке... Найдись кто-нибудь с глазами, как микроскоп, чтобы видеть всех живых созданий на Земле, он решил бы, что человек всего лишь редкий вид, а планета принадлежит нематодам или червям, поскольку черви значительно превосходят числом все остальные формы жизни вместе взятые.

— Пат, но это же не преобладание!

— А я этого и не утверждаю. Я только сказала, что разум не имеет большой ценности для выживания. Если мы решим, что он важен, то почему насекомые, не имеющие ничего, кроме инстинкта, так досаждают человеку? Мозги у людей лучше, чем у вредителей кукурузы или моли, однако они бьют наш разум единственным своим оружием — чудовищной плодовитостью. Понимаешь ли ты, что каждый раз, когда рождается ребенок (если этого не уравновесит чья-нибудь смерть), его можно прокормить единственным способом — отняв пропитание у такого числа насекомых, чья общая масса равна массе ребенка?

— Все это звучит весьма разумно, но как это связано с разумом на темной стороне Венеры?

— Не знаю,— ответила Пат, и голос ее при этом звучал удивительно нервно.— Я только думаю... Взгляни на это чуть иначе, Хэм. Ящерица разумнее рыбы, но не настолько, чтобы получить какое-то преимущество. Почему в таком случае ящерица и ее потомки развили в себе разум? Да потому, что сама Природа стремится к разуму... А если это так, значит, разум может быть даже здесь — странный, чужой, непонятный разум.— Она вздрогнула в темноте, прижавшись к Хэму.— Впрочем, неважно,— продолжала она уже другим тоном.— Все это лишь химеры. Мир снаружи настолько странен, настолько чужд нам... Я устала, Хэм, это был длинный день.

Он спустился за ней внутрь ракеты. Когда погасли огни, игравшие на неземном пейзаже, Хэм видел уже только Пат, прелестную в скудном наряде, модном в Стране Холода.

— Итак, подождем до завтра,— сказал он.— Продуктов у нас на три недели.

«Завтра», разумеется, означало только определенное время, а не свет дня. Когда они проснулись, снаружи царила та же тьма, которая вечно окутывает неосвещенную половину Венеры, все с тем же вечным зеленым закатом на горизонте. Однако Пат была в лучшем настроении и бодро занялась подготовкой к первому выходу наружу. Она достала арктические скафандры из покрытой резиной шерсти толщиной в дюйм, а Хэм, как инженер, тщательно осмотрел шлемы, снабженные короной сильных ламп.

Они предназначались главным образом для освещения, но могли использоваться еще для одной цели. Известно было, что невероятно дикие трехглазы не выносят света, и таким образом, используя все четыре снопа света, падающие из шлема, можно было двигаться в окружении охранного светового барьера. Впрочем, это не помешало включить в снаряжение два оксидированных автоматических пистолета и два огнемета страшной разрушительной силы. Пат взяла свою сумку, куда собиралась складывать все образцы встреченной флоры и фауны, если они окажутся небольшими и в меру опасными.

Переглянувшись, они улыбнулись друг другу.

— Ты во всем этом настоящая толстуха,— ехидно заметил Хэм и весело улыбнулся, когда Пат гневно скривилась.

Отвернувшись, она широко открыла дверь и вышла наружу.

Все там выглядело иначе, нежели в свете иллюминатора. Тогда вся сцена казалась нереальной, неподвижной и тихой, как на картине, а сейчас она окружала их на самом деле, а холод и жалобный голос ветра давали достаточно доказательств того, что мир этот реален. Некоторое время люди стояли в круге света, падающего из иллюминатора корабля, восхищенно глядя на горизонт, где невероятно высокие вершины Больших Гор Вечности вздымались, как гигантские башни, на фоне фальшивого заката.

Во все стороны, насколько было видно без солнца, луны и звезд, расстилалась пустая, покрытая глыбами льда и камней равнина, на которой вершины, минареты, шпили и пики изо льда и камня поднимались в фантастических формах, которые невозможно описать.

Хэм обнял Пат рукой и с удивлением почувствовал, что девушка дрожит.

— Тебе холодно?— спросил он, глядя на диск термометра на запястье.— Всего тридцать шесть ниже нуля.

— Это не холод,— ответила Пат,— а эта картина.— Она отодвинулась.— Интересно, что удерживает тепло в этом месте? Казалось бы, без солнечного света...

— Тут-то и таится ошибка,— прервал ее Хэм.— Любой техник слышал о диффузии газов. Верховые ветры движутся над нами на высоте всего пяти или шести миль и, разумеется, несут с собой много тепла из пустыни, лежащей за сумеречным поясом. Происходит некоторое проникновение теплого воздуха в хо-

лодный, а кроме того, когда теплые ветры остывают, они опускаются. Более того, большое значение имеет при этом рельеф района.— Он умолк, задумавшись, потом продолжал:— Слушай, я вовсе не удивлюсь, если мы найдем недалеко от Гор Вечности нисходящий воздушный поток, где верховые ветры двигались бы вдоль склона и в некоторых местах создавали вполне терпимый климат.

Он пошел следом за Пат, которая бродила среди камней на краю круга света, падающего из ракеты.

— Ха!— воскликнула она.— Вот он, Хэм! Вот экземпляр растительности темной стороны.— Девушка наклонилась над серой клубневидной массой.— Лишайник или гриб,— продолжала она.— Листьев, конечно, нет; они нужны только при солнечном свете. По той же причине нет хлорофилла. Очень примитивное растение и все-таки — в некотором смысле — сложное. Смотри, Хэм, высокоразвитая система циркуляции.

Он наклонился ближе и в бледно-желтом свете из иллюминатора заметил тонкую сеть жилок.

— Это может указывать,— продолжала Пат,— на существование какой-то формы сердца и... интересно!— Она быстро прижала свой дисковый термометр к мясистой массе, подержала немного, а затем взглянула на него.— Да! Смотри, как передвинулась игла. Это существо теплокровное. Если хорошенько об этом подумать, тут нет ничего странного, поскольку это единственный вид растительности, который может жить в районах с температурой ниже точки замерзания воды. Для жизни необходима жидкая среда.

Она потянула растение, которое оторвалось с глухим чмокающим звуком, а из обрывка корня брызнули капли темной жидкости.

— Фу!— скривился Хэм.— Что за мерзость! «И оторвал кровоточащий корень мандрагоры», не так ли? Вот только тот кричал, когда его вырывали.— Он замолчал. Из дрожащей массы донеслось низкое, пульсирующее причитание, и Хэм удивленно взглянул на Пат.— Фу!— снова скривился он.— Омерзительно.

— Омерзительно? Да это чудесный организм! Он идеально приспособлен к окружающему.

— В таком случае я рад, что являюсь инженером,— заметил он, глядя, как Пат открывает люк ракеты и кладет растение на расположенный внутри резиновый коврик.— Пойдем погуляем.

Пат закрыла дверь и пошла за ним. Ночь немедленно окружила их, как черный туман, и только оглядываясь на светящиеся иллюминаторы, ракеты, они могли убедиться, что стоят на поверхности реального мира.

— Может, стоит зажечь лампы наших шлемов?— спросил Хэм.— Иначе мы рискуем споткнуться и упасть.

Однако не успели они шевельнуться, как сквозь стоны ветра услышали новый звук — дикий, яростный, нечеловеческий крик, похожий на смех, вой, плач и угрюмый хохот

— Это триопы!— воскликнула Пат.

Она на самом деле испугалась; обычно смелостью она не уступала Хэму, а склонностью к риску даже превосходила его, но эти жуткие звуки вызывали в памяти мучительные минуты, когда оба они попали в ловушку в ущелье Гор Вечности. Испугавшись, она одинаково торопливо и так же безуспешно искала выключатель света и пистолет.

Хэм включил свои прожектора, когда вокруг них уже засвистели камни, а один из них больно ударил его в плечо. Четыре снопа света крестом легли на блестящие пригорки, и дикий смех сменился крещендо боли.

На мгновение Хэм заметил темные фигуры, спрыгивающие с пиков и граней глыб и исчезающие в темноте, как призраки, после чего наступила тишина.

— Ох!— выдохнула Пат.— Я так... боялась... Хэм. Но теперь у нас есть доказательства. Triops noctivivans действительно творения ночной стороны планеты, а те, которых мы встретили в горах, были передовыми отрядами или группами, проникшими в ущелья, не освещаемые лучами солнца.

Где-то вдали раздался громовой смех.

— Интересно,— вслух подумал Хэм,— служит ли их хохот чем-то вроде языка?

— Вполне возможно. В конце концов жители Тропиков разумны, а эти существа их родственники. Кроме того, они бросают камни и используют те стручки, которыми забросали нас в ущелье. Кстати, они должны быть плодами какого-то растения с ночной стороны. Триопы несомненно разумны, но эти бестии настолько неприступны, что сомневаюсь, узнают ли люди когда-нибудь об их разумности или языке.

Хэм согласился с ней, тем более что удачно брошенный камень, ударившись о ледяной шпиль в нескольких шагах от них, осыпал все вокруг сверкающими осколками. Хэм покачал головой, заливая равнину потоками света из ламп на шлеме, и из темноты донесся жуткий хохот.

— Слава Богу, свет держит их на расстоянии,— буркнул он.— Прелестные подданные Его Королевского Величества*, верно? Боже, храни короля, если у него таких много!

Пат вновь занялась поиском образцов. Она уже включила свои прожектора и ловко пробиралась между фантастическими обелисками этой странной удивительной равнины. Хэм пошел за ней следом, глядя, как она отрывает от скал кровоточащие и постанывающие образцы растений. Она нашла с дюжину разновидностей и одно маленькое извивающееся создание в виде сигары, которое разглядывала с удивлением, не в силах понять — растение это, животное или еще что-то другое. В конце концов сумка для образцов заполнилась до самых краев, и оба

---

* Пат и Хэм находились на британской территории на широте Венобла. Международный конгресс в Лисле, состоявшийся в 2020 году, разделил права на темную сторону между государствами, владеющими территориями на Венере, выделив каждому из них клин, тянущийся от сумеречного пояса до точки на планете точно по другую сторону Солнца в середине осени.

направились к ракете, иллюминаторы которой светили издалека, как ряд вглядывающихся в них глаз.

Однако, открыв дверь, чтобы войти внутрь, они испытали потрясение. Оба отпрянули, когда изнутри пахнуло в лицо теплым, душным, гнилым воздухом, не пригодным для дыхания и насыщенным запахом падали.

— Что...— прохрипел Хэм, а потом расхохотался.— Твоя мандрагора! — смеялся он.— Взгляни на нее!

Растение, которое они оставили внутри корабля, превратилось в бесформенную полуразложившуюся массу. В теплом воздухе оно быстро стало полужидким, растекшись по резине. Пат вытащила коврик и выбросила наружу.

Они вошли во все еще воняющую ракету, и Хэм включил вентилятор. Воздух, который он гнал, был, разумеется, холодным, но чистым, стерильным и свободным от пыли после пятитысячемильной дороги над замерзшими океанами и горами. Хэм захлопнул дверь, включил обогреватель и опустил забрало, чтобы взглянуть на Пат.

— И это твой чудесный организм!— рассмеялся он.

— Это был чудесный организм, Хэм. Какие могут быть претензии — ведь его подвергли воздействию температуры, которой он никогда не испытывал.— Она вздохнула и бросила на пол свою сумку для образцов.— Думаю, придется их немедленно обработать, раз уж они так плохо сохраняются.

Хэм что-то буркнул и занялся приготовлением пищи, делая это с профессионализмом истинного жителя Тропиков. Он взглянул на Пат, которая, склонившись над своими образцами, впрыскивала им раствор двухлорида.

— Ты считаешь, что трехглазый — высшая форма жизни на темной стороне?— спросил он.

— Несомненно,— ответила Пат.— Если бы здесь существовала какая-то высшая форма, она давно истребила бы этих диких дьяволов.

Однако она ошибалась.

В течение четырех дней Пат и Хэм использовали все возможности, какие давала им волнистая местность вокруг ракеты. Пат собрала различные образцы, а Хэм провел множество наблюдений за температурой, аномалиями магнитного поля, направления и скорости холодного ветра.

Затем они свернули лагерь, и ракета стартовала на юг, к месту, где, как предполагалось, огромные и таинственные Горы Вечности возвышались над ледяным барьером и морозным миром ночной стороны. Они летели медленно, уменьшив скорость до пятидесяти миль в час, поскольку пользовались лишь передним прожектором, освещавшим торчащие пики.

Дважды они останавливались, и каждый раз им хватало дня или двух, чтобы определить, что район напоминает первую стоянку. Те же самые жилковатые, клубневидные растения, тот же вечный низовой ветер, тот же хохот кровожадных трехглазых.

Однако в третий раз оказалось иначе. Они приземлились на диком и мрачном плоскогорье у подножия Больших Гор Вечности. Далеко на запад половина горизонта по-прежнему светилась фальшивым закатом солнца, скрытая от глаз огромными вершинами хребта, вздымавшегося к черным небесам на высоту двадцати пяти миль. Горы, конечно, были невидимы в этом краю вечной ночи, но двое людей в ракете ощущали могучее соседство этих невероятно высоких вершин.

Мощь Гор Вечности действовала на них еще и другим способом. Район этот был теплым, конечно, не так, как сумеречный пояс, но гораздо теплее, чем находящаяся внизу равнина. Термометры показывали ноль с одной стороны ракеты и плюс пять градусов с другой. Гигантские вершины, поднимающиеся до уровня верховых ветров, вызывали возникновение вихрей и ложных течений, которые отводили вниз теплый воздух, смягчая холодное дуновение низового.

Хэм мрачно смотрел на видимое в свете ракеты плоскогорье.

— Не нравится мне здесь,— буркнул он.— Я никогда не любил этих гор, особенно с тех пор, как ты сваляла дурака, собираясь пересечь их в Стране Холода.

— Сваляла дурака?— переспросила Пат.— А кто дал название этим горам? Кто пересек их? Кто их открыл? Мой отец, вот кто!

— И ты решила, что они принадлежат тебе,— парировал Хэм,— и нужно только свистнуть, чтобы они упали к твоим ногам и начали ластиться, а Перевал Безумца превратится в парковую аллею? В результате, если бы я не оказался на месте и не вытащил тебя, ты была бы сейчас кучкой чисто обглоданных костей, лежащих в ущелье.

— Эх ты, пугливый янки!— бросила она.— Я иду наружу осмотреться.— Натянув скафандр, Пат направилась к двери, но на пороге остановилась.— А... может, ты тоже пойдешь?

Хэм усмехнулся.

— Разумеется! Я хотел только, чтобы ты это сказала.— Он переоделся в полярный костюм и пошел следом за женой.

На сей раз снаружи было по-другому. На первый взгляд плоскогорье являло собой ту же мрачную дикость льда и камня, которую они встретили на расположенной внизу равнине. Здесь были выветренные скалы самых фантастических форм, а дикий пейзаж, поблескивающий в свете шлемных ламп, походил на тот, который они видели прежде.

Однако мороз был здесь не таким пронзительным; по мере подъема становилось теплее, а не холоднее, как на Земле, поскольку температура повышалась по мере приближения к зоне верховых ветров. Кроме того, здесь меньше докучал низовой ветер, разбитый могучими вершинами на слабые дуновения.

Растительность тоже стала богаче. Повсюду виднелись жилковатые и клубневидные массы, и Хэму пришлось ступать осторожно, чтобы не повторить неприятного опыта, когда он наступил на одно из них и услышал стон боли. Пат со своей стороны не испытывала никаких угрызений совести, уверяя, что

это всего лишь тропизм, что образцы, которые она вырвала и препарировала, испытывали не больше боли, чем яблоко, когда его едят, и что в конце концов биолог должен быть биологом.

Где-то среди пиков раздался скрежещущий, язвительный смех трехглазых, и Хэму несколько раз казалось, что на границе досягаемости света шлемов он замечает фигуры этих демонов тьмы. Но даже если так оно и было, свет удерживал их на безопасном расстоянии, и ни один камень не пролетел рядом с людьми. И все же было довольно жутковато идти вперед посреди движущегося пятна света; все время казалось, что за пределами видимости таятся Бог знает какие странные и невероятные создания, хотя рассудок убеждал, что такие монстры не остались бы незамеченными.

Лучи прожекторов остановились на ледяном вале, насыпи или нависи, тянувшемся вправо и влево поперек их пути.

Пат вдруг указала в ту сторону.

— Смотри!— воскликнула она, удерживая свет прожектора в одном месте.— Пещеры во льду или, скорее, норы. Видишь?

Хэм заметил черные отверстия размером с клапан водосточной трубы, целый ряд которых находился у основания ледяного вала. Что-то темное со смехом промчалось вверх по скользкому склону и исчезло — трехглазый. Неужели это их жилища? Хэм пригляделся внимательнее.

— Там что-то есть!— шепнул он Пат.— Смотри! Перед половиной отверстий что-то лежит — может, просто камни, блокирующие вход?

Они осторожно приблизились, держа в руках оружие. Ничто больше не шевелилось, но в усиливающемся свете эти предметы все меньше напоминали камни, и скоро стали видны жилки и мясистая клубневидность живых существ.

Впрочем, эти создания были каким-то новым видом. Хэм разглядел ряд похожих на глаза пятен, а под ними клубок ног. Существа походили на перевернутые корзины, примерно того же размера и формы, покрытые жилами, дряблые и без особых примет, если не считать глазных пятен. Теперь можно было даже заметить полупрозрачные веки, которые закрывались явно для того, чтобы защитить глаза от болезненного света.

Люди находились всего в двадцати футах от одного из существ. Поколебавшись, Пат двинулась прямо к неподвижной фигуре.

— Ого!— сказала она.— Это что-то новое, Хэм. Привет, старик!

В следующую секунду оба остановились как вкопанные, удивленные, совершенно ничего не понимающие. Высокий, клекочущий голос, идущий как будто от пленки, расположенной наверху создания, произнес:

— Привет, старик!

Воцарилась тревожная тишина. Хэм держал в руке свой пистолет, но даже если бы потребовалось им воспользоваться, не сумел бы ничего сделать, забыв об оружии. Вообще его словно парализовало. Пат наконец заговорила.

— Это... это невозможно,— сказала она слабым голосом.— Это тропизм. Это создание просто отражает звуки, которые до него доходят. Разве не так, Хэм? Разве не так?

— Я... я.. ну, разумеется!— Он разглядывал глаза, закрытые веками.— Так и должно быть. Слушай!— Он наклонился вперед и крикнул «Привет!» прямо в сторону создания.— Сейчас оно ответит.

И существо ответило.

— Это не тропизм,— заклекотало оно пискливым, но идеальным английским языком.

— Это не эхо!— Пат говорила с трудом и пятилась все дальше.— Я боюсь!— пискнула она, таща Хэма за руку.— Бежим, быстро!

Хэм задвинул ее за себя.

— Может, я и боязливый янки,— буркнул он,— но собираюсь допросить этот живой граммофон, чтобы узнать, что или кто приводит его в движение.

— Нет! Нет, Хэм! Я боюсь!

— Он не выглядит опасным,— заметил он.

— Опасности нет,— согласилось существо на льду.

Хэм сглотнул слюну, а Пат испуганно вскрикнула.

— Кто... кто ты?— спросил Хэм дрожащим голосом.

Ответа не было. Глаза с веками неподвижно смотрели на него.

— Кто ты?— попробовал он еще раз.

И снова нет ответа.

— Откуда ты знаешь английский?— продолжал спрашивать Хэм.

— Не знаешь английский,— заклекотал голос.

— Тогда... гм... почему ты говоришь по-английски?

— Ты говоришь по-английски,— логично объяснило создание.

— Я спрашиваю не почему, а каким образом?

К этому времени Пат уже частично справилась со своим испугом, и ее мозг нашел решение.

— Хэм,— прошептала она,— это существо использует слова, которыми пользуемся мы. А значение их узнает от нас.

— Значение узнает от вас,— подтвердило существо.

Хэма вдруг осенило.

— О Боже!— воскликнул он.— Значит, мы можем расширить его словарь.

— Вы говорить, я говорить,— предложило существо.

— Ну конечно! Понимаешь, Пат? Мы можем говорить, что угодно...— Он задумался.— Что бы ему... «Когда в теченье наших дел...»

— Умолкни, янки!— оборвала его Пат.— Мы на британской территории! «Быть или не быть — вот в чем вопрос...»

Хэм улыбнулся и замолчал, а когда Пат умолкла, не зная, что говорить дальше, принял от нее эстафету: «Жили однажды три медведя...»

Так они говорили по очереди, и вдруг до Хэма дошло, что вся

ситуация фантастически абсурдна — Пат рассказывает сказку о Красной Шапочке лишенному чувства юмора существу с ночной стороны Венеры! Он внезапно расхохотался, и девушка удивленно уставилась на него.

— Расскажи ему сказку о бродяге и дочке крестьянина!— сказал он, задыхаясь от смеха.— Посмотрим, улыбнется ли он хоть раз!

Пат подхватила его смех.

— Однако вопрос действительно серьезен,— сказала она наконец.— Представь себе, Хэм! Разумная жизнь на темной стороне. А ты действительно разумен?— обратилась она к созданию на льду.

— Я разумен,— заверило оно.— Я разумно разумен.

— По крайней мере, ты превосходный лингвист,— сказала девушка.— Хэм, ты когда-нибудь слышал, чтобы английский изучали за полчаса? Подумай об этом!— Страх ее совсем прошел.

— Что ж, воспользуемся этим,— предложил Хэм.— Как тебя зовут, дружище?

Ответа не было.

— Разумеется,— вставила Пат.— Он не может сказать нам свое имя, пока мы не произнесем его по-английски, а мы не можем этого сделать, потому что... Ну, хорошо, в таком случае назовем его Оскар, этого хватит.

— Пусть будет так. Кто ты, Оскар?

— Я человек.

— Что? Разрази меня гром, если это правда!

— Такие слова ты сказал мне. Для меня я человек для тебя.

— Подожди-ка. «Для меня я...» Я понял, Пат. Он хочет сказать, что единственные слова, которые у нас есть для определения того, кем он себя считает, это «человек». Ну, хорошо, в таком случае как называется твой народ?

— Люди.

— Я имею в виду твою расу. К какой расе ты относишься?

— К расе людей.

— Уф!— тяжело вздохнул Хэм.— Попробуй ты, Пат.

— Оскар,— сказала девушка,— ты человек. Ты млекопитающее?

— Для меня человек млекопитающее для тебя.

— О Боже!— Она попыталась еще раз.— Оскар, как размножается твоя раса?

— У меня нет подходящих слов.

— Вы рождаетесь?

Странное лицо или же тело существа без лица слегка изменилось. Полупрозрачные веки, защищающие его многочисленные глаза, покрылись еще более толстыми заслонками; Это выглядело так, словно существо задумчиво сморщило лоб.

— Не рождаемся,— заклекотало оно.

— Тогда, может... семена, споры, партеногенез? Или же деление?

— Споры,— пропищало таинственное создание,— и деление.

— Но ведь...— Она умолкла, и в тишине они услышали

зловещий вой трехглазого где-то далеко слева. Люди повернулись, взглянули и в ужасе отступили. Там, куда едва доставал сноп света, один из хохочущих дьяволов подхватил и уносил что-то несомненно, бывшее одним из пещерных созданий. Остальные же, еще более усиливая ужас положения, продолжали все так же сидеть перед своими ямами.

— Оскар!— крикнула Пат.— Одного из вас схватили!

Она умолкла на полуслове, прерванная громом револьвера, но выстрел оказался неудачным.

— О-о!— простонала девушка.— Это дьяволы! Они схватили одного!— Существо, находившееся перед ней, молчало.— Оскар!— крикнула Пат.— Неужели это тебе безразлично? Они убили одного из вас, ты понимаешь это?

— Да.

— Но...неужели это не имеет для тебя никакого значения?— Пат испытывала что-то вроде человеческого сочувствия к этим существам.— Тебя это вообще не касается?

— Да.

— Но что эти дьяволы делают с вами? Почему вы позволяете им убивать себя?

— Они едят нас,— спокойно сказал Оскар.

— О!— От ужаса у Пат перехватило дыхание.— Но... почему вы не...— Она замолчала, потому что существо начало медленно и методически отползать к своей норе.

— Подожди!— крикнула девушка.— Они сюда не придут. Наши фонари...

— Холодно,— донесся до нее ответ.— Я ухожу из-за холода.

Стало тихо.

Действительно стало холоднее, участились порывы морозного ветра. Оглядевшись вокруг, Пат заметила, что все жители пещер забираются в свои норы. Девушка беспомощно посмотрела на Хэма.

— Это... это был сон?— прошептала она.

— В таком случае мы спали вместе, Пат.— Он взял ее за руку и повел обратно к ракете, иллюминаторы которой приглашающе светились в темноте.

Когда они оказались в теплом помещении и скинули неуклюжую верхнюю одежду, Пат поджала свои стройные ноги, закурила и принялась довольно рационально взвешивать происшедшее.

— Во всем этом есть что-то непонятное, Хэм. Ты заметил странности в разуме Оскара?

— Он дьявольски быстро соображает!

— Да, он весьма умен. Уровень его интеллекта равняется человеческому или даже...— она заколебалась,— выше его. Однако это не человеческий разум. Он какой-то другой... чужой, странный. Я не могу выразить свои чувства, но заметил ли ты, что Оскар не задал ни одного вопроса? Ни одного!

— Погоди-ка... а ведь точно! Это странно!

— Это чертовски странно. Каждый разум человеческого типа, встречая иную мыслящую форму жизни, задал бы

множество вопросов. Мы задавали их.— Она задумчиво выпустила клуб дыма.— Но это еще не все. Это равнодушие, когда трехглазый атаковал его соплеменника... разве это по-человечески или хотя бы по-земному? Я видела, как охотящийся паук схватил одну муху из роя, не беспокоя других, но может ли такое быть с разумными существами? Не может, даже в случае мозгов, развитых так слабо, как у оленей или воробьев. Убей одно животное, и остальные испугаются.

— Это верно, Пат. Чертовски странные создания эти соплеменники Оскара. Странные зверушки.

— Зверушки? Только не говоря, что не заметил, Хэм.

— Не заметил чего?

— Оскар не животное. Он растение — теплокровное, движущееся растение. Все время, что мы разговаривали, он укоренялся своим... своим корнем. А то, что выглядело, как ноги — это стручки. Он не ходил на них, передвигался на корне. Более того....

— Что?

— Более того, Хэм, эти стручки такие же, как те, которыми трехглазые закидали нас в ущелье Гор Вечности, те, от которых мы чуть не задохнулись...

—Ты хочешь сказать, от которых ты потеряла сознание?

— Во всяком случае я успела их заметить!— ответила она, покраснев.— Это часть тайны, Хэм. Разум Оскара — это разум растения! Не кажется ли тебе,— спросила вдруг девушка,— что присутствие Оскара и его соплеменников представляет угрозу людям, живущим на Венере? Я знаю, что эти существа с темной стороны, но что будет, если здесь откроют ценные месторождения? Если именно здесь начнется промышленная эксплуатация? Люди не могут жить совсем без солнечного света, но может возникнуть потребность основания здесь временных колоний — и что тогда?

— Вот именно, что тогда?— повторил Хэм.

— Что тогда? Разве хватит на одной планете места для двух разумных рас? Разве рано или поздно не наступит конфликт интересов?

— И что с того?— буркнул он. — Это примитивные существа, Пат. Они живут в пещерах, не создали культуры, не имеют оружия. Для человека они не опасны.

— Но они так великолепно разумны! Откуда ты знаешь, не являются ли встреченные нами всего лишь варварами и что где-то в глубине темной стороны не существует цивилизация растений? Ты же знаешь, что цивилизация не является привилегией исключительно человека. Взгляни на могучую, хоть и клонящуюся к закату культуру Марса и на мертвые ее остатки на Титане. Человек просто стал ее самой сильной версией, по крайней мере пока.

— Это правда, Пат,— согласился Хэм.— Но если соплеменники Оскара воинственны не более, чем в отношении того кровожадного трехглазого, они не представляют особой опасности.

— Этого я вообще не могу понять.— Она вздрогнула.— Интересно...— Пат замолчала, хмуря брови.

— Что интересно?

— Я... не знаю. Мне кое-что пришло в голову...— Она подняла взгляд.— Хэм, завтра я хочу точно установить, на каком уровне интеллект Оскара. Если удастся.

Однако с этим возникли некоторые трудности. Когда Хэм и Пат приблизились к краю ледяного вала, с трудом преодолев фантастически смятый район, оказалось, что они понятия не имеют, перед которой пещерой разговаривали с Оскаром. В мерцающем свете ламп каждое отверстие казалось им похожим на другие, а существа, находящиеся у выходов, смотрели на них глазами, в которых не просматривалось никакого выражения.

— Ну вот,— озабоченно сказала Пат.— Придется экспериментировать. Эй, это ты, Оскар?

— Да,— произнес клекочущий голос.

— Не верю,— вставил Хэм.— Он был правее. Эй, это ты, Оскар?

— Да,— заклекотал другой голос.

— Но вы не можете оба быть Оскаром!

— Мы все им являемся,— ответил тот, которого выбрала Пат.

— А, неважно,— прервала девушка, опередив дальнейшие возражения Хэма.— Что знает один, явно знают все, поэтому не имеет значения, которого выбрать. Оскар, вчера ты сказал, что разумен. Ты более разумен, чем я?

— Да, много больше.

— Ха!— фыркнул Хэм.— Вот видишь, Пат!

Она со злостью шмыгнула носом.

— Этим он тебя превосходит, янки. Оскар, ты говоришь когда-нибудь неправду?

Полупрозрачные веки закрылись вторыми, толстыми.

— Неправду,— повторил пискливый голос.— Неправду. Нет. Нет необходимости.

— Тогда что...— она вдруг замолчала, услышав глухой треск.— Что такое? О, смотри, Хэм, один из его стручков лопнул!— Пат отодвинулась.

В ноздри людей ударил острый, терпкий запах, напомнивший им часы в ущелье, но сейчас не такой сильный, чтобы Хэм начал задыхаться, а Пат потеряла сознание. Резкий, терпкий и одновременно не совсем неприятный.

— Что это такое, Оскар?

— Это служит для...— голос умолк.

— Для размножения?— подсказала Пат.

— Да, для размножения. Ветер разносит наши споры между нами. Мы живем там, где нет постоянного ветра.

— Однако вчера ты говорил, что ваш способ — это деление.

— Да. Споры садятся на наши тела и происходит...— голос вновь умолк.

— Оплодотворение?— подсказала девушка.

— Нет.

— Тогда... поняла! Раздражение!

— Да.
— Которое вызывает появление шишковидного нароста?
— Да. Когда его рост прекращается, мы делимся.
— Фу!— фыркнул Хэм.— Шишка!
— Заткнись!— рявкнула Пат.— Ребенок в лоне матери тоже не более чем шишка.
— Не более. Как я рад, что не стал биологом! И что не родился женщиной!
— Я тоже,— серьезно ответила Пат.— Оскар, каковы твои знания: что ты вообще знаешь?
— Все.
— Ты знаешь, откуда прибыли люди, похожие на меня?
— Со стороны света.
— Да, а до этого?
— Нет.
— Мы прибыли с другой планеты,— торжественно сказала девушка, а поскольку Оскар молчал, добавила:— Ты знаешь, что такое планета?
— Знаю.
— Но знал ли ты раньше, до того как я произнесла это слово?
— Да, гораздо раньше.
— Но откуда? Ты знаешь, что такое машины? А оружие? Знаешь, как все это производить?
— Да.
— Тогда... почему вы этого не делаете?
— Нет необходимости.
— Нет необходимости!— воскликнула она.— Имея свет, даже просто огонь, вы могли бы держать триопов на безопасном расстоянии. Вы могли бы избежать съедения!
— Нет необходимости.
Пат беспомощно повернулась к мужу.
— Он лжет,— предположил тот.
— Не думаю,— буркнула она.— Это что-то другое... что-то, чего мы не понимаем. Оскар, откуда вы все это знаете?
— Разум.
У входа в другую пещеру с глухим треском лопнул очередной стручок.
— Но откуда? Скажи, как вы узнаете факты?
— Из любого факта,— заклекотало существо на льду,— разум может создать образ...— Воцарилась тишина.
— Вселенной?— подсказала Пат.
— Да, Вселенной. Я начинаю с одного факта и на основании его делаю выводы. Строю образ Вселенной. Начинаю с другого факта, делаю выводы. Констатирую, что полученный образ Вселенной такой же, как в первом случае. Я знаю, что образ правдив.
— Слушай,— выдавил Хэм,— если это правда, мы можем узнать у Оскара все! Оскар, ты можешь выдать нам тайны, которых мы не знаем?
— Нет.
— Почему?

— Вы должны знать нужные слова, чтобы сообщить их мне. Я не могу рассказать вам того, для чего у вас нет нужных слов.

— Верно!— шепнула Пат.— Но, Оскар, я знаю слова «время» и «пространство», «энергия» и «материя», «закон» и «причина». Скажи мне конечный закон Вселенной.

— Это закон...— Тишина.

— Сохранения энергии или материи? Гравитации?

— Нет.

— Закон.... Бога?

— Нет.

— Жизни?

— Нет. Жизнь не имеет значения.

— Тогда чего? Мне больше ничто не приходит на ум.

— Может, случая?— задумчиво сказал Хэм.— Для этого нет нужного слова.

— Да,— заклекотал Оскар.— Это закон случая. Все остальные слова — другие аспекты закона случая.

— О, небо!— прошептала Пат.— Оскар, ты знаешь, что такое звезды, солнца, созвездия, планеты, туманности, атомы, протоны и электроны?

— Да.

— Но... откуда? Ты когда-нибудь видел звезды, находящиеся за этим вечным слоем облаков? Или солнце за барьером?

— Нет. Достаточно разума, поскольку есть лишь один способ существования Вселенной. Только то, что возможно,— реально; то, что нереально,— одновременно невозможно.

— Это... кажется, это что-то значит,— прошептала Пат.— Но я плохо понимаю, что. Оскар, почему... почему вы не используете свои знания, чтобы защититься от врагов?

— Нет необходимости. Нет необходимости делать что-либо. Через сто лет мы будем...— Тишина.

— В безопасности?

— Да — нет.

— Что?— Ее вдруг пронзила страшная догадка.— Ты хочешь сказать — вымрете?

— Да.

— Но...о, Оскар! Разве вы не хотите жить? Разве ваш народ не хочет уцелеть?

— Хочет,— проскрипел Оскар.— Хочет-хочет-хочет. Это слово ничего не значит.

— Оно значит... желает, жаждет.

— Жаждет ничего не значит. Желает-желает. Нет, мой народ не желает уцелеть.

— О! — слабо вздохнула Пат.— Тогда зачем вы размножаетесь?

Словно в ответ лопнувший стручок осыпал их удушливой пылью.

— Потому что должны,— заклекотал Оскар.— Когда на нас садятся споры — мы должны.

— Понимаю,— медленно сказала Пат.— Хэм, кажется, я поняла. Вернемся на корабль.

Она неуверенно повернулась, а Хэм пошел за ней следом, глубоко задумавшись. Его охватила странная апатия.

Их ждала еще одна небольшая неприятность. Камень, брошенный каким-то трехглазым, прячущимся за льдом, разбил левую лампу на шлеме Пат. Казалось, это ее мало тронуло: девушка лишь мельком взглянула в ту сторону и шла дальше, но всю обратную дорогу их преследовали вой, писки и насмешливый хохот, несущийся с левой стороны, освещенной теперь только лампой Хэма.

В ракете Пат усталым жестом бросила на стол свою сумку для образцов и села, не снимая полярного костюма. Хэм тоже этого не сделал; несмотря на жару, он так же апатично опустился на койку.

— Я устала,— сказала девушка,— но не настолько, чтобы не понимать, что означает тайна снаружи корабля.

— Ну-ну, послушаем.

— Хэм,— сказала она,— в чем основная разница между растительной и животной жизнью?

— Ну, растения получают средства для жизни прямо из почвы и воздуха. Животным, чтобы есть, требуются растения или другие животные.

— Это еще не все, Хэм. Некоторые растения — паразиты и живут на других формах жизни. Вспомни Тропики или даже некоторые земные растения — грибы, росянку, которая ловит мух...

— Ну...тогда... животные двигаются, а растения нет.

— Это тоже неправда. Взгляни на бактерии: это растения и все-таки движутся в поисках пищи.

— Так какая же разница?

— Порой это трудно сказать,— буркнула она.— Однако я думаю, что поняла. Вот она: животными движет потребность, а растениями — необходимость. Понимаешь?

— Ничуть.

— Тогда слушай. Растение, даже двигающееся, делает что-то, потому что должно, потому что такова его природа, а животное действует так, потому что хочет.

— И где тут разница?

— Она есть. У животного есть собственная воля, у растения — нет. Понимаешь? У Оскара великолепный, божественный разум, но собственной воли меньше, чем у червяка. У него есть рефлексы, но нет желаний. Когда ветер теплый, он выходит и кормится, когда холодно — заползает обратно в пещеру, наполненную теплом его тела. Но это не воля, а лишь инстинкт. Оскар ничего не хочет!

Забыв об усталости, Хэм потрясенно смотрел на нее.

— Черт меня побери, если это не так!— выкрикнул он.— Вот почему он, а точнее они, не задают вопросов! Нужно хотеть или иметь собственную волю, чтобы о чем-то спрашивать! Потому у них и нет цивилизации, и никогда не будет.

— Это и еще кое-что,— сказала Пат.— Подумай вот о чем: Оскар существо бесполое, а несмотря на твою гордость, янки,

половое влечение всегда было важным фактором создания цивилизации. Это основа семьи, а народ Оскара не знает понятия родителей и детей. Оскар размножается делением, обе его половины взрослые особи и, вероятно, владеют всеми знаниями и памятью исходного существа.

Нет необходимости в любви, собственно говоря, для нее и места нет, а отсюда нет мотива для борьбы за партнера и семью, а также нет причин делать жизнь легче, чем она есть, или пользоваться разумом для развития науки или искусства — да вообще чего угодно!— Она помолчала.— Ты слышал когда-нибудь о законе Мальтуса, Хэм?

— Сомневаюсь.

— Так вот, закон Мальтуса гласит, что численность населения зависит от предложения продуктов. Если увеличивается количество пищи, численность населения пропорционально растет. Человечество развивалось под воздействием этого закона; оно было приостановлено почти на сто лет, но наша раса обрела под его влиянием гуманность.

— Приостановлено! Это похоже на отмену закона тяготения или исправление теоремы Пифагора.

— Нет, нет,— сказала Пат.— Приостановление действия этого закона произошло в результате развития техники в девятнадцатом и двадцатом веках, что вызвало такой рост производства продуктов, что натуральный прирост не успевал за ним. Но скоро он догонит его, и закон Мальтуса снова вступит в силу.

— А как это связано с Оскаром?

— А вот как: его раса развивалась не под действием этого закона. Иные факторы поддерживали ее численность ниже границы предложения пищи, то есть развился вид, свободный от борьбы за пропитание. Он идеально приспособлен к среде и не требует ничего больше. Цивилизация для него излишня!

— Но... как же трехглазые?

— Да, трехглазые. Видишь ли, Хэм, как я говорила несколько дней назад, трехглазые — пришельцы, явившиеся из сумеречного пояса. Когда эти дьяволы сюда прибыли, народ Оскара уже полностью развился и не мог измениться, чтобы противостоять новым условиям, или же не мог измениться достаточно быстро. Поэтому они обречены на гибель. Как говорит Оскар, скоро они вымрут и... это их нисколько не беспокоит.— Она вздрогнула.— Единственное, что они делают, что могут делать, это сидеть перед пещерами и думать. Может, их мысли — это мысли богов, но собственной воли у них нет ни на грош. Именно в этом и состоит растительный разум!

— Я думаю... думаю, что ты права,— буркнул Хэм.— Но это довольно страшно, правда?

— Да.— Девушка дрожала, несмотря на теплую одежду.— Да, это страшно. Такие великолепные умы, и нет возможности для их работы. Это как мощный бензиновый двигатель с лопнувшим карданным валом: как бы он ни работал, колеса все равно не крутятся. Хэм, знаешь, как я их назову? Lotophag Veneris —

Лотофаги! Их вполне устраивает сидение на месте и размышление о мире, в то время как меньшие разумы — наши и трехглазых — борются за их планету.

— Это хорошее название, Пат.— Когда девушка поднялась, Хэм удивленно спросил: — А твои образцы? Ты не будешь их препарировать?

— Завтра.— Пат как была, в одежде, бросилась на койку.

— Они испортятся! И твоя лампа на шлеме — ее нужно починить.

— Завтра,— устало повторила она, а его собственная усталость прекратила дальнейшие споры.

Когда через несколько часов запах гниения разбудил его, Пат все еще спала в тяжелой верхней одежде. Хэм выбросил сумку и образцы наружу, а затем снял с девушки скафандр. Когда он осторожно укладывал ее на койку, она почти не пошевелилась.

Пат не жалела о выброшенной сумке; следующий день, если эту бесконечную ночь можно назвать днем, застал их идущими по мрачному плоскогорью со все так же не работающей лампой на шлеме девушки. Снова с левой стороны доносился дикий, издевательский смех жителей ночи, несущийся с низовым ветром; дважды брошенные с большого расстояния камни рассыпали вокруг сверкающие осколки льда. Люди двигались вперед апатично и молча, словно загипнотизированные, но им казалось, что головы их совершенно чисты.

Пат обратилась к первому лотофагу, которого они встретили.

— Мы вернулись, Оскар,— сказала она.— Как ты провел ночь?

— Я думал,— заклекотало существо.

— О чем ты думал?

— Я думал о...— голос умолк.

Треснул стручок, и характерный запах ударил в их ноздри.

— О... нас?

— Нет.

— О... мире?

— Нет.

— О... Нет, это не имеет смысла,— устало сказала Пат.— Можно пытаться до конца света и никогда не наткнуться на нужный вопрос.

— Если этот нужный вопрос существует,— добавил Хэм.— Откуда ты знаешь, что есть слова, подходящие для него? Откуда знаешь, что это мысль, которую мы можем понять? Наверняка есть мысли, лежащие за пределами нашего понимания.

Слева с глухим звуком лопнул еще один стручок. Хэм заметил, как пыль, словно тень летит сквозь снопы света от их ламп, увидел, что Пат глубоко вдохнула терпкий воздух, когда облачко достигло ее. Запах был до странности приятен, особенно если вспомнить, что то же вещество, но в большей концентрации однажды едва не лишило их жизни. Он испытал какое-то смутное опасение, когда эта мысль пришла ему в голову, но не сумел понять причин этого опасения.

Внезапно до него дошло, что они в полном молчании стоят перед лотофагом, а ведь пришли сюда задавать ему вопросы.

— Оскар,— спросил он,— в чем смысл жизни?

— Его нет. Нет никакого смысла.

— Тогда почему за нее так держатся?

— Мы за нее не держимся. Жизнь ничего не значит.

— Потому что, когда вы исчезнете, мир будет существовать по-прежнему? В этом дело?

— Когда нас не будет, всем будет все равно, кроме триопов, которые нас едят.

— Которые вас едят,— как эхо, повторил Хэм.

В этой мысли было нечто такое, что пробилось сквозь туман равнодушия, окутавший его мысли. Хэм взглянул на Пат, безучастно и молча стоявшую рядом; в свете фонаря он видел за стеклами ее серые ясные глаза, смотрящие прямо перед собой с выражением либо рассеянности, либо глубокой задумчивости. А из-за ледяного вала донеслись вдруг крики и дикий смех жителей темноты.

— Пат,— сказал он.

Ответа не было.

— Пат!— повторил он, кладя отяжелевшую руку на ее плечо.— Нужно возвращаться.— Справа от них лопнул стручок.— Нужно возвращаться,— повторил он.

Из-за хребта внезапно обрушился град камней. Один ударил в шлем Хэма, и передний фонарь лопнул; другой попал в плечо, причинив мучительную боль, хотя это показалось ему удивительно несущественным.

— Нужно возвращаться,— упрямо повторил Хэм.

Пат наконец откликнулась, все так же не двигаясь.

— Зачем?— глухо спросила она.

Хэм задумался над этим. Действительно, зачем? Чтобы вернуться в сумеречный пояс? В памяти его возник образ Эротии, потом картины воображаемого медового месяца, проводимого на Земле, затем целая серия сцен на Земле: Нью-Йорк, академический городок, окруженный деревьями, солнечная ферма, на которой прошло его детство. Однако все это казалось далеким и нереальным.

К действительности его вернул внезапный удар в плечо и пронзительная боль. Еще он заметил, как камень отскочил от шлема Пат. Светили уже всего две ее лампы, задняя и правая, а из его, как он смутно сообразил, остались задняя и левая. На краю вала, темного из-за разбитых ламп, мелькали и галдели темные фигуры, а вокруг людей свистели и разлетались камни.

Хэм с огромным трудом схватил Пат за плечо.

— Нужно возвращаться!— пробормотал он.

— Зачем?

— Если мы останемся, нас убьют.

— Я знаю, но...

Он перестал слушать ее и резко потянул Пат за руку. Она повернулась и, пошатываясь, пошла за ним.

Когда их задние лампы осветили ледяной вал, раздался

ужасный вой, а затем, пока Хэм бесконечно медленно тащил за собой девушку, вопли сместились влево и вправо. Он знал, что это означает: трехглазые окружали их, чтобы оказаться впереди, куда не светили разбитые лампы.

Пат безвольно шла за ним. Только рука Хэма заставляла ее двигаться, но и для него каждое движение давалось с огромным трудом. А перед ними мелькали тени воющих и хохочущих демонов, ждущих своего часа.

Хэм повернул голову так, чтобы его правый прожектор осветил окрестности. Раздались вопли, и трехглазые бросились искать укрытия в тени пригорков и гребней, но Хэм с повернутой вбок головой споткнулся и упал.

Пат не желала подниматься, когда он потянул ее.

— Нет необходимости,— бормотала она, но не сопротивлялась, когда он ее поднял.

В голове Хэма возник смутный план. Он взял девушку на руки так, чтобы ее правая лампа светила вперед, и в конце концов добрался до круга света, бросаемого ракетой, открыл дверь и положил Пат на пол внутри корабля.

Последнее, что он увидел, были тени хохочущих трехглазых, подскакивающие в темноте и направляющиеся к ледяному валу, где Оскар и его народ со спокойной отрешенностью ждали своего предназначения.

Ракета летела на высоте двухсот тысяч футов, поскольку многочисленные наблюдения и фотографии, сделанные из космоса, показали, что даже самые высокие вершины Гор Вечности не поднимаются над поверхностью планеты выше сорока миль. Облака внизу белели впереди и чернели сзади, потому что корабль как раз входил в сумеречный пояс. С этой высоты можно было даже наблюдать кривизну планеты.

— Как биллиардный шар, только наполовину светлый, а наполовину темный,— сказал Хэм, глядя вниз.— Отныне мы будем держаться только светлой половины.

— Это все из-за спор,— сказала Пат, не обращая на него внимания.— Еще раньше мы знали, что они действуют как наркотик, но не могли предположить, что их действие настолько утонченно и заключается в лишении воли и ослаблении. Народ Оскара — это лотофаги* и цветы лотоса одновременно. Но... в некотором смысле мне жаль их. Эти их мощные, великолепные, бесполезные мозги!— Она помолчала.— Хэм, что помогло тебе понять, в чем дело? Что тебя отрезвило?

— Замечание Оскара, что они служат пищей для трехглазых.

— И что с того?

— А то, что мы израсходовали все наши запасы продовольствия. Это замечание напомнило мне, что я два дня ничего не ел.

---

* Лотофаги — поедатели лотоса, образ, заимствованный из «Одиссеи» Гомера.

Маршалл Кинг

НА БЕРЕГУ

Перни с хохотом и гиканьем бежал через лес, пока не выбился из сил. Тогда он бросился плашмя на голубой мох и издал радостный вопль, наслаждаясь ощущением полной свободы. Этот день принадлежит ему, и он наконец увидит океан.

Отдышавшись, Перни оглянулся. Никаких признаков деревни — он оставил ее далеко позади. Он вырвался из-под надзора братьев и родителей, и теперь ничто не помешает ему добраться до океана. А сейчас настал момент остановить время.

— Замрите! — крикнул он струе ручья и его оранжевым водоворотам. Он украдкой бросил взгляд по сторонам, притворившись, будто боится, как бы его не опередили.

— Ни с места! — приказал он тонкокрылым пчелам, что вились над пышной листвой.

— Остановитесь! — во весь голос скомандовал он летевшим низко над землей плотным фиолетовым облакам, в которых всегда тонули верхушки деревьев, а это наводило на мысль, что на самом деле деревья, вероятно, куда выше, чем кажется.

Перни быстро оценил глазами обстановку. Все произошло в точности, как он предполагал: мутно-оранжевый поток ручья застыл, вода в крошечных водоворотах перестала вращаться; неподалеку от него у цветка пака замерла в воздухе пчела с только что опустившимися после взмаха крылышками. А над ним навис сотканный из клубящихся завитков с сияющими между ними просветами тяжелый покров остановивших свой бег густых фиолетовых облаков.

И вот теперь, когда все вокруг превратилось в живую картину, Перни во весь дух помчался к океану.

«Хоть бы дни были подлинней!»— подумал он. Так много нужно посмотреть, а времени в обрез. Ему казалось, что из всех, кого он знал, лишь один он не видел чудес побережья. Рассказы его братьев и их друзей не давали ему покоя с тех пор, как он себя помнил. Столько раз он слышал эти захватывающие повествования, что сейчас, когда он еще бежал по лесу, ему с такой ясностью представилась эта волшебная страна, точно он уже в ней находился. Там он увидит небольшой холм из окаменелых бревен, на котором можно славно порезвиться, сам океан с волнами выше, чем дом, забавных трехногих трипонов, не переставая жующих водоросли, и множество других удивительных существ, которых можно встретить только на берегу океана.

Он так уверенно, скачками, несся вперед, словно ему принадлежал весь мир. «А разве не так?»— подумал он. Разве сегодня ему не исполнилось пять лет? Перни с жалостью вспомнил о четырехлетних и даже о тех, кому только четыре с половиной года, потому что они совсем еще малыши и никогда не осмелятся потихоньку улизнуть из дома и в одиночку отправиться к океану. Но когда тебе уже полных пять лет!..

— А вас, мисс Пчелка, я освобожу, вот увидите— на деле это докажу.

Если на пути ему попадалось какое-нибудь неподвижно повисшее в воздухе насекомое из тех, что собирают цветочную пыльцу, он старался не задеть его или чем-то еще помешать ему довести до конца прерванные остановкой времени действия. Перни знал, что, как только он вновь приведет время в движение, все сущее тут же возобновит свою деятельность именно с того мгновения, когда она была приостановлена.

Почуяв в воздухе пронзительную свежесть, он понял, что уже близок океан, и пульс его забился чаще от предвкушения скорой встречи. Чтобы не испортить день, который, судя по всему, обещал столько удовольствий, Перни предпочел не вспоминать о том, что ему строго-настрого запретили останавливать время для облегчения путешествий на большие расстояния от дома. Он предпочел не вспоминать о том, какое великое множество раз ему объясняли, что на час остановки времени уходит больше энергии, чем на бег без отдыха в течение недели. Он предпочел не вспоминать общеизвестную истину, что «дети, которые останавливают время в отсутствие взрослых, могут не успеть пожалеть о своем поступке».

Запрятав эти мысли подальше, он представил в своем воображении, какие восторженные похвалы услышит от родных и друзей, когда те узнают о его смелом путешествии.

Путешествие было длинным, а время все еще не двигалось. Перни приостановился, чтобы сорвать несколько плодов с деревьев, росших вдоль тропинки. В этот благословенный день он съест их на завтрак. С плодами под мышкой он пробежал еще несколько шагов и вдруг остановился, как вкопанный.

Он стоял на вершине скалистого бугра, а перед ним простирался могучий океан.

Перни был настолько подавлен величием открывшейся перед ним картины, что вместо радостного «ура!» из его горла вырвался лишь слабый писк. Океан был готов к действию, его застывшие волны ждали команды Перни, чтобы возобновить свое извечное наступление на сушу — подошло время прилива. Вдоль береговой полосы замерли волны прибоя — одни, уже разбившиеся, взметнулись к небу неподвижными столбами белых брызг, другие, свернувшись в гладкие оранжевые завитки, еще только собирались обрушиться на берег.

И со всех сторон, куда бы он ни бросил взгляд, его окружали новые друзья! Над ним висела в воздухе стайка спор, застигнутых остановкой времени в тот момент, когда они плавно, по касательной, опускались на берег. Перни наслушался рассказов

об этих веселых ручных существах. Сегодня, пока его братья в школе, играть с ними будет он один. Чуть подальше, на берегу, двое каких-то двуногих животных, направляясь в его сторону, широко шагнули, да так на ходу и застыли, не успев приземлиться. Позади этих двух на некотором от них расстоянии неподвижно стояло еще восемь таких же существ в смешных позах, точно в тот миг, когда остановилось время, они оживленно жестикулировали. А там, где океан, уже иссякая, тонким слоем воды едва прикрывал песок, стояли уморительные трипоны, те самые трехногие забавники, которые прославились тем, что без передышки жевали водоросли.

— Привет! — крикнул Перни.

Никакого отклика, ничто не изменилось. И тут он вспомнил, что для природы он «мертв»: он все еще отгорожен от мира силовым полем остановки времени и обозревает окружающее как бы изнутри непроницаемой капсулы. Пока он не приведет время в движение, весь мир будет для него живой картиной, ничто не шевельнется, не дрогнет.

— Привет вам! — снова крикнул он, на это раз особо настроившись и сконцентрировав мысли на том, что время должно возобновить свое движение. И оно двинулось! В тот же миг вокруг него все ожило. Он услышал грохот прибоя, ощутил едкую влагу долетевших до него брызг и увидел, как каждый из его новых друзей стал дальше заниматься тем делом, которое он, Перни, приостановил, когда еще был в лесу.

И он знал, что там, в лесу, в этот момент вновь заструился ручеек, понеслись над долиной гонимые ветром фиолетовые облака, а пчелы в том же темпе, что и до остановки времени, замахали своими нежными крылышками и принялись снова собирать цветочную пыльцу. Ручей, облака и насекомые включились в жизнь, не претерпев за период бездействия никаких изменений, и как ни в чем не бывало продолжили свою деятельность. Ведь Перни останавливал время, а не жизненные процессы природы.

Он обежал преграждавшую путь скалу и ринулся вниз с песчаного откоса к трипонам, которые только что для него ожили.

— А я умею стоять на голове!

Он положил на землю свой завтрак и, став на голову, заболтал ногами в воздухе, стремясь удержать равновесие. Он знал, что, наверно, никогда в жизни не стоял на голове хуже, чем сейчас, потому что ослабел и чувствовал легкое головокружение. Остановка времени уже подточила его силы, но он нисколько не пал духом и был по-прежнему счастлив.

Трипон нашел, что Перни блестяще исполнил акробатический этюд. Перестав жевать, он приветственно вильнул задом и тут же вновь принялся за еду.

Перни забегал с места на место, стараясь рассмотреть все сразу, ничего не упустить. Он поискал глазами стайку спор, чтобы с ними поздороваться, но они, мягко спланировав, уже опустились

на берег довольно далеко от него. Тогда он подскочил к одному из двуногих, тому, что был ближе других, и только собрался крикнуть ему «привет!», как вдруг услышал, что эти существа сами издают какие-то звуки.

— ...и теперь, Бенсон, возможности мои безграничны. Эта планета — семнадцатая. Я полноправный владелец семнадцати планет!

— Это надо же! Целых семнадцать планет. А скажите-ка, Форбс, на кой черт они вам сдались? Вы что, намерены развесить их по стенам вашей берлоги в Сан-Диего?

— Привет, давайте во что-нибудь сыграем, а?

В ответ на это предложение существа лишь с недоумением взглянули в сторону Перни и залопотали дальше. Он бросился к тому месту на берегу, где оставил свой завтрак, схватил плоды, бегом вернулся к своим новым друзьям и потащился следом за ними.

— У меня с собой завтрак. Вас угостить?

— Бенсон, скажите своим людям, чтобы они перестали таращиться на пейзаж и принимались за работу. Я вложил капитал в эту экспедицию не для того, чтобы обеспечить вашим прихлебалам отдых на природе.

Животные так внезапно остановились, что Перни чуть не запутался у них в ногах.

— Минуточку, Форбс, не кипятитесь. Послушайте, что я вам скажу. Никто не отрицает, что вы организовали эту экспедицию и взяли на себя все связанные с нею расходы. Меня же вы наняли, чтобы я доставил вас на эту планету, подобрав самый квалифицированный экипаж на Земле. Что я и сделал. Однако моя работа еще не закончена. Я отвечаю за безопасность людей — это пока мы здесь находимся — и за обратный рейс.

— Совершенно верно. Так вот, раз уж на вас такая ответственность, заставьте своих людей работать. Пусть они принесут флаг. Посмотрите-ка вон туда, на тех ублюдков, которые вошли воду и затеяли игру с какой-то трехногой устрицей!

— О господи, да разве ж вы не человек? Ведь мы находимся на этой планете каких-нибудь двадцать минут! Естественно, что им хочется оглядеться. Они были почти уверены, что найдут здесь диких свирепых животных, а на самом деле нас тут встретили причудливые маленькие существа, которые радостно бросаются к нам, словно к родным братьям после долгой разлуки. Прежде чем мы застолбим для вас эту планету, дайте людям одну-две минуты поглазеть вокруг.

— Ба! Тоже мне дети нашлись, черт их дери.

Одно из животных попыталось отшвырнуть ногой неотступно следовавшего за ними Перни, но промахнулось.

— Бенсон, избавьте меня наконец от этого пучеглазого кенгуру!

Новая игра привела Перни в восторг, он радостно взвизгнул и стал на голову. Теперь удалявшиеся от него существа предстали перед ним в перевернутом виде.

Он уже не старался идти рядом с ними. Почему они так

быстро передвигаются? Что их гонит? Он сел на песок и принялся за свой завтрак, но тут к нему, издавая резкие, взволнованные звуки, приблизилось еще трое таких же существ, по всей видимости, догонявших тех двоих, которые ушли вперед. Когда они поравнялись с ним, он протянул им плоды.

— Могу с вами поделиться, хотите?

Никто даже не взглянул в его сторону

Играть было намного интереснее, чем есть. Он прервал завтрак и пошел по берегу туда, где остановились эти существа.

— Капитан Бенсон! Майлс обнаружил, что где-то поблизости мощный источник радиации. Сейчас он пытается определить его точное местонахождение.

— Вот видите, Форбс. Ваша новая недвижимая собственность принесет вам такое несметное богатство, что следующую свою планету вы без всяких хлопот просто купите. Если не ошибаюсь, тогда их у вас будет восемнадцать.

— Эка невидаль — радиация! Мы находили низкосортную радиоактивную руду на каждой открытой мною планете; то же будет и с этой. Сейчас меня интересует флаг. Давайте-ка, Бенсон, его установим. Да заодно подберем подходящий камень и прикрепим к нему доску с моим именем.

— За дело, мальчики. Чем скорее мы установим здесь флаг мистера Форбса и застолбим для него эту планету, тем быстрее освободимся и займемся осмотром окрестностей. Пошевеливайтесь!

Трое отправились назад к остальным, стоявшим группой в отдалении, а двое первых продолжили свой путь. Перни не отставал ни на шаг.

— Вот вам, Бенсон, и материал для основания флагштока, прямо у вас под носом. Взгляните на это нагромождение камней.

— Их нельзя использовать. Это же окаменелые стволы деревьев. Верхние лежат слишком высоко, снести их на берег нам не под силу, а если мы потревожим нижние, все сооружение развалится и бревна обрушатся нам на головы.

— Это уж вам решать. Только запомните одно. Я хочу, чтобы флагшток был сделан на совесть. Он должен простоять по крайней мере...

— Не волнуйтесь, Форбс, ваш памятник мы воздвигнем. Но почему вы придаете такое значение флагу? Чтобы застолбить планету, недостаточно установить на ней флаг. Для этого требуется еще многое другое.

— Да, да. Очень многое. Но я позаботился, чтобы были выполнены все предписанные законом правила. Что же касается флага... Ну, если можно так выразиться, Бенсон, он олицетворяет империю. Империю Форбса. На каждом моем флаге написано слово «ФОРБС», которое является символом прогресса. Коли вам угодно, назовите это сентиментальностью.

— Успокойтесь, не назову. На своем веку я повидал немало флагов, украшающих недвижимую собственность.

— Проклятье! Да перестанете вы наконец считать это погоней за недвижимой собственностью? Я делаю великое дело. Великое! Я открываю для человечества новые земли.

— Разумеется! Однако, если мне не изменяет память, вы разработали свою маленькую хитроумную систему условий, соблюдение которых делает вас владельцем не только планет, но и тех простаков, что покупают на этих планетах земельные участки.

— Черт бы вас побрал! За такие слова с вас следовало бы спустить шкуру. Ведь благодаря таким, как я, вашим космолетам есть куда летать. Ведь именно такие, как я, вкладывают бешеные деньги в подобные рискованные предприятия, давая возможность вашей братии вырваться на волю из стандартных многоквартирных домов. Вам это никогда не приходило в голову?

— Сдается мне, что этак через полгода вы свой капитал утроите.

Они остановились, остановился и Перни. Поначалу ему интересно было вслушиваться в издаваемые ими звуки, но когда эти звуки потеряли для него прелесть новизны, а двуногие существа по-прежнему не обращали на него внимания, он, прыгая рядом с ними, стал беседовать сам с собой, довольный тем, что находится в их обществе.

Позади них послышались новые звуки, и, обернувшись, Перни увидел,что к ним бегут все остальные.

— Капитан Бенсон! Вот флаг, сэр. И Майлс со сцинтиллятором. Он говорит, что, если двигаться в этом направлении, радиация усиливается!

— Какие показатели, Майлс?

— Прибор точно обезумел, капитан. Стрелка вот-вот выскочит за край шкалы.

Перни заметил, что одно из существ со всех сторон обвело его каким-то маленьким ящиком. Благодарный за оказанное ему внимание, он стал на голову.

— А вы так сумеете?

Их реакция привела Перни в восторг — существа стали издавать совершенно удивительные звуки, и он был полностью удовлетворен.

— Назад, капитан! Источник радиации прямо под боком. Эта пичуга создает фон почище атомного реактора.

— Дай-ка взглянуть, Майлс. Ого, будь я проклят! Как, по-твоему, что...

Сейчас все они отступили от Перни, образовав постепенно расширявшийся круг, и ему трудно было судить, хочется ли им, чтобы он повторил свой номер. Тогда он рискнул продемонстрировать новый фокус: постоял на одной ноге.

— Бенсон, я должен заполучить это животное! Посадите его в ящик.

— Опомнитесь, Форбс. Всемирный закон запрещает...

— Эта планета принадлежит мне, и закон тут — мое слово. Посадите его в ящик.

— В присутствии свидетелей — членов моего экипажа — я официально протестую...

— Бог мой, да как не захватить с собой такой образец фауны. Радиоактивные животные! Они же наверняка способны размно-

жаться. И возможно, что этих тварей здесь тысячи, где-нибудь совсем недалеко отсюда. Вспомните о тех идиотах, которые на Земле трясутся над своими атомными реакторами. Ха! Меня осадят толпы вкладчиков, только отбивайся. Что вы теперь скажете, Бенсон,— доходное это дело открывать новые земли или нет?

— Не торопитесь с выводами. Поскольку этот малыш радиоактивен, он представляет большую опасность для здоровья членов экипажа...

— Послушайте! Вы собирались поместить в свинцовый ящик образцы м и н е р а л о в, какая же вам разница? Посадите в этот ящик его.

— Он погибнет.

— По условиям контракта, Бенсон, вы обязаны мне подчиняться! К тому же вы сейчас находитесь в моих владениях. Посадите его в ящик!

Перни почувствовал усталость. Сперва остановка времени, потом вот это. И хотя день принес ему гораздо больше радостных переживаний, чем он надеялся, уже начало сказываться напряжение. Измученный, но счастливый, он улегся на землю в центре круга, ожидая, что теперь его друзья покажут ему какие-нибудь свои фокусы.

Долго ждать ему не пришлось. Окружавшие его существа расступились, и в круг, неся какой-то ящик, вошли еще двое. Перни сел, чтобы лучше видеть представление.

— Черт возьми, капитан, а не взять ли мне его просто так, голыми руками? Похоже, он не собирается дать деру.

— Не стоит рисковать, Кейбот. Хоть ты и в защитном костюме, никто не знает, на что этот малыш способен. Лучше поймай его арканом, это надежнее.

— Готов поклясться, что он понимает, о чем мы говорим. Посмотрите, какие у него глаза.

— Прекратить разговоры, все внимание на веревку.

— Иди сюда, малыш. Давай, живей. Ты же у нас умница!

Эти звуки привели Перни в замешательство. В голосе существа, державшего веревку, он уловил просительные интонации, но не понял, чего от него хотят. Склонив голову набок, он заерзал от нетерпения.

Он увидел быстро разворачивающиеся в воздухе витки веревки и летящую в его сторону петлю аркана, и, прежде чем он осознал, что делает, Перни выскочил из круга и пустился наутек.

Он несказанно удивился своему бегству. Что толкнуло его на этот поступок? Он терялся в догадках. Впервые в жизни он ощутил на мгновение необъяснимую резкую боль, которая тут же вызвала в нем желание как-то себя защитить.

Перни издали наблюдал за двуногими существами, которые столпились вокруг ящика — видно, сейчас их внимание привлекло что-то другое. Он сразу же пожалел, что сбежал, ведь из-за этого он наверняка упустил возможность участвовать в их игре.

— Постойте!— Перни помчался туда, где на песке лежал его недоеденный завтрак, схватил надкушенные плоды и подбежал к стоявшим группой существам.— У меня есть завтрак, хотите угоститься?

Группа распалась. Его друзья разбежались, вновь окружив его со всех сторон, и только сейчас Перни наконец понял, что им хочется загнать его в ящик. Он вошел в азарт и, решив подразнить их, подбежал к свинцовому ящику почти вплотную, а когда ближайший преследователь уже чуть было не втолкнул его в этот ящик, ловко увернулся и отскочил на безопасное расстояние. Тут он услышал оглушительный грохот и почувствовал острую боль в ноге, точно в нее вонзилось горячее жало.

— Вы идиот, Форбс! Уберите свой пистолет!

— Полюбуйтесь, мальчики. Главное — это верный глаз и смекалка. У него ведь только ранена конечность. А теперь хватайте его.

Боль в ноге была пустяком — Перни сразило мучительное смятение. Чем он провинился? И когда он увидел, что к нему опять летит петля аркана, Перни невольно остановил время. Он был достаточно сведущ, чтобы так бездумно не тратить свою энергию, но сейчас сработал рефлекс. Как только он почувствовал боль от неведомого жала, его сознание за какой-то миг перебрало все возможности в поисках выхода из создавшегося положения. Не найдя ничего приемлемого, оно приказало времени остановиться.

И все, что его окружало, вновь превратилось в живую картину. Петля неподвижно повисла над его головой, а веревка, извиваясь в воздухе, тянулась назад к одному из двуногих животных. Перни потащился к застывшим в разных позах существам, жалобно хныча от бессилия что-либо понять.

Проходя мимо одного двуногого, другого, третьего, он вначале старался не смотреть им в глаза, ибо был уверен, что сделал что-то дурное. Потом ему пришло на ум, что, если он на ходу искоса бросит на них взгляд, ему, быть может, удастся по каким-нибудь признакам разгадать их намерения. Он прохромал мимо того, что держал в руке маленький блестящий предмет, из одного конца которого струился дым — сейчас этот дым собрался в неподвижное облачко над головой животного. Он проковылял мимо существа с маленьким ящичком, тем самым, что совсем недавно, когда Перни приближался к нему, издавал шипящие звуки. Но все это ему ничего не объяснило. По дороге к холму Перни повстречал и трипона, который, оправдывая свою репутацию непревзойденного шута, был смешон даже в страхе. Испуганный грохотом, он успел подпрыгнуть фута на четыре еще до остановки времени и сейчас висел в воздухе с торчащими из клюва водорослями, поджав свои три ноги, будто сидел на корточках.

Оставив позади это собрание разнообразных статуй, Перни, раздираемый противоречивыми желаниями, прихрамывая, стал подниматься на холм: его тянуло и уйти отсюда подальше, и остаться. Что за странное место, это побережье! Он недоумевал, почему раньше никто не рассказывал ему такие подробности об обитающих на берегу животных.

Взобравшись на вершину холма, он с глубоким сожалением посмотрел вниз на своих притихших друзей. Как бы ему хотелось

в этот момент быть с ними! Но он уже понял, что их игры не для него. Ему оставалось только привести время в движение и пуститься в далекий путь домой. И хотя короткий день был уже на исходе, он знал, что ему нельзя воспользоваться остановкой времени для облегчения обратного путешествия. Неодолимая усталость и затуманенное сознание были тревожным сигналом, который оповещал о том, что он уже сильно злоупотребил своей способностью останавливать время.

Когда, повинуясь приказу Перни, время потекло дальше, существо, державшее в руке конец веревки, от изумления открыло рот, увидев, что петля упала на песок, а Перни и след простыл.

— Господи, да он... да он удрал!

Тогда существо с дымящимся предметом в руке пробежало несколько шагов до петли и уставилось на нее.

— Эй, вы, что тут происходит? Посадите же его наконец, в этот ящик. И вообще, куда вы его дели?

То, что время возобновило свой ход, ничего не значило для тех, кто находился на берегу, потому что для них оно никогда не останавливалось. Их сознание восприняло только одно — перед ними на песке прыгало какое-то пушистое существо, которое вдруг в мгновение ока исчезло.

— Капитан, он что, невидимка? Где он?

— Взгляните наверх, капитан! Вон на те скалы. Не он ли это?

— Ну и ну, будь я проклят!

— Бенсон, вы мне за это ответите! А сейчас, раз вы так напортачили, я достану его оттуда своим способом.

— Погодите, Форбс, дайте подумать. В этом пушистом бесенке есть нечто такое, о чем нам следовало бы... Форбс! Я ведь предупреждал, чтобы вы не стреляли!

Перни подошел к краю плоской вершины холма, на которой были сложены окаменелые стволы деревьев, чтобы бросить последний взгляд на своих друзей. Когда он ступил на конец одного из бревен, оно под тяжестью его тела сдвинулось с места и заскользило вниз, увлекая за собой остальные. Вначале медленно, потом все быстрей и быстрей гигантские обрубки один за другим покатились вниз с небольшой высоты на прибрежный песок. Перни, объятый ужасом перед этим зрелищем, упал на землю. Душераздирающие вопли находившихся внизу животных довели его до истерики.

Бревна настигли и сбили с ног уже стоявших по щиколотку в воде. Тех, что остались на берегу, они вдавили в песок.

— Я же нечаянно! — закричал Перни.— Простите меня! Неужели вы не слышите?

Терзаясь стыдом, он в панике запрыгал взад-вперед над откосом.

— Встаньте! Ну пожалуйста!

Он с ужасом слушал доносившиеся с берега стоны.

— Вы же намокнете! Пожалуйста, встаньте!

Он задохнулся от гнева и жалости. Как он мог такое натворить? Ему до боли хотелось, чтобы его друзья поднялись на

ноги, отряхнулись и сказали ему, что все в порядке. Но не в его власти было сделать так, чтобы это желание осуществилось.

Оранжевая приливная волна грозила накрыть лежавших в воде у берега.

Сбежав с холма, Перни стал молить их спасаться, пока не поздно. В издаваемых существами звуках он улавливал теперь новые нотки — нотки отчаяния в предчувствии близкой смерти.

— Родс! Кейбот! Вы меня слышите?

— Я не состоянии шевельнуться, капитан. Моя нога, она... О господи, мы же вот-вот утонем!

— Кейбот, оглядись вокруг. Тебе не видно, двигается ли хоть один из нас?

— На берегу людей завалило бревнами, капитан. А все остальные здесь, в воде...

— А Форбс? Ты не видишь Форбса? Может, он...

Эти звуки прервала небольшая волна, которая мягко перекатилась через голову существа.

Перни больше не мог ждать. Одно существо вода уже накрыла, и скоро та же участь постигнет других. Отбросив мысль о неизбежных для себя последствиях, он приказал времени остановиться.

Войдя в застывшие волны прибоя, Перни столкнул бревно с одного из пострадавших, потом вытащил его из воды на песок. Почти ослепнув от застилавших глаза слез, Перни делал свое дело медленно и с большой осторожностью. Он знал, что спешить не к чему — по крайней мере с тем, что касалось безопасности его друзей. В каком бы они сейчас ни были состоянии, ничто не изменится, пока он снова не приведет в движение время. Он глубже погрузился в оранжевую жидкость, направляясь к торчавшей из воды руке, по которой можно было определить местонахождение затонувшего тела. Рука судорожно вцепилась в запутавшееся в бревнах белое полотнище огромного флага. Перни освободил существо и выволок его на берег.

Оказалось, что это то самое животное, у которого был блестящий предмет, выплюнувший дым.

Не обращая внимания на боль в раненой ноге, Перни одного за другим переправил на сушу всех лежавших в полосе прибоя. На берегу он принялся разбирать наваленные в беспорядке бревна, которые обрушились на тех, кто не успел отбежать в сторону. Он снял бревно с коленей одного существа, и оно так и осталось сидеть с застывшим, точно маска, искаженным от ужаса лицом. Когда Перни освободил от тяжелого обрубка другое существо, оно перевернулось, как каменное изваяние, и переменило позу. Окинув взглядом весь этот хаос, Перни заплакал от отчаяния.

Наконец наступил момент, когда все, что было в его силах, он уже сделал; он почувствовал, как его мозг заволакивается туманом.

Инстинкт подсказал ему, что, потеряй он сознание в период остановки времени, оно потечет дальше и все вокруг оживет... но

только не он. Ибо тогда Перни умрет. Если ему не избежать обморока, он должен до этого успеть привести время в движение.

Волоча ноги, он с трудом взбирался по пологому склону невысокого холма, то и дело останавливаясь, чтобы прикинуть, не пора ли, пока не поздно, сдвинуть время с мертвой точки. С каждым шагом все больше слабея, он наконец достиг вершины холма и обернулся, чтобы еще разок взглянуть на оставшихся внизу.

Очень скоро он понял, до какой степени истощены его тело и мозг: когда он приказал времени возобновить движение, оно не повиновалось.

Сердце его упало. Перни не боялся смерти, он знал, что, если умрет, вновь заиграют волны океана. И его друзья займутся своими делами. Но он хотел увидеть собственными глазами, что они в безопасности.

Он попытался прояснить свое сознание, чтобы сконцентрировать мысли на последнем усилии. Перни знал, что время бесполезно подталкивать, оно не набирает скорость постепенно. Время либо двигается, либо стоит. И он должен выбрать что-нибудь одно. Внезапно, до конца не осознав, как и когда это произошло, его мозг дал команду в полную силу...

Его друзья ожили. Тот, который зашевелился первым, лежал на животе и молотил кулаками по песку. У Перни точно камень с души свалился, когда это существо начало издавать звуки.

— Что это? Пусть кто-нибудь скажет, что со мной творится! Может, я свихнулся? Майлс! Чик! Что происходит!?

— Иду, иду, Родс! Помоги нам бог...я ведь тоже это видел. Или мы сошли с ума, или эти проклятые бревна — живые!

— Да я не о бревнах. Я о нас. Как нам удалось выбраться из воды? Майлс, мы с тобой оба спятили.

— А я тебе говорю, что все дело в бревнах или обломках скалы — уж не знаю, как называть эти глыбы. Я смотрел на них в упор. Они лежали на мне, а через долю секунды, глядишь, свалены грудой вон там, на берегу!

— Пошел к черту! Не бревна же вытащили нас из воды? Капитан Бенсон!

— У вас все в порядке, ребята?

— Да, сэр, но...

— Кто из вас видел, как это все произошло?

— Боюсь, что у нас неладно со зрением, капитан. Эти бревна...

— Понятно, понятно. Возьмите себя в руки. Нам нужно собрать остальных и как можно скорей уносить отсюда ноги, не то будет поздно.

— А все-таки что же с нами стряслось, капитан?

— Тебе не кажется, Родс, что я тоже не прочь в этом разобраться? Эти бревна настолько древние, что обратились в камень. Всей нашей команде не поднять и один такой обрубок. Для этого нужна сверхчеловеческая сила.

— Что-то я не заметил тут ничего сверхчеловеческого. Те устрицы только и делают, что жуют водоросли...

— Ладно, хватит об этом. Давайте-ка поможем остальным. Кое-кто из наших ребят не может самостоятельно передвигаться. Кстати, где Форбс?

— Сидит в воде, капитан, и плачет, как малое дитя. Или смеется. Трудно сказать.

— Надо им заняться. Майлс, Чик, за мной! Форбс, вас не ранило?

— Ха-ха-ха! Семнадцать! Семнадцать! Семнадцать планет, Бенсон, и что бы я им ни приказал, они все выполнят! Эта вот соображает будь здоров. Видели, как она забросала нас камнями? Ха-ха!

— Чик, постарайся найти его пистолет. Он либо себя пристрелит, либо кого-нибудь из нас. Свяжи ему руки и отведи на корабль. А мы ненадолго задержимся.

— Ха-ха-ха! Семнадцать! Бенсон, вы несете за это личную ответственность, так и знайте. Хи-хи!

Придя в сознание, Перни открыл глаза. Неужели его друзья уже ушли?

Он с трудом подполз к краю обрыва и залег между камнями, выбрав такое место, чтобы, оставаясь снизу невидимым, самому все видеть. Освещенные двумя лунами-близнецами, его друзья уходили по двое и по трое — слабые помогали ослабевшим до предела. Когда они исчезли за изгибом берега, его уши уловили заглушаемые шумом прибоя голоса двоих, которые, прикрывая отступление, шли позади остальных.

— Может так случиться, капитан, чтобы мы все одновременно сошли с ума?

— Может. Но мы в здравом рассудке.

— Хотел бы я в это верить.

— Видишь там, впереди, Форбса? Что ты о нем думаешь?

— Ему уже никогда не оправиться. Он чокнулся по-настоящему, разве нет?

— Правильно. Так вот, если бы ты свихнулся, ты бы не понимал, в каком Форбс состоянии; ты был бы точь-в-точь таким же. Ему кажется, что весь окружающий его мир сошел с рельсов, а тебе — что с рельсов сошел только ты. Ты в полном порядке, Кейбот, не вешай носа.

— И все-таки мне что-то не верится.

— Скажи-ка, что из всего происшедшего было, по-твоему, самым необычным?

— Вы, верно, шутите, сэр. Само собой, то, как придавившие нас бревна мгновенно перенеслись в другое место...

— Да, конечно. А помимо этого?

— Как-то мне было ни до чего, сэр. Страх забрал, и очень уж я растерялся.

— А не заметил ли ты нашего маленького пучеглазого приятеля?

— Так вы о нем... Боюсь, что нет, капитан. Понимаете, я... я тогда думал больше о себе.

— Хм. Если б только я был уверен, что видел его. Если б нашелся среди нас хоть один человек, который его тоже видел...

— Прошу прощения, сэр, я не совсем вас понимаю.

— Черт побери, неужели ты не помнишь, что Форбс подстрелил его. Ранил его в ногу. Почему же при таких обстоятельствах этот пушистый бесенок мог вернуться к своим мучителям — к нам, когда нас завалило бревнами?

— Мне кажется, раз мы тогда как бы попали в ловушку, он сообразил, что нас нечего бояться... Извините, это, конечно, чушь. Видно, голова у меня еще плоховато варит.

— Ладно, забудем об этом. Ты сейчас пойдешь на корабль и подготовишь его к взлету. Я задержусь на несколько минут. Вернусь и еще раз все осмотрю. Понял? Хочу убедиться, что мы там никого не оставили.

— В этом нет нужды, капитан. Все они идут впереди нас. Я проверил.

— За это отвечаю я, Кейбот, а не ты. Отправляйся.

Перни лежал, набирая силы для долгого путешествия домой. Вдруг его тускнеющие глаза увидели, как одно из двуногих существ возвращается по берегу назад. Когда оно почти поравнялось с холмом, Перни услышал, что оно издает такие теперь знакомые ему звуки.

— Где ты?

Перни почти не обратил внимание на заигрывание своего приятеля: все равно ведь не поймешь, чего он хочет. Он попробовал представить себе, что ему скажут дома, когда он вернется.

— Мы совершили ужасную ошибку. Мы...

Звуки то почти стихали, то становились громче: существо медленно поворачивалось, и голос его уносился в разных направлениях. Перни видел, как оно подошло к груде сваленных бревен, осмотрело ее со всех сторон и даже попыталось под нее заглянуть.

— Если ты ранен, мне бы хотелось помочь тебе!

Сейчас луны-близнецы стояли высоко над горизонтом, и, когда их сияние пробивалось в просветы между клубами облаков, стоявшая на берегу фигура отбрасывала две тени. Уже мало что сознавая, Перни видел, как существо медленно покачало головой и зашагало в ту сторону, куда ушли остальные.

Слепнущими глазами Перни смотрел на раскинувшийся перед ним простор океана. Берег опустел, и взгляд Перни был прикован к слабо мерцавшему в темноте белому квадрату, который покачивался на волнах. На нем — и это последнее, что Перни увидел в жизни, — было, как герб, выписано слово «ФОРБС».

СОДЕРЖАНИЕ

Рэй Брэдбери. КУКОЛКА. 3
Джеймс Блиш. ПОВЕРХНОСТНОЕ НАТЯЖЕНИЕ. 21
Дин Маклафлин. БРАТЬЯ ПО РАЗУМУ. 71
Роджер Желязны. КЛЮЧИ К ДЕКАБРЮ. 117
Джон Кэмпбелл. «КТО ТЫ?» 135
Дж. Вильямс. ХИЩНИК 154
Пол Эш. ДЛИННЫЙ МЕЧ. 163
Ф.Л.Уоллес. ЗВЕРУШКА БОУЛДЕНА. 198
Дж.Шмиц. СБАЛАНСИРОВАННАЯ ЭКОЛОГИЯ. 213
Дж.Шмиц. ДЕДУШКА. 226
А.Балаж. ВСТРЕЧА. 246
Георг Оливер Смит. КОСМИЧЕСКАЯ ЧУМА. 249
Бен Бова. ВЕТРЫ АЛЬТАИРА. 395
Лестер Дель Рей. КРЫЛЬЯ НОЧИ. 468
Стенли Вейнбаум ПЛАНЕТА-ПАРАЗИТ. 483
Стенли Вейнбаум. ЛОТОФАГИ. 507
Маршалл Кинг. НА БЕРЕГУ 530

Зарубежная фантастика
ВЫПУСК 28

Сборник
фантастических произведений

КОСМИЧЕСКАЯ ЧУМА

Ответственный за выпуск *В.П. Кирчев*

Дата в печать 26.04.93. Уч.-изд. л. 42,33 Усл.печ.л. 28,56
Тираж 52.000 Заказ 177
Издательство «ЭЯ», г. Кишинев
Издательско-полиграфическая фирма «Центральная типография»
277068, г. Кишинев, ул. Флорилор, 1.
Департамент Республики Молдова по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.

Издательство «ЭЯ»
выпустит в свет в 1994 году следующие книги

Серия
«ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА»

А. НОРТОН
«Колдовской мир» выпуск 11/3

Г.ГАРРИСОН
«Крыса из нержавеющей стали» выпуск 14/2

Р. ЖЕЛЯЗНЫ
«Девять принцев Амбера» выпуск 15/3

Э. Ф. РАССЕЛ
«Против неизвестного устройства» выпуск 21

СБОРНИК
«Космическая чума» выпуск 28

М. Лейнстер
«Туннель времени» выпуск 29

Р. Э. ГОВАРД
«Конан-Варвар» выпуск 30

А. СПРИНГЕР в 2 томах
«Апокалипсис» выпуск 32
«Серебряное солнце» выпуск 33

Серия
«Авантюрно-исторический роман»

Г. БОРН
тома 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14 (I квартал 1994 г.)

По вопросам мелкооптовых закупок обращаться:
г. Кишинев, 277012, а/я 148.